

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Георгий Жуков

Б. В. Соколов

Триумфы
и падения

АСТ
ПРЕСС

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Георгий Жуков. Триумфы и падения

Б.В.Соколов

Георгий Жуков

Триумфы и падения

**АСТ
ПРЕСС**

Москва
«АСТ-ПРЕСС КНИГА»
2003

УДК 947
ББК 63.3(2)6-8
С59

Соколов Борис Вадимович — доктор филологических наук и кандидат исторических наук. Б. В. Соколов является профессором кафедры социальной антропологии Московского государственного социального университета. Он автор более 20 книг. Кроме того, им написаны 500 научных статей, которые публиковались не только на русском, но и на французском, английском, немецком, итальянском, португальском, польском и болгарском языках. Статьи и рецензии Б. В. Соколова, посвященные истории и литературе, публикуются в периодических изданиях.

Редактор
Г. Голубкова

Дизайн серии, обложка
Т. Кудрявцева

Макет вклейки
Е. Урусов

Художественный редактор
З. Бутяев

На титуле: Г. К. Жуков. На фронте немцы
называли его «Красный Наполеон»

ISBN 5-7805-1107-1

© ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2003

Халхин-Гол. 1939

Г. К. Жуков. 1940

Ельнинская операция — первая наступательная операция советских войск с начала войны. 1941

Г. К. Жуков. 1941

Политический митинг на вокзале при передаче армии санитарного поезда, построенного на пожертвования. Москва, 1942

Женщины — руководители партизанских отрядов

Армейский блиндаж

Группа партизан в Пинских болотах (Западная Белоруссия)

Г. К. Жуков. Победа советских войск
под Москвой. 1941

В освобожденном Киеве.
1943

Генералы и маршалы командующие фронта в последний период войны, 1944–1945 г. Слева направо: маршал Конев, маршал Толбухин, маршал Василевский, маршал Малиновский, маршал Жуков, маршал Говоров, маршал Рокоссовский, генерал Еременко, маршал Мерецков, генерал Баграмян

Вступление советских
войск в столицу
Румынии Бухарест.
Август 1944

Малинин, Жуков,
Соколовский.
Берлин, 1945

Г. К. Жуков подписывает акт
о капитуляции Германии.
7 мая 1945

Сталин и Жуков
на трибуне Мавзолея

Жуков принимает
Парад Победы

Г. К. Жуков

Георгий Константинович Жуков родился 19 ноября/ 1 декабря 1896 года в деревне Стрелковка (Стрелковщина) Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Предание гласит, что при Петре I сюда переселили сотни крепостных мастеров с уральских заводов. Местные жители называли их «стрелковщиной», потому что мастера отливали пушки на Угодском Заводе (ныне город Жуков) и испытывали их на стрельбище вблизи большой деревни Огуби, расположенной в 5 километрах от завода. Селились мастера там же, на ее окраине. Постепенно их поселение заняло две трети Огуби и стало самостоятельной деревней, так и названной — Стрелковщина.

Происхождение Георгия Константиновича остается тайной. Его отец, Константин Жуков, был подкидышем, которого усыновила крестьянская вдова Анна Жукова в Москве в начале 50-х годов XIX века.

Вот что писал о своей родословной в мемуарах сам маршал: «Дом в деревне Стрелковке... стоял посредине деревни. Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна.

Отец и мать не знали, кем и когда был построен наш дом. Из рассказов старожиллов было известно, что в нем когда-то жила бездетная вдова Аннушка Жукова. Чтобы скрасить свое одиночество, она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трех месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: «Сына моего зовите Константином». Что заста-

вило бедную женщину бросить ребенка на крыльцо приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжелого положения».

В метрической записи 1892 года о браке родителей Георгия Константиновича возраст Константина Артемьевича Жукова определен в 41 год, следовательно, он должен был родиться в 1851 году. На памятнике, который Георгий Константинович поставил на отцовской могиле, написано, что Константин Артемьевич Жуков «умер 28 марта 1921 года на 77-м году жизни». А это уже свидетельствует о другой дате рождения отца маршала — 1844 год. Калужский краевед А. И. Ульянов считает ее более достоверной, хотя не исключает и 1843 год. В записи о регистрации первого брака Константина Артемьевича указана еще одна дата его рождения — 1841 год. Видимо, истина нам никогда не откроется.

Константин Жуков даже настоящего отчества не имел. Правда, в записях метрической книги в связи с двумя браками и рождением детей он именуется Константином Артемьевичем. Но в честь кого было дано отчество, неизвестно.

Существует множество легенд об этническом происхождении знаменитого полководца. Младшая дочь Георгия Константиновича Мария утверждает: «По описанию, у Константина Артемьевича были тонкие черты лица, выдававшие человека некрестьянской породы». Но в жизни граф порой выглядит как простой сапожник, а сапожник, если его причесать и одеть в мундир или смокинг, нередко смотрится настоящим графом. Иногда говорят, что неизвестные дед и бабушка Георгия Константиновича были греками. А по другой версии, у Георгия Константиновича были татарские корни. Но все экзотические предположения о происхождении Георгия Константиновича — это не более чем красивые легенды.

Недолго прожила Анна Жукова с приемным сыном. Она умерла, когда Константину исполнилось всего восемь лет. Земля в Стрелковщине рожала плохо: на песчаных почвах крестьянским трудом не прокормиться. И Константин пошел в ученики к сапожнику в село Угодский Завод (волостной центр). Через три года, освоив ремесло, он отправился

в Москву, где поступил в сапожную мастерскую немца Вейса, имевшего магазин модельной обуви.

Устинья Артемьевна Жукова, мать нашего героя, была родом из деревни Черная Грязь, соседней со Стрелковщиной. В 80-е годы XX века калужский историк-краевед А. И. Ульянов обнаружил метрические записи, касающиеся родителей маршала. В метрической книге Никольской церкви села Угодский Завод в качестве родителей рожденного 19 ноября и крещенного 20 ноября 1896 года младенца Георгия были указаны «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания». Обряд крещения произвел священник отец Василий Всесвятский. Он же четыремя годами раньше, 27 сентября 1892 года, венчал Константина и Устинью. Как свидетельствует запись в церковной метрической книге, Устинья Артемьевна родилась 26 сентября 1863 года в деревне Черная Грязь, в 6 километрах от Стрелковки. Она была старшим ребенком в семье крестьян Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Во второй половине 80-х годов супруги и их дети приняли фамилию Пилихины, однако Устинья этой фамилии никогда не носила. Когда мать будущего полководца вышла за Константина Жукова, ей только что исполнилось 29 лет и она была моложе своего супруга почти на 20 лет.

И Устинья, и Константин вступали в брак второй раз. Впервые Константин Жуков женился 19 апреля 1870 года, взяв в жены «крестьянскую дочь Анну Иванову». Иванова — ее отчество, 18-летняя Анна из Стрелковки была бесфамильной. В 1874 году она родила мужу сына Григория, а в самом начале 1884 года — второго сына, Василия, который через два года умер. А 16 апреля 1892 года чахотка унесла Анну Ивановну. Константин Артемьевич остался вдовцом, но уже через пять месяцев женился на Устинье Артемьевне.

Устинья до второго замужества фамилии не имела. 7 января 1885 года она сочеталась браком с Фаддеем Стефановичем из села Турбина Спасской волости. Муж был младше жены на три года и тоже бесфамильный. 18 марта 1886 года у них родился сын Иван, а через четыре года — Фаддей, который, прожив на свете всего 23 года, умер от чахотки. Чтобы прокормить ребенка, Устинья подалась в прислуги к зажиточ-

ным крестьянам из соседних деревень: убирала их дома, помогала по хозяйству. В автобиографии Георгий Константинович писал, что мать до того, как вышла замуж за отца, «батрачила». Но батрачить Устинье приходилось не только на огороде, но и в постели. 30 декабря 1890 года в селе Запажье она родила внебрачного сына Георгия, запись об отце которого в метрической книге отсутствует.

Можно предположить, что отец старшего Георгия был жителем Запажья и какую-то помощь матери своего ребенка все же оказывал. Устинья продолжала жить в этом селе вплоть до кончины младенца. Уже через год, 2 января 1892 года, его отпели в запажской церкви как умершего от «сухотки». Сухотка спинного мозга — это последняя стадия сифилиса, которым, очевидно, в наследственной или благоприобретенной форме страдал отец ребенка.

С репутацией вдовы, родившей вне брака, не стоило искать жениха в родной деревне. И выбирать особо не пришлось: жених оказался не первой молодости и крепко выпивал, что можно было пережить. И хорошо, что сапожник подолгу в Москве пропадал: видимо, слухи о легкомысленном поведении невесты не успели дойти до его ушей.

20 марта 1894 года у Жуковых родилась дочь Мария, а сын Алеша появился на свет 11 марта 1899 года, когда будущему маршалу исполнилось два года. Алеша, однако, прожил недолго — полтора года. От рождения он был очень слабым — сказался возраст родителей: Устинье под сорок, Константину под шестьдесят. Мать горько плакала и говорила: «А от чего же ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?» Но сама не имела возможности присмотреть за Алешей.

Как и многие крестьяне в ту пору, Устинья поздней осенью и зимой, когда не надо было трудиться в поле, отправлялась на заработки в город. Она возила торговцам бакалейные товары из уездного Малоярославца в Угодский Завод. За поездку зарабатывала не больше рубля двадцати копеек. Жуков вспоминал: «Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее

или брал за хвост и одним рывком сажал на круп» (непонятно, правда, зачем дедушка издевался над бедным животным).

Через несколько месяцев после рождения Алеши мать вновь поехала на заработки, хотя, как признает Жуков, «соседи отговаривали ее, советовали побереечь мальчика, который был еще очень слаб и нуждался в материнском молоке. Но угроза голода всей семье заставила мать уехать, и Алеша остался на наше попечение (т. е. на попечение двух детей пяти и семи лет. — Б. С.)... Осенью его похоронили на кладбище в Угодском Заводе. Мы с сестрой, не говоря уже об отце с матерью, очень горевали об Алеше и часто ходили к нему на могилку». Здесь Георгий Константинович немного сдвинул хронологию событий. В действительности несчастный Алеша умер не в первую свою осень, а во вторую. Он скончался 18 августа 1900 года, в неурожайное, голодное время. Ранее, в апреле того же года, Константин Жуков в числе других нуждающихся получил овес из общинных запасов.

Жили Жуковы трудно. Особенно тяжелыми выдалась осень и зима 1902 года. Тогда от ветхости обвалилась крыша дома. Пришлось перебираться в сарай и срочно, еще до холодов, покупать новый сруб. Константину, можно сказать, повезло: занял у односельчан денег и сумел купить по сходной цене в рассрочку сруб. Пусть плохонький, но все-таки: соседи помогли к ноябрю поставить дом и покрыть его соломой. Георгий Константинович вспоминал: «Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была... традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде».

Егор Жуков впервые занялся крестьянским трудом, когда ему не исполнилось еще и семи лет. Вместе со взрослыми ворошил граблями сено и сгребал его в копны. Ловил рыбу (в голодные времена рыбалка становилась важным подспорьем). Жал рожь. Во время жатвы будущий полководец получил первое в своей жизни ранение. Егор случайно резанул серпом по мизинцу левой руки.

По признанию Георгия Константиновича, отец сильно пил: «...Как-то отец был в хорошем настроении и взял меня

с собой в трактир пить чай... Мужчины и молодежь любили собираться в трактире, где можно было поговорить о новостях, сыграть в лото, карты и выпить по какому-либо поводу, а то и без всякого повода... Когда... отцу удавалось неплохо заработать на шитье сапог, он обычно возвращался из Угодского Завода подвыпившим».

Первое время Константин присылал жене из Москвы два-три рубля в месяц — для захолустной деревни деньги немалые. Однако вскоре переводы сократились до одного рубля, да и приходили не каждый месяц. Георгий Константинович вспоминал: «Соседи говорили, что не только наш отец, но и другие рабочие в Москве стали плохо зарабатывать. Помню, в конце 1904 года отец приехал в деревню. Мы с сестрой очень обрадовались и все ждали, когда он нам даст московские гостинцы. Но отец сказал, что ничего на сей раз привезти не смог. Он приехал прямо из больницы, где пролежал после операции аппендицита двадцать дней, и даже на билет взял займы у товарищей». В 1906 году отец вернулся из Москвы уже навсегда. Сыну Георгию сообщил, что «полиция запретила ему жительство в городе, разрешив проживание только в родной деревне». По словам маршала, эта кара постигла отца за участие в рабочей демонстрации.

Мемуары Жукова отличаются изрядной занимательностью и для непрофессионального литератора написаны очень неплохо. Однако в плане соответствия фактам «Воспоминания и размышления» во многих случаях не выдерживают критики. И не только потому, что десятилетия спустя память часто подводила маршала относительно дат и деталей событий. Порой Георгий Константинович сознательно подправлял «в свою пользу» и родословную, и боевой путь. В этом он не оригинален. В большей или меньшей мере подобное мы находим почти во всех мемуарах, независимо от того, какой профессии или звания были их авторы.

Вот и случай с рабочей демонстрацией, из-за которой будто бы выслали из Москвы Константина Жукова, выглядит подозрительно. С чего вдруг пожилой мастер-сапожник (в 1906 году ему было далеко за шестьдесят) пойдет вместе с пролетариями на демонстрацию против царя? Его дело — заказы повыгоднее искать да выполнять их получше и побы-

стрее. Оттого что в стране будет конституция, сапоги люди чаще шить не станут. К тому же, как установил А. И. Ульянов, в списках жителей Малоярославецкого уезда, высланных из Москвы на родину по политическим причинам, Константина Артемьевича Жукова нет.

Дело, наверное, было в другом. Состарился Константин, тяжело ему стало поспевать за ритмом столичной жизни. Работать с прежней скоростью и сноровкой уже не мог. Заказчиков стало меньше, заработков перестало хватать на более дорогую московскую жизнь. Вот и подался в родную деревню. В единственной сохранившейся автобиографии, написанной в июне 1938 года, Георгий Константинович ничего не говорит о высылке отца из столицы. Он написал о родителе только, что тот «30—35 лет работал в Москве, под старость работал в крестьянском хозяйстве до 1921 года (года смерти Константина Жукова). И ни слова об участии в мифической демонстрации.

Но маршалу нужно было сделать свою родословную как можно более «пролетарской» и «революционной». Ведь мемуары он писал после унижительного смещения с поста министра обороны и вывода из руководства КПСС. Вот и появилась какая-то мифическая демонстрация, чтобы представить отца жертвой политических преследований со стороны царских властей. Поместил же опальный маршал в мемуарах совершенно фантастический пассаж о том, будто в революцию 1905 года в Богом забытой Стрелковщине крестьяне «слышали и о Ленине — выразителе интересов рабочих и крестьян, вожде партии большевиков, партии, которая хочет добиться освобождения трудового народа от царя, помещиков и капиталистов».

По воспоминаниям Георгия Константиновича, отец имел тяжелую руку: «...Бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня, терпел, но прощения не просил. Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обна-

ружила в моем убежище соседка и привела домой. Отец еще мне добавил, но потом пожалел и простил».

Трудно точно сказать, как именно повлияли перенесенные в детстве побои на характер Жукова. Можно только предположить, что с тех пор у будущего маршала сложилось мнение, что унижить человека — совсем не грех. Раз он когда-то терпел, то пусть и другие терпят. И позднее подчиненным, да и просто попавшим под дурное настроение людям с более низким воинским званием неоднократно приходилось испытывать на себе тяжесть маршальских кулаков.

В тот год, когда отец вернулся из Москвы, Георгий окончил 3-летнюю церковно-приходскую школу. Он с гордостью вспоминал: «Учился во всех классах на отлично и получил похвальный лист. В семье все были довольны моими успехами, да и я был рад. По случаю успешного окончания школы мать подарила мне новую рубаху, а отец сам сшил сапоги.

— Ну вот, теперь ты грамотный, — сказал отец, — можно будет везти тебя в Москву учиться ремеслу.

— Пусть поживет в деревне еще годик, а потом отвезем в город, — заметила мать. — Пускай подрастет немножко...»

Вопреки тому, что писал Георгий Константинович в анкетах и автобиографиях, Жуковы не были бедняками, а, как и большинство жителей Стрелковки, числились середняками. Хотя по меркам, скажем, западноевропейских стран и даже более богатых земледельческих регионов Российской империи, вроде области Войска Донского, Кубани или юга Украины, их жизнь считалась скудной.

Средняком считался, в частности, тот, кто не имел недоимок по уплате налогов. В январе 1896 года перед уходом в Москву на заработки Константин Жуков полностью заплатил все налоги за предыдущий год в размере 17 рублей 3 копейки. И это тогда, когда недоимки числились почти за половиной жителей деревни. Впервые же недоимка за отцом Георгия Константиновича образовалась только в 1901 году, когда он платил за два тягла — свое и взрослого сына Григория, переселившегося в Москву.

Причиной ухудшения положения Жуковых, как и других стрелковских крестьян, был экономический кризис, разразившийся на рубеже веков. Неурожаи 1899–1900 годов не иг-

рали главной роли: земля в Калужской губернии рожала плохо, так что и в урожайные годы прокормиться с надела не было никакой возможности. Главный доход приносили отхожие промыслы. Например, за 1898 год сапожники-отходники из Стрелковки, к числу которых принадлежал и Константин Артемьевич, заработали в среднем 90 рублей, столько же, сколько и кузнецы, уступив в этом отношении только слесарям. Таких денег тогда вполне хватало для относительно безбедной жизни. Ведь летом того же 1898 года в Угодском Заводе пуд мяса стоил 4 рубля 40 копеек, пуд муки — 2 рубля 50 копеек, яйца — по 2 рубля десятком, а ведро вина — 5 рублей 60 копеек. Однако экономический кризис резко уменьшил спрос на многие услуги, в том числе и кузнецов, сапожников и слесарей. Зарботков стало не хватать. К тому же часть денег у Жуковых ушла на постройку нового дома взамен обвалившегося. И дело дошло до того, что Георгия и его сестру Марию соседи вынуждены были подкармливать щами и кашей.

После того как отец окончательно осел в Стрелковщине, его единственными заказчиками стали такие же небогатые, как и он, односельчане. Жуков вспоминал: «Мать часто ездила в город за грузом, а отец с раннего утра до поздней ночи сапожничал. Зарботок его был исключительно мал, так как односельчане из-за нужды редко могли с ним расплатиться. Мать часто ругала отца за то, что он так мало брал за работу».

Несмотря на пристрастие к «зеленому змию», Константин Артемьевич Жуков пользовался уважением среди односельчан. Его не раз избирали представителем Стрелковки на волостной сход и ходатаем по общественным делам. Эти должности отнимали довольно много времени, а жалованья за них не полагалось. Вот когда в конце 1902 года Константина избрали полицейским десятским, низшим полицейским служащим, то за эту должность пусть скромное, но все же платили жалованье. Кстати, в протоколе об избрании десятским был указан и возраст Жукова — 58 лет, что тоже указывает на 1844 год рождения.

Когда Егору исполнилось одиннадцать лет, родители решили, что для сына настала пора ехать в город и самостоятельно зарабатывать на жизнь. И Жуков отправился в Москву. О том, как это произошло, Георгий Константинович оставил запоминающийся рассказ в своих мемуарах: «Отец

спросил, какое ремесло думаю изучить. Я ответил, что хочу в типографию. Отец сказал, что у нас нет знакомых, которые могли бы помочь определить меня в типографию. И мать решила, что она будет просить своего брата Михаила взять меня в скорняжную мастерскую. Отец согласился, поскольку скорняки хорошо зарабатывали. Я же был готов на любую работу, лишь бы быть полезным семье.

В июле 1908 года в соседнюю деревню Черная Грязь приехал брат моей матери Михаил Артемьевич Пилихин. О нем стоит сказать несколько слов. Михаил Пилихин, как и моя мать, рос в бедности. Одиннадцати лет его отдали в ученье в скорняжную мастерскую. Через четыре с половиной года он стал мастером. Михаил был очень бережлив и сумел за несколько лет скопить деньги и открыть свое небольшое дело. Он стал хорошим мастером-меховщиком и приобрел много богатых заказчиков, которых обирал немилосердно.

Пилихин постепенно расширял мастерскую, довел число рабочих-скорняков до восьми человек и, кроме того, постоянно держал еще четырех мальчиков-учеников. Как тех, так и других эксплуатировал беспощадно. Так он сколотил капитал примерно в пятьдесят тысяч рублей».

Здесь мне хочется прервать Жукова для короткого комментария. Мышление у маршала, когда он работал над «Воспоминаниями и размышлениями», было вполне советским. Георгий Константинович, похоже, верил, что его дядя исключительно по природной жадности дерет втридорога со своих заказчиков-богатеев, тогда как отец исключительно по причине добросердечия брал очень мало со своих односельчан. На самом деле Михаил Пилихин мог брать со своих клиентов, зажиточных москвичей, ровно столько, сколько они готовы были заплатить с учетом качества работы и скорости исполнения заказа. Если бы мастер заломил втридорога, у него никто не стал бы шить шубы, — ведь хороших скорняков в Москве и без Пилихина хватало. Точно так же сапожник Константин Жуков не мог требовать с нищих, по городским меркам, крестьян больше, чем они могли заплатить. Иначе они продолжали бы ходить в рваных сапогах или перешли бы на лапти.

Георгий Константинович стремился представить родного дядю эксплуататором-кровососом и показать читателям, что

ничего общего с братом матери никогда не имел и расположением богатого родственника не пользовался. Жуков так описал свое знакомство с Михаилом Александровичем Пилихиным: «Вот этого своего брата мать и упросила взять меня в ученье. Она сходила к нему в Черную Грязь, где он проводил лето, и, вернувшись, сказала, что брат велел привести меня к нему познакомиться. Отец спросил, какие условия предложил Пилихин.

— Известно какие, четыре с половиной года мальчиком, а потом буду мастером.

— Ну что ж, делать нечего, надо вести Егорку к Михаилу.

Через два дня мы с отцом пошли в деревню Черная Грязь. Подходя к дому Пилихиных, отец сказал:

— Смотри, вон сидит на крыльце твой будущий хозяин. Когда подойдешь, поклонись и скажи: «Здравствуйте, Михаил Артемьевич».

— Нет, я скажу: «Здравствуйте, дядя Миша!» — возразил я.

— Ты забудь, что он тебе доводится дядей. Он твой будущий хозяин, а богатые хозяева не любят бедных родственников. Это ты заруби себе на носу.

Подойдя к крыльцу, на котором, развалившись в плетеном кресле, сидел дядя Миша, отец поздоровался и подтолкнул меня вперед. Не ответив на приветствие, не подав руки отцу, Пилихин повернулся ко мне. Я поклонился и сказал:

— Здравствуйте, Михаил Артемьевич!

— Ну, здравствуй, молодец. Что, скорняком хочешь быть? Я промолчал.

— Ну что ж, дело скорняжное хорошее, но трудное.

— Он трудностей не должен бояться, к труду привычен с малых лет, — сказал отец.

— Грамоте обучен?

Отец показал мой похвальный лист.

— Молодец! — сказал дядя, а затем, повернув голову к дверям, крикнул: — Эй, вы, оболтусы, идите сюда!

Из комнаты вышли его сыновья Александр и Николай, хорошо одетые и упитанные ребята, а затем и сама хозяйка.

— Вот, смотрите, башибузуки, как надо учиться, — сказал дядя, показывая им мой похвальный лист, — а вы все на тройках катаетесь.

Обратившись, наконец, к отцу, он сказал:

— Ну что ж, пожалуй, я возьму к себе в ученье твоего сына. Парень он крепкий и, кажется, неглупый. Я здесь проживу несколько дней. Потом поеду в Москву, но с собой его взять не смогу. Через неделю едет брат жены Сергей, вот он и привезет его ко мне.

На том мы и расстались. Я был очень рад, что поживу в деревне еще неделю.

— Ну, как вас встретил мой братец? — спросила мать.

— Известно, как нашего брата встречают хозяева.

— А чайком не угостил?

— Он даже не предложил нам сесть с дороги, — ответил отец. — Он сидел, а мы стояли, как солдаты. — И зло добавил: — Нужен нам его чай, мы с сынком сейчас пойдем в трактир и выпьем за свой трудовой пятак».

В общем, все ясно. Богатый шурин свысока, с каким-то хамским снисхождением, второпях разговаривает с бедными зятем и племянником. Даже сесть и выпить стакан чаю с дороги им не предлагает. Дает понять, что уже тем облагодетельствовал живущих в нищете родственников, что взял к себе одиннадцатилетнего Егорку, избавил семью от лишнего рта, да еще и доходному ремеслу его обучит. Словом, показал Михаил Артемьевич свою мироедскую сущность.

И жилось Жукову у Пилихиных, если верить «Воспоминаниям и размышлениям», ох как несладко! Хозяин нещадно эксплуатировал племянника, бил и даже чуть было не сорвал его учебу на общеобразовательных курсах. Георгий Константинович утверждал: «Минув год. Я довольно успешно освоил начальный курс скорняжного дела, хотя оно далось мне не без труда. За малейшую оплошность хозяин бил нас немилосердно. А рука у него была тяжелая. Били нас мастера, били мастерицы, не отставала от них и хозяйка. Когда хозяин был не в духе — лучше не попадайся ему на глаза. Он мог и без всякого повода отлупить так, что целый день в ушах звенело.

Иногда хозяин заставлял двух провинившихся мальчиков бить друг друга жимолостью (кустарник, прутьями которого выбивали меха), приговаривая при этом: «Лупи крепче, крепче!» Приходилось безропотно терпеть.

Мы знали, что везде хозяева бьют учеников — таков был закон, таков порядок. Хозяин считал, что ученики отданы в полное его распоряжение и никто никогда с него не спросит за побои, за нечеловеческое отношение к малолетним. Да никто и не интересовался, как мы работаем, как питаемся, в каких условиях живем. Самым высшим для нас судьей был хозяин. Так мы и тянули тяжелое ярмо, которое и не каждому взрослому было под силу».

Веселенькая картина, нечего сказать! И написано хорошо, чем-то напоминает «Детство» Горького, а хозяин Пилихин — деда Каширина. «Буревестнику» надо было всячески замаскировать свое купеческое происхождение, вот он и заставил своего автобиографического героя постоянно враждовать с дедом-эксплуататором. Рассказ Жукова тоже многих убедил. Я бы сам, быть может, ему поверил, не попадись мне на глаза воспоминания сына Михаила Артемьевича Пилихина Михаила Михайловича, двоюродного брата Жукова, одного из наиболее близких маршалу людей. Пилихин-младший рисует совсем другую картину жизни в скорняжной мастерской отца и историю их взаимоотношений с Жуковым: «Детство Егора Жукова проходило в деревне Стрелковке. Когда наша семья приезжала из Москвы в деревню Черная Грязь на каникулы, тетка Устинья — мать Егора привозила его к нам в деревню Черная Грязь.

В нашей семье всегда было весело. Время проводили на реке Протве. Ловили рыбу и тут же на костре ее жарили и с большим аппетитом ели. Гуляли в лесу, собирали землянику, которой в нашей местности было очень много. Вечером собирались играть в лапту с мячом.

Егору было 9—10 лет. Мой старший брат Александр учил нас с Егором плавать. Сперва около берега, а потом, как только немного научились, он сажал нас в лодку и на середине реки неожиданно выталкивал нас. Мы с большим трудом добивались до берега. Так повторялось несколько раз, пока не научились плавать самостоятельно. В 1957 году мне пришлось отдыхать в Крыму вместе с Георгием Константиновичем. Он заплывал в открытое море далеко от берега. На мой вопрос: «Ты не боишься так далеко заплывать?» — Георгий улыбнулся и сказал: «А ты помнишь, как хорошо научил нас плавать

Александр в деревне на реке Протве?» — «Помню, разве можно забыть те далекие годы, которые приносили нам радость».

Мы крепко дружили и уважали Егора. Когда он собирался домой в свою деревню, мы все провожали его до самого дома, а иногда и жили у тетки Устиньи по два-три дня. Тогда мы повторяли свои увлечения, только на реке Огублянке: ловили рыбу, купались, загорали и играли на прекрасных травянистых, усыпанных цветами прибрежных полянах реки».

Сцена разговора отца и сына Жуковых с Михаилом Артемьевичем Пилихиным, так ярко написанная в мемуарах маршала, придумана с начала и до конца. Ведь на самом деле Пилихины и Жуковы были до этого хорошо знакомы и маленький Егор регулярно гостил у дяди в летние месяцы. И полвека спустя очень тепло вспоминал о тех днях. Не могло такого быть, чтобы Пилихин не угостил родственников чаем. Хотя, возможно, недолюбливал своего зятя, так и не сумевшего из-за пристрастия к «зеленому змию» стать зажиточным хозяином. Сам-то Михаил Артемьевич, несмотря на изначальную бедность и отсутствие образования, сумел выбиться в люди. Вот что писал о нем младший сын: «Михаил Пилихин, мой отец, был малограмотным. По причине бедности ему удалось проучиться в начальной школе всего один год (потому так восхищался он Егором, окончившим целых три класса, да еще и с похвальным листом. — *Б. С.*). Одиннадцати лет его отправили в Москву пешком по старой Калужской дороге. Денег на проезд по чугунке (так тогда называли железную дорогу) не было, а заработать их в деревне не представлялось возможным. В то время в Москве жил односельчанин, с которым поддерживались дружеские отношения. Он работал скорняком в меховой фирме Михайлова, куда и устроил Михаила Пилихина учиться скорняжному искусству на четыре года. Меховой магазин и мастерская находились на улице Кузнецкий мост, 5. Михаил Пилихин отлично окончил четырехлетнюю учебу на мастера-скорняка. Стал хорошим мастером, хозяин лучшей фирмы в Москве Михайлов оставил его в своей мастерской исполнять дорогостоящие заказы. Пилихин имел приличный заработок, скопил денег: решил родителям построить новый дом в деревне, так как старый дом разрушался».

А вот что запомнил Пилихин-младший о работе Жукова в скорняжной мастерской: «Мать Егора Жукова в 1908 году... отправила его в Москву к моему отцу... в учение меховому искусству на четыре года. В это время мой отец с семьей проживал в Камергерском переулке, где он снимал квартиру, в которой находилась скорняжная мастерская. Имел трех мастеров и трех мальчиков-учеников. В этот год осенью привезли к дяде учиться скорняжному искусству и Егора Жукова.

В конце 1908 года дом был назначен на ремонт. Отец снял квартиру в Брюсовском переулке. В мастерской Пилихина работы все прибавлялось. Крупные меховые фирмы и знаменитые мастерские женского верхнего платья Ламановой, Винницкой, другие мастерские давали много заказов. Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10—15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и все убрать.

К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили все к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопроизводительными работниками.

Егор Жуков очень усердно изучал скорняжное искусство и был всегда обязательным и исполнительным. После двух лет работы в мастерской дядя взял его в магазин, он и там проявил себя исполнительным и аккуратным. Егор с большим любопытством ко всему присматривался и изучал, как надо обслуживать покупателей, там служил и старший брат Александр, который Егору помогал все это освоить. А я работал младшим учеником. В 1911 году, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали называть Георгий Константинович».

Вряд ли стоит сомневаться в жуковской исполнительности и аккуратности. А раз так, то не должно было быть у хозяйина и других мастеров поводов лишний раз наказывать при-

лежного ученика. Да и эксплуатация, если разобраться, в пилихинской мастерской не была столь уж чудовищной. Георгий Константинович писал в мемуарах: «Работать мастера начинали ровно в семь часов утра и кончали в семь вечера с часовым перерывом на обед. Следовательно, рабочий день длился одиннадцать часов, а когда случалось много работы, мастера задерживались до десяти — одиннадцати часов вечера. В этом случае рабочий день доходил до пятнадцати часов в сутки. За сверхурочные часы они получали сдельную плату.

Мальчики-ученики всегда вставали в шесть утра. Быстро умывшись, мы готовили рабочие места и все, что нужно было мастерам для работы. Ложились спать в одиннадцать вечера, все убрав и подготовив к завтрашнему дню. Спали тут же, в мастерской, на полу, а когда было очень холодно — на полатах в прихожей с черного хода».

Жуков, однако, забыл упомянуть, что мастера на работе не только обедали, но еще и завтракали, и ужинали, а это по меньшей мере еще час, что уменьшало фактическое время работы до десяти часов. Кроме того, надо принять во внимание сезонность скорняжного ремесла. Все мастера (но не ученики) имели рождественские каникулы в 20—25 дней, а также возвращались в деревню в мае — июне, чтобы помочь родным по хозяйству.

Конечно, ученикам приходилось труднее, чем мастерам. Ведь они еще готовили и убрали рабочие места. Но Жуков, похоже, довольно скоро занял в мастерской относительно привилегированное положение. Уже через два года его, как и старшего сына хозяина, перевели на более чистую и менее тяжелую работу в магазин, и готовить рабочее место для своего мастера Егору больше не приходилось.

Маршал отмечает в мемуарах: «Я уже три года проработал в мастерской и перешел в разряд старших мальчиков. Теперь и у меня в подчинении было три мальчика-ученика. Хорошо знал Москву, так как чаще других приходилось разносить заказы в разные концы города». Михаил Михайлович Пилихин в том же 1911 году был взят отцом в мастерскую учеником на общих основаниях, без всяких поблажек. Он вспоминал: «Георгий был иногда довольно требователен и подчас не терпел

возражений... Георгий Жуков взял надо мной шефство, знакомил меня с обязанностями, в основном убирать помещения, ходить в лавочку за продуктами, ставить к обеду самовар. А иногда мы с Георгием упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по железной дороге. Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи и убегал, так как он мог наподдать мне еще (Георгий был на три года старше Михаила. — Б. С.). За меня заступался мой старший брат Александр, он был одноклассник с Георгием. А в основном жили очень дружно, нас величали «троицей».

Михаил Михайлович Пилихин опровергает миф о каком-то неравноправии «бедного родственника» Жукова по сравнению с хозяйскими детьми: «Егор спал на полатах с братом Александром, ел вместе со всеми за одним столом, и доставалось нам всем от отца одинаково». О том же свидетельствует и дочь М. А. Пилихина Анна: «Егор жил в Москве в нашей семье. Отец наш был строг со всеми, но о Жукове отзывался с уважением: «Боевой, головастый парень». И называл Егор хозяина, как помнится Анне Михайловне, не «Михаилом Артемьевичем», а просто «дядей Мишей».

Особое доверие хозяина к новому старшему мальчику выразилось в том, что хозяин взял Георгия с собой на Нижегородскую ярмарку, крупнейшую в России. Жуков вспоминал, что там М. А. Пилихин «снял себе лавку для оптовой торговли мехами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал еще жаднее». В обязанности физически крепкого ученика входила упаковка проданного товара и его отправка по назначению от пристаней на Оке и Волге или по железной дороге. Георгий был полон новых впечатлений. «Впервые я увидел Волгу, — писал он в своей книге, — и был поражен ее величием и красотой — до этого я не знал рек шире и полноводнее Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и вся волна искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на нее и не мог оторвать восхищенного взгляда. «Теперь понятно, — подумал я, — почему о Волге песни поют и матушкой ее величают».

Михаил Пилихин описывает, как отец водил их с Георгием в церковь: «В воскресные дни отец брал нас в Кремль, в Успенский собор. Он всегда проходил к алтарю, где находился синодальный хор, который состоял почти исключительно из мальчиков. Отец очень любил слушать пение этого хора. Нас он оставлял у выхода из собора, так как мы, малыши, не могли пройти сквозь толпу к алтарю. Отец уходил к алтарю, уходили и мы из собора, бродили по Кремлю. А когда в конце службы звонили в колокол к молитве «Отче наш», мы быстро возвращались к входу в собор и все вместе шли домой. Синодальным хором дирижировал Николай Семенович Голованов, впоследствии главный дирижер Большого театра. Мой отец с Н. С. Головановым и его женой Антониной Васильевной Неждановой, знаменитой певицей, был хорошо знаком, и, когда мой отец умер в декабре 1922 года, Н. С. Голованов с синодальным хором принял участие в похоронах».

М. М. Пилихин не упоминает ни о религиозности Жукова, ни о своей. Думаю, тогда особой тяги к церкви у мальчиков не было. Скучно. Куда веселее гонять в футбол с самодельным мячом из старой шапки, набитой бумагой. Вот Михаил Артемьевич в Бога крепко верил.

Уже после смерти Жукова его младшая дочь Мария писала архимандриту Кириллу (Павлову), в прошлом — ветерану Сталинграда, по поводу слухов, что Георгий Константинович в начале 60-х посетил Троице-Сергиеву лавру и заказал там панихиду по погибшим воинам. Архимандрит Кирилл ответил так: «Я не могу ничего об этом сказать определенно, не слышал, потому что о таких вещах тогда не разглашали, могли знать только начальствующие — заместники, а они, к сожалению, уже отошли ко Господу. Я слышал, что в лавру приезжал маршал Василевский Александр Михайлович, он останавливался в гостинице, причащался.

А о Георгии Константиновиче я слышал от настоятеля храма Новодевичьего монастыря, что на Большой Пироговке, протоиерея отца Николая Никольского, что маршал Жуков приходил в их храм и однажды он дал отцу Николаю деньги на поминовение, а отец Николай спросил его, а кого поминать. Георгий Константинович сказал — всех усопших воинов. Это

достоверно, потому что рассказывал маститый, пожилой протоиерей отец Николай, которого сейчас нет в живых.

А вот и другое свидетельство о верующей душе Жукова Георгия Константиновича, протоиерея отца Анатолия, фамилии его сейчас не помню.

Он служил в соборе г. Ижевска. Этот отец Анатолий, тоже уже пожилой протоиерей, ему уже тогда было около 80 лет. Он к нам приезжал в лавру, обедал вместе с братиею, и однажды при разговоре он поведал нам, что во время войны был в звании генерал-майора, а когда война кончилась, он ушел в отставку, а затем принял сан и служил клириком Ижевского собора.

«Во время войны, — говорил отец Анатолий, — я как генерал встречался с маршалом Жуковым, беседовал с ним, и однажды во время беседы я его спросил, верует ли он в Бога. Жуков мне ответил, — говорит отец Анатолий, — я верю в силу Всемогущую, в разум Премудрейший, сотворивший такую красоту и гармонию природы, и преклоняюсь перед этим». А отец Анатолий, а тогда генерал-майор, и говорит Жукову Г. К.: «А вот это-то, что вы признаете, и есть Бог». То, что в душе своей Георгий Константинович чувствовал Бога, это бесспорно. Другое дело, что он, может быть, не мог это свое чувство выразить словами, потому что вера в Бога в то время была в поношении, в загоне, и ему, как высокопоставленному начальнику, нужно было соблюдать осторожность, так как тогда кругом торжествовали атеизм и безбожие. Читая его мемуары и статьи, чувствуется, что душа его христианская; во-первых, читается легко и с большим нравственным назиданием для своей души воспринимается. Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни.

Прежде всего, он был крещен, учился в церковно-приходской школе, где Закон Божий преподавался, посещал службы храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье — все это не могло не напечатлеть в душе его христианских истин. И это видно по плодам его жизни и поведения. Его порядочность, человечность, общительность, трезвость, чистота жизни возвысили его, и Промысел Божий избрал его быть спасителем России в тяжелую годи-

ну испытаний. Недаром Георгия Константиновича все русские люди любят как своего национального героя и ставят его в один ряд с такими прославленными полководцами, как Суворов и Кутузов».

Ну, не так уж удивительно, что какое-то религиозное чувство сохранилось у друга и свата Жукова маршала Василевского, который был сыном православного священника. Правда, вера в Бога не помешала Александру Михайловичу поступить совсем не по-христиански — ради карьеры в Красной армии отречься от родного отца. Георгию Константиновичу на такие жертвы идти не пришлось — родители были небогатыми крестьянами. Вот только об их особой религиозности никаких сведений нет — ни в «Воспоминаниях и размышлениях», ни в мемуарах родных и близких, ни в памяти односельчан. Наоборот, последние свидетельствовали, что Константин и Устинья Жуковы в церковь не ходили даже по праздникам и к религии были равнодушны.

А по поводу того, что «все русские люди» любят Жукова как национального героя и полководца, равного Суворову и Кутузову, отец Кирилл определенно заблуждался. Как среди ветеранов Великой Отечественной, так и среди их детей и внуков мнения о «маршале Победы» разнятся: от «спасителя Отечества» до «губителя солдатских жизней». И вряд ли эти суждения когда-нибудь будут единодушными.

И насчет того, что будто бы присущая Георгию Константиновичу религиозная вера наглядно отразилась в его делах, можно поспорить. Мы еще не раз убедимся, что один из основных христианских принципов: поступать с другими так же, как ты сам бы хотел, чтобы другие поступали с тобой, — был Жукову абсолютно чужд. Он искренне верил, что избран Богом или Премудрейшим разумом для великой миссии, и критерии в отношении поступков большинства людей к его собственным делам неприменимы. Но сомнительно, что он верил в свою «богоизбранность» в те дни, когда шил шубы в скорняжной мастерской в Москве и разносил их по богатым заказчикам. Тогда, вероятно, пределом мечтаний для юного Егора было выбиться в мастера, а если повезет и удастся скопить денег, то открыть собственное дело.

Пытался ли Жуков продолжать свое общее образование в бытность в мастерской у дяди и проявился ли у него уже тогда интерес к военному искусству и личностям великих полководцев? Сам Георгий Константинович в мемуарах на этот вопрос отвечает так: «Мне исполнилось тринадцать лет, и я уже многому научился в мастерской. Несмотря на большую загруженность, все же находил возможность читать. Я всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя Сергея Николаевича Ремезова, привившего мне страсть к книгам. Учиться мне помогал старший сын хозяина, Александр. Мы с ним были одногодки, и он относился ко мне лучше других (получается, что и хозяин, и его жена, добрейшая Ольга Гавриловна, и двоюродный брат Михаил, с которым коротал последние годы жизни, — все относились к бедному Георгию хуже некуда! — Б. С.).

Поначалу с его помощью я прочитал роман «Медицинская сестра», увлекательные истории о Нате Пинкертоне, «Записки о Шерлоке Холмсе» Конан Дойля и ряд приключенческих книжек, изданных в серии дешевой библиотечки. Это было интересно, но не очень-то поучительно, а я хотел учиться серьезно. Но как? Я поделился с Александром. Он одобрил мои намерения и сказал, что будет помогать.

Мы взялись за дальнейшее изучение русского языка, математики, географии и чтение научно-популярных книг. Занимались обычно вдвоем, главным образом, когда не было дома хозяина и по воскресеньям. Но как мы ни прятались от хозяина, он все же узнал о наших занятиях. Я думал, что он меня выгонит или крепко накажет. Однако против ожидания, он похвалил нас за разумное дело.

Так больше года я довольно успешно занимался самостоятельно и поступил на вечерние общеобразовательные курсы, которые давали образование в объеме городского училища.

В мастерской мною были довольны, доволен был и хозяин, хотя нет-нет да и давал мне пинка или затрещину. Вначале он не хотел отпускать меня вечерами на курсы, но потом его уговорили сыновья, и он согласился. Я был очень рад. Правда, уроки приходилось готовить ночью на полатях, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей.

За месяц до выпускных экзаменов, как-то в воскресенье, когда хозяин ушел к приятелям, мы сели играть в карты.

Играли, как помнится, в двадцать одно. Не заметили, как вернулся хозяин и вошел в кухню. Я держал банк, мне везло. Вдруг кто-то дал мне здоровую оплеуху. Я оглянулся и — о, ужас — хозяин! Ошеломленный, я не мог произнести ни слова. Ребята бросились врассыпную.

Ах, вот для чего тебе нужна грамота! Очки считать? С этого дня никуда больше не пойдешь и чтоб Сашка не смел с тобой заниматься!

Через несколько дней я зашел на курсы, которые помещались на Тверской улице, и рассказал о случившемся. Учиться мне оставалось всего лишь месяц с небольшим. Надо мной посмеялись и разрешили сдавать экзамены. Экзамены за полный курс городского училища я выдержал успешно».

Волшебная сказка братьев Grimm, да и только! Ловкий ученик проводит злого хозяина, который, по законам жанра, сначала препятствует нашему герою совершить доброе дело — окончить полный курс городского училища, затем как будто уступает уговорам сыновей, но в самый последний момент создает перед учеником, казалось бы, непреодолимое препятствие. Однако ученик в финале благополучно перехитрил мастера и своей цели добился!

Хоть и сказочный сюжет, но, скажем прямо, вполне возможный в реальной жизни. Тем более что и М. М. Пилихин очень похоже рассказывает о том же: «Брата моего Александра Георгий любил и уважал. Александр был для него примером и учителем, он занимался с Георгием по части образования, давал ему книги, вместе читали про Шерлока Холмса, Ника Картера, которые учили молодежь настойчивости, умению выходить победителем из сложных ситуаций, храбрости, что, возможно, и пригодилось Георгию Жукову в жизни, а может, и в военном искусстве.

Александр учил Георгия и немецкому языку, он хорошо говорил по-немецки. Читал ему книги разных писателей. Рассказывал, что хорошо и что плохо, давал Георгию литературу, которая требовалась для его образования. Они спали вместе на полатах и там вели беседы...

В воскресные дни мы играли во дворе в футбол, мячом служила нам старая шапка, набитая бумагой. Играли в городки,

в бабки, в лапту с мячом. В те времена игры эти были в большом почете. В ненастные дни, когда отца не было дома, мы играли в прятки или в футбол в проходной комнате, «воротами» служили нам двери. Мы так возились, что соседи с первого этажа приходили с жалобами, у них с потолка сыпалась штукатурка. В дальнейшем нам навсегда были запрещены игры в комнате. Мы тогда стали собираться на кухне и начали играть в карты — в «21» (очко). Играли на старые пуговицы, мы собирали их во дворе, их выкидывал сосед — военный портной. В один прекрасный день играли в карты с таким азартом, что и не слышали, как вошел в кухню отец.

Отец собрал карты и уничтожил их, а игроки разбежались кто куда. Отец, конечно, знал, что карты до добра не доведут, он всячески старался отучить ребят от всего плохого в жизни...

В 1912 году Георгий окончил учебу, и дядя Михайл дал ему в виде наградных небольшую сумму денег и, как положено после окончания учебы, костюм-тройку, пальто демисезонное, пальто зимнее на меху с каракулевым воротником, обувь и белье. Полагался месячный отпуск. Георгий поехал к родителям в деревню. Провел там месяц, отдохнул и, вернувшись в Москву, продолжал работать с окладом 25 рублей в месяц. Брат Александр тоже получал 25 рублей. Георгий, имея жалованье, стал с Александром ходить в театры, кино, по концертам и устроился на общеобразовательные курсы, которые окончил с отличием».

В этих воспоминаниях столько достоверных подробностей, вроде игры мальчишек в прятки и в футбол в комнате к вящему неудовольствию соседей снизу, что я готов был поверить, что Георгий Жуков действительно окончил общеобразовательные курсы: не то в 1911 году, по упоминанию в его собственных мемуарах, не то в 1912-м, что следует из воспоминаний М. М. Пилихина. Но тут на глаза мне попала жуковская автобиография 1938 года. А там черным по белому написано: «Образование низшее. Учился 3 года до 1907 г. в церковно-приходской школе в дер. Величково Угодско-Заводского района Московской области и 5 месяцев учился на вечерних курсах при городской школе в Москве, Газетном переулке. Не было средств учиться дальше — отдали учиться скорняжному делу. За 4-й класс город-

ского училища сдал (экзамены. — Б. С.) экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст. Старожилово Р. У. Ж. Д. в 1920 г. ».

В 1938 году занижать свой образовательный уровень Георгию Константиновичу было совсем не с руки. Значит, он не окончил 4-й класс городского училища, а экзамены действительно сдал экстерном, но не через месяц после вынужденного перерыва, а двенадцать лет спустя при поступлении на кавалерийские курсы. Сам Георгий Константинович, заполняя личный листок по учету кадров в 1948 году, в связи с назначением на должность командующего Уральским военным округом, в графе «образование» указал, что в 4-й класс городской школы поступил в 1907 году, а окончил в 1908-м (а не в 1911-м, как написал в мемуарах). Здесь Жуков не стал уточнять, что экзамены за 4-й класс сдал только в 1920 году.

Хозяин, несомненно, имел свои виды на толкового племянника. Возможно, думал со временем сделать из него приказчика или даже компаньона. И вряд ли когда-нибудь мы точно узнаем, почему Жуков оставил школу. То ли ему стало трудно совмещать ее с работой в мастерской, что отразилось на успеваемости, то ли решил, что важнее освоить ремесло, которое даст верный кусок хлеба, а история с географией подождут.

Вот круг чтения будущего маршала сомнений не вызывает. И он сам, и его двоюродный брат на первое место ставят Ната Пинкертона и Артура Конан Дойля. Создается впечатление, что Георгий тогда еще не читал никакой военной литературы, даже лубочных биографий Суворова и Кутузова, не говоря уж о любимой книжке Павки Корчагина — романе Раффаэлло Джованьоли «Спартак». И вряд ли думал, что станет полководцем.

Трудные годы ученичества подходили к концу. Летом 1912 года Георгий приехал в отпуск в деревню, впервые за четыре года встретился с родителями. Односельчанам он запомнился бойким и веселым парнем, «грозой девок». Рассказывали о столкновении Егора из-за приглянувшейся ему Мани Мельниковой с почтарем Филей. Филе не понравилось, что Жуков танцует с Маней. Он выхватил револьвер, который почтальону полагался по роду службы, и пригро-

зил: «Еще раз станцуешь с Маней, убью!» Егор ловко вырвал у соперника револьвер, забросил оружие в кусты и как ни в чем не бывало продолжал танцевать с Маней. Фили же и след простыл. Позднее Георгий Константинович вспоминал: «Я, когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки!»

Но ни одна Маня Мельникова в ту пору тревожила жуковское сердце. Не меньшую страсть питал будущий маршал и к Нюре Синельщиковой, которой несколько десятилетий спустя подарил «Воспоминания и размышления», надписав: «А. В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память». Когда Анна Синельщикова все же вышла замуж за другого, Жуков, узнав об этом, приехал в деревню и не своим голосом закричал: «Нюрка, что ты сделала?!» Родне еле удалось успокоить Егора и убедить его не делать глупостей. Как мы видим, еще в юности проявилась жуковская гордыня. Всю жизнь для маршала было невыносимо знать, что его предпочли кому-то другому, будь то в делах любви или войны.

Накануне его отъезда в Москву в соседней деревне Костинке случился большой пожар. Жители Стрелковки пришли на помощь. При тушении пожара Георгий едва не погиб. Вот как он описал этот случай в мемуарах: «Пробегая с ведром воды мимо одного дома, я услышал крик: «Спасите, горим!» Бросился в тот дом, откуда раздавались крики, и вытащил испуганных до смерти детей и больную старуху...

Наутро я обнаружил две прожженные дырки, каждую величиной с пятак, на моем новом пиджаке — подарке хозяина перед отпуском (таков был обычай).

— Ну, хозяин тебя не похвалит, — сказала мать.

— Что ж, — ответил я, — пусть он рассудит, что важнее: пиджак или ребята, которых удалось спасти...

Уезжал я с тяжелым сердцем. Особенно тягостно было смотреть на пожарище, где копались несчастные люди. Бедняги искали, не уцелело ли чего. Я сочувствовал их горю, так как сам знал, что значит остаться без крова. В Москву приехал рано утром.

Поздоровавшись с хозяином, рассказал о пожаре в деревне и показал прожженный пиджак. К моему удивлению, он даже не выругал меня, и я был благодарен ему за это.

Потом оказалось, что мне просто повезло. Накануне хозяин очень выгодно продал партию мехов и на этом крепко заработал.

— Если бы не это, — сказал Федор Иванович (Колесов, мастер-старик, по определению Жукова, «самый справедливый, опытный и авторитетный из всех мастеров». — Б. С.), — быть тебе выдранному, как сидоровой козе».

Опять перед нами талантливо написанный рассказ, не выдерживающий, однако, критики даже с точки зрения просто-го здравого смысла. Получается, что хозяин — сущий дьявол, готовый высечь ученика за пару дырок, прожженных при спасении детей из горящего дома, и отказывающийся от экзекуции только потому, что после удачной сделки пребывал в чрезвычайно благостном расположении духа. И с чего бы ему пороть Егора, нет, извините, не Егора, а Георгия Константиновича, его ведь, по утверждению двоюродного брата, с пятнадцати лет так величали. Пороть за то, что прожег подаренный, т. е. уже, выходит, свой собственный, пиджак? Ну, высказать сожаление, что хорошая вещь испорчена, Михаил Артемьевич, конечно, мог. Но не более. Ведь он сам, когда мог, заботился о ближних. Его сын рассказывает: «В 1912 году мать Георгия заболела и приехала в Москву к брату. Отец пригласил врачей, которые, осмотрев больную, рекомендовали немедленно положить в больницу, где ей сделали сложную операцию. Когда мать Георгия вышла из больницы, она пробыла у брата около месяца, поправилась, отдохнула и стала просить брата отправить ее домой. Отец попросил Георгия проводить мать в деревню. Он с большой радостью поехал провожать мать домой в Стрелковку и прожил в деревне несколько дней, повидался с товарищами и родными и вернулся в Москву к дяде Мише».

Получается, по воспоминаниям М. М. Пилихина, что в 1912 году Жуков ездил домой дважды: первый раз летом, сопровождая мать, а второй раз — после завершения учебы, на Рождество, причем пожар произошел во время первого отпуска. Но сам Георгий Константинович о болезни матери ничего не пишет, чтобы не разрушать созданный в мемуарах образ хозяина — демонического злодея. Ведь мало кто из читателей поверит, что человек в одно и то же время будет забо-

титься о больной сестре, не жалея ни времени, ни денег, и грозить ее сыну, своему племяннику, побоями за дырку в пиджаке.

Как же складывалась судьба Жукова после того, как он стал мастером? Если верить мемуарам маршала, то Михаил Артемьевич вновь постарался его использовать: «В конце 1912 года мое ученичество кончилось. Я стал молодым мастером (подмастерьем). Хозяин спросил, как я думаю дальше жить: останусь ли на квартире при мастерской или пойду на частную квартиру?»

— Если останешься при мастерской и будешь по-прежнему есть на кухне с мальчиками, то зарплата тебе будет десять рублей; если пойдешь на частную квартиру, тогда будешь получать восемнадцать рублей.

Жизненного опыта у меня было маловато, и я сказал, что буду жить при мастерской. Видимо, хозяина это вполне устраивало, так как по окончании работы мастеров для меня всегда находилась какая-либо срочная неоплачиваемая работа.

Прошло немного времени, и я решил: «Нет, так не пойдет. Уйду на частную квартиру, а вечерами лучше читать буду».

Замечу, что одна деталь здесь сразу вызывает подозрение: несколькими страницами раньше Георгий Константинович пишет, что за сверхурочную работу шла дополнительная плата. Из его слов выходит, что хозяин именно ему ничего за такую работу не платил. К тому же М. М. Пилихин свидетельствует, что сразу после окончания учения зарплата у Жукова была не десять, и не восемнадцать, а целых двадцать пять рублей в месяц — такая же, как и у старшего сына хозяина Александра, одногодка Георгия. Во времена, когда маршал писал свои мемуары, было неудобно сознаваться, что «при царском режиме» можно было хорошо зарабатывать. Вот и решил Георгий Константинович пофантазировать, да еще и подчеркнуть свою страсть к чтению. В стремлении всячески выделить собственную персону он сам себе до смешного противоречит. Потому что буквально на следующей странице мемуарист сообщает читателям: «Хозяин доверял мне, видимо убедившись в моей честности. Он часто посылал меня в банк получать по чекам или вносить деньги на его текущий счет. Ценил он меня и как безот-

казного работника и часто брал в свой магазин, где, кроме скорняжной работы, мне поручалась упаковка грузов и отправка их по почте». За сверхурочные недоплачивал, однако доверял крупные денежные суммы и дорогой товар без всякого опасения, что Георгий попытается взять то, что плохо лежит, и таким образом компенсировать свою переработку. Чудеса, да и только!

Большие перемены в жизнь Жукова внесла начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война. Георгий Константинович свидетельствовал: «Начало Первой мировой войны запомнилось мне погромом иностранных магазинов в Москве. Агентами охранки и черносотенцами под прикрытием патриотических лозунгов был организован погром немецких и австрийских фирм. В это были вовлечены многие, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как эти люди не могли прочесть вывески на иностранных языках, то заодно громили и другие иностранные фирмы — французские, английские».

М. М. Пилихин вспоминал: «Осенью 1914 года Александр ушел тайно от родителей добровольцем защищать свою Родину. Москва уже была переполнена ранеными и калеками. Приглашал Александр и Георгия, но он почему-то отказался. Александр с фронта прислал письмо, где он писал: «Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия». Его на фронте тяжело ранило, и он был эвакуирован в госпиталь в Москву. Из госпиталя Александра выписали инвалидом, он вернулся домой к отцу в ноябре 1917 года. Потом уехал в деревню Черная Грязь проведать маму, которая с дочками занималась крестьянским хозяйством. Александр пробыл в деревне до февраля 1918 года и записался добровольцем в Красную армию. Защищая революцию от белогвардейщины, погиб в боях под Царицыном».

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» несколько иначе оценивает патриотический порыв своего двоюродного брата: «Под влиянием пропаганды многие молодые люди, особенно из числа зажиточных, охваченные патриотическими чувствами, уходили добровольцами на войну. Александр Пилихин тоже решил бежать на фронт и все время уговаривал меня.

Вначале мне понравилось его предложение, но все же я решил посоветоваться с Федором Ивановичем — самым авторитетным для меня человеком. Выслушав меня, он сказал: «Мне

понятно желание Александра, у него отец богатый, ему есть за что воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голуду пухнет?... Вернешься калекой — никому не будешь нужен».

Эти слова меня убедили, и я сказал Саше, что на войну не пойду. Обругав меня, он вечером бежал из дому на фронт, а через два месяца его привезли в Москву тяжело раненным.

В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном Ряду, против теперешней гостиницы «Москва». Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Малышевой. Дочь ее Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчеты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведен досрочный призыв молодежи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, еще не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь.

Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на «лихачах», в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане «Яр». Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию.

Мой хозяин, ценивший меня по работе, сказал: «Если хочешь, я устрою так, что тебя оставят на год по болезни и, может быть, оставят по чистой». Я ответил, что вполне здоров и могу идти на фронт. «Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша?» Я сказал, что по своему долгу обязан защищать Родину. На этом разговор был закончен и больше не возникал.

В конце июля 1915 года был объявлен досрочный призыв в армию молодежи моего года рождения. Я отпросился у хозяина съездить в деревню попрощаться с родителями, а заодно и помочь им с уборкой урожая».

Александр Пилихин будто бы шел защищать отцовские капиталы. Правда, отец, как ни странно, этому благородному порыву сына всячески препятствует, и Саше приходится бежать на фронт тайно от родителей. А погиб он, собственно говоря, «за дело рабочих и крестьян» в рядах Красной армии.

И второй сын богатея Пилихина, Михаил, воевал на стороне красных, а не белых, как, казалось, должна была подсказать логика защиты отцовского капитала. А потом благополучно служил шофером в НКВД. Да и капиталов-то, в сущности, к 17-му году у жуковского дяди уже не было. Как вспоминает Михаил Михайлович, в 1916 году отец ликвидировал свое предприятие. То ли конъюнктура военного времени была неблагоприятна, то ли Пилихин-старший гениально предвидел, что скоро начнут «экспроприировать экспроприаторов», и поспешил избавиться от мастерской. Так или иначе, Михаил Артемьевич благополучно перенес все бури революции и Гражданской войны и умер в своей постели. А останься он «буржуем», глядишь, не миновал бы его красный террор.

Думаю, что Георгий отказался вместе с Александром идти добровольцем в армию не по высоким идейным соображениям, а потому что, как и большая часть населения всех вступивших в войну государств, полагал: она долго не продлится. И не зачем бросать прибыльную работу. Тем более что Георгий собирался жениться. Но шкурником он не был. Когда война затянулась и пришел черед призываться, Жуков не стал уклоняться от общей участи.

Глава 2

За веру, царя и Отечество!

Жуков в Первой мировой войне

В Малоярославце 7 августа 1915 года Георгия Константиновича Жукова призвали в армию. Его определили в 5-й запасной кавалерийский полк. Но сначала будущие кавалеристы обучались пешему строю в составе 189-го запасного пехотного батальона в Калуге. Жуков вспоминал: «Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн «Боже, царя храни!». Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке...

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам.

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как «за Богом молитва, а за царем служба не пропадут».

До отправления в 5-й запасной кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира еще пару раз, и, кажется, он оба раза был навеселе. Что касается командира 189-го запасного батальона, то мы его за все время нашего обучения так и не увидели».

Тут сказалась общая болезнь русской армии, в которой между офицерами и солдатами лежала сословная пропасть. Офицеры редко появлялись в своих ротах, всю заботу об обучении солдат передоверив унтер-офицерам и фельдфебелям. А те, в свою очередь, измывались над солдатами как хотели. Да и офицер вроде Володина, если появлялся в роте, раздавал зуботычины направо и налево, и рядовым, и унтерам.

В сентябре 1915 года Жукова и его товарищей отправили в 5-й запасной кавалерийский полк, располагавшийся в городе Балаклее Харьковской губернии. Новоприбывших разместили на близлежащей станции Савинцы, где готовились маршевые пополнения для 10-й кавалерийской дивизии. Жукова и других призывников из Калужской губернии определили в драгунский эскадрон.

Драгуны предназначались для действий как в конном, так и в пешем строю и были своего рода «ездящей пехотой». Впрочем, пулеметы, скорострельные орудия и сплошные линии окопов, прикрытые многими рядами колючей проволоки, давно уже заставили кавалерию всех воюющих сторон спешиться. Конные атаки стали большой редкостью. Но драгун в первую очередь учили кавалерийским премудростям. Это было сложнее, но и интереснее, чем обучение бойца-пехотинца. Георгий Константинович вспоминал: «Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в шесть часов, как в пехоте, а в пять, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя».

Весной 1916 года из числа наиболее подготовленных отобрали 30 человек для дальнейшей подготовки на унтер-офицеров. В их число попал и Жуков. Учебная команда располагалась в городе Изюме Харьковской губернии.

Писателю Константину Симонову в середине 60-х Жуков говорил: «Я иногда задумываюсь над тем, почему именно так, а не иначе сложился мой жизненный путь на войне и вообще в жизни. В сущности, я мог бы оказаться в царское вре-

мя в школе прапорщиков. Я окончил в Брюсовском (бывшем Газетном) переулке четырехклассное училище, которое по тем временам давало достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков.

Когда я, девятнадцатилетним парнем, пошел на войну солдатом, я с таким же успехом мог пойти и в школу прапорщиков. Но мне этого не захотелось. Я не написал о своем образовании, сообщил только, что кончил два класса церковно-приходской школы, и меня взяли в солдаты. Так, как я и хотел.

На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывальыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко.

Я пошел солдатом. Потом кончил унтер-офицерскую школу — учебную команду. Эта команда, я бы сказал, была очень серьезным учебным заведением и готовила унтер-офицеров поосновательнее, чем ныне готовят наши полковые школы.

Прошел на войне солдатскую и унтер-офицерскую науку и после Февральской революции был избран председателем эскадронного комитета, потом членом полкового.

Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный в то время в солдатскую среду не только большевиками, но и меньшевиками и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже опре-

делил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я...»

Перед нами очередная художественная фантазия, на этот раз на тему: как хорошо, что я не стал прапорщиком и не пошел против большевиков. Полуопальный маршал старался убедить собеседника, что и в царское время нутром чувствовал, что в офицеры идти не надо. А потом уже стал сознательным и от партийной линии не отходил ни на шаг. Вот он весь перед Константином Михайловичем как на духу. Признается даже в том, чего не было, но могло бы быть. Слава богу, не стал прапорщиком, не поддался агитации меньшевиков и эсеров, не попал к белым, а потом в эмиграцию.

Мы-то уже знаем, что на самом деле никакая школа прапорщиков Георгию Константиновичу не светила, поскольку законченного четырехклассного образования у него не было.

Пребывание в учебной команде было для Жукова отнюдь не медом-сахаром. Его начальником оказался старший унтер-офицер по прозвищу Четыре с половиной — у него на правой руке указательный палец был наполовину короче, чем требовалось. Этот дефект, однако, не мешал унтеру ударом кулака сбивать солдата с ног.

С Четырьмя с половиной отношения у Жукова не сложились. Георгий Константинович вспоминал: «Никто так часто не стоял «под шашкой при полной боевой», не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нес дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что все это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог придаться ко мне на занятиях.

Убедившись, что меня ничем не проймешь, он решил изменить тактику, может быть, попросту хотел отвлечь от боевой подготовки, где я шел впереди других. Как-то он позвал меня к себе в палатку и сказал:

— Вот что, я вижу, ты парень с характером, грамотный и тебе легко дается военное дело. Но ты москвич, рабочий,

зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим штатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчетность по занятиям и выполнять другие поручения».

Сделаться «канцелярской крысой», да еще с функциями личного холуя нелюбимого унтера, Жуков не имел ни малейшего желания:

«Я пошел в учебную команду не затем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы изучить военное дело и стать унтер-офицером».

Четыре с половиной пригрозил: «Ну, смотри, я сделаю так, что ты никогда не будешь унтер-офицером!..»

И злобный унтер сделал все, чтобы сдержать свое обещание. За две недели до окончания курса перед строем было объявлено, что Жуков отчисляется из команды «за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству». Но неожиданно Георгию помог вольноопределяющийся Скорино, брат заместителя командира того самого запасного эскадрона, где до поступления в учебную команду служил Жуков. Скорино рассказал о случившемся командиру учебной команды, указав на допущенную унтер-офицером несправедливость. Дальше события, по утверждению Жукова, развивались следующим образом: «Начальник команды приказал вызвать меня к себе. Я порядком перетрусил, так как до этого никогда не разговаривал с офицерами. «Ну, — думаю, — пропал! Видимо, дисциплинарного батальона не миновать».

Начальника команды мы знали мало. Слышали, что офицерское звание он получил за храбрость и был награжден почти полным бантом Георгиевских крестов. До войны он служил где-то в уланском полку вахмистром сверхсрочной службы. Мы его видели иногда только на вечерних поверках, говорили, что он болеет после тяжелого ранения.

К моему удивлению, я увидел человека с мягкими и, я бы сказал, даже теплыми глазами и простодушным лицом.

— Ну что, солдат, в службе не везет? — спросил он и указал мне на стул.

Я стоял и боялся присесть.

— Садись, садись, не бойся!.. Ты, кажется, москвич?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — ответил я, стараясь произнести каждое слово как можно более громко и четко.

— Я ведь тоже москвич, работал до службы в Марьиной роще, по специальности краснодеревщик. Да вот застрял на военной службе, и теперь, видимо, придется посвятить себя военному делу, — мягко сказал он. Потом помолчал и добавил: — Вот что, солдат, на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира «шкурой» и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие, — ответил я. — Но одно могу доложить, что всякий на моем месте вел бы себя так же.

И рассказал ему правдиво все, как было.

Он внимательно выслушал и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам».

И вот счастливый финал — успешная сдача экзаменов. Но Жуков был огорчен. Он занимался лучше всех в команде и рассчитывал, что его единственного выпустят в звании младшего унтер-офицера и назначат на вакантную должность командира отделения в учебной команде. Но все выпускники, включая Жукова, получили лишь чин вице-унтер-офицера, т. е. кандидата на унтер-офицерское звание.

Несмотря на неприятности со взводным, учебную команду Георгий Константинович считал своей главной школой, где довелось освоить военное дело: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной армии.

Что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого общения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель — чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они часто применялись.

Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. Вместе с тем... за малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского устава.

Надо сказать, что офицеры подразделений полностью доверяли унтер-офицерскому составу в вопросах обучения и воспитания солдат (вряд ли это хорошо, потому что, с одной стороны, офицер фактически самоустранился от участия в боевой подготовке солдат, а с другой стороны, солдаты оказывались полностью во власти «кулачного права» унтеров и фельдфебелей. — Б. С.). Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами.

Моя многолетняя практика показывает, что там, где нет доверия младшим командирам, где над ними существует постоянная опека старших офицеров, там никогда не будет настоящего младшего командного состава, а следовательно, не будет и хороших подразделений».

Бросается в глаза, с каким увлечением Георгий Константинович описывает процесс воинской учебы. Создается впечатление, что эта сторона службы его привлекала больше всего. И в Красной армии в аттестациях неизменно подчеркивались жуковские успехи в организации и руководстве строевой и тактической подготовкой войск.

С рассуждениями Жукова трудно не согласиться. Унтер-офицерский корпус царской армии был подготовлен неплохо. Кроме него самого, из унтер-офицеров вышли, например, такие советские маршалы, как С. М. Буденный, С. М. Тимо-

шенко, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев. Но вот что бросается в глаза. Еще до поступления в учебную команду Жуков полгода осваивал военную премудрость в запасных частях. А став унтер-офицером, на фронт попал только год спустя после мобилизации. В Великую Отечественную войну Георгий Константинович не давал новобранцам такой роскоши: по полгода учиться военному делу. Бросал в бой необученное, а часто и невооруженное пополнение, чье пребывание в запасных батальонах исчислялось считаными неделями. Местные жители, мобилизованные на только что отбитой у неприятеля территории, сразу шли в бой. Да и старшинам и сержантам по полгода учиться не приходилось. Из-за огромных безвозвратных потерь в Красной армии мало кто из младших командиров, равно как и командиров взводов и рот, успевал приобрести боевой опыт и передать его подчиненным. Все они погибали слишком быстро.

В начале августа 1916 года свежеепеченных унтеров стали рассылать по маршевым эскадронам. 15 человек отправили сразу на фронт — в 10-ю кавалерийскую дивизию. Жуков вспоминал: «Нас накормили праздничным обедом и приказали собираться на погрузку. Взяв свои вещевые мешки, мы пошли на место построения фронтовой команды, а через несколько часов наш эшелон отправился в сторону Харькова».

Ехали долго, останавливались чуть ли не на каждом разъезде. Навстречу шли эшелоны с ранеными. Наступление Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова, начавшееся с прорыва австрийских позиций в районе Луцка, стоило больших потерь и постепенно истощило силы русской армии. Историк С. Г. Нелипович, изучив данные российских, германских и австрийских архивов, установил, что общее соотношение безвозвратных потерь было далеко не в пользу русских войск. В период с мая по декабрь 1916 года войска Юго-Западного фронта потеряли убитыми 201 тысячу солдат и офицеров, ранеными — 1091 и пропавшими без вести (главным образом — пленными) — 153 тысячи. Австро-венгерские войска за тот же период в операциях против Юго-Западного фронта, а также в сражении под Барановичами с войсками Западного фронта и на Румынском фронте потеряли 45 тысяч солдат и офицеров убитыми, 216,5 тысячи ранеными и около

378 тысяч пленными. Потери германских войск, действовавших против Юго-Западного фронта, достигли примерно 39 тысяч пленными и 101 тысячи убитыми и ранеными. Соотношение по пленным было в пользу русских войск — 2,7:1. Зато убитых в армиях центральных держав было в 3,3 раза меньше, чем в русской армии, а раненых — в 3,6 раза меньше. К столь большим потерям привел разрозненный, по частям, ввод резервов для развития первоначального успеха под Луцком. Недостаточно подготовленные лобовые атаки довели русскую армию до крайней степени истощения. С осени 1916 года начался призыв 16—17-летних юношей, составивших основной костяк запасных частей накануне Февральской революции 1917 года.

Жукова и его товарищей определили в 10-й Новгородский драгунский полк. Когда выгружались в районе Каменец-Подольска, неприятельский самолет совершил налет на станцию. Взрывом бомбы убило одного солдата и ранило пять лошадей. Так Георгий Жуков получил боевое крещение.

Из района выгрузки пополнение походным порядком двинулось на Днестр, где в резерве Юго-Западного фронта стояла 10-я кавдивизия. К месту назначения прибыли в конце августа, уже после того, как 14/27 августа 1916 года Румыния под влиянием успехов русского оружия объявила войну Германии и ее союзникам, но уже к концу года почти вся территория страны оказалась оккупирована неприятельскими войсками. В начале сентября 10-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в районе Быстрицы, где обеспечивала стык русской 9-й армии с румынскими войсками. Местность была горно-лесистая, и кавалеристам приходилось действовать в пешем строю. Жукову, произведенному наконец в младшие унтер-офицеры, на этот раз довелось повоевать менее полтора месяцев. Уже в октябре во время конной разведки вблизи местечка Сас-Реген в Трансильвании на самой линии фронта он вместе с товарищами подорвался на mine. Двоих драгун тяжело ранило, а Георгия взрывной волной выбросило из седла и сильно контузило. На этом участие Жукова в боях Первой мировой войны закончилось. Очнулся он только через сутки уже в госпитале. Контузия оказалась тяжелой, и унтер-офицера эвакуировали в Харьков.

На фронте Жуков пробыл совсем немного, но успел заработать два солдатских Георгия: первый — за захват языка — немецкого офицера, второй — за контузию. Это свидетельствует не только о смелости Георгия Константиновича, но и о том, что с эскадронным командиром у него сложились хорошие отношения. Иначе офицер не стал бы подписывать наградные представления. Жуков умел, когда надо, смирить гордыню и найти общий язык с начальством.

Из госпиталя Георгий Константинович вышел наполовину оглохшим. Медицинская комиссия направила его в 6-й маршевый эскадрон 10-го драгунского Новгородского полка при 5-м запасном кавалерийском полку в село Лагери недалеко от Балаклеи. Это был тот самый эскадрон, из которого Жуков ушел в учебную команду. Георгий был рад, что встретится со старыми товарищами. Солдатам запасного батальона война уже надоела. Фронтвики не торопились возвращаться в окопы, а многие новобранцы, особенно из крупных городов, еще до призыва успели попасть под влияние революционных агитаторов, прежде всего большевиков, а также части меньшевиков и анархистов, призывавших быстрее покончить с войной.

Командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг вспоминал, каково было состояние запасных частей накануне Февральской революции: «... Чья-то невидимая, но сильная и вредная рука совершенно изъяла эти батальоны из подчинения командирам полков, бывшим в то время на фронте, и вместо того, чтобы командир полка являлся полным хозяином запасного батальона как неотъемлемой части полка, батальоны эти и полки не имели между собой настоящей твердой связи, а являлись как бы отдельными, самостоятельными единицами, что очень вредно отразилось в моральном отношении, в смысле понимания подчиненности, как в составе офицеров, так и нижних чинов. Только лишь недели за две до переворота (Февральской революции. — Б. С.) с большим трудом удалось добиться права для командиров полков требовать из своих запасных батальонов тех людей, которые, по их мнению, были нужны им на фронте. Состав запасного полка был несоразмерно велик и численностью был больше, чем полк военного состава (маршевый эскадрон, где служил Жуков, по численности был не меньше кавалерийско-

го полка на фронте. — Б. С.), что было полным абсурдом, и, кроме того, эта перегруженность только вредила делу и широко поощряла укрывательство от посылки на фронт, тем более что все пополнение из запасных батальонов по прибытии на фронт не ставилось сразу в строй, а для них в тылу, при обозе 2-го разряда, был особый батальон пополнения, где происходило обучение слабо и неумело подготовленных прибывших пополнений, и только месяца через два прибывших запасных распределяли по ротам на фронте. Немало запасных батальонов было из тех, что почти с первого дня войны сидели в этих батальонах и всеми правдами и неправдами старались ускользнуть от командирования на фронт, и эти-то укрывавшиеся сыграли немалую роль при перевороте 1917 года, так как для них, подпольных деятелей, привыкших действовать из-за угла трупов, посылка на фронт казалась чем-то ужасным».

Жуков в мемуарах признался: «Несмотря на то что я был унтер-офицером, солдаты относились ко мне с доверием и часто заводили серьезные разговоры. Конечно, тогда я мало разбирался в политических вопросах, но считал, что война выгодна лишь богатым и ведется в интересах правящих классов, а мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики, и никто больше. Это в меру своих возможностей я и внушал своим солдатам, за что и был вознагражден ими».

Не знаю, действительно ли уже тогда Жуков думал о большевиках как о единственной партии, которая может принести волю, землю и счастье народу. Но то, что одни большевики последовательно выступают за скорейший мир, наверное, знал, так же как и настроения своих товарищей солдат, стремящихся кончить войну.

Ранним утром 27 февраля 1917 года эскадрон, где служил Жуков, подняли по тревоге. Под командованием ротмистра фон дер Гольца двинулись к Балаклее, где стоял штаб 5-го запасного кавалерийского полка. На плацу выстроились все эскадроны. Вскоре показались демонстранты с красными флагами. От них солдаты узнали о начавшейся в Петрограде революции. На импровизированном митинге звучали лозунги: «Долой царизм!», «Долой войну!», «Да здравствует мир между народами!», «Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!». Офицеры полка были арестованы. Командование перешло к солдатскому комитету. Войскам приказали вернуться к местам постоянной дислокации. На следующий день от полкового комитета поступило распоряжение избрать делегатов в полковой совет и образовать эскадронные комитеты. Жукова избрали председателем эскадронного комитета и делегатом в полковой совет.

Летом 1917 года эскадрон переместили на хорошо известную Жукову станцию Савинцы под Харьковом. Там и застала его Октябрьская революция. В автобиографии 1938 года Георгий Константинович отмечал: «Участие в октябрьском перевороте выражал в том, что эскадрон под руководством комитета встал на платформу большевиков и отказался «украинизироваться» (т. е. подчиняться Центральной раде в Киеве, как положено украинской национальной воинской части. — Б. С.)». В мемуарах он написал немного подробнее: «...В начале осени 1917 года некоторые подразделения перешли на сторону Петлюры (т. е. Центральной рады. — Б. С.). Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане, был распущен по домам солдатским эскадронным

комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверявшие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изъясил оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам.

30 ноября 1917 года я вернулся в Москву, где власть в октябре перешла в надежные руки — в руки большевиков».

О своем приходе в Красную армию маршал вспоминал так: «Декабрь 1917 и январь 1918 года провел в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии. Но в начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным тифом. Свое желание сражаться в рядах Красной армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии».

Можно было бы поверить, что Георгий Константинович пошел в Красную армию добровольцем. Но в автобиографии 1938 года он черным по белому написал: «В РККА — с конца сентября 1918 года по мобилизации. Службу начал в 4-м Московском полку (кавалерийском) с октября 1918 года». В 38-м Жуков наверняка точнее помнил события 18-го года, чем в середине 60-х, когда писал мемуары.

Придя в 1-ю Московскую кавдивизию, Жуков сразу же записался в сочувствующие Коммунистической партии (об этом он писал в автобиографии 1931 года). А уже 1 марта 1919 года был принят кандидатом в партию ячейкой 4-го кавалерийского полка. Из кандидатов в полноправные члены его перевели в мае 1920 года.

Этот полк формировался в Москве, в Октябрьских казармах на Ходынке. Сначала Жукову пришлось служить рядовым, но очень скоро его сделали командиром отделения — учли боевой опыт и прежнее унтер-офицерство. В марте 1919 года 4-й кавполк вместе с дивизией двинулся на восток против уральских казаков. Жукову запомнился первый бой в мае 19-го: отчаянная рубка с казаками на подступах к станции Шипово. В июне 1-я Московская кавдивизия

и 25-я стрелковая дивизия под командованием В. И. Чапаева смогли соединиться с осажденным гарнизоном Уральска. Казаки вынуждены были отступить.

С Уральского фронта 1-ю кавдивизию перебросили под Царицын, на который наступала Кавказская армия генерала барона П. Н. Врангеля. В августе, когда дивизия Жукова прибыла на фронт, город уже пал. Село Заплавное на левом берегу Волги, недалеко от места дислокации дивизии, было захвачено белыми, переправившимися через Волгу между Черным Яром и Царицыном. Красные кавалеристы втянулись в бои, которые особого ожесточения достигли в первой половине сентября. В октябре Жуков, уже будучи помощником командира взвода, был ранен осколками ручной гранаты в левую ногу и левый бок. С поля боя его вынес на бурке политрук эскадрона старый большевик Антон Митрофанович Янин, тоже раненный. Дружба с ним сыграла важную роль в дальнейшем развитии личной жизни Георгия Константиновича.

Янин на телеге отвез Жукова в Саратов в лазарет. Там хорошая знакомая Антона Митрофановича Полина Николаевна Волохова из Полтавы стала заботиться о нем, а ее младшая сестра, юная гимназистка Мария, — о Жукове.

В госпитале Жукову не повезло: еще раз заболел тифом. Целый месяц выхаживала его Мария. Между ними возникла любовь. Внук Марии Николаевны Георгий, названный в честь деда, сообщает: «Дедушка рассказывал мне, что он уже тогда полюбил бабушку. За ее милосердие и чудесные голубые глаза... Благодаря им... появилось ее ласковое прозвище — «Незабудка». Так Жуков познакомился с одной из двух своих первых жен. После выздоровления Жуков получил месячный отпуск и отправился в родную деревню. А сестры Волоховы вернулись в Полтаву. Роман Георгия и Марии возобновился лишь через три года, уже в Минске.

В Стрелковке Жуков убедился, что народ стал жить еще хуже, чем при царе, но это не поколебало его желания служить в Красной армии. После отпуска Георгия Константиновича распределили в запасной батальон с предписанием направить на курсы красных командиров. Тут сыграли свою роль партийность и пребывание в учебной команде.

С марта по сентябрь 1920 года Жуков учился на 1-х Рязанских кавалерийских курсах, находившихся на станции Старожилово в бывшем дворянском поместье. Там он сдал экстерном экзамены за 4-й класс городского училища. Требования к экзаменуемым были самые щадящие. Офицеры-военспецы, преподававшие на курсах, понимали, что четыре года войны никак не способствовали усвоению грамматических правил и десятичных дробей.

Жукова назначили старшиной 1-го эскадрона. Пришлось заниматься хорошо знакомым делом: вести у курсантов строевую и физическую подготовку, учить их штыковому бою, показывать, как правильно владеть пикой и шашкой. В июле слушателей Рязанских курсов перебросили в Москву и разместили в Лефортовских казармах. Жукова и его товарищей включили в состав сводной кавалерийского полка 2-й курсантской бригады, которую собирались направить для борьбы с Врангелем. Георгий Константинович вспоминал: «В Москве у меня было много родственников, друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмами к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор ее никогда больше не встречал».

В августе курсантов перебросили в Краснодар. Сводному курсантскому полку предстояло отражать высадившийся на Кубани десант генерала С. Г. Улагая, а также сражаться с партизанскими отрядами генералов Фостикова и Крыжановского. В бою под станцией Степная Жуков получил легкую контузию.

В сентябре, когда десант Улагая вынужден был эвакуироваться в Крым, в Армавире состоялся досрочный выпуск части курсантов. Жуков получил назначение в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду здесь же, на Кубани. Оставшиеся курсанты в составе сводного полка были брошены на преследование разрозненных белых отрядов, отошедших в Кавказские горы. В Дагестане полк попал в засаду и был почти полностью

уничтожен. Жукову повезло. Останься он с полком, вряд ли бы избежал смерти.

В 14-й бригаде Жуков стал командиром взвода одного из эскадронов 1-го кавалерийского полка. Командир эскадрона Вишневский симпатий у него не вызывал. Георгию казалось, что тот мало интересуется эскадронными делами. Однако не слишком хорошие отношения с комэском не помешали продвижению по службе. Вскоре после одного из успешных боев против небольшого отряда белых Жукова назначили командиром 2-го эскадрона. Вероятно, сыграла роль рекомендация его старого друга Янина, который был в этом эскадроне политруком. В конце 1920 года бригаду перебросили в Воронежскую губернию для борьбы с крестьянским восстанием под руководством Колесникова. Потерпев ряд поражений в боях с регулярными войсками, колесниковцы отошли в Тамбовскую губернию на соединение с повстанческой армией А. С. Антонова. Туда же двинулась и 14-я кавбригада.

В Воронежской губернии в последние месяцы 1920 года Жуков познакомился со второй женой — Александрой Диевной Зуйковой. Дочь Георгия Константиновича от Марии Волоховой Маргарита со слов матери рассказывала: «В то время в Воронежской области Янин и Жуков служили в одном эскадроне. И однажды ночь застала их в доме священника. На печке отец заметил испуганную девушку и спросил ее: «Ты кто?» — «Я — поповна», — ответила та. Янин и Жуков расхохотались, а Жуков спросил девушку: «Грамотная ли ты?» — «Да». — «Пойдешь писарем в эскадрон?» — «Пойду». — «Жалко девку, — сказал отец Янину. — Все равно убьют, война ведь. Пусть лучше будет у нас писарем в эскадроне». И приказал Александру Диевну оформить. Так она оказалась в эскадроне, которым командовал Георгий Константинович. А он в молодости был лихой красавец кавалерист. И Александра Диевна, возможно, влюбилась в него, считая своим благодетелем и покровителем».

Насчет поповны тут несомненная ошибка, связанная с тем, что первая встреча Александры и Георгия действительно произошла в доме священника, с которым Зуйкова и в самом деле могла находиться в каком-то родстве. По воспоминаниям

Эры, старшей дочери Жукова от брака с Зуйковой, мать была учительницей. Отец Александры Диевны, Дий Алексеевич, служил агентом по продаже швейных машинок фирмы «Зингер», а ее мать, Анна Максимовна, родилась в городе Липецке Тамбовской губернии и происходила из обедневшей крестьянской семьи. В автобиографии 1938 года Георгий Константинович осторожно написал, что отец жены «ремонтировал по деревням зингеровские машины». И там же отметил, что Зуйкова «в 1918—1919 гг. была сельской учительницей, в 1920 году поступила в РККА и служила в штабе 1-го кавалерийского полка 14-й отдельной кавалерийской бригады до 1922 года».

Похоже, что знакомство Жукова с Зуйковой развивалось действительно весьма драматично. Эра, старшая дочь Александры Диевны, со слов матери рассказывала об этом следующим образом: «Это случилось в 20-м году в Воронежской губернии, где мама родилась (здесь дочь, считавшая мать уроженкой станции Анна Воронежской губернии, скорее всего, ошиблась — в автобиографии 1938 года Жуков написал, что Александра Диевна была уроженкой села Елань-Козловка «бывшей Тамбовской губернии»; вероятно, в Анну Зуйковы переехали позднее. — Б. С.), а отец воевал с бандами Антонова (на самом деле — Колесникова. — Б. С.)... Однажды нашу маму стали преследовать несколько красноармейцев, и отец ее защитил. Понравились они друг другу с первого взгляда и больше уже не расставались». На самом деле Георгий Константинович не раз покидал Александру Диевну, затем возвращался и снова уходил.

Георгий Константинович вспоминал, что в столкновениях с восставшими тамбовскими крестьянами не раз оказывался на волосок от смерти: «В боях антоновцы сражались довольно упорно, так как вначале на их стороне был количественный перевес (зато на стороне красноармейцев был подавляющий перевес в вооружении и особенно в количестве боеприпасов. — Б. С.). У нас с ними было немало трудных боев. Особенно запомнился мне бой весной 1921 года под селом Вязовая Почта, недалеко от станции Жердевка. Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10—15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4—5 километрах,

двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадронам при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, мы столкнулись с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обрезка убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы немедленно зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночевка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против нее огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Вскоре наш полк двинулся вперед и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя. Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжелым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Спасло то, что при эскадроне было четыре пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника и медленно, шаг за шагом, с боем отходил назад. Но и наши ряды редели...

Предполагавшаяся контратака полка не состоялась: не выдержал весенний лед на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить в тяжелой обстановке до Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемет, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за

этот день была убита лошадь. Я оказался в трудном положении. Выхватив револьвер, стал отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночевка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Горшковым и Ковалевым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли...»

Антоновцы, принимая во внимание неравенство в вооружении, понесли еще большие потери.

За этот бой большинство бойцов и командиров было отмечено наградами, от именных часов и кожаных тужурок до именного оружия и ордена Красного Знамени. Этот первый советский орден Жуков получил приказом Реввоенсовета от 31 августа 1922 года. Там говорилось: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 года, несмотря на атаки противника силой 1500—2000 сабель, он с эскадронам в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду».

«Разбил» — звучит не совсем верно. Ведь сам Жуков признает, что задуманная контратака полка не удалась из-за непрочности льда на реке, и, следовательно, основной массе антоновцев удалось благополучно уйти. Да и численность противника, как водится в победных реляциях, сильно преувеличена. Вряд ли на самом деле антоновцев было в 10 или 15 раз больше, чем жуковских конников. Однако нельзя сомневаться в том, что молодой комэск в бою под Вязовой Почтой умело руководил действиями подчиненных и с честью вывел эскадрон из сложной ситуации.

И писателю Константину Симонову Жуков много рассказывал о том, как сражался с тамбовскими крестьянами: «Мы считаем, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же рядом снова появлялись. Серьезность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков, и в их числе унтер-офицеров. И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боев наша бригада была потрепана, антоновцы изрядно насыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулеметов, которыми мы прикрылись, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрылись ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадром, я увидел, что они повернули мне навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперед, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперед всего эскадрона. Сначала все шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования я заметил, как мне показалось, кто-то из их командиров по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и, вместо того чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил ее и прямо с ходу, без размаха, вынеся шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка еще была занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес ее из ножен и на этом же развороте ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскивали мертвого, посмотрели его документы, письмо, которое он не дописал какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом еще полмесяца болела грудь от его удара».

Что ж, достойному противнику Георгий Константинович готов был отдать должное. А когда вспоминал сабельные схватки времен своей молодости, чувствовалось, как он во-

одушевлялся, молодец душой. Но не хотел маршал вспоминать о другом, позорном, в чем ему вместе с эскадронам наверняка приходилось участвовать. Вот приказ командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского № 130 от 12 мая 1921 года, дополненный «Правилами о взятии заложников». Он гласил: «...Семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест. Если бандит явится в штаб Красной армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае же неявки бандита в течение двух недель семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоен трибунала как соучастники измены трудовому народу».

Тамбовские крестьяне старались не давать красным никаких сведений о местонахождении повстанцев, их семей и имущества и даже отказывались называть свои фамилии, чтобы нельзя было по спискам жителей той или иной деревни вычислить скрывающихся антоновцев. Поэтому председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко и М. Н. Тухачевский 11 июня издали приказ № 171, еще более грозный: «Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда... В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье... Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда». Приказ требовалось осуществлять «сурово и беспощадно».

Никогда не поверю, что Жукову со своим эскадронам удалось увильнуть от исполнения этих драконовских приказов. Не такой был человек Тухачевский, чтобы избавить подчиненных ему командиров от участия в этом. И не видать бы Жукову ордена Красного Знамени как своих ушей, если бы проявил слабость и выполнял приказы о репрессиях без надлежащего энтузиазма. Наверняка действовал «сурово и беспощадно», «до жестокости», так же как и на Халхин-Голе, и в Великую Отечественную войну. И заложников расстреливал, и старшего работника в семье к стенке ставил, и избы бежавших приказывал

жечь. Зато об авторе преступных приказов Жуков в мемуарах отзывался с такой теплотой: «О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец...

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где воевал, каково настроение в частях. Перед отъездом он сказал:

— Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды. На вас возложена ответственная задача. Надо все сделать, чтобы выполнить ее как можно быстрее и лучше...

С назначением М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсеенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану».

А в другом месте жуковских мемуаров мы находим настоящий панегирик тому, кто приказал травить ядовитыми газами беззащитное тамбовское население: «В М. Н. Тухачевском чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной армии».

В «Воспоминаниях и размышлениях» о последних операциях по подавлению тамбовского восстания говорится буквально одним предложением: «В конце лета 1921 года проводилась окончательная ликвидация мелких банд, разбежавшихся по Тамбовщине». Далее Жуков рассказывает, как с эскадром гонялся за «бандой» Зверева численностью в 150 сабель, атаковал ее и разгромил, но атаману и его нескольким соратникам все-таки удалось скрыться.

Может быть, в конце жизни маршал, познавший горечь опалы, раскаялся в том, что творил в 21-м году в нищей, доведенной до крайности продрозверсткой Тамбовской губернии? Следов подобного раскаяния нет ни в мемуарах, ни в письмах, ни в воспоминаниях близких знакомых Жукова даже в те годы, когда антоновщина уже не рассматривалась как «эсеро-кулацкий мятеж». Скорее всего, «человек с христианской душой» и на смертном одре был убежден, что действовал правильно, уничтожая если не «бандитов», то их «пособников», и нисколько не задумывался над тем, что

к «пособникам» можно было отнести практически всех крестьян Тамбовской губернии.

По большому счету, свой боевой опыт Жуков приобрел при подавлении крестьянских восстаний. В Первой мировой войне он пробыл на фронте чуть больше месяца. В Гражданской войне против регулярных белых армий сражался не более трех месяцев. А против повстанцев Колесникова и Антонова воевал почти год, командуя эскадронами. И своей первой советской награды был удостоен за войну против восставших крестьян, которая ничего общего не имела с будущей великой войной. Ведь сам Жуков признавал, что «у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжелой артиллерии, не хватало снарядов, бывали перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боев». Было ясно, что война с любой из европейских или азиатских держав будет иметь совсем иной характер.

До декабря 1922 года на Западном фронте Жуков продолжал командовать эскадронами 1-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской бригады, а затем перешел на ту же должность во 2-й эскадрон 38-го кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, располагавшейся в районе Минска. В марте 1923 года его повысили до помощника командира 40-го кавполка той же дивизии. Это произошло после того, как эскадрон по боевой и строевой подготовке занял первое место. Командующий войсками Западного фронта Тухачевский издал приказ, где Жукову объявлялась благодарность. Старшина жуковского эскадрона Александр Кроник вспоминал: «Раз в неделю комэск проводил строевые занятия с младшими командирами. Расставлял на плацу семь-восемь станков с воткнутой лозой, на самом высоком станке — горку из мокрой глины. Выстраивал нас в одну шеренгу. На левом фланге пристраивал трубача, ковочного кузнеца, ветеринарного фельдшера и лекарского помощника — лекпома, которого бойцы звали «лепком», и при этом приговаривал: «Раз шашку носишь — умеешь владеть ею!» Быстро напоминал на словах, в чем суть упражнения, потом говорил: «Делай, как я!» — и в галоп. Промчится — все цели поражены! «Вот так рубит!» — покачивали головами сверхсрочники, среди которых были отменные рубаки. А комэск подъедет к нам и скажет: «Справа по одному на открытую дистанцию на рубку лозы галопом — марш!»...

Приемами штыкового боя он владел так же отменно. Винтовка в его руках казалась невесомой, как перо. Проволочные заграждения он преодолевал с удивительной легкостью и быстротой; удары прикладом и уколы штыком наносил неожиданные, сильные и меткие».

В июле 1923 года Жуков стал командиром 39-го кавполка (комиссарил в полку его давний друг Янин). Осенью того же года за успешные действия на окружных учениях в районе Орши его полк и дивизия в целом удостоились еще одной похвалы Тухачевского — «за форсированный марш-бросок и за стремительную атаку», инициатором которой стал Жуков. После учений вернулись в Минск. Там получилось так, что отведенные 39-му кавполку казармы оказались занятыми частями 4-й стрелковой дивизии, не успевшей еще передислоцироваться в Слуцк. Пришлось временно разместиться на частных квартирах. Тут начались дожди, а конюшен не было, и 7-я Самарская дивизия могла остаться без лошадей. Пришлось, подобно героям романа Николая Островского «Как закалялась сталь», день и ночь не покладая рук трудиться над возведением конюшен, ремонтом казарм и складов. «Собрали коммунистов, — рассказывал Жуков, — а затем и весь полк, разъяснили создавшееся положение. Вспоминая те далекие и нелегкие годы, хочется отметить, что люди были готовы на любое самопожертвование, на любые лишения во имя лучшего будущего. Конечно, были и отдельные нытики, но их сразу же ставила на место красноармейская общественность. Какая это большая сила — здоровый армейский коллектив! Там, где действует энергичный общественный актив, там всегда будет настоящая коллективная дружба. А в ней залог творческого энтузиазма и успехов в боевой готовности части.

В конце ноября, когда уже выпал снег, нам удалось перебраться в казармы, а лошадей разместить в конюшнях. Конечно, предстояло провести еще большую работу по благоустройству, но главное уже было сделано».

Став командиром полка, будущий маршал усиленно занялся образованием. В «Воспоминаниях и размышлениях» об этом сказано так: «...Тогда, в 26 лет командуя кавалерийским полком, что я имел в своем жизненном багаже? В старой царской армии окончил унтер-офицерскую учебную команду, в Красной армии — кавалерийские курсы красных командиров. Вот и все. Правда, после окончания Гражданской войны усиленно изучал уставы, наставления и всевозможную военную литературу, особенно книги по вопросам тактики».

Увереннее всего Жуков ощущал себя в сфере боевой подготовки: «В практических делах я тогда чувствовал себя сильнее, чем в вопросах теории, так как получил неплохую подготовку еще во время Первой мировой войны. Хорошо знал методику боевой подготовки и увлекался ею. В области же теории понимал, что отстаю от тех требований, которые сама жизнь предъявляет мне как командиру полка. Размышляя, пришел к выводу: не теряя времени, надо упорно учиться. Ну а как же полк, которому надо уделять двенадцать часов в сутки, чтобы везде и всюду успеть? Выход был один: прибавить к общему рабочему распорядку дня еще три-четыре часа на самостоятельную учебу, а что касается сна, отдыха — ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний».

Однако вскоре молодому командиру полка представилась возможность более основательно познакомиться с военной наукой. В конце июля 1924 года его вызвал командир дивизии Г. Д. Гай и поинтересовался, как он совершенствует свои военные знания. Жуков вспоминал: «Я ответил, что много читаю и занимаюсь разбором операций Первой мировой войны. Много материалов готовил к занятиям, которые проводил с командным составом полка.

— Это все хорошо и похвально, — сказал Г. Д. Гай, — но этого сейчас мало. Военное дело не стоит на месте. Нашим военачальникам в изучении военных проблем нужна более капитальная учеба. Я думаю, вам следует поехать осенью в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград. Это весьма полезно для вашей будущей деятельности.

Я поблагодарил и сказал, что постараюсь приложить все усилия, чтобы оправдать доверие.

Возвратившись в полк, не теряя времени, сел за учебники, уставы и наставления и начал готовиться к вступительным экзаменам».

Не имея серьезного военного образования, Жуков за полтора года, прошедшие с окончания Гражданской войны, вырос от командира эскадрона до командира полка. А теперь вот еще направляется командованием на учебу с явным прицелом на последующее повышение. В чем тут дело? Сразу после окончания Гражданской войны из Красной армии в ускорен-

ном темпе стали увольнять бывших царских офицеров. Их место занимали «благонадежные» командиры из рабочих и беднейшей части крестьян. А уж если человек с подходящим социальным происхождением был коммунистом, да еще и унтер-офицером, окончившим учебную команду и имевшим опыт командования эскадронам в Гражданской войне, то для его продвижения по службе загорался «зеленый свет». Жуков попал в этот восходящий поток. Сыграли большую роль и личные качества Георгия Константиновича. Эскадронам и полком он командовал хорошо, отношения с комдивом Г. Д. Гаем сложились довольно теплые, да и командующий Западным округом М. Н. Тухачевский заметил молодого комполка (который был всего на три года младше самого Михаила Николаевича) и не раз отмечал его в приказах.

В Минске возобновились романы Георгия с Александрой Зуйковой и Марией Волоховой. Эра, старшая дочь Александры Диевны, вспоминала: «Мама стала за отцом всюду ездить. Часами тряслась в разваленных бричках, тачанках, жила в нетопленных избах. Перешивала себе гимнастерки на юбки, красноармейские бязевые сорочки — на белье, плела из веревок «босоножки»... Из-за этих кочевок она и потеряла первого своего ребенка, как говорили — мальчика. Больше ей рожать не советовали — хрупкое здоровье». Младшая дочь Зуйковой Элла утверждает, что в первый раз ее мать с Жуковым «расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе». Никаких документальных подтверждений регистрации брака в 1922 году так и не было найдено. Скорее всего, здесь перед нами легенда, придуманная Александрой Диевной, чтобы доказать: законная жена — она, а с Марией Николаевной у Жукова была лишь мимолетная связь. Но внук Жукова Георгий — сын дочери Волоховой, Маргариты, со слов бабушки и бабушки относит возобновление знакомства Георгия Константиновича и Марии Николаевны как раз к 1922 году: «Тогда в Полтаве умерли родители Марии, и она переехала в Минск к старшей сестре Полине, которая к тому времени уже стала женой Антона Митрофановича Янина. Дома Жуков

ва и Янина стояли рядом, и два друга — командир и комиссар полка — были практически неразлучны. А в 26-м году у Полины и Антона Митрофановича рождается сын Владимир. И Георгий Константинович с Марией становятся крестными. Дедушка был в восторге от малыша и все время говорил о том, что самая большая его мечта — иметь сына.... Дедушка всегда утверждал, что Александра Диевна не в состоянии иметь детей. Это... тоже послужило причиной его к ней охлаждения... Дедушка-холостяк практически жил у Яниных, состоял в гражданском браке с Марией и неоднократно просил ее выйти за него замуж. Но Мария Николаевна была активная комсомолка и регистрировать брак считала пережитком прошлого. Да и по закону до 44-го года регистрация браков в загсах не требовалась».

Тут, думается, в рассказ жуковского внука вкрадывается явная неточность. Воля ваша, но не может «активная комсомолка», которая даже регистрацию брака считает «пережитком прошлого», участвовать в обряде крещения, пусть даже вместе с любимым человеком. Да и комиссара полка за крещение ребенка по головке бы не погладили, а, вероятно, исключили бы из партии и заодно уволили из армии. Наверное, это были не крестины, а как раз входившие в ту пору в моду «октябрины» — коммунистическая альтернатива обряду крещения. Вот «октябрить» янинского ребенка Жуков с Марией вполне могли.

Маргарита Георгиевна, дочь Жукова и Марии Волоховой, вообще отрицает существование постоянной связи Жукова с Зуйковой в первой половине 20-х: «В Минске Георгий Константинович жил без Александры Диевны. У них никогда ничего совместного не было. И все ее приезды к отцу были для отца неожиданными. Он не хотел с ней жить, неоднократно повторял, что не любит ее. Александра Диевна, видимо, страдала — пыталась вселиться в дом Жукова, и, когда ей это удавалось, отцу ничего не оставалось, как уходить к Яниным и там скрываться. Чтобы избавиться от Александры Диевны, которая все терпела, отец много раз покупал ей билет на поезд домой в Воронежскую губернию, ботики и другие подарки, лично сажал ее на поезд и просил больше не возвращать-

ся. Она покорно уезжала, но затем писала, что жить без него не может, что уже сообщила всем родственникам, что у нее есть муж, и вновь возвращалась в Минск».

Кому из дочерей маршала прикажете верить: Эре и Элле или Маргарите? Думаю, что доля правды и неправды есть в любом свидетельстве. Каждая из двух первых жен Жукова, Александра Диевна и Мария Николаевна, от которых дочери и получили информацию, выстраивала наиболее благоприятную для себя версию взаимоотношений с первым мужем, представляя соперницу не в лучшем свете. Я полагаю, что Георгий Константинович попеременно жил то с Волоховой, то с Зуйковой, мучительно разрывался между двумя любившими его женщинами и никак не мог решить, к кому из них испытывает более сильное чувство.

Вот что вспоминает Георгий Константинович о своем поступлении в Ленинградскую кавшколу: «Экзамены оказались легкими, скорее даже формальными (конечно, формальными, раз слушателей уже отобрали командиры и комиссары дивизий и командующие и Военные советы соответствующих военных округов; принять все равно надо было всех. — Б. С.). Нас, прибывших слушателей, разбили по отделениям, преследуя цель сделать группы более однородные по уровню своей подготовки. Я был зачислен в первую группу». В одной группе с Жуковым оказался, в частности, командир кавполка из Забайкальского округа Константин Константинович Рокоссовский. А в другие группы того же отделения одновременно с ним были зачислены будущие Маршалы Советского Союза Андрей Иванович Еременко и Иван Христофорович Баграмян, а также командир эскадрона 37-го Астраханского полка той же 7-й Самарской кавдивизии Павел Семенович Рыбалко, ставший впоследствии маршалом бронетанковых войск. С ними еще не раз пересекались пути Жукова в дни войны и мира.

Учеба вместо первоначально запланированных двух лет продолжалась только год, поскольку вскоре после начала занятий Ленинградская Высшая кавшкола была преобразована в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава конницы РККА со смешной аббревиатурой ККУКС

и сокращенным сроком обучения. Программа была напряженной.

В Ленинграде Жуков подготовил доклад «Основные факторы, влияющие на теорию военного искусства». Как признался Георгий Константинович в мемуарах, он просто не знал, как подступиться к порученной теме, «с чего начать и чем закончить». Маршал отметил, что в подготовке доклада ему помогли «товарищи из нашей партийной организации». Помогли настолько успешно, что этот продукт коллективного творчества даже напечатали в бюллетене ККУКС. Подружившийся с Жуковым Рокоссовский впоследствии писал в мемуарах: «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего».

Лето 1925 года почти целиком посвятили тактическим занятиям в поле. Эти занятия завершились форсированным маршем к реке Волхов, через которую переправились вплавь в конном строю. Плыть в одежде да еще управлять плывущим конем и не замочить при этом огнестрельное оружие было непростой задачей, но слушатели с ней успешно справились.

— Георгий Константинович, Михаил Савельев и Павел Рыбалко сразу после окончания курсов решили возвращаться к месту службы в Минск не поездом, а верхом на лошадях. Конный пробег Ленинград — Минск — это 963 километра по полевым дорогам. Друзья затратили на него семь суток — мировой рекорд по дальности и скорости для групповых конных пробегов. В дороге кобыла Дира у Жукова захромала, но он сумел не отстать от товарищей, шедших на здоровых конях. Залил воском трещину в копыте и забинтовал. Некоторое время вел лошадь в поводу. И она перестала хромать. Но все равно Жукову чаще приходилось спешиваться, чтобы дать Дире отдых.

На окраине Минска тройцу встретил комиссар 7-й кавдивизии Григорий Михайлович Штерн, с которым Жукову предстояло встретиться еще раз в 39-м на Халхин-Голе. Штерн предупредил, что последние два километра надо непременно проскакать полевым галопом, дабы доказать вышедшим встречать конников горожанам, что у всадников «есть еще порох в пороховницах». Жуков с товарищами дали шпоры устав-

шим коням и галопом прискакали к трибуне, где бодро отпортовали начальнику гарнизона и председателю горсовета об успешном завершении пробега. Толпа встретила Жукова, Рыбалко и Савельева овацией. За время пробега лошади потеряли от 8 до 12, а всадники — от 5 до 6 килограммов веса.

Получив денежную премию Совнаркома и благодарность от командования, Георгий Константинович отправился в краткосрочный отпуск, положенный после окончания курсов. Визит в родную Стрелковщину оставил тяжелое чувство. «Мать за годы моего отсутствия заметно сдала, — вспоминал маршал, — но по-прежнему много трудилась. У сестры уже было двое детей, она тоже состарилась. Видимо, на них тяжело отразились послевоенные годы и голод 1921–1922 годов.

С малышами-племянниками у меня быстро установился контакт. Они, не стесняясь, открывали мой чемодан и извлекали из него все, что было им по душе.

Деревня была бедна, народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не осталось. Но, что удивительно, за редким исключением, никто не жаловался. Народ правильно понимал послевоенные трудности.

Кулаки и торговцы держались замкнуто. Видимо, еще надеялись на возврат прошлых времен, особенно после провозглашения новой экономической политики. В районном центре — Угодском Заводе вновь открылись трактиры и частные магазины, с которыми пыталась конкурировать начинающая кооперативная система».

Чувствуется, что Жуков не питает особых симпатий к нэпу. Его бедная родня почти ничего не могла купить во вновь появившихся на селе частных магазинах. Георгий Константинович помог матери и сестре построить новый дом — дал денег и достал леса. Когда позднее, в 1936 году, этот дом сгорел, Жуков снова помог родным отстроиться и даже на время взял к себе старшую дочь сестры Анну. И это несмотря на то, что с Марией и ее мужем Федором Фокиным у него по какой-то причине отношения не сложились и брат с сестрой виделись редко и почти не переписывались.

По возвращении в 7-ю Самарскую кавалерийскую имени английского пролетариата дивизию Жуков был назначен командиром 39-го кавполка, но это был уже новый полк,

а не хорошо знакомый Бузулукский. Дивизия теперь состояла из четырех полков вместо прежних шести, и новый 39-й Мелекесско-Пугачевский полк был сформирован из прежних 41-го и 42-го полков. Зимой 1926 года Жуков первый в дивизии получил назначение на должность командира-единоначальника, необходимое условие для которого — быть коммунистом. При нем, в отличие от беспартийных командиров, не было комиссара, а имелся только помощник по политической части. Жуков нес всю ответственность как за боевую подготовку, так и за партийно-политическую работу в полку.

Начальником штаба полка у Жукова стал Василий Дмитриевич Соколовский — будущий маршал. С ним Георгию Константиновичу придется работать в Генштабе перед войной, а во время Великой Отечественной войны командовать на Западном и 1-м Белорусском фронтах.

Весной 1927 года Георгий Константинович впервые встретился с Семеном Михайловичем Буденным, в ту пору — инспектором кавалерии РККА. Жукова предупредили, что к нему направляется Буденный вместе с Семеном Константиновичем Тимошенко, командовавшим 3-м кавкорпусом (в него входила 7-я Самарская дивизия). Семен Михайлович описал эту встречу в мемуарах следующим образом: «Осенью 1927 года я приехал с инспекцией в Белорусский военный округ, в частности в 7-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 3-го кавкорпуса С. К. Тимошенко. Командир дивизии Д. А. Шмидт, который незадолго до моего приезда принял 7-ю дивизию от К. И. Степного-Спичарного, произвел на меня хорошее впечатление.

— Разрешите узнать, какие полки будете смотреть? — спросил комдив.

— А какой полк у вас лучше других?

Стоявший рядом С. К. Тимошенко сказал:

— У нас все полки на хорошем счету. Но лучше других полк Жукова, о котором я докладывал вам. Он умело обучает бойцов, особенно хорошо проводит занятия по тактике...

Я сказал Д. А. Шмидту, что постараюсь побывать во всех полках, а начну с 39-го: Вскоре мы въехали на территорию полка. Я вышел из машины, следом за мной С. К. Тимошен-

ко. Командир 39-го кавполка Г. К. Жуков встретил меня четким рапортом. Строевая выправка, четкость — все это говорило о том, что командир полка свои обязанности знает хорошо.

— Какие будут указания? — спросил Жуков, отдав рапорт.

В свою очередь я спросил Жукова, что он предлагает сам как командир полка. Георгий Константинович предложил мне обойти казармы, ближе познакомиться с жизнью и работой бойцов и командиров.

— Что ж, согласен, — сказал я. — Однако вначале посмотрим, как кормите солдат.

Побывал в столовой и на кухне, беседовал с солдатами и поварами, интересовался качеством продуктов, обработкой их, снял пробу.

— Это очень хорошо, что вы старательно приготавливаете бойцам пищу, — сказал я и объявил им, а также начальнику продслужбы полка благодарность. С. К. Тимошенко предложил мне сделать запись в книге столовой.

— С удовольствием, — согласился я.

Затем проверил ход боевой подготовки. Надо сказать, что почти по всем показателям 39-й полк был на хорошем счету, и я остался доволен осмотром.

— Ну а теперь покажите мне лошадей, — сказал я Жукову. Командир полка дал сигнал «на выводку».

Пока строились эскадроны, С. К. Тимошенко доложил мне, что 39-й кавалерийский полк преуспевает во всех видах конного спорта. Почти все командиры занимаются спортом, в том числе и сам командир полка.

— А вот со стрельбой из оружия у них дела похуже, — добавил Тимошенко.

— Почему так? — спросил командира корпуса.

С. К. Тимошенко пожал плечами:

— Трудно сказать, но думаю, все дело в тренировках. Видимо, надо поднажать.

Эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная. Я остался доволен и даже похвалил Жукова. Вскоре мы уехали с С. К. Тимошенко в 6-ю Чонгарскую дивизию».

В годы Великой Отечественной войны и особенно после нее Жуков старательно создавал легенду, будто полководцы времен Гражданской войны были абсолютно не приспособлены к условиям Второй мировой войны, верили, что кавалерия не хуже танков, и только полководцы новой школы, к которой Георгий Константинович причислял и себя, смогли победить германский вермахт. Всякое родство с конармейцами вроде Буденного следовало затушевывать. В «Воспоминаниях и размышлениях», равно как и в беседах с Константином Симоновым, он старался представить командарма 1-й Конной не в лучшем свете. В связи с разгромом в районе Вязьмы в октябре 41-го трех советских фронтов, одним из которых командовал Буденный, Жуков поведал Симонову о реакции Сталина на катастрофу: «Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Еременко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить».

Тут Георгий Константинович определенно дал волю своей фантазии. Если осенью 1941 года Сталин якобы смотрел на Буденного как на человека, с которого и спрашивать за порученное дело бесполезно, то почему вдруг позднее вновь назначил его командовать — на этот раз Северо-Кавказским фронтом и направлением?

Боюсь, что на жуковское отношение к Буденному повлияла зависть одного «народного маршала» к другому. Семен Михайлович действительно был популярен и любим народом. Жуков хотел того же, рассчитывал на всенародное поклонение себе, своим заслугам в Великой Отечественной войне. Но, по свидетельству маршала Голованова, когда в 1956 году Жуков стал четырежды Героем Советского Союза, его поздравил Буденный и Георгий Константинович с грустью сказал ему: «Семен Михайлович, обо мне песен не поют, а о вас поют...»

Тем временем отношения в любовном треугольнике запутывались все больше. В Ленинград к Жукову несколько раз навещалась Зуйкова. В Минске Георгию Константиновичу

опять пришлось разрываться между двумя женщинами. В 1928 году Александра Диевна, находясь у родственников в Воронежской губернии, написала, что беременна от него и придет в Минск рожать. По утверждению внука Георгия, узнав о беременности Зуйковой, его дедушка «был в отчаянии, потому что боялся потерять Марию Николаевну, к которой испытывал серьезное чувство». Со слов отца, матери и своего отчима А. М. Янина Маргарита Жукова так излагает дальнейшие события: «Когда Александра Диевна принесла из роддома болезненную девочку, которую назвала Эрой, она сказала Георгию Константиновичу, что больше его никогда не покинет. В ответ отец ушел из собственного дома и поселился у Яниных. Но Александра Диевна продолжала требовать, чтобы он жил с ней. А через шесть месяцев после рождения Эры, в июне 29-го года, Мария Николаевна родила Жукову меня. Папа потом мне рассказывал, что я была такая розовенькая, голубоглазая, просто настоящая маргаритка, что он меня назвал — Маргаритой. Месяц спустя — 6 июля — отец зарегистрировал меня в загсе в качестве своей дочери и оформил метрическое свидетельство. Так я получила фамилию Жукова и отчество Георгиевна». Сын Маргариты Георгий добавляет: «Конечно, это (т. е. признание Жуковым Маргариты своей дочерью. — Б. С.) вызвало бурю протеста со стороны Александры Диевны, которая то бегала за Марией Николаевной, угрожая залить ей глаза серной кислотой, то просила отдать ей Маргариту. Требовала она и возвращения Георгия Константиновича домой, чтобы он помог с Эрой, которая все время болела. Дедушка отказывался, говорил, что это не его дочь, и продолжал жить у Яниных».

Утверждение, что Эра в действительности не была дочерью Жукова, оставим на совести Маргариты Георгиевны и ее сына, по понятным причинам не питавших симпатий к Александре Диевне. Но шекспировские страсти продолжали бушевать в Минске. Вот только завершилась драма вполне по-советски.

Внук Георгий рассказывает: «Поняв, что мужа добром не вернуть, Александра Диевна написала на Георгия Константиновича заявление в парторганизацию. Она просила его образумить и заставить с ней расписаться. Дедушка не хотел жить

с Александрой Диевной, как бы его ни заставляли, и открыто заявил об этом при разборе его персонального дела. Партийная организация вынесла ему взыскание за двоеженство и поставила условие: если он не вернется к заявительнице, которая родила первой, то будет исключен из партии. Мария Николаевна была просто потрясена и, чтобы спасти репутацию любимого человека, посоветовала ему вернуться к Александре Диевне. Сказала, что оставляет его сама, хотя это решение и было для нее мучительным. Позднее Георгий Константинович признается маме, что в его жизни это был единственный случай, когда его оставила любимая им женщина».

Маргарита Георгиевна уточняет: «Это персональное дело отца длилось более полугода. В самый разгар событий от тифа умирает Полина. Трехлетний Володя (сын Янина. — Б. С.) остается без матери. Янин, ставший вдовцом, предлагает увезти Марию Николаевну с грудной дочерью в Минводы, где живут его отец и братья. Она соглашается, и Янин оформляет служебный перевод. Но, перед тем как уехать, по-мужски разговаривает с Жуковым: «Ты запутался. Забудь о Марии и дочери, я о них позабочусь сам». Затем он благородно забрал детей и уехал с Марией — сначала в Минводы, потом — в Курган и Краснодар. А в 1941 году полковник Янин, имея бронь от призыва в армию, добровольцем уходит на фронт. Через год он погибнет под Сталинградом. 17-летний сын Антона Митрофановича Володя, прибавив себе год, тоже идет воевать. Через несколько месяцев после Керченского десанта он умирает от ран в госпитале».

В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович нашел несколько теплых слов для друга, так выручившего его в трудную минуту: «Особенно хотел бы отметить нашего комиссара Антона Митрофановича Янина. Это был твердый большевик и чудесный человек, знавший душу солдата, хорошо понимавший, как к кому подойти, с кого что потребовать. Его любили и уважали командиры, политработники и красноармейцы. Жаль, что этот выдающийся комиссар не дожил до наших дней — он погиб смертью храбрых в 1942 году в схватке с фашистами на Кавказском фронте. Погиб он вместе со своим сыном, которого воспитал мужественным защитником Родины».

Эпитет «выдающийся» Жуков мало к кому применял. А комиссаров вообще не жаловал. Но Янин-то был комиссар особенный. Не мог же Георгий Константинович в мемуарах прямо написать, что не только командиры, политработники и красноармейцы любили Антона Митрофановича, но и та, к которой сам Жуков испытывал «серьезное чувство». Наверное, Янин был самым близким жуковским другом. Ни до, ни после таких друзей у Георгия Константиновича больше не было. Недаром еще в начале 20-х он не раз повторял: «Антон для меня все». А в конце десятилетия судьба развела их, как оказалось, навсегда. И мне почему-то кажется, что всю оставшуюся жизнь Жуков страдал от того, что рядом не было такого человека, как Янин.

Эра Георгиевна, чье рождение стало одной из причин возникновения отцовского партийного дела, со слов родителей дает совсем иную версию происшедшего: «В 28-м году, в Минске... мама... была в положении и очень плохо себя чувствовала. К ней часто приходили чем-то помочь, да и просто навесить подруги, в том числе и эта женщина (Мария Волохова. — Б. С.). Она намеренно появлялась одна, чтобы отец ее потом проводил... В результате в 29-м году и родилась Маргарита. Все сразу поняли, от кого, — общество-то маленькое, все друг у друга на виду... У отца тогда были большие неприятности по партийной линии. Видимо, она пожаловалась. Состоялся даже какой-то суд по поводу алиментов. Судя по письмам, отец не хотел их платить, а мама его вынудила. Но это увлечение было минутным, и мама папе его простила».

Каждая из первых двух жен маршала и их дети стремятся выставить в наилучшем свете себя, обрисовав другую сторону черными красками. Честно говоря, то, что сообщает Эра Жукова (очевидно, со слов матери), большого доверия не вызывает. Если связь Георгия с Марией была мимолетной, как о ней узнал весь минский гарнизон и почему не возникло никаких сомнений в том, кто отец Маргариты? А о том, что Мария Волохова и Александра Зуйкова были подругами, дочь Марии Маргарита ничего не говорит. Наоборот, ее рассказ создает определенное впечатление, что соперницы друг к другу относились, мягко говоря, прохладно: вряд ли у двух женщин, любивших одного и того же человека, были основания для взаимных симпатий.

Лично у меня больше вызывает доверие Маргарита Георгиевна Жукова, и я склоняюсь к версии, что у Георгия Константиновича с Марией Николаевной были не менее длительные и серьезные отношения, чем с Александрой Диевной. Нельзя даже определенно сказать, кого из двух, Зуйкову или Волохову, считать первой женой Жукова, а кого — второй, и поэтому приходится употреблять громоздкий оборот «одна из первых двух жен Жукова». Ведь тогда фактический брак признавался наравне с законным, зарегистрированным в загсе. А ни с Марией, ни с Александрой Жуков в конце 20-х брак еще не регистрировал. В этом смысле обе женщины были в равном положении. Уже в годы Великой Отечественной войны, когда между Марией Николаевной и Георгием Константиновичем возобновилась переписка, Жуков сообщал, что до сих пор не женат. Так что, по всей вероятности, в 22-м году брак с Зуйковой он так и не регистрировал. Если считать по времени знакомства, то первой женой надо признать Волохову. Если же судить по дате рождения ребенка, то первой женой скорее следует назвать Зуйкову. А жалобу в парторганизацию, в просторечии именуемую «телегой», как правило, писала та, которая считала себя законной женой, а не любовница. По свидетельству Эры, Александра Диевна, безусловно, считала себя «официальной» супругой, а Марию Николаевну — мимолетным увлечением мужа. Но тогда предположение, что именно она донесла на Жукова в партбюро, более логично.

В 1929 году Жуков действительно получил выговор по партийной линии — за пьянство и неразборчивость в связях с женщинами. В решении партбюро прямо не говорилось, конечно, о том, которую из двух жен Георгий Константинович должен предпочесть. Но в разговорах партийные товарищи наверняка ясно дали понять, что желательно вернуться к заявительнице. И дело тут не в том, что Александра Диевна родила первой. Коллеги Жукова прекрасно понимали: если он останется с Волоховой, то поток жалоб от Зуйковой не прекратится (позднее она будет жаловаться в инстанции и на третью, и на четвертую жену Жукова, требуя, чтобы мужа вернули в семью). Поэтому для начальства и партбюро было предпочтительнее, чтобы комполка отказался от Марии Николаевны и остался с Александрой Диевной.

Георгий Константинович сознавал, что от его решения зависит дальнейшая карьера. Комполка как раз собирались послать на очередные курсы усовершенствования с перспективой последующего выдвижения на командование бригадой. Мучительную проблему выбора Жукову помог решить старый друг Янин. Антон Митрофанович только что овдовел, а трехлетнему сыну требовалась материнская забота. Вот и взял себе в жены сестру умершей Полины и усыновил ее грудную дочку, дал ей свою фамилию. Мария Николаевна с Антоном Митрофановичем свой брак тоже не стали официально регистрировать. Но чтобы не ставить друга в двусмысленное положение, Янин решил уехать с женой и детьми на новое место службы. Западный, один из двух крупнейших (наряду с Украинским) военных округов, пришлось сменить на второстепенный Северо-Кавказский. Тем самым Янин поставил крест на своей военной карьере — так и погиб в 42-м в звании полковника.

На то, что две первые жены Жукова по-разному повели себя в критической ситуации, мог повлиять и их возраст. Александра Диевна была на целых четыре года моложе Георгия Константиновича, а Мария Николаевна — всего на год. Вероятно, Волохова была женщиной более умудренной и рассудительной, не хотела ломать жизнь любимому человеку, раз уж создалась такая безысходная ситуация. И наверное, она все-таки сильно любила Георгия Константиновича и готова была отказаться от своего счастья: лишь бы ему было хорошо. Как мы убедимся в дальнейшем, жизнь Жукова с Зуйковой складывалась неудачно. Александра Диевна делала все, чтобы удержать мужа, который время от времени ее покидал, уходя к другим женщинам.

Однако дело обстоит не так, как следует из рассказа Маргариты Георгиевны: будто Александру Диевну Жуков совсем не любил и жить с ней согласился только под угрозой исключения из партии. Да и к дочери Эре он с самого начала испытывал самые теплые чувства и не хотел с ней расставаться. Вот что, например, писал Георгий Константинович Александре Диевне 23 мая 1929 года, когда родившейся 16 декабря 1929 года Эре было всего полгода, а Маргарита еще не родилась: «Ты пишешь, что я больше пишу и справляюсь о до-

ченьке! А разве тебе этого мало? Кроме того, как ты можешь себя отделить от доченьки... Целуй доченьку». Замечу, что из этого письма можно понять: жена была недовольна, что в одном из предыдущих посланий муж больше интересовался не ее проблемами, а здоровьем дочки. А ведь это было еще до того, как скандал с двоеженством стал обсуждаться в партбюро, после которого любви у Жукова к Александре Диевне наверняка поубавилось. Чувствуется, что и до рождения дочери у Волоховой Георгий Константинович особо сильного чувства к Зуйковой не испытывал и больше беспокоился о новорожденной Эре, чем о ее матери.

В конце 1929 года Жукова направили в Москву на курсы по усовершенствованию высшего начальствующего состава (КУВНАС). Занятия проходили в здании Наркомата обороны на улице Фрунзе (ныне Знаменка). Здесь Жуков в течение трех месяцев слушал лекции по тактике и оперативному искусству. Уже весной 1930 года он вернулся в 7-ю Самарскую дивизию, где с января был новый комдив — Рокоссовский, сокурсник из Ленинградской кавшколы. В мае Жукова назначили командиром 2-й кавбригады все той же 7-й дивизии. В состав бригады вошли 39-й и 40-й полки.

8 ноября 1930 года Рокоссовский представил аттестацию на Жукова: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактики-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне со-

ответствует. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит».

С данной аттестацией Жуков познакомился только в годы Великой Отечественной войны, когда уже был заместителем Верховного главнокомандующего. В конце октября или начале ноября 1942 года под Сталинградом главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов случайно стал свидетелем беседы Жукова и Рокоссовского по поводу этого документа и изложил ее содержание в своих мемуарах: «Из дружеской беседы Жукова и Рокоссовского я узнал, что они, оказывается, старые товарищи и сослуживцы. В свое время, когда Рокоссовский командовал кавалерийской дивизией, Жуков был там одним из командиров полков. Вспомнили старую совместную службу, и Жуков сказал, что он недавно читал аттестацию, данную ему Рокоссовским в те времена.

«— Я тебе дал тогда хорошую и правдивую аттестацию и смысл ее могу повторить и сейчас, — сказал Рокоссовский. — В ней говорилось, что ты волевой, решительный и энергичный командир полка (возможно, здесь Константин Константинович говорил не о той аттестации, что я только что процитировал, а о предшествовавшей, когда командир полка Жуков выдвигался на должность командира бригады. — Б. С.). Достижения поставленной цели добиваешься, преодолевая любые препятствия. У тебя высокая требовательность к подчиненным, подчас она переходит границы, но требовательность к себе также высока. Этой аттестацией ты представлялся на повышение по службе.

— А я к тебе претензий не имею, — ответил Жуков».

И в «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович, говоря о своем командовании кавполком, отмечал: «Меня чаще всего упрекали в жестокой требовательности, которую я считал не переменным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и тер-

пим к проступкам своих подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям. Конечно, сейчас эти ошибки стали виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано права наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям военным, которым придется на полях сражений, не шадя своей жизни, первыми защищать Родину».

Даже на склоне лет, дважды познав унижение опалы, маршал отнюдь не считал собственную «жестокую требовательность» к людям большим грехом. Наоборот, полагал, что это — качество, необходимое в военной службе. Ну а насчет столь же высокой требовательности к себе, любимому... Те требования, которые Жуков предъявлял к подчиненным, он сам соблюдал далеко не всегда. Об этом тот же Рокоссовский писал, вспоминая их совместную поездку к командующему Сталинградским фронтом генералу В. Н. Гордову в сентябре 1942 года: «Гордов явно нервничал, распекая по телефону всех абонентов, вплоть до командующих армиями, причем в непростительно грубой форме. Не случайно командный состав фронта, о чем мне впоследствии довелось слышать, окрестил его управление «матерным». Присутствовавший при этом Жуков не вытерпел и стал внушать Гордову, что «криком и бранью тут не поможешь; нужно умнее организовать бой, а не топтаться на месте». Услышав его поучение, я не смог сдерживать улыбки. Мне невольно вспомнились случаи из битвы под Москвой, когда тот же Жуков, будучи командующим Западным фронтом, распекал нас, командующих армиями, не мягче, чем Гордов.

Возвращаясь на КП, Жуков спросил меня, чему это я улыбался. Не воспоминаниям ли подмосковной битвы? Получив утвердительный ответ, заявил, что это ведь было под Москвой, а кроме того, он в то время являлся «всего-навсего» командующим фронтом».

Георгий Константинович был искренне убежден, что ему самому позволено делать то, что другим, рангом или способностями ниже его, возбраняется. И «матерный стиль» руко-

водства широко применял еще в бытность командиром полка и бригады. Болезненное самолюбие не позволяло будущему маршалу признать собственную неправоту даже в очевидных случаях.

В феврале 1931 года наш герой стал помощником инспектора кавалерии РККА С. М. Буденного. В своих мемуарах Семен Михайлович особо подчеркнул, что сам просил назначить Жукова на эту должность. Георгий Константинович уверяет в мемуарах, что не слишком стремился в Москву: «Я очень привык к своей дивизии и считал себя непременно членом дружной семьи самарцев... Однажды вечером мне позвонил Константин Константинович Рокоссовский и сказал, что из Москвы получен приказ о моем назначении на новую должность.

— Сколько вам потребуется времени на сборы? — спросил он.

— Часа два, — ответил я (все имущество семьи Жуковых в то время вполне умещалось в один чемодан. — Б. С.).

— Мы вас так не отпустим, — сказал К. К. Рокоссовский, — ведь вы ветеран 7-й дивизии, и проводим вас, как положено, таково общее желание командно-политического состава второй бригады.

Я, разумеется, был очень тронут.

Через несколько дней состоялся обед всего командного и политического состава 39-го и 40-го кавполков, на котором присутствовало командование дивизии. Я услышал много хороших, теплых слов в свой адрес. Шли они от чистого сердца и запомнились на всю жизнь».

В том, что Рокоссовский относился к Жукову с симпатией, сомневаться не приходится. Доказательством здесь служит приведенная выше аттестация комдива на комбрига, которая, очевидно, способствовала очередному рывку в жуковской карьере.

Следующим вечером после банкета Жуков, его супруга Александра Диевна и их двухлетняя дочка Эра с нехитрыми пожитками покинули Минск и поездом отправились в Москву. Здесь их поселили в деревянном бараке на 11-й Сокольнической улице в Сокольниках. Сват Георгия Констан-

тиновича маршал Александр Михайлович Василевский в беседе с Константином Симоновым вспоминал, насколько лучше были жилищные условия командиров полков в провинции по сравнению с теми, что они получали в Москве после назначения на более высокую должность: «К тому времени командирам полков — а я был командиром полка в Твери — были созданы хорошие условия, было решение, по которому все мы имели машины — «фордики» тогдашнего выпуска, каждый командир полка имел, получали квартиры — в одних случаях отдельные квартиры, в других даже особняки, имели верховую лошадь, имели, кроме машины, выезд. И вот после всего этого меня назначили в управление (Василевский с весны 1931 года работал в Управлении боевой подготовки, в состав которого входила Инспекция кавалерии. — Б. С.), дали вместо трех шпал командира полка один ромб по должности, званий тогда еще не было, и сообщили адрес, где я буду жить. Поехал я в Сокольники, нашел этот дом — новые дома с тесными квартирами (здесь же поселился и Жуков. — Б. С.), нашел свой номер квартиры — квартира из нескольких комнат, мне отведена одна, а нас четверо: я, жена, теща, сын (Юрий, будущий первый муж Эры Жуковой. — Б. С.). Вот так мне предстояло жить после тех условий, в которых находился как командир полка. Такое же положение было и у Жукова, когда он был тоже назначен туда, в это управление...

Помню, однажды выхожу я из наркомата и вижу: на стоянке трамвая стоит Георгий с большой этажеркой для книг. Я говорю:

— Что ты тут стоишь?

— Да вот квартира-то пустая, в комнате ничего не стоит, хоть взял здесь, в АХО, выписал себе этажерку для книг, чтоб было куда книги положить. Да уже стою полчаса — три трамвая или четыре пропустил, никак не могу ни в один из этих трамваев сесть, народу битком, видишь, висят.

— Ну, ладно, я подожду, с тобой вместе поедем.

Ждали, ждали, еще пять или шесть трамваев переждали, но ни в один не можем сесть. Тогда Жуков говорит:

— Ну, ты езжай, а я пойду пешком.

— Куда, в Сокольники?

— Ну да, в Сокольники, а что же делать с этой, с этажеркой, не обратно же ее нести.

Я тогда сказал ему, что уж раз такая судьба, давай пойдем пешком вместе, я тебе помогу ее тащить. Так мы и шли с Жуковым через весь город, до Сокольников, несли эту этажерку к месту его нового жительства».

Георгий Константинович этажерку, конечно, не в магазине купил, а получил в АХО. Тогда ведь одежды, мебели и других промышленных товаров в свободной продаже почти не было. Костюм, стол или шкаф можно было купить только по ордеру, выписанному на предприятии или в учреждении.

Быт в начале 30-х годов был скуден. Основные продовольственные и промышленные товары — по карточкам. Жилищный вопрос в Москве стоял остро. Даже высокопоставленным военным в полковничьих и генеральских чинах приходилось ютиться в коммуналках. А тут еще с семейством Жукова произошла крупная неприятность. Вот что рассказал М. М. Пилихин: «В 1932 году Георгий пригласил мою семью в Крым, в дом отдыха. Когда Жуковы вернулись, то обнаружили, что их квартиру обокрали, не оказалось и мехового пальто его жены Александры Диевны, и ряда других вещей. Георгий заявил в МУР, но МУР так и не смог найти пропавшие вещи. Как-то моя жена Клавдия Ильинична шла по Столешникову переулку. А навстречу идет женщина в пальто Александры Диевны. Клавдия Ильинична с помощью милиции женщину эту задержала... Оказалось, что женщина пальто купила в комиссионном магазине. Пальто это вернули Жукову». Меховое пальто по тем временам было большой ценностью. Его возвращение хоть и слабо, но все-таки утешило Жуковых.

Жуков неизменно помогал всем своим родственникам. В 1930 году у вдовы М. А. Пилихина отняли дом в Черной Грязи, переселив ее с семьей во флигель. Семье грозило раскулачивание. По воспоминаниям Анны Михайловны Пилихиной, Жуков прислал документ о том, что Пилихины раскулачиванию не подлежат. Дом после этого вернули, а вот уведенный со двора скот вернуть «забыли». Впрочем, после

смерти Ольги Гавриловны в 1934 году семью из дома все равно выселили. Тут и Жуков ничем помочь не сумел.

Буденный был весьма удовлетворен работой своего помощника. По его словам, «Г. К. Жуков быстро вошел в курс дела. И не случайно на общем собрании коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки наркомата по военным и морским делам мы единодушно избрали Жукова секретарем партбюро (без рекомендации Буденного такое избрание не могло состояться. — Б. С.)... Жуков очень скоро завоевал авторитет среди командного состава. Мне нравилось в Георгии Константиновиче то, что он глубоко вникал в вопросы боевой подготовки кавалерийских частей, проявлял инициативу, всего себя отдавал делу укрепления могущества Красной армии».

В Инспекции Жуков разрабатывал проекты Боевого устава конницы, которые были одобрены заместителем наркома обороны М. Н. Тухачевским. 31 октября 1931 года Буденный дал Жукову превосходную аттестацию. Он подчеркнул, что Георгий Константинович «проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА и все поручения выполнял в ударном порядке, успешно и в назначенные сроки». Семен Михайлович подтвердил, что Жуков — командир «с сильными волевыми качествами», требовательный к себе и к подчиненным, с чувством ответственности за порученную работу, тактически и оперативно грамотный. Отметил, что, «не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием». Общий вывод был весьма благоприятен для Георгия Константиновича: «подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кавдивизии и начальника нормальной кавалерийской школы».

Единственный недостаток своего помощника Семен Михайлович видел в «известной жесткости и грубоватости». Впрочем, в глазах бывшего командарма 1-й Конной это свойство натуры было вполне терпимым: в сердцах съездить подчиненному по морде — сам был горазд. Буденный явно рассчитывал поставить Жукова командиром дивизии. Такой

случай Георгию Константиновичу представился после двух лет работы в Инспекции.

Вот что вспоминает об этом Буденный: «Как-то весной 1933 года меня пригласил нарком обороны К. Е. Ворошилов. Вошел к нему в кабинет и сразу заметил, что у Ворошилова скверное настроение...

— Надо срочно подыскать нового командира 4-й кавалерийской дивизии, — сказал он.

— А что случилось?

Ворошилов сообщил, что на днях 4-ю кавдивизию инспектировал командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич и остался недоволен ее состоянием. По его словам, комдив развалил дивизию, в ней нет дисциплины, нет должного порядка.

— Сами понимаете, как мне больно это слышать, — продолжал Климент Ефремович. — Ведь дивизия носила мое имя!.. — Ворошилов встал, заходил по кабинету. — Вот как подвели, а? Уборевич просит немедленно заменить комдива. Я уже дал согласие...

Слушая Ворошилова, я подумал о том, а не стухнул ли краски Уборевич. Спросил об этом Климента Ефремовича.

Ворошилов сказал:

— Я верю Уборевичу. Не станет же он, командующий округом, наговаривать на своих комдивов?

— Логично, — согласился я.

Ворошилов встал.

— Кого вы можете предложить на эту должность? — спросил он.

Я ответил, что надо подумать, хотя могу и сейчас назвать одного товарища.

— Кто?

— Жуков Георгий Константинович, — сказал я. — Раньше он служил в Белорусском военном округе, был командиром полка, командовал бригадой...

Выслушав меня, Ворошилов сказал:

— Пожалуй, кандидатура подходящая. Лично поговорите с Жуковым, а потом заготовьте приказ».

Из беседы Буденный вынес впечатление, что Георгий Константинович «был доволен этим назначением».

«— Уверен, что вы, товарищ Жуков, поправите дела в дивизии. Такого же мнения и нарком. Он поручил мне передать это вам», — напутствовал Семен Михайлович нового комдива.

«— Постараюсь сделать все, чтобы четвертая кавалерийская дивизия вновь обрела достойную ей славу, — пообещал Жуков».

Сам Георгий Константинович в «Воспоминаниях и размышлениях» утверждал, что подозрения Буденного, будто Уборевич слишком сгустил краски, в общем-то, были основательны: «В 1932 году дивизия была спешно переброшена в Белорусский военный округ, в город Слуцк. Как мне потом стало известно, передислокацию объясняли чрезвычайными оперативными соображениями. Однако в тот период не было никакой надобности в спешной переброске дивизии на совершенно неподготовленную базу».

Жуков, конечно же, не был посвящен в тонкости высокой политики: как раз в 1932 году заместителем наркома Тухачевским, наверняка с санкции Ворошилова и Сталина, был разработан план нападения на Польшу; потому и двинулась 4-я кавдивизия в Слуцк, расположенный в полусотне километров от польской границы, — вот и все «чрезвычайные оперативные соображения»! Хотели воспользоваться мировым экономическим кризисом и раздавить давнего противника, рассчитывая, что из-за финансово-экономических неурядиц и роста социальной напряженности Англия и Франция побоятся прийти на помощь Пилсудскому. Однако для такой войны необходим был благожелательный нейтралитет Германии, если не союз с ней. С немцами, опасавшимися, что после захвата Польши почти миллионная Красная армия легко сомнет и 100-тысячный рейхсвер, тогда договориться не удалось, и советское вторжение в Польшу не состоялось. Но 4-ю Донскую кавдивизию, равно как и другие вновь переброшенные части, так и оставили у польских границ.

Георгий Константинович не пожалел красок, рисуя плачевное состояние 4-й кавалерийской: «В течение полутора лет дивизия была вынуждена сама строить казармы, конюшни, штабы, жилые дома, склады и всю учебную базу. В результате

блестяще подготовленная дивизия превратилась в плохую рабочую воинскую часть. Недостаток строительных материалов, дождливая погода и другие неблагоприятные условия не позволили вовремя подготовиться к зиме, что крайне тяжело отразилось на общем состоянии дивизии и ее боевой готовности. Упала дисциплина, часто стали болеть лошади...

Весной 1933 года командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич после краткого инспектирования частей дивизии... поспешил определить главного виновника плохого состояния дивизии — ее командира Г. П. Клеткина.

Безусловно, ответственным за дивизию является командир, на то он и единоначальник. Но высший начальник по долгу своей службы и как старший товарищ обязан быть объективным, внимательным и справедливым. Со свойственной ему горячностью И. П. Уборевич доложил народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову о состоянии 4-й дивизии и потребовал немедленного снятия комдива Г. П. Клеткина. Конечно, в дивизии имели место недостатки. Однако И. П. Уборевич все же сгустил краски, утверждая, что дивизия растеряла все свои хорошие традиции и является небоеспособной».

Здесь с Жуковым трудно не согласиться. Беда, однако, в том, что сам он далеко не всегда следовал тем принципам, к соблюдению которых призывал других в своих мемуарах. В годы Великой Отечественной войны Георгию Константиновичу не раз и не два доводилось расстреливать попавших под горячую руку командиров и комиссаров дивизий. А ведь нередко, как и в случае с Г. П. Клеткиным, их вина в происшедшем была не очень велика по сравнению с виной вышестоящих начальников, в том числе и самого Жукова.

Отношения нового комдива с командующим округом сначала были непростыми. Жуков рассказывал Симонову: «Поначалу мои отношения с Уборевичем сложились неудачно. Примерно через полгода после того, как я принял дивизию, он влепил мне по чьему-то несправедливому докладу выговор. Была какая-то инспекционная проверка в дивизии, оказалось что-то не так, в итоге выговор в приказе по округу. Выговор несправедливый, потому что за полгода ди-

визию поставить на ноги невозможно. За полгода с ней можно только познакомиться и начать принимать меры. А сделать все то, что требовалось для приведения дивизии в полный порядок, я за полгода не мог при всем желании. И вот — выговор. Притом заочный. Это был первый выговор за всю мою службу (здесь Георгий Константинович лукавил — мы то помним про выговор 1929 года! — Б. С.), и, на мой взгляд, повторяю, совершенно несправедливый. Я возмутился и дал телеграмму: «Командующему войсками округа Уборевичу. Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не могу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков».

После телеграммы прошло два дня. Звонит Уборевич и вызывает меня к телефону.

— Интересную телеграмму я от вас получил. Вы что, недовольны выговором?

Я отвечаю:

— Как же я могу быть довольным, товарищ командующий, когда выговор несправедлив и не заслужен мною?

— Значит, вы считаете, что я несправедлив?

— Да, я так считаю. Иначе не отправил бы вам телеграмму.

— И ставите вопрос о том, чтобы откомандировать вас?

— Ставлю вопрос.

— Подождите с этим. Через две недели будет инспекторская поездка, мы на ней с вами поговорим. Можете подождать со своим рапортом до этого?

— Могу.

— Ну так подождите.

На этом закончился наш разговор.

На инспекторской поездке Уборевич нашел случай, отозвал меня в сторону и сказал:

— Я проверил материалы, по которым вам вынесли выговор, и вижу, что он вынесен неправильно. Продолжайте служить. Будем считать вопрос исчерпанным.

— А выговор могу считать снятым? — спросил я.

— Разумеется, раз я сказал, что он несправедлив.

На этом закончился инцидент.

Впоследствии дивизия стала лучшей в армии. За два года я привел ее в порядок.

Отношения с Уборевичем сложились хорошие. Я чувствовал, что он работает надо мной. Он присматривался ко мне, давал мне разные задания, вытаскивал меня на доклады. Потом поручил мне на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в Первую мировую войну. Этот доклад был для меня делом непривычным и трудным (но как же тогда понимать содержащееся в «Воспоминаниях и размышлениях» признание, что еще на курсах в Ленинграде Жукову пришлось готовить доклад об основных факторах военного искусства, который к тому же был опубликован в бюллетене курсов? — Б. С.). Тем более что я, командир дивизии, должен был делать этот доклад в присутствии всех командующих родами войск округа и всех командиров корпусов. Но я подготовился к докладу и растерялся только в первый момент: развесил все карты, остановился около них; надо начинать, а я стою и молчу. Но Уборевич сумел помочь мне в этот момент, своим вопросом вызвал меня на разговор, дальше все пошло нормально, и впоследствии он оценил этот доклад как хороший. Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает надо мной».

О Тимошенко, командовавшем 3-м кавкорпусом, Жуков очень тепло говорил Симонову: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что после харьковской катастрофы ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильнее некоторых других командующих, таких, например, как Еременко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова, и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным, если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт».

Семен Константинович Тимошенко, хотя и командовал в Гражданскую войну дивизией в 1-й Конной армии, по возрасту был всего на год старше Жукова. Их связывали отношения ровесников — людей одного поколения. Поэтому для Георгия Константиновича Семен Константинович не отождествлялся с Ворошиловым и Буденным, хотя и был конармейцем. Жуков пытался создать у Симонова впечатление, что они с Тимошенко делали почти все возможное, чтобы устранить пагубные последствия ворошиловского руководства наркоматом обороны, да вот времени не хватило. Правда, не очень-то верится в показания Жукова, что Семен Константинович не заискивал перед Иосифом Виссарионовичем. Как-никак Тимошенко стал сталинским сватом: его дочь Екатерина уже после Великой Отечественной войны вышла замуж за сына Сталина Василия. И брак этот наверняка заключался не без расчета — Семен Константинович тем самым гарантировал себя от вспышек гнева стареющего тирана (после смерти Сталина Василия посадили в тюрьму, и Екатерина оставила мужа-алкоголика). Да и повоювать Тимошенко после Харькова Верховный все-таки давал. Семен Константинович координировал действия фронтов в Яссо-Кишиневской операции, за что и был награжден высшим военным орденом Победы. Что же касается Уборевича, то Георгий Константинович с Иеронимом Петровичем в конце концов подружились.

Теперь уже достаточно широко известно, что в 30-е годы среди высшего начальствующего состава Красной армии существовали две основные группировки, находящиеся в соперничестве. Одна объединяла Ворошилова, Буденного и других конармейцев. В состав второй входили Тухачевский, Якир, Уборевич и другие командиры, с 1-й Конной никак не связанные. Когда Уборевич узнал, что к нему командиром дивизии по рекомендации Буденного назначен бывший помощник Семена Михайловича, то вполне мог заподозрить неладное. Вдруг новый комдив призван присматривать за ним? Вот Иероним Петрович и попытался избавиться от Жукова: сделал ему необоснованный выговор, чтобы со временем приписать ему служебное несоответствие и по-тихому заменить своим человеком. Однако поведение Жукова, сразу поставившего вопрос ребром, кажется, убедило Уборевича в том, что

Георгий Константинович интриговать против него не будет. А вскоре командующий округом понял, что Жуков — командир толковый и имеет те же взгляды на воспитание и боевую подготовку войск, что и сам Уборевич. И стал опекать командира 4-й Донской, рассчитывая перетянуть его из стана конармейцев в стан Тухачевского, но не преуспел в этом.

Ну а жуковский доклад, который будто бы понравился Уборевичу.. Дальше мы убедимся, что Георгию Константиновичу доклады обычно писали подчиненные-штабисты. Подозреваю, что и над сообщением на тему о действиях французской кавалерии в Первую мировую войну пришлось ударно потрудиться или начальнику штаба 4-й кавдивизии, или кому-то из его сотрудников.

Уборевич, как и Жуков, главное внимание уделял обучению и тактической подготовке бойцов и командиров. Георгий Константинович сказал о нем теплые слова писателю Симонову: «Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того, и другого и непревзойденным воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание». Возможно, Уборевич, выходец из бедной семьи литовских крестьян, был ближе Жукову, чем Тухачевский, происходивший тоже из бедной семьи, но дворянского рода.

Жуков сохранил хорошие отношения с Ворошиловым и Буденным. В 1935 году 4-я дивизия за успехи в боевой и политической подготовке была удостоена ордена Ленина. Такую же награду с формулировкой «за выполнение спецзадания» в августе 1936 года получил и комдив. Спецзадание, очевидно, заключалось в «оздоровлении» вверенной ему дивизии.

Вручать 4-й кавалерийской орден приехал сам Буденный. Семен Михайлович обратился к бойцам с краткой напутственной речью: «Будьте достойны тех, кто в годы Гражданской войны прославил вашу дивизию. У нас есть еще немало врагов, и нам следует быть начеку. Орден Ленина — это награда за все ваши труды, но она и зовет вас, товарищи, к новым делам во имя интересов нашей трудовой республики...» Потом

выступил Жуков и от имени личного состава дивизии попросил Буденного передать родному ЦК и правительству, что «4-я дивизия, свято храня и умножая боевые традиции, всегда будет готова выполнить любой приказ Родины».

В мемуарах Георгий Константинович, однако, описывая тот визит Буденного, не пожалел иронии: «...С. М. Буденный умел разговаривать с бойцами и командирами. Конечно, занятия, учений или штабных игр с личным составом он сам не проводил. Но ему это в вину никто не ставил. Хотя, конечно, это было большим минусом в его деятельности. Видимо, считали, что Семен Михайлович теперь больше политическая фигура, чем военная».

Может, завидовал Георгий Константинович Буденному, что тот умеет говорить с бойцами, заглянуть им в душу. Ведь Семен Михайлович был полководцем Гражданской войны, а там исход сражения зачастую зависел от умения убеждать подчиненных, что они идут в бой за правое дело. Вот Жукову найти общий язык с красноармейцами и командирами было сложно. Он привык не убеждать, а принуждать.

В 1935 году после награждения орденом Ленина жуковскую дивизию из 3-го кавкорпуса, которым вместо Тимошенко, ставшего заместителем Уборевича, руководил комкор Л. Я. Вайнер, перевели в 6-й, во главе которого стоял Е. И. Горячев. В связи с введением в Красной армии персональных воинских званий Георгию Константиновичу в ноябре 1935 года было присвоено звание «комбриг». В апреле 1936 года казакам вновь разрешили служить в армии, а ряд кавалерийских соединений сделали казачьими. 4-я кавалерийская дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью дивизию, и в ней была введена военная форма — синие шаровары с красными лампасами и синие фуражки с красными околышами. Хотя далеко не все бойцы в действительности происходили из бывшего казачьего сословия.

На осенних окружных маневрах 1936 года жуковская дивизия вновь блеснула хорошей подготовкой. На маневрах присутствовал сам нарком Ворошилов, и на его глазах 4-я дивизия произвела форсирование Березины, причем танки БТ-5 из входившего в состав дивизии механизированного полка

преодолели реку своим ходом. Климент Ефремович остался доволен. На разборе учений он высоко оценил действия Жукова, а по возвращении в Москву с удовлетворением сообщил Буденному, что 4-я Донская казачья дивизия обрела прежнюю славу. И добавил: «В этом заслуга Жукова. Таких командиров нам бы побольше».

Перспективный командир дивизии явно мог рассчитывать на более высокую должность. Однако непредвиденное происшествие задержало продвижение Георгия Константиновича по службе. Вот что рассказывал М. М. Пилихин, по приглашению брата гостивший в Слуцке во время маневров 1936 года: «Летом Георгий мою семью пригласил в Слуцк во время отпуска. В 1936 году там стали проводить полевые учения. День был солнечный, было душно. Жукова и начальника штаба угостили холодным молоком. На другой день они почувствовали себя плохо — заболели бруцеллезом. Их отправили в Минск, а потом в Москву в Центральный военный госпиталь, где они и находились на лечении семь-восемь месяцев. Все это время мы с Клавдией Ильиничной навещали Георгия. Приехала Александра Диевна с дочкой Элочкой. Жили они у нас в Брюсовском переулке. Брат поправился, его из госпиталя направили с семьей на юг в дом отдыха, он там хорошо отдохнул и вернулся в Москву...» По словам Эры Жуковой, после этой болезни отец навсегда бросил курить.

Уже в 50-е годы, когда отношения с мужем окончательно разладились, Александра Диевна с иронией говорила о той жуковской болезни своим близким друзьям: «Жорж оказался предусмотрительным в то страшное время репрессий, затянув пребывание на больничной койке». Здесь явно говорит ее обида на супруга. Врачи в Москве были опытные и симулянта сразу разоблачили бы со всеми вытекающими из этого последствиями. Да бруцеллез и невозможно симулировать, это тяжелое инфекционное заболевание, передающееся человеку от домашних животных и вызывающее волнообразную лихорадку, увеличение печени и селезенки, боль в суставах и другие тяжелые симптомы, которые на самом деле требуют длительного лечения.

Летом 1936 года начался новый этап репрессий в Красной армии. На этот раз он затронул не бывших царских офицеров,

как было прежде, а в первую очередь командиров-коммунистов и комиссаров, казавшихся вполне благонадежными. Если они и служили в императорской армии, то в небольших чинах, а в партию большевиков вступили еще в Гражданскую войну, как Тухачевский, и даже имели дореволюционный партийный стаж, как глава армейских политработников Я. Б. Гамарник.

Готовясь ко Второй мировой войне, оснащая Красную армию тысячами и тысячами танков и самолетов, Сталин произвел в 1937—1938 годах зачистку высшего командного состава от тех, в чьей стопроцентной лояльности к себе сомневался. Заодно он зачистил и гражданскую номенклатуру. Зачистка делалась отнюдь не на случай возможного поражения. О поражении Сталин не думал. Воевать собирались «малой кровью и на чужой территории». Зачистка нужна была для грядущей победы. Сталин очень хорошо знал историю революций и понимал, что Бонапарты рождаются из побед, а не из поражений. Призрак бонапартизма преследовал его всю жизнь. Именно опасения, что кто-то из победоносных маршалов двинет полки на Кремль, заставили диктатора инспирировать «дело о военно-фашистском заговоре» и казнить Тухачевского, Якира, Блюхера (этого, строго говоря, не казнили, а забили насмерть на следствии) и сотни других командармов и комдивов, комкоров и комбригов, в чьей лояльности в тот момент еще не было никаких оснований сомневаться. Остались только проверенные «конармейцы» — Ворошилов и Буденный, Шапошников и Тимошенко, у которых, как полагал Сталин, опасных амбиций в случае победы не возникнет.

В 1936 году из известных военачальников были арестованы только четверо: В. М. Примаков, В. К. Путна, Д. А. Шмидт и Ю. В. Саблин. Жуков когда-то учился на ККУКС, начальником которых был Примаков, и командовал полком в 7-й кавдивизии, когда ее возглавлял Шмидт. Однако в подобных же отношениях с арестованными находились десятки, если не сотни командиров такого же ранга, как и Жуков. И Георгий Константинович вряд ли тогда ощущал опасность. Вот когда в мае 1937 года взяли Уборевича, Жуков мог заволноваться. О тесных отношениях Георгия Константиновича с бывшим командующим округом было хорошо известно. Однако как раз

тогда срок пребывания в госпитале уже подходил к концу. Затем — санаторий, и в июле 1937 года, всего через какой-то месяц с небольшим после казни Тухачевского и его товарищей, в самый разгар репрессий в Красной армии, Жуков поднимается на новую ступеньку в военной иерархии. Его назначают командиром 3-го кавалерийского корпуса, располагавшегося в районе Минска. Жуковские предшественники на этом посту, Л. Я. Вайнер и Д. Ф. Сердич, были уже к тому времени арестованы. Вскоре их расстреляли.

Люди, знакомые с порядками кадровых перемещений в Красной армии, сразу отметят: представлению Военного совета Белорусского военного округа о назначении Жукова командиром 3-го кавкорпуса наверняка предшествовало указание со стороны Ворошилова и Буденного (вряд ли назначения командиров-кавалеристов производились без консультаций с Семеном Михайловичем).

Вскоре и над головой Георгия Константиновича стали стучаться тучи. Вот что он написал в «Воспоминаниях и размышлениях» о начале службы в 3-м кавкорпусе: «...В большинстве частей корпуса в связи с арестами резко упала боевая и политическая подготовка командно-политического состава, понизилась требовательность и, как следствие, ослабла дисциплина и вся служба личного состава. В ряде случаев демагоги подняли голову и пытались терроризировать требовательных командиров, пришивая им ярлыки «вражеского подхода» к воспитанию личного состава... Находились и такие, которые занимались злостной клеветой на честных командиров с целью подрыва доверия к ним со стороны солдат и начальствующего состава. Пришлось резко вмешаться в положение дел, кое-кого решительно одернуть и поставить вопрос так, как этого требовали интересы дела. Правда, при этом лично мною была в ряде случаев допущена повышенная резкость, чем немедленно воспользовались некоторые беспринципные работники корпуса. На другой же день на меня посыпались донесения в округ с жалобой к Ф. И. Голикову (члену Военного совета Белорусского военного округа. — Б. С.), письма в органы госбезопасности «о вражеском воспитании кадров» со стороны командира 3-го конного корпуса Жукова».

Далее Георгий Константинович рассказывает, как на партсобрании заступился за командира одной из дивизий корпуса В. Е. Белокоскова, которого обвиняли в близких отношениях с только что разоблаченными «врагами народа» Уборевичем, Сердичем, Юнгом и др. Несчастному грозил исключение из партии с практически неизбежным последующим арестом. Жуков же будто бы подчеркнул, что отношения Белокоскова с этими людьми носили чисто служебный характер, и предложил ограничиться обсуждением, без каких-либо оргвыводов. Так и поступили.

Маршал прямо не утверждает, но у читателей «Воспоминаний и размышлений» создается впечатление, будто последующие репрессии по партийной линии могли быть вызваны его принципиальным поведением в деле Белокоскова. Кроме того, Жуков дает понять, что партсобрание, на котором его самого чуть было не исключили из большевистских рядов, состоялось через год или полтора после этого дела, когда он возглавлял уже 6-й казачий корпус, дислоцировавшийся в Осиповичах: «Как-то вечером ко мне в кабинет зашел комиссар корпуса (6-го. — Б. С.) Фомин. Он долго ходил вокруг да около, а потом сказал:

— Знаешь, завтра собирается актив коммунистов 4-й дивизии, 3-го и 6-го корпусов, будут тебя разбирать в партийном порядке.

Я спросил:

— Что же такое я натворил, что такой большой актив будет меня разбирать? А потом, как же меня будут разбирать, не предъявив мне заранее никаких обвинений, чтобы я мог подготовить соответствующее объяснение?

— Разбор будет производиться по материалам 4-й дивизии и 3-го корпуса, а я не в курсе поступивших заявлений, — сказал Фомин.

— Ну что же, посмотрим, в чем меня хотят обвинить, — ответил я Фомину.

На другой день действительно собрались человек восемьдесят коммунистов, и меня пригласили на собрание. Откровенно говоря, я немного волновался и мне было как-то не по себе, тем более что в то время очень легко пришивали ярлык «врага народа» любому честному коммунисту.

Собрание началось с чтения заявлений некоторых командиров и политработников... Указывалось, что я многих командиров и политработников незаслуженно обижал и не выдвигал на высшие должности, умышленно замораживал опытные кадры, чем сознательно наносил вред нашим вооруженным силам. Короче говоря, дело вели к тому, чтобы признать, что в воспитании кадров я применял вражеские методы. После зачитания ряда заявлений начались прения. Как и полагалось, выступили в первую очередь те, кто подал заявления.

На мой вопрос, почему так поздно поданы на меня заявления, так как прошло полтора-два года от событий, о которых упоминается в заявлениях, ответ был дан:

— Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами.

Второй вопрос: об отношении к Уборевичу, Сердичу, Вайнеру и другим «врагам народа». Спрашивается, почему Уборевич при проверке дивизии обедал у вас, товарищ Жуков, почему к вам всегда так хорошо относились Сердич, Вайнер и другие?

Затем выступил начальник политотдела 4-й кавдивизии С. П. Тихомиров... Его речь была ярким примером приспособленца. Он лавировал между обвинителями, а в результате получилась беспринципная попытка уйти от прямого ответа на вопросы, в чем прав и в чем неправ Жуков. Тихомиров уклонился от прямого ответа. Я сказал коммунистам, что ожидал от Тихомирова объективной оценки моей деятельности, но этого не получилось. Поэтому скажу, в чем я был неправ, а в чем прав, чтобы отвергнуть надуманные претензии ко мне.

Первый вопрос о грубости. В этом вопросе, должен сказать прямо, что у меня были срывы и я был неправ в том, что резко разговаривал с теми командирами и политработниками, которые здесь жаловались и обижались на меня. Я не хочу оправдываться в том, что в дивизии было много недочетов в работе личного состава, проступков и чрезвычайных происшествий. Как коммунист, я прежде всего обязан был быть выдержаннее в обращении с подчиненными, больше помогать добрым словом и меньше проявлять нервозность. Добрый совет, хорошее слово сильнее всякой брани.

Что касается обвинения в том, что у меня обедал Уборевич — «враг народа», должен сказать, что у меня обедал ко-

мандующий войсками округа Уборевич. Кто из нас знал, что он враг народа? Никто. Что касается хорошего отношения ко мне со стороны Сердича и Вайнера — могу сказать, что мы все должны бороться за то, чтобы были хорошие отношения между начальниками и подчиненными. Вы правы, критикуя мое плохое отношение к некоторым командирам, но не вправе критиковать меня за хорошее отношение ко мне Сердича и Вайнера. За это, скорее, надо было бы похвалить, чем бросать двусмысленные намеки и бездоказательные обвинения.

Относительно замечания начальника политотдела 4-й кавдивизии Тихомирова о том, что я недооцениваю политработников, должен сказать прямо: да, действительно, я не люблю и не ценю таких политработников, как, например, Тихомиров, который плохо помогал мне в работе в 4-й кавдивизии и всегда уходил от решения сложных вопросов, проявляя беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб делу. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика. Я уважаю таких политработников, которые помогают своим командирам успешно решать задачи боевой подготовки, умеют сами работать засучив рукава, неустанно проводя в жизнь указания партии и правительства, и, не стесняясь, говорят своему командиру, где он неправ, где допустил ошибку, чтобы командир учел это в своей работе и не допускал бы промахов.

Организаторы этого собрания, видимо, рассчитывали на то, чтобы исключить меня из партии или, в крайнем случае, дать строгое партийное взыскание, но коммунисты не пошли на это.

После критических выступлений собрание приняло решение, которое явилось для меня серьезной помощью. В решении партактива было сказано: «Ограничиться обсуждением вопроса и принять к сведению объяснение товарища Жукова Г. К.»

Откровенно говоря, для меня выступление начальника политотдела 4-й кавалерийской дивизии С. П. Тихомирова было несколько неожиданным. Мы работали вместе около четырех лет. Жили в одном доме. Как начальник политотдела и мой заместитель по политчасти он меня, безусловно, не удовлетворял (спрашивается, почему же тогда за четыре

года Георгий Константинович ни разу не поставил вопрос о замене Тихомирова? — Б. С.), но в частной жизни, как человек, он был хороший во всех отношениях и ко мне всегда относился с большим тактом и уважением (подозреваю, что неудовлетворенность Жукова работой своего заместителя возникла только после злополучного партсобранин. — Б. С.). Он всегда подчеркивал, что как единоначальник я являюсь полноценным политическим руководителем и пользуюсь настоящим партийным авторитетом у командного состава, в том числе и у политработников.

Когда кончилось собрание, я не утерпел и спросил Тихомирова:

— Сергей Петрович, вы сегодня обо мне говорили не то, что всегда, когда мы работали вместе в дивизии. Что соответствует истине — ваши прежние суждения обо мне или та характеристика, которая была дана вами сегодня?

Он ответил:

— Безусловно, та, что всегда говорил. Но то, что сегодня сказал, — надо было сказать.

Я вспылil и ответил:

— Я очень жалею, что когда-то считал тебя принципиальным товарищем, а ты просто приспособленец.

С тех пор я перестал считать его своим товарищем. При встречах с ним отвечал только на служебные вопросы».

Опять перед нами сказочный богатырь, легко поражающий врагов, в том числе и оборотня — бывшего друга-комиссара. Симонов же услышал от Жукова совсем апокрифический рассказ. Будто бы Сталин, когда Тимошенко назвал ему «командира кавалерийского корпуса Жукова» (на самом деле тогда — уже заместителя командующего округом) в качестве кандидата на пост командующего на Халхин-Голе, заявил: «Жуков... Жуков... Что-то я не помню эту фамилию». Тогда Ворошилов напомнил: «Это тот самый Жуков, который в тридцать седьмом прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекли к партийной ответственности». — «Ну, и чем дело кончилось?» — спросил Сталин. Ворошилов, как утверждал Жуков, ответил, что все кончилось благополучно: выяснилось, что для привлечения к ответственности не было оснований.

Я не знаю, как именно проходило то памятное Жукову партсобрание, не знаю, сохранился ли где-нибудь его протокол. Не знаю даже, выступал ли на нем С. П. Тихомиров, один из немногих политработников, кому посчастливилось избежать репрессий в 1937—1938 годах. Зато знаю точно: насчет времени, хода и исхода партсобрания и о посланных Сталину и Ворошилову телеграммах, будто бы приведших к отмене несправедливого решения, Георгий Константинович откровенно врет. Иначе не скажешь. Потому что в автобиографии, датированной 13 июня 1938 года, Жуков прямо писал: «Партвзыскание имею — «выговор» от 28.1.38 г. за грубость, за зажим самокритики (? — что значит сия абракадабра на партийном жаргоне, я не знаю; зажим критики — еще понять можно: не позволяет подчиненным критиковать командира, но что же такое «зажим самокритики»? То ли Жуков не позволял другим критиковать самих себя, то ли каким-то образом подавлял собственные порывы к самобичеванию? — *Б. С.*), недооценку политработы, за недостаточную борьбу с очковтирательством. Связи с врагами ни у меня, ни у моей жены не было и нет. С 25 февраля 1938 года выдвинут командиром части 6323 (т. е. командиром 6-го казачьего кавалерийского корпуса. — *Б. С.*). Проходил проверку при отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Приказом НКО № 063 выдвинут заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (в связи с этим и была написана автобиография. — *Б. С.*)».

Легко убедиться, что партсобрание, о котором рассказал Жуков в своих мемуарах, состоялось 28 января 1938 года, еще в бытность Георгия Константиновича командиром 3-го кавкорпуса. И разбирали там наверняка не события полутора или двухгодичной давности, а итоги полугодичного командования корпусом. Очевидно, за это время Жуков успел своей грубостью и хамством, что называется, «достать» многих командиров и политработников, которые и выступили инициаторами обсуждения его поведения на собрании. И партийная организация, вопреки жуковскому утверждению в «Воспоминаниях и размышлениях», отнюдь не «ограничилась обсуждением вопроса», а вынесла командиру корпуса полновесный выговор. Только вот никаких политических об-

винений против Жукова не было. Иначе никто не рискнул бы выдвинуть его командиром самого мощного в Белорусском округе корпуса. Не случайно Жуков отмечал в мемуарах, что «6-й корпус по своей подготовке и общему состоянию стоял выше 3-го корпуса» и «по своей боеготовности был много лучше других частей» (получается, что 3-й корпус под жуковским руководством так и не успел стать передовым). Не исключено, что одним из мотивов перевода Жукова в 6-й корпус стала нетерпимая обстановка между ним и подчиненными, сложившаяся на прежнем месте службы.

Вот о другом пункте обвинений, насчет очковтирательства, Георгий Константинович предпочел ничего не писать в мемуарах. По всей видимости, речь шла о том, что донесения из частей корпуса приукрашивали показатели боевой и политической подготовки, к чему Жуков порой относился «без должного внимания».

Для Ворошилова, однако, грубость по отношению к подчиненным никогда не являлась пороком. Да и очковтирательство было общераспространенным явлением в Красной армии, как и во всей стране. Вряд ли 3-й кавкорпус как-то особо выделялся здесь в худшую сторону. Что же касается отраженных в выговоре обвинений в «недооценке политработы» и загадочном «зажиме самокритики», то по сравнению с сотнями и тысячами осужденных «заговорщиков» и «шпионов» это была сущая ерунда. Людей для замещения высших командных должностей, освобождаемых арестованными «врагами народа», катастрофически не хватало. Поэтому командир с партвызысканием, но остающийся на хорошем счету у руководства Наркомата обороны, в ту пору был вполне приемлемой кандидатурой для выдвижения на новые ступеньки военной иерархии. Выговор никак не помешал его награждению медалью «XX лет РККА» 22 февраля 1938 года и досрочному производству в комдивы в тот же день.

Предшественник Жукова в 6-м кавкорпусе комкор Елисей Иванович Горячев был одним из тех, кто судил Тухачевского, Якира, Уборевича и других участников мнимого «военно-фашистского заговора». Через восемь месяцев после суда он получил повышение: был назначен заместителем Тимошенко — командующего Киевским военным округом. Однако вскоре

на одном из партсобраний Горячеву припомнили дружбу с тем же Уборевичем, Сердичем и другими «врагами народа». Елисей Иванович не стал ждать неизбежного финала, не захотел оказаться в шкуре Тухачевского и испытывать предсмертные унижения. Он просто застрелился. В то время и руководство Белорусского военного округа успело смениться. Преемник Уборевича командарм 1-го ранга И. П. Белов был арестован 7 января 1938 года. Новый командующий М. П. Ковалев, командарм 2-го ранга (один из немногих носителей этого высокого звания, избежавший репрессий), подбирал кадры для замещения освободившихся вакансий в штабе округа. Заместителем командующего по кавалерии был назначен Жуков.

Существует версия, что Георгий Константинович сам оказался причастен к выявлению «врагов народа» и благодаря этому получил индульгенцию. Отпущение грехов способствовало избавлению от злосчастного выговора и явному ускорению карьерного роста. В 1989 году в № 10 журнала «Знамя» писатель Владимир Карпов опубликовал донос на Маршала Советского Союза А. И. Егорова следующего содержания:

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР тов. ВОРОШИЛОВУ.

Вскрытие гнусной, предательской, подлой работы в рядах РККА обязывает всех нас проверить и вспомнить всю ту борьбу, которую мы под руководством партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА провели в течение 20 лет. Проверить с тем, что все ли мы шли искренно честно в борьбе за дело партии ЛЕНИНА — СТАЛИНА, как подобает партийному и непартийному большевику, и нет ли среди нас примазавшихся попутчиков, которые шли и идут ради карьеристической, а может быть, и другой, вредительско-шпионской цели.

Руководствуясь этими соображениями, я решил рассказать т. ТЮЛЕНЕВУ следующий факт, который на сегодняшний день считаю имеющим политическое значение.

В 1917 году в ноябре м-це, на съезде 1-й армии в Штокмазгофе, где я был делегатом, я слышал выступление бывшего тогда правого эсера подполковника ЕГОРОВА А. И., который в своем выступлении называл товарища ЛЕНИНА авантюристом, посланцем немцев. В конечном счете речь его сводилась к тому, чтобы солдаты не верили ЛЕНИНУ, как

борцу-революционеру, борющемуся за освобождение рабочего класса и крестьянства.

После его выступления выступал меньшевик, который, несмотря на вражду к большевикам, и он даже отмежевался от его выступления.

Дорогой товарищ Народный Комиссар, может быть поздно, но я, поговорив сегодня с товарищем ТЮЛЕНЕВЫМ, решил сообщить это Вам.

ЧЛЕН ВКП(б)

(Г. ЖУКОВ)».

И подпись-автограф — «Жуков» (сам текст доноса отпечатан на пишущей машинке).

Карпов решил, что автор доноса — наш герой, Георгий Константинович Жуков. И основания к такому заключению были. Ведь упоминаемый в тексте письма «товарищ Тюленев» — это Иван Владимирович Тюленев, который тогда занимал пост заместителя инспектора кавалерии. Значит, автор письма почти наверняка был командиром-кавалеристом. Г. К. Жуков же, как известно, два года служил в Инспекции кавалерии РККА и Тюленева хорошо знал. Когда Георгий Константинович был там секретарем парторганизации, то Иван Владимирович состоял заместителем секретаря. Кроме того, казалось, что этот донос хорошо объясняет последующее стремительное карьерное восхождение Георгия Константиновича. Карпов, признавая, что процитированное письмо «не украшает Жукова», попытался оправдать доносчика: «Рассказал как-то Жуков о выступлении Егорова Тюленеву. А теперь спохватился: вдруг Тюленев сообщит об этом куда следует?.. Что же получится? Жуков сам об этом не сообщает, значит... Ну и так далее. Уж если совершенно невинным людям «пришивали» шпионаж, террор, то при наличии такого разговора от ареста не спасешься. Потом я обратил внимание на последнюю строчку письма; подчеркнуто еще раз: «поговорив с товарищем Тюленевым, решил сообщить». Видно, это все время мучило Жукова: доложил Тюленев или нет? И вот, еще раз поговорив с ним и понимая, что если он и теперь промолчит, то за «сокрытие» наверняка будет обвинен... ну и «решил сообщить».

Я обратил внимание на то, что письмо Жукова поступило в канцелярию наркома 26. 1. 38 года (дата на полях письма,

хотя и не очень четкая). Егоров еще в мае 1937 года, за месяц до процесса Тухачевского, был освобожден от должности начальника Генерального штаба, а вскоре арестован и погиб. Так что судьба Егорова была предreshена задолго до письма Жукова».

Здесь милейший Владимир Васильевич заблуждался. Падение Александра Ильича Егорова началось отнюдь не в мае 1937 года, а значительно позднее. 10 мая Егоров действительно оставил пост начальника Генштаба... чтобы занять более высокую должность первого заместителя наркома обороны. Она как раз освободилась после снятия Тухачевского, которому жизни оставалось всего месяц. Катастрофа для Александра Ильича настала в самом конце января 1938 года, когда маршала неожиданно сняли с высокого поста и направили командовать далеко не самым важным Закавказским округом. 8 февраля, через четыре дня после прибытия Егорова в Тбилиси к новому месту службы, арестовали его жену Галину Антоновну Цешковскую, обвинив как польскую шпионку (через неделю измученная женщина по требованию подписала показания). А еще через полтора месяца, 27 марта, взяли и самого Александра Ильича. Расстреляли маршала в День Красной армии, 23 февраля 1939 года.

Именно упомянутый донос стал началом падения Егорова. Не будь этого письма, возможно, Сталин и сохранил бы маршала в живых. В оппозиции ни Сталину, ни Ворошилову Александр Ильич никогда не был, на фронтах Гражданской войны был вместе с Иосифом Виссарионовичем и никогда с ним не конфликтовал. Еще до Жукова на Егорова донесли работники центрального аппарата Наркомата обороны Е. А. Щаденко и А. В. Хрулев, которым Егоров по пьяному делу пожаловался, что сейчас все заслуги победы над Деникиным приписывают Сталину, а его, Егорова, заслуги в этом деле начинают забывать. Видно, Сталин колебался насчет Егорова, но в итоге предпочел расстаться с не слишком одаренным, по его мнению, полководцем, да еще с запятнанной биографией. Александр Ильич служил капитаном еще в императорской армии в Закавказье и участвовал в подавлении революционных выступлений 1905—1906 годов. А ведь даже после ареста жены, но еще находясь на свободе, после первых ставок с уже арестованными «врагами народа» маршал писал Ворошилову: «...Моя политическая база, на основе ко-

торой я жил в течение последних 20 лет, живу сейчас и буду жить до конца моей жизни — это наша великая партия ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ее принципы, основы и генеральный курс... Я не безгрешен... Но со всей решительностью скажу, что я тотчас же перегрыз бы горло всякому, кто осмелился бы говорить и призывать к смене руководства... Мое политическое лицо не обрызгано ни одной каплей грязи и остается чистым, как оно было на протяжении всех 20 лет моего пребывания в рядах партии и Красной армии... Если бы я имел за собой, на своей совести и душе хоть одну йоту моей вины в отношении политической связи с бандой врагов и предателей партии, родины и народа, я не только уже теперь, а еще в первые минуты, когда партия устами вождя товарища СТАЛИНА объявила, что сознавшиеся не понесут наказания, да и без этого, прямо и откровенно об этом заявил, в первую голову товарищу СТАЛИНУ и Вам. Но ведь нет самого факта для признания, нет вопросов моей политической вины перед партией и родиной как их врага, изменника и предателя».

Но Сталин знал цену егоровским уверениям и не пощадил Александра Ильича.

На публикацию в «Знамени» откликнулись дочери Георгия Константиновича Эра и Эллы. Во 2-м номере того же журнала за 1990 год появилось их гневное письмо: «Мы были в состоянии шока. Думается, что автор, который якобы «некоторое время не мог продолжать работу», мог бы употребить его на установление подлинности столь поразившего его документа. Мы же не могли ни на минуту поверить, зная прямогу и честность отца, что он мог написать такую бумагу даже из-за «инстинкта самосохранения», как предполагает Карпов. Больше всего нас убеждала в том, что это фальшивка, сама подпись. Бросается в глаза, что она не имеет ничего общего с подлинной его росписью. А также тот факт, что такого рода письмо отпечатано на машинке. Уж это-то могло бы насторожить В. Карпова!»

Эра Георгиевна и Элла Георгиевна добились проведения судебной экспертизы. Заключение эксперта Л. В. Макаровой гласило, что «различающиеся признаки устойчивы, существенны и образуют совокупность, достаточную для вывода о выполнении данной подписи не самим Жуковым Г. К., а другим лицом. Отмеченные выше внешнее сходство, совпадения от-

дельных общих и частных признаков... могут быть (вероятно) объяснены выполнением подписи с подражанием подлинным подписям Жукова Г. К. ». И вывод: «Подпись от имени Жукова Г. К., расположенная в письме на имя народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова от 26 января 1938 г. справа от слов «Член ВКП(б)», выполнена не самим Жуковым Георгием Константиновичем, а другим лицом, вероятно, с подражанием подлинным подписям Жукова Г. К.».

Владимир Васильевич Карпов результатами экспертизы был сражен наповал. В переиздания своих книг о Жукове злосчастный донос не включал, а в письме тогдашнему главному редактору «Знамени» Григорию Яковлевичу Бакланову заявил: «Если это действительно так (т. е. подпись под доносом не Георгия Константиновича. — *Б. С.*), я буду счастлив!» И стал оправдываться: «У меня на столе ксерокопии многих документов, написанных и подписанных лично Жуковым. Подписи под ними не всегда идентичны, это часто зависело от настроения маршала и от обстановки, в которой он подписывал документ. Но, разумеется, я не специалист-графолог и не могу (и не хочу!) опровергать его заключение. И поэтому прошу читателей и родственников маршала понять, что это письмо опубликовано без злого умысла, а мое безграничное уважение и любовь к Георгию Константиновичу, надеюсь, видны и понятны всем из каждой страницы моего повествования». И в заключение бывший фронтовой разведчик, Герой Советского Союза призвал компетентные инстанции «разобраться» с теми, кто хотел опорочить светлое жуковское имя: «Что касается фальшивки, я надеюсь, правоохранительные органы расследуют и установят, кто хотел скомпрометировать маршала Жукова этим письмом».

Вот ведь какая психология у советского человека! Если документ подтверждает сложившееся у него отношение к тому или иному историческому герою, то проверять, а тем более опровергать его не стоит. Если же документ неудобен для существующего в сознании мифологического образа, то его проще всего объявить фальшивкой.

К сожалению, выводы эксперта отнюдь не проясняют, а только еще больше запутывают вопрос о том, кто же был ав-

тором доноса на Егорова. Ведь любой более или менее опытный криминалист знает, что экспертиза по одной только подписи не имеет доказательной силы в судебном процессе, потому что является недостаточным по объему материалом для выводов эксперта. Написание отдельных букв автографа может значительно меняться в зависимости от состояния того, кто подписывает документ: здоров он или хворает, волнуется или спокоен. Об этом можно прочесть в любом учебнике криминалистики. Автор доноса наверняка волновался, когда сочинял его, и подпись поэтому могла значительно отличаться от обычной. Что кому-нибудь в 38-м году могло прийти в голову подделывать подпись Георгия Константиновича под такого рода документом, не поверит ни один здравомыслящий человек. В тех условиях донос на Егорова был не компрометирующим документом, а свидетельством благонадежности и заявкой на карьерный рост. Слова из текста экспертизы о том, что подпись на документе выполнена «с подражанием подлинным подписям Жукова Г. К.», как раз способны только укрепить подозрения, что автором доноса был Георгий Константинович.

И совершенно непонятно, почему эксперт все время повторяет, что подпись выполнена «от имени Жукова Г. К.». В автографе ведь читается только «Жуков», а в его машинописной расшифровке — «Г. Жуков». Второго инициала «К.» нигде нет, равно как нет и указания на должность автора доноса. Вот если бы было написано: «Г. Жуков, командир 3-го кавалерийского корпуса», не возникало бы никаких сомнений. А так перед экспертом лежит документ, подписанный неким Г. Жуковым, судя по упоминанию И. В. Тюленева — кавалеристом, но совсем не обязательно — Георгием Константиновичем Жуковым. И утверждать, будто донос выполнен «от имени» моего героя, строго говоря, эксперту не следовало.

Вспомним, что на том же пленуме, когда громили Маленкова, Кагановича и других оппозиционеров, Жукову пришлось оглашать расстрельные списки, подписанные членами «антипартийной группы». Тут, по словам присутствовавшего на пленуме Константина Симонова, один из оппозиционеров прервал Георгия Константиновича и заявил, что «время было такое, когда приходилось подписывать некоторые докумен-

ты, хотел ты этого или нет. И сам Жуков хорошо знает это. И если порыться в документах того времени, то, наверное, можно найти среди них такие, на которых стоит и подпись Жукова». Жуков резко повернулся и ответил: «Нет, не найдете. Ройтесь! Моей подписи вы там не найдете». Конечно, Георгий Константинович прекрасно знал, что рыться в архивах опальным Кагановичу, Молотову и их соратникам никто не позволит. И сказал ли он на этот раз правду?

Я попытаюсь установить автора документа не с помощью графологической экспертизы, результаты которой в данном случае не могут служить доказательством. Я попробую проанализировать факты биографии Георгия Константиновича Жукова и сравнить их с тем, что сообщает о себе автор письма.

Доносчик в ноябре 1917 года был делегатом съезда 1-й армии Северного фронта в Штокмазгофе. Этот съезд открылся 30 октября 1917 года в Альтшваненбурге, частью которого была мыза Штокмазгоф. А. И. Егоров был там делегатом от 33-й дивизии. Съезд закончился 6 ноября. Жуков же, как мы помним, был младшим унтер-офицером в 6-м маршевом эскадроне 5-го запасного полка Юго-Западного фронта. Располагался этот полк в районе Балаклеи, больше чем за тысячу километров от лифляндского Штокмазгофа. И в автобиографии 1938 года Георгий Константинович отмечал, что во время «октябрьского переворота» вместе с эскадронами был на станции Савинцы Северо-Донецкой железной дороги в Харьковской губернии. Допустим, что Жуков придумал, как позднее ему приходилось несколько недель в районе Балаклеи укрываться от проукраински настроенных офицеров, желавших отомстить председателю эскадронного комитета за срыв «украинизации» эскадрона. Примем предположение, будто Георгий Константинович покинул эскадрон буквально сразу же, как только стало известно о захвате большевиками власти в Петрограде, скажем 26-го или 27-го числа. Ему в любом случае не хватило бы времени, чтобы попасть в Штокмазгоф к началу съезда. Ведь не на аэроплане же он летел? Да и с чего бы вдруг унтер-офицера Жукова понесло в Лифляндию, и кто бы его в 1-й армии в одночасье избрал на армейский съезд? К тому же в автобиографии 38-го года Георгий Константинович пунктуально указал, что был председателем эскадронного комитета и членом полкового совета, но ни-

чего не сказал насчет своего участия в армейском съезде. Зачем ему было таить столь лестный для себя факт?

Обратил я внимание и на дату поступления доноса на Егорова в канцелярию наркома — 26 января 1938 года. В самом тексте письма никаких дат нет, лишь упоминается, что последний разговор автора с Тюленевым состоялся «сегодня». Значит, письмо к наркому должно было поступить в тот же день, когда было написано, и передал его, скорее всего, сам доносчик. Следовательно, 26 января 1938 года командир по фамилии Жуков должен был находиться в Москве. Напомню, что 28 января того же года на партсобрании Георгий Константинович получил выговор. Кто бы стал за два дня до этого посылать комкора в Москву?

Но кто же был автором доноса? В ответе на этот вопрос нам помогут «Воспоминания и размышления». Рассказывая о своей службе в 1919 году в 4-м кавполку 1-й Московской кавалерийской дивизии, Георгий Константинович целую страницу посвятил встрече со своим однофамильцем: «...Я познакомился с комиссаром дивизии, моим однофамильцем, Жуковым Георгием Васильевичем. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды ранним утром, проходя мимо открытого манежа, я увидел, что кто-то «выезжает» лошадь. Подошел ближе, вижу, сам комиссар дивизии. Зная толк в езде и выезде, захотел посмотреть, как это делает комиссар.

Не обращая на меня внимания, комиссар весь в поту отбавывал подъем коня в галоп с левой ноги. Но как ни старался, конь все время давал сбой и вместо левой периодически выбрасывал правую ногу. Я не удержался и крикнул: «Укороти левый повод!» Комиссар, ничего не говоря, перевел коня на шаг, подъехал ко мне и, соскочив, сказал: «А ну-ка, попробуй».

Мне ничего не оставалось делать, как подогнать стремена и сесть в седло. Пройдя несколько кругов, чтобы познакомиться с конем, я подобрал его и поднял в галоп с левой ноги. Пройшел круг — хорошо. Пройшел другой — хорошо. Перевел с правой — тоже хорошо. Перевел с левой — идет без сбоя.

— Надо вести лошадь крепче в шенкелях, — наставительно заметил я.

Комиссар рассмеялся:

— Ты сколько лет сидишь на коне?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Разговорились. Комиссар спросил, где я начал службу, где воевал, когда прибыл в дивизию, когда вступил в партию. О себе он рассказал, что служит в кавалерии уже десять лет. Член партии с 1917 года. Привел в Красную армию значительную часть кавалерийского полка из старой армии. По всему было видно, что это настоящий комиссар... С комиссаром Г. В. Жуковым я встречался потом не раз, мы беседовали с ним о положении на фронтах и в стране. Однажды он предложил мне перейти на политработу. Я поблагодарил, но сказал, что склонен больше к строевой. Тогда он порекомендовал поехать учиться на курсы красных командиров. Я охотно согласился. Однако осуществить это не удалось».

Здесь бросается в глаза сразу несколько деталей, делающих Георгия Васильевича весьма реальным кандидатом на авторство антигоровского доноса. Раз он вступил в партию в 1917 году и прямо из старой армии в Красную привел большую часть кавполка, то в январе 38-го, как и доносчик, должен был состоять в рядах ВКП(б) и РККА 20 полных лет. Стаж же Георгия Константиновича был меньше. К началу 1938 года срок пребывания в партии будущего маршала составлял 18 лет и 10 месяцев, а в Красной армии — 19 лет и 3 месяца. Можно предположить, что Г. В. Жуков был председателем полкового комитета. В этом качестве он действительно мог привести к большевикам большинство однополчан и стать делегатом армейского съезда.

Георгий Васильевич был значительно старше Георгия Константиновича, — он родился в 1882 году. Последуй будущий маршал совету старшего товарища, выбери карьеру политработника — и не только не достиг бы высшей ступеньки советской иерархии, но и вряд ли бы остался в живых к началу Великой Отечественной войны. В 1937–1938 годах политработников уничтожали с особенной беспощадностью. Георгий Константинович предпочел остаться строевым командиром. Но, что интересно, Георгий Васильевич тоже из комиссаров ушел. После Гражданской войны он командовал 9-й Крымской кавдивизией, а с 1927 года был начальником Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школы. Вероятно, учили боль-

шой опыт службы в кавалерии. Как и Буденный, Г. В. Жуков окончил в составе Особой группы Военную академию имени Фрунзе. Однако какой-либо выдающейся карьеры так и не сделал. В феврале 1938 года Георгий Васильевич был всего лишь комбригом. 22 февраля 38-го его наградили орденом Красной Звезды. Возможно, это была плата за донос на Егорова. Я почти не сомневаюсь, что именно Георгий Васильевич был автором того злополучного письма. Для окончательного доказательства данного факта требуется только установить документально, был ли Г. В. Жуков на съезде 1-й армии в ноябре 1917 года. Отмечу также, что «соавтора» доноса, И. В. Тюленева, наградили куда щедрее — он принял освободившийся после Егорова Закавказский округ. Может быть, ещё одним запоздалым воздаянием за компромат на Егорова стало производство Георгия Васильевича в июне 1940 года в генерал-лейтенанты. Однако подлость не спасла его от репрессий. В годы Великой Отечественной войны он был арестован и отправлен в лагерь. Георгию Васильевичу посчастливилось дожить до реабилитации. В июне 1953 года тогдашний министр обороны Н. А. Булганин направил в МВД представление о пересмотре дел ряда осужденных ранее генералов. В их списке был указан и Жуков Г. В. Очень вероятно, что его тезка, Г. К. Жуков, в ту пору — заместитель Булганина, подсказал «партийному маршалу» это имя, вспомнив теплые беседы с комиссаром 1-й кавдивизии. После освобождения Георгий Васильевич прожил еще долгую жизнь. Он скончался в 1972 году.

Да, я могу с уверенностью утверждать: Георгий Константинович Жуков доносов не писал. Грехов на нем немало, но этого греха нет. И о том, что Г. В. Жуков написал донос, маршал не знал.

6-м казачьим корпусом Жуков командовал меньше четырех месяцев — до назначения в июне 1938 года заместителем командующего Белорусским военным округом по кавалерии. В его ведении находились и только еще формирующиеся механизированные части. Жуков вынужден был перебраться в Смоленск, где располагался штаб округа. В июне 1939 года последовал неожиданный вызов из Минска в Москву. М. М. Пилихин вспоминал, что Жуков прибыл тогда в столицу сильно взволнованным, опасаясь разделить печальную

судьбу Тухачевского, Уборевича, Егорова, Сердича и многих других: «...1 июня 1939 года его вызвали в Москву к К. Е. Ворошилову. Жуков приехал к нам в Брюсовский. Он не знал, что его ждет. Оставил чемоданчик и ушел в Наркомат обороны. Вернулся он очень поздно, первые слова его были:

— Я голоден как волк.

Мы его накормили, напоили, рано утром он уехал на аэродром. Прощаясь с нами, сказал:

— Или вернусь с подарками, или не поминайте меня лихом.

Клавдия Ильинична сказала: «Возвращайтесь только с подарками». Куда он уехал, мы не спросили, а вскоре узнали из газет, что комкор Жуков командует войсками, защищающими дружественную нам Монголию от нападения японских захватчиков».

Путь Жукова лежал к реке Халхин-Гол, где советские и монгольские войска с трудом сдерживали натиск японской Квантунской армии.

Много лет спустя после окончания Второй мировой войны Жуков, вспоминая Халхин-Гол, признался писателю Константину Симонову: «Я до сих пор люблю эту операцию». В устах того, кто руководил обороной Москвы в 41-м и брал Берлин в 45-м, эти слова много значат. На Халхин-Голе Георгий Константинович впервые выступил на поле боя в роли полководца, и дебют оказался весьма успешным.

Обстоятельства, которые ждали Жукова на Халхин-Голе, так изложены им в беседе с Симоновым: «Я... был в округе на полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год все-таки, думаю: что значит этот вызов? Спрашиваю: «Ты стороной не знаешь, почему вызывают?» Отвечает: «Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова». — «Ну что ж, есть!» Поехал в Москву, получил приказание: «Лететь на Халхин-Гол» — и на следующий день вылетел».

Лето 39-го было временем «бериевской оттепели», пришедшей на смену «ежовским заморозкам». Сажали теперь в основном чекистов из числа приверженцев опального наркома внутренних дел. Среди военных арестов стало гораздо меньше. Однако в армии еще не успели осознать происшедшей перемены: от массового террора к последующей реабилитации (в основном уже в 41-м, накануне войны) части осужденных военачальников. Жуков, как и многие другие, по-прежнему боялся внезапных вызовов в Москву к наркому. Помнил, что тех, кого после расстреляли, тоже вызывали к Ворошилову по срочным делам, а кончался вызов арестом, судом и казнью. Но в разговоре с Симоновым Георгий Константинович явно

сгущал краски: «На меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бежал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью». Не следует думать, будто командировка в Монголию спасла Жукова от почти неминуемого ареста. Ведь партийное взыскание, к тому же без всякой политической подоплеки, он получил еще в январе 38-го, а в последующие полтора года никаких неприятностей по службе не имел и сделал весьма успешную карьеру.

О том, как решился вопрос о назначении Жукова в Монголию, рассказал Буденный. Это произошло на совещании у наркома обороны, где Буденный сам присутствовал:

« — Видимо, Фекленко (командир 57-го особого корпуса, дислоцировавшегося в Монголии. — Б. С.) не понимает, как ему там надо действовать, — сказал нам К. Е. Ворошилов. — Мне кажется, туда надо послать кавалерийского начальника.

— Согласен с вами, Климент Ефремович, — поддержал Ворошилова Шапошников. — Нельзя сказать, что Фекленко не умеет воевать, но в Монголии действительно нужен хороший кавалерист. По-моему, туда надо послать комбрига Жукова (к тому времени Георгий Константинович был уже комдивом. — Б. С.)».

Присутствующие предложение Шапошникова поддержали. С кандидатурой Жукова Ворошилов отправился к Сталину, и Иосиф Виссарионович одобрил это назначение. Шапошников, неоднократно инспектировавший маневры Белорусского военного округа, очевидно, давно уже заметил Жукова как толкового и решительного командира.

В «Воспоминаниях и размышлениях» свое прибытие в Монголию Георгий Константинович описал так: «К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса... Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает... Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться

в обстановке. Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.. Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с военным руководством корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом (восточном. — *Б. С.*) берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении... Н. Ф. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса».

О том, кто же именно предложил и спланировал тот контрудар, что советские войска нанесли в августе, споры не утихают по сей день. Жуков в мемуарах не пишет прямо, что конкретный замысел наступательной операции принадлежал ему. Его повествование ограничивается расплывчатыми фразами: «Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома японских войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики. Для ее проведения по просьбе Военного совета в 1-ю Армейскую группу войск (в нее был преобразован 57-й особый корпус 9 июля 1939 года, а четырьмя днями раньше была сформирована Фронтальная группа под командованием Г. М. Штерна. Ей подчинялись войска в Монголии и обе Отдельные Дальневосточные армии. — *Б. С.*) спешно перебрасывались из Советского Союза новые силы и средства, а также материально-технические запасы. Дополнительно подвозились две стрелковые дивизии, танковая бригада, два артиллерийских полка и другие части. Усиливалась бомбардировочная и истребительная авиация».

Однако еще в дни последних боев на Халхин-Голе среди подчиненных Жукова существовало мнение, будто он был не только исполнителем, но и автором плана окружения и уничтожения японских войск. Константин Симонов свидетельствует: «Как-то во время одного из своих заездов на Хамар-Дабу мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях, и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев писателей... Я сидел в одной из штабных палаток и разговаривал с командирами-кавалеристами. Один из них — полковник, служивший с Жуковым чуть ли не с Конармии, убежденно и резко говорил, что весь план окружения японцев — это план Жукова, что Жуков его сам составил и предложил, а Штерн не имел к этому плану никакого отношения, что Жуков талант, а Штерн ничего особенного из себя не представляет и что это именно так, потому что — он это точно знает — никто, кроме Жукова, не имел отношения к этому плану».

Существуют и иные мнения об авторстве плана халхингольской операции. Известный генерал-диссидент Петр Григорьевич Григоренко на Халхин-Голе был офицером в штабе Фронтальной группы, которой командовал Штерн. Недавний выпускник Академии Генерального штаба, тогда еще в чине майора, в своих мемуарах, написанных в вынужденной эмиграции в Америке, утверждал, что именно Штерн сыграл основную роль в разгроме японцев. Григоренко вспоминал, как вскоре после прибытия на Халхин-Гол, в начале июля 1939 года, ему пришлось наносить на карту подписанный Жуковым приказ: «...Я старался догадаться, что же можно написать в приказе, чтобы заполнить двадцать пять машинописных страниц. Две-три страницы — это еще куда ни шло, а двадцать пять!.. Так и не додумавшись, разложил карту и начал читать. Тут-то я и понял. Приказ отдавался не соединениям армии, а различным временным формированиям: «Такому-то взводу такой-то роты такого-то батальона такого-то полка такой-то дивизии с одним противотанковым орудием такого-то взвода такой-то батареи такого-то полка оборонять такой-то рубеж, не допуская прорыва противника в таком-то направлении». Аналогично были сформулированы и другие пункты приказа».

Григоренко пришел к неутешительному выводу: «В общем, армии не было. Она распалась на отряды. Командарм командовал не дивизиями, бригадами, отдельными полками, а отрядами. На карте стояли флажки дивизий, бригад, полков, батальонов, а вокруг них море отрядов, подчиненных непосредственно командарму... Я вспомнил русско-японскую войну и командующего Куропаткина... Японцы действуют очень активно. Они атакуют на каком-то участке и начинают просачиваться в тыл. Чтобы ликвидировать... опасность, Куропаткин выдергивает подразделение с неатакованного участка, создает из них временное формирование — отряд — и бросает его на атакуемый участок. В следующий раз японцы атакуют тот участок, с которого взят этот отряд. Куропаткин и здесь спасает положение временным отрядом, но берет не тот, который взят ранее отсюда, а другой, откуда удобнее. Так постепенно армия теряет свою обычную организацию, превращается в конгломерат военных отрядов. Этот куропаткинский «опыт» знал любой военно-грамотный офицер. Опыт этот был так едко высмеян в военно-исторической литературе, что трудно было предположить, что кто-то когда-то повторит его. Жуков, который в академиях никогда не учился, а самостоятельно изучить опыт русско-японской войны ему, видимо, было недосуг, пошел следами Куропаткина. Японцы и в эту войну оказались весьма активными. И снова с этой активностью борьба велась временными отрядами».

Петр Григорьевич с картой пошел к Штерну. Тот усмехнулся: «Ну, потрудились японцы... Придется дать команду: «Всем по своим местам, шагом марш!»

На следующий день Штерн прибыл в штаб Жукова и долго говорил с командующим наедине. Григоренко свидетельствует: «Жуков вышел после разговора раздраженным. Распорядился подготовить приказ... на перегруппировку войск и на вывод из непосредственного подчинения армии всех отрядов, на возвращение их в свои части».

«Отрядной болезнью» Жуков болел и позднее — осенью 41-го, под Москвой, когда для отражения немецкого наступления приходилось создавать импровизированные отряды из первых попавшихся под руку частей и подразделений. Такой метод позволял решать сиюминутные задачи обороны, но создавал

непреодолимые препятствия в управлении войсками при подготовке наступления и концентрации сил и средств на направлении главного удара.

Григоренко утверждал: «Штерн сразу начал готовить наступление с целью окружения и уничтожения японских войск, вторгшихся на территорию, которую мы считали монгольской... Я сам видел старые китайские и монгольские карты, на которых совершенно четко граница идет по реке Халхин-Гол. Но из более новых есть карта, на которой граница на одном небольшом участке проходит по ту сторону реки. Проводя демаркацию границы, монголы пользовались этой картой. Граница со стороны Маньчжурии и Внутренней Монголии, также оккупированной японцами, тогда еще не охранялась, и войска Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики. — Б. С.) без сопротивления поставили границу, как им хотелось. Когда японцы вздумали тоже стать на границе, они пошли к реке Халхин-Гол, легко прогнав пограничную стражу монголов. Вмешались советские войска, и завязались кровопролитные бои за клочок песчаных дюн, длившиеся почти четыре месяца. И вот теперь Штерн готовился боем разрешить спор».

В действительности события на границах Монголии и Маньчжоу-Го, двух марионеточных государств, зависимых соответственно от Советского Союза и от Японской империи, развивались следующим образом. Монгольско-китайская граница в районе реки Халхин-Гол до 1939 года ни разу не демаркировалась. Здесь была пустыня, ни для одной из сторон не представляющая большого интереса. В начале мая 1939 года монгольские пограничные патрули перешли на восточный берег Халхин-Гола и продвинулись до местечка Номонган. По названию этого местечка, где произошли первые вооруженные столкновения, советско-японский конфликт 1939 года в Японии именуется «Номонганским инцидентом». В СССР же в ходу было словосочетание «события на реке Халхин-Гол». Японских и маньчжурских войск на спорной территории сначала не было. После вторжения сюда монгольских пограничников командование Квантунской армии решило продвинуться к реке Халхин-Гол, чтобы удер-

жать за собой оспариваемые земли. Жуков был прав, когда в разговоре с Симоновым уже в 1950 году дал следующую оценку намерениям японцев на Халхин-Голе: «Думаю, что с их стороны это была серьезная разведка боем. Японцам важно было тогда прошупать, в состоянии ли мы с ними воевать». А в первой своей статье о Халхин-Голе, появившейся еще в 1940 году, отметил, что плацдарм на Халхин-Голе должен был прикрыть будущую стратегическую магистраль: «По плану японского генштаба, через район Номун-Хан — Бурд-Обо должна была быть проложена железная дорога Халунь — Аршан — Ганьчжур, обеспечивающая питание войск, действующих против Монгольской Народной Республики и Забайкалья».

В развитии полномасштабного военного конфликта из небольших столкновений пограничников самой заинтересованной стороной были японцы. Они стремились установить границу по Халхин-Голу, чтобы прикрыть стратегическую железную дорогу. Однако далеко идущих планов оккупации, в случае успеха операции на Халхин-Голе, Монголии и советского Забайкалья у Японии в тот момент не было. Операция на монгольской границе была организована по инициативе командования Квантунской армии. Штаб императорской армии в Токио в принципе был против отвлечения сил с основного фронта на юге, против Китая. Наступление на Халхин-Голе замыслилось как локальная акция, и военное руководство в японской столице сознательно устранилось от планирования и проведения операции. После поражения было смещено командование Квантунской и 6-й армии, непосредственно действовавшей на реке Халхин-Гол. Японские генералы рассчитывали, что из-за отдаленности района боев от железных дорог и жизненных центров СССР советская сторона не пойдет на дальнейшую эскалацию конфликта, а согласится принять японскую версию начертания монголо-маньчжурской границы. Но Сталин не собирался уступать японским требованиям. Хотя полновесной войны со Страной восходящего солнца в ту пору тоже не хотел. Только что, в марте 39-го, Гитлер захватил Чехословакию. Назревал кризис в Европе, завершившийся Второй мировой войной. В этих условиях Иосиф Виссарионович понимал, что основные силы

Красной армии должны находиться в западных районах страны, чтобы в критический момент все положить на чашу весов.

В районе боев было очень тяжело наладить снабжение частей Красной армии. В статье 1940 года Жуков признавал: «Наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от Халхин-Гола на 750 километров (грузооборот 1500 километров). Это действительно создавало огромные трудности в подвозе огнеприпасов, горючего, вооружения, снаряжения и средств питания. Даже дрова и те надо было доставлять не ближе чем за 500 километров».

В мемуарах маршал тоже подчеркивал, что «главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск». И скупой признал, что «в преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет Забайкальского военного округа и генерал-полковник (тогда — командарм 2-го ранга. — Б. С.) Штерн со своим аппаратом». Более определенно о решающей роли Штерна в организации постоянного снабжения войск, которыми командовал Жуков, написал Григоренко: «И еще один узел развязал Штерн. К моменту его вступления в командование Фронтальной группой снабжение войск в Монголии было полностью дезорганизовано. Штерн приказал Фронтальной группе взять на себя доставку всех боевых и снабженческих грузов до армейской базы — Тамцак-Булак. Снабжение наладилось и до конца боев не нарушалось ни разу». Именно бесперебойное снабжение и было ключом к победе.

Вспомним, что в Белорусском военном округе Жуков командовал одним кавалерийским корпусом в течение семи месяцев, другим — в течение трех с половиной. А на посту заместителя командующего округом по кавалерии он занимался прежде всего боевой подготовкой кавалерии и недавно сформированных механизированных частей — отдельных танковых бригад. Как и для многих других выдвиженцев конца 30-х — начала 40-х, стремительная карьера была связана с отсутствием оперативной и организационной подготовки и опыта командования крупными войсковыми частями.

Недостаток опыта и военного образования Георгий Константинович с лихвой компенсировал жестокостью по отношению к подчиненным. Расстрел и понижение в звании или должности он считал наиболее действенными мерами, чтобы

добиться неукоснительного выполнения приказов. Григоренко свидетельствует: «Немало узлов навязал Георгий Константинович Жуков. Одним из таких узлов были расстрельные приговоры. Штерн добился, что Президиум Верховного Совета СССР дал Военному совету Фронтowej группы право помилования. К этому времени уже имелось семнадцать приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержание уголовных дел приговоренных потрясало. В каждом таком деле лежали либо рапорт начальника, в котором тот писал: «Такой-то получил такое-то приказание, его не выполнил» и резолюция на рапорте: «Трибунал. Судить. Расстрелять!» — либо записка Жукова: «Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!» И приговор. Более ничего. Ни протоколов допросов, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор». Ведь ускоренное разбирательство «по горячим следам», как правило, приводит только к тому, что провинившегося постигает чересчур строгая кара или наказание касается вообще невинного человека. Никто не выясняет главного: была ли возможность выполнить приказ. А чаще всего сама информация о невыполнении приказа оказывается ложной. Но человек уже казнен, и ему ничем не поможешь.

Григоренко привел пример одного только «расстрельного» дела на Халхин-Голе: «Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день — 10 июня 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу (место расположения штаба Жукова. — Б. С.) 14 июня. Явился к своему непосредственному начальнику — начальнику оперативного отдела комбригу Богданову (в действительности М. А. Богданов был начальником штаба 57-го корпуса, а потом и 1-й Армейской группы. — Б. С.). Представился. Богданов дал ему очень «конкретное» задание: «Присматривайтесь!» Естественно, человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление «болтающегося» по окопам. Долго ли, коротко ли он присматривался, появился Жуков в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону

майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес: «Триста шестой полк (на самом деле — 603-й. — *Б. С.*), оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! Остальные указания получите от товарища Богданова».

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал: «Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери вон броневичок и езжай разыскивай. Найдешь, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии полк».

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал: где же искать полк? Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала топографическую службу неподготовленной. Съёмки этого района не производились (что и неудивительно, поскольку восточный берег Халхин-Гола был фактически «ничейной» землей. — *Б. С.*). Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определении направления, и ему повезло — полк он разыскал довольно быстро. Безоружные люди устало брели на запад к переправам на реке Халхин-Гол. Это была толпа гражданских лиц, а не воинская часть. Их бросили в бой, даже не обмундировав. В воинскую форму сумели одеть только призванных из запаса офицеров. Солдаты были одеты в свое, домашнее. Оружие большинство побросало.

Выскочив из броневичка, майор начал грозно кричать: «Стой! Стой! Стрелять буду!» Выхватил пистолет и выстрелил вверх. Тут кто-то звезданул его в ухо, и он свалился в какую-то песчаную яму. Немного полежав, он понял, что криком тут ничего не добьешься. И он начал призывать: «Коммунисты! Комсомольцы! Командиры — ко мне!» Призывая, он продвигался

вместе с толпой, и вокруг него постепенно собирались люди. Большинство из них оказалось с оружием. Тогда с их помощью он начал останавливать и неорганизованную толпу. К утру личный состав полка был собран. Удалось подобрать и большую часть оружия. Командиры все из запаса. Только командир, комиссар и начальник штаба полка — кадровые офицеры. Но все трое были убиты во время возникшей паники. Запасники же растерялись. Никто не помнил состав своих подразделений.

Поэтому майор произвел разбивку полка на подразделения по своему усмотрению и сам назначил командиров. Разрешил всему полку сесть, а офицерам приказал составить списки своих подразделений. После этого он намеревался по подразделениям выдвинуть полк на прежние позиции. А пока людей переписывали, прилег отдохнуть после бессонной ночи. Но отдохнуть не удалось. Послышался гул приближающейся автомашины. Подъехал броневичок. Остановился не вдалеке. Из броневичка вышел майор, направился к полку. Два майора встретились. Прибывший показал выписку из приказа, что он назначен командиром 306-го полка.

— А вы возвращаетесь на КП, — сказал он майору Т. Майор Т. хотел было объяснить, что он проделал и что наметал дальше. Но тот с неприступным видом заявил: — Сам разберусь.

Т. пошел к броневичку. Там его поджидали лейтенант и младший командир. Лейтенант предъявил майору ордер на арест:

— Вы арестованы, прошу сдать оружие.

Так началась его новая постакадемическая жизнь. Привезли его теперь уже не на КП, а в отдельно расположенный палаточный и земляночный городок — контрразведка, трибунал, прокуратура. Один раз вызвали к следователю. Следователь спросил:

— Почему не выполнил приказ комкора?

В ответ майор рассказал, что делал всю ночь и чего достиг. Протокол не велся. Некоторое время спустя состоялся суд.

— Признаете себя виновным?

— Видите ли, не... совсем...

— Признаете вы себя виновным в преступном невыполнении приказа?

— Нет, не признаю. Я выполнял приказ. Я сделал все, что было возможно, все, что было в человеческих силах. Если бы меня не сменили и не арестовали, я бы выполнил его до конца.

— Я вам предлагаю конкретный вопрос и прошу отвечать на него прямо: выполнили вы приказ или не выполнили?

— На такой вопрос я отвечать не могу. Я выполнял, добросовестно выполнял. Приказ находился в процессе выполнения.

— Так все-таки был выполнен приказ о восстановлении положения или не был? Да или нет?

— Нет еще...

— Достаточно. Все ясно. Уведите!

Через полчаса ввели в ту же палатку снова:

— ...К смертной казни через расстрел...

Только это и запомнил. Дальше прострация. Что-то писал. Жаловался. Просил. Все осталось за пределами сознания».

Правда, на этот раз все закончилось благополучно. Григоренко так завершает свой рассказ: «Военный совет Фронтальной группы от имени Президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных шестнадцать осужденных трибуналом Первой Армейской группы на смертную казнь. Штерн был инициатором ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о пересмотре дел всех приговоренных к расстрелу. Он их и помиловал, проявив разум и милосердие. Все бывшие смертники прекрасно показали себя в боях, и все были награждены, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза. Таковы результаты милосердия».

Тот прорыв японцев, который привел к бегству 603-го полка, стал началом Баин-Цаганского сражения, завершившегося в пользу советских войск, и первым крупным успехом в полководческой карьере Жукова. Сам Георгий Константинович очень любил вспоминать об этих боях. Симонову он рассказывал: «На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала. Полк Ремизова (в действительности — 24-й мотострелковый полк майора И. И. Федюнинского. — Б. С.) отстал. Ему оставался еще один переход. А японцы свою 107-ю дивизию (на самом деле — основные силы 23-й пехотной дивизии и один полк 7-й пехотной дивизии. — Б. С.) уже высадили на этом, на нашем берегу. Начали переправу в 6 вече-

ра, а в 9 часов утра закончили. Перетащили 21 тысячу. Только кое-что из вторых эшелонов еще осталось на том берегу. Перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную... Как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы... Перетащили с собой всю свою противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. Создавалась угроза, что они сомнут наши части на этом берегу и принудят нас оставить плацдарм там, за Халхин-Голом. А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить. Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это.

Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными и половину машин, даже больше. Но мы шли на это. Еще большие потери понесли бронебригады, которые поддерживали атаку. Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли.

Когда все это начиналось, я был в Тамцаг-Булаке. Мне туда сообщили, что японцы переправились. Я сразу позвонил на Хамар-Дабу и отдал распоряжение: «Танковой бригаде Яковлева идти в бой». Им еще оставалось пройти 60 или 70 километров, и они прошли их напрямиком по степи и вступили в бой.

А когда вначале создалось тяжелое положение, когда японцы вышли на этот берег реки у Баин-Цагана, Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас там плацдарма артиллерию — пропадет, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма, давайте и пехоту снимать. Я пехоту не оставляю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же — пехота будет пропадать там одна? Так давайте снимать все.

В общем, не подчинился, отказался выполнять это приказание и донес в Москву свою точку зрения, что считаю нецелесообразным отводить с плацдарма артиллерию. И эта точка зрения одержала верх».

В «Воспоминаниях и размышлениях» маршал дал не менее яркую картину сражения: «Рано утром 3 июля советское командование прибыло в район горы Баин-Цаган, с тем чтобы на месте лично оценить обстановку и уточнить задачи войскам на проведение контрудара с ходу.. Обстановка осложнялась тем, что несколько запаздывали с подходом 7-я мотоброневая бригада и 24-й мотострелковый полк. Но медлить с контрударом было нельзя, так как противник, обнаружив подход наших танковых частей, стал быстро принимать меры для обороны и начал бомбить колонны наших танков. А укрыться им было негде — на сотни километров вокруг абсолютно открытая местность, лишенная даже кустарника.

В 9 часов 15 минут мы встретились с командиром 11-й танковой бригады М. П. Яковлевым, который был при главных силах авангардного батальона и руководил его действиями. Обсудив обстановку, решили вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии и не позже 10 часов 45 минут атаковать противника. В 10 часов 45 минут главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японские войска.

Бригада нанесла удар с северо-запада; один ее танковый батальон, взаимодействуя с броневым дивизионом 8-й монгольской кавалерийской дивизии и дивизионом 185-го тяжелого артиллерийского полка, атаковал противника с юга.

Развернувшаяся танковая бригада в количестве 150 танков, при поддержке 40 самолетов, стремительно ринулась на врага... Японцы были ошеломлены стремительным ударом танковой бригады, притихли в своих противотанковых лунках и только через 10 минут открыли артиллерийский огонь по нашим танкам. От огня противника загорелось несколько наших танков, и это, видимо, как-то подбодрило японцев. Они открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. На поле боя уже горело до 15 наших танков. Но никакая сила и огонь врага не могли остановить боевого порыва наших славных танкистов.

Было около 12 часов. По нашим подсчетам, с минуты на минуту должен подойти и вступить в бой 24-й мотострелковый полк. Он был крайне необходим для взаимодействия с танковой бригадой, которая без пехоты несла излишние по-

тери. Но, как это иногда случается на войне, 24-й мотополк вышел по ошибке не к озеру Хуху-Усу-Нур, а к «развалинам».

Развернувшись в боевой порядок, в 13 часов 30 минут южнее озера Хуху-Усу-Нур 24-й полк перешел в наступление, нанося удар с запада на восток. Несколько позже вступила в бой 7-я мотоброневая бригада полковника Лесового.

Японцы отбивались от наших атак отчаянно. Но грозная лавина танков, бронемашин и пехоты все дальше и дальше продвигалась вперед, ломая и громя все, что попадало под гусеницы танков, огонь артиллерии, под удар пехоты.

Японцы бросили всю свою авиацию против атакующих наших войск, но ее встретила и атаковала наша авиация. Бой с неослабевающей силой продолжался всю ночь.

Утром, подбросив за ночь свежие силы, японцы попытались перейти в наступление, но эта их попытка была немедленно подавлена... Бой продолжался день и ночь 4 июля. Только к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали спешно отступать к переправе».

Жуков процитировал запись из дневника японского унтер-офицера Отани, передающую трагическую поэзию войны, о том, как в ночь на 4 июля возвращался на восточный берег Халхин-Гола генерал-лейтенант Камацубара, командир 23-й пехотной дивизии, вынесшей на себе основную тяжесть боев и имевшей наибольшие потери — свыше двух третей личного состава убитыми и ранеными: «Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара. Луна освещает равнину, светло как днем. Ночь тиха и напряженна так же, как и мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу. Говорят, что наши части окружены большим количеством танков противника и стоят перед лицом полного уничтожения. Надо быть начеку».

К этому следует добавить, что приказ представителя наркома обороны будущего маршала Г. И. Кулика об отходе советских войск с восточного берега Халхин-Гола, отданный вопреки мнению Жукова, привел к паническому бегству

603-го полка, который пришлось останавливать злосчастному майору Т. Японцы воспользовались этим и захватили гряды господствующих высот. Потом их выбили оттуда ценой больших потерь. Сталин отменил приказ Кулика, объявил ему официальный выговор и запретил впредь вмешиваться в деятельность командования Фронтовой и 1-й Армейской групп. Жуков же 31 июля 1939 года получил очередное воинское звание «комкор». Георгий Константинович был настолько занят, что сообщил семье об этом радостном событии только 21 августа.

Потом 603-й полк привели в порядок, и он дрался вполне достойно. Его новый командир майор Н. Н. Зайюльев, сменивший Т., был удостоен звания Героя Советского Союза. Вот ведь насколько судьба человека зависит от случая. На этот раз все определили капризы начальника — Жукова. Чем-то не понравился Георгию Константиновичу майор Т., и вместо Золотой звезды, которую он наверняка бы получил, остался командиром полка, бедняга лишь чудом избежал расстрела.

Между прочим, отходившие части останавливал не только майор Т., но и другие командиры, причем точно таким же способом: в одиночку на броневичке. Д. И. Ортенберг (заместитель редактора газеты «Красная звезда», командированный на Халхин-Гол для подготовки книги мемуарных очерков участников боев, а заодно редактировавший фронтową газету «Героическая красноармейская») вспоминал, как Жуков направил его на бронемашине останавливать бегущих: «Жуков сказал мне:

— Черт знает что... Бегут... Садись в броневик и — к правому. Разберись, в чем там дело! Надо остановить...

Я тотчас поехал. Действительно, картина была не из веселых: по понтонному мосту, переброшенному через быстрые воды Халхин-Гола, бежали наши бойцы. Выскочив из броневика, я машу им руками и кричу: «Стой! Куда?.. Назад!.. Жуков приказал!..» Но они на меня даже не смотрят. Я было совсем растерялся: фронт бежит, с минуты на минуту жди японских бомбардировщиков. Вдруг вижу, пара лошадей мчит по мосту полевую кухню с дымящейся трубой. Меня осенило. Я приказал водителю поставить броневик у самой переправы, и кухня уперлась в стальную обшивку машины. Теперь повернуть кухню на мост, то есть в обратную сторону, уже не составило труда... И вот, как

только бежавшие увидели, что «пищевблок» повернут на передовую, они вдруг остановились и, словно сговорившись, сами, без приказа, пошли за кухней к своим позициям.

Оказалось, паника была напрасной. Кто-то пустил слух, что японские конники якобы ворвались на наши позиции. Стоявшие во втором эшелоне только что прибывшие на фронт, еще не обстрелянные бойцы дрогнули и кинулись за реку. Когда все успокоилось, я вернулся на Хамар-Дабу, докладывая Жукову об обстоятельствах дела. Георгий Константинович с улыбкой перебил меня:

— Я уже знаю... Все видел...

Все же я рассказал ему историю с полевой кухней. Он рассмеялся:

— Это старое правило. Я помню его еще с прежней войны...»

Да, Давиду Иосифовичу повезло гораздо больше, чем майору Т. Жуков был настроен благодушно, да и приказ Ортенберг успел выполнить быстро.

Японцы действительно сражались храбро. Это признавал Жуков в беседах с Симоновым: «...Кадровые японские дивизии дрались очень хорошо. Надо признать, что это была хорошая пехота, хорошие солдаты... Японцы сражались ожесточенно. Я противник того, чтобы отзываться о враге уничижительно. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге не только недооценка врага, но и недооценка самих себя. Японцы дрались исключительно упорно, в основном — пехота. Помню, как я допрашивал японцев, сидевших в районе речки Хайластын-Гол. Их взяли там в плен, в камышах. Так они все были до того изъедены комарами, что на них буквально живого места не было. Я спрашиваю их: «Как же вы допустили, чтобы вас комары так изъели?» Они отвечают: «Нам приказали сидеть в дозоре и не шевелиться. Мы не шевелились». Действительно, их посадили в засаду, а потом забыли о них. Положение изменилось, и их батальон оттеснили, а они все еще сидели там, уже вторые сутки, и не шевелились, пока мы их не захватили. Их до полусмерти изъели комары, но они продолжали выполнять приказ. Это действительно настоящие солдаты. Хочешь не хочешь, а приходится уважать их».

Такие бойцы казались Жукову идеальными. Георгию Константиновичу нужны были солдаты-автоматы, готовые беспрекословно и точно выполнить любой приказ, не раздумывая над его разумностью и реальностью.

В чем же видел Жуков причины поражения японцев на Халхин-Голе? Прежде всего, в сравнительно низкой (по сравнению с Красной армией) оснащенности императорской армии танками и самолетами. Георгий Константинович говорил Симонову: «Японцы за все время только один раз вылезли против нас со своими танками. У нас были сведения, что на фронт прибывает их танковая бригада. Получив эти сведения, мы выставили артиллерию на единственном танкодоступном направлении в центре, в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. И японцы развернулись и пошли как раз на этом направлении. Наши артиллеристы ударили по ним. Я сам видел этот бой. В нем мы сожгли и подбили около ста танков... Танков, заслуживающих этого названия, у японцев, по существу, не было. Они сунулись с этой бригадой один раз, а потом больше уже не пускали в дело ни одного танка».

Здесь Жуков был прав. Японская армия в то время располагала главным образом легкими танками «Ха-го», вес такого танка не превышал 7 тонн. Его 37-миллиметровая пушка не представляла собой грозного оружия, а 12-миллиметровая лобовая броня не защищала даже от крупнокалиберных пулеметных пуль. «Ха-го» не обладал смотровыми приборами, и для обзора применялись широкие смотровые щели, в которые свободно влетала винтовочная пуля. Радио на японских танках не было. А плохой обзор и неудачное расположение вооружения с большим «мертвым пространством» делали «Ха-го» легкоуязвимым в бою с танками противника. Противостоящий ему советский БТ-7 обладал превосходством во всех отношениях. Весил он почти вдвое больше, но по скорости все равно превосходил основной японский танк в полтора-два раза, пушку имел 45-миллиметровую, а лобовую броню 22-миллиметровую. Примерно такие же характеристики были и у другого советского танка — Т-26. Более тяжелый японский танк «Чи-ха» (их на Халхин-Голе было немного) имел такой же вес, как БТ-7, — 14 тонн и почти такую же толщину лобовой брони — 25 миллиметров и превосходил совет-

ский танк только калибром орудия — 57 миллиметров. Но использовавшийся на Халхин-Голе советский средний танк Т-28 с 76,2-миллиметровой пушкой превосходил «Чи-ха».

Советскому успеху также способствовал довольно низкий по сравнению с германской или британской армией уровень подготовки среднего и высшего командного состава японской императорской армии. Жуков был прав, когда говорил Сталину в мае 40-го: «Офицерский состав (Квантунской армии. — Б. С.), старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону. Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 (советский танк 1927 года. — Б. С.) явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода».

20 августа 1939 года на восточном берегу Халхин-Гола началось решающее советское наступление на японские позиции. Григоренко так охарактеризовал его ход и исход: «Первая Армейская группа... окружила находящиеся на монгольской территории части 6-й японской дивизии (в действительности — армии. — Б. С.). В последующих боях эти части были полностью уничтожены. Японцы не сдавались, а прорваться не смогли. Во-первых, потому, что не имели приказа на отход с занимаемых позиций. Во-вторых, слишком велико было численное и техническое превосходство у нас. Но потери мы понесли огромные, прежде всего из-за некавалифицированности командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел. Я недолго пробыл у него в армии, но и за это время сумел заслужить его неприязнь своими докладами Штерну. Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало.

Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба Фронтальной группы и Первой Армейской группы. Я в составе авторского коллектива не был. Поэтому могу считать свою оценку этого труда объективной.

Труд исключительно деловой. В нем очень хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. Показано использова-

ние родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков.

Книга писалась сразу же после событий и была представлена в Генштаб. Там она была прочитана и получила горячее одобрение. Жуков в это время командовал Киевским военным округом (значит, книга о боях на Халхин-Голе была представлена в Генеральный штаб где-то в середине или во второй половине 1940 года. — Б. С.). Пока книга ходила по отзывам и готовилась к печати, Жуков получил назначение начальником Генштаба. Первое, что он сделал, придя на эту должность, потребовал книгу о Халхин-Голе. Прочитал от корки до корки и начертал: «Они там не были и ничего не поняли. В архив».

Книга, о которой писал Григоренко, не найдена до сих пор. Стоит отметить, что Петр Григорьевич не утверждает, что именно Штерн, а не Жуков, и именно штаб Фронтвой, а не Армейской группы были авторами плана заключительной операции по окружению японцев. Жуков, понятно, на этот счет придерживался противоположного мнения. В «Воспоминаниях и размышлениях» он ни слова ни говорит о роли Штерна и его штаба в планировании наступления. Отмечает только, что «в устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ (но не Фронтвая группа, в состав которой входил Забайкальский округ! — Б. С.). Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции».

Замысел наступления сводился к нанесению ударов с обоих флангов для окружения японской группировки. Расчет строился на внезапность сосредоточения советских войск и отсутствие у противника танковых и механизированных резервов для нанесения контрударов по атакующим. Советские клинья должны были сомкнуться в Номонгане (Номон-Хан-Бурд-Обо).

В мемуарах Жуков особо подчеркнул, что утром 20 августа наступление началось «согласно тщательно разработанному оперативно-тактическому плану». И поместил рядом карту «Решение командующего 1-й Армейской группой при прове-

дении наступательной операции в августе 1939 года». Чтобы читатели не сомневались, кто был автором замысла по окружению и уничтожению 6-й японской армии. К сожалению, почти все советские документы, относящиеся к боям на Халхин-Голе, до сих пор остаются неопубликованными. Поэтому пока нельзя дать однозначный ответ о приоритете штабов Жукова или Штерна.

Совершенно неясна роль начальника штаба 1-й Армейской группы комбрига Михаила Андреевича Богданова в разработке плана наступления на Халхин-Голе. Кажется весьма основательным предположение, что его отношения с Жуковым не сложились. За Халхин-Гол Богданов никаких наград не получил, в генералы до начала Великой Отечественной войны его так и не произвели.

Георгий Константинович описал в «Воспоминаниях и размышлениях» начало наступления: «Был воскресный день. Стояла теплая, тихая погода. Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск: кто в Хайларе, кто в Ханчжуре, кто в Джанджин-Сумэ. Мы учли это немаловажное обстоятельство, принимая решение о начале операции именно в воскресенье. Нам было очень важно начать ее тогда, когда большинство основных командиров будут отсутствовать, а войска в самый сложный момент окажутся в руках менее опытных командиров». В мемуарах полководец рисует картину советской атаки, проходящей почти как на учениях, без сучка и задоринки: «Удар нашей авиации и артиллерии был настолько мощным и удачным, что противник был морально и физически подавлен и не мог в течение первых полутора часов открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции японской артиллерии были разбиты.

Атака проходила в точном соответствии с планом операции и планами боя, и лишь 6-я танковая бригада, не сумев полностью переправиться через реку Халхин-Гол, приняла участие в боях 20 августа только частью своих сил. Переправа и сосредоточение бригады были полностью закончены к исходу дня.

21-го и 22-го шли упорные бои, особенно в районе Больших Песков, где противник оказал более серьезное сопротивление, чем мы предполагали. Чтобы исправить допущенную ошибку, пришлось дополнительно ввести в дело из резерва 9-ю мотоброневую бригаду и усилить артиллерию.

Разгромив фланговые группировки противника, наши бронетанковые и механизированные части к исходу 26 августа завершили окружение всей 6-й японской армии (в статье 1940 года, по горячим следам событий, Жуков утверждал, что советские бронетанковые группировки отрезали японцам путь для отступления уже к исходу 22 августа, что, как кажется, ближе к истине. — Б. С.), и с этого дня началось дробление на части и уничтожение окруженной группировки врага.

Борьба осложнялась из-за сыпучих песков, глубоких котлованов и барханов. Японские части дрались до последнего человека».

Менее благостно о последнем наступлении на японцев рассказывал Жуков Симонову: «На третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г. М. Штерном. Штерн находился там, и, по приказанию свыше, его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск, которой я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша Армейская группа перейдет в прямое подчинение фронта. Но только в этом случае (здесь Георгий Константинович лукавит: в действительности приказом наркома обороны от 9 июля 1939 года образованная из 57-го корпуса 1-я Армейская группа оставалась в подчинении Фронтальной группы Штерна, что, правда, не исключало самостоятельности Жукова в решении оперативных вопросов. — Б. С.). А пока что мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве (фактически у Жукова было двойное подчинение — Штерну и Ворошилову. — Б. С.).

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня

силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась и мы несём, особенно на севере, крупные потери. Я сказал ему в ответ на это, что война есть война и на ней не может не быть потерь и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этот план вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, действуя решительным образом. Приняв его рекомендации, мы удесятерим свои потери.

Затем я спросил его: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать мне не будет. Я сказал: «Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено». Был жесткий, нервный, исполненный неприязни разговор. Штерн ушел. Потом через два или три часа вернулся, видимо, с кем-то посоветовался за это время и сказал мне: «Ну что же. Пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации».

Михаил Федорович Воротников, бывший на Халхин-Голе адъютантом Жукова, в своих мемуарах рассказывает о разговоре Штерна с командующим 1-й Армейской группой несколько иначе, но суть спора передает точно так же, как и сам Георгий Константинович. Штерн будто бы сказал: «Товарищ Жуков, как видите, наши войска растянулись. Тылы отстали. Не исключен удар более сильными резервами противника. Я рекомендую не торопиться. Надо временно, на один-два дня, приостановить наступление, создать сильный заслон

с востока и северо-востока, подтянуть войска и тылы, а затем нанести окончательный удар». Однако совет Штерна Жуков отклонил. В письме Воротникову 18 февраля 1967 года Георгий Константинович утверждал: «...Если бы я послушал его (Штерна. — Б. С.) совета и остановил наступление, японские части могли избежать окружения».

Прежде чем решить, кто же тогда на самом деле был прав, Штерн или Жуков, я хочу рассказать, чем закончились бои на Халхин-Голе. Опять обратимся к жуковским мемуарам. Маршал писал: «31 августа 1939 года последние очаги сопротивления 6-й японской армии, вторгшейся в пределы Монгольской Народной Республики, были ликвидированы... Сокрушительный отпор советских и монгольских войск, небывалый разгром отборных сил целой японской армии заставили тогдашние японские правящие круги пересмотреть свои взгляды на могущество и боеспособность советских Вооруженных сил, особенно на моральную стойкость советских воинов».

А в статье 1940 года Жуков не пожалел красок для описания последних боев: «С 24 по 30 августа шла траншейная борьба, упорная борьба за каждый бархан. Это была целая эпопея. Возле каждой высоты наши войска встречали бешеное сопротивление. Генерал Камацубара обманывал окруженные части, предлагал им по радио и через голубиную почту держаться, обещая поддержку. Японцы, введенные в заблуждение своим командованием, упорно отбивались. Каждую высоту приходилось брать приступом. Наша тяжелая артиллерия уже не имела возможности вести огонь, так как железное кольцо наших войск все более и более замыкалось. Возникла опасность попадания в своих. Артиллеристы под огнем неприятеля выкатывали вперед пушки на открытые позиции и били по траншеям врага прямой наводкой, а затем пехотинцы со штыками и гранатами шли в атаку, врываясь в траншеи.

Замечательно действовала наша авиация. Она непрерывно патрулировала в воздухе, не давая японским самолетам бомбить и штурмовать наши войска. Наши летчики делали по 6—8 вылетов в день. Они разгоняли резервы противника и штурмовали его окруженные части. Японские истребители терпели поражение за поражением...

К 30 августа в руках японцев оставался последний очаг сопротивления — сопка Ремизова... К этой сопке собрались остатки войск императорской армии. Японская артиллерия почти вся к этому времени была выведена из строя. Поэтому японцы вели главным образом минометный и пулеметный огонь. Наши части, охваченные величайшим воодушевлением, все сужали и сужали кольцо. 30 августа на сопке Ремизова заалели красные знамена».

Тут же Жуков подвел итоги сражения: «Августовское наступление было блестяще закончено. В барханах и долинах Халхин-Гола была разгромлена и уничтожена 6-я японская армия.

В результате боев с мая по сентябрь японцы, по самым скромным подсчетам, потеряли 55 000 солдат и офицеров, из них убитыми не менее 25 000.

За последнюю операцию нами взяты огромные трофеи... За время боев японцы потеряли 660 самолетов. Потери же советской авиации составили 143 самолета».

Позднее советские историки не были столь скромны, как Георгий Константинович, и увеличили общие потери японцев до 61 тысячи человек. Потери же Красной армии сначала определили цифрой в 9 824 убитых и раненых. Затем, уже в 80-е годы, ее увеличили почти вдвое — до 18,5 тысячи человек. Но даже и в этом случае получалось, будто советские потери были в 3,3 раза меньше, чем японские. Наконец, в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» появились официальные цифры советских потерь на Халхин-Голе, существенно превышающие ранее опубликованные. Как мы убедимся в следующих главах, данные этой книги о советских безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне занижены в несколько раз. Однако в боях на Халхин-Голе число потерь было на несколько порядков меньше, чем в 1941–1945 годах, как в абсолютном исчислении, так и в расчете в среднем на день боевых действий. Поэтому можно предположить, что сведения о потерях Красной армии в короткой советско-японской войне 1939 года более точны, хотя наверняка и здесь был какой-то недоучет.

По данным, приведенным в книге «Гриф секретности снят», советские и монгольские войска на Халхин-Голе в период с мая по сентябрь 1939 года потеряли убитыми 6831 человека, пропавшими без вести — 1143, ранеными — 15 251 и больными — 701 человека. Сразу скажу, что число больных здесь приуменьшено, поскольку учтены только те из них, кто проходил лечение в госпиталях Забайкальского военного округа. В книге бывшего начальника Главного военно-санитарного управления Красной армии Е. И. Смирнова «Война и военная медицина. 1939—1945 годы» приведены данные обо всех советских военнослужащих, заболевших на Халхин-Голе, включая и тех, кто лечился в госпиталях на территории Монголии, — 2225 человек. Отмечу также, что подавляющее большинство пропавших без вести следует считать убитыми. В японский плен попало 89 советских бойцов и командиров и 1 солдат Монгольской народно-революционной армии, который умер в плену, не дождавшись зятянувшегося почти на год обмена пленными. Следовательно, примерно 1053 человека, пропавших без вести, в действительности погибли в бою. Таким образом, потери Красной армии и монгольских войск убитыми составили 7884 человека, а общие потери убитыми, пленными, ранеными и больными достигали 25 660 бойцов и командиров. От ран к ноябрю 1939 года умерло 720 красноармейцев. К тому времени оставалось еще две трети раненых, исход лечения которых не определился. Можно предположить, что некоторые из них тоже умерли, тогда общее число умерших от ран составило около 1 тысячи человек. Таким образом, всего на Халхин-Голе погибло около 9 тысяч советских и монгольских военнослужащих. Правда, необходимо оговориться, что монгольские потери были в десятки раз меньше советских. Ведь в боях участвовало менее 5 тысяч монгольских солдат и офицеров, и то главным образом на второстепенных направлениях, тогда как численность советских войск к концу боев значительно превышала 80 тысяч человек.

А сколько же потеряли японцы? После Второй мировой войны стали доступны японские военные архивы. Американский историк Элвин Кукс в своей книге «Номонган», вышедшей в 1985 году, привел наиболее достоверные данные

о японских потерях в Номонганском инциденте. Сухопутные войска потеряли 8629 человек убитыми, 9087 ранеными и 2350 больными. Потери в личном составе японской авиации достигли, по одним данным, 141 убитого и 89 раненых, по другим — 116 убитых, 65 пропавших без вести и 19 раненых. Поскольку из плена вернулось лишь 2 японских летчика, общее число убитых в японских ВВС, скорее всего, составило 179 человек. Какое число точнее характеризует потери японской авиации ранеными, я судить не берусь. Число же умерших от ран и болезней можно приблизительно определить следующим образом. В сентябре 1942 года в Хайларе был открыт памятник японским и маньчжурским военнослужащим Квантунской армии, погибшим к тому времени в войне. Из 10 301 имени, выбитого на памятнике, 9471 — это те, кто пал во время Номонганского инцидента. Из этого числа следует вычесть потери убитыми сухопутных сил — 8629 человек и ВВС — 179 человек. Тогда общее количество умерших от ран и болезней составит приблизительно 663 человека.

В плен попало 160 японских и 44 маньчжурских солдата и офицера. Общие же потери 6-й японской армии и поддерживавших ее авиационных частей убитыми, пленными, ранеными и больными достигли 20 264 человека (или 20 334, если принять более высокую цифру потерь ранеными в японской авиации).

Недоучет безвозвратных потерь в японской императорской армии был минимальным. Традиции буддийской религии требовали, чтобы над каждым погибшим был совершен погребальный обряд сожжения, а урна с пеплом передана родным. После заключения перемирия японцы по соглашению с Жуковым вывезли с территории, занятой советскими и монгольскими войсками, почти все тела своих погибших. С другой стороны, можно предположить, что кто-то из 1201 пропавших без вести солдат и офицеров сухопутных сил остался жив. И это были не только вернувшиеся из плена, но и так называемые «зомби». Э. Кукс пишет, что некоторые военнослужащие испытали нервное потрясение от непрерывных артобстрелов и бомбардировок с воздуха и ушли в тыл. При этом они забыли свое имя, забыли, кто они и откуда. Позднее этих

«зомби» включили в число убитых, хотя в действительности они со временем пришли в себя или были помещены в психиатрические лечебницы.

Не вызывает сомнения, что недоучет безвозвратных потерь в Красной армии был больше, чем в японской императорской армии. Скорее всего, истинное соотношение потерь еще более неблагоприятно для советской стороны. Но и те цифры, что мы имеем сегодня, впечатляют. Оказывается, не было полного разгрома и уничтожения японской 6-й армии, о чем писал Жуков и вслед за ним советские историки, не было втрое больших японских потерь, по сравнению с советскими. Общие советские потери превысили японские почти в 1,27 раза. Особенно неблагоприятным было для Красной армии соотношение по числу раненых — в 1,67 раза не в ее пользу. Больных у сторон было почти поровну, а по убитым и пленным Красная армия даже имела перевес — соответственно в 1,12 и в 2,27 раза. Почему советские войска захватили больше пленных — понятно. Ведь крупная японская группировка попала в окружение. Не вызывает удивления и большее число убитых со стороны японцев, хотя раненых у них, напротив, было значительно меньше, чем в 1-й Армейской группе Жукова. Дело в том, что, попав в безнадежное положение, японские военнослужащие, в соответствии с кодексом воинской чести «бусидо», предпочитали не сдаваться в плен, а сражаться до конца или совершить самоубийство.

Советские войска на Халхин-Голе одержали победу, захватив почти всю спорную территорию и богатые трофеи. Отступая, 6-я армия оставила все тяжелое вооружение. Японские источники в целом подтверждают те цифры потерь в орудиях и пулеметах, которые приводил Жуков в своей статье. Однако по соотношению потерь в людях дело закончилось вничью.

В чем же были причины поражения японцев? После того как 15 сентября 1939 года между советскими и японскими войсками было установлено перемирие, при генеральном штабе японской армии была создана специальная комиссия по расследованию всех обстоятельств Номонганского инцидента. В конце ноября 1939 года перед комиссией дал показания командир 1-го полка тяжелой артиллерии полковник

Мишима Гиичиру, раненный в боях на Халхин-Голе. Через много лет после Второй мировой войны отставной генерал Мишима, беседуя с Элвином Куксом, так изложил суть своих соображений, представленных на суд комиссии.

1. Роковое значение для Номонганского дела в целом и проведенной военной операции имело то обстоятельство, что офицеры и солдаты японской императорской армии не знали, ради чего они умирают в пустыне, где неясно обозначена граница. В то время как армия оказалась в тупике на Юге Китая после многих лет борьбы, форменным издевательством над людьми и против всякого здравого смысла было «гнать волну» и жертвовать жизнью хотя бы одного солдата на монгольской границе. Разрешение конфликта с Китаем требовало большой войны на юге, а не на севере. «Я никогда не видел причины сражаться у Номонгана», — утверждал Мишима.
2. Очевиден провал военного руководства, причем на самом высшем, а не на низшем уровне. Высшие начальники витали в облаках. Они планировали операции со слишком большим размахом, не учитывая ограниченных возможностей японских войск. Штаб Квантунской армии, вынашивая агрессивные замыслы, чувствовал себя независимым от высшего командования, а последнее, в свою очередь, не смогло контролировать руководство Квантунской армии.
3. Организация и снабжение японских войск не отвечали требованиям борьбы против Советского Союза в условиях данного региона. Бесспорной ошибкой было использование лошадей как основного средства для доставки снабжения. Ведь даже легко раненная лошадь сразу становилась бесполезной, тогда как автомобили использовались даже после серьезных повреждений до тех пор, пока сохранялись их двигатели.
4. Мобильность имела решающее значение в условиях обширных равнинных пространств. От пехоты здесь было мало проку. Так как дни в Номонгане были длинные, а ночи короткие, развертывание новых сил и доставка снабжения требовали использования моторизованных средств.

5. Основным недостатком в тактической подготовке японской армии было то, что она оставалась на уровне представлений последней четверти XIX века, когда военным советником императора был майор прусской армии Якоб Меккель. Не придавалось никакого значения таким вопросам, как моральная совместимость между военнослужащими в составе подразделений, не учитывалось время, через которое следовало производить смену частей на передовой. Меккель подчеркивал необходимость атаковать там, где противник слабее, но в современных условиях сами командиры атакующих должны создавать слабости в неприятельских позициях концентрацией на тех или иных участках превосходящей огневой мощи. Это даже не пытались сделать в Номонгане. Зато применялись внушительные маневры войск, которые превосходно выглядели на бумаге, но на практике приносили одни разочарования. Такие маневры имели бы смысл лишь на подходящей местности, где имелись укрытия для артиллерии, которая могла бы прикрывать пехоту на значительном расстоянии, а пехота была бы моторизована. В Номонгане отсутствовали подходящие укрытия от артиллерийского огня.
6. Неудачи в снабжении имели критическое значение, создавая порочный круг.
7. Опыт войны в Китае сыграл с командованием злую шутку. Стало привычным мнение, что враг будет повержен в любой момент, как только силы японской императорской армии решат атаковать его. Однако в Номонгане японцы натолкнулись на «кирпичную стену». К русским попытались подойти так же, как к китайцам. Конечно, здесь надо учитывать и моральный фактор, но еще большее значение имела техническая мощь Красной армии.
8. Слепое следование кодексу «бусидо» сыграло в Номонгане негативную роль. Для того чтобы добиться в ходе боя необходимой поддержки со стороны подчиненных командиров, вышестоящий начальник должен был обращаться к ним чрезвычайно вежливо, буквально с состраданием, и соблюдать массу формальностей. Все это приводило к промедлению в отдаче приказов и в их исполнении. Самостоятельно же действовать нижестоящие

командиры не имели права. Сама по себе идея «пути воина» была превосходна, но беда была в том, что упор следовало делать на достижение победы, а не на соблюдение формальных правил феодальной этики.

Предупреждения Мишимы не были приняты во внимание заседавшими в комиссии генералами, больше полагавшимися на «дух Ямато», а не на знание законов современной войны. Точно так же советские военные руководители, включая Жукова, положили под сукно критическое исследование опыта Халхин-Гола. Никаких кардинальных изменений ни в японской императорской армии, ни в Красной армии не последовало.

Оценка недостатков японских вооруженных сил, данная Мишимой, абсолютно точно отражала реальное положение вещей. Например, в дивизии генерала Камацубары к началу боев было 2705 лошадей, из которых погибло или было ранено 2005, а еще 325 вышли из строя вследствие болезней. Таким образом, к концу боевых действий японцы почти не имели средств для доставки снабжения своим войскам, сражавшимся в Номонгане. Жуков же не зря в мемуарах упомянул добрым словом шоферов: «Чудо-богатыри шоферы делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1300—1400 километров длился пять дней!»

Японская сторона значительно уступала советской не только в качестве, но и в количестве танков. К 1939 году Красная армия располагала примерно 17 тысячами танков, а годовое производство достигало 3 тысяч машин. А в Японии даже в 1940 году, когда были приняты меры по наращиванию производства, выпустили всего 573 танка. Единственный в японской армии 1-й танковый корпус, действовавший на Халхин-Голе, располагал всего 182 боевыми машинами и по силе примерно соответствовал советской танковой бригаде. А Жуков к началу августовского наступления имел в своем распоряжении 498 танков и 385 бронемашин. К тому же после неудачи 6 июля, когда японские танки были расстреляны советской артиллерией, командование Квантунской армии вывело свой танковый корпус с линии фронта и более не использовало его против Красной армии.

По своим боевым качествам японские истребители и бомбардировщики, в отличие от танков, не уступали советским. Жуков в разговоре со Сталиным в мае 1940 года признал: «...В начале кампании японская авиация была нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «Чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков — Героев Советского Союза, наше господство в воздухе стало очевидным. Следует подчеркнуть, что нам пришлось иметь дело с отборными... частями японской армии». А Симонову маршал говорил о том, что у японцев были хорошие пикирующие бомбардировщики.

Насчет причин, приведших к господству советской авиации в небе над Халхин-Голом, Георгий Константинович немного заблуждался. Самолеты И-16 и И-153 («Чайка») по своим тактико-техническим данным не превосходили основные японские истребители той поры «Мицубиси» А5М и «Накадзима» Ki-27. Так, «Чайка» развивала максимальную скорость 443 километра в час, а «Накадзима» — 450 километров. И маневренность у этих самолетов была примерно одинаковая. Однако слабость японских ВВС заключалась в катастрофическом недостатке пилотов. За тридцать лет существования японской авиации, с 1909 по 1939 год, было подготовлено всего 1700 летчиков. И это при том, что в 1936 году планировалось произвести 3600 боевых самолетов. Даже потеря на Халхин-Голе 230 пилотов убитыми и ранеными создавала для японских ВВС критическую ситуацию. Да и по общему числу самолетов превосходство было на советской стороне. К началу августовского наступления Жуков располагал 515 самолетами, тогда как у японцев было не более 300 машин. Уже один этот факт показывает абсурдность данных, приведенных Георгием Константиновичем в статье 1940 года, о будто бы сбитых советскими летчиками 660 японских самолетах. Нехватка же пилотов еще более осложняла для японцев возможности использования авиации и увеличивала советское превосходство в воздухе. Более или менее близкое к истине представление о соотношении потерь в воздухе можно получить, сравнив людские потери советских и японских ВВС. Авиация 1-й Армейской группы потеряла 100 человек убитыми, 59 пропавшими без вести и 102 ранеными. Авиация Квантун-

ской армии потеряла 116 убитыми, 65 пропавшими без вести и 19 ранеными (по другим данным — 141 убитыми, 89 ранеными и 2 пленными). Соотношение по безвозвратным потерям оказывается примерно равным (по одному варианту расчета 1,1:1 в пользу советских ВВС, по другому — точно так же 1,1:1, но в пользу японских ВВС), а по раненым — в пользу японской стороны в соотношении 5,4:1 (или 1,1:1). Можно предположить, что потери советской авиации в самолетах были несколько больше, чем у японской. Если верны сведения Жукова о том, что советская авиация потеряла на Халхин-Голе 143 самолета, то японские потери могли быть на 10–20 процентов меньше, составляя 115–130 самолетов. Однако здесь надо учесть то немаловажное обстоятельство, что японские летчики совершили в несколько раз меньше вылетов, чем советские, особенно в последний период боевых действий. По отношению к общему числу самолетовывлетов японские потери в авиационной технике были гораздо выше советских. Поэтому эффективность действий авиации 1-й Армейской группы оказалась значительно выше, чем авиации противника, и советское господство в воздухе уже в августе было неоспоримым.

Что же касается соотношения численности войск, сражавшихся на Халхин-Голе, то и здесь преимущество было на стороне Красной армии. На протяжении конфликта силы и средства сторон постоянно увеличивались. Всего в составе 6-й японской армии, куда входили и маньчжурские части, в боях участвовало 75 736 человек. Противостоявшая ей 1-я Армейская группа, состоявшая из советских и немногочисленных монгольских войск, на протяжении конфликта постоянно получала большие пополнения из людей и техники. Сколько всего военнослужащих прошло через нее во время событий на Халхин-Голе, неизвестно до сих пор. Среди советских и российских историков распространено мнение, что перед 20 августа в подчинении Жукова было 57 тысяч бойцов и командиров. Эту же цифру приводят и авторы книги «Гриф секретности снят». Однако тут же дают другие цифры, которые заставляют совсем по-иному оценить численность советско-монгольских войск. Оказывается, среднемесячная численность одних только советских войск на Халхин-Голе за июнь — сентябрь 1939 года составила

ни много ни мало 69 101 человек. Но при этом в июне 57-й отдельный корпус имел всего лишь 12,5 тысячи бойцов и командиров. Даже если допустить совершенно невероятное: будто уже в июле группировка советских войск достигла своей максимальной численности и сохраняла ее вплоть до сентября, то и тогда для достижения средней за 4 месяца численности в более чем 69 тысяч человек эта максимальная численность должна была быть около 88 тысяч. Но поскольку наращивание войск происходило постепенно и продолжалось вплоть до начала сентября, фактически максимальная численность советских войск наверняка была значительно выше. Скорее всего, она достигала к концу августа не менее 100 тысяч человек. Сюда надо добавить около 5 тысяч монгольских военнослужащих, а также тех красноармейцев, кто к тому времени был убит, ранен или заболел. Даже учитывая, что кто-то из раненых и больных успел к сентябрю вернуться в строй, общее число убитых и не вернувшихся еще в свои части раненых и больных вряд ли могло быть меньше 20 тысяч. В таком случае всего в боях на реке Халхин-Гол участвовало не менее 125 тысяч советских и монгольских военнослужащих, что почти в 1,7 раза больше, чем общее количество противостоявших им японцев и маньчжуров. А поскольку количество тыловых подразделений у обеих сторон было почти одинаковым, численный перевес Красной армии в боевых подразделениях был еще более значительным.

Жуков одержал свою первую победу, как и все последующие, в условиях, когда находящиеся под его командованием войска обладали подавляющим превосходством над противником в людях и технике. Да и боеспособность японских солдат была не столь уж высока. Япония — островное государство. Само существование Страны восходящего солнца напрямую зависело от мощи ее военно-морского флота. Лучшие кадры направлялись именно во флот, а также в морскую авиацию и десантные части, предназначенные для взаимодействия с военно-морскими силами. Японская военная промышленность была сориентирована в первую очередь на обеспечение именно этой части вооруженных сил.

Японские сухопутные войска, в том числе Квантунская армия, были предназначены для борьбы с Китаем — сравнительно слабым противником. С китайской армией очень легко

справилась и Красная армия во время конфликта на КВЖД в 1929 году. Советские войска были обучены основам европейской тактики. Они обладали современным вооружением, боевой техникой и транспортными средствами. Личный состав в Красной армии был относительно сплочен благодаря интенсивной пропаганде коммунистической идеологии. С такими войсками японская армия справиться не смогла.

Тем не менее за победу Жуков заплатил слишком дорого. Но в глазах его начальников это отнюдь не было прегрешением. Буденный приводит слова Ворошилова по поводу боев на Халхин-Голе: «Жуков — молодчина. Да, потери были. Но разве на войне их не бывает? Главное — противник разбит, отброшен с советской (точнее — с монгольской. — *Б. С.*) территории».

В том, что поражение японцев на Халхин-Голе не было столь всеобъемлющим, каким могло бы быть, сыграло свою роль требование Сталина не допустить значительной эскалации конфликта. По утверждению Буденного, «в период подготовки решающей августовской операции 1939 года были предложения перенести действия наших и монгольских войск за границы МНР с тем, чтобы глубже и шире охватить и окружить вражеские войска. Но И. В. Сталин на это предложение ответил примерно следующее: «Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на наши обходы бросит дополнительно свои войска, и, таким образом, мы вынуждены будем втянуться в продолжительную войну. Надо сломать японцам хребет на реке Цаган (другое название Халхин-Гола. — *Б. С.*)». В то время как войска Жукова проводили операцию по окружению японцев в междуречье Халхин-Гола и Хайластын-Гола, 23 августа в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении с секретным протоколом, предусматривающим раздел сфер влияния в Восточной Европе. Было ясно, что нападение вермахта на Польшу последует в самые ближайшие дни, а такое развитие событий неминуемо вело к возникновению Второй мировой войны. В этих условиях Сталину необходимо было сосредоточить максимум сил Красной армии в европейской части страны. Требовалось быть готовым к захвату своей части добычи в Польше, Румынии, Финляндии и государствах Прибалти-

ки, чтобы потом, в подходящий момент, ударить в спину «другу Гитлеру». Отвлекаться на крупный вооруженный конфликт в Азии Иосиф Виссарионович не хотел и решил ограничиться лишь захватом спорной территории на монгольско-маньчжурской границе.

Советско-германское сближение сделало неизбежным перемирие с Японией — германским союзником. Окончательно же конфликт был урегулирован после долгих переговоров только в мае 1942 года, когда было подписано соглашение о демаркации границы в спорном районе. В тот момент СССР вел тяжелейшую борьбу с Германией, а Япония — с США и Британской империей. Ни одна из сторон не была заинтересована в столкновении. В результате граница в районе Халхин-Гола прошла по линии фактического контроля. Почти весь спорный район, включая Номонган, остался в составе Монголии. К Маньчжоу-Го отошли лишь небольшие районы к юго-востоку от Номонгана, захваченные в результате наступления японских войск, предпринятого в начале сентября 1939 года. В ходе переговоров японская сторона тщетно ссылалась на советскую трофейную карту, где граница была проведена по Халхин-Голу. Но сражение у Халхин-Гола выиграла Красная армия, и японская сторона не могла проигнорировать «права победителей».

Во время последовавших после перемирия переговоров японцы настаивали на том, чтобы невооруженным японским солдатам было позволено собрать трупы соотечественников на территории, занятой советскими войсками. Мотивировалось это необходимостью соблюсти буддийский обычай, согласно которому тело умершего обязательно должно быть сожжено, а урна с прахом вручена семье покойного. При этом преследовались и разведывательные цели. Командование Квантунской армии рассчитывало, что японские поисковые партии смогут оценить масштаб концентрации неприятельских войск и местоположение вновь возведенных укреплений. Советские представители сначала отказывались разрешить японцам переходить на монгольскую территорию. Тогда майор Огоши из разведывательного отдела штаба Квантунской армии шепнул переводчику майору Ньюмуре: «Давайте используем религию». Японцы обвиняли русских

в атеизме и подчеркивали, что по законам буддизма родные должны поклониться праху своих мертвецов. После этого члены советской делегации попросили подождать два часа, пока они проконсультируются со своим командованием. Уже через полтора часа согласие от Жукова было получено. Тем самым советский комкор завоевал искреннее уважение японских офицеров. Много лет спустя Ньюмура вспоминал, что он и его товарищи тогда решили: раз Жуков признал, что религия имеет высшую ценность, значит, он в первую очередь был военным, а не «настоящим коммунистом». Впоследствии другие иностранцы, встречавшиеся с маршалом, тоже видели в нем сначала солдата и лишь потом — последователя марксистской идеологии.

Жукову запомнились пленные японцы. В мемуарах он вспоминал: «Японскому солдату внушали, что, попав в плен, он все равно будет расстрелян, но прежде его будут истязать до полусмерти. И надо сказать, что подобное воздействие в тот период достигало своей цели... Помню, на рассвете одного из августовских дней ко мне на наблюдательный пункт привели пленного японского солдата, обезображенного укусами комаров (одного из тех двух, о которых маршал восхищенно рассказывал Симонову. — Б. С.)... Нам нужны были сведения о японских войсках на том участке, где был захвачен этот пленный. Чтобы развязать ему язык, я приказал дать пленному полстакана водки. Каково же было мое удивление, когда он, посмотрев на стакан, сказал: «Прошу вас, отпейте глоток, я боюсь отравы. Я единственный сын, а отец имеет галантерейный магазин... Я единственный его наследник».

Наш переводчик заметил, что, согласно памятке, которую японским солдатам дало их начальство, они должны смело умирать со словом «банзай» на устах. Усмехнувшись, пленный ответил: «Отец наказал мне вернуться домой живым, а не мертвым».

Георгий Константинович из знакомства с этой памяткой и протоколами допросов пленных наверняка знал, что по возвращении из плена на родину японцам придется несладко. И не ошибся. Двух вернувшихся из советского плена летчиков-асов, ранее объявленных героически погибшими, заставили застрелиться. Хотя оба пилота попали в плен ранеными и физически не могли покончить с собой, когда их обнаружи-

ли неприятельские солдаты. Остальных пленных судили и отправили в тюрьму, где несчастным пришлось томиться по нескольку лет. Кодекс «бусидо» рассматривал плен как величайший позор для воина, который должен скорее сам лишиться себя жизни, чем сдаться на милость врагу. Как знать, не японскими ли традициями руководствовался Жуков, когда в начале Великой Отечественной войны подписал «драконовский» приказ № 270, объявлявший советских пленных изменниками Родины и предусматривающий репрессии против их семей. Правда, жуковская подпись стояла там последней, как и полагалось по рангу единственному подписавшему документ генералу армии — после Сталина, его заместителя по Государственному комитету обороны Молотова и маршалов Буденного, Ворошилова, Тимошенко и Шапошникова.

Думаю, важнее здесь был не японский пример сам по себе, а внутреннее духовное родство императорской Японии и советской России. В СССР жизнь человека ценилась гораздо меньше, чем его готовность к самопожертвованию во имя коммунистической идеи. От бойцов и командиров требовали нанести максимальный урон врагу, не считаясь с собственными потерями. Это отразилось в стихах Константина Симонова, в поэме о Халхин-Голе «Далеко на Востоке» он писал о погибшем безымянном герое:

*Говорят, он, в сплюсненном танке зажатый,
Перед смертью успел обожженным ртом
Объяснить экипажу,
Как можно последней гранатой
Подорваться втроем,
Чтоб врагу не достаться живьем.*

Так же воспитывало своих солдат и офицеров командование японской императорской армии.

Если принять во внимание все недостатки японских войск, надо признать обоснованность предложения Штерна немного замедлить августовское наступление и провести более рациональное сосредоточение войск на наиболее опасных направлениях, где особенно сильным было сопротивление японцев. Тем самым можно было бы уменьшить потери Красной армии и увеличить потери ее противника. Ведь в ус-

ловиях почти полного отсутствия автомобильного транспорта и танковых частей японскому командованию не удалось бы воспользоваться паузой и дополнительно перебросить какие-либо значительные силы к участкам наибольшей угрозы. Да и стремление японцев удерживать до конца даже безнадежные позиции, вместо того чтобы дислоцировать войска, не позволяло им маневрировать при вполне реальной опасности окружения.

29 августа 1939 года, ещё до завершения боев на Халхин-Голе, Штерну и Жукову присвоили звания Героев Советского Союза. Золотые звезды давали за непосредственное руководство войсками, а не за успехи в организации их снабжения. Видно, Григорий Михайлович не только машины на Хамар-Дабу гонял, но был причастен к разработке и проведению в жизнь плана наступления.

Кто же именно предложил идею окружения японцев между реками Халхин-Гол и Хайластын-Гол — Жуков или Штерн? В разное время на этот вопрос официальная советская пресса отвечала по-разному. 30 августа 1939 года в органе Наркомата обороны газете «Красная звезда» были опубликованы указы о присвоении Штерну, Жукову и другим командирам и красноармейцам звания Героя Советского Союза (всего 31 человек) и о награждении орденами и медалями большой группы сражавшихся на Халхин-Голе. В передовице, озаглавленной «Мужество и героизм», утверждалось: «В списке Героев Советского Союза заслуженно красуется имя командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Выдающийся военачальник, талантливый ученик тов. Ворошилова, руководитель боев у озера Хасан, Григорий Михайлович Штерн блестяще выполнил боевое задание. Один из замечательных военных деятелей нашей партии, член ее Центрального Комитета — он являет собой образец мужественного большевика, боевого руководителя войск.

Любовь и восхищение вызывает имя заслуженного командира Героя Советского Союза комкора Г. К. Жукова. Прекрасный организатор, человек несгибаемой воли и безмерной отваги, он сумел спаять воедино людей, призванных выполнять боевые задания правительства».

Здесь Штерн стоит на первом месте, как ему и полагалось по должности и званию. Командующий Фронтовой группой — единственный, кто в передовице назван полностью по имени и отчеству. Теперь уже Штерн объявлен руководителем операции у озера Хасан, поскольку имя забитого в подвалах НКВД маршала Блюхера уже вычеркнули из истории Красной армии. Все неудачи в боях за сопки Заозерная и Безымянная списаны на покойного Василия Константиновича, а изгнание оттуда японцев стало заслугой еще живого Штерна. Скоро Фортуна тоже повернется к нему спиной, но пока Григорий Михайлович на коне. Он — «талантливый ученик» наркома Ворошилова, «блестяще выполнивший» боевое задание по разгрому японцев, образцово руководивший действиями советских войск. А Жуков назван просто «заслуженным командиром», хотя и вызывающим «любовь и восхищение». Он — лишь исполнитель, волевой и отважный организатор выполнения заданий, полученных от Штерна. Насчет же воли в передовице «Красной звезды» сказано очень метко: волевые качества у Жукова были выдающиеся.

Звезда Штерна очень быстро закатилась. Не оправдалось значение его фамилии: «звезда» в переводе с немецкого. Григория Михайловича отправили на войну с Финляндией командовать 8-й армией, наступавшей севернее Ладожского озера. «На той войне незначимой» Красная армия славы не стяжала. Если основные силы, наступавшие на Карельском перешейке против знаменитой линии Маннергейма, хотя бы формально, достигли успеха — ценой больших потерь преодолели, в конце концов, финские укрепления, то армия Штерна проиграла финнам по всем статьям, вчистую. Две дивизии и одна бригада попали в окружение. Одной из дивизий (168-й) удалось продержаться в котле вплоть до прекращения боевых действий, хоть и ценой больших потерь: количество убитых, раненых и взятых в плен превысило половину личного состава. Зато 18-я дивизия и 34-я легкая танковая бригада были почти полностью уничтожены. Вскоре Штерн получил выговор за сокрытие истинного социального происхождения, которое оказалось неподходящим. В анкетах он назывался сыном врача. Из покаянного письма Штерна Ворошилову неясно, кем именно был его родитель. Скорее всего, каким-ни-

будь купцом 2-й гильдии. Сталин охладел к Штерну. В июне 1940 года, когда в Красной армии ввели генеральские звания, Григорий Михайлович еще успел получить звание генерал-полковника. Большинство командармов 2-го ранга тогда были аттестованы как генерал-полковники, что не должно было вызвать обид у Штерна. Но тем же указом его бывшего подчиненного Жукова из комкоров произвели сразу в генералы армии, и он навсегда обогнал в чинах своего бывшего начальника. Тут сказалась не только финская неудача Штерна, но и смещение с поста наркома обороны его покровителя Ворошилова, чьим «талантливым учеником» был Григорий Михайлович.

5 июня 1940 года в связи с началом публикации указов от 4 июня о присвоении генеральских званий высшему начальствующему составу Красной армии и Военно-морского флота (публикация продолжалась ежедневно вплоть до 14 июня) в «Красной звезде» появилась передовая статья «Велики их заслуги перед Родиной». В ее содержании утверждалось следующее: «Генерал армии Г. К. Жуков — участник Гражданской войны, кадровый командир, последовательно прошедший ряд старших и высших должностей, обладающий широким оперативным кругозором. Когда 23-я японская дивизия генерала Камацубары переправилась через реку к горе Баин-Цаган, пытаясь углубиться на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики, она была разгромлена советскими танковыми частями. Здесь по замыслу тов. Жукова впервые самостоятельно действовали на поле боя крупные танковые массы. «Баин-Цаганское побоище» — под этим именем вошел в историю разгром японской дивизии. Генерал армии Жуков разработал и блестяще провел операцию полного окружения и окончательного уничтожения 6-й японской армии, вторгнувшейся в пределы МНР..

Среди генерал-полковников мы находим имена заслуженных высших командиров, популярных в стране и Красной армии, — И. Р. Апанасенко, О. И. Городовикова, А. Д. Локтионова, Г. М. Штерна. Звание генерал-полковника танковых войск присвоено Герою Советского Союза Д. Г. Павлову. Генерал-полковники артиллерии Н. Н. Воронов и В. Д. Грендаль широко известны армии как замечательные артиллери-

сты, боевые организаторы этого важнейшего в современной войне рода войск».

Теперь Георгий Константинович, безусловно, на первом месте и по чину, и по должности. Да и среди других генералов армии он имеет явное преимущество. Именно Жукову дана самая подробная и наиболее хвалебная характеристика. Но, что еще важнее, победа на Халхин-Голе целиком приписывается ему одному. Штерн уже как бы не имеет к ней никакого отношения. Хуже того: среди всех генералов армии и генерал-полковников только у Григория Михайловича не упомянуто наличие звания Героя Советского Союза. Это — признак грозный. Такие вещи в центральном органе Наркомата обороны случайными не бывают и в принципе предвещают беду. Если тогда Григорий Михайлович это почувствовал, то он уже был уверен, что скоро разделит судьбу Тухачевского и Блюхера.

Штерну еще раз капитально не повезло, последний раз в жизни. После Финляндии он опять командовал Дальневосточным фронтом, где не ожидалось никаких военных действий. В апреле 1941 года был назначен начальником недавно образованного Главного управления ПВО. А 15 мая 1941 года на беду Григория Михайловича немецкий транспортный самолет Ю-52, не замеченный советскими постами ПВО, совершил перелет по маршруту Белосток — Минск — Смоленск — Москва, приземлившись на московском аэродроме. Штерн возглавлял ПВО всего месяц и при всем желании не мог внести кардинальных изменений, чтобы изжить пороки советской системы противовоздушной обороны. Она оставалась уязвимой еще очень долго, вплоть до начала 60-х годов, когда получила на вооружение ракетные комплексы. Но Сталину нужно было найти «козлов отпущения». Были сфабрикованы данные о «заговоре авиаторов», на основании которых арестовали некоторых генералов, связанных с авиацией, в том числе и Штерна, а также наркома вооружений Б. Л. Ванникова и «принимавшего руководящее участие в прорыве линии Маннергейма» К. А. Мерецкова, никакого отношения к авиации не имевших. Григория Михайловича взяли 7 июня 1941 года с санкции первого заместителя наркома обороны маршала Буденного. 27 июня Штерн не выдержал

истязаний и признал, что еще с 1931 года был участником военного заговора и немецким агентом. Однако в конце протокола допроса дописал: «Все вышеизложенное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, так как никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был». 28 октября 1941 года, когда немцы шли на Москву, а Жуков был послан на Западный фронт спасать положение, Штерна расстреляли в тогдашней «временной столице» Куйбышеве.

Георгий Константинович о финской войне знал только понаслышке. Реального масштаба поражения советских войск не представлял и пребывал в уверенности, что Красная армия по-прежнему сильнее всех своих потенциальных врагов. Неудачи в «зимней войне» Жуков объяснял особенностями местности, неудобной для наступления, и ошибками конкретных командиров — не ему чета. На фоне понесенных в Финляндии поражений халхин-гольская победа засверкала еще ярче, а поскольку репутация Штерна была подорвана, Сталин и руководители Наркомата обороны именно Жукова считали теперь единоличным победителем японцев.

Отправившись на Халхин-Гол, Георгий Константинович не забывал о семье и родственниках. М. М. Пилихин приводит письмо брата из Монголии, отправленное 31 октября 1939 года: «Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора в Москве, тогда обо всем поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провел войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подразболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм... если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку». Обещание прислать подарки Жуков, таким образом, выполнил. Его адъютант М. Ф. Воротников вспоминал, как доставил гостинцы в Москву: «В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами... Провожая, Жуков наказал: «Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живет он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовском пе-

реулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору центрального «Военторга».

Последняя просьба могла показаться курьезной. Герой халхин-гольских событий, грозный укротитель самурайской орды... просил продать несколько метров ситца для дочек и солевой кильки в банках. Что делать? Время было тяжелое. Материального изобилия в стране не было. Не от хорошей жизни он обращался с такой просьбой к работникам торговли.

Жена Жукова с двумя дочерьми приехала в Монголию в сентябре 1939 года. До этого Жуков регулярно писал ей в Смоленск. Например, 26 июля, вскоре после Баин-Цаганского сражения, бодро сообщал: «В районе боевых действий населенных пунктов нет, кругом степь на сотни километров и ни одного дерева. Но степь имеет также свою красоту — очень много дичи и другого зверя. Здесь очень хорошая охота. Козы гуляют прямо стадами. Ну, пока, крепко вас целую много, много раз». А в августе, 21-го числа, в дни решающего наступления, прислал только короткую телеграмму: «Здоров. Писать письма нет времени. Круглосуточно занят сложными вопросами. Получил очередное звание. Порученца вышло в сентябре. Сейчас от Улан-Батора далеко. Обнимаю всех. Жуков».

В середине сентября, перед самым отъездом, Александра Диевна получила от мужа еще одно письмо: «Я жив, здоров. Ты, наверно, из газет уже знаешь сообщения ТАСС о боях на монгольско-маньчжурской границе. Ты теперь, очевидно, понимаешь, почему так срочно мне пришлось выехать из Смоленска. Тебе также должно быть известно из сообщения ТАСС, что японские самураи разбиты как на земле, так и в воздухе. Но враг очень хитер, и от него приходится ждать всякой каверзы. Это мы хорошо учитываем и всегда готовы на его действия ответить двойным ударом... Как будут развиваться события в дальнейшем, сказать трудно. Мы готовы к полному уничтожению всей этой гадости. Вот Элочка хотела; чтобы папочка подрался, — это удовольствие сейчас испытываю. Чувствую себя в действиях очень хорошо. Короче, так, как это было в нашу Гражданскую войну. Мы потерь имеем мало...»

О величине потерь Георгий Константинович добросовестно заблуждался. В Красной армии в донесениях вышестоящему начальству командиры всегда сильно занижали собственные потери и завышали потери противника. Общие советские потери на Халхин-Голе вплоть до 80-х годов определялись (вероятно, по первоначальным донесениям из войск) всего в 9824 убитых и раненых. На эти цифры, занижавшие истинные потери почти в два с половиной раза, и ориентировался Жуков, когда писал жене о своих успехах. Да еще мысленно сопоставлял их со столь же фантастическими цифрами донесений о японских потерях в 55 тысяч человек.

Эра Жукова хорошо запомнила первую в своей жизни зарубежную поездку: «Семь дней мы ехали поездом до Улан-Удэ, а оттуда машиной до Улан-Батора. Мне все было интересно, тем более что мы впервые имели отдельное купе, все в красном дереве и бархате, а вот маленькой Леке было невмоготу, и по ночам она просилась домой. Помню, как, проезжая ночью озеро Байкал, о котором писал папа, мы с мамой не могли оторваться от вагонного окна, наблюдая, как белая и пенистая волна озера почти подступает к железнодорожному полотну. Затем очень долго — 600 километров по пыльной дороге — до места назначения добирались на «эмке». Папа нас не встретил, хотя, судя по письмам, такое намерение у него было. Добравшись до Улан-Батора, свой быт в новом доме мы устраивали сами с помощью порученца и соседей, которые встретили нас очень радушно».

Дом Эре понравился — стоит на пригорке, светлый, просторный, удобный. Вот климат не радовал — летом жарко и пыльно, зимой холодно и ветрено, даже метели случаются. Приходилось во дворе городка натягивать канаты, чтобы не сбиться с пути во время снежного бурана. И питьевую воду приходилось возить издалека и сливать в стоявший на кухне большой бак. Старшая дочь маршала в мемуарах призналась: «До сих пор помню вкус этой холодной прозрачной воды, в которой нередко плавали кусочки льда».

Для Жукова год, проведенный в Монголии, думаю, был самым счастливым временем жизни. 42-летний комкор одержал победу в крупном сражении. Он не без оснований рассчитывал на новый взлет своей карьеры. И не ошибся.

В мае 1940 года Жукова срочно вызвали из Улан-Батора в Москву, о чем он пишет в мемуарах: «...В начале мая 1940 года я получил приказ из Москвы явиться в наркомат для назначения на другую должность. К тому времени было опубликовано постановление правительства о присвоении высшему командному составу Красной армии генеральских званий. В числе других мне было также присвоено звание генерала армии.

Через несколько дней я был принят лично И. В. Сталиным и назначен на должность командующего Киевским особым военным округом».

Здесь есть неточность. Указ о введении в Красной армии генеральских званий был принят 7 мая, а опубликован 8 мая 1940 года. Однако в тот день в газетах (в информации о присвоении персональных званий) появился лишь указ о производстве в Маршалы Советского Союза С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошникова и Г. И. Кулика. Рядом с ними публиковался указ об освобождении К. Е. Ворошилова от обязанностей наркома обороны и о назначении его заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при Совнаркоме. Другим указом свежеепеченный маршал Тимошенко был назначен наркомом обороны. В генералы армии Жуков был произведен указом от 4 июня 1940 года, опубликованным в газетах на следующий день, 5 июня. В данном случае память явно подвела Георгия Константиновича. Возможно, он вольно или невольно слил воедино несколько своих встреч со Сталиным, происшедших в мае — июне 1940 года. Этот факт меша-

ет выяснить хотя бы приблизительно дату самой первой встречи Жукова со Сталиным.

Кроме Сталина, на встрече с Жуковым присутствовали и другие члены Политбюро. Георгия Константиновича спрашивали о боевых качествах японской армии, о том, как дрались на Халхин-Голе советские войска. Затем Сталин сказал: «К сожалению, в войне с Финляндией многие наши соединения и армии показали себя в первый период плохо. В неудовлетворительном состоянии армии во многом виноват бывший нарком обороны Ворошилов, который длительное время возглавлял вооруженные силы. Он не обеспечил должной подготовки армии, и его пришлось заменить. Тимошенко лучше знает военное дело. Итоги войны с финнами мы подробно обсудили на пленуме ЦК и наметили ряд мероприятий».

А в конце встречи, по утверждению Жукова, между ним и Сталиным произошел следующий примечательный диалог:

« — Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал И. В. Сталин. — Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?

Усмехнувшись, И. В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладьё и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно втягиваться в войну с Гитлером. Они все еще надеются толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалёковидную политику».

Жуков признается, что разговор со Сталиным его потряс: «Возвратясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы».

Попробуем определить, когда же именно наш герой вернулся из Монголии в Москву и когда произошла его первая встреча со Сталиным. Из жуковских мемуаров следует, что вызов пришел в начале мая. Также и в составленных в 1957 году «Кратких биографических сведениях» временем окончания службы будущего маршала в Монголии указан апрель 1940 года, с апреля по июнь Жуков числится в распоряжении наркома обороны, а с июня — командующим Киевским особым военным округом. В «Личном листке по учету кадров», заполненном Жуковым в 1948 году, окончание службы в Монголии датировано апрелем, а вступление в командование войсками КОВО — маем 1940 года. М. М. Пилихин утверждает: «В мае 1940 года Георгий телеграфировал нам в Москву: «Будем 15 в Москве. Встречайте. Жуков». На автобазе (НКВД. — Б. С.), где я работал, стоял «опель-кадет» Марины Расковой. Я попросил у нее машину — встретить Г. К. Жукова с семьей из Монголии. Разрешение получил, и мы с Клавдией Ильиничной и дочкой Ритой поехали встречать Георгия с семьей на Ярославский вокзал. Пришла машина и из Наркомата обороны. Подошел поезд, и мы пошли к вагону, в котором прибыл Жуков с семьей. Но он уже шел нам навстречу, с первой Золотой звездой Героя Советского Союза на груди и орденами Монгольской Народной Республики. Он с большой радостью обнял нас и сказал: «Вот мы опять все вместе!»

Через несколько дней Жуков был на приеме у И. В. Сталина. Г. К. Жуков подробно доложил ему о защите Монголии от японских захватчиков. Сталин предложил Жукову должность командующего Киевским особым военным округом. Георгий пригласил меня провести отпуск в Киеве. Пробыл я у него около месяца, ознакомился с городом. Ездили с Егором на охоту, он отлично стрелял».

М. Ф. Воротников, адъютант Жукова в Монголии, пишет, будто Георгий Константинович уехал в Киев в апреле 1940 года. Вероятно, здесь характерная ошибка памяти. Для Михаила Федоровича отъезд Жукова из Улан-Батора ассоциировался с его назначением в Киев. Вероятно, конец апреля — это фактическое время отбытия Георгия Константиновича из Монголии.

Дочь Жукова Эра вспоминает: «Из Монголии в Москву мы летели уже самолетом вместе с папой. Для нас всех это было первое воздушное путешествие, и мы очень волновались. В Москве нас разместили в знаменитой в те годы гостинице «Москва», где мы прожили более месяца, вплоть до получения папой нового назначения в Киев и отъезда туда».

Казалось бы, между свидетельствами М. М. Пилихина и Э. Г. Жуковой есть одно вопиющее противоречие. Михаил Михайлович рассказывает о том, что его двоюродный брат вернулся в Москву поездом, а Эра Георгиевна настаивает, что они все возвращались самолетом, и трудно не поверить тому, что первое воздушное путешествие запомнилось ей на всю жизнь. Думаю, что на самом деле никакого противоречия тут нет. Просто от Улан-Батора до Улан-Удэ Жуковы действительно летели на самолете, чтобы не трястись 600 километров на автомашине по пыльной проселочной дороге. А от Улан-Удэ ехали до Москвы поездом, с комфортом, в одном, а то и в двух отдельных купе первого класса, украшенных красным деревом и бархатом. Как мы помним, Александра Диевна с детьми добиралась от Москвы до Улан-Удэ семь суток. Очевидно, обратный путь занял столько же. Еще день потребовался, чтобы долететь на самолете от Улан-Батора до Улан-Удэ. Следовательно, путешествие от Улан-Батора до Москвы должно было занять не менее восьми дней. Если Георгий Константинович выехал из Монголии в конце апреля или в самом начале мая, то в столицу он должен был прибыть где-то между 7 и 10 мая, но никак не 15-го числа. Хотя, конечно, мог задержаться в пути: в Улан-Удэ или где-нибудь еще. Может быть, М. М. Пилихин ошибся, когда говорил о приезде брата в Москву именно 15-го числа? Да и слова Э. Г. Жуковой о том, что они прожили в Москве больше месяца, прежде чем вместе с отцом отправились в Киев, как будто согласуется с более ранней датой приезда в Москву. Ведь в Киев Жуков отбыл около 15 июня.

Посмотрим, когда мог состояться прием Жукова Сталиным. В журнале посетителей кремлевского кабинета вождя первый раз Георгий Константинович упомянут только 2 июня 1940 года. Жуков был у Сталина и на следующий день, 3-го числа, а затем 13-го. Если верить тетрадам записи посетителей, то в 1940 году они больше не встречались. Однако до сих пор не

опубликованы журналы, где фиксировались посетители сталинских подмосковных дач и кремлевской квартиры Сталина. Кроме того, у историков нет уверенности: все ли тетради с записями сохранились и все ли имена заносились в журнал. Поэтому нельзя утверждать, что Иосиф Виссарионович и Георгий Константинович не встречались раньше, в мае 40-го.

В мемуарах Жуков оставляет у читателей впечатление, что до отъезда в Киев он лишь однажды виделся со Сталиным. Но легко убедиться, что в действительности это не так. Даже если принять тот факт, что первая встреча состоялась только 2 июня, всего за несколько дней до отъезда в Киев Жуков приходил к Сталину, как минимум, три раза. Очевидно, в «Воспоминаниях и размышлениях» маршал вольно или невольно свел к одному разговору содержание нескольких встреч со Сталиным. Попробуем разобраться в жуковских мемуарах и понять, какие именно беседы соответствуют тому или иному времени.

Жуков высказывает Сталину свое удивление пассивным характером войны на Западе. Напомню читателям, что германское наступление там началось 10 мая 1940 года, и уже 11 мая Жуков узнал бы об этом из газет. В таком случае первое свидание Жукова и Сталина должно было произойти не позднее 11 мая. Иначе жуковские слова об отсутствии активных боевых действий между германскими и англо-французскими войсками теряли смысл. Если же Георгий Константинович действительно приехал в Москву только 15 мая, как утверждает М. М. Пилихин, то их встреча со Сталиным никак не могла произойти ранее 17-го числа того же месяца, поскольку и Жуков, и его двоюродный брат свидетельствуют, что с момента приезда до вызова в Кремль прошло несколько дней. Однако мне все-таки кажется наиболее вероятной дата первой встречи Сталина и Жукова не позднее 11 мая 1940 года. Но она могла произойти, с учетом времени отъезда Георгия Константиновича из Монголии, и раньше, 10 мая. В день встречи Сталин или уже знает о начавшемся германском наступлении, или уверен, что оно вот-вот последует. Немцы известили его о вторжении во Францию, Бельгию и Голландию утром 10 мая, практически одновременно с началом наступления. Характерно, что Сталин предупреждает Жукова, что

Чемберлену и Даладьё очень скоро придется расплатиться за свою близорукую политику. Генерал же еще ничего об этом не знает и потому рассуждает о «странной войне» на Западе.

Сталин также сообщает Жукову, что Ворошилов снят с поста наркома обороны и заменен Тимошенко. Создается впечатление, что об этих важных кадровых перестановках в военном ведомстве Георгий Константинович еще не знает. Тогда встреча вообще должна была состояться не позже чем утром 8 мая. Ведь уже к вечеру этого дня Жуков не мог не знать о смене руководства Наркомата обороны.

Вот о назначении Жукова командующим Киевским округом Сталин, по всей видимости, сообщил ему не на майской встрече, а позднее, 2 или 3 июня. Сразу же после этих встреч вышел указ о присвоении Жукову звания генерала армии. Командующий наиболее мощным по количеству войск и техники военным округом должен был иметь и соответствующее звание. Вполне вероятно, что при первом свидании Сталин предложил Жукову подумать над предложением возглавить КОВО, а на одной из последующих встреч уже объявил ему о принятом решении.

Сталин был мастером создания систем «сдержек и противовесов», устраняющих любые потенциальные угрозы своей неограниченной власти. Вынужденный отказаться от преданного и недалекого Ворошилова, доказавшего полное несоответствие посту главы военного ведомства, Иосиф Виссарионович поставил на его место более молодого военачальника, в личной преданности которого не был уверен до конца. Почему же Сталин предпочел Тимошенко тому же Буденному, который искренне любил вождя? Вряд ли главной причиной этого была недостаточная осведомленность Буденного в вопросах современной войны. Семен Михайлович рассказывает в мемуарах, как в Наркомате обороны при обсуждении проблемы, какой должна быть башня у нового танка Т-34, честно признался: «Я в танках мало что смыслю. Тут слово за специалистами». Но Тимошенко в танках смыслил не больше Буденного. Важнее было другое. Со времен Гражданской войны командарм Первой Конной сохранял популярность в войсках и в народе, и немалую! Еще в 1923 году Ворошилов писал Сталину, что Буденный «слиш-

ком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер... В будущем, в представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего «народное» движение... Его необходимо использовать для революции целиком и полностью». Клим тогда с тревогой сообщал, что «на вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного». Ворошилов еще в 20-е годы опасался назначения Буденного наркомом земледелия, поскольку «бросать Буденного в крестьянско-земельную пучину было бы сумасшествием». А если сейчас, в 40-м, назначить Буденного наркомом обороны, то красноармейцы, возможно, пойдут в бой «За Буденного», а не «За Сталина». Доверять такому человеку руководство одной из самых мощных армий мира Сталин опасался: неизвестно еще, как повернутся события. Вдруг придется пережить кризис типа коллективизации или новые военные неудачи, вроде финской. Как тогда себя поведет Семен Михайлович? Не захочет ли отправить Иосифа Виссарионовича на заслуженный отдых, а то и прямо в небесный штаб к «врагу народа» Тухачевскому? Лучше оставить Буденного вторым по значению человеком в Наркомате обороны. Все равно Тимошенко не сможет всерьез руководить своим бывшим командующим. Буденный фактически будет от него независим и «в случае чего» доложит о любых подозрительных действиях нового наркома.

Тимошенко в своем приказе № 120, где излагались поставленные перед войсками задачи на обучение в летний период 1940 года, требовал: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Во исполнение этого требования он распорядился на маневрах и учениях использовать только боевые патроны и снаряды. Это привело к росту числа убитых и раненых в рядах Красной армии в мирное время. Семена Константиновича это несколько не смущало. Он твердо верил, что эти потери неизбежны и необходимы, поскольку позволят уменьшить их число в будущей войне. Здесь Буденный был солидарен с Тимошенко и с одобрением писал в своих мемуарах о нововведениях по ужесточению условий боевой подготовки. Правда, как свидетельствует Семен Михайлович, идея обстреливать

войска на учениях боевыми снарядами принадлежала самому Сталину. Он будто бы заявил Тимошенко и другим военным:

« — Я не признаю такие маневры, где солдаты все делают условно — и стреляют, и наступают, и даже условно роют окопы. Люди должны учиться так, словно они ведут настоящий бой. И для этой цели не нужно жалеть боеприпасов. Только в сложной обстановке боец научится действовать уверенно и мужественно.

Кто-то рискнул возразить:

— Так ведь ЧП могут быть.

— Да, могут, — охотно согласился Сталин. — Но на войне мы понесем большие потери, если сейчас не научим бойцов владеть оружием, уметь наступать, уметь обороняться».

По свидетельству очевидцев, уезжая в Киев, на вокзале Жуков плакал. Много лет спустя в беседе с М. Ф. Воротниковым он так объяснил свои слезы:

« — Меня назначили на ответственный пост — командовать одним из важнейших приграничных округов. В беседах со Сталиным, Калининым и другими членами Политбюро я окончательно укрепился в мысли, что война близка, она неотвратима. Да и новый для меня пост командующего таким ответственным приграничным округом является тому свидетельством. Но какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? И вот с ощущением надвигающейся трагедии я смотрел на беззаботно провожающих меня родных и товарищей, на Москву, на радостные лица москвичей и думал: что же будет с нами? Многие этого не понимали. Мне как-то стало не по себе, и я не мог сдержаться. Я полагал, что для меня война уже началась. Но, зайдя в вагон, тут же отбросил сентиментальные чувства. С той поры моя личная жизнь была подчинена предстоящей войне, хотя на земле нашей еще был мир...»

Насчет своих сомнений, готова ли Красная армия к войне, Жуков в беседе с Воротниковым, похоже, присочинил. Ведь в «Воспоминаниях и размышлениях» он совсем иначе передает свои мысли 40-го года: «Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое

для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооруженным силам придется так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжелое поражение и вынужденно отходить в глубь страны».

Что же такое сказал Сталин Жукову 13 июня 1940 года, накануне отъезда Георгия Константиновича в Киев, что заставило командующего приграничным округом прослезиться? Их разговоры никогда не стенографировались, ясное дело. Но «Воспоминания и размышления» в этом случае могут помочь. Я думаю, что некоторые фразы Сталина из последнего, июньского разговора Жуков перенес в ту первую, майскую беседу, которую попробовал воспроизвести в своей книге. Например, слова о расплате, которая ждет недалёковидных английских и французских политиков. 13 июня, после поражения союзников в Бельгии и Северной Франции и эвакуации британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, стало ясно, что время расплаты пришло. Но Сталин еще надеялся, что хотя бы месяц-полтора французы продержатся. И напутствовал Жукова в дорогу: «Теперь у вас есть боевой опыт. Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск». Опыт у Жукова на Халхин-Голе был наступательный.

В 1969 году, отвергая неизвестные нам предложения военно-научного управления Министерства обороны по поводу своих мемуаров, Жуков прямо предупреждал: «...Мы невольно запутаем вопросы нашего стратегического плана войны и создадим у читателя мнение, будто мы заранее готовились напасть на Германию».

Это нападение планировалось еще в 1940 году, до возвращения Жукова из Монголии. Вот, например, что пишет в своих мемуарах тогдашний командующий советским Балтийским флотом В. Ф. Трибуц: «Народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов в феврале 1940 года издал специальную директиву, в которой указывал на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией и включающей Италию, Венгрию». В посмертно изданной книге Н. Г. Кузнецова «Крутые повороты», в приложении краткой летописи жизни и деятельности адмирала, приведена точная дата этой дирек-

тивы — 26 февраля 1940 года. Летопись, как пишут составители, основана на материалах государственных архивов и личного архива Н. Г. Кузнецова, так что не приходится сомневаться: директива, называемая вероятными противниками СССР Германию и ее союзников, была действительно издана наркомом Военно-морского флота в конце февраля 1940 года.

Подобные директивы в принципе не могли выпускаться по инициативе руководителей военного или военно-морского ведомства. Такие директивы издавались только по инициативе политического руководства страны, в данном случае — по инициативе Сталина. Наверняка аналогичную директиву тогда же отдал Красной армии нарком Ворошилов, только текст ее до сих пор историками не найден. Скорее всего, и кузнецовская, и ворошиловская директивы давно уничтожены.

Сразу после окончания боевых действий в Финляндии советские войска стали ускоренными темпами перебрасываться к западным границам СССР. К концу войны на финском фронте Красная армия располагала 55 стрелковыми и 4 кавалерийскими и мотокавалерийскими дивизиями, а также 8 танковыми и 3 авиадесантными бригадами с 4 тысячами танков и 3 тысячами самолетов. В период с апреля по август 1940 года на Запад было переброшено 37 дивизий и 1 танковая бригада. Всего же к концу июня 1940 года Сталин мог выставить против Гитлера 84 стрелковых и 13 кавалерийских и мотокавалерийских дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами. По числу танков — 200 и более — каждая такая бригада превосходила немецкую танковую дивизию.

На совещании высшего командного состава Красной армии в декабре 1940 года тогдашний командующий авиацией Ленинградского военного округа будущий Главный маршал авиации А. А. Новиков признавал: «В 1940 году боевая подготовка частей ВВС ЛВО проходила в несколько своеобразных условиях: до августа месяца все части ВВС округа были заняты выполнением особых заданий и только к августу месяцу возвратились с Украины...» Почти все самолеты, сконцентрированные для войны против Финляндии, к лету 40-го оказались у западных рубежей. Сталин в своей речи по итогам финской войны, произнесенной 17 апреля 1940 года на совещании высшего состава, особое внимание обратил на германскую авиацию: «На-

ша армия встала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии. В этом главный плюс того опыта, который мы усвоили на полях Финляндии, дав нашей армии обстреляться хорошо, чтобы учесть этот опыт. Хорошо, что наша армия имела возможность получить этот опыт не у германской авиации, а в Финляндии, с Божьей помощью».

Именно люфтваффе больше всего опасался Иосиф Виссарионович в грядущем походе на Запад. Тогда сухопутная армия Германии у советских границ была очень слаба. Здесь к началу июня располагалось всего 12 немецких пехотных дивизий. Из них 9 дивизий были ландверными, сформированными из военнослужащих старшего призывного возраста. Казалось, что с таким противником даже Красная армия, не стяжавшая лавров в Финляндии, могла бы справиться. А вот германские самолеты, опасался Сталин, непрерывными бомбардировками смогут замедлить продвижение Красной армии, если «сталинские соколы» не завоюют господство в воздухе. Гитлер получит время для переброски части сил с французского фронта и остановит советское наступление.

В ночь с 6-го на 7 мая 1940 года на подмосковной даче Сталин в узком кругу отмечал встречу с земляком, восьмидесятилетним Дата Гаситашвили, бывшим подмастерьем у сапожника Виссариона Джугашвили. И на опасение жены одного из офицеров своей охраны, у которой в США осталась дочь, не будем ли мы воевать с Америкой, Сталин уверенно успокоил ее: «Воевать с Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками! Не беспокойтесь, не волнуйтесь!»

Демобилизация почти 700 тысяч сверхштатных призывников, призванных на финскую войну, была перенесена с 1 мая на 1 июля 1940 года. Вероятно, нападение на Германию замыслилось на конец июня или начало июля. К тому времени, как надеялся Сталин, вермахт уже будет основательно связан борьбой с английскими и французскими войсками. Свободных сил для противодействия Красной армии у него не останется.

Готовясь к нападению на Германию, Сталин и его соратники по Политбюро совершили одно из своих многочисленных преступлений против человечества. Еще до заключения мира с Финляндией 5 марта 1940 года, Политбюро принимает ре-

шение о расстреле польских пленных: почти 15 тысяч офицеров и 11 тысяч гражданских лиц, томившихся в советских тюрьмах и лагерях. До этого поляков собирались пропустить через Особое совещание, проштамповать приговоры от 3 до 8 лет лагерей и отправить несчастных на Камчатку и в другие восточные районы СССР. Но Сталин решил начать войну с Германией еще в 1940 году. Поэтому в апреле и первой половине мая польских офицеров, а также штатских из числа интеллигенции и имущих классов (всего около 22 тысяч человек) расстреляли в Катыни под Смоленском, вблизи поселка Медное в Тверской области и в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова. Сталину нужна была коммунистическая Польша с послушной советской воле польской армией. После войны это послушание обеспечивал друг Жукова Рокоссовский, которому приказали срочно стать поляком и занять должность министра национальной обороны Польши. Польские офицеры, оказавшиеся в советском плену, в подавляющем большинстве не питали симпатий ни к СССР, ни к коммунистическим идеям. В случае начала войны с Германией Англия, Франция и польское эмигрантское правительство в Лондоне автоматически становились советскими союзниками. Польских офицеров, равно как и гражданских лиц, пришлось бы освободить и передать польскому правительству в изгнании для формирования новой польской армии. Чтобы избежать такого нежелательного развития событий, Сталин решил уничтожить пленных поляков.

На Украине расстрелы поляков осуществлялись под руководством шефа местного НКВД Ивана Александровича Серова. Однажды, в 50-е годы, в беседе с сыном Н. С. Хрущева Сергеем и хрущевским зятем А. И. Аджубеем в сердцах он уничижительно отозвался о работе смоленских чекистов, не сумевших скрыть следы преступления в Катыни: «С такой малостью справиться не смогли. У меня на Украине их куда больше было. А комар носа не подточил, никто и следа не нашел...» Удачно проведенная казнь была предметом профессиональной гордости Ивана Александровича. Как знать, не делился ли он своими откровениями с Жуковым, с которым познакомился в 40-м в Киеве, а подружился в 1944–1945 годах на 1-м Белорусском фронте и в оккупированной Германии?

Быстрый крах Франции заставил Сталина отказаться от нападения на Германию летом 40-го. Генерал-полковник Л. М. Сандалов вспоминал, как советские военачальники тогда сокрушались: «Кто бы мог подумать, что немцам потребуется лишь немногим больше двух недель, чтобы разгромить основные силы французской армии?» Не ожидал капитуляции Франции и сам Сталин. Хрущев свидетельствует: Сталин, узнав, что французы сложили оружие, матерно выругался и сказал, мол, теперь Гитлер развязал себе руки на Западе. Очевидно, Иосиф Виссарионович до последнего дня надеялся, что французская армия продержится еще хотя бы месяц, что позволит завершить подготовку советского нападения и заставит Германию сражаться на два фронта. Не вышло. Теперь Красная армия может сразу же встретиться с основными силами вермахта, имевшими опыт блестящих побед в Польше и Франции и высокий моральный дух, в отличие от красноармейцев, познавших горечь поражения в финских снегах.

Но нет худа без добра. После крушения Франции и изгнания с континента британских войск перед Красной армией в случае успеха открывались чрезвычайно заманчивые перспективы. Можно было надеяться дойти аж до Ла-Манша, а то, чем черт не шутит, перейти Пиренеи, советизировать Испанию и Португалию. А уж Балканский полуостров, как перезревший плод, вместе с Константинополем-Стамбулом сам бы упал Сталину в руки.

В СССР с июня 1940 года начались массовые формирования механизированных, а с начала 1941 года — воздушно-десантных корпусов, призванных обеспечить быстрый триумф после сокрушения основных сил противника. Нарастивалась и боевая мощь советской авиации, чтобы достичь подавляющего превосходства над люфтваффе. Вторжение в Западную Европу откладывалось на 41-й год.

Жуков вспоминал: «Вскоре после возвращения в Киев мне позвонил нарком обороны С. К. Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта в составе трех армий для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии. Командующим фронтом назначался я по совместительству...»

26 июня СССР предъявил Румынии ультиматум с требованием очистить территорию Бессарабии и Северной Буковины, согласно переданной посланнику карте. Буковина в секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении даже не была отнесена к советской сфере интересов, равно как никогда не была в составе Российской империи. Однако эти обстоятельства ничуть не смущали Сталина. Поздней ночью 26 июня 1940 года румынский посланник в Москве Давидеску был приглашен к Молотову. Советский нарком вручил ему ультиматум — в 24 часа согласиться передать СССР Бессарабию и Северную Буковину. Берлин посоветовал Бухаресту уступить, и к исходу следующего дня румынское правительство приняло советские условия. 28 июня дивизии Красной армии во главе с Жуковым двинулись за Днестр. Георгий Константинович не без гордости описал эту, по сути, полицейскую операцию: «...Нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти.

Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку. Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут.

Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности.

На второй день этих событий (29 июня. — Б. С.) я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут,

отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, — ответил я. — Вопреки договоренности из Бессарабии и Северной Буковины вывозятся железнодорожный транспорт и заводское оборудование. Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолетов на реку Прут? — спросил Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

Сталин рассмеялся и сказал:

— Соберите брошенное оружие и приводите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта, — берегите его. Я сейчас дам указание Наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству.

Так мирно закончился этот эпизод».

Командующий Киевским округом пренебрежительно отзывался о румынских войсках, представших в самом плачевном состоянии, подверженных панике и продемонстрировавших «полное отсутствие боеспособности». Ему и в страшном сне не могло присниться, что всего через год абсолютно теми же словами придется характеризовать Красную армию, под ударами вермахта гибнущую в бесчисленных котлах и стремительно откатывающуюся на восток.

Между тем советские войска тогда, в июне 40-го, выглядели немногим лучше румынских. Бессарабская помещица Евфросиния Антоновна Керсновская, русская по национальности, вскоре после воссоединения Бессарабии с СССР побывавшая в ГУЛАГе, так запомнила первые встречи с соотечественниками, пришедшими из-за Днестра: «По дороге через село проходили грязные, защитного цвета бронемшины, танкетки...

То тут, то там стояли у обочины, и измазанные бойцы что-то починали. Черные лужи смазочного масла виднелись на дорожной пыли. Одна машина вышла из строя против нашего дома. Из нее текло что-то черное, а парни, подталкивая друг друга локтями, хихикали и острили: «...как овечки: где стал, там и лужа...» Они, шушукаясь, подталкивали уже немолодого мужичка, пока тот наконец не шагнул вперед и не спросил:

— Что же это вы, ребята? Только границу перешли и сразу — на ремонт?

Механик буркнул сквозь зубы:

— Мы уже три месяца в походе (возможно, это как раз была часть, переброшенная с финского фронта. — Б. С.).

За Сорокским мостом, на подъеме, метрах в 50-ти выше моста, под откосом лежала перевернутая автомашина. Рядом с нею — труп солдата, покрытый плащ-палаткой. Лицо под каской. На обочине сидел с унылым видом солдат с винтовкой.

— Как это случилось? — спросила я.

— Горы-то какие! Разве выдержат тормоза?

Я удивилась: какие же это «горы»? Маленький уклон!»

Разумеется, Жуков не нес никакой ответственности за низкую подготовку своих бойцов — он к тому времени командовал округом меньше двух недель. Беда, однако, заключалась в том, что и год спустя, в июне 41-го, когда Георгий Константинович и округом полгода покомандовал, и на посту начальника Генштаба почти такое же время пробыл, подготовка красноармейцев, в том числе и в Киевском округе, мало изменилась в лучшую сторону.

Жуков вызвал в Киев бывшего преподавателя Академии Генерального штаба полковника И. Х. Баграмяна, с которым вместе учился на кавкурсах в Ленинграде. Он был назначен начальником оперативного отдела штаба 12-й армии. Но главной задачей Ивана Христофоровича стало написание доклада Жукова для декабрьского совещания высшего состава в Москве. Жуков сразу же предупредил старого друга, что с поездкой в штаб 12-й армии в Станиславов придется повременить.

« — В декабре состоится совещание руководящего состава Наркомата обороны и всех военных округов, — сообщил Георгий Константинович. — Оно обещает быть широким по составу и важным по задачам... Нам известно, что сам Сталин при-

мет в нем участие. Основной доклад об итогах боевой и оперативной подготовки за истекший год сделает начальник Генерального штаба. Содокладчики — генерал-инспектор пехоты, начальники Управления боевой подготовки и Автобронетанкового управления, генерал-инспектор артиллерии. По вопросам оперативного искусства и тактики выступят некоторые командующие округами. На меня возложен доклад по основному вопросу — «О характере современной наступательной операции». Ты, насколько я знаю, четыре года провел в стенах Академии Генерального штаба: и учился, и преподавал в ней». — И озабоченно спросил: — Догадался захватить с собой академические разработки?

— Захватил, товарищ командующий», — радостно отпартовал Баграмян.

« — Ну вот, — повеселел Жуков, — поможешь в подготовке доклада».

Дальше, по словам Баграмяна, командующий округом сказал ему примерно следующее: «...Война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня...» Следовательно, если Иван Христофорович здесь не лукавит, Жуков еще тогда, в августе 40-го, ни о каком начале войны в 1942 году или позднее не думал вовсе, полагая, что война с Германией разразится не позже середины 41-го года. Очевидно, такого же мнения был и Сталин. Не командующему же Киевским округом решать, когда начинать войну.

« — Будем вместе думать, — сказал в заключение Жуков. — Если возникнут вопросы, приходи ко мне без стеснения. Возьми себе в помощь любых командиров из оперативного отдела штаба округа. И завтра же приступай к работе.

— Завтра воскресенье... — робко возразил Баграмян.

— Ну и что же: воскресенье для нас, а не мы для воскресенья, — пошутил Жуков, обнаружив знакомство с текстом Священного Писания».

И Баграмян засел за доклад: «Я без промедления приступил к делу. Большую помощь оказал мне прибывший в округ

на стажировку выпускник Академии Генерального штаба бывалый кавалерист подполковник Г. В. Иванов.

Жил я без семьи, работал, как говорится, с подъема до отбоя. Мы с Ивановым довольно быстро справились с заданием. Много трудившийся над докладом командующий остался доволен нашим старанием. В конце сентября Георгий Константинович внес последние поправки и дополнения».

Служить в штабе 12-й армии Баграмяну пришлось очень недолго. Уже в декабре 40-го, незадолго до отъезда на совещание в Москву, Жуков в награду за хорошо написанный доклад назначил полковника Баграмяна на генеральскую должность начальника оперативного отдела штаба Киевского округа.

Пока Жуков командовал Киевским особым военным округом, в руководстве Наркомата обороны произошли важные изменения. В августе 1940 года маршала Б. М. Шапошников, занимавшего пост начальника Генерального штаба, сменил генерал армии К. А. Мерецков. Его рекомендовал Тимошенко. Еще в 20-м году на польском фронте Мерецков служил в штабе 6-й кавдивизии, начальником которой в то время был Тимошенко. При прорыве линии Маннергейма Мерецков командовал наиболее мощной 7-й армией, а будущий нарком командовал Северо-Западным фронтом. Кирилл Афанасьевич ранее работал заместителем начальника Генштаба и штабную работу знал.

Как вспоминал Мерецков: «После заседания (Главного военного совета. — Б. С.), как и раньше в таких случаях, ужидали на квартире у И. В. Сталина. Там вновь обсуждали военные вопросы. Вдруг Сталин сказал:

— Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба с неплохим здоровьем. Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать. Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций.

Неожиданно для меня присутствующие стали называть мою фамилию, мотивируя это тем, что я имею специальную

подготовку, участвовал в боях, был командующим округами и уже работал в Генеральном штабе. Сталин спросил мое мнение. Я стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что работа эта сверхтяжелая, а опыта у меня для такой работы еще недостаточно.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы с вами условимся так: вы приступайте сейчас, немедленно к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас. Обижать вас не станем, вы получите соответствующее назначение. На этом и кончим сегодня».

Чтобы не давать Тимошенко слишком большой власти, Сталин одновременно с назначением Мерецкова сделал Буденного первым заместителем наркома обороны. Начальник Генштаба отодвинулся на третью ступеньку в военной иерархии, а Буденный обрел больше возможностей для контроля над действиями Тимошенко. Что же касается судьбы Мерецкова, то она сложилась драматически. На второй день Великой Отечественной войны он был арестован по делу Штерна, Рычагова, Локтионова и других военачальников. Кирилла Афанасьевича пытали и заставили признаться в участии в заговоре. Но Сталин Мерецкова пощадил, расстреливать не стал и отправил представителем Ставки на Северо-Западное направление, а потом назначил командующим Волховским фронтом. Жуков говорил писателю Евгению Воробьеву, как Сталин осенью 41-го вспомнил о Мерецкове и решил вернуть его в армию, сказав при этом: «Довольно ему прохладиться!» Генерал прохладился в тюремной камере, где над ним основательно потрудились костоломы из НКВД. Из-за этого, а также по причине царившей в камере сырости, Кирилл Афанасьевич после освобождения с трудом мог ходить. «Кто-то сообщил об этом Сталину, — рассказывал Георгий Константинович. — А может, он и сам заметил. Но только с того дня Мерецкову одному разрешалось сидеть, когда мы все в присутствии Сталина стояли». Горькая ирония: одной из причин назначения Мерецкова вместо Шапошникова было его отменное здоровье. А теперь, после двух с половиной месяцев тюрьмы, Кириллу Афанасьевичу было тяжело даже просто стоять на ногах — от бывшего здоровья не осталось и следа.

Доклад удался на славу. На совещании Жуков заявил коллегам по поводу советского наступления на Халхин-Голе: «К этой операции командование готовилось достаточно серьезно, она была продуманной всесторонне как с точки зрения оперативной, так и с точки зрения материального обеспечения, с точки зрения оперативно-тактической внезапности. Этой операции предшествовала упорная борьба за господство в воздухе... По бомбардировочной авиации было достигнуто превосходство в 3 раза, по истребителям — около двух раз. Замысел операции... заключался в том, чтобы ударом сильных фланговых группировок уничтожить слабые фланги противника, оперативно окружить противника в намеченном районе и не далее государственной границы, ибо удар дальше был запрещен правительством, окружить противника в этом районе и затем его уничтожить... Что необходимо отметить характерного и поучительного в этой операции? Это, прежде всего, вопрос внезапности. Вопрос внезапности, вопрос маскировки был, есть и будет главнейшим элементом в победе, как в операции, так и в бою... Командование принимало все меры... чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться. Для этого были приняты все меры, включая дезинформацию и применение широкоэвещательной станции, имитирующей по ночам окопные и всякие инженерные работы. Были выпущены различные специальные листовки с целью обеспечения проведения оборонительных мероприятий и т. д. По радио передавались различные сводки, характеризующие настроение командования по подготовке оборонительной операции. И японцы, как потом выяснилось, действительно до часа удара не предполагали и не знали о готовящемся наступлении. Была принята особая осторожность при донесении в Москву в Генеральный штаб плана операции, а срок удара был донесен, по существу, накануне самой операции... Оперативное окружение переросло в тактическое окружение, и противник был действительно уничтожен в намеченном районе. Попытка противника нанести контрудар во фланг... встретила организованное сопротивление, контрудар организованной обороны и танковой бригады. При подготовке этой операции особое внимание было уделено вопросу организации взаимодействия танков, артиллерии, пехоты и авиации.

Для этой цели мы усиленно занимались в течение месяца в тылу своих войск в 25—30 километров».

Эта часть доклада, несомненно, была написана Баграмяном и Ивановым на основе материалов, предоставленных самим Георгием Константиновичем. А вот «общетеоретическая» часть, посвященная опыту Второй мировой войны и его применению в Красной армии, по всей вероятности, представляет собой плод неустанного труда двух бывших преподавателей-генштабистов. Звучит она очень солидно: «Что особо поучительного из действий на Западе?»

1. Это смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника.
2. Решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировки противника.
3. Массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника, при этом частое применение этих войск в форме противника.
4. При прорыве УР (укрепленных районов. — Б. С.) немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танкам, саперам и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной УР, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила».

Докладчик предложил примерный план будущей наступательной операции в масштабе фронта: «В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется, должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400—450 км. Мощностъ первого удара должна обеспечить разгром не менее одной трети — одной второй всех сил противника и вывести наши силы в такую оперативную глубину, откуда создавалась бы реальная угроза окружения остальных сил про-

тивника, а для этого, если на таком фронте организуется наступательная операция, общая ширина участков главного удара предпринимаемой операции должна быть не менее 100—150 км.

Для такой операции потребуется, конечно, сосредоточение мощных сил, средств, и я думаю, что для такой операции на таком фронте потребуется стрелковых дивизий порядка 85—100 дивизий, 4—5 механизированных корпусов, 2—3 кавалерийских корпуса и 30—35 авиационных дивизий. Само собой разумеется, что такое количество вооруженных сил должно быть всесторонне оснащено соответствующими средствами усиления артиллерии, танками в сопровождении пехоты, инженерно-техническими войсками и соответствующими средствами усиления...

Удары авиации должны развернуться на таком пространстве, чтобы подавить в районах аэродромного базирования основную массу авиации противника, нанести ей поражение, нарушить подвоз по железным и грунтовым дорогам, парализовать всю систему быстрого продвижения в оперативную глубину, должны сковать оперативные действия сил противника в тылу и исключить возможность их оперативного маневрирования...»

И вывод-предупреждение в конце: «Красной армии... нужно быть готовой драться с искусным и технически вооруженным противником. Современное развитие средств борьбы — авиация, танки, моточасти, авиадесанты и прочее — создают широкую базу для ведения наступательной операции, дают возможность проводить ее высокими темпами и с большой дальностью...»

При равных силах и средствах победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы.

Придавая исключительное значение внезапности, все способы маскировки и обмана противника должны быть широко внедрены в Красную армию. Маскировка и обман должны проходить красной нитью в обучении и воспитании войск, командиров и штабов...

Для того чтобы успешно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные

войска, командиров и штабы. Современные операции, развивающиеся быстрыми темпами, требуют исключительной слаженности, маневренности и гибкости. Войска, не обладающие этими способностями, не могут рассчитывать на успех. Особенно высокие требования должны быть предъявлены командирам и штабам высших соединений. Высший состав и штабы высших соединений в ближайшее время должны в совершенстве отработать знания и навыки по организации и проведению современной наступательной операции».

Доклад произвел на слушателей прекрасное впечатление. Так, даже будущий непримиримый оппонент Жукова А. И. Еременко, выступая на совещании, назвал сообщение Георгия Константиновича «замечательным». Мало кто из присутствующих сомневался, что Красная армия действительно способна обеспечить превосходство над противником и в искусстве управления войсками, и в умении напасть внезапно. Главное же, выступление командующего Киевским округом понравилось наркому Тимошенко и присутствовавшим на совещании членам Политбюро: Г. М. Маленкову, А. А. Жданову и др. Они не преминули сообщить о докладе «Характер современной наступательной операции» Сталину.

После совещания высших военных руководителей вызвали к Иосифу Виссарионовичу. Жуков так описал эту встречу: «И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего состава, чтобы дать ему свои поправки. Но Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект моего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать все, что мне посылают, — вспыхнул Сталин.

Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов. К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро. Сталин сделал замечание Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома».

По диалогу Сталина и Тимошенко чувствуется, что Семен Константинович уже начинает раздражать вождя излишней, на его взгляд, самостоятельностью. И кажется, что звезда покорителя линии Маннергейма начинает закатываться.

Сразу после окончания совещания, в период со 2 по 11 января 1941 года, состоялись две оперативно-стратегических игры. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков говорит только об одной из них и сильно искажает ее ход: «С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Мерецковым; они «подыгрывали» на юго-западном стратегическом направлении. «Синяя» сторона (немцы) условно была нападающей, «красная» (Красная армия) — обороняющейся (за «синих» в первой игре играл Жуков, за «красных» — командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов. — Б. С.).

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная («синяя») сторона — свыше 60 дивизий, восточная («красная») — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников. Общий разбор Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме Сталина присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии Мерецков. После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и в авиации, Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», оборвал его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав еще несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком Тимошенко. Он доложил об оперативном-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил командующий Белорусским особым военным округом генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны? — спросил он.

Павлов пытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

В заключение Сталин сказал:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И добавил: — Военные могут быть свободны».

На следующий день Сталин вызвал Жукова и объявил, что он назначен новым начальником Генштаба.

Симонову Георгий Константинович ход игры изложил немного конкретнее: «В этой игре я командовал «синими», играл за немцев. А Павлов, командовавший Западным военным округом, играл за нас, командовал «красными», нашим Западным фронтом. На Юго-Западном фронте ему подыгрывал Штерн.

Взяв реальные исходные данные и силы противника — немцев, я, командуя «синими», развил операции именно на тех направлениях, на которых потом развивали их немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились примерно так, как потом они сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали и немцам. Игра длилась около восьми суток. Руководство игрой искусственно замедляло темп продвижения «синих», придерживало его. Но «синие» на вось-

мые сутки продвинулись до района Барановичей, причем, повторю, при искусственно замедленном темпе продвижения».

Интересно, а как запомнилась та знаменитая игра Мерецкову? Кирилл Афанасьевич в мемуарах более чем лаконичен: «Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной. По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего командного состава и январской оперативной игры. На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватугин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!»

В то время, когда Мерецков и Жуков писали свои воспоминания, на всех материалах оперативно-стратегических игр января 1941 года все еще стоял гриф «совершенно секретно». Поэтому Кирилл Афанасьевич вообще не стал приводить никаких данных о задачах сторон, условиях и ходе игр. А Георгий Константинович предпочел дать совершенно фантастические сведения в мемуарах и, особенно, в беседах с Симоновым. По Жукову, получалось, что в январе

41-го он с товарищами чуть ли не план «Барбаросса» за немцев разыгрывал.

Только в 1993 году, когда соответствующие документы были наконец рассекречены, их использовал П. Н. Бобылев в статье «Репетиция катастрофы», которая появилась в «Военно-историческом журнале». Выяснилось, что в первой игре, проходившей со 2 по 6 января, Северо-Восточным фронтом «западных» («синих») действительно командовал Жуков, а Северо-Западным фронтом «восточных» («красных») — Павлов. Однако соотношение сил и ход игры были прямо противоположны тому, что утверждал позднее Георгий Константинович.

По условиям первой игры «восточные» в составе Северо-Западного фронта располагали 51 стрелковой, 3 кавалерийскими, 4 механизированными и 9 танковыми дивизиями и 5 механизированными и 15 танковыми бригадами на фронте к северу от Полесья и до Балтийского моря. У противостоявших им «западных» в Северо-Восточном фронте была только 41 пехотная, 1 кавалерийская, 2 механизированные и 3 танковые дивизии, а также 6 танковых бригад. «Восточные» имели 8811 танков, 5652 самолета, 6974 артиллерийских орудия, 3069 противотанковых орудий и 3846 минометов. «Западные» могли противопоставить им лишь 3512 танков, 3336 самолетов, 4850 артиллерийских орудий, 4048 противотанковых орудий и 2214 минометов. Легко убедиться, что по всем параметрам, кроме числа противотанковых орудий, советская сторона («восточные») имела превосходство в полтора раза, а по танкам — даже в два с половиной раза.

При этом считалось, что севернее Припяти «западные» наносят вспомогательный удар из Восточной Пруссии, в то время как генеральное наступление осуществляется ими в юго-восточном направлении. Но даже и это ошибочное предположение не помешало разведывательному управлению Генштаба РККА очень сильно завысить силы и средства немецких («западных») войск на северо-западном направлении. В действительности 22 июня 1941 года германская группа армий «Север» располагала всего лишь 20 пехотными, 3 механизированными и 3 танковыми дивизиями. Таким образом, по числу соединений (если условно считать две бригады за одну дивизию) реаль-

ный противник Красной армии в момент нападения на СССР уступал воображаемым «западным» на фронте первой из январских игр почти в два раза. Относительно боевой техники была та же картина. Вся германская армия вторжения на фронте от Балтийского до Черного моря располагала не более чем 3582 танками и штурмовыми орудиями, включая сюда и танки двух дивизий резерва, вплоть до осени 41-го располагавшихся на территории Франции и Германии на случай высадки англичан. Таким образом, к 22 июня на всем немецком Восточном фронте было не более 3300 танков. Для их поддержки люфтваффе смогли выделить около 1830 боевых самолетов. Следовательно, группы армий «Север» и «Центр» никак не могли иметь в своем распоряжении 3512 танков и 3336 самолетов, как предписывали им задания на январскую игру.

По условиям игры, участники получали следующую вводную информацию. 15 июля 1941 года «западные» перешли в наступление из Восточной Пруссии в направлении на Ригу и Двинск (Даугавпилс), а из района Бреста и Сувалок — на Барановичи. К 15 августа они должны были достичь указанного рубежа и разбить белостокско-волковысскую и каунасскую группировку «восточных». 25 июля Северо-Восточный фронт «западных» на линии Осовец — Лида — Каунас — Шяуляй был встречен контрударом до 50 дивизий «восточных» и отошел на оборонительный рубеж вблизи государственной границы. Восточный фронт «западных» также перешел к обороне вблизи советско-польской границы. К 1 августа Западный и Северо-Западный фронты «восточных» вышли на линию государственной границы. С этого момента, собственно, и начиналась игра.

Северо-Западный фронт имел задание разгромить группировку «западных» в Восточной Пруссии и к 3 сентября выйти на линию от города Влоцлавек до устья Вислы. Также и Западный фронт к 20 августа должен был выйти на рубеж Вислы. Задача «западных» заключалась в том, чтобы отразить наступление противника, а с подходом резервов после 10 августа перейти в контрнаступление и к 5 сентября достичь рубежа Минск — Двинск — Рига. В завязавшемся на картах сражении Жуков переиграл Павлова по всем статьям. Располагая меньшими силами и средствами, Георгий Константинович сумел, опираясь на укрепления Восточной Пруссии и Сувалкского

выступа, отразить наступление «восточных», главный удар наносивших Северо-Западным фронтом с целью отрезать Восточную Пруссию. Пока основные силы Павлова преодолевали долговременные укрепления, Жуков нанес контрудар своим правым крылом, где сосредоточил основные танковые и механизированные соединения. Фронт войск Д. Г. Павлова был прорван, и «западные» разворачивали наступление на Ломжу, стремясь окружить и уничтожить крупную группировку «восточных» — 20 стрелковых дивизий и 4 танковые бригады. Дмитрий Григорьевич с опозданием отреагировал на опасность и перебросил для отражения прорвавшихся соединений «западных» недостаточные силы. Игра была прервана в тот момент, когда Жуков собирался продолжать наступление навстречу наступающей группировке Восточного фронта «западных», а Павлов перебрасывал два стрелковых корпуса и несколько танковых бригад в попытке предотвратить катастрофу на своем левом фланге. В случае продолжения игры все шансы на успех были на стороне «западных». Ослабленные силы «восточных» не смогли бы занять Восточную Пруссию, а их конно-механизированная армия оказалась в изоляции и не могла больше играть активной роли в операции. Подкрепление, посланное Павловым на участок прорыва, опаздывало, поскольку «западные» успевали первыми занять рубежи, указанные для выхода подкреплениям «восточных».

Вторая игра проходила в период с 8 по 11 января 1941 года. На этот раз отработывался возможный ход боевых действий на Юго-Западном направлении, где «западные» при поддержке «юго-западных» (венгров) и «южных» (румын) наносили главный удар. Юго-Западным фронтом «восточных» командовал Жуков, Юго-Восточным фронтом «западных» и «юго-западных» — Павлов, а Южным фронтом «южных» — генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов, тогдашний командующий Прибалтийским особым военным округом. Соотношение сил и средств и на этот раз было в пользу «восточных». Они располагали 81 стрелковой, 6 кавалерийскими, 4 механизированными и 10 танковыми дивизиями, а также 4 механизированными и 12 танковыми бригадами. «Западные», «юго-западные» и «южные» все вместе имели 100 пехотных, 4 кавалерийские, 3 механизированные и 5 танковых дивизий и 6 механизиро-

ванных бригад. По числу соединений соотношение было 1,06:1 в пользу противостоявшей «восточным» коалиции. Зато по танкам и самолетам «восточные» имели ошутимое превосходство — в 2,7 и 1,3 раза. У них было 8841 танк и 5790 самолетов, у противника соответственно — 3311 и 4456. По артиллерийским орудиям силы сторон были практически равны, а минометов у «восточных» было в 1,7 раза больше. И опять советская разведка существенно завысила силы противника. В действительности 22 июня 1941 года германская группа армий «Юг» располагала всего 26 немецкими пехотными, 5 танковыми, 4 легкими пехотными, 2 моторизованными и 1 горной дивизиями. Кроме того, ей непосредственно подчинялись румынские войска в составе 3 пехотных и 1 кавалерийской дивизии и 3 горных бригад. Другие румынские войска в составе двух армий насчитывали 9 пехотных, 1 танковую и 3 кавалерийские дивизии и 2 малобоеспособные крепостные бригады. Венгрия выставила против СССР 2 механизированные и 1 кавалерийскую бригаду, но они прибыли на фронт только в июле. Даже с учетом появившихся в июле и августе словацких (2 пехотные дивизии и 1 моторизованная бригада) и итальянских (3 пехотные дивизии) войск немцы и их союзники располагали на юго-западном направлении всего лишь 64,5 расчетной дивизии, а не 115, как думали советские генштабисты. Все три немецкие группы армий в июне 41-го уступали противостоявшим им советским войскам также и по числу орудий и минометов.

Как и в первой игре, агрессорами вновь являлись «западные». Согласно вводным данным, 1 августа 1941 года Юго-Восточный фронт перешел в наступление против львовско-тернопольской группировки «восточных», но в районе Львов, Ковель нарвался на мощный контрудар и, потеряв до 20 пехотных дивизий, к исходу 8 августа отошел на заранее подготовленный оборонительный рубеж на границе. При этом войска «восточных» успели уже занять город Люблин на польской территории и продвинуться армиями правого крыла на 90–180 километров от границы до рек Висла и Дунаец. 2 августа боевые действия начал Южный фронт, прорвавший оборону «восточных» и к 8 августа достигший Днестра. Собственно, игра и началась в этот день. Задача

Юго-Западного фронта «восточных» состояла в том, чтобы, прикрывшись с Запада Вислой, основными силами разгромить силы противника на территории Венгрии и Румынии и к 16 сентября занять города Краков, Будапешт, Тимишоара и Крайова. Командующий Южным фронтом Ф. И. Кузнецов решил продолжать наступление на Кишинев, в направлении Винница, Проскуров, Хотин, Черновицы, чтобы совместно с Юго-Восточным фронтом окружить группировку «восточных» в районе Проскуров, Львов. В свою очередь, Д. Г. Павлов рассчитывал к 19 августа выйти к рекам Днестр и Вепш.

Жуков как командующий Юго-Западным фронтом поставил своим войскам задачу по разгрому группировки «южных», наступающей на Проскуров. Для отражения жуковского наступления Кузнецов выделил слишком незначительные силы. Павлов же, встревоженный ударом «восточных» на Краков, сократил масштаб своего наступления, ставя теперь задачу на окружение всего двух корпусов противника. Отказ командующего Юго-Восточным фронтом от окружения крупных сил «восточных» во взаимодействии с Южным фронтом позволил Жукову бить противника по частям. Георгий Константинович, не ожидая завершения разгрома проскуровской группировки, начал генеральное наступление на Будапешт. 17 августа в прорыв была введена конно-механизированная армия. Ей удалось выйти в тыл «западным» в районе Мукачево, Ньиредьхаза, Чоп и соединиться там с высаженными ранее 7 тысячами парашютистов, подкрепленных танкетками и легкой артиллерией. Две группировки из состава Юго-Восточного фронта оказались в окружении. Игра закончилась в тот момент, когда перед войсками Жукова был открыт путь на Будапешт.

Успеху Юго-Западного фронта способствовало среди прочего и то обстоятельство, что между «западными», «юго-западными» и «южными» отсутствовала практическая координация действий. Что, кстати сказать, было довольно странно. Ведь «западные» и их союзники по условиям игры были агрессорами и, по логике, должны были заранее договориться о едином командовании. Главное же, игры доказали, что как полководец Жуков явно превосходил своих коллег, которые очень неудачно командовали своими войсками в первые дни Великой Отечественной войны.

Неудачу «восточных» в первой игре списали на мощь восточнопрусских укреплений и ошибки Мерецкова при планировании игры. Успех же советской стороны во второй игре выглядел вполне закономерным. Его объясняли не просчетами командовавших войсками «западных», «юго-западных» и «южных» Павлова и Кузнецова, а правильностью выбора направления главного удара.

Январские игры представляли собой репетицию будущего советского вторжения в Западную Европу. Но пропагандистский стереотип требовал, чтобы Красная армия всегда наносила удар в ответ на «империалистическую агрессию». Поэтому-то и были даны вводные сведения о нападении на СССР «западных», «юго-западных» и «южных», чтобы у участвовавших в играх красных командиров не возникало подозрений, будто советская миролюбивая политика — всего лишь ширма для экспансионистских планов. Хотя высшие военачальники, вроде Жукова, не могли не знать правды. На практике в ходе обеих игр отрабатывалось только вторжение советских войск на сопредельные территории.

Советские дивизии («восточные») по своей боеспособности принимались равными немецким дивизиям («западным»), что, как показал опыт Великой Отечественной войны, было большой натяжкой. В действительности в вермахте солдаты и командиры всех уровней были подготовлены гораздо лучше, чем в Красной армии. Все задания командующих во время игр выполнялись в срок, и не возникало трудностей с тыловым обеспечением, а воздушные десанты высаживались в точно назначенных местах (что в войну с советскими десантниками случалось довольно редко). Подобная идеализация в целом была на руку тому из командующих, кто действовал быстрее и активнее, т. е. Жукову.

В целом же воевать на бумаге было легче, чем в жизни. Планировщики игр будто забыли, что из-за трудностей в снабжении горючим, неумения ремонтировать технику и нехватки средств связи для управления на марше оба участвовавших во вторжении в Польшу в сентябре 1939 года советских танковых корпуса отстали по темпам движения от кавалерийских дивизий. Это были те самые «овраги», которые в «бумажных» играх

не учитывались. Приказы здесь передавались вовремя, а войска выдвигались в исходные районы точно в заданные сроки. Вот и в своем докладе о современной наступательной операции Георгий Константинович и его соавторы ничего не говорили о реальных недостатках, свойственных Красной армии в сфере управления, боевой подготовки войск и тылового обеспечения. Но об этом сказали другие выступавшие на совещании. Так, Штерн поднял «вопрос о самостоятельности и инициативе нашего командира. Этот вопрос имеет особенно большое значение после того, как мы получили большой и полезный опыт в войне с Финляндией и на Халхин-Голе. Этот опыт показывает, что наши люди очень любят действовать компактно (другими словами, сбиваются в кучу, толпу, где можно просто повторять действия соседей, а не думать самому, что именно надо делать в сложившейся обстановке. — Б. С.). Товарищ Жуков, наверное, помнит, как ему приходилось не раз доказывать, что фронт недостаточно занят (как можно понять из контекста, в данном случае именно Штерн доказывал Жукову, что бойцы 1-й Армейской группы расположены на линии фронта чересчур скученно. — Б. С.). Наши люди не особенно любят работу по боевому охранению (опять-таки потому, что она требует самостоятельных действий. — Б. С.)... Мы должны учить и воспитывать подразделения, не боясь за тыл».

Буденный, в чьем ведении находились все тыловые службы, в своем выступлении на совещании отмечал: «Мне думается, что насчет тыла мы много разговариваем, а сейчас нужно делать. В первую очередь нам нужны люди оперативно грамотные и прекрасно знающие оперативный тыл, чтобы они при Академии Генштаба прошли курс по организации соответствующего тыла. А сейчас люди не знают, как организовать тыл.

Мне пришлось в Белоруссии (во время советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. — Б. С.)... возить горючее для 5-го механизированного корпуса (тогда он назывался танковым. — Б. С.) по воздуху. Хорошо, что там и драться не с кем было. На дорогах от Новогрудка до Волковыска 75 процентов танков стояло из-за горючего. Командующий говорил, что он может послать горючее только на самолетах, а кто организует? Организация тыла требует знающих людей».

О назначении Жукова Сталин объявил сразу же, очевидно, приняв это решение еще до встречи с Мерецковым и другими военачальниками. Основную роль тут сыграло поведение Георгия Константиновича во время оперативно-стратегических игр и его выступление на совещании. Никто не вспомнил давнюю аттестацию, подписанную Рокоссовским, где категорически не рекомендовалось привлекать Жукова к штабной работе. На самом деле Георгию Константиновичу лучше всего подошла бы должность, на которую был возвращен Мерецков, — заместителя наркома обороны по вопросам боевой подготовки и военного обучения. Здесь бы Жуков принес куда больше пользы.

Георгий Константинович в мемуарах утверждал, что был не в восторге от нового назначения: «Я ждал всего, но только не такого решения и, не зная толком, что ответить, растерянно молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал Сталин, делая ударение на слове «решило».

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева».

Согласившись на сталинское предложение, Георгий Константинович, возможно, спас себе жизнь. Не стань Жуков в январе 41-го начальником Генерального штаба, останься командовать Киевским округом — и, возможно, повторил бы

судьбу генерала Кирпоноса, погибшего в сентябре 41-го при выходе из киевского окружения, или в лучшем случае оказался в немецком плену. Жукова могли назначить и на более высокий пост — главкомом Юго-Западного направления. Тогда на него, а не на Буденного была бы возложена ответственность за киевскую катастрофу, и в дальнейшем Сталин неохотно назначал бы его командовать фронтами.

31 января 1941 года Жуков, завершив передачу дел в Киеве, приехал в Москву и на следующий день приступил к исполнению новых обязанностей. Его первоочередной задачей стала подготовка Красной армии к будущей войне. И к сожалению, далеко не во всем Георгий Константинович здесь преуспел.

Как раз в феврале 41-го началось формирование двадцати новых механизированных корпусов, хотя к тому времени еще не было завершено формирование девяти первых, к созданию которых приступили еще летом 40-го. Жуков, будучи начальником Генштаба, никак не возражал против этого. Между тем несложно было понять, что лучше иметь меньшее число полностью укомплектованных корпусов, чем значительно большее число соединений, не оснащенных в должной мере вооружением и техникой. Но советской военной организации и планированию была свойственна гигантомания.

Новые механизированные корпуса имели вдвое больше танков, чем прежние танковые (1031 против 560). Количество же средств связи не увеличилось, а уровень подготовки личного состава оказался еще ниже. Управлять такими корпусами стало практически невозможно. В начале Великой Отечественной войны они превратились в обузу. Сотни неисправных танков, застрявших на дорогах, только мешали передвижению войск, а потом стали легкой добычей врага. Командир одной из танковых дивизий полковник С. И. Богданов, впоследствии дослужившийся до маршала бронетанковых войск, накануне войны совершенно справедливо утверждал, что его танковая дивизия стала слабее танковой бригады, из которой была развернута: «Бронебойных снарядов очень мало. В экипажах по одному-два бойца из новобранцев. Опытных танкистов при формировании дивизии поставили на должности среднего комсостава: командиры

танков стали командирами взводов, механики-водители — помощниками командиров рот по технической части. Штабы полков еще два месяца назад были штабами батальонов... Если бутылку вина разбавить тремя бутылками воды, это будет уже не вино...» Получалась парадоксальная ситуация: чем более интенсивно готовилась Красная армия к войне, тем менее боеспособной она становилась. Количество танков и самолетов постоянно росло, а обеспеченность их опытными экипажами падала. Увеличивался и дефицит горючего, что не позволяло должным образом готовить летчиков и танкистов.

В феврале 1941 года был также принят мобилизационный план со зловещим названием «Гроза» (окончательная его доработка затянулась до начала войны). Он предусматривал совершенно фантастические сроки приведения в боевую готовность и развертывания по штатам военного времени большинства соединений Красной армии. Так, войска первого эшелона на Западе, включавшие 114 дивизий и укрепрайонов первой линии, а также 85 процентов войск ПВО, все воздушно-десантные войска, более трех четвертей ВВС и 34 артиллерийских полка Резерва Главного командования должны были завершить отмобилизацию в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации. Это следовало сделать за счет призыва приписного состава и использования автотранспорта из близлежащих районов. 58 дивизий второго эшелона завершали отмобилизацию на вторые-третьи сутки. Еще 60 дивизий должны были стать полностью боеготовыми на четвертые-пятые сутки мобилизации, а оставшаяся 71 дивизия — на шестые-десятые сутки. Авиация полностью отмобилизовывалась на третьи-четвертые сутки, причем все боевые части, непосредственно обслуживающие их тыловые подразделения и первый эшелон войск ПВО планировалось привести в боевую готовность уже через 2–4 часа после объявления мобилизации. Абсурдность всех этих сроков выявилась лишь с началом войны, когда призывники с недавно присоединенных территорий расходились по домам или переходили на сторону немцев, местный автотранспорт оказался негоден к эксплуатации, а многие самолеты погибли на аэродромах, так и не успев подняться в воздух.

Нельзя сказать, будто в Генштаб не поступало никаких сведений о неблагоприятном положении с обеспечением мо-

билизации. Например, штаб Киевского особого военного округа 2 января 1941 года, когда командующим еще числился Жуков, доносил в Генеральный штаб: «Мобзапас огнеприпасов в КОВО крайне незначительный. Он не обеспечивает войска округа даже на период первой операции... В округе совершенно нет мобзапаса материальной части артиллерии и ручного (стрелкового. — Б. С.) оружия. Нет никаких указаний по накоплению этих запасов для обеспечения первых месяцев войны». Не лучше было положение и в других приграничных округах. Так, к 1 апреля 1941 года горючего и масел на складах Наркомата обороны было чуть больше 20 процентов от мобилизационной нормы. Очень плохо обстояло дело с обеспечением средствами связи и доставкой автозапчастей. Не лучше было положение и с приписным личным составом. Даже в начале июня 41-го дивизии западных округов не имели списков призывников, в случае войны направляемых к ним по мобилизации, что исключало проведение отмобилизования в запланированные сроки.

В «Воспоминаниях и размышлениях» приводится замечательный разговор Жукова со Сталиным, происходивший в феврале 41-го, еще до начала массовой переброски германских войск на Восток: «Помню, как однажды в ответ на мой доклад о том, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и наземную разведку, И. В. Сталин сказал:

— Они боятся нас. По секрету скажу вам, наш посол имел серьезный разговор лично с Гитлером, и тот ему конфиденциально сообщил: «Не волнуйтесь, пожалуйста, когда будете получать сведения о концентрации наших войск в Польше. Наши войска будут проходить большую переподготовку для особо важных задач на Западе».

Насчет «переподготовки» или укрытия германских войск от налетов английской авиации (о такой версии со ссылкой на будто бы поступившее к Сталину письмо Гитлера Жуков говорил Симонову) Иосифа Виссарионовича обмануть было трудно. В эти объяснения он не верил. Зато не сомневался, что Красная армия сильнее вермахта, у нее гораздо больше танков, самолетов и артиллерии. Поэтому, думал Сталин, Гитлер должен его бояться и принимать оборонительные ме-

ры на своих восточных границах против возможного советского нападения. Сам Сталин, вопреки распространенному заблуждению, Гитлера не боялся.

Фюрер и позднее продолжал с генсеком ту же игру. 5 мая 1941 года в Москве встретились германский посол в СССР В. фон Шуленбург и советский посол в Германии В. Г. Деканозов. За неделю до этого Шуленбург виделся с Гитлером и теперь познакомил своего советского коллегу с взглядами фюрера на состояние отношений между Москвой и Берлином. Гитлер, в частности, был недоволен, что СССР пытается распространить свое влияние на Балканы, и даже заключил договор с Югославией в самый канун германского нападения на эту страну. Как записал Деканозов в дневнике, «Шуленбург в своей беседе с Гитлером заявил... что слухи о предстоящем военном конфликте Советского Союза с Германией, которые, начиная с января этого года, так усиленно циркулируют в Берлине и в Германии вообще и о которых рассказывают проезжающие через Москву немцы, конечно, затрудняют его, Шуленбурга, работу в Москве... На его заявление Гитлер ему ответил, что он в силу упомянутых действий советского правительства вынужден был провести мероприятия предосторожности на восточной границе Германии. Его, Гитлера, жизненный опыт научил быть очень осторожным, а события последних лет сделали его еще более осторожным». После того как концентрация вермахта на Востоке породила слухи о скорой германо-советской войне, Гитлер сделал вид, что наконец решился назвать истинную причину своих действий. Никакая эта не переподготовка войск для последующей операции против Англии, а страх перед советскими намерениями силой или демонстрацией силы добиться своих целей. Похоже, что не только Сталин, но и Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий у советских границ и продолжали подготовку наступательной операции.

В марте 1941 года был принят новый план стратегического развертывания Красной армии на Западе. В нем были учтены результаты январских игр. Если предыдущий план, одобренный в сентябре 40-го, помимо главного удара советских войск

на Юго-Западном направлении, также допускал в качестве запасного варианта перенесение основных усилий против восточнопрусской группировки, то теперь было окончательно выбрано Юго-Западное направление главного удара. В мартовском плане стратегического развертывания подчеркивалось: «Развертывание главных сил Красной армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям». А Сталину нужен был блицкриг (война, рассчитанная на молниеносную победу. — *Ред.*). Но и новый план стратегического развертывания, как и предыдущий, основные силы противника предполагал на юго-западном, а не на западном направлении. Предполагалось, что к северу от нижнего течения реки Западный Буг и до Балтийского моря (на фронте будущих групп армий «Центр» и «Север») дислоцировалось от 30 до 40 пехотных, от 3 до 5 танковых и от 2 до 4 моторизованных дивизий. Даже на 19 июня наша разведка числила в группе армий «Центр» 29–30 пехотных дивизий, 4 мотополка, до 3 танковых дивизий, кавдивизию и 2 кавбригады. В действительности же 22 июня эта группа армий располагала не меньшим числом соединений: 29 пехотных, 9 танковых, 6 механизированных и 1 кавалерийская дивизия и 1 механизированная бригада. Ударная танковая группировка немцев так и не была раскрыта. Тимошенко и Жуков были уверены, что главные свои силы вермахт сосредоточит к югу от Бреста. Здесь предполагалось появление до 110 пехотных, до 14 танковых и до 10 моторизованных немецких дивизий, подкрепленных 30 румынскими и 20 венгерскими пехотными дивизиями и 2 венгерскими мотобригадами. В целом же по пехоте силы Германии и ее союзников были преувеличены раза в полтора, по танкам — в три, а по самолетам — в пять с половиной раз.

В мартовском плане стратегического развертывания Красной армии на Западе утверждалось: «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину». Но на самом деле Жуков, Тимошенко и Сталин в скорое нападение Гитлера на СССР не верили, хотя в том же плане признавалось: «Документальными данными

об оперативных планах вероятных противников, как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб не располагает». Слова об агрессивных германских планах по захвату Украины понадобились только для того, чтобы замаскировать собственные планы нападения на Германию и связанное с этим создание мощнейшей ударной группировки советских сил на юго-западе. Но этот замысел оставался в тайне лишь от командующих округами и армиями. Сталин, Тимошенко, Жуков, по всей вероятности и Буденный, а также (это уж наверняка!) некоторые генералы Генерального штаба знали, как на самом деле развернутся события, кто на кого должен напасть и когда именно. Потому что на том же плане стратегического развертывания, датированном 11 марта 1941 года, генерал-лейтенант Ватутин в разделе, где ставились задачи будущему Юго-Западному фронту, сделал очень красноречивую пометку: «Наступление начать 12. 6». Это могло означать только одно: в то время нападение на Германию планировалось начать 12 июня 1941 года с нанесением главного удара на юго-западном направлении, в полном соответствии с ходом и результатами второй январской оперативной игры.

Дату 12 июня Ватутин мог поставить только по указанию непосредственного начальника — Жукова, а тот, в свою очередь, не мог определить этот срок без согласования с наркомом Тимошенко. Последний же мог получить эти сведения только от Сталина.

Срок 12 июня выдержать не удалось. Пропускная способность железных дорог в западной части СССР была в два — два с половиной раза ниже, чем у железных дорог в Германии и Польше, подходящих к советским границам. К тому же многие советские соединения пришлось перебрасывать из-за Урала. Поэтому развертывание Красной армии против Германии, хотя и началось раньше, чем развертывание вермахта по плану «Барбаросса», еще весной 1940 года, но требовало гораздо больше времени.

Уже в мае стало ясно, что к 12 июня не удастся сконцентрировать все предназначенные для участия во вторжении войска и обеспечить их необходимым количеством топлива, боеприпасов и других предметов снабжения. К середине мая в Генштабе был готов последний из предвоенных планов

стратегического развертывания советских вооруженных сил на Западе. Судя по срокам, названным в изданных на его основе директивах, в тот момент уже ориентировались на начало наступления Красной армии не в июне, а в июле 41-го. Документ назывался «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Его написал от руки заместитель Ватутина Василевский, а отдельные дополнения внес сам Николай Федорович. В конце текста были обозначены подписи Тимошенко и Жукова, но, как и на мартовском плане, сами подписи на документе отсутствовали.

В «Соображениях» утверждалось: «...В условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий... Вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных (воздушно-десантных. — Б. С.), а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест — Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Одновременно надо ожидать удары на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также коротких, концентрических ударов со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — надо ожидать ударов:

- а) в направлении Жмеринка, Румынской армии, поддержанной германскими дивизиями;
- б) в направлении Мункач (Мукачево. — Б. С.), Львов;
- в) Санок, Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пехотных дивизий, Румыния до 25 пехотных дивизий. Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она име-

ет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий войск Красной армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее реки Висла и на Краковском направлении, выйти на реки Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

- а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;
- б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;
- в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке. Таким образом, Красная армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 германских».

Жуков сыграл видную роль в разработке как мартовского, так и майского плана. Он стремился ударить по наиболее мощной, как ему казалось, группировке вермахта, быстро

разгромить ее, а затем фланговым ударом свернуть весь неприятельский фронт вплоть до Балтийского моря и ликвидировать основные силы вермахта. Если бы план удался, путь на Берлин, Прагу, Вену, Будапешт и далее — на Париж и Мадрид был бы открыт.

Майский план повторял те же идеи, что отработывались в ходе второй январской игры. Только теперь направление главного удара было сдвинуто к северу, армии Юго-Западного фронта шли не на Будапешт, а на Катовице и Краков. Очевидно, Сталин рассчитывал, что в случае успешных действий Красной армии в самом начале войны Венгрия останется нейтральной и с занятием Будапешта можно будет не спешить. Если бы Красная армия разбила основные силы вермахта, то, вполне вероятно, даже Румыния, где уже находилась значительная группировка немецких войск, не стала бы драться на стороне Германии, а обратила оружие против немцев, как это и произошло в августе 44-го.

Советский удар задумывался отнюдь не как превентивный, равно как превентивным не был план «Барбаросса». Гитлер не думал, что Сталин готовится напасть на него уже в 41-м году. Точно так же и Сталин не верил в реальность германского нападения на СССР ранее окончания борьбы с Англией. Обе стороны планировали агрессию друг против друга, прежде всего, для реализации собственных захватнических целей. Гитлер сначала намеревался атаковать Советский Союз 15 мая 1941 года, но из-за Балканской кампании перенес начало наступления на 22 июня. Сталин собирался ударить 12 июня 41-го, но в конце концов из-за задержки прибытия войск и припасов перенес вторжение на июль. И опоздал. Но давайте представим себе, как развивались бы события, если бы Красная армия успела уложиться в первоначально отведенный срок и нанести первый удар 12 июня 1941 года?

Итак, в этот день войска Юго-Западного фронта под личным руководством Жукова переходят в наступление. Против ожидания, их встречают сравнительно небольшие германские силы, у которых очень мало танков. Дело в том, что основную часть танковых дивизий Гитлер начал перебрасывать на Восток только после 10 июня. Жуков об этом не знал. Ведь еще 5 мая 1941 года Разведывательное управление Генштаба сооб-

щало, что у советских границ находится 12 танковых и 7 моторизованных дивизий, а всего немецких дивизий там не менее 103 и расположены они главным образом на юго-востоке. Жуков рассчитывал, что к началу его наступления численность немецких войск в этом районе еще больше возросла и Красной армии удастся разбить если не 100, то хотя бы 50–60 дивизий. (В действительности даже 22 июня в группе армий «Юг» оказалось всего 38 дивизий, включая 5 танковых, переброшенных уже после 10 июня.) Советские войска движутся гораздо медленнее, чем предполагалось, 3–5 километров в день вместо 10–15. Из-за поломок очень часто останавливаются танки и автомашины, парализуя движение. Уничтожить немецкие самолеты на аэродромах не удалось. Советские летчики не смогли преодолеть ПВО противника и сбросили бомбы в чистом поле. Уже в первый день боев люфтваффе захватили господство в воздухе и затормозили движение Красной армии непрерывными бомбежками. Наступление Западного фронта на Седлец, Демблин потерпело неудачу, но немцы здесь не стали переходить границу, ограничившись обороной. Группа армий «Север» из Прибалтики начала теснить силы Северо-Западного фронта в Литве. Для стабилизации положения несколько дивизий из второго эшелона перешедшего к обороне Западного фронта перебрасываются в Прибалтику. 22 июня, когда Юго-Западный фронт углубился на польскую территорию до 50 километров и ввел в дело войска второго эшелона, следует мощный контрудар группы армий «Центр» во фланг и тыл армиям Жукова. Немецкие 2-я и 3-я танковые группы Г. Гудериана и Г. Гота отрезают более 80 из 122 дивизий, которыми располагает Юго-Западный фронт, в том числе почти все танковые и механизированные соединения. Навстречу им наступает 1-я танковая группа Э. фон Клейста из группы армий «Юг». Советские танки в окружении остаются без горючего и становятся легкой добычей немцев. В плену оказывается около миллиона красноармейцев. После уничтожения главных сил Юго-Западного фронта наступает черед Западного. Основные силы Д. Г. Павлова попадают в окружение между Белостоком и Минском. Далее события развиваются примерно так же, как они происходили в действительности после германского нападения на СССР 22 июня 1941 года. Только со-

противление советских войск на Украине оказывается слабым. Группа армий «Юг» без труда форсирует Днепр, а осенью оккупирует Донбасс и Ростов-на-Дону. С этого момента ход событий стал бы в точности таким, каким он и был в Великой Отечественной войне — победа Красной армии под Москвой, Сталинградская битва, а в финале — красное знамя с серпом и молотом над Рейхстагом в победном 45-м. Только войсками, бравшими Берлин, командовал бы уже не Жуков. Карьера Георгия Константиновича завершилась бы гибелью или пленением где-нибудь под Люблином или Краковом. А если бы удалось уйти от немцев, то на Жукова, скорее всего, свалили бы главную вину за поражение и расстреляли, как это и произошло с Д. Г. Павловым.

Я отнюдь не стужаю краски. Красная армия, не сумевшая должным образом организовать оборону, не имела шансов на успех и в наступлении. Ведь наступление — во многих отношениях более сложный вид боевых действий, чем оборона. Наступление требует от бойцов и командиров умения быстро реагировать на меняющуюся обстановку, проявлять инициативу, оперативно принимать самостоятельные решения. Оборона все-таки более пассивный вид боевых действий, поскольку инициатива отдается противнику, а действия обороняющихся в значительной мере предопределяются расположением оборонительных рубежей. Разве могли советские летчики, успевшие налетать от 4 до 15 с половиной часов за первые три месяца 1941 года, более успешно атаковать аэродромы противника, чем они защищали свои 22 июня? При такой малой летной практике, особенно на самолетах новых типов, пилоты были больше озабочены тем, чтобы удержать машину в воздухе, а не нанесением ущерба врагу. И эти недостатки нельзя было устранить за несколько месяцев, которых будто бы не хватило Красной армии, чтобы встретить вермахт во всеоружии. Из-за нехватки горючего и опыта вплоть до лета 43-го советские авиаторы предпочитали барражировать над полем боя не на максимальных, а на наиболее экономичных скоростях. А в последние полтора года войны люфтваффе использовали Восточный фронт как своеобразный учебный полигон. Сюда посылали молодых необстрелянных пилотов, чтобы они набрались боевого опыта в сравнительно спокой-

ных условиях, перед тем как вступить в гораздо более опасную схватку с англо-американской авиацией в небе над Германией.

Механики-водители советских танков в наступлении выглядели бы еще хуже, чем в обороне. Они имели практику вождения от 5 до 10 моточасов, тогда как для более или менее уверенного вождения бронированной машины нужна была практика в 25 моточасов. И такое положение сохранялось вплоть до 43-го года. Дело было отнюдь не во внезапности германского нападения и не в превосходстве германской техники. Советские танки Т-34 и КВ превосходили основные немецкие танки Т-III и Т-IV, а новые «тигры» и «пантеры» в массовом количестве появились на фронте только летом 1943 года. Что же касается артиллерии, то советские полевые и противотанковые орудия по своим тактико-техническим данным, в частности по дальности стрельбы, превосходили германские аналоги.

Также и советские истребители старых конструкций по своим тактико-техническим характеристикам уступали только немецкому истребителю Ме-109.

Но «мессершмиттов» в начале войны на Восточном фронте было лишь немногим более 500 машин. Советские самолеты новых конструкций почти не уступали им, а таких самолетов только в западных приграничных округах было 1540 штук. Будь в советских ВВС достаточно опытных пилотов, будь хорошо разработаны тактически грамотные принципы боевого применения авиации, будь в достатке авиабензин, наконец, и люфтваффе никогда бы не завоевали господства в воздухе, асы Геринга никогда не одолели бы «сталинских соколов». Но ни одно из перечисленных условий не было выполнено в начале войны. Да и в конце войны, когда бензина уже хватало, советские летчики по-прежнему уступали германским в уровне летной подготовки, а командиры люфтваффе более грамотно использовали оставшиеся у них весьма скромные силы.

Даже в самом конце войны Красная армия далеко не всегда была способна эффективно наступать. 4 апреля 1945 года новоназначенный командующий 4-м Украинским фронтом А. И. Еременко записал в дневнике: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям,

на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом».

В майском плане отмечалось: «Для того чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на Западе;
2. разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения, и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.6. 41 г. ...

Одновременно необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 г. на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы».

Как же так? С одной стороны, нарком обороны и начальник Генштаба собираются нанести первый удар, чтобы на 30-е сутки войны красноармейцы уже мыли сапоги в Нареве и Висле и прочно стояли в сердце Силезии и Моравии. С другой стороны, военным округам ставится задача «организовать прочную оборону и прикрытие госграницы» и предполагается продолжать строительство укрепленных районов, в том числе по линии старой границы, а также и тех УР, что должны вступить в строй только в 42-м году. Нет ли тут противоречия? На самом деле — нет. Строительство укрепрайонов и другие оборонительные мероприятия преследовали те же цели, что и строительство оборонительных сооружений, подтягивание артиллерии и иные меры по усилению обороны, проводимые немцами в северной половине Польши, как раз у границ Белоруссии, где планировался главный удар группы армий «Центр». Разведка Западного округа все это фиксировала,

а германскому командованию только того и нужно было. Вот и с советской стороны строительство укрепрайонов должно было создать у потенциального противника впечатление, будто Красная армия собирается обороняться, а о наступлении не помышляет. Ведь строительство укрепленных рубежей практически невозможно скрыть ни от воздушной, ни от агентурной разведки, ни от наблюдателей на другой стороне границы. Точно так же Жуков, когда готовил наступление на Халхин-Голе, сумел убедить японцев, будто советские войска еще долго будут только обороняться.

В первой половине мая всем военным округам были направлены директивы Генштаба с требованием: подготовить к концу месяца детально разработанные планы прикрытия границы. Позднее других, 2 июня 1941 года, такой план представил Прибалтийский округ. Во всех округах войскам ставились сугубо оборонительные задачи. Только для Киевского округа предусматривалось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий округа быть готовым, по указанию Главного командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвату выгодных рубежей». Дело в том, что планы развертывания войск округов и директивы Генштаба об их подготовке, в отличие от «Соображений по плану стратегического развертывания» с планом упреждающего удара, составлялись в нескольких экземплярах и хранились как в Генштабе, так и в штабах округов. К ним имел доступ гораздо более широкий круг лиц. Подготовленные же в единственном экземпляре «Соображения» вплоть до 1948 года хранились у Сталина и только в этом году были возвращены тогдашнему начальнику Генштаба Василевскому. О готовящемся вторжении в Германию и Польшу знали лица из очень узкого круга. В Генштабе это — Ватугин, Василевский и Жуков, из руководителей Наркомата обороны Тимошенко и его первый заместитель Буденный.

Но гиперсекретность в отношении военных планов не позволяла реализовывать их на практике. Правда, немецкая разведка так и не смогла установить, что Красная армия собирается нанести упреждающий удар. Накануне 22 июня 1941 года

в Берлин поступило сообщение, что в Кремле обсуждался план превентивного удара, но был отклонен. Вероятно, слухи о майском плане дошли до кого-то из агентов германской разведки, но поскольку никаких данных об утверждении плана не было, он решил, что предложение о нанесении такого удара не было поддержано Сталиным. Тот факт, что удалось ввести в заблуждение неприятельскую разведку, не мог компенсировать вреда от чрезмерной секретности оперативных планов. Стремление во что бы то ни стало сохранить все в тайне препятствовало своевременной подготовке командиров и штабов к выполнению конкретных задач в будущей войне.

Будущие исполнители даже на уровне командующих армий и фронтов могли только догадываться о существовании планов вторжения в Западную Европу. Тогдашний нарком Военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов отмечает в книге «Крутые повороты»: «Сейчас я с ответственностью могу утверждать, что серьезно подработанных планов тогда (накануне войны. — Б. С.) не было. Были планы развертывания войск, засекреченные до такой степени, что реально в жизнь не вводились». Соблюдением секретности, несомненно, объяснялось и то, что во время январских оперативно-стратегических игр подавляющее большинство командующих и начальников штабов армий и округов руководили действиями тех армий и фронтов, которыми им не пришлось бы командовать в случае войны с Германией.

Аналогичные игры вермахт провел в конце ноября — начале декабря 1940 года. Но в них действия командующих армиями и группами армий совпадали с местом их действия по плану «Барбаросса». У немецких генералов, участвовавших в играх, оставалось очень мало сомнений, что нападение на СССР неминуемо в самом ближайшем будущем. Отсюда и усилившиеся слухи о скором советско-германском вооруженном конфликте, так встревожившие посла Шуленбурга. Советские же генералы свои игры воспринимали как некое абстрактное действие, имеющее больше теоретическое, чем практическое значение. Ведь играть им приходилось за условные армии и фронты, которыми они в действительности не командовали. Поэтому и слухов о скором советском нападении на Германию после январских игр в среде советских военных не возникло.

Планы нападения на Германию маскировались ссылками на некие «контрудары» против германских агрессоров. Точно так же в 1939 году агрессия против Финляндии разрабатывалась как «контрудар», хотя никто даже в страшном сне не мог вообразить, чтобы финны решились первыми напасть на СССР. А вот что вспомнил незадолго до смерти маршал И. С. Конев: «...В январе 1941 года... меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом... Когда в связи с новым назначением меня принял Тимошенко, он сказал, что меня берут на основное западное направление на Северо-Кавказский военный округ, обстановка может сложиться так, что это будет важнейшее ударное направление, и закончил: «Мы рассчитываем на вас. Будете представлять ударную группировку войск в случае необходимости нанесения удара...» Впервые предаю гласности этот факт... К концу апреля — в начале мая 1941 года округ по директиве Генштаба приступил к призыву приписного состава для полного укомплектования дивизий до штатов военного времени. В мае я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии. Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского округа, я вступил в командование 19-й армией и получил личные указания Тимошенко: под видом учений до конца мая войска и управление армией перебросить на Украину в район Белая Церковь — Смела — Черкассы. В состав 19-й армии уже на Украине вошел 25-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Честохвалова. Отправка 19-й армии проходила в совершенно секретном порядке, никому, кроме меня, не было известно, куда войска перебрасывались и зачем. Они выдвигались в указанном районе и сосредотачивались в палаточном лагере.

Подчеркну: за три недели до начала войны заранее отмобилизованная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины.

Еще в Москве я получил задачу от Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в полной боевой готовности и в случае на-

ступления немцев на Юго-Западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота».

Штаб 19-й армии размещался в Черкассах. Я прибыл туда в начале июня, а 18 июня выехал в штаб Киевского военного округа для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии. Армия не входила в состав Киевского особого военного округа и не предназначалась для действий в составе Юго-Западного фронта».

Иван Степанович был неглупым человеком. Он наверняка обратил внимание на некоторые несуразности. Сначала нарком говорит, что войска под командованием Конева должны будут нанести «удар», а никакой не контрудар по немцам. Позднее, словно спохватившись, Семен Константинович уточняет, что 19-я армия должна ударить во фланг вторгшегося на Украину неприятеля и загнать его в Припятские болота. Но почему же тогда армия, предназначенная для защиты от германского вторжения, перебрасывается к границе с такими предосторожностями и под покровом тайны? Казалось бы, известие о прибытии новых подкреплений может только отрезать потенциального агрессора. Но вот если Сталин задумал внезапное нападение на Гитлера, переброску войск надо маскировать до самого последнего момента. Именно так шло сосредоточение вермахта по плану «Барбаросса». И точно так же перебрасывались дивизии Красной армии к западным границам. Думаю, Конев догадался, что наносить свой удар его армии придется не в украинском Полесье, а где-нибудь в Польше или Словакии. Потому и придавал столь большое значение сообщаемому факту. И то, что 19-ю армию не собирались подчинять ни Киевскому округу, ни Юго-Западному фронту, вполне объяснимо. Армия Конева должна была войти во второй стратегический эшелон, который, вероятно, планировалось объединить в отдельный Резервный фронт. Войска этого фронта должны были вступить в дело после 30-го дня операции и ударом с юга на север ликвидировать германские армии в Польше и Восточной Пруссии, прижать их к Балтийскому морю и уничтожить.

В заключение майского плана Тимошенко и Жуков просили Сталина: «Утвердить представляемый план стратегического развертывания вооруженных сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией; своевременно разрешить последовательное проведение скрытого отomobilизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного командования и авиации». Все эти мероприятия начали осуществляться еще с апреля 41-го. Именно тогда было дополнительно призвано около 400 тысяч человек, по каким-либо причинам не призывавшихся в предыдущие годы. В мае — июне к ним добавилось 800 тысяч человек, призванные из запаса в западных приграничных округах. Благодаря этому численность дислоцированных здесь 170 дивизий увеличилась с 2,9 миллионов до 4,1 миллиона человек. Правда, от новобранцев было чуть толку. Многих из них даже не успели распределить по воинским частям. Большинство призванных из запаса служило в армии еще в 20-е или в начале 30-х годов, когда Красная армия была не кадровой, а территориально-милиционной, и призывники получали довольно условную военную подготовку. Они почти не имели представления о современной войне. После германского нападения многие из недавно призванных только сеяли панику и, скапливаясь на дорогах, мешали передвижениям войск. Тем не менее формально скрытый призыв таких значительных по численности контингентов дал Красной армии перевес в людях над германской группировкой, сосредотачивавшейся на Востоке: 4,1 миллиона человек против 3,3 миллиона. Если же считать только германские дивизии, реально находившиеся в составе Восточной армии к 22 июня 1941 года, то советскому вторжению в первые дни могли противостоять лишь 2,5 миллиона человек. Именно от этой цифры начальник Генштаба сухопутных сил генерал Гальдер в своем дневнике исчислял потери вермахта за первые девять дней операции «Барбаросса». А ведь в тылу советских приграничных округов находились еще 7 армий второго стратегического эшелона, насчитывавшие около 1 миллиона человек.

Германская армия даже вместе с союзниками располагала на Востоке не более чем 42 тысячами орудий и минометов.

Красная армия могла противопоставить им 67 тысяч стволов. Советский перевес в танках и авиации был еще больше. Всего в Красной армии к 22 июня 1941 года насчитывалось около 23,1 тысячи танков. Из них более 18,7 тысячи (81 процент) считались полностью готовыми к боям. На Западе дислоцировалось 12,8 тысячи танков, из которых боеготовыми считались более 10,5 тысячи (82,5 процента). Здесь же находились 1475 из 1864 самых современных танков Т-34 и КВ. Германская армия могла противопоставить этой армаде всего лишь около 3600 танков (в том числе 230 невооруженных командирских) из общего количества примерно 4 тысячи машин. О составе советских ВВС неизвестно до сих пор. Оценки варьируются в пределах от 17 до 35 тысяч машин. В западных же округах насчитывалось не менее 10-100 машин, из которых около 7200 считались боеготовыми. Люфтваффе для выполнения плана «Барбаросса» привлекли 1830 самолетов, две трети которых оценивались как боеготовые. Всего же германская авиация тогда имела примерно 3850 машин. Низкий уровень боевой подготовки экипажей и танковых и авиационных командиров на советской стороне сводил это внушительное с виду преимущество на нет. Однако данное обстоятельство не осознавалось ни Сталиным, ни Жуковым, ни Тимошенко. Последний еще 21 января 1941 года в приказе о боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год констатировал: «Летний период 1940 года явился переломным в вопросах воспитания и обучения армии на новой основе, проверенных опытом боевых требований». Считалось, что недостатки, выявленные в финской войне, в основном преодолены.

В начале июня к границам стали перемещаться главные силы Красной армии, дислоцированные на Западе. А с середины месяца туда же двинулись и 32 дивизии резерва приграничных округов. К 1 июля они должны были занять позиции на расстоянии от 20 до 80 километров от государственной границы. Если бы ждали немецкого нападения, то выдвижение резервов так близко к пограничным рубежам было бы необъяснимой глупостью. Они в этом случае должны находиться на достаточно значительном расстоянии от будущей линии фронта, вблизи железнодорожных узлов. Тем самым не только уменьшались возможные потери от воздействия вражеской артиллерии

и авиации, но и имелась возможность бросить резервные дивизии в места наибольших угроз, когда определятся направления главных ударов противника.

Вот если Красная армия собиралась наступать, выдвижение резервов к границе становилось вполне оправданным. Они могли понадобиться для скорейшего ввода в прорыв и развития успеха. Если принять дату 1 июля как срок их сосредоточения у границ, то воскресенье 6 июля — самый ранний день для начала вторжения в Германию. К этому времени все дивизии, двигаясь пешим порядком по ночам, успели бы выйти из районов сосредоточения непосредственно на линию государственной границы и начать боевые действия.

Однако нельзя исключить, что Сталин хотел дожидаться, пока семь армий второго эшелона выйдут к рубежам Днестра и Двины, что должно было произойти в период с 3 по 10 июля. Эти армии могли принять участие в боях позднее, для развития ожидавшегося успеха. Ведь, например, 27 германских дивизий второго эшелона, предназначенные для операции «Барбаросса», появились на фронте только в июле и августе 41-го, а 2 танковые дивизии резерва — лишь в октябре. Вполне вероятно, что Сталин на этот раз, памятуя неудачу с 12 июня, не стал связывать начало атаки с точной датой, которая зависела от фактического сосредоточения войск. Кстати говоря, ни один из известных ныне советских довоенных документов не содержит предполагаемой даты провокации в Майниле и времени вторжения в Финляндию. Последний предвоенный приказ штаба Ленинградского округа от 22 ноября 1939 года о переходе границы уже ставил задачи войскам по захвату конкретных пунктов на финской территории, но содержал оговорку, что о дне и часе перехода границы будет сообщено дополнительно. Не исключено, что такое распоряжение было отдано только в устной форме и на бумаге никогда не фиксировалось. Нападение на Германию — дело еще более деликатное, и Иосиф Виссарионович, вполне вероятно, не хотел оставлять следов для разведки противника и улики для потомков, планируя лично назвать Тимошенко и Жукову точное время начала наступления.

4 июня 1941 года Политбюро приняло решение о формировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии Красной армии, «укомплектованной личным составом польской национально-

сти и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной армии». Еще в середине октября 1940 года Сталин поручил Берии подыскать среди уцелевших польских военнопленных тех, кто выразил бы готовность воевать с Гитлером в союзе с СССР и даже без санкции польского правительства в Лондоне. Тогда же он поручил Лаврентию Павловичу предпринять меры по созданию в СССР формирований из чехов и словаков во главе с полковником Людвиком Свободой. Уже 2 ноября 1940 года Лаврентий Павлович докладывал, что удалось отобрать группу «правильно политически мыслящих» офицеров, которые видели будущую Польшу тесно связанной «в той или иной форме с Советским Союзом». Отобранным полякам предлагалось «предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии». Такую дивизию предполагалось начать формировать «в одном из совхозов на юго-востоке СССР», в Казахстане. Польская дивизия могла понадобиться Сталину лишь для одной цели — войны против Германии. Заранее создавать подобную дивизию не было никакого смысла.хлопот с ней было больше, чем с обычной дивизией Красной армии — нужны были особые уставы на польском языке и польская военная форма.

Главное же, факт создания польской дивизии очень трудно было хранить в тайне в течение длительного времени. Здесь было не только прямое нарушение всех секретных советско-германских договоренностей, направленных против возрождения Польского государства. Гитлер, узнав о польской дивизии в СССР, сразу бы догадался о подготовке Сталиным оккупации Польши. Эта дивизия Красной армии по плану насчитывала более 10 тысяч человек и замышлялась как ядро будущей польской армии, подчинявшейся просоветскому правительству в Варшаве. Если бы Гитлер накануне нападения на СССР вздумал формировать в составе вермахта Русскую освободительную армию, неужели, узнав об этом, Иосиф Виссарионович засомневался в неизбежности скорого германского вторжения на советскую территорию?

Были предприняты также попытки организации диверсионных групп из числа солдат и офицеров чехословацкого леги-

она Людвика Свободы. В конце апреля 1941 года в Москву прибыла миссия чехословацкого эмигрантского правительства во главе с полковником Г. Пикой. Как сообщает в мемуарах Свобода, удалось прийти к договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении акций саботажа и сборе разведывательной информации, причем «те, кто должен был обеспечивать «движение» по нелегальным путям с родины, прибыли в назначенное место... за пять-шесть дней до начала гитлеровской агрессии против СССР». Точно так же немцы за несколько дней до начала вторжения засылали в СССР диверсантов и разведчиков из числа местных уроженцев.

Польскую дивизию можно было создавать только перед самым нападением на Германию. И в начале июня 41-го Сталин решил, что время для ее формирования наконец пришло: до советского наступления оставалось чуть больше месяца. Аналогичным образом 26 октября 1939 года, ровно за месяц до провокации у поселка Майнила, было принято решение о формировании 106-го особого стрелкового корпуса из финского и карельского населения СССР. Правда, финны и карелы составляли его меньшинство. Преобладали русские, и были даже представители других советских национальностей, например узбеки, к Финляндии никакого отношения не имевшие.

Точно так же польскую дивизию предполагалось сформировать в основном из советских граждан, знающих польский язык или просто с польскими фамилиями. Очевидно, «правильно политически мыслящих» поляков набралось немного.

В самые последние дни перед 22 июня обозначился поворот и в пропагандистских установках армейских политработников. Он начался еще с речи Сталина 5 мая 1941 года на традиционном приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Жуков в мемуарах так излагает ее содержание: «Поздравив выпускников с окончанием учебы, Сталин остановился на тех преобразованиях, которые произошли за последнее время в армии. Товарищи, говорил он, вы покинули армию 3—4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили свой облик. Вы придете в армию, увидите много новинок...

Вы приедете в части из столицы, вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Военная мысль германской армии движется вперед. Армия вооружилась новейшей техникой, обучилась новым приемам ведения войны, приобрела большой опыт. Факт, что у Германии лучшая армия и по технике, и по организации. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь успеха под лозунгами захватнических, завоевательных войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Остановившаяся на причинах военных успехов Германии в Европе, Сталин говорил об отношении к армии в некоторых странах, когда об армии нет должной заботы, ей не оказана моральная поддержка. Так появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью партии и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Военная школа обязана и может вести обучение командных кадров только на новой технике, широко используя опыт современной войны. Кратко обрисовав задачи артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, Сталин подчеркнул, что нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы хорошо готовиться к войне, нужно не только создать современную армию, нужно подготовиться политически».

Судя по сохранившемуся в архиве конспекту сталинской речи, в целом Жуков излагает ее достоверно. Однако по цензурным мотивам маршалу пришлось опустить некоторые важные моменты, касающиеся ведения Красной армией наступательной войны и определения Германии как потенциального противника СССР. Еще в 1944 году появились мемуары бывшего румынского посланника в Москве Григоре Гафенку. Там содержалось утверждение, что в своем выступлении перед вы-

пускниками военных академий Сталин, превознося героизм и боевой дух Красной армии, подчеркнул, что советские солдаты не должны ограничиваться решением оборонительных задач, а должны быть готовы продемонстрировать свое умение наступать в столкновении с теми державами, что стремятся к мировому господству (здесь подразумевалась Германия). Такой тезис содержится в сохранившемся конспекте, составленном присутствовавшим на встрече К. Семеновым. А согласно записи писателя Всеволода Вишневского, Сталин заявил: «В кольце против Германии мы играем решающую роль... В 1914—1918 годах наше участие предопределило поражение Германии... СССР разворачивает свои силы... В Европе нет ресурсов, — они у США и у СССР. Эти мировые силы и определяют исход борьбы». При этом вождь прямо возложил на Германию ответственность за начало Второй мировой войны. На последовавшем же за приемом банкете в ответ на тост генерал-майора танковых войск Сивкова за мирную сталинскую внешнюю политику Сталин бросил красноречивую реплику: «Разрешите внести поправку. Мирная внешняя политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная... Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство... Германия хочет уничтожить нашу великую Родину... Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне»

Перестройка армейской пропаганды выразилась в проекте директивы «О задачах политической пропаганды на ближайшее время». 4 июня 1941 года его обсудили на Главном военном совете, а 20 июня утвердили как основу, чтобы после доработки направить в войска. В этой директиве, в частности,

отмечалось: «Война непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями (скрытый намек на майский план превентивного удара. — Б. С.)... Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой. Задача всего начсостава Красной армии — изучать опыт современной войны и использовать его в подготовке наших бойцов. Вся учеба всех родов войск Красной армии должна быть пропитана наступательным духом...

Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами».

Аналогичные пропагандистские установки в германской армии довели до солдат вечером 21 июня, в самый канун вторжения. Вот, например, письмо рядового 102-й немецкой пехотной дивизии К. Франка, отправленное на родину 10 июля 1941 года: «...4 июня наш полк выступил в поход. Мы не знали, куда направляемся. Первоначально нам было указано направление на Польшу, а затем — Восточную Пруссию. Но 19 июня мы подошли к русской границе. Каждый из нас задавался вопросом, что мы здесь ищем? Начали говорить, что в России нас погрузят и повезут в Ирак, чтобы вместе с русскими ударить под коленки англичанам... 21 июня около 8 часов вечера роту собрали на политическое занятие. Наш ротный сказал о ходе войны с Англией и о международном положении, потом заговорил о нашей работе у русской границы. А в конце занятия наш капитан произнес настоящую речь. Он сказал: «Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря нашему фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление...»

Константин Симонов записал в дневнике: «Двадцать первого июня (41-го года. — *Б. С.*) меня вызвали в Радиокomitee и предложили написать две антифашистские песни. Так я почувствовал, что война, которую мы, в сущности, все ждали, очень близка». После войны он так прокомментировал эти слова: «В тот вечер, когда поэтов вызвали в Радиокomitee писать антифашистские песни, произошло такое экстраординарное событие, как переход к нам через юго-западную границу перебежчика Альфреда Лискофа, сообщившего час нападения немцев. Происходили и более рядовые события — получение очередных разведдонесений от штабов пограничных округов». По Симонову, получается, что Сталин и Тимошенко, вплоть до вечера 21 июня, несмотря на тревожные сводки с границы, не решавшиеся отдать приказ о приведении войск в боевую готовность, тем не менее озаботились срочным созданием антифашистских сочинений. Не логичнее ли предположить, что Константина Михайловича и его товарищей вызвали в Радиокomitee в рамках разработанного задолго до этого дня плана подготовки нападения на Германию, которому требовалось соответствующее пропагандистское обеспечение, в том числе и песни?

Сталин твердо знал, что Красная армия превосходит вермахт по численности личного состава, что танков и самолетов у советских войск гораздо больше, чем у противника, и по качеству они не уступают немецким. Н. Г. Кузнецов писал в первом издании своих мемуаров «Накануне», вышедшем в 1966 году: «И. В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах». В последующие издания эти слова не попали.

Разве стал бы Жуков готовить план нападения на Германию, если бы полагал, что Красная армия уступает вермахту по уровню боевой подготовки? Ведь в случае неудачи отвечать пришлось бы головой. Разве стал бы подписывать в первый день

войны, 22 июня, директиву о контрнаступлении трем советским фронтам с задачей уже к исходу 24-го числа овладеть Люблином? Если бы Георгий Константинович был твердо убежден, что Красная армия к войне не готова, то должен был прямо заявить об этом не только наркому Тимошенко, но и самому Сталину. Он должен был предупредить их, что готовить наступление против Германии летом 41-го слишком опасно, что надо придерживаться оборонительного образа действий, отвести войска от границы, занять рубежи на некотором удалении от нее, чтобы части не понесли потерь от артиллерийского огня с неприятельской территории. И подать в отставку, если бы его предложения не были приняты. Но в мае — июне 41-го Георгий Константинович ничего подобного не сделал. Наоборот, когда Москву покидали дипломаты стран, оккупированных Германией, с которыми советское правительство прервало дипломатические отношения, Жуков, по свидетельству Г. Гафенку, прощаясь с югославским военным атташе полковником Поповичем, загадочно заметил, что Югославия вскоре поймет подлинные чувства СССР по отношению к ней. Здесь был скрытый намек на то, что после начала советско-германской войны югославское эмигрантское правительство в Лондоне опять станет союзником Москвы.

В действительности для Красной армии, более слабой по сравнению с вермахтом, оптимальным вариантом была бы оборона, а не наступление. Еще в 20-е годы Л. Д. Троцкий прозорливо предупреждал, что в начальный период войны Красной армии придется не наступать, а обороняться и даже отступать в глубь страны, чтобы выиграть время для мобилизации всех сил и средств. Только потом, «имея за собой пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где обеспеченная нашей упругой обороной мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в наступление». Однако после смещения Льва Давидовича со всех постов и его высылки из СССР оборону стали рассматривать как сугубо второстепенный вид боевых действий. И Сталин, и Жуков думали о молниеносной войне, о достижении скорой победы, а по тем условиям гораздо лучше было бы с самого начала ориентироваться на ведение длительной войны на истощение в союзе с Англией и Америкой, без чьей военно-

экономической помощи такую кампанию Советский Союз выдержать не мог.

Красная армия была более приспособлена для ведения относительно простых видов боевых действий, вроде позиционной обороны на заранее подготовленных рубежах. И советские танки должны были небольшими группами непосредственно поддерживать пехоту, а не идти в составе крупных механизированных соединений.

Красная армия по сравнению с вермахтом или армиями США и Англии была армией прошедшей эпохи, эпохи Первой мировой войны. Тот уровень насыщения техникой, которого требовала Вторая мировая война, вступал в неразрешимое противоречие как с реальным образовательным уровнем большинства красноармейцев и командиров, так и с психологией основной массы советских граждан. Коммунистический режим, в отличие от нацистского, в гораздо большей мере успел нивелировать человеческую личность, отбить у подданных стремление к самостоятельности и проявлению инициативы, привив взамен приверженность к шаблону. Ведь к началу советско-германской войны большевики были у власти в России уже 24 года, а нацисты в Германии — только 8 лет. Да и германские традиции эмансипации личности от власти государства были старше и прочнее российских. Бывший подданный Российской империи капитан вермахта Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, служивший офицером связи и переводчиком при командующем прогерманской Русской освободительной армией генерале Андрее Андреевиче Власове, свидетельствует: «И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем рейхе все же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось все более ощутимо... но эта форма несвободы в Германии оценивалась большин-

ством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и потому воспринималась все же как свобода. И в этом была большая разница между нами».

Он же в специальной записке для верховного командования сухопутной армии под названием «Русский человек» отмечал: «Испытание интеллигентности среди русских военнопленных показало очень интересную картину. Как и у большинства народов, так и у них эта картина приблизительно одинаковая, т. е. 50 процентов — среднего уровня, 25 процентов — ниже среднего и 25 процентов — выше среднего.

Хотя средний и ниже среднего уровня оказались значительно ниже германского уровня, зато 25 процентов ВЫСШЕГО УРОВНЯ ОБНАРУЖИЛИ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗНАНИЯ И ОДАРЕННОСТЬ, ПРЕВОСХОДЯЩИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ УРОВЕНЬ».

Жуков, как и многие советские генералы, включая предателя Власова, по своим интеллектуальным способностям, несомненно, принадлежал к «верхним 25 процентам». Однако командовать-то ему приходилось главным образом «нижними 75 процентами», значительно уступавшими немцам, и не столько по образованию, сколько по функциональной грамотности, т. е. умению применить имеющиеся знания на практике, будь то при обслуживании техники или в бою. К этому надо добавить, что в сталинской административно-командной системе даже у высших начальников жестко ограничивалась инициатива. Во время оперативно-стратегических игр 41-го года Жуков был куда свободнее в принятии решений, чем в реальной практике Великой Отечественной войны, где на любые принципиальные передвижения войск приходилось получать санкцию Верховного главнокомандующего. Учтем и явный недостаток у Георгия Константиновича как общего, так и военного образования. Все это сильно ограничивало возможности Жукова как полководца по сравнению с противостоявшими ему германскими генералами.

Чтобы прикрыть начавшуюся после 10 июня переброску последнего эшелона вермахта к советским границам, германское руководство осуществило хитроумную комбинацию. 13 июня 1941 года в официальной «Фелькише Беобах-

тер» появилась статья рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса «Крит — как пример» с прямым намеком на то, что опыт парашютного десанта на Крите очень скоро пригодится вермахту при высадке на Британские острова. В ночь с 12-го на 13-е число номер газеты был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы в Берлине часть тиража успела разойтись и достичь иностранных посольств. 14 июня Геббельс с удовлетворением констатировал в своем дневнике, что английские и мировые газеты и радиостанции приходят к выводу, что германское развертывание против России — это «чистый блеф, с помощью которого мы рассчитываем замаскировать подготовку к вторжению в Великобританию». Как реакцию на этот инцидент рейхсминистр пропаганды рассматривал и известное заявление ТАСС, переданное по радио поздно вечером 13 июня. Геббельс с удовлетворением отметил: «Русские, кажется, еще ни о чем не подозревают».

По свидетельству Будённого, статью Геббельса советский вождь рассматривал как попытку отвлечь внимание от истинной цели немцев — переноса центра тяжести военных усилий в район Средиземноморья, вынудив английское командование сосредоточить усилия на защите колоний, гораздо более уязвимых, чем метрополия. Гитлер, никак не ответив на заявление ТАСС, стремился создать у Сталина впечатление, будто хочет убедить англичан в реальности своих намерений завоевать Россию, тогда как в действительности в самое ближайшее время вторгнется на Британские острова. Иосиф Виссарионович, в свою очередь, молчание фюрера расценил как продолжение несколько иной игры: попытаться убедить англичан, что вермахт в ближайшее время вторгнется в СССР, тогда как в действительности германские войска готовились атаковать британские владения на Средиземном море, а затем предпринять поход в Иран, Ирак и Индию. Не исключено, что Сталин серьезно относился к слухам, распускаемым среди немецких солдат, перебрасываемых к советским границам, будто им предстоит совместный с русскими поход в Индию. И надеялся, что после заявления ТАСС Гитлер возобновит предложение, сделанное Молотову в Берлине в ноябре 40-го, о совместном разделе

Британской империи и об отнесении Ирана к советской сфере интересов.

Видя реакцию немцев, которые не отреагировали на заявление, где утверждалось, что слухи о скорой германо-советской войне лишены оснований, Сталин уже не сомневался в ее реальности. Однако думал, что ее удастся начать внезапным и мощным ударом Красной армии. И продолжал подготовку к «Грозе» — подтягивал войска к границам, маскировал расположенные там аэродромы и боевую технику, превращал штабы приграничных округов в штабы фронтов, перебрасывал вплотную к западным рубежам запасы топлива, снаряжения, боеприпасов. Если бы молчание Гитлера в ответ на заявление от 13 июня Сталин, Тимошенко и Жуков сочли признаком скорого германского нападения на СССР, то действовать они должны были совсем иначе. Им следовало как можно быстрее отводить дивизии и авиацию Красной армии от границ, чтобы вывести их из-под первого удара германской артиллерии и люфтваффе. Но вторжение вермахта застало Красную армию врасплох.

Вечер и ночь с 21 на 22 июня 41-го года запомнились Жукову на всю жизнь. Вот как он описал в мемуарах последние мирные часы: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркомом и Сталину то, что передал Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через сорок пять в Кремль, — сказал Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду».

Вскоре прибыли члены Политбюро. Тимошенко зачитал проект директивы о приведении войск западных приграничных округов в полную боевую готовность на случай войны с Германией.

« — Такую директиву сейчас давать еще преждевременно, — заметил генсек, — может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных

действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».

Сталин еще надеялся, что удастся начать дипломатические переговоры и под их прикрытием завершить сосредоточение сил для наступления. Поэтому Тимошенко и Жуков подписали директиву всем приграничным округам о приведении войск в полную боевую готовность, где говорилось, что 22—23 июля ожидается нападение немцев, которое «может начаться с провокационных действий». Войскам ставилась задача: «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Им предписывалось в течение ночи на 22 июня «скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе», рассредоточить всю авиацию по полевым аэродромам и тщательно ее замаскировать, а также рассредоточить и замаскировать войска». Проведение мобилизации директивой не предусматривалось.

Буденный сказал Тимошенко, что война неизбежна и директива должна носить более определенный характер. Тимошенко ответил, что и он не сомневается в этом, но на такой директиве настоял Сталин. Директиву № 1 закончили передавать в штабы округов в половине первого ночи, за два с половиной часа до германского нападения. До большинства войск директива так и не дошла к началу войны. Только нарком ВМФ Кузнецов успел привести в боевую готовность все флоты и флотилии. Сухопутные войска и авиация были захвачены врасплох. Много самолетов погибло на расположенных у самой границы аэродромах, так и не успев подняться в воздух. Позднее в ходе следствия генерал Д. Г. Павлов признавал: «Допустил преступную ошибку, что авиацию разместили на полевых аэродромах ближе к границе, на аэродромах, предназначенных для занятия на случай нашего наступления, но никак не обороны». Но дислокацию авиации Западного, равно как и других округов, определяли нарком обороны и начальник Генштаба. На суде Павлов сказал об этом и покаялся лишь в том, что «физически не мог» проверить правильность докладов подчиненных о рассредоточении авиации. Но все равно не избежал расстрела.

Когда около 4 часов утра Жуков позвонил Сталину и доложил, что началась война и немецкая авиация бомбит советские города, только что разбуженный начальником охраны Иосиф Виссарионович потребовал, чтобы они с Тимошенко немедленно приехали в Кремль. Туда к половине пятого прибыли и члены Политбюро. Уже поступили донесения о переходе в наступление германских сухопутных сил. Жукову хорошо запомнилось это заседание: «Сталин был очень бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?.. — ответил Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом».

Сталин приказал Молотову позвонить в германское посольство. В посольстве ответили, что Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Молотов отправился на встречу с послом. Тем временем Ватутин доложил, что на западном и северо-западном направлениях после артиллерийской подготовки германские войска перешли в наступление.

Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Мы тут же просили Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику. «Подождем возвращения Молотова», — ответил он».

Вскоре Молотов вернулся и сообщил, что Германия объявила Советскому Союзу войну. После этого Жуков предложил «немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение. «Не задержать, а уничтожить», — уточнил Тимошенко».

Сталин одобрил соответствующую директиву № 2, но предупредил, чтобы наземные войска до особого распоряжения не переходили границу. Авиации приказывалось «раз-

бомбить Кенигсберг и Мемель», но цели в Румынии и Финляндии пока не атаковать. Однако всего через несколько часов, вечером 22 июня, появилась директива № 3, где требовалось разгромить врага на его территории. Войска Западного фронта к исходу 24 июня должны были овладеть Сувалками, а 5-я и 6-я армии Юго-Западного фронта получили приказ «окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня захватить Люблин». Начал реализовываться предвоенный план удара на Краков, Катовице.

Жуков в мемуарах утверждает, что узнал об этой директиве уже в Тарнополе, в штабе Юго-Западного фронта. Приказ о формировании фронта к 22 июня был отдан еще 19-го числа, вне связи с германским нападением. Жуков, как представитель Ставки, должен был помочь командованию фронтом в руководстве войсками. Он вспоминает: «На командный пункт прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н. Ф. Ватутиным. Вот что рассказал мне Николай Федорович: «К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках. Известно лишь, что авиация Западного фронта понесла очень большие потери. Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами Кузнецовым и Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие».

Авиационная разведка также не могла точно доложить — где что происходит. По ее данным бои шли в районе наших укрепленных рубежей и частично в 15–20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Затем генерал Ватутин сказал, что Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

— Что это за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение?

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо, — сказал я, — если Сталин требует под директивой мою подпись — ставьте.

Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М. А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь... Я предложил М. П. Кирпоносу немедленно дать предварительный приказ о сосредоточении механизированных корпусов для нанесения контрудара по главной группировке армий «Юг», прорвавшейся в районе Сокаля».

Георгий Константинович утверждает, что Сталин приказал ему отправиться на Юго-Западный фронт около часа дня 22 июня. Однако, как свидетельствует журнал учета посетителей, Георгий Константинович покинул кабинет Сталина только в 16.00 вместе с Шапошниковым, Тимошенко, Василевским, Ватутиным и Куликом. Более никто из них в тот день к Сталину не заходил. Можно не сомневаться, что в период с 14.00 до 16.00 они как раз и обсуждали проект злосчастной директивы. Выехав из Москвы после 16 часов, Жуков никак не мог прибыть в Тарнополь и успеть переговорить с Ватутиным насчет директивы до того, как этот злосчастный документ поступил в штаб Юго-Западного фронта. И Баграмян в своих мемуарах однозначно подтверждает, что сначала в Тарнополь поступила директива № 3 и только потом туда прибыли Жуков с Хрущевым. Причем, как свидетельствует Иван Христофорович, директиву начали передавать в штаб фронта уже в одиннадцатом часу вечера, так что с Ватутиным Жуков вообще должен был говорить задолго до десяти

часов — директиву ведь еще надо было зашифровать. Да и странно получается: чего это вдруг Георгий Константинович засомневался в целесообразности скорейшего проведения контрударов, если еще утром, даже до официального объявления войны, просил Сталина отдать приказ о немедленной организации таких контрударов?

Жуков и летел к Кирпоносу, чтобы руководить осуществлением контрудара на главном, юго-западном направлении. Вероятно, в случае успеха и выхода советских войск на оперативный простор он должен был сам возглавить либо Юго-Западный фронт, либо созданное вскоре Юго-Западное стратегическое направление, координирующее действия Юго-Западного и Южного фронтов.

Жуков не только не возражал против проведения контрударов, но и был одним из их инициаторов. А ведь к моменту его отлета в Киев уже поступили сведения о больших потерях авиации пограничных округов, что ставило под сомнение ее способность завоевать господство в воздухе над полем боя. Да и не было устойчивой связи с командующими большинством фронтов и армий. При объективной оценке одни только эти обстоятельства говорили о малой вероятности успеха будущих контрударов и заставляли отказаться от их проведения. К тому же не было никаких сведений, где именно и какими силами немцы наносят главный удар. В такой обстановке немедленное начало контрнаступления только усугубило положение Красной армии. Согласно довоенному плану основные силы Красной армии бросались в наступление в юго-западном направлении, вместо того чтобы прикрыть наиболее угрожаемое западное направление, где действовала самая мощная группа армий «Центр». Тем самым задерживалась столь необходимая переброска войск на помощь Западному фронту, чье положение становилось еще более тяжелым.

Единственно правильным решением был немедленный отход под прикрытием сильных арьергардов на линию Днепра, навстречу армиям второго стратегического эшелона. Туда же надо было эвакуировать все, что возможно, из сосредоточенных в западных округах военных запасов. Но Сталин, Тимошенко и Жуков хотели наступать, а не обороняться. Наверное, они полагали, что в ходе быстрого наступления

у немцев, как и у Красной армии, разладилось управление, танки оторвались от пехоты, а тылы не поспевали со снабжением передовых частей. Но у вермахта и с взаимодействием родов войск, и со снабжением все было в порядке.

Контрнаступление Юго-Западного фронта началось 23 июня при значительном перевесе советской стороны в людях и особенно в танках. Всех танков в войсках фронта насчитывалось 4201. Одних новейших Т-34 и КВ было 761, что превышало общее число танков в группе армий «Юг» — 750. Против 31 дивизии группы армий «Юг» Юго-Западный фронт мог выставить 58 дивизий. Но господство люфтваффе в воздухе не позволило наступающим достичь хоть каких-то существенных успехов. Сказался и низкий уровень подготовки советских танкистов. Командир входившего в состав Юго-Западного фронта 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенант Д. И. Рябышев впоследствии так описал судьбу своего корпуса в этих первых боях: «В период... с 22 по 26 июня корпус, совершая напряженные «сверхфорсированные» марши без соблюдения элементарных уставных требований обслуживания материальной части и отдыха личного состава, был подведен к полю боя, имея до 500 км пробега боевой материальной части. В результате этого количественный состав боевых машин был выведен из строя по техническим причинам на 40—50 процентов (это усугублялось тем, что к началу войны старая боевая матчасть израсходовала запас моторесурсов на 50 процентов). Указанные 40—50 процентов материальной части были оставлены на маршрутах движения дивизий. Оставшаяся материальная часть после таких скоростных маршей оказалась для боя не подготовленной в техническом отношении. Отсутствие службы регулирования со стороны фронта и армии на важнейших оперативных магистралях приводило к беспорядочному передвижению войск, созданию «пробок», огромному количеству аварий и несчастных случаев, а также к бесполезной трате времени на передвижение войск, что вело в результате к несвоевременному выполнению приказов».

Начать контрудар 23 июня, как того требовала Ставка Главного командования, не удалось. Только 24-го некоторые из механизированных и стрелковых корпусов Юго-Западно-

го фронта пошли в наступление. Однако они лишь замедлили продвижение немцев. Советские войска, водимые в бой частями, не смогли разгромить неприятельских группировок. К тому же Жуков и Кирпонос неправильно определили направление главного удара противника. Так, 24 июня в 17 часов командующий 5-й армией генерал М. И. Потапов доложил Жукову, что против его армии на фронте Влодава, Устилуг действует до 5 пехотных дивизий, 2 тысячи танков и около 2 тысяч мотоциклистов, вооруженных автоматами. На фронте же от Устилуга до Сокаля он насчитывал всего 1 танковую дивизию противника. Командарм полагал, что главный удар неприятель наносит от Владимира-Волынского на Луцк, а вспомогательный — от Бреста на Ковель с целью окружения 5-й армии. Жуков согласился с подобной оценкой обстановки и основные усилия танковых соединений фронта направил в район Владимир-Волынский, Луцк, тогда как в действительности группа армий «Юг» наносила главный удар в стык 5-й армии Потапова и 6-й армии И. Н. Музыченко, южнее Луцка в направлении Сокаль — Дубно. Другое направление советского контрудара, от Львова на Раву-Русскую, наоборот, оказывалось южнее главной немецкой группировки и тоже било мимо цели. В результате первые удары советских танков пришлось практически по пустому месту и не оправдали больших потерь, нанесенных механизированным корпусам.

По воспоминаниям Баграмяна видно, что в те дни фронтом фактически командовал Жуков, а не Кирпонос: «Георгий Константинович... одобрил принятое командованием фронта решение и предложил, не теряя времени, отдать приказ о подготовке контрудара... Выслушав доклад командарма Музыченко... Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус (генерала А. А. Власова. — Б. С.) как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии... Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Та-

кой главной задачей являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны...»

Жуков вмешивался в дела не только фронтового, но и армейского командования, указывая Потапову и Музыченко, как именно они должны перемещать свои войска. Сам Жуков операцию непосредственно не разрабатывал, зато вносил значительные коррективы в ее осуществление. Кирпонос оказался несвободен в своих действиях, а это только ухудшало дело. Ведь Жуков, как и штаб фронта, неправильно оценивал расположение и состав основных группировок противника и своими ошибками только усугублял промахи фронтового и армейского руководства.

Георгий Константинович так оценил итоги контрударов на юго-западном направлении: «...В результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови». Маршал тем не менее ушел от ответа на вопрос: нельзя ли было достичь того же результата с меньшими потерями, если бы войска Юго-Западного фронта придерживались оборонительных действий? Хотя контрудары на других фронтах Георгий Константинович оценивает достаточно критически, признавая вину и Генштаба, и Главного командования: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы. В сложившейся обстановке к исходу 22 июня единственно правильным могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника. Предпринятые контрудары, за исключением Юго-Западного фронта, в большинстве своем были организованы крайне плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели».

В стремлении представить в лучшем свете дела на том фронте, к которому он сам был причастен, Георгий Константинович не оригинален. Это характерно для подавляющего большинства военачальников всех времен и народов. Да и не только военачальники грешны в этом. Едва ли не каждому человеку свойственно вольно или невольно преувеличивать значение и результаты собственной деятельности. Если же взглянуть на вещи объективно, то напрашивается вывод: на Юго-Западном фронте последствия контрударов не были столь катастрофическими, как на других фронтах, только потому, что на данном направлении соотношение сил было наиболее благоприятным для Красной армии. В распоряжении Кирпоноса и Жукова была самая мощная танковая группировка, а противостоявшая им немецкая группа армий «Юг» по числу дивизий и особенно по количеству танков значительно уступала соседней группе армий «Центр». Поэтому полного разгрома и окружения армий Юго-Западного фронта не произошло, как это случилось в первые дни войны с Западным фронтом Павлова. О каком-то особом искусстве Жукова по сравнению с другими командующими в организации контрударов говорить трудно. Тем более что итог танковых сражений, закончившихся уже после отъезда начальника Генштаба с Юго-Западного фронта, был неутешительным для советской стороны. К 30 июня Юго-Западный фронт безвозвратно потерял 2648 танков — почти две трети тех, что он имел к началу войны. А к 9 июля потери возросли до 3464 машин и танков в строю у советской стороны почти не осталось. Уже к вечеру 26 июня Кирпонос осознал бессмысленность продолжения наступления и обратился в Генштаб с просьбой разрешить вывести из боя механизированные корпуса и организовать отход войск на новые оборонительные позиции. Однако только что вернувшийся в Москву Жуков запретил это делать. В результате этих контрударов Юго-Западный фронт понес большие потери, но львовский выступ так и не удержал. Львов был оставлен 30 июня. Накануне отступления оттуда советских войск жители города подняли восстание. Повстанцы захватили, в частности, городскую тюрьму и освободили оттуда заключенных, которым грозила неминуемая гибель. НКВД предписывал уничтожать

политических заключенных в том случае, если их нельзя было эвакуировать. Вооруженные отряды украинских националистов нападали на тылы войск Юго-Западного фронта. Призывники же из Западной Украины в большинстве своем либо дезертировали из Красной армии, либо переходили на сторону немцев.

Когда Жуков писал о Главном командовании, он имел в виду прежде всего Сталина. Хотя вплоть до 19 июля 1941 года во главе Ставки Главного командования (с 10 июля — Ставки Верховного командования), созданной на второй день войны, формально стоял нарком обороны Тимошенко, никаких принципиальных решений без санкции Сталина он принимать не мог. Также и начальник Генштаба Жуков не был свободен в своих решениях. На согласование с вождем уходило время, и приказы Ставки не поспевали за быстро меняющейся обстановкой. Только 19 июля Сталин стал наркомом обороны, а 8 августа — Верховным главнокомандующим (в тот же день была создана Ставка Верховного главнокомандования), и структура военного руководства несколько упростилась. В мемуарах Георгий Константинович совершенно справедливо отмечал, что термин «Мозг армии» к советскому Генштабу был неприменим: «Мозгом» Красной армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного военного вопроса не принималось без участия Центрального комитета». Фактически же в период Великой Отечественной войны «мозгом армии» был Сталин. Бывший член Ставки Н. Г. Кузнецов свидетельствует, что Сталин «имел обыкновение вызывать на заседания Ставки лишь того, кого находил нужным. По сути дела, и в самой Ставке установилось полное единовластие. Стиль руководства... не был по-военному четким. Я видел, как Сталин по простому телетайпу связывался из своего кабинета с фронтами. Он не считал необходимым отдавать приказания, соблюдая порядок подчиненности. Вызывал непосредственного исполнителя, часто не ставя в известность даже его начальника. Понятно, что в исключительных случаях можно было так поступать, но делать это правилом недопустимо. Недооценка системы и организации в руководстве со стороны Сталина оставалась до конца его дней».

Фактически Жуков, Тимошенко, Буденный, Шапошников, Василевский и другие члены Ставки могли выступать только в роли сталинских советников. По этой причине несправедливо взваливать вину за поражения на одного Жукова, Тимошенко или других военачальников. Но столь же неверно только им приписывать победы, выводя за скобку Сталина.

26 июня Жукову в Тарнополь позвонил Сталин: «На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?»

В Кремле Сталин приказал ему и Тимошенко подумать, что можно сделать для спасения положения на западном направлении. Нарком и начальник Генштаба предложили занять пять армиями второго эшелона рубеж обороны от Западной Двины до Полоцка, Витебска, Орши, Могилева и Мозыря, но одновременно начать оборудовать тыловой рубеж по линии Смоленск — Рославль — Гомель, куда заранее выдвинуть еще две армии второго стратегического эшелона. Утром следующего дня Жуков по аппарату Бодо передал приказ начальнику штаба Западного фронта генерал-майору В. Е. Климовских отводить войска к Полоцку, Минску и Бобруйску. При этом Георгий Константинович предлагал «иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, движущейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти... Конницу отвести в Пинские леса (и болота, где кавалерии действовать совсем не сподручно. — Б. С.) и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника».

Поразительно, что, даже ставя задачи на отход, Жуков одновременно предлагает Западному фронту контрударами разгро-

мить механизированные соединения противника, а в случае успеха обрушиться на пехоту. И этот приказ отдается в условиях, когда командованию фронта еще только предстоит «разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку». Либо Жуков формулировал свой приказ, что называется, «для истории», чтобы продемонстрировать потомкам: я давал такие дельные советы, можно было бы изменить обстановку коренным образом, да вот Павлов и Климовских не сумели мои рекомендации выполнить. Либо начальник Генштаба на шестой день войны еще не отдавал себе полного отчета, с каким грозным противником столкнулась Красная армия, в какое тяжелое положение попал Западный фронт.

В итоге основные силы Западного фронта были пленены в двух котлах в районе Белостока и Минска. Сталин с подачи новоназначенного члена Военного совета Западного фронта Льва Захаровича Мехлиса решил избрать в качестве козлов отпущения за неудачное начало войны генерала армии Павлова и других руководителей Западного фронта. Тимошенко, Буденный и Жуков не возражали. Георгий Константинович даже оставил резолюцию на спецсообщении особого отдела Наркомата обороны с предложением об аресте командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора А. А. Коробкова: «Тов. Маленкову — Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя». 4 июля Павлов был арестован, а 22 июля 1941 года Военной коллегией Верховного суда вместе с генералами В. Е. Климовских, А. Т. Григорьевым и А. А. Коробковым приговорен к расстрелу и казнен. Столь суровое наказание постигло их за то, что «проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной армии». В ходе следствия несчастных заставили признаться еще и в измене родине и участии в антисоветском военном заговоре, но на суде они от этих признаний отказались, и соответствующий пункт в приговор включать не стали. Можно не сомневаться, что текст приговора был предварительно согласован со Сталиным. Вероятно, Иосиф Виссарионович решил не создавать нового «дела Тухачевского», чтобы не порождать в войсках в военное время дополнительное недоверие к командирам. Достаточно было по-

казать генералам, что их может ждать за служебную нерадивость, чтобы отбить все мысли воспользоваться военными поражениями для государственного переворота.

Строго говоря, никаких доказательств трусости подсудимых перед лицом врага ни на следствии, ни на суде приведено не было. Что же касается других обвинений, то их в 41-м, да и позднее, можно было с полным основанием предъявить доброй половине советских командиров. В 1941—1942 годах Сталин для острастки казнил также начальника штаба Северо-Западного фронта П. С. Кленова, командующего ВВС Юго-Западного фронта Е. С. Птухина, начальника Управления военных сообщений Н. И. Трубецкого и ряд других.

Возможно, Павлова избрали козлом отпущения потому, что к нему резко отрицательно относился близкий к Сталину К. Е. Ворошилов, в свое время возражавший против назначения Павлова командующим Западным особым военным округом. В первые дни войны, когда Ворошилов и Шапошников в Могилеве снимали Павлова с командования фронтом, Дмитрий Григорьевич оправдывался: «К сожалению, мои возможности были ограничены. Все, что я вам сейчас докладываю о поведении противника, Генеральный штаб знал. Что касается меня, то я, как командующий округом, не имел права своей властью передвинуть хотя бы одно соединение к государственной границе. Когда я за несколько дней до войны просил Генеральный штаб разрешить округу посадить войска в окопы на границе, меня резко одернули. Мне было сказано, что я паникер, ничего не понимающий в политике человек, и предложили не дразнить немцев.

— При этом делали ссылку на сообщение ТАСС (от 14 июня. — Б. С.), — заметил маршал Шапошников.

— Совершенно правильно, — подхватил Павлов, — и мне приходилось читать это сообщение командующим армиями и начальникам служб, когда, прямо скажу, они припирали меня фактами к стене.

Павлов нервно встал, сделал несколько шагов вдоль салона и, обращаясь к Клименту Ефремовичу, сказал:

— Я, товарищ маршал, не снимаю с себя вины за все, что произошло, и в первую очередь несу за это ответственность, но большая доля вины лежит и на Генеральном штабе. Если

мы здесь в Белоруссии были уверены в намерении Гитлера, то Генеральный штаб наверняка располагал неизмеримо большей информацией для такого вывода и обязан был принять необходимые меры.

— Я не снимаю ответственности с Генштаба, — сказал Климент Ефремович, — и уверен, что так думает и Борис Михайлович.

— Бесспорно, — согласился маршал Шапошников, — Генштаб должен был доказать политическому руководству надвигающуюся угрозу со стороны немцев.

— Ваши рассуждения, — продолжал Климент Ефремович, — о правах командующего все же меня не убедили. Если вы были так уверены в нападении немцев, как сейчас утверждаете, то кто мог вам помешать, скажем, рассредоточить и замаскировать самолеты на аэродромах, привести в состояние боевой готовности истребительную авиацию. Разве вам требовалось указание Москвы, чтобы вывести танки, артиллерию и автомашины из парков и гаражей в леса, которыми так богата Белоруссия. Я уж не говорю об этих злополучных артиллерийских сборах. Оставить пехоту без артиллерии и в то же время ждать вторжения врага по меньшей мере легкомысленно...» (Из воспоминаний адъютанта Ворошилова.)

Однако Жукова, как и Тимошенко, Сталин трогать не стал. Ведь операцию «Гроза» — вторжение в Германию они готовили по его прямому указанию. Репрессии против них поставили бы под сомнение авторитет Сталина. Несчастный же Павлов о плане «Гроза» не был осведомлен.

После краха Западного фронта в дело вступили армии второго стратегического эшелона, в районе Смоленска завязавшие встречное сражение с танковыми группами Гудериана и Гота. Жуков вспоминал: «16 июля 1941 года Смоленск был занят вражескими войсками. 16-я и 20-я армии оказались окруженными в северной части города. Однако они не сложили оружия и сопротивлялись еще почти десять дней, задержав тем самым наступление немцев на московском направлении.

Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным комитетом обороны и особенно Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали тогда всю тяжесть сталинского гнева. Приходилось наприя-

гать волю, чтобы смолчать и не возмутиться против несправедливых его упреков. Но обстановка требовала от нас пренебречь своим «я» и сдержаться, с тем чтобы помочь Западному фронту преодолеть тяжелую ситуацию.

Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта».

Георгий Константинович не стал уточнять, что из окружения вышла лишь меньшая часть окруженных и что в плен, по немецким данным, попало около 350 тысяч человек. Окончилось неудачей наступление войск Западного фронта, пытавшихся, не считаясь с жертвами, вернуть Смоленск. Это еще больше подорвало доверие Сталина к командующему фронтом маршалу Тимошенко. Жуков вспоминает, как в конце июля Сталин вызвал их с Семеном Константиновичем к себе на дачу, где уже собрались почти все члены Политбюро: «Сталин, в старой куртке, стоял посредине комнаты и держал погасшую трубку в руках — верный признак плохого настроения.

— Вот что, — сказал Сталин, — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы решили освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? — спросил Сталин, обращаясь ко мне и к наркому...

— Товарищ Сталин, — сказал я, — частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он

сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой больше не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освобождать его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М. И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, Жуков прав.

Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

— Вы правы, товарищ Сталин, — раздался голоса, — Тимошенко может еще выправить положение.

Нас отпустили, приказав Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генеральный штаб, Тимошенко сказал:

— Ты зря отговаривал Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

— Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт...

Этот случай был не единственным. Сталин не всегда был объективен в оценке деятельности военачальников. Я и сам это испытал. Сталин не выбирал выражений; он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремился сделать все, на что он способен».

Георгий Константинович здесь опять в своей стихии: добрый Жуков поправляет злого Сталина, и тот по зрелом размышлении с ним соглашается. Мемуариста не смущает даже то, что Тимошенко оказывается в унижительном, по сути, положении и вынужден терпеть снисходительную защиту со стороны своего подчиненного. Кажется, разговор Жуков придумал с начала и до конца, но вот сама встреча с членами Политбюро и обсуждение новых назначений в конце июля были реальными событиями. Что же касается сетований Георгия Константиновича, что Сталин выражений не выбирал и был несправедлив в оценках многих полководцев, то эти обвинения столь же основательны по отношению к самому маршалу.

Жуков, как он утверждает в мемуарах, пришел к выводу о необходимости радикальных решений для стабилизации положения. 29 июля, когда на юго-западе разворачивалась операция немецких войск по окружению 6-й и 12-й армии в районе Умани (там попало в плен более 100 тысяч человек), а в районе Смоленска группа армий «Центр» заканчивала очистку котла (бои завершились 5 августа), Георгий Константинович попросился на прием к Сталину.

«29 июля я позвонил Сталину, — пишет маршал в «Воспоминаниях и размышлениях», — и просил принять для срочного доклада.

— Приходите, — сказал Верховный.

Захватив с собой карту стратегической обстановки, карту с группировкой немецких войск, справки о состоянии наших войск и материально-технических запасов фронтов и центра, я прошел в приемную Сталина, где находился А. Н. Поскребышев, и попросил его доложить обо мне.

— Садись. Приказано подождать Маленкова и Мехлиса.

Минут через десять все были в сборе и меня пригласили к Сталину.

— Ну, докладывайте, что у вас, — сказал Сталин...

— На Московском стратегическом направлении немцы в ближайшее время не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои войска и обеспечить правый и левый фланги группы армий «Центр».

На Ленинградском направлении без дополнительных сил немцы не смогут начать операции по захвату Ленинграда и соединению с финскими войсками.

На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий «Юг».

Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши тринадцатая и двадцать первая армии, прикрывающие направления на Унечу — Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить

во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

— Что вы предлагаете? — насторожился Сталин.

— Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию получить за счет западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, — спросил Сталин, — предлагаете ослабить направление на Москву?

— Нет, не предлагаю. Но противник, по нашему мнению, здесь пока вперед не двинется, а через двенадцать — пятнадцать дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск не ослабит, а усилит московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — съязвил Мехлис.

Я не ответил и продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

— А как же Киев? — в упор смотря на меня, спросил Сталин.

Я понимал, что означали два слова «сдать Киев» для всех советских людей и, конечно, для Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а как начальник Генерального штаба обязан был предложить единственно возможное и правильное, по мнению Генштаба и на мой взгляд, стратегическое решение в сложившейся обстановке.

— Киев придется оставить, — твердо сказал я.

Наступило тяжелое молчание... Я продолжал доклад, стараясь быть спокойнее:

— На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для наступления на Москву.

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? — возмутился Сталин. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать... — И вдруг на высоких тонах бросил: — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не смог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

Опять наступила тягостная пауза.

— Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем... мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...

— Я человек военный и готов выполнить любое решение Ставки, но имею твердую точку зрения на обстановку и способы ведения войны, убежден в ее правильности и доложил так, как думаю сам и Генеральный штаб.

Сталин не перебивал меня, но слушал уже без гнева и заметил в более спокойном тоне:

— Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вас вызовем.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством собственного бессилия. Примерно через полчаса меня пригласили к Верховному.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Разумеется, вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

— Куда прикажете мне отправиться?

— А куда бы вы хотели?

— Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

— Не горячитесь, не горячитесь. Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за

это дело. — Затем, чуть помедлив, Сталин добавил: — Действия резервных армий на ржевско-вяземской линии обороны надо объединить. Мы назначим вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?

— Через час.

— Шапошников скоро прибедет в Генштаб. Сдайте ему дела и выезжайте.

— Разрешите отбыть?

— Садитесь и выпейте с нами чаю, — уже улыбаясь, сказал Сталин, — мы еще кое о чем поговорим.

Сели за стол и стали пить чай, но разговор так и не получился. На следующий день состоялся приказ Ставки».

Почти шекспировская драма, правда, в финальном чаепитии немного фарса! Простодушный читатель подивится жуковской прозорливости. Надо же, еще в конце июля так точно предсказал, что случится под Киевом, Ленинградом и Москвой, как именно там будут действовать германские войска. И ведь все сбылось, как по писаному!

Перед нами умный Жуков, безуспешно убеждающий не смыслящего в военном деле Сталина в справедливости своих выводов. И замечательное: «Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся!» И Жуков, не стерпев оскорбления, сам подает в отставку. Сталин отставку принимает, но в глубине душе чувствует, что был неправ, и в конце разговаривает с Георгием Константиновичем уже вежливо и доброжелательно. Не Сталин убрал Жукова с поста начальника Генштаба, а Жуков сам ушел, когда решил, что раз Верховный его рекомендаций не слушает, то лучше непосредственно командовать войсками и бить немцев.

Только немногие, боюсь, обратят внимание на одну несуразность в докладе Жукова. Если главного удара немцев Генштаб и его начальник ожидали по Центральному фронту и далее во фланг Юго-Западного, то зачем вдруг понадобилось срочно организовывать контрудар на Западном направлении, чтобы ликвидировать Ельнинский плацдарм? Не лучше ли было бы потребные для такого контрудара силы и средства использовать для того, чтобы отразить угрозу Киеву?

И еще одна странность. Жуков почему-то предпочитает излагать собственные предложения своими словами, не цитируя никаких документов. Между тем трудно вообразить, что Георгий Константинович столь важные рассуждения о дальнейшем ходе войны не оформил в виде письменного меморандума, ограничившись устным докладом Верховному главнокомандующему. Да и карты и справки для доклада ему должны были готовить сотрудники Генштаба. Но друг и ближайший сотрудник Жукова по Генштабу Василевский ничего такого не помнит. Вот что пишет он о смене начальника Генштаба: «В разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону, Ставка образовала Резервный фронт. Его командующим стал Г. К. Жуков... Начальником Генерального штаба в ночь на 30 июля был назначен Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Сталин предпочел использовать командный опыт Жукова непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование».

А вот что вспоминает тогдашний заместитель Василевского в Генштабе С. М. Штеменко: «Началась перестановка кадров... Г. К. Маландин получил назначение на место В. Е. Климовских — стал начальником штаба Западного фронта. Начальника Генерального штаба Жукова назначили командующим фронтом. В Генштаб вернулся маршал Шапошников... Эти замены и перемещения начальников в первые дни войны были абсолютно необъяснимы». Как видно, и Сергей Матвеевич ничего не знал о причинах смещения Жукова.

Наиболее достоверным представляется свидетельство Берии. Арестованный в результате заговора своих товарищей по Президиуму ЦК, Лаврентий Павлович забрасывал Маленкова, Хрущева и других коллег отчаянными письмами, где указывал на свои былые заслуги. 1 июля 1953 года он писал: «Т. Т. Маленков и Молотов (другой вариант расшифровки — Микоян. — Б. С.) хорошо должны знать, что Жуков, когда его сняли с Генерального штаба по наущению Мехлиса, ведь его положение было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим фронтом и тем самым спасли

будущего героя нашей Отечественной войны, или когда т. Жукова выгнали из ЦК — всем нам было больно». Если не врал Берия, глядя в глаза скорой смерти, то данное письмо доказывает, что они с Георгием Константиновичем были совсем в неплохих отношениях. Свидетельство Лаврентия Павловича заставляет думать, что причиной смещения Жукова стало намерение Сталина сделать Георгия Константиновича новым козлом отпущения за неудачное начало войны, и в частности за проигрыш Смоленского сражения. Однако члены Политбюро, похоже, сумели на этот раз Жукова отстоять.

И скорее всего, Жукова сняли с поста начальника Генштаба не 29, а 18 июля. В этот день последний раз в июле, если верить журналу учета посетителей кремлевского кабинета, он был на приеме у Сталина. И вместе с ним в кабинете находились члены Политбюро Берия, Молотов, Маленков, Микоян, а также Тимошенко. Можно предположить, конечно, что драматический разговор, о котором поведал Жуков, происходил на даче Сталина (хотя Жуков пишет, что в Кремле). Однако бросается в глаза, что после 18 июля Жуков до конца месяца в кабинете вождя не появляется. Это больше похоже на отставку. Тем более что дневник пребывания Жукова на фронтах фиксирует, что до 30 июля он оставался в Москве, в отличие от Тимошенко, выехавшего на Западный фронт. Вероятно, тогда же Сталин резко критиковал Тимошенко за сдачу Смоленска. Не случайно на следующий день он сам сменил Семена Константиновича на посту наркома обороны. Скорее всего, за сдачу Смоленска лишился своего поста и Жуков. О Киеве тогда и речи не шло — в разгаре было Смоленское сражение. Очевидно, уже 18 июля было принято принципиальное решение о характере действий созданного 14 июля фронта резервных армий к востоку от Смоленска, и Берия порекомендовал поставить туда Жукова. Уже 20 июля в разговоре по прямому проводу с Тимошенко Сталин предлагал: «Я думаю, что пришло время перейти нам... к действиям большими группами». И приказал создать ударные группы за счет фронта резервных армий и вновь овладеть Смоленском. К 30 июля резервные армии были приведены в боевую готовность, и Жуков вступил в командование ими, чтобы готовить контрудар на Ельню.

Так был ли доклад Жукова Сталину об опасности, грозящей Киеву и главным силам Юго-Западного фронта? Был, но только не 18 и не 29 июля, а на три недели позднее. Его, со ссылкой на архив Министерства обороны, цитирует в своих мемуарах сам Георгий Константинович: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов — Чернигов — Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел. В состав ударной группировки необходимо включить 10—11 стрелковых дивизий, 3—4 кавалерийские дивизии, не менее тысячи танков и 400—500 самолетов. Эти силы можно выделить за счет Дальнего Востока, сил Московской зоны обороны и ПВО и внутренних округов».

Тот же доклад цитирует в своих мемуарах и Василевский, но некоторые места у него звучат по-иному. У Александра Михайловича Жуков дает высокую оценку немецкому командованию и более определенно говорит о необходимости создания контрударной группировки: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности... Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходи-

мости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реку Десна...»

Что любопытно, оба маршала ссылаются на одно и то же архивное дело. Поэтому я не знаю, кто из них искажает текст. Возможно, Василевский привел те фразы из документа, которые опустил Жуков, хотя в тексте Георгия Константиновича нет обозначающих купюры отточий. Однако в любом случае легко убедиться, что Жуков не предлагал сдавать Киев. Намерения германского командования Георгий Константинович определил в целом верно, но во второй половине августа 41-го это была не такая уж сложная задача. К тому времени котлы в районах Смоленска и Умани были ликвидированы, и ясно обозначилось наступление вермахта как на юге Украины, так и в направлении Унечи, Гомеля против Центрального фронта. Начинали вырисовываться две стороны, которые как клещи могли замкнуться к востоку от Днепра и отрезать главные силы Юго-Западного фронта. Эту опасность видел не только Жуков, но и Сталин с Шапошниковым. Для противодействия наступавшей против Центрального фронта танковой группе Гудериана срочно создали Брянский фронт под командованием А. И. Еременко. Была надежда, что ему удастся если не разбить Гудериана, то хотя бы предотвратить выход немцев на тылы Юго-Западного фронта. И тогда еще Жуков не был убежден в катастрофичности положения.

Жуковский доклад зафиксировал «поворот на юг», свершенный германским командованием в начале августа, вокруг которого и сегодня кипят споры. 4 августа Гитлер собрал в белорусском городе Борисове совещание командования группы армий «Центр». Участвовавший в совещании Гудериан вспоминал: «Каждому участнику совещания предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чем говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий «Центр» единодушно высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что его танковая группа может начать наступление не раньше чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех

участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно еще не был решен. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину, ибо в настоящее время группа армий «Юг» также добилась определенных успехов. Кроме того, он полагал, что сырьевые и продовольственные ресурсы Украины крайне необходимы для дальнейшего ведения войны и что, наконец, наступление на Украину даст ему возможность выбить из рук русских Крым, который, по мнению Гитлера, является «авианосцем Советского Союза, откуда ведутся налеты на нефтепромыслы Румынии». К началу зимы он надеялся овладеть Москвой и Харьковом. Окончательное же решение по этому важнейшему для нас вопросу о дальнейшем ходе войны в этот день не было принято».

Гудериан на всякий случай стал готовить свою группу к наступлению на Москву. Но 11 августа его план наступления, предусматривавший нанесение основного удара от Рославля на Вязьму, был отклонен командованием сухопутных сил. Тогда Гудериан предложил «вывести войска из уже ненужной нам ельнинской дуги, где мы все время несли большие потери. Однако командование группы армий и ОКХ (верховное командование сухопутных сил. — Б. С.) отклонили и это предложение, которое исходило из необходимости сбережения человеческих жизней, под нелепым предлогом, что «противнику на этом участке фронта еще труднее, чем нам».

21 августа Гитлер отверг предложение ОКХ о наступлении на Москву и дал директиву о подготовке ударов против Ленинграда и Украины. Туда направлялись танки из группы армий «Центр». Гудериан тремя днями позже безуспешно пытался убедить фюрера наступать на Москву. Гитлер настаивал на первоочередном овладении сырьевыми и продовольственными ресурсами Украины.

Гудериан и многие другие германские генералы до конца своих дней были убеждены, что из-за поворота на юг был упущен вполне реальный шанс захватить Москву еще до зимы 41-го года, нанести решающее поражение Красной армии и победоносно закончить войну. Думаю, что в этом их глубокое заблуждение. Конечно, если бы группа армий «Центр»

двинулась на Москву уже в 20-х числах августа, она точно так же, как это случилось в октябре, смогла бы окружить и уничтожить основные силы фронтов Западного направления в районе Вязьмы и Брянска. Однако тогда, выбирая между Киевом и Москвой, Сталин наверняка предпочел бы пожертвовать столицей Украины, чтобы спасти столицу СССР и сердце России. Он перебросил бы под Москву войска с Юго-Западного фронта — это было гораздо быстрее, чем везти дивизии с Дальнего Востока. В итоге немцам так и не удалось бы захватить столицу, а войска Юго-Западного фронта не потеряли бы боеспособность в такой степени, как после киевской катастрофы.

На самом деле для Германии в 41-м году в принципе не существовало шанса на выигрыш ни в войне с Советским Союзом, ни во Второй мировой войне в целом. Строго говоря, Гитлер фактически уже проиграл, если не 1 сентября 1939 года, то двумя днями позже: когда Англия и Франция объявили войну Германии. Именно это событие предопределило как состав враждующих коалиций, так и ход и результат боевых действий. В поддержку Англии рано или поздно должны были выступить США, а если бы Гитлер не напал на Сталина в июне 41-го, то Сталин все равно напал бы на Гитлера в июле того же года.

Для Англии и Америки более слабый в военно-экономическом отношении Сталин не представлял такой серьезной потенциальной угрозы, как Гитлер. Победа Сталина была для них меньшим злом, поэтому англо-американская помощь стала одним из ее решающих факторов. Западные союзники не только отвлекли на себя до 70 процентов германской авиации, почти весь военно-морской флот, а в последний год войны, когда советские людские ресурсы были уже сильно истощены, — до 40 процентов сухопутных сил вермахта. Ничуть не меньшее значение имели поставки по ленд-лизу. В 1963 году их высоко оценивал и сам Жуков в приватном разговоре, ставшем достоянием «слушачей» из КГБ: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки,

пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии». О том же говорил маршал в беседе с Симоновым: «Мы... к началу войны так и не имели необходимого нам количества высокооктанового бензина для поступающих на наше вооружение современных самолетов, таких, как МИГи... Нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией.

Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев... Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не смогли бы выпускать такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских «студебеккеров» нам не на чем было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтной транспорт. Выпуск специальных сталей, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок».

Без ленд-лиза СССР не смог бы выпустить необходимое количество танков и самолетов и вести затяжную войну.

Весь август Жуков бросал войска Резервного фронта в наступление на Ельню. Последняя атака началась 30-го числа. Ценой больших потерь к 7 сентября войска Резервного фронта вытеснили противника с Ельнинского выступа. В приказе, датированном этим днем, Жуков писал: «Главное командование немецкой армии придавало очень большое значение району Ельня, как очень выгодной позиции для дальнейшего наступления. Фашистское командование стремилось любой ценой удержать в своих руках район Ельня, не жалея для этого жизни тысяч своих солдат и офицеров. В районе Ельня нашей пехотой, артиллерией, танками и авиацией разгромлены 137, 78, 298, 15 и 17-я пехотные дивизии. Некоторые из этих дивизий полностью истреблены и нашли себе могилу на поле сражения. За время боев в районе Ельня нашими войсками

разгромлено в общем около восьми отборных дивизий, в том числе одна дивизия СС, противник потерял не менее 75—80 тысяч человек убитыми и ранеными».

В этом приказе, как и в большинстве советских приказов тех лет, характеристики, данные немецким войскам, в большей степени относятся к Красной армии. Именно войска Жукова штурмовали Ельнинский выступ, «не жалея тысяч жизней своих солдат и офицеров».

Вероятнее всего, указанные Жуковым потери немцев в 75—80 тысяч человек в действительности соответствуют потерям войск Резервного фронта. Реальные же немецкие потери были значительно меньше. Ни одна из перечисленных в жуковском приказе дивизий вермахта на самом деле не была разгромлена ни в 41-м, ни в 42-м годах. Согласно текущим донесениям, отраженным в дневнике Гальдера, германские сухопутные войска на Восточном фронте в период с 13 августа по 10 сентября 1941 года потеряли меньше, чем исчислял Жуков: неприятельских потерь под одной только Ельней — всего 69 587 солдат и офицеров, в том числе убитыми и пропавшими без вести лишь 17 397 человек. Войска Резервного фронта не могли нанести противнику больших потерь. 5 сентября 1941 года Гальдер с удовлетворением отметил: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Нам никогда не удастся даже приблизительно установить, каковы были потери войск Жукова под Ельней. Можно оценить общие безвозвратные потери Красной армии за Великую Отечественную войну и то с большим трудом и не слишком точно. Из всех советских полководцев Жуков внес в это наибольший вклад. Он командовал фронтами или координировал их действия в крупнейших стратегических операциях. Его войска, как правило, получали наиболее ответственные задачи, они превосходили по численности другие фронты, получали больше пополнений и, очевидно, должны были нести наибольшие потери.

Определить, сколько Красная армия потеряла в войну убитыми на поле боя, а также умершими от ран, болезней, несчастных случаев, в плену и по другим причинам, чрезвычайно сложно. Учет же безвозвратных потерь (погибшими и пленными) — задача исключительно трудная для любой армии мира. Во Второй мировой войне счет убитых шел на сотни тысяч и миллионы, ежедневно гибли тысячи и тысячи солдат и офицеров. Командиры, не успев сообщить по инстанциям обо всех убитых и пропавших без вести, часто сами погибали или оказывались среди раненых. Не все донесения о потерях доходили до высших штабов, не все учитывались в итоговых сводках. Чем выше были потери, тем менее точно определялся их уровень. В Красной армии учет безвозвратных потерь представлял особенно неблагоприятную картину. Она потеряла солдат и офицеров больше, чем все армии Второй мировой войны, вместе взятые. В сталинской системе человек был винтиком, жизнь которого не стоила практически ничего. На декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 году заместитель наркома обороны маршал Кулик пренебрежительно заметил: «Я слушал выступления политработников и несколько их не понял. В своих выступлениях они останавливались на отдельных случаях недисциплинированности или перегибов в применении дисциплинарных прав. Такой-то — выпил, а такой-то — ударил ломом по голове, такой-то — пристрелил. Из их выступлений можно было понять, что если бы не было нового Дисциплинарного устава с его статьей, разрешающей командиру применять силу и оружие, то не было бы никаких перегибов... Нам дан новый устав, новые установки, и мы должны не агитировать друг друга, а конкретнее перестраивать нашу работу так, как требует ЦК партии, как требует народный комиссар. Есть пословица: там, где лес рубят, там щепки летят. Но надо, чтобы щепок было поменьше. Плакать над тем, что где-то кого-то пристрелили, не стоит». Григорий Иванович не знал, что очень скоро сам превратится в одну из щепок и будет расстрелян.

В начале войны рядовые красноармейцы не имели ни удостоверений личности, ни именных медальонов. Это, кстати сказать, облегчало работу неприятельским лазутчикам. Им достаточно было раздобыть красноармейскую форму и знать

номер хотя бы одной из расположенных на данном участке частей, чтобы спокойно вести разведку в прифронтовой полосе. 15 марта 1941 года, в преддверии готовившегося нападения на Германию, приказом наркома обороны было введено в действие Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время. Оно предписывало к 1 мая 41-го «снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени, а штабы военных округов — бланками извещений и форм именных списков». После каждого боя командир подразделения или части обязан был проверить личный состав и немедленно донести вышестоящему начальнику о безвозвратных потерях. В штабах полков персональный учет потерь должен был производиться «по именованным спискам персональных потерь в подразделениях, входящих в состав полка... и на основании поверки личного состава некоторых подразделений на выборку». Далее списки направлялись по команде вплоть до Управления по укомплектованию войск, которое должно было «вести персональный учет потерь Красной армии за отдельные части и соединения (дивизия, бригада, корпус, армия, фронт) и справочную картотеку потерь личного состава Красной армии во время боевых действий».

На бумаге все выходило гладко. В жизни же стройной и бесперебойно действующей системы учета безвозвратных потерь создать так и не удалось. Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 года, однако еще в начале 42-го далеко не все красноармейцы их получили. К тому времени многие бойцы и командиры не были снабжены и медальонами со сведениями о военнослужащих. Например, соответствующий приказ до войск Южного фронта был доведен только в декабре 41-го. А 17 ноября 1942 года новым приказом наркома обороны эти медальоны были вообще отменены. Приказ был издан потому, что на многих бойцов и командиров сам вид медальонов действовал угнетающе, заставлял думать о близкой смерти. Нередко красноармейцы даже отказывались их брать. В результате учет безвозвратных потерь еще больше запутался. Командирам подразделений разрешили предоставлять донесения о потерях с указанием только общего числа, а не имен убитых, раненых и пропавших без ве-

сти. Стало гораздо проще занижать цифры потерь, особенно безвозвратных, в чем командиры были кровно заинтересованы. Ведь чем меньше потери, тем лучше подразделение воюет. Главное же, чем меньше были потери в донесениях, тем «на бумаге» больше людей оставалось в строю, а на «мертвые души» можно было исправно получать продовольственные пайки и распределять их среди оставшихся в живых.

Ответственный секретарь «Нового мира» во времена Твардовского Игорь Александрович Сац в годы войны командовал ротой разведчиков. Кстати, его, знавшего польский язык, взяли в Войско польское, где Сац считался как бы поляком. После войны он рассказывал критику Владимиру Лакшину, как именно составлялись донесения о численности личного состава роты: «Можно поехать в Подольский архив и там найти три моих донесения, помеченных одним и тем же числом. В одном я пишу, что в моей разведроте 38 активных штыков, в другом — 65, а в третьем — 93. Как так? А просто в первом случае меня запрашивали, не могу ли я передать в другую роту часть своего личного состава. Не могу, у меня всего 38 бойцов. Во втором требовалась справка на обмундирование и боевое снаряжение — тут точно 65, ни больше ни меньше. В третьем же случае выдавалось пищевое довольствие — его бы хорошо получить на 93-х — разведчика надо кормить. А военный историк пусть выбирает цифру, какая ему нравится». Причем манипуляции происходили чаще с безвозвратными потерями, поскольку раненых учитывали еще и санитарные учреждения и здесь простора для командирских фантазий было поменьше.

В руководстве Наркомата обороны несколько не заблуждались насчет полноты учета безвозвратных потерь. В приказе от 12 апреля 1942 года заместитель наркома обороны Е. А. Щаденко, ведавший кадрами, отмечал: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состо-

ит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины». К концу войны положение не улучшилось. За два месяца до победы в приказе наркома обороны от 7 марта 1945 года указывалось, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь. На практике ни Жуков, ни другие советские военачальники не знали, сколько в действительности в данный момент личного состава в подчиненных им войсках и какие они понесли потери.

Лишь в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» Министерство обороны России наконец опубликовало официальные данные о безвозвратных потерях Красной армии в Великой Отечественной войне. Они оказались равны 8 668 400 человек убитых и умерших от ран, болезней, несчастных случаев, в плену, покончивших с собой или расстрелянных по приговорам трибуналов. Однако невооруженным глазом видно, что эта цифра очень далека от действительности. В тех немногих случаях, когда данные о потерях в отдельных операциях, приведенные в книге «Гриф секретности снят», поддаются проверке, выявляется их полная несостоятельность. Так, 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта, которыми командовал Рокоссовский, насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения по 11 июля включительно потеряли 15 336 человек убитых и пропавших без вести и 18 561 человек раненых и больных. К моменту перехода Красной армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады. Танковая бригада тогда насчитывала 1300 человек, стрелковая — от 1500 до 3000 человек. С учетом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать не менее чем 700 тысячами человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были примерно на 55 тысяч больше, чем

утверждает официальная статистика. Не могло же сразу такое количество людей дезертировать или просто исчезнуть неведомо куда, да еще в условиях ожесточенных боев!

Ясно, что официальными данными для определения подлинного размера безвозвратных потерь Красной армии в Великой Отечественной войне пользоваться нельзя. Нужно пойти другим путем. В 1993 году Д. А. Волкогонов опубликовал сведения о безвозвратных потерях советских вооруженных сил в 1942 году с разбивкой по месяцам. Всего они составили 5888 человек (по сравнению с 3258 в книге «Гриф секретности снят»). Между числом убитых и раненых существует почти прямо пропорциональная зависимость. Сколько именно было раненых в Красной армии во время войны, точно не известно до сих пор. Однако в книге Е. И. Смирнова «Война и военная медицина» приведен график помесечных потерь ранеными с июля 41-го по апрель 45-го (в процентах к среднемесячной величине).

Отмечу, что даже данные Волкогонова существенно занижают величину безвозвратных потерь. Так, в мае безвозвратные потери составили всего 422 тысячи человек и даже уменьшились по сравнению с апрелем на 13 тысяч. Однако как раз в мае немцы взяли около 150 тысяч пленных на Керченском полуострове и около 240 тысяч — в районе Харькова. Значит, необходимо выбрать такой месяц, когда убитые были учтены наиболее полно и не было больших потерь пленными. По ряду соображений я остановился на ноябре, когда безвозвратные потери достигли 413 тысяч человек, а число раненых составило 83 процента от среднемесячного уровня за войну в целом. Если распространить эту пропорцию на весь военный период, то общее число погибших можно очень грубо оценить в 23,3 миллиона человек. Из этого числа надо вычесть 940 тысяч окруженцев, числившихся пропавшими без вести, но после освобождения оккупированных территорий вновь призванных в армию. Останется около 22,4 миллиона погибших в бою, умерших от ран, болезней и иных причин. К этому числу надо еще прибавить умерших в плену.

По послевоенным немецким данным, вермахт на Восточном фронте захватил в плен 5754 тысячи военнопленных. По тем же данным, число пленных 41-го года определено в 3355 тысяч че-

ловек. Между тем в других немецких документах отмечается, что тогда было взято в плен 3,8–3,9 миллиона человек. С учетом этого общее число советских пленных можно оценить в 6,3 миллиона человек. Из них около 1,8 миллиона человек были освобождены Красной армией или, сражаясь в рядах вермахта, вновь попали в плен, но уже в советский. 250 тысяч человек, а может быть, и больше после окончания войны предпочли остаться на Западе. Какому-то количеству военнопленных удалось бежать из лагерей еще до окончания войны. Всего, по моей оценке, в плену погибло около 4 миллионов бойцов и командиров Красной армии, главным образом, в суровую зиму 41-го, когда их почти не кормили и держали в лагерях едва ли не в открытом поле. Хотя как-то заботиться о выживании пленных немцы начали только после окончательного провала блицкрига.

Безвозвратные потери Красной армии в Великой Отечественной войне я оцениваю в 26,4 миллиона человек. Оценка эта, конечно, весьма грубая, с точностью, не превышающей плюс-минус 5 миллионов. Боюсь, однако, что более точной цифры мы уже никогда не получим. Свыше полувека прошло с момента окончания войны. При том несовершенном персональном учете, который был в Красной армии в военные годы, надеяться сегодня поименно установить всех погибших — абсолютная утопия. И даже определить их общее число с большей точностью, например плюс-минус 1 миллион, вряд ли когда-нибудь удастся.

Кроме того, примерно 17 миллионов мирных советских граждан погибли в годы войны в ходе боевых действий, были казнены оккупантами или скончались от голода и лишений. Общие безвозвратные потери населения СССР в период Великой Отечественной войны я оцениваю в 43,3 миллиона человек.

Можно ли попытаться как-нибудь проверить число 26,4 миллиона погибших красноармейцев? В принципе можно. В первой половине 90-х годов поисковыми отрядами в России было обнаружено примерно 5 тысяч трупов советских воинов, которые удалось идентифицировать. Наиболее полный банк данных о военнослужащих, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне, есть в музее на Поклонной горе. Здесь почти 19 миллионов имен. Однако из упомянутых 5 тысяч погибших, чьи имена поисковикам удалось установить,

примерно 30 процентов в банке данных отсутствовали. Если предположить, что 19 миллионов попавших туда военнбслужавших — это примерно 70 процентов всех погибших и пропавших без вести, то их общее число можно оценить в 27,1 миллиона человек. Если вычесть отсюда окруженцев и оставшихся в живых пленных, то общее число погибших составит около 24 миллионов. Однако данная оценка может несколько занижать величину потерь, поскольку основана на данных о тех 5 тысячах погибших, у которых сохранились документы, позволяющие установить личность. У этих людей вероятность попасть в банк данных была существенно выше, чем у остальной массы погибших. Поэтому окончательная оценка по этому методу может оказаться еще ближе к 26,4 миллиона.

Потери среди офицеров в Красной армии считали гораздо точнее, чем среди рядовых. После войны группа сотрудников Главного управления кадров Министерства обороны в течение более чем 7 лет считала безвозвратные потери офицерского состава. К концу 1960 года они были определены в 1028 тысяч человек, в том числе в Сухопутных войсках — в 973 тысячи человек. Безвозвратные потери офицерского состава Сухопутных войск составили в 1941—1944 годах для вермахта на Востоке 65,2 тысячи человек погибшими и пропавшими без вести. Красная армия за тот же период (без ВМФ и ВВС и с исключением политического, административного, медицинского, ветеринарного и юридического состава сухопутных сил, представленного в Германии не офицерами, а чиновниками) потеряла около 754 тысяч офицеров только погибшими и не вернувшимися из плена. Это дает соотношение около 11,6:1. Если сравнить 754 тысяч погибших офицеров с официальными безвозвратными потерями сухопутных сил по книге «Гриф секретности снят», то получится, что на одного погибшего офицера в наземных войсках приходилось немногим больше чем семь солдат. Получается, что в Красной армии всеми отделениями командовали офицеры! Тут уж любой фронтовик подтвердит, что это не так. В германских сухопутных войсках на Востоке на 1 погибшего офицера приходилось 36 рядовых. В действующей же армии Германии на одного офицера приходилось 33 рядовых и чиновников. Вряд ли в Красной армии это соотношение существенно отличалось.

У немцев персональный учет потерь был организован плохо и по точности превосходил численный, анонимный учет. Оценки, основанные на данных персонального (поименного) учета, дают примерно 4 миллиона погибших военнослужащих (из них около 800 тысяч умерло в плену). Конечно, точность здесь тоже отнюдь не абсолютная. В последние полгода войны учет потерь в вермахте разладился, и для этого периода характерны только приблизительные оценки. Но в целом, я думаю, цифра в 4 миллиона недалеко от действительности и ее точность лежит в пределах плюс-минус полмиллиона человек. На Восточном фронте погибло в бою и умерло от ран и болезней около 2,1 миллиона германских солдат, еще примерно полмиллиона скончалось в советском плену. Это примерно в 10 раз меньше, чем число погибших в рядах Красной армии. Интересно, что по данным поисковых отрядов, занимающихся обнаружением и захоронением погибших, соотношение останков военнослужащих Красной армии и вермахта на территории Российской Федерации как раз и составляет 10:1. Если принять во внимание, что часть потерь советских войск относится к боям с союзниками Германии и бывшими советскими гражданами, сражавшимися в рядах вермахта и СС, суммарное соотношение снизится до 8:1, но все равно разница его уровней остается большой. Общее же соотношение потерь, с учетом раненых и пленных, будет несколько благоприятнее для советской стороны. До конца апреля 1945 года Красная армия взяла в плен около 2 миллионов немецких военнослужащих. Раненых с советской стороны было в 3 или в 4 раза больше (по разным оценкам), чем с германской, а соотношение больных было равным.

На советско-германском фронте столкнулись армии двух разных эпох. В вермахте было отлажено взаимодействие между родами войск, обеспечивался высокий уровень подготовки солдат и офицеров, вооружение и боевая техника использовались с максимальным эффектом. Руководство Красной армии стремилось бросить в бой как можно больше людей и техники, оставляя на втором плане вопросы взаимодействия войск и боевой подготовки. Советские войска побеждали за счет огромного численного превосходства в людях и технике, истощая противника непрерывными атаками.

В этих атаках не жалели ни людей, ни технику. На врага бросались тысячи, десятки тысяч танков и самолетов с плохо подготовленными экипажами. Между тем люфтваффе до самого конца сохраняли высокие стандарты в подготовке пилотов, а прежде чем пускать в бой танкистов, их основательно гоняли на полигонах, даже в конце войны.

Из-за чудовищно высоких потерь в Красной армии почти не оставалось опытных солдат, которые могли бы помочь новобранцам освоиться в боевой обстановке. Да что солдат, командиры взводов и рот недолго оставались в строю, очень скоро получая ранение или погибая. Пополнения бросались в бой необученными, а часто и невооруженными. Для того чтобы воевать не числом, а умением, нужны были независимо мыслящие личности как среди солдат, так и среди генералов. А такие люди представляли потенциальную угрозу существованию советской тоталитарной системы. Они были обречены либо на гибель, либо на то, чтобы постоянно прятать свое «я», подчиняясь диктуемым сверху правилам игры. Жуков был, безусловно, человеком не робкого десятка, мыслящим самостоятельно (хотя и не критически), способным к нестандартным решениям (вспомним хотя бы атаку танков без поддержки пехоты у Баин-Цагана). Но в целом его менталитет был советским. Георгий Константинович искренне верил, что можно сегодня не считаться с жертвами среди подчиненных, иначе завтра противник сумеет нанести еще большие потери. И верил, что, во всяком случае, враги несут потери не меньше, чем Красная армия.

Ельнинская операция, несмотря на то что не удалось окружить и уничтожить немецкие войска, стала первой успешной наступательной операцией Красной армии в масштабе фронта. Однако в оперативно-стратегическом отношении это наступление принесло не пользу, а вред. Пока Жуков штурмовал Ельню, танки Гудериана громили войска Центрального и Юго-Западного фронтов. Вероятно, несколько дивизий Резервного фронта смогли хотя бы замедлить продвижение 2-й танковой группы и дать больше шансов на спасение армиям Кирпоноса. Для немцев выступ у Ельни в тот момент был второстепенным направлением, и удерживать его любой ценой они не стали. Данное обстоятельство, безусловно, уп-

росло задачу Жукова. Но меньше чем через месяц, когда вермахт начал генеральное наступление на Москву, то спокойно обошелся без ельнинского плацдарма.

После Ельни Сталин стал рассматривать Жукова как пожарного, способного справиться с любой огненной стихией на фронте. Группа армий «Север» приблизилась к Ленинграду и, захватив станцию Мга, отрезала город от Москвы. 8 сентября, вечером того дня, когда немцы захватили Шлиссельбург и замкнули кольцо блокады, Жуков был у Сталина на квартире. Сталин сказал: «Езжайте под Ленинград. Город почти в безнадежном состоянии. Немцы, взяв Ленинград и соединившись с финнами, могут ударить в обход с северо-востока на Москву, и тогда обстановка осложнится еще больше». И добавил: «Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом».

Жуков вылетел в Ленинград 9 сентября. На следующий день он вступил в командование войсками Ленинградского фронта. Он не знал, что еще 6 сентября Гитлер отдал директиву № 35, объявляющую Ленинград «второстепенным театром военных действий». Командующий группой армий «Север» фельдмаршал риттер Вильгельм фон Лееб должен был ограничиться блокадой города и не позднее 15 сентября передать группе армий «Центр» обе танковые группы и значительную часть авиации для предстоящего генерального наступления на Москву. Штурм Ленинграда не обошелся бы без больших жертв и требовал значительного времени, которого у Гитлера в преддверии зимы уже не было. Он решил направить силы на захват главной стратегической цели — Москвы. Правда, 12 сентября фюрер издал новую директиву, в развитие предыдущей, где указывалось, что «авиационные и танковые силы не должны перебрасываться до установления полной блокады. Поэтому определенная директивой № 35 дата переброски может быть отложена на несколько дней» (фактически — лишь до 17 сентября). Ранее этого срока все равно не было возможности начать переброску на московское направление соединений группы «Центр», задействованных на Украине. Ленинградскому фронту оставалось продержаться всего несколько дней, после чего натиск неприятеля, захватившего пригороды северной столицы, неизбежно должен был ослабеть.

Жуков же полагал, что главной целью группы армий «Север» по-прежнему остается захват города. Он сосредоточил основные силы для отражения немецкого наступления в районе Пулковских высот. 17 сентября, в день, когда немцы вывели из сражения за Ленинград основные силы 3-й и 4-й танковых групп и 8-й авиационный корпус, появился грозный жуковский приказ: «Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу». По свидетельству маршала А. Е. Голованова, Жуков сам проводил в жизнь этот приказ — заставлял пулеметчиков стрелять по отходящим батальонам.

Лееб продолжал наступление на ближних подступах к Ленинграду, теперь уже только с целью отвлечь побольше сил Ленинградского фронта с Любаньского направления, навстречу которым с целью прорыва блокады наступала 54-я армия маршала Кулика. Жуков же полагал, что враг все еще стремится овладеть городом, и концентрировал основные силы на обороне ближних подступов, а не на прорыве. Даже когда после 16 сентября под Ленинградом перестали действовать танковые соединения и резко упала активность люфтваффе, Георгий Константинович продолжал контратаковать в районе Пулково, а не у Невской Дубровки, навстречу 54-й армии. И торопил командующего 54-й армией маршала Кулика с наступлением, чтобы прорвать кольцо блокады. Но наступление, начатое без достаточной подготовки, оказалось неудачным. Мало толку было и в том, что Жуков торопливо бросал в бой необученных и плохо вооруженных рабочих и моряков, не обеспечив на месте взаимодействия с артиллерией и авиацией. Так, уже в начале октября полегли все 498 бойцов отряда кронштадтских моряков во главе с полковником А. Т. Ворожиловым и комиссаром А. В. Петрухиным, высадившиеся в Новом Петергофе с одними только винтовками и гранатами. Правильным решением в сложившейся ситуации было бы бросить основные силы Ленинградского фронта навстречу Кулику, а не истощать их в мало результативных контрודה-

рах на подступах к городу. Даже если бы немцы смогли в результате выйти к окраинам Ленинграда, для захвата города, для тяжелых уличных боев у них не было сил. А после прорыва блокады можно было не только восстановить положение в ленинградских пригородах, но и оттеснить противника от города. Однако Жуков продолжал верить, что группа армий «Север» пытается захватить Ленинград, хотя не мог не заметить, что у противника под Ленинградом уже нет танков и стало гораздо меньше самолетов.

30 сентября войска группы армий «Центр» атаковали соединения Брянского фронта, а 2 октября ударили по Западному и Резервному фронтам. У немцев было 1 миллион человек личного состава, 1720 танков и штурмовых орудий, более 14 тысяч орудий и минометов и около 930 самолетов. Советская сторона имела 1 миллион 250 тысяч человек, не менее 1242 танков, 9150 орудий и минометов и 677 самолетов, не считая авиации ПВО Москвы. С учетом последней силы в воздухе были примерно равны.

Брянским фронтом командовал Еременко, Западным — Конев, Резервным — Буденный. Координацию их действий на месте никто не осуществлял. Кроме того, немецкие дивизии обладали большей мобильностью. На направлении главных ударов германское командование смогло создать достаточное для прорыва превосходство в силах и средствах. Вот как описал немецкое наступление Конев: «Приходится сожалеть, что и до начала наступления противника, и в ходе его Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов... Две армии Резервного фронта (24-я и 43-я) располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями... В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я) находились на полосе Западного фронта (на тыловом оборонительном рубеже. — Б. С.), нам не подчинялись...

Ценой огромных потерь противнику удалось прорвать наш фронт и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10—15 километров... С утра 3 октября по моему распоряжению силами 30-й, 19-й армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием моего заместителя генерала И. В. Болдина... был нанесен контрудар

с целью остановить прорвавшегося противника и восстановить положение. Однако ввод фронтовых резервов и удары армейских резервов положения не изменили. Наши контрудары успеха не имели. Противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар... Он овладел Холм-Жирковским, устремился к Днепру и вышел в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. В результате обозначился прорыв к Вязьме с севера.

Второй удар противник нанес на Спас-Деменском направлении против левого крыла Резервного фронта. Войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения наших 43-й и 33-й армий, 4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. Прорыв противника в этом направлении создал исключительно трудную обстановку и для 24-й и 43-й армий Резервного фронта, и для Западного фронта. Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского.

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался по «бодо» с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта. Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало. Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск

на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий».

В этот же день, 5 октября, когда Ставка согласилась с запоздалым отходом войск Западного фронта, Сталин позвонил Жукову в Ленинград: «У меня к вам только один вопрос: не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву. Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться о необходимых мерах». Жуков попросил разрешения вылететь на рассвете 6 октября. Тем временем Конев получил директиву в ночь с 5-го на 6-е начать отход на линию Осташков — Селижарово — Оленино — Булашево и далее вдоль восточного берега Днепра до Дорогобужа и Ведерников. Конев отмечал, что той же директивой «Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве второго эшелона...

Выполняя приказ, войска фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, не имея сильного нажима наступающего противника с фронта, прикрывая свои фланги, начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял себе все трудности его выполнения... Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление (ни того ни другого в наличии не было. — Б. С.). На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне (имеются в виду «Севастопольские рассказы». — Б. С.) он писал, что «необученные войска не способны отступать, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко поплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта... имели только конную тягу, то оторваться от противника войска были не в силах, так как превосходство в подвижности было на стороне врага.

7 октября 1941 года танковые и моторизованные корпуса противника подошли к Вязьме: 56-й с Северного направления — от Холм-Жирковского, а 46-й и 40-й с Южного направления — от Спас-Деменска.

В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигавшиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода. Вследствие этого к 7 октября в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина. Соединения 30-й армии, понеся тяжелые потери, так как они приняли на себя основную силу удара превосходящих сил противника, отдельными группами отходили к востоку через леса, западнее Волоколамска. 8 октября я отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска...

Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма — Москва, не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось. В маневренной войне такая форма борьбы не является исключением, ее не исключает и современное военное искусство».

Ошибкой Конева было то, что он отказался от попытки собрать окруженные войска в один кулак и, создав мощную ударную группировку при поддержке оставшихся на ходу танков и всей находящейся под рукой авиации, с привлечением

сил ПВО Москвы, попытаться на узком фронте разорвать еще неплотное кольцо окружения. Вместо этого получились удары растопыренными пальцами. 19-й и 32-й армии было приказано пробиваться, в зависимости от обстановки, либо на Сычевку, либо на Гжатск, а 20-й армии, как сообщает Конев, «было дано указание пробиваться в Юго-Западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы». На практике «активная борьба» и «маневрирование» оказавшихся в котле советских армий привели к тому, что они оказались под ударом основных сил группы «Центр» и были уничтожены. Из окружения не вышел почти никто.

Когда в 1966 году готовился сборник воспоминаний о битве под Москвой, Жуков, ознакомившись со статьей Конева, высказал ряд замечаний. Георгий Константинович справедливо указал на то, что Иван Степанович напрасно не включает в число окруженных 16-ю армию. Ведь вне кольца оказалась только ее штаб во главе с Рокоссовским. Жуков не согласился и с мнением Конева, что «во всем виновата Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт». Жуков утверждал, что «соотношение сил давало возможности вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае, избежать окружения и полного разгрома...». Между тем вина Ставки и Генштаба в поражении действительно была немалой. Они не только не организовали координации действий трех фронтов, но и на сутки задержали разрешение на отход войск Западного фронта. А ведь за эти сутки часть соединений, десятки тысяч бойцов и командиров, смогли бы, возможно, избежать окружения. Хотя ошибки Конева, Буденного и Еременко тоже сыграли в поражении под Вязьмой и Брянском весьма существенную роль. Жуков в письме в Воениздат от 15 августа 1966 года справедливо критиковал Конева за содержащиеся в рукописи статьи слова: «Бежать было некуда — сзади Москва»: «Как известно, сражение методом бегства не ведется (этому замечанию нельзя отказать в остроумии. — Б. С.). И тогда, когда назревает тяжелая обстановка (угроза окружения), опытный полководец должен отвести войска на тыловой рубеж, где вновь оказать врагу организованное сопротивление». Конев писал, что «прорыв

противника на участке Резервного фронта дал возможность врагу выйти глубоко в тыл Западного фронта». Жуков резонно возражал: «Такую же претензию мог бы предъявить Коневу и Буденный. А что касается резервов на этом направлении — это вина Конева, не меньшая, чем Буденного. Оба они не предусмотрели расположения резервов на угрожаемых участках».

Еще раз подчеркну, что разрешение Ставки и Генштаба на отход войск Западного фронта было дано слишком поздно. За эти сутки значительная часть соединений попала в окружение. Мало того, действия трех фронтов не были скоординированы. На левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова возникли осложнения из-за ошибки командования. Ввиду этого Г. К. Жуков вылетел в Москву на рассвете 6 октября

Тогда же, 6 октября, появилась директива за подписью Шапошникова (она отмечена и в жуковском дневнике), гласившая: «Распоряжением Ставки Верховного главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии тов. Жуков в качестве представителя Ставки. Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронта и по вопросам управления, обязательны для выполнения».

А на Западном фронте еще с 5 октября находился целый коллектив высоких чинов ГКО, Ставки и Генштаба. Вот что вспоминал Василевский, бывший тогда заместителем Шапошникова: «Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К. Е. Ворошилова и В.М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я... 5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с Ржевского, Сычевского и Вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий». Решение о посылке Молотова и Ворошилова на Западный фронт было принято

в ночь на 5 октября. Очевидно, тогда же Сталин наметил Жукова в качестве представителя Ставки для Резервного фронта, но выбраться из осажденного Ленинграда Георгий Константинович смог лишь утром 6-го (ночной полет был связан со слишком большим риском).

Из Москвы Жуков отправился на поиски штаба Буденного. В первой редакции «Воспоминаний и размышлений» о них рассказано так:

«Подъезжая на рассвете к полустанку Обнинское (105 километров от Москвы), увидел двух связистов, тянувших кабель со стороны моста через реку Протва, я спросил:

— Куда тянете, ребята, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — ответил простуженным голосом солдат громадного роста с густо заросшей бородой. Пришлось назвать себя и сказать, что я ищу штаб Резервного фронта и С. М. Буденного.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, мы вас в лицо не знаем, так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он два часа тому назад прибыл и остановился в домиках в лесу на горе, налево за мостом. Там охрана вам покажет куда ехать.

— Ну, спасибо, друг, выручил, а то пришлось бы долго разыскивать, — ответил я солдату.

Развернувшись обратно, через 10 минут я был в комнате Мехлиса, у которого находился начальник штаба фронта генерал Боголюбов. Мехлис говорил с кем-то по телефону и кого-то распекал.

На вопрос: «Где командующий?» — начальник штаба фронта Боголюбов ответил:

— Неизвестно. Днем он был в сорок третьей армии. Боюсь, чего бы плохого не случилось с Семеном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров, но офицеры еще не вернулись.

— Что известно из обстановки? — спросил я генерала Боголюбова.

Мехлис, обращаясь ко мне, спросил:

— А вы с какими задачами к нам?

— Приехал к вам по поручению Верховного разобраться в обстановке, — ответил я.

Мехлис:

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговора с Боголюбовым я ничего не узнал о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал через Малоярославец, Медынь в сторону Юхнова, имея в виду, что там на месте скорее выясню обстановку.

Проезжая Протву, разъезд Обнинское, я невольно вспомнил свое детство и юность. С этого разъезда меня, 12-летнего парнишку, отправляла мать к дальним своим родственникам в Москву — в ученье скорняжному делу. Будучи уже мастером, после 4-летнего обучения в мальчиках, я часто приезжал из Москвы в деревню к своим родителям, к друзьям детства и знакомым девушкам.

Всю эту местность, где развернулись события, я знал хорошо, так как в юные годы она была вдоль и поперек исхожена мной. В 10 километрах от Обнинского, где сейчас остановился штаб Резервного фронта, моя деревня Стрелковка Угодско-Заводского района, а там еще находится моя мать, моя сестра и ее четверо детей. Невольно возник вопрос: а что будет с ними, если туда придут фашисты? Как поступят они с матерью, сестрой и племянниками командующего фронтом? Конечно, расстреляют или сожгут живыми. Видимо, надо послать адъютанта вывезти их из деревни в Москву, которую мы будем защищать до последнего вздоха, но врагу не сдадим, нет, не сдадим!

Проехав до центра города Малоярославец, я не встретил ни одной живой души. Не то люди еще спали, не то уже бежали дальше в тыл страны. В центре, около здания райисполкома, увидел две легковые машины типа «виллис».

— Чьи это машины? — спросил я у спавшего шофера.

Шофер, проснувшись и часто заморгав, ответил:

— Это машина Семена Михайловича, товарищ генерал армии.

— Где Семен Михайлович?

— Отдыхает в помещении райисполкома.

— Давно вы здесь? — спросил я у шофера, который окончательно проснулся.

— Часа три стоим, не знаем, куда нам ехать.

Войдя в райисполком, я увидел дремлющего С. М. Буденного, видимо более двух-трех суток не брившегося и осунувшегося.

С Семеном Михайловичем мы тепло поздоровались. Было видно, что он многое пережил в эти трагические дни.

— Ты откуда? — спросил Буденный.

— От Конева, — ответил я.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи... Вот сижу здесь и не знаю, где мой штаб.

Я поспешил порадовать Семена Михайловича:

— Не волнуйся, твой штаб на сто пятом километре от Москвы, в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протва. Там тебя ждут. Я только что разговаривал с Мехлисом и Боголюбовым. У Конева дела очень плохи. У него большая часть фронта попала в окружение, и хуже всего то, что пути на Москву стали для противника почти ничем не прикрыты.

Буденный:

— У нас не лучше. Двадцать четвертая и тридцать вторая армии разбиты, и фронта обороны не существует. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы вчера шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, с целью обхода с востока.

— В чьих руках Юхнов? — спросил я Семена Михайловича.

— Сейчас не знаю, — ответил Буденный. — Вчера там было до двух пехотных полков народных ополченцев тридцать третьей армии, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, — сказал Семен Михайлович, — кроме трех милиционеров в Медыни никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семену Михайловичу, — разберись с обстановкой и доложи в Ставку о положении дел на фронте, а я поеду в район Юхнов. Доложи Сталину о нашей встрече и скажи, что я поехал в Калугу. Надо разобраться, что там происходит».

По дороге Жуков наткнулся на 17-ю танковую бригаду, которой командовал его соратник по Халхин-Голу И. И. Троицкий. От него Георгий Константинович узнал, что Юхнов занят немцами. Жуков порекомендовал комбригу связаться с Буденным и двинуть бригаду на защиту Медыни. Дальше, по словам Жукова, события развивались следующим образом:

«В районе Калуги меня догнал на машине офицер штаба Резервного фронта и вручил телефонограмму начгенштаба Шапошникова, в которой было сказано: «Верховный главнокомандующий приказал Вам немедленно прибыть в штаб Западного фронта. Вы назначаетесь командующим Западным фронтом».

Развернув машину, мы тотчас же поехали в обратном направлении — в штаб Западного фронта. Утром 10 октября я прибыл в штаб Западного фронта, который теперь располагался в 3–4 километрах северо-западнее Можайска.

В штабе работала комиссия Государственного комитета обороны в составе Молотова, Ворошилова, Василевского, разбираясь в причинах катастрофы войск Западного фронта. Я не знаю, что докладывала комиссия Государственному комитету обороны... Во время комиссии ГКО и моего разговора с ней вошел Булганин и сказал, обращаясь ко мне: «Только что звонил Сталин и сказал: как только придешь в штаб, чтобы немедля ему позвонил».

Я позвонил, по телефону ответил лично Сталин:

— Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности, — ответил я Верховному.

Сталин:

— А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на Калининском направлении. Это направление слишком удалено, и мне нужно иметь там вспомогательные управления, — доложил я Верховному.

Сталин:

— Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, Можайской линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии обороны. Берите скорее все в свои руки и действуйте.

— Хорошо. Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара немцев на Москву».

В более позднем варианте воспоминаний, сохранившемся в архиве Жукова, Георгий Константинович прямо спасает Ивана Степановича от суровой сталинской расправы: «Меня вызвали к телефону. Звонил Сталин:

— Ставка решила освободить Конева с поста командующего и назначить вас командующим Западным фронтом. Вы не возражаете?

— Какие же могут быть возражения!

— А что будем делать с Коневым? — спросил Сталин.

За разгром противником Западного фронта, которым командовал Конев, Верховный намерен был предать его суду. И лишь мое вмешательство спасло Конева от тяжелой участи. Надо сказать, что до Курской битвы Конев плохо командовал войсками и ГКО неоднократно отстранял его от командования фронтом».

Симонову же сцену спасения Конева Жуков описал еще живописнее: «Сталин был в нервном настроении и в страшном гневе. Говоря со мной, он в самых сильных выражениях яростно ругал командовавших Западным и Брянским фронтами Конева и Еременко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командовавшего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь. И что это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот рас-

стреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя представляет Павлов, что у него полнокровие командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится.

Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Конева? Что он, ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому фронту. Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом».

Главным для Жукова было показать себя спасителем Конева от почти верного расстрела. Тем самым он еще раз укорял Ивана Степановича: я тебя от смерти спас, а ты мне чем отплатил в 57-м?

Чувства, двигавшие Георгием Константиновичем, понять можно. Но в действительности все происходило иначе. Вот что сообщает Конев: «Во время смены командного пункта фронта в ночь на 6 октября мы с членом Военного совета фронта Булганиным прибыли в район Гжатска и первым делом решили встретиться с командующим Резервным фронтом маршалом Буденным. Командный пункт Резервного фронта размещался в блиндажах в лесу восточнее Гжатска. Однако Буденный находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике под прикрытием танка КВ. Мы прибыли к нему в штаб, с тем чтобы сообщить о сложившейся обстановке и узнать о мерах, которые принимает командование Резервным фронтом в связи с тяжелым положением, сло-

жившимся на участке 43-й армии. По имевшимся у нас данным, полученным из Генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка, Гжатск должна находиться 49-я армия Резервного фронта. Но, как выяснилось в разговоре с Буденным, 49-я армия к этому времени уже была погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. Таким образом, 49-я армия, находившаяся на Вяземском оборонительном рубеже, за сутки до наступления главных сил группы армий «Центр...» была снята и переброшена на юг. Никаких войск Резервного фронта на рубеже Гжатск, Сычевка не оказалось...

Штаб Западного фронта с разрешения Ставки был переведен в район Красновидово западнее Можайска. На новый командный пункт 10 октября прибыли из Ставки Молотов, Ворошилов, Василевский и другие. По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать немедленного отвода войск, которые дерутся в окружении, на Гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развертывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск, еще до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армии выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к Можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было по меньшей мере ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидово на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли

к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

«Москва, товарищу Сталину.

Просим Ставку принять следующее решение:

В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом...

Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

Принято по «бодо» 15.45. 10.10.41 года».

С этим предложением Ставка согласилась, и тотчас же последовал ее приказ об объединении фронтов (он помечен 17.00 10 октября — вопрос был решен за час с четвертью! — Б. С.). Ночью 12 октября мы донесли в Ставку о том, что я сдал, а Жуков принял командование Западным фронтом».

Никто Конева расстреливать не собирался. Ворошилов, Молотов, Булганин, Конев и Василевский пришли к выводу о необходимости объединить Резервный и Западный фронты и поставить во главе нового фронта Жукова. Он и чином выше, и обладает громкой славой победителя под Ельней и спасителя Ленинграда. Характерно, что Конев ни разу не упоминает о своих встречах с Жуковым в штабе Западного фронта до назначения Георгия Константиновича командующим этим фронтом. Может, здесь сказалась неприязнь Ивана Степановича к своему преемнику? Но Василевского-то в плохом отношении к Георгию Константиновичу не заподозришь. А он в мемуарах свидетельствует: «Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным (членом комиссии и Военного совета Западного фронта. — Б. С.) было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и... генерал-пол-

ковник Конев, согласился с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени... находился в войсках Резервного фронта. Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. В тот же день Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов...»

Здесь Александр Михайлович немного путает события. Решение об объединении фронтов и назначении Жукова было принято практически сразу после получении предложений комиссии, а не на следующий день. Неразумно было тянуть с принятием столь важного решения. И предложение о назначении Жукова исходило от комиссии ГКО и руководства Западного фронта, а не от Сталина. Это доказывают документы. И раз подпись Василевского и других членов комиссии стоит на предложениях, посланных Сталину около четырех вечера 10 октября, значит, они все еще были в штабе Западного фронта, а не уехали утром, как утверждал Василевский.

Все происходило так, как излагает Конев. 10-го числа состоялось решение о назначении Жукова, а вечером следующего дня он фактически приступил к исполнению обязанностей командующего Западным фронтом. И не случайно в предложениях комиссии срок вступления Жукова в командование был указан 18 часов 11 октября, т. е. сутки спустя. Ведь Георгию Константиновичу еще надо было отдать необходимые распоряжения войскам Резервного фронта и свернуть его штаб. Последнее жуковское донесение по Резервному фронту как раз и датировано 11-м числом, равно как и первое донесение в качестве командующего Западным фронтом.

Когда Жуков 11 октября вступил в командование Западным фронтом, положение советских войск было незавидным. Основные силы оставались в окружении, и шансы на их успешный прорыв таяли с каждым днем. Руководство войсками в котле пытался осуществлять командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин. Жуков вспоминал: «В тылу войск противника... все еще героически дрались окруженные войска 19, 16, 20, 24 и 32-й армий и опергруппа Болдина, пытаясь прорваться на соединение с войсками

Красной армии. Но время командованием Западного и Резервного фронтов было упущено (в том числе и самим Георгием Константиновичем, который за 3 дня командования Резервным фронтом не предпринимал никаких попыток организовать прорыв или деблокирующий удар силами уцелевшей 43-й армии. — *Б. С.*), и их попытки прорыва были безуспешны. Командование фронта и Ставка помогали окруженным войскам в их борьбе авиационной бомбежкой противника, сбрасыванием продовольствия и боеприпасов. Но ни фронт, ни Ставка тогда большего ничего не могли сделать для окруженных войск в их тяжелой обстановке. Упорная и героическая борьба окруженной группировки задержала главные силы противника на значительное время, и мы воспользовались им, чтобы лучше подготовить оборону для отражения ожидаемых ударов врага на Москву».

В позднейшем варианте своих мемуаров Георгий Константинович добавил: «Дважды — 10 и 12 октября — были переданы командармам окруженных войск радиogramмы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу Лукину. Мы просили немедленно сообщить план выхода и группировку войск и указать участок, где можно было бы организовать помощь окруженным войскам авиацией фронта. Однако на обе наши радиogramмы ответа не последовало: вероятно, пришли они слишком поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами».

Здесь Георгий Константинович немного уклоняется от истины. 12 октября в ответ на жуковскую радиogramму в Ставку и в штаб Западного фронта поступило отчаянное донесение от Лукина и Болдина: «Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты стремиться буду прорываться к Ершакову (командующему 20-й армией. — *Б. С.*). Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести — уничтожаем». После получения этого донесения Жукову стало ясно, что на существенную помощь окруженных войск в деле обороны Москвы рассчитывать не приходится. 13 октя-

бря он отправил Болдину и Лукину последнюю радиограмму: «Прикажите танкам прорваться по кратчайшему направлению и быстро выйти за свои войска. Наш фронт проходит: Мышкино, Ельня, Ильинское, Калуга. Самое слабое место противника южнее Вязьма, Темкино, Верея. Остальным частям 19 А, 20 А, группе Болдина торопиться выходить вслед за танками. Все, что невозможно вывести, закопать в землю и тщательно замаскировать. Ершаков действует южнее Вязьма». Но ответа на эту радиограмму уже не поступило.

По мнению Конева, «на Можайском рубеже и в окружении под Вязьмой наши войска своим упорным сопротивлением задержали на 8—9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны Московского направления». Также и многие российские и немецкие историки полагают, что задержка с ликвидацией вяземской группировки оказалась для вермахта роковой и не позволила взять Москву. Некоторые германские генералы после войны утверждали, что разумнее было бы отложить ликвидацию котла, а основные силы группы армий «Центр» бросить в наступление на Москву, на пути к которой почти не было советских войск.

Вряд ли подобные предложения были осуществимы на практике. Ведь уже в середине октября продвижение немцев на Московском направлении значительно замедлилось в силу совершенно объективных причин: наступившей осенней распутицы и недостаточного снабжения. Вермахт начал операцию «Барбаросса» всего с трехмесячным запасом горючего. В октябре уже обнаружился его значительный дефицит. В этих условиях окруженная группировка, если бы ее на время оставили в покое, могла наладить управление и организовать прорыв, представлявший для немецких войск большую опасность. Да и только для того, чтобы принять более 660 тысяч пленных, требовалось несколько дивизий. Всего же в разгар боев для ликвидации вяземского и брянского котлов группа армий «Центр» выделила до 28 дивизий — более трети от общего числа соединений. Однако уничтожение окруженных армий заняло небольшой срок — менее двух недель. Уже к 20 октября основные силы Брянского, Западного и Резерв-

ного фронтов оказались в плену, а организованное сопротивление в вяземском котле прекратилось еще 13-го числа. Не случайно Гальдер с удовлетворением отметил в дневнике 9 октября: «Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер» (имелось в виду расчленение окруженных и их уничтожение по частям). В сводке германского командования по итогам Вяземского сражения говорилось о 663 тысячах пленных, 1242 захваченных советских танках и 5412 орудиях.

В октябре 41-го Сталин доверил Жукову защиту Москвы и двигал к столице все войска, которые удавалось снять с других фронтов или подтянуть из внутренних округов. С 7-го числа на Можайскую линию обороны стали перебрасываться 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков. Сюда же отходили уцелевшие войска Западного фронта. Начавшиеся дожди сильно затрудняли передвижение германских танковых частей. Гудериан вспоминал: «Последующие (после 10 октября. — Б. С.) недели прошли в условиях сильной распутицы. Колесные автомашины могли передвигаться только с помощью гусеничных машин... Ввиду отсутствия тросов и других средств, необходимых для сцепления машин, самолетам приходилось сбрасывать для застрывших по дороге связки веревок. Обеспечение снабжением сотен застрывших машин и их личного состава должно было отныне в течение многих недель производиться самолетами. Подготовка к зиме находилась в плачевном состоянии».

Гальдер еще 8 октября записал в дневнике: «В результате неблагоприятной погоды наступление через шоссе Орел — Брянск приостановилось». А 3 ноября, подводя итоги октябрьских боев, начальник Генштаба с сожалением отмечал: «Группа армий «Центр» подтягивает 2-ю армию... на Курск, чтобы в дальнейшем развить наступление на Воронеж. Однако это лишь в теории. На самом же деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечивать подвоз продовольствия... Положение на коммуникациях 4-й армии и танковой группы Гепнера, идущих через Юхнов и Вязьму, сравнительно терпимое, несмотря на невероятные трудности, испытываемые нашими войсками. Зато условия подвоза севернее автостреды

Москва — Минск исключительно трудны, в связи с этим возможность проведения запланированного наступления южнее Московского моря на Клин и Рыбинск представляется сомнительной». В середине октября немецкие мотоциклисты из разведывательных подразделений доходили до окраин Москвы. Однако организовать новое генеральное наступление на советскую столицу вермахт смог только после того, как морозы сковали дороги и сделали их проходимыми для автомашин и другой техники.

Пока танкисты Гудериана ловили сбрасываемые с воздуха веревки, Жуков укреплял оборону. Конечно, распутица сказывалась и на советских войсках. Но они были менее моторизованы, чем немецкие, и оказались в относительном выигрыше. К тому же из-за плохой погоды даже господство в воздухе люфтваффе не имело значения. И наконец, в распоряжении Западного фронта к западу от Москвы была более густая сеть железных дорог, по сравнению с той, которой располагала группа «Центр». Немецкие войска еще смогли занять Калинин, который не удержал назначенный командующим Калининским фронтом Конев. Пали Малоярославец и Калуга. Родная Жукову Стрелковка также была занята немцами, но Георгий Константинович успел вывезти в Москву мать и сестру с семьей. Позднее, при отступлении, немцы сожгли почти всю деревню, в том числе и избы Устиньи Артемьевны и Марии Константиновны. После войны Жуков помог родным отстроиться. Мать же до победы не дожила. Устинья Артемьевна скончалась 9 апреля 1944 года и была похоронена на Новодевичьем кладбище. Георгий Константинович был занят на фронте и приехать на похороны не смог.

Можайскую линию обороны враг преодолел к концу октября. Бездорожье и усилившееся сопротивление советских войск остановили дальнейшее наступление. Жуков любой ценой стремился заставить войска сражаться из последних сил. 13 октября в частях Западного фронта зачитали первый приказ нового командующего:

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат. Наши войска заставили фашистов прекратить предпринятое наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру — наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе малообученный и всякий случайный сброд, пьяниц и дегенератов.

Наступил момент, когда мы должны не только дать отпор фашистской аванюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все, как один, от красноармейца до высшего командира должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву!

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ!»

Положим, Ленинград никто в неделю брать не собирался. Немцы вообще не собирались его брать в обозримом будущем. Но Жуков умело использовал свою славу спасителя северной столицы для того, чтобы убедить бойцов: оборона Москвы закончится столь же успешно.

А насчет последних резервов, брошенных немцами в наступление, Георгий Константинович не ошибся. Вот только до тотальной мобилизации, а тем более до отправки на фронт необученных пополнений, не говоря уж об уголовном сбросе, Германии было еще далеко. Это в Красной армии осенью 41-го тотальная мобилизация уже была реальностью. Власов, командовавший под Москвой вновь сформированной 20-й армией, рассказывал Штрик-Штрикфельдту, как в ноябре, назначая его командующим армией, Сталин прямо заявил: «Я не могу дать вам много солдат, Власов, но порядочно — бывших заключенных. И я даю вам, как и другим моим генералам, полную свободу действий в борьбе с захватчиками. Вы несете и ответственность». Власов был горд возложен-

ной на него миссией. А потом понял, что оказался полностью во власти Сталина. Ведь если он потерпит неудачу, даже не будучи виноват, его всегда можно, по примеру Тухачевского, объявить предателем и расстрелять. Точно так же во власти Сталина ощущал себя Георгий Константинович. И чувствовал себя таким же властителем по отношению к подчиненным.

В жуковском приказе есть очевидное противоречие. Если трусов и паникеров предписано расстреливать на месте, то при чем здесь военный трибунал и прокурор фронта? Расстрел на месте — это как раз расстрел без суда, без расследования обстоятельств и причин происшедшего. Фактически трибунал и прокурор должны были задним числом оформить бессудные расстрелы.

И в следующем приказе, изданном в тот же день, 13 октября, Георгий Константинович, перечисляя укрепленные рубежи для обороны — Волоколамский, Можайский, Малоярославский и Калужский, в конце сделал грозное примечание: «Учитывая особо важное значение укрепрубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа Военного совета фронта и армии подлежат расстрелу».

И здесь очевидная нелепость. Совершенно ясно, что приказ штаба армии в письменном виде никак не может быть доведен в той же форме до каждого командира отделения. Приказ, скорее всего, будет отдан по телефону или по радио и до взводных и ротных командиров дойдет только в устной форме. Так появилось широкое поле для произвола особых отделов и заградительных отрядов, которые могли расстреливать и правого, и виноватого.

Постановление ГКО от 19 октября 1941 года вводило в Москве со следующего дня осадное положение. Оно гласило: «Сим объявляется, что оборона столицы на 100–120 километров западнее Москвы поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову... Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте». И в соответствии с духом этого постановле-

ния Жуков на следующий день требовал от командования 5-й армии «безжалостно расстрелять» тех, кто «самовольно оставили фронт», «не останавливаясь перед полным уничтожением всех бросивших фронт».

Георгий Константинович часто сам участвовал в проведении в жизнь расстрельных приказов такого рода. Мне довелось слышать рассказ ветерана, правда, из вторых рук. Колонна попала в пробку, и командовавший ею майор пошел вперед выяснить, что случилось. Как раз в этот момент на его беду подъехал Жуков: «Где командир?!» Когда через несколько минут майор вернулся, Георгий Константинович без всякого разбирательства приказал своей охране отвести его в кусты и расстрелять, что и было немедленно исполнено. Так ни за что погиб майор, отец двух детей. А сколько всего было расстреляно на глазах Жукова невинных людей, сколько их погубили бездумные исполнители по приказам, им подписанным, и подумать страшно. Хотя лично Георгий Константинович никого не расстреливал — для таких дел имелись охрана и комендантские команды.

Довелось мне слышать и еще более жуткую историю, не знаю, правда это или всёго лишь легенда. Однажды Жуков нагрязнул в медсанбат, возмутился, что раненые лежат на полу, и потребовал, чтобы начальник медсанбата в течение получаса разместила их на койках. Но начальник, женщина, в этот момент делала сложную операцию и физически не могла выполнить приказ. И через полчаса по распоряжению Жукова она была расстреляна.

А вот колоритный случай, в достоверности которого у меня мало сомнений. Его рассказал мне известный историк Корнелий Федорович Шацилло, ныне покойный. В войну Корнелий Федорович служил офицером на флоте, был ранен и в госпитале познакомился с одним офицером штаба армии. Этот офицер рассказал Шацилло сцену, которую сам наблюдал: начальник штаба армии, генерал-лейтенант, стоял навывтяжку, руки по швам, а маршал Жуков охаживал его по физиономии кожаными перчатками. Таким способом Георгий Константинович частенько «воспитывал» подчиненных, в том числе и в генеральских чинах. За что впоследствии удостоился многих нелестных эпитетов. Например, генерал-

полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков, вместе с Чкаловым и Беляковым совершивший легендарный перелет через Северный полюс, в 1985 году на советско-американской конференции, вспоминая фронтовой опыт, наградил своего тезку Георгия Константиновича Жукова кратким, но весьма выразительным определением — «зверюга». Впрочем, о Коневе, с которым тоже довелось вместе служить, Байдуков отзывался не лучше: «Он расстреливал меня дважды в день». В том же духе Главный маршал авиации А. Е. Голованов в беседах с поэтом Феликсом Чуевым отмечал, что Георгий Константинович «старался унижить, раздавить человека». Следует, однако, подчеркнуть, что мордобой в Красной армии был повсеместным явлением и превратился в специфическое «средство руководства». Тот же Голованов рассказывал Чуеву малоприятные вещи и о Коневе: «Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: «Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!» Жуков, к несчастью, подобной широтой натуры не отличался. Он мог и морду набить, и под трибунал отдать, и приказать расстрелять провинившегося на месте. Бывший комендант Большого театра майор госбезопасности А. Т. Рыбин в своей книге «Сталин и Жуков» приводит рассказ Н. Казьмина, офицера госбезопасности, состоявшего в войну при Жукове для особых поручений: «Однажды Жуков приехал к Сталину в особняк на Кировской. Была объявлена воздушная тревога. Подходя к метро «Кировская», он увидел в одном из домов незамаскированное окно. Жуков повернулся ко мне и показал рукой на окно: «Ликвидируйте». Я взял автомат на прицел и разрядил очередь по окну. Освещение мгновенно погасло». Другие генералы и маршалы всю лупили подчиненных кулаками и палками, расстреливали за действительные и мнимые провинности, но вот стрелять по окнам нерадивых обывателей своей охране как будто не приказывали. Георгий Константинович и здесь был «первым среди равных».

Вообще же мордобой в армии поощрял Верховный главнокомандующий. Об этом сохранился колоритный рассказ в мемуарах Хрущева: «Сам Сталин, когда ему докладывал

о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: «А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!» Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось героизмом (хотя, наверное, истинным героизмом следовало бы считать обратный случай: когда подчиненный в ответ на оскорбление бьет морду начальнику; но таких случаев история Красной армии что-то не знает. — Б. С.). И били! Потом уже я узнал, что однажды Еременко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил:

— Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал, командующий. И вы ударили члена Военного совета?!

— Знаете ли, — отвечает, — такая обстановка была.

— Какая бы ни была обстановка, есть и другие средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои.

Он опять объяснил, что сложилась тяжелая обстановка. Надо было срочно прислать снаряды, он приехал по этому вопросу, а член Военного совета сидит и играет в шахматы. Я говорю Еременко:

— Ну, не знаю. Если он играл в шахматы в такое трудное время, это, конечно, нехорошо, но ударить его — не украшение для командующего, да и вообще для человека...

Давал в морду и Буденный (правда, как отмечает Хрущев в другом месте, Семен Михайлович, возможно, в силу природного демократизма, предпочитал отрабатывать удары на солдатах, а не на офицерах или генералах. — Б. С.)... Бил подчиненных и Георгий Захаров. Потом он стал заместителем командующего войсками Сталинградского фронта».

Живо представляешь себе беседу Хрущева с Еременко: «Как же Вы, Андрей Иванович, члена Военного Совета — и по морде?» — «Да сам не пойму, Никита Сергеевич, как вышло... Прихожу, снарядов нет, а он, гад, в шахматы играет! Ну, не сдержался, врезал...» — «Ай-яй-яй, Андрей Иванович, простых генералов в морду, конечно, можно, но члена Военного совета, ответственного партийного работника, бить все же не стоит...» — «Хорошо, Никита Сергеевич, больше не буду».

Все генералы четко знали, кого можно бить, а кого нельзя. Тому же Еременко и в пьяном бреду не могло бы прийти в голову ударить Хрущева, хотя и подчинявшегося ему в качестве члена Военного совета Сталинградского фронта, но, как член Политбюро, стоявшего неизмеримо выше в государственной иерархии. Точно так же Жуков никогда не думал поднимать руку на члена Военного совета Западного фронта Н. А. Булганина, который в гражданской жизни был заместителем председателя Совнаркома и приближенным Сталина.

Сталин не случайно поощрял рукоприкладство среди своих генералов. Иосифу Виссарионовичу нужны были послушные военачальники, способные, когда надо, забыть о собственной гордости. Ведь генерал, способный унижить подчиненного, теряет внутреннее понятие о кодексе чести и сам готов сносить унижения от вышестоящего лица. Сталин терпел только тех, кто знал, до каких пределов можно проявлять независимость. Слишком самостоятельные Верховного не устраивали. Маршал Конев в беседе с Симоновым вспоминал: «Сталин очень любил напаивать тех, кто пришел к нему в гости, а сам пил мало, во всяком случае на людях... Не любил, когда отказывались пить, но если ссылались на здоровье и если он этому верил, знал, что это действительно так, — хотя и морщился, но проявлял известную терпимость, заставлял выпить рюмку перцовки, а потом не настаивал (Иван Степанович-то здесь был в выигрышном положении — из-за язвы желудка много пить не мог. — Б. С.). Угощая перцовкой, любил шутить. Если там присутствовал Ворошилов, говорил: «Вот смотрите, какой цвет лица у Ворошилова. Это потому, что он пьет перцовку, поэтому такой здоровый». Тех, кто поддавался на это, он напаивал. Напаивал и своих ближайших соратников. Видимо, это уже вошло у него в привычку и было частью программы, включавшей для него элемент развлечения». Можно согласиться с мнением Симонова, что здесь был «элемент издевки над людьми, элемент самоощущения своей власти, что он мог сделать с людьми все, мог даже напоить их, невзирая на их возражения». И такой же элемент издевки со стороны Верховного был, когда он поощрял своих полководцев «воспитывать» подчиненных с помощью кула-

ков. Впрочем, они и без напутствия Иосифа Виссарионовича старались вовсю.

Абсолютно невозможно себе представить, чтобы, например, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге съездил по уху нелюбимого им командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Гудериана. Хотя эти военачальники однажды чуть не дошли до дуэли, которую, однако, запретил Гитлер. И так же фантастически выглядит сцена, когда генерал Эйзенхауэр драит генералу Брэдли или Паттону физиономию кожаными перчатками. Ничего подобного не встречалось ни в американской армии, ни в английской, ни в германской. Там даже офицер солдата не мог побить, не то что расстрелять без суда. Тот же Паттон однажды в 1943 году на Сицилии в госпитале сгоряча ударил перчаткой по лицу двух солдат, которых заподозрил в симуляции, так газеты подняли такой шум, что генералу пришлось очень долго извиняться.

Единственный командующий фронтом, кого не коснулись обвинения в грубости с подчиненными, это Рокоссовский. Все мемуаристы характеризуют его как человека вежливого, корректного с подчиненными, хотя и требовательного. Но вот воевал он, вопреки распространенному мнению, точно так же, как Жуков, — очень большой кровью. Константин Константинович с подъемом описывает бригаду штрафников, прибывшую к нему на Брянский фронт летом 42-го: «...К нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различные уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечности их порыва... Бойцы быстро освоились с боевой обстановкой; мы убедились, что им можно доверять серьезные задания. Чаще всего бригаду использовали для разведки боем. Дралась она напористо и заставляла противника раскрывать всю его огневую систему... За доблесть в боях с большинства ее бойцов судимость была снята, а у многих появились на груди ордена и медали». Маршал не уточнил только, что снимали судимость в основном посмертно — шансов уцелеть в советской разведке боем, т. е. в лобовой атаке, почти без всякой артил-

лерийской подготовки, на неподавленную огневую систему противника, практически не было. Рокоссовский, сам не так давно освободившийся из ГУЛАГа, не уточняет, что скрывалось за словами «добровольно шли на фронт». Многих, осужденных по не слишком серьезным статьям, за пресловутые «колоски» или за опоздания на работу и прогулы, досрочно освобождали и отправляли на фронт в штрафные бригады смертников. Да и те, кто шел воевать добровольно, просто спасались от голодной смерти. В войну в лагерях кормили совсем плохо, а работать заставляли интенсивнее, поэтому смертность заключенных возросла более чем вдвое.

Приведу еще два эпизода военной биографии Рокоссовского. Речь пойдет о боях под Москвой в ноябре 41-го, во время последнего наступления вермахта на советскую столицу. Накануне этого наступления, 15-го ноября, Рокоссовский бросил в атаку 58-ю танковую дивизию, только что прибывшую с Дальнего Востока и не успевшую провести разведку местности и расположения противника. Наступать пришлось по болоту, много танков завязло, вышло из строя, остальные были расстреляны с замаскированных артиллерийских позиций. В результате дивизия безвозвратно потеряла 157 танков из 198 и 1731 человек убитыми и ранеными — треть личного состава. Рокоссовский во всем обвинил командира дивизии полковника Котлярова, который, не выдержав, застрелился, оставив предсмертную записку своему заместителю: «Общая дезорганизация и потеря управления. Виновны высшие штабы. Не хочу нести ответственность за блядство. Отходите, Ямуга, за противотанковое препятствие. Спасайте Москву. Впереди без перспектив». В мемуарах Рокоссовский лишь мимоходом упомянул: «Получили мы... 58-ю танковую дивизию почти совсем без боевой техники». Но прибыла-то дивизия с двумя сотнями танков, а вот после своей первой и последней атаки, предпринятой по бездумному приказу командарма, действительно осталась без техники.

Еще трагичнее окончилась атака 17-й и 44-й кавалерийских дивизий, направленная на успевшие окопаться немецкую пехоту и танки. Сохранилось описание этого боя в журнале боевых действий немецкой 4-й танковой группы: «...Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом ши-

роком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот три шеренги всадников двинулись на нас. По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... Вскоре страшное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади... Трудно разобрать, где всадники, где кони... В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов...»

Сразу вспоминается лермонтовское «Бородино»: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой...» В XX веке, веке окопов, скорострельных орудий и пулеметов, эта атака в стиле XIX века не могла не превратиться в жестокое избиение кавалерии, не успевшей нанести значительных потерь засевшей в окопах пехоте. Немцы не верили, что атаку повторят. Но ошиблись. Я опять представлю слово историографу 4-й танковой группы: «И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников. Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь... Однако местность уже пристреляна, и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой». 44-я дивизия погибла почти полностью, а 17-я потеряла три четверти личного состава. Несколько дней спустя, уже на фронте другой армии, 17-я дивизия отошла без приказа, не выдержав натиска противника (а как она могла обороняться после того сокрушительного разгрома?). Командира и комиссара дивизии предали суду. Опять нашлись стрелочники! А ведь опытный кавалерист Рокоссовский хорошо знал, что посылать кавалеристов в атаку в конном строю на открытой местности на укрепившегося противника значит обрекать их на верную гибель.

И Рокоссовский, и Жуков, и другие командующие армиями и фронтами чаще всего придавали суду командиров дивизий, которые обычно и расплачивались за огрехи вышестоящих штабов. И Георгий Константинович, хотя не раз грозил и Рокоссовскому, и другим командармам расстрелом, никого из них в итоге не только не расстрелял, но даже под суд не отдал. Потому что санкцию на смещение и арест генералов такого

уровня мог дать только Сталин. А вот для придания суду комдивов командармам достаточно было санкции командующего фронтом. Иногда Жуков сам приказывал судить того или иного командира. Так, 4 ноября 1941 года появился его приказ войскам Западного фронта, сообщавший, что командир и комиссар 133-й стрелковой дивизии полковник А. Г. Герасимов и бригадный комиссар Г. Ф. Шабалов расстреляны перед строем за отход дивизии без приказа из района Рузы. И сегодня трудно установить, была ли вина несчастных в сдаче города.

Георгий Константинович стремился как можно чаще наносить противнику контрудары. Уже 15 октября он представил в Ставку план уничтожения танковых группировок противника, наступающих на Москву, для чего хотел использовать имеющиеся четыре танковые бригады. Контратаки не удалась, и 19-го числа пришлось подготовить план отхода с Можайского рубежа. Штаб Жукова в деревне Перхушково оказался всего в нескольких километрах от линии фронта, в зоне досягаемости немецкой артиллерии. Он оставался там до конца Московской битвы. Долгое время историки ломали голову, почему Жуков не переместил штаб в более безопасное место. Только в 90-е годы были обнародованы свидетельства, позволяющие разгадать эту загадку. Как утверждал в беседах с Чуевым маршал Голованов, Жуков «прислал генерала Соколовского к Василевскому... чтобы в Генштабе приняли узел связи Западного фронта. Василевский с недоумением позвонил об этом Сталину, и тот дал нагоняй Жукову». Также генерал П. А. Артемьев, бывший командующий Московским военным округом, рассказывал в 50-е годы на встрече с артистами Большого театра: «В середине октября и несколько позднее, когда враг подошел вплотную к Москве, мы, командный состав, чувствовали себя недостаточно уверенно, что удержим Москву. Даже командующий Западным фронтом Жуков попросил у Сталина подкрепление, но не получил ни одного солдата. Его штаб в Перхушкове был полуокружен немцами, и у Жукова сдали нервы. Он попросил у Верховного перевести свой штаб из Перхушкова на Белорусский вокзал. Сталин ему ответил: «Если вы попятитесь до Белорусского вокзала, я займу ваше место». Больше Жуков у Верховного уже ничего не просил».

Нелепый сталинский приказ намертво приковал штаб Западного фронта к Перхушкову. Отнюдь не трусость или опасение, что не удастся удержать Москву, заставляла Георгия Константиновича просить о передислокации штаба. Просто он хорошо понимал, что немцы могут нанести удар по Перхушкову артиллерией, авиацией и даже пехотой. В результате командование фронтом не сможет какое-то время управлять действиями войск, а это грозит катастрофическими последствиями. К счастью, немцы так и не установили местонахождение штаба фронта. Им и в голову не могло прийти, что командование противника рискнет расположиться у самой линии огня.

В то, что противник остановлен, Георгий Константинович окончательно поверил в начале ноября. 2-го числа он писал в Ленинград члену Военного совета Ленинградского фронта и члену Политбюро А. А. Жданову: «Основное — это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы, принял от них одно воспоминание. От Буденного штаб и 90 человек, от Конева штаб и 2 запасных полка. К настоящему времени сколотил приличную организацию и в основном остановил наступление противника, а дальнейший мой метод тебе известен: буду истощать, а затем бить».

Опять Жуков творил легенду, чтобы ярче высветить собственные заслуги. От Буденного и Конева он принял все-таки не 90 человек и 2 полка, а значительно больше. Тут и потрепанная, но сохранившая штаб и основные соединения 43-я армия, и спешно возвращенная с Юго-Западного направления 49-я армия; несколько дивизий и бригад, сумевших отойти к Можайской линии обороны и Калинин, не говоря уже о десятках соединений, перебрасываемых из глубины страны и с других фронтов. В частях ощущалась острая нехватка артиллерии и боеприпасов, и Жуков просил Жданова: «...С очередным рейсом «Дугласов» отправить лично мне 40 минометов 82-мм, 60 минометов 50-мм, за что я и Булганин будем очень благодарны, а вы это имеете в избытке. У нас этого нет совершенно».

Гальдер еще 3 ноября записал в дневнике: «Лично я думаю, что противник в состоянии удерживать лишь московский район (Вологда, Москва, Тамбов) и район Кавказа и намерен ос-

тавить весь промежуточный район». Советского контрнаступления начальник Генштаба сухопутных сил ожидал не ранее 42-го года или даже еще позднее. Но он понимал, что блицкриг не вышел и предстоит затяжная борьба. В этот же день, 3 ноября, армии группы «Центр» прекратили соприкосновения с советскими войсками. Дальнейшие их действия, как отметил Гальдер 7-го числа, были «скованы безнадежно плохими условиями погоды». Тем не менее вермахт подтягивал горючее и боеприпасы и ремонтировал технику для последнего наступления. Не было зимних видов смазки и антифриза. Катастрофически не хватало зимнего обмундирования. Его запасли только для 60 дивизий, которые Гитлер предполагал оставить в России осенью по завершении Восточной кампании. Однако в ноябре здесь по-прежнему оставалось более 150 дивизий. Солдаты оделись в трофейные русские шинели, в отобранные у населения теплые вещи, но все равно жестоко страдали от холода. Командиры узнавали своих только по кокардам, торчащим из-под женских платков. Все это пестрое воинство готовилось к походу на Москву, которую командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Теодор фон Бок надеялся взять до Нового года. Но состояние войск вызывало сомнения в возможности выполнить даже такую задачу, как выход к Москве-реке и каналу Москва — Волга.

О том, что будет еще одно немецкое наступление, догадывался и Жуков. 1 ноября он издал приказ «О мобилизации всех сил на отпор врагу». Там, в частности, утверждалось: «Только с 12 по 30 октября под Можайском, Малоярославцем, Волоколамском и Наро-Фоминском немцы потеряли убитыми 20 тысяч и ранеными 50 тысяч солдат. За это же время подбито и уничтожено 289 немецких танков, 198 самолетов, 142 орудия...

Дорогие товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Земля и леса, где вы сейчас грудью защищаете нашу родную МОСКВУ, обогрета священной кровью наших предков, борьба которых вошла в историю разгрома наполеоновских полчищ. Наша святая обязанность не дать фашистским собакам топтать эту священную землю. Силы врага подорваны и истощаются, но все же враг еще силен и продолжает наступать. Фашисты, понесшие от вашего огня

и штыка большие потери, в последние дни вновь подвезли людские резервы. Подвозят боеприпасы, горючее и готовятся перейти в наступление на Москву... Сорвав планы врага и отразив очередное его наступление, мы не только не допустим его к МОСКВЕ, но и предрешим этим над Гитлером победу. Мы скуем его танки и авиацию, мы заставим его живую силу дрожать и гибнуть в сугробах суровой русской зимы. Уничтожим ее так, как наши предки уничтожили армию Наполеона».

Предлагался и конкретный способ, как именно уничтожить врага: «Оборону осуществлять как оборону активную, соединенную с контратаками. Не дожидаться, когда противник ударит сам. Самим переходить в контратаки. Всеми мерами изматывать и изнурять врага. Беспощадно расправляться с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей. Так учит нас наш СТАЛИН».

Потери противника в технике здесь выглядят правдоподобно, а вот людские потери, как всегда, многократно завышены. За весь октябрь германская сухопутная армия потеряла на всех фронтах, включая Северо-Африканский театр, 44 300 человек погибших и пропавших без вести. При этом надо учитывать, что в первой половине месяца, когда происходил прорыв фронта на Московском направлении и на крымских перешейках, потери были значительно выше, чем во второй половине октября, когда продолжалось преследование разбитых советских войск и интенсивность боевых действий уменьшилась.

К неоправданно большим потерям приводило стремление Жукова при малейшей возможности проводить контратаки и контрудары. В результате в бой бросались неподготовленные части, которые теряли много людей и техники, но поставленных целей не достигали. Возможно, Георгий Константинович опасался, что в противном случае немцам удастся создать мощные охватывающие группировки и повторить вяземский котел. Между тем в условиях распутицы, а позднее — морозов немцы во многом утратили преимущество в мобильности и были уже не в состоянии окружить

большие массы советских войск. Для более эффективной обороны лучше бы не растрчивать в контрударах силы и средства, а сохранить их, что позволило бы нанести противнику более значительный удар.

Рокоссовский вспоминал: «Перед самым началом неприятельского наступления (оно началось 15 ноября. — Б. С.) неожиданно поступил приказ комфронта Жукова нанести удар из района севернее Волоколамска по вражеской группировке. Чем руководствовался знавший обстановку командующий фронтом, давая такой приказ, мне и до сегодняшнего дня непонятно. Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания».

В результате наступление 16-й армии окончилось провалом. Рокоссовский так описал его ход: «Поначалу нашим частям, использовавшим неожиданность, удалось продвинуться до трех километров в глубину расположения противника, но затем еле удалось освободиться от этого вклинения. Участвовавшая в наступлении конная группа Л. М. Доватора отражала удары, наносимые врагом со всех сторон. Пользуясь подвижностью и смекалкой, она все же сумела вырваться и избежать полного окружения. Почти одновременно с этим нашим так называемым наступлением двинулся на всем участке, занимаемом армией, противник». Столь же неудачным было наступление 49-й и 50-й армий под Тулой 11 ноября.

В мемуарах Жуков утверждает, что инициатором упреждающих ударов по группе армий «Центр» был Сталин: «10 ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор со Сталиным. Сталин спросил у меня:

— Как ведет себя противник?

Я ответил:

— Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдет в наступление...

Сталин:

— Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящийся удар противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар нужно нанести в обход Волоколамска с севера, другой из района Серпухова вдоль реки Протва

во фланг четвертой армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— А какими же силами, товарищ Сталин, мы будем наносить эти контрудары? Во фронте свободных сил нет. У нас имеются силы только для обороны, — ответил я.

Сталин:

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и конницу, которая находится в районе Клина. В районе Серпухова используйте второй корпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил сорок девятой армии.

— Этого делать сейчас нельзя, товарищ Сталин, — ответил я. — Мы не можем бросать на сомнительные контрудары последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками:

Сталин:

— У вас во фронте шесть армий. Разве этого мало?

Я ответил, что фронт обороны войск Западного фронта сильно растянулся, с изгибами он достиг в настоящее время до 500 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

Сталин:

— Вопрос о контрударах считайте решенным. План сообщите сегодня вечером.

Я еще раз пытался доказать Сталину целесообразность (? — так у Жукова; по смыслу должно было бы быть «нецелесообразность»). Я вполне допускаю, что здесь мы имеем дело с «оговоркой по Фрейду», когда человек бессознательно говорит то, о чем предпочел бы умолчать. Как мы сейчас увидим, Жуков на самом деле был сторонником контрударов. — Б. С.) контрударов единственными резервами, сославшись на неудобную местность севернее Волоколамска. Сталин положил трубку, и разговор был окончен».

Однако в действительности не Сталин Жукову, а Жуков Сталину советовал нанести упреждающие удары. Потому что еще 1 ноября Жуков писал в приказе об «активной обороне», что надо самим переходить в контратаки, не дожидаясь, пока

противник нанесет удар. И совершенно фантастична ссылка Сталина на Шапошникова. Дело в том, что еще 16 октября основная часть сотрудников Генштаба во главе с захворавшим Шапошниковым отбыла из Москвы в Куйбышев. В Москве со Сталиным осталась только оперативная группа под руководством Василевского. Именно Александр Михайлович с этого времени подписывал за Шапошникова все директивы Ставки. В беседах с Симоновым Василевский отмечал, что «в должность начальника Генерального штаба я фактически вступил 15 октября 1941 года». Борис Михайлович вернулся в Москву только в 20-х числах ноября, так что 10 ноября Сталин должен был советоваться не с Шапошниковым, а с Василевским.

Александр Михайлович утверждает, что перед последним немецким наступлением на Москву в Генштабе думали даже не о контрударах, а о большом контрнаступлении: «Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного главнокомандования еще в начале ноября, после того как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы». Жуковский приказ от 1 ноября заставляет предположить, что именно Георгий Константинович был автором идеи контрнаступления.

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» настаивал на том, что через два часа после разговора со Сталиным отдал приказ Рокоссовскому о проведении контрудара, о чем и донес в Ставку. Но это донесение так и не было обнаружено, а 16-я армия, перешедшая в наступление 16 ноября, почти одновременно с немцами, получила приказ не 10-го числа, а лишь накануне контрудара, так что для подготовки осталась всего одна ночь. Несостоявшийся разговор со Сталиным Георгию Константиновичу пришлось приурочить к 10 ноября потому, что именно в этот день он, Жуков, отдал приказ 49-й и 50-й армиям нанести удар на участке Алексин, Тула. А читателям он старается внушить, что и это бессмысленное наступление предпринималось только под нажимом Верховного командующего, вопреки мнению командующего Западным фронтом.

В мемуарах Жуков совершенно справедливо указал, что неудачные контрудары советских войск облегчили задачу группы армий «Центр»: «Из этих контрударов, где главным образом действовали кавдивизии (как именно действовали, мы уже видели на примере армии Рокоссовского. — Б. С.), ничего серьезного не получилось, их сила была незначительна, чтобы оказать влияние на ударные группировки. Соединения, участвовавшие в контрударах, понесли потери, и в нужный момент они не оказались там, где им надлежало быть. Противник ударами своей авиации и контратакой танков нанес потери нашей контрударной группе и, обойдя ее, ударил в стык Калининского и Западного фронтов. Контрудар в районе Серпухова тоже ничего существенного не дал, а когда началось наступление армии Гудериана в обход Тулы и на Каширу, пришлось с большими трудностями выводить из боя кавалерийский корпус Белова и танковую дивизию Гетмана и форсированным маршем перебрасывать их в район Каширы». Если бы перед этим Георгий Константинович не постарался возложить ответственность за неподготовленные контрудары на Сталина, то эти слова прозвучали бы как похвальная для всякого полководца самокритика.

В первые дни нового немецкого наступления на Москву, 16 ноября, произошел бой у разъезда Дубосеково, позднее вошедший в историю как «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев». Подвиг-то, безусловно, был, но вот число гвардейцев журналисты, писавшие по горячим следам событий, значительно преуменьшили. Только в 1990 году военный прокурор А. Ф. Катусев обнародовал материалы следствия и суда над одним из панфиловцев. И. Е. Добробаба (Добробабин) — участник памятного боя, успевший позднее послужить в немецкой вспомогательной полиции. Этот суд состоялся в 1948 году и помог прояснить как подлинную картину схватки пехотинцев с танками, так и обстоятельства рождения легенды. Корреспондент «Красной звезды» В. Коротеев рассказал следователю: «Примерно 23–24 ноября 1941 года я вместе с военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Чернышевым был в штабе 16-й армии... Мы лично говорили с Рокоссовским, который познакомил нас с обстановкой... При выходе из штаба армии мы встретили комиссара

8-й гвардейской, Панфиловской, дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайно тяжелой обстановке, но сообщил, что независимо от тяжелых условий боев наши люди геройски дерутся на всех участках... В частности, Егоров привел пример героического боя одной роты с немецкими танками... В то время вопрос шел о бое пятой роты с танками противника, а не о бое 28 панфиловцев. Егоров порекомендовал нам написать в газете о героическом бое роты с танками...»

Корреспондент также объяснил, как появилось сакральное число 28: «По приезде вечером... я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же людей было в роте... Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30–40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями... 28 ноября в «Красной звезде» была написана передовая «Завещание 28 павших героев» (дата тоже могла сыграть свою роль. — Б. С.). Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся — 28 человек, так как из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя, и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах...»

По законам армейской пропаганды, отрицательные явления могли быть лишь единичными случаями, не характерными для советских Вооруженных сил. Поэтому в военной прессе появлялись сообщения типа: «Рядовой Иванов получил 10 суток гауптвахты за распитие спиртных напитков». Поскольку писать, что вместе с Ивановым бутылку водки оприходовали еще рядовые Петров и Сидоров, было нельзя, то у неискушенного читателя, особенно иностранца, могло сложиться превратное представление, будто русские солдаты пьют только в гордом одиночестве. Вот и двух перебежчиков-панфиловцев бдительному Ортенбергу показалось много,

и он заменил их на одного. А Кривицкий заставил нескольких солдат, не сговариваясь, расстрелять предателя, тогда как на самом деле оба перебежчика благополучно достигли немецких позиций.

Подлинную картину боя нарисовал бывший командир 1075-го стрелкового полка полковник И. В. Капров: «Формировалась дивизия в городе Алма-Ате. Примерно 50 процентов в дивизии было русских, проживавших в Средней Азии, а остальные 50 процентов были казахи, киргизы и небольшое количество узбеков. В такой же пропорции был укомплектован и полк, которым я командовал. Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)... В первых числах октября дивизия была переброшена под Москву и выгрузилась в г. Волоколамске, откуда походным порядком вышла на позиции в районе г. Осташево. Мой полк занял оборону (совхоз Булычево — Федосьино — Княжево). Примерно в течение 5—6 дней полк имел возможность зарыться в землю, так как подготовленные позиции оказались негодными, и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, все переделывать заново. Мы не успели как следует укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве. Завязались тяжелые бои с немецкими танками, причем у немцев было превосходство в силах и в технике. В этих тяжелых боях вся дивизия и мой полк под нажимом превосходящих сил противника отходили до станции Крюково под Москвой. Отход продолжался до первых чисел декабря 1941 года...

К 16 ноября 1941 года полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. 2-й батальон занимал оборону: поселок Ново-Никольское — поселок Петелино

и разъезд Дубосеково. Батальоном командовал майор Решетников, фамилии политрука батальона не помню (для истории это имя надо сохранить — политрук Трофимов, которого, в отличие от легендарного Клочкова, не знает никто. — Б. С.), в батальоне было три роты: 4, 5 и 6-я... Четвертой ротой командовал капитан Гундилович, политрук Клочков... Занимала она оборону — Дубосеково, Петелино. В роте к 16 ноября 1941 года было 120–140 человек. Мой командный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездной будки примерно в 11,5 км от позиций 4-й роты. Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья. К 16 ноября дивизия готовилась к наступательному бою, но немцы нас опередили. С раннего утра 16 ноября 1941 года немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10–12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли... Около 14.00–15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15–20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, так как этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40–45 минут танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек

20–25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше...»

Согласно политдонесению комиссара 1075 полка Мухамедьярова от 18 ноября 41-го года, за два предшествовавших дня полк потерял 400 человек убитыми, 100 человек ранеными и 600 человек пропавшими без вести. Начальник же политотдела 316-й дивизии Галушко в донесении от 17 ноября отметил, что, несмотря на самоотверженность бойцов и командиров 1075-го полка, слабая противотанковая оборона не позволила остановить немцев, причем в полку «пропало 2 роты». Мухамедьяров доносил, что противник потерял 800 человек и 15 танков. Насчет танков, принимая во внимание рассказ Капрова, цифра, возможно, близка к истине, если учитывать не только уничтоженные, но и поврежденные машины. А вот потери немцев в людях явно вымышлены. Ведь, судя по показаниям Капрова, немцы атаквали танками, без пехоты, и потери могли понести только очень небольшие, среди танковых экипажей. Немецкое командование рискнуло пустить танки в бой без пехотного прикрытия потому, что знало из данных разведки: у противника почти нет противотанкового оружия. Это только в кино боец ловко пропускает танк через окоп, а потом поражает его гранатой или бутылкой с зажигательной смесью. В жизни такое случается не часто. Неудивительно, что немцы о подвиге 28 панфиловцев ничего не знали. Для танкистов Гота это был обычный, ничем не примечательный бой, не отмеченный большими потерями.

Командир и комиссар 1075-го полка были сняты со своих постов. Их обвинили в отходе с позиций без приказа и больших потерях в полку. Понятно, что комиссар в донесении стремился показать неприятельские потери не меньшими, чем понес 1075-й полк, и тем парировать часть обвинений. Помеченное же в донесении количество уничтоженных всем полком немецких танков впоследствии увеличили до 18 и полностью отнесли на счет мифических «28 панфиловцев». Как когда-то в рекорд Стаханова, по слухам, вошел уголь, добытый всей бригадой.

Восстановили Капрова и Мухамедьярова в должностях в декабре 41-го, когда разбитый полк находился на перефор-

мировании. К тому времени газеты всю трубили о подвиге 28 героев-панфиловцев, и было бы неудобно привлекать командира и комиссара к ответственности за поражение, которое объявили чуть ли не победой.

Хотя, справедливости ради, должен заметить, что как командир полка Илья Васильевич Капров действовал далеко не лучшим образом. Раз наиболее танкоопасной была местность перед позициями 2-го батальона, что же мешало командиру полка направить на этот участок 7 или 8 из имевшихся 11 противотанковых ружей? Он же предпочел распределить ружья между батальонами практически поровну, по системе 4 — 4 — 3. Эта ошибка, наряду с другими обстоятельствами, способствовала катастрофическому исходу боя. Подтверждается старая истина: рядом с каждым подвигом всегда есть место некомпетентности.

Так был ли подвиг? Может, и подвига-то никакого не было? Подвиг был, но не такой громкий, не такой результативный по нанесенным врагу потерям, как писали газеты. Зато куда более трагичный по понесенным жертвам. Не 28, а четырежды по 28 панфиловцев полегло только на небольшом участке 4-й роты под Дубосековым. Немалое мужество требовалось, чтобы бороться с танками при помощи музейных пушек и немногих противотанковых ружей, поражавших бронетехнику с расстояния не дальше 250—300 метров, на частично обустроенных позициях, в условиях, предназначенных для наступления дивизии, а не обороны. И никогда не произносил политрук Клочков патетического: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Думаю, что его последние слова были из тех, что в газетах не печатают. А лозунг выдумал журналист А. Ю. Кривицкий, в чем честно признался следователям в 48-м году. Как именно погиб политрук 4-й роты Василий Георгиевич Клочков, неизвестно. Свидетелей не осталось. Но наверняка это была честная солдатская смерть.

Кривицкому выдвигать знаменитый лозунг от своего имени было не совсем удобно. Вдруг бойцы на передовой неправильно поймут и воспримут совсем не так, как надо. Одно дело, когда не отдать врагу Москву призывает героически погибающий с гранатой в руке политрук, и совсем другое —

когда те же громкие слова произносит преуспевающий журналист, который даже в панфиловской дивизии не удосужился побывать и узнать, как все обстояло в действительности. И прекрасно знал Кривицкий, что и в случае падения Москвы ему будет куда отступить, для него точно найдется место в отходящем в Куйбышев поезде.

Полковник Капров не обманывал следователя, когда утверждал, что его полк почти не имел противотанковых средств к началу немецкого наступления. Но он благоразумно не стал уточнять, что месяцем ранее у панфиловской дивизии и у всей 16-й армии артиллерии было достаточно, как обычной, так и противотанковой. Такое положение сохранялось до сдачи Волоколамска, последовавшей 27 октября. В том бою за город 1075-му полку было придано два полка противотанковых орудий, а всего к началу сражения за Волоколамск 16-я армия располагала 125 полевыми и 73 противотанковыми орудиями. После сдачи города советские войска недосчитались 62 полевых орудий, а из противотанковых уцелело всего 13. Как отмечал начальник артиллерии 16-й армии генерал-майор В. И. Казаков, в ходе боевых действий на Волоколамском направлении «артиллерия совершенно не имела потерь от танков и имела совершенно незначительные потери от авиации противника... как в личном составе, так и в материальной части до тех пор, пока не понесла тяжелых потерь от пехоты и автоматчиков противника, зашедших на фланги и в тыл боевых порядков артиллерии. При нормальном наличии нашей пехоты для прикрытия орудий артиллерия не имела бы таких тяжелых потерь, а противник имел бы большие потери в танках и пехоте...»

Удержать Волоколамск не удалось не только по причине значительного превосходства противника в людях и технике, но и вследствие неумелых действий командования. Панфилов на наиболее угрожаемое направление поставил самый слабый полк дивизии, который даже не успел закончить формирование. А Рокоссовский не стал использовать для подкрепления панфиловцев кавкорпус Доватора, находившийся на пассивном участке фронта.

Как мы убедились, крупные ошибки допускали такие прославленные герои Московской битвы, как Рокоссовский

и Панфилов, и Жуков тоже был не безгрешен. А когда ошибки нижестоящих начальников накладывались на ошибки вышестоящих, то обещающие успех хорошие замыслы оборачивались большими потерями и неудачами.

Под натиском противника 16-я армия Рокоссовского отходила к Истринскому водохранилищу. Командарм решил отвести войска за эту водную преграду, чтобы выделить дополнительные силы для занятия оборонительных позиций у Солнечногорска. Однако Жуков отход запретил и послал Рокоссовскому грозную шифровку: «Войсками фронта командуя я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу не отступать». Константин Константинович в мемуарах прокомментировал этот приказ следующим образом: «...Вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск».

В беседе же со слушателями Академии имени Фрунзе в 1962 году он нарисовал куда более колоритную картину: «Жуков был неправ (когда запретил 16-й армии отходить за Истринское водохранилище. — Б. С.). Допущенная им в этот день при разговоре по телефону ВЧ грубость переходила всякие границы. Я заявил, что если он не изменит тона, то прерву разговор».

Рокоссовский полагал, что подобными приказами Жуков стремился «обеспечить себя от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!»

Вот и с Истринским рубежом вышло по принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда». Войскам, посланным на оборону Солнечногорского направления, Жуков приказал нанести очередной контрудар. 23 ноября он потребовал, чтобы группа генерала Доватора, усиленная 44-й кавдивизией

(точнее, тем, что от дивизии осталось), уже с утра 24-го нанесла удар в тыл солнечногогорской группировки. Поспешное наступление пользы не принесло, войска Рокоссовского были отброшены в исходное положение. Немцы на плечах отступавших форсировали Истринское водохранилище, а 25-го пал Солнечногорск.

Жуков в мемуарах хорошо передал драматическое напряжение этих последних оборонительных боев на подступах к столице: «В район Солнечногорска, в распоряжение командарма Рокоссовского, Военный совет фронта перебрасывал все, что мог, с других участков фронта, включительно до групп солдат с противотанковыми ружьями, отдельными группами танков, артиллерийские батареи, зенитные дивизионы ПВО страны... с тем, чтобы хотя бы временно задержать здесь противника до прибытия сюда 7-й дивизии из района Серпухова, двух танковых бригад и двух противотанковых арtpолков из резерва Ставки... Вечером 29 ноября, воспользовавшись слабой обороной моста через канал Москва — Волга, танковая часть противника захватила мост в районе Яхромы и прорвалась за канал. Здесь она была остановлена подошедшими передовыми частями 1-й ударной армии, которой командовал В. И. Кузнецов, и после напряженного боя отброшена обратно за канал (в действительности, поскольку наступление немцев уже выдохлось, разведка, с 3 танками форсировавшая канал и подбившая советский бронепоезд, получила приказ в тот же вечер вернуться обратно. — Б. С.)... 1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвались в центре фронта на стыке 5-й и 33-й армий и двинулись по шоссе на Кубинку, но у деревни Акулово их встретила 32-я стрелковая дивизия своим артиллерийским огнем... Это была последняя попытка гитлеровцев прорваться на Москву».

Для того чтобы замедлить немецкое продвижение, советские войска применяли тактику «выжженной земли». 17 ноября 1941 года за подписями Сталина и Шапошникова вышел приказ Ставки «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск». Там отмечалось, что «германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях,

не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах... Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии». Ставка требовала «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты» в немецком тылу с помощью авиации, артиллерии и специальных команд, снабженных взрывчаткой и бутылками с зажигательной смесью. В каждом полку предписывалось создавать такие добровольческие «факельные команды» по 20—30 человек из «наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников», а «выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов» представлять к наградам. При отступлении войска должны были «уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты».

29 ноября, за неделю до начала контрнаступления, Жуков доносил в Ставку, что команды «факельщиков» уже сформированы и что в немецкий тыл направлены диверсионные группы общей численностью в 500 человек.

Тактика «выжженной земли» в какой-то мере затрудняла продвижение немецких войск. Но все же больше всего страдало от нее мирное население. Ведь у солдат вермахта были для обогрева автомобили, палатки и горючее. Они занимали и уцелевшие дома, выгоняя местных жителей на мороз.

К концу ноября наступающие на Москву враги выдохлись. Гальдер записал в своем дневнике 29 ноября мнение фон Бокка, что «если развернутое сейчас на Москву наступление не будет иметь успеха... то Москва станет вторым Верденом, т. е. сражение превратится в ожесточенную фронтальную бойню». Самое большее, на что, по его мнению, мог рассчитывать вермахт, это «подойти северным флангом группы армий «Центр» к Москве и занять 2-й танковой армией излучину Оки северо-западнее Тулы с целью использования этого рай-

она для расквартирования на зиму». А 5 декабря начальник Генштаба сухопутных сил отметил: «Фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска». И уже 6 декабря Гальдер зафиксировал первые последствия советского контрнаступления: «В результате наступления противника на северный фланг 3-й танковой группы создалась необходимость отвода наших войск, расположенных южнее Волжского водохранилища».

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» утверждал: «1 декабря я позвонил Верховному главнокомандующему и, доложив обстановку, просил дать приказ о подчинении мне 1-й и 10-й армий, чтобы нанести противнику более сильные удары и отбросить его подальше от Москвы».

Сталин выслушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-либо новую крупную группировку?

— Противник истощился, — ответил я. — Но и войска фронта без ввода в дело первой и десятой армий не смогут ликвидировать опасные вклинения, и, если мы их сейчас не ликвидируем, противник может в будущем свои группировки подкрепить крупными резервами, которые он может собрать за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда может серьезно осложниться положение.

Сталин ответил, что он посоветуется с Генштабом. Я не стал звонить в Генштаб и попросил начштаба фронта В. Д. Соколовского... позвонить Б. М. Шапошникову и доказать целесообразность быстрой передачи фронту резервных армий. Поздно вечером 1 декабря нам сообщили о решении Ставки передать фронту 1-ю, 10-ю и полностью все соединения 20-й армии. Б. М. Шапошников передал, что Сталин приказал прислать ему план использования передаваемых армий».

В «Объяснительной записке» Жукова, Булганина и Соколовского к плану-карте контрнаступления армий Западного фронта, датированной 30 ноября и адресованной замешавшему больного Шапошникову Василевскому, предлагалось

начать наступление основных сил 3—4 декабря, а примыкавшей к флангу Калининского фронта 30-й армии — 5—6 декабря. Жуков собирался «ударом на Клин, Солнечногорск и в Истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле» фронта. По северной группировке должны были ударить 16, 20, 30 и 1-я ударная армии, по южной — 10-я. Одновременно удары с ограниченными целями наносили и все остальные армии Западного фронта. Подобное распыление сил, стремление быть сильнее противника во всех пунктах затрудняло достижение крупного оперативного успеха.

Жуков принимал решительные меры и рассчитывал на достижение целей. Этому способствовало положение ударных группировок немецких войск, достаточно далеко обошедших Москву с севера и юга, чтобы попасть под угрозу окружения, но не достигших позиций, с которых можно было бы замкнуть кольцо вокруг советской столицы. Построить на достигнутых рубежах прочную оборону немцы явно не успевали. Потому и просил Жуков Василевского поторопить Сталина дать директиву на наступление, «иначе можно запоздать с подготовкой». 1 декабря Сталин и Василевский соответствующую директиву подписали.

В последние дни перед контрнаступлением Георгий Константинович разговаривал с Верховным главнокомандующим отнюдь не всегда так вежливо и спокойно, как это представлено в «Воспоминаниях и размышлениях». 4 декабря 1941 года в штабе Западного фронта проходило совещание с командующими армиями. Жуков ставил им задачи на контрнаступление. Тут позвонил Сталин. Вот как эта сцена запомнилась жуковскому порученцу Н. Казьмину: «Жуков находился в напряжении. Во время разговора со Сталиным у Жукова лицо стало покрываться пятнами и заходили на щеках желваки. Это уже было не к добру и предвещало ссору. Выслушав Сталина, Жуков отпарировал: «Передо мной четыре армии противника и свой фронт. Мне лучше знать, как поступить. Вы там в Кремле можете расставлять оловянных солдатиков и устраивать сражения, а мне некогда этим зани-

маться». Верховный, видимо, что-то возразил Жукову, который потерял самообладание и выпустил обойму площадной брани, а затем бросил трубку на рычаг. Сталин после этого не звонил сутки. Позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: «Товарищ Жуков, как с Москвой?» — «Москву я не сдам». Сталин: «Тогда я пойду отдохну пару часов». Позднее одной из своих знакомых, Людмиле Лактионовой, Жуков так прокомментировал этот инцидент: «Он пойдет отдохнуть, а я тут не сплю несколько ночей». У Сталина после этого инцидента любви к Жукову явно не прибавилось.

Для контрнаступления были сосредоточены значительные резервы. Из свежих дивизий, переброшенных из Сибири и Дальнего Востока, были сформированы три армии: 1-я ударная, 10-я и 20-я. Кроме того, соединения из резерва Ставки влились в 30-ю и 16-ю армии, а также в армии Калининского фронта, который должен был оказать содействие в разгроме немецкой группировки в Калининне.

5 и 6 декабря войска Западного, Юго-Западного и Калининского фронтов перешли в контрнаступление. К концу декабря группа армий «Центр» оказалась отброшена от Москвы на 100—150 километров, до Ржева, Волоколамска, Рузы, Мосальска, Белева и Мценска, где контрнаступление фактически завершилось. Жуков так оценил его результаты: «Ударные группировки немецкой группы армий «Центр» потерпели тяжелое поражение и отступили».

Для немцев советское контрнаступление стало полной неожиданностью. Даже приказ об общем переходе к обороне Гитлер отдал лишь 8 декабря. А накануне Гальдер записал в дневнике: «События дня ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого писмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ (Верховное главнокомандование вермахта) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения, вроде приказа на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков».

19 декабря главнокомандующий сухопутных сил фельдмаршал фон Браухич, страдавший тяжелым сердечным заболеванием, подал прошение об отставке по состоянию здоро-

вья. Во главе сухопутной армии встал сам Гитлер. Но еще 16 декабря он отдал свой знаменитый «стоп-приказ», требующий от офицеров и генералов «своим личным примером... заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл». Гальдер так суммировал основные положения этого приказа: «Об отходе не может быть и речи. Отводить войска только с таких участков, где противник добился глубокого прорыва. Создание тыловых рубежей — это фантазия. Фронт страдает только от одного — у противника больше солдат. Зато он не располагает большим количеством артиллерии. Его положение гораздо хуже, чем наше».

Еще 6 декабря на совещании с руководством сухопутных сил Гитлер подчеркнул: «Принципиально нет никаких сомнений и колебаний в отношении сокращения линии фронта. Однако сначала нужно подготовить этот новый рубеж, отрыть стрелковые окопы, установить печи и т. д.». Генерал Гюнтер Блюментрит, бывший начальник штаба 4-й армии группы «Центр» впоследствии не без оснований утверждал, что «стоп-приказ» Гитлера спас немецкие войска под Москвой от катастрофы: «Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко драться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона. Дивизии не разрешалось отступать больше чем на 5—10 километров за одну ночь. Большого нельзя было и требовать от войск и гужевого транспорта в тех невероятно тяжелых условиях. Так как все дороги были занесены снегом, отступать приходилось по открытой местности. После нескольких ночей такого отступления солдаты настолько изнемогали, что, останавливаясь, просто ложились на снег и замерзали. В тылу не было заранее подготовленных позиций, куда войска могли бы отойти... Таким образом, в течение многих недель поле боя медленно отодвигалось на запад». При этом жесткая оборона сочеталась с организованным отходом по мере создания тыловых оборонительных рубежей.

Но в основном немцам удалось сохранить целостность Восточного фронта, где особенно сильное давление вермахт испытывал на центральном участке. Потери в людях при отступлении оказались сравнительно небольшими. Если в ноябре 41-го безвозвратные потери германских сухопутных сил составили 32 800 человек, то в декабре — 49 453 человека. Жуков, однако, считал, что только за первые пять дней контрнаступления немецкие армии, противостоявшие Западному фронту, убитыми потеряли 85 тысяч человек, почти вдвое больше, чем вся германская Восточная армия понесла безвозвратных потерь за целый декабрь.

В первой половине ноября активность на фронте была невысокой из-за распутицы. В октябре же, когда начался «Тайфун», немецкие потери убитыми и пропавшими без вести достигали 44 300 человек и были всего на 5 тысяч меньше декабрьских.

Вот потери в боевой технике у вермахта были значительны. Приходилось бросать оставшиеся без горючего и застрявшие в снегах танки и орудия. За декабрь потери в танках составили 440 машин, за январь — еще 511. (Жуков, правда, сообщал в Ставку, что только в период с 6 по 10 декабря войска фронта захватили 386 танков противника и уничтожили еще 271, но в эти цифры, кажется, не верил и он сам.) Однако до рекордного ноябрьского уровня в 1478 машин было очень далеко. Тогда на потери танков сильно влияла распутица и, кроме того, немецкие танковые группы часто вынуждены были атаковать без поддержки далеко отставшей пехоты, как это было, например, у разъезда Дубосеково. За два последних месяца 41-го года вермахт, главным образом под Москвой, потерял на 106 танков больше, чем за предшествовавшие четыре с лишним месяца войны. Танковые клинья группы армий «Центр» были обескровлены усилиями армий Жукова и Конева.

В ходе контрнаступления советские войска понесли очень большие потери. Один Калининский фронт, далеко не самый многочисленный, даже по заниженным данным армейских донесений потерял в декабре более 60 тысяч человек убитыми, ранеными, пленными и больными — всего в полтора раза меньше, чем германские войска потеряли за тот же период

на всем Восточном фронте. Только одна 323-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта за три дня боев, с 17 по 19 декабря 1941 года, потеряла 4138 человек, в том числе 1696 — погибшими и пропавшими без вести. Это дает средний ежедневный уровень потерь в 1346 человек, в том числе безвозвратных — в 565 человек. Вся германская Восточная армия, насчитывавшая более 150 дивизий, за период с 11 по 31 декабря 1941 года включительно имела средний ежедневный уровень потерь лишь немногим больший. В день немцы теряли 2658 человек, в том числе только 686 — безвозвратно.

Это просто потрясает! Одна наша дивизия несла такие же потери, как 150 немецких. Даже если допустить, что не все германские соединения за последние три недели декабря 41-го года ежедневно были в бою, даже если предположить, что потери 323-й стрелковой дивизии в трехдневных боях были почему-то уникально велики, разница слишком бросается в глаза, ее нельзя объяснить статистическими погрешностями. Тут надо говорить о погрешностях социальных, коренных пороках советского способа ведения войны.

Очевидно, что потери Красной армии превосходили потери вермахта в десятки раз, в огромной мере пополняясь за счет Западного фронта, руководимого Жуковым. И это через полгода после начала войны, когда о внезапности германского нападения и связанных с этим преимуществах говорить уже не приходилось. Наоборот, свежие, по-зимнему обмундированные и хорошо вооруженные сибирские дивизии атаковали вконец измотанные германские войска, замерзавшие без зимней одежды и испытывавшие нехватку горючего и боеприпасов.

29 января 1942 года Георгий Константинович доносил в Ставку, что за декабрь и первую половину января войска фронта потеряли 276 206 человек, в том числе 55 166 человек убитыми, в два с половиной раза больше, чем вся германская сухопутная армия на Востоке, потерявшая с 10 декабря по 20 января 111 550 человек. Соотношение же по убитым неожиданно оказывается более благоприятным для Западного фронта, поскольку немецкие безвозвратные потери в указанный период достигли 29 826 человек и были меньше потерь Западного фронта лишь в 1,8 раза. Здесь, по всей вероятности, сказался недоучет безвозвратных потерь в Красной армии.

Жуков в своем донесении почему-то не назвал числа пропавших без вести. Здесь тот редкий случай, когда данные военного времени можно скорректировать с помощью данных, приводимых в книге «Гриф секретности снят». В ней потери Западного фронта вместе с убитыми и пропавшими без вести за несколько меньший период, с 5 декабря 41-го по 7 января 42-го, показаны в 101 192 человек, а санитарные потери — в 160 038 человек. Можно предположить, что пропавших без вести было около 61 тысячи и что в своем донесении от 29 января Жуков, стремясь уменьшить размер безвозвратных потерь, включил пропавших без вести в число раненых и больных. В этом случае действительная величина безвозвратных потерь Западного фронта будет равна примерно 116 тысячам человек, что вчетверо превышает безвозвратные потери германских сухопутных сил на всем Восточном фронте в этот период.

Жуков стремился быть сильным везде, нанося удар растопыренными пальцами, а не сжатым кулаком. Впрочем, те же недостатки были присущи и другим командующим. Так, 12 декабря Сталин по прямому проводу наставлял Конева: «Вместо того чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы... вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их».

Можно согласиться с Василевским, когда он утверждает: «В ходе контрнаступления под Москвой выявился ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях. В течение первых десяти дней правое крыло Западного фронта, ведя упорные бои за вражеские узлы сопротивления и опорные пункты, продвигалось медленнее, чем было запланировано. Правда, продвижению мешал довольно глубокий снежный покров. Однако главное заключалось в нехватке танков, авиации, боеприпасов на нужном направлении. Соединения, части и подразделения... атаквали после короткой, недостаточной по силе артподготовки; сопровождение атакующих пехоты и танков в глубине обороны противника артиллерийским огнем применялось не совсем удачно и не всегда. Танковые части использовались для непосредственной поддержки пехоты, почти не получая самостоятельных задач». В результате группа армий

«Центр» избежала готовившегося ей окружения и со сравнительно небольшими потерями отошла в начале января 1942 года на Ржевско-Вяземский плацдарм. Оттуда по прямой до Москвы было 150 километров — расстояние довольно близкое.

После войны Симонов пытал Жукова: могли ли немцы взять Москву в 41-м году? Маршал охотно подтвердил — могли, но только чисто теоретически: «Для того чтобы выиграть сражение, им (немцам. — Б. С.) нужно было еще иметь... на направлении главного удара во втором эшелоне дивизий 10—12, то есть нужно было иметь там с самого начала не 27, а 40 дивизий. Вот тогда они могли бы прорваться к Москве. Но у них этого не было. Они уже истратили все, что у них было, потому что не рассчитали силу нашего сопротивления».

Сталин считал Жукова полководцем, у которого больше, чем у всех остальных, заслуг в отражении немецкого наступления на столицу. За эту победу он пожаловал Георгию Константиновичу дачу в Сосновке в пожизненное пользование.

Кончился 41-й год — самый тяжелый год войны. Потери советских войск убитыми, ранеными и пленными составили около 8 миллионов человек — не менее 2/3 от общего числа введенных в бой военнослужащих. Когда Гитлер в начале декабря на совещании со своими генералами говорил, что русские потери в 10 раз больше немецких, он, к сожалению, не ошибся. К концу года общие немецкие потери на Востоке не превышали 831 тысячи человек. Красная армия безвозвратно лишилась 20,5 тысяч танков — 9/10 того количества, что имела в начале войны. Уже к 10 августа люфтваффе уничтожило 10 тысяч советских самолетов — практически всю авиацию, располагавшуюся в приграничных округах накануне 22 июня. Была уничтожена 101 тысяча орудий и минометов из примерно 113 тысяч, числившихся в Красной армии в начале войны. Трудно представить весь масштаб этой катастрофы! Правда, и вермахт потерял, уничтоженными и поврежденными, 3730 танков и 4643 самолета, но большинство машин удалось вернуть в строй. Тем не менее Гитлер так и не достиг своей цели подавления советского сопротивления и выхода на линию Архангельск — Астрахань.

Фюрер недооценил способности коммунистического режима к всеобщей мобилизации. Уже в 41-м в Советском Союзе мобилизация людских ресурсов для нужд армии и военного производства была более тотальна, чем в Германии в 44-м на пике ее военных усилий. И дело даже не в том, что в рейхе вплоть до 1943 года значительно сохранялось производство потребительских товаров для нужд населения. Еще важнее была готовность Сталина и его генералов, не исключая, разумеется, Жукова, забрасывать противника трупами красноармейцев. В бой бросались все мужчины, способные носить оружие, в тылу их место занимали женщины и дети. В Германии вплоть до самого конца делался упор на хорошую подготовку пополнений. В СССР всю войну предпочитали бросать в бой необученных, а часто и невооруженных новобранцев. Лишь ценой огромных потерь Красная армия смогла остановить вермахт. Жуков в беседах с Симоновым абсолютно верно подчеркивал, что германская армия в тот момент была лучшей армией в мире: «Надо будет наконец посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось сражаться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира». Но в конце 41-го, после успешного контрнаступления, он надеялся, как и миллионы наших соотечественников, что врага удастся вскоре разбить и изгнать с советской территории.

В конце декабря 41-го Ставка потребовала от командующих фронтами прислать предложения о боевых действиях в наступающем году. Все командующие высказались за наступление на своем фронте. Главком Юго-Западного направления Тимошенко собирался наступать на Харьков и разгромить 6-ю армию противника. Командующий Калининским фронтом Конев предлагал окружить и уничтожить 9-ю немецкую армию, а далее нанести удар или на Смоленск, или на Великие Луки. Командующий Волховским фронтом Мерецков хотел во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и ликвидировать 18-ю немецкую армию. Жуков предлагал во взаимодействии с Калининским фронтом окружить основные силы группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском плацдарме. При этом все просили резервов и пополнений людьми и техникой, и в то же время многократно преувеличивали немецкие потери. Жуков оптимистически докладывал Верховному, что «преследование и разгром отступающих немецких войск продолжаются».

В директивном письме Ставки военным советам фронтов и армий от 10 января 1942 года утверждалось: «Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли к обороне и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без оста-

новки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Верховный явно планировал закончить войну уже в 1942 году.

Неудачное наступление советских войск на Вязьму зимой и весной 1942 года еще не стало предметом пристального внимания историков. Георгий Константинович Жуков в первичной, еще не подвергшейся цензуре версии мемуаров описал его довольно скупое: «5-я и 33-я армии, наступавшие в центре фронта, к 20 января освободили Рузу, Дорохово, Верею. 43-я и 49-я армии фронта вышли в район Даманово — Плюсково, охватили юхновскую группировку противника... 33-й армии было приказано энергичнее развивать прорыв и во взаимодействии с 1-м кавкорпусом Калининского фронта овладеть Вязьмой...

Развивая наступление из района Наро-Фоминск в общем направлении на город Вязьма, 33-я армия в последний день января быстро вышла в район Шанский Завод, Даманово, где оказалась широкая и ничем не заполненная брешь в обороне противника.

Отсутствие сплошного фронта дало нам основание считать, что у немцев нет на этом направлении достаточных сил, чтобы надежно оборонять город Вязьму. В этой обстановке и было принято решение: пока противник не подтянул сюда резервы, захватить с ходу город Вязьму, с падением которого рушился здесь весь оборонительный порядок немецких войск.

Генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов решил сам встать во главе ударной группы армии и стремительно двигаться с ними на Вязьму. 3—4 февраля, когда главные силы этой группировки вышли на подступы к Вязьме, противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил свою оборону на реке Угра. Правое крыло армии задержалось в районе Шанского Завода, а левый сосед — 43-я армия — задержалась в районе Медынь. Задачу, полученную от фронта об оказании помощи группе генерала Ефремова, 43-я армия своевременно выполнить не смогла.

Введенный в сражение на Вязьминском направлении кавалерийский корпус П. А. Белова (1-й гвардейский. — Б. С.),

выйдя в район Вязьма и соединившись там с войсками Ефремова, сам остался без тыловых путей. На усиление наших войск в районе Вязьма решено было высадить 250-й стрелковый (в действительности — воздушно-десантный. — Б. С.) полк и выбросить десантников 4-го воздушно-десантного корпуса, но и они существенной роли не сыграли, так как к этому времени немецкое командование перебросило с запада в район Вязьма крупные резервы и сумело стабилизировать свою оборону, которую рядом попыток прорвать мы так и не смогли. Пришлось эту крупную группировку войск оставить в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан...

В начале апреля обстановка для группы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь... ликвидировать эту опасную для него «занозу». Наступившая оттепель до крайности сузила связь группы с партизанскими районами, откуда она получала продовольствие.

По просьбе генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова командование фронта разрешило оставить занимаемый район и выйти на соединение с войсками фронта, при этом было строго указано: выходить из района Вязьма на Киров, пробиваясь через партизанские районы, через лесные массивы, в общем направлении через Ельня, река Десна, Киров, где 10-й армией фронта будет подготовлен прорыв обороны противника. В этом месте был самый слабый участок в обороне противника.

Кавкорпус генерала П. А. Белова и воздушно-десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии в конце апреля — в начале мая 1942 года. А Михаил Григорьевич Ефремов, считая, что этот путь слишком длинен для его утомленной группы, обратился через голову фронта по радио в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути — через реку Угра. Мне позвонил Сталин и спросил мое мнение. Я категорически отверг эту просьбу. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм, надо согласиться с ним, и приказал организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен силами 43-й армии и осуществлен, точно не помню, кажется, 17–18 апреля;

но удара со стороны группы генерала М. Г. Ефремова не последовало».

В беседе с группой историков в редакции «Военно-исторического журнала» в августе 1966 года Жуков вообще отказался считать наступление на Вязьму фронтовой операцией: «Там; собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу... Белов сам по себе вышел без тяжелых средств артиллерийских, без танков; Ефремов (у него немного больше было) тоже потерял много боеприпасов. Они перешли, собственно говоря, на положение партизанских отрядов... Относительно отрезания этой группы. Командующему фронтом, когда ведется сражение на таком громадном пространстве 600 километров по фронту, очень трудно уследить за вопросами тактического порядка. Ефремов прошел в свободную «дырку». Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил всего отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую... Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского Завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того чтобы у него тыл был обеспечен. Он этого не сделал... Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева... Ну, шапка была набекрень у всех тогда... И я недооценил состояние вяземской группировки противника... Ну а большую взять на себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет, зачем это нужно».

Действительное положение вещей разительно отличается от нарисованной Жуковым картины. Ефремов не был новичком в военном деле и, в отличие от своего главнокомандующего, имел высшее военное образование (окончил академию им. Фрунзе). Поэтому он прекрасно сознавал опасность флангового удара и отсечения своей ударной

группировки от главных сил армии. Но ведь и наступление на Вязьму было инициировано не им, а Жуковым. 11 января Георгий Константинович бодро докладывал в Ставку, что 5-я армия продвинулась за день на 10 километров, а 33-я — на 6 километров. 17 января 1942 года он предписал 33-й армии к 19 января овладеть Вереей, и в тот же день из района Дубна, Замытское начать наступление на Вязьму, в зависимости от обстановки нанося удар либо прямо на город, либо в обход его с юго-запада.

30 января Ефремов еще находился в районе Износки, где пытался создать фланговое обеспечение прорыва, а не с дивизиями, наступающими на Вязьму. В этот день штаб фронта прислал ему телеграмму: «Кто у Вас управляет дивизиями первого эшелона?» Ефремов ответил: «Дивизиями первого эшелона управляет Военный совет армии. Выезд мой и опергруппы в район действий первого эшелона 29.01.1942 г. временно отложен в связи с обстановкой в районе Износки». Однако Жуков тотчас отдал грозный приказ: «Ваша задача под Вязьмой, а не в районе Износки. Оставьте Кондратьева (начальника штаба 33-й армии. — Б. С.) в Износках. Самому выехать сейчас же вперед».

1 февраля 1942 года Жуков был назначен заместителем наркома обороны главнокомандующим Западным стратегическим направлением с сохранением по совместительству в должности командующего Западным фронтом. Это направление включало Западный и Калининский фронты. Директива Ставки гласила: «Задачей ближайших дней Западного направления, наряду с задачей занятия г. Вязьмы считать — окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника или, в случае отказа сдаться, — истребление этой группы».

Жуков напрасно ставил в вину Ефремову, что тот не обеспечил фланг, примыкающий к 43-й армии. Согласно установленным принципам распределения обязанностей, обеспечение открытого фланга армии лежит на командующем фронтом.

В случае с 33-й армией ситуация осложнялась еще и тем, что ее начальник штаба генерал А. К. Кондратьев, на которого, по распоряжению комфронта, Ефремов вынужден был

в самый ответственный момент возложить управление основными силами армии, беспробудно пил, что ни для кого не было секретом. В начале апреля деятельность Кондратьева проверяла комиссия Политуправления Западного фронта. 2 апреля 1942 года член Военного совета 33-й армии М. Д. Шляхтин сообщал Военному совету Западного фронта: «Кондратьев продолжает пьянствовать. Сегодня напился до того, что работать был не в состоянии». 6 апреля глава комиссии начальник Политуправления фронта В. Е. Макаров констатировал: «Кондратьев совершенно разложился. Человека, которому можно было бы поручить руководство штабом, сейчас нет. В интересах дела считаю необходимым Кондратьева немедленно снять и прислать из фронта человека на должность начальника штаба армии. Безобразий в штабе много». А 11 апреля Р. П. Бабийчук, сменивший М. Д. Шляхтина, дал начальнику штаба совершенно убийственную характеристику: «В работе вял, совершенно безынициативен; работой отделов товарищ Кондратьев не руководит. В результате работа оперативного отдела поставлена плохо, еще хуже — работа разведотдела. Состояние этой работы в частях совсем плохое... Кондратьев систематически бывает пьян. 6 марта 1942 года он в пьяном виде подписал явно невыполнимый боевой приказ. В результате части понесли ненужные потери. 3 апреля 1942 года он явился на доклад к бывшему члену Военного совета Шляхтину при сильном опьянении, а на следующий день это категорически отрицал. О пьянстве и безделии Кондратьева знают все в штабе и частях, в силу чего авторитета Кондратьев никакого не имеет». Однако до ликвидации окруженной группировки Кондратьев так и не был заменен.

Сохранившиеся телеграммы, которыми обменивались в ходе операции Жуков и Ефремов, свидетельствуют, что между ними сложились очень напряженные отношения. Так, на ефремовскую телеграмму от 5 февраля с вопросом «получаете ли Вы мои донесения?» и просьбой «усилить ударную группировку армии» Жуков высокомерно ответил 7-го числа: «Меньше истерики. Держите себя более спокойно». Ефремов в тот же день резонно возразил: «В чем истерика? Где у меня истерика? Я вас не понимаю. Таким элементом я еще не об-

ладал. Просто вас не понимаю, что у вас за отношение ко мне и как к командующему 33-й армии?» На сторону командарма встал и находившийся вместе с окруженными представитель Генштаба подполковник Н. Н. Борисенко, немедленно сообщивший лично Сталину по поводу злополучной жуковской телеграммы: «Докладываю: тов. Ефремов с опергруппой армии находится в дер. Желтовка. В 4-х км противник. Нервозности не проявляет. Войска ударной группы армии держит в руках. Связь с 113, 160, 338 и 329 сд непрерывно имеется. Принимаются меры к быстрейшему овладению города Вязьма». Борисенко сообщил, что в 113-й дивизии в пехоте осталось в строю всего 189 штыков (в спецподразделениях — 756, в тылах — 521) и в других частях положение ничуть не лучше. Такими силами без мощной поддержки было невозможно взять Вязьму извне.

Когда же Ефремов, раздраженный неспособностью командарма-43 генерала К. Д. Голубева восстановить коммуникации ударной группы 33-й армии, пожаловался на него в Москву начальнику ГлавПУРа Л. З. Мехлису, то получил, явно с одобрения Жукова, гневную отповедь от члена Военного совета Западного фронта И. С. Хохлова. Шифрограмма, составленная 9 марта, была отослана Ефремову на следующий день. Ее копия была отправлена и самому Голубеву, что явно не добавило симпатий между двумя командармами. Хохлов писал: «Вы жалуетесь в Москву на Голубева на то, что он якобы плохо дерется и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: — Оценку Голубеву и 43 армии может дать только Военный совет фронта, Главком и Ставка, а не сосед. Второе: — 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, — мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: — не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и минометов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались...

К сожалению, вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1—2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й армией будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия».

Ефремов в тот же день ответил не менее резко, адресуя телеграмму не только Хохлову, но и Жукову, которого не без основания считал действительным автором разносного послания: «Ни на кого я не жалуясь, а по-большевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33-й армии.

Находясь под Вязмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете, — состав дивизий Вам был до выхода под Вязму известен, как и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведем бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного, как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромный вред...

В последний раз Вам как Военному совету докладываю: положение дивизий армии тяжелое, я сделал и делаю все, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов».

На эту шифрограмму Жуков наложил суровую резолюцию, немедленно посланную Ефремову: «Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43».

Вероятно, жуковская идея о необходимости Ефремову прорываться кружным путем для соединения с отрядом Жабо и далее в полосу 10-й армии родилась под влиянием цитированной выше шифрограммы Ефремову от 10 марта. Только там речь шла отнюдь не о прорыве и выходе всей ударной группы в район действия отряда Жабо, а лишь об установлении связи и взаимодействия с партизанами, которые, по замыслу командующего фронтом, могли бы помочь Ефремову

соединиться с армией Голубева (а может быть, и атаковать Вязьму). Однако с В. В. Жабо Ефремову не удалось установить даже связи, о чем командарм-33 11 марта донес исполняющему обязанности начальника штаба Западного фронта генералу В. С. Голушкевичу: «Главком поставил мне связаться с группой тов. Жабо, но проникнуть к нему невозможно». Никаких следов директивы Жукова Ефремову о прорыве на Киров не было обнаружено в архивах, равно как и личного обращения Ефремова к Сталину с просьбой изменить направление прорыва.

В составленном полковником Генштаба (будущим генералом) К. В. Васильченко «Описании операций 33-й и 43-й армии на Вяземском направлении» утверждалось, что «наиболее целесообразное решение могло быть, жертвуя материальной частью и спасая живую силу, выходить западной группировке не на восток, как это приказал сделать командующий Западным фронтом, а на запад, к отряду Жабо. Но командующий Западным фронтом и здесь не решился в последний раз для спасения западной группировки дать такие указания, которые бы соответствовали действительной обстановке. Вместо этого он отдает заведомо невыполнимый приказ пробиваться западной группировке на восток, а 43 и 49 армии за один день прорвать на всю глубину оборону противника».

Прорыв на запад оставлял шансы уцелеть значительной части воинов из группы Ефремова, в том числе и самому командарму. Но только в том случае, если бы он был осуществлен вовремя, не позднее конца марта, пока противнику еще не удалось расчленить окруженные войска. И в этом случае потери все равно были бы огромными, но часть западной группировки имела шанс выйти из окружения как организованное целое. Когда же, выполняя директиву командующего Западным фронтом от 23 марта о соединении с 43-й армией, группа Ефремова под натиском превосходящих сил противника отошла в район Угры, прорыв на запад был уже объективно невозможен. Вечером 10 апреля Ефремов доносил: «С 13.00 10.04.1942 г. враг бросил на сжатие кольца танки и пехоту, нацелив их на каждый наш укрепленный район... Стремлюсь организовать оборону по реке Угре. По Вашей (!)

идея будет более правильное решение — собрав все силы пробиваться через Шпырево, Жолобово, Дорки и действовать далее на фронте — Большое Устье — Павлово — Королево. Этим самым и будем помогать 43, 49 армии соединиться с нами. К Жабо мы не прорвемся, так как нас разделяют танки врага с пехотой».

Можно предположить, что Жуков не планировал ранее прорыва группы на запад, поскольку такое решение неизбежно вело к потере материальной части окруженных и территории, занимаемой ими на подступах к Вязме, что фактически означало отказ от надежды захватить Вязму. Напротив, соединение с 43-й и 49-й армиями давало шанс удержать плацдарм для атаки Вязмы. Не случайно Жуков 23 марта потребовал от Ефремова «организовать оборонительные действия так, чтобы ни в коем случае не допустить сдачи занимаемой территории и не допустить сужения района действий группы».

Надежды на 43-ю армию К. Д. Голубева со стороны Жукова оказались необоснованными, она так и не смогла прорвать кольцо извне. Новый начальник штаба 33-й армии полковник С. И. Киносян, до последнего момента находившийся с Ефремовым и вылетевший из котла последним самолетом, в составленном 30 июля 1942 года «Описании операции 33 армии с 20.1 по 20.4.42 г.» констатировал: «43-я и 49-я армии, ведя непрерывно наступательные бои, успеха не имели, задачу главкома не выполнили и, не оказав поддержки во время прорыва ударной группы 33 армии, 14 апреля наступательные действия прекратили, тем самым дали возможность противнику значительно усилить свои силы против 33 армии». Наступающие советские войска понесли тяжелые потери, не добившись существенных результатов. 14 апреля 1942 года штаб германского 9-го армейского корпуса докладывал в штаб 4-й танковой армии: «Атаки противника, проведенные с 4.3.42 г. семью стрелковыми дивизиями, семью стрелковыми и двумя танковыми бригадами против северного фланга 252 пехотной дивизии и против фронта 35 пехотной дивизии, с целью захвата Гжатска, были отбиты. Противник потерял в этих боях свыше 800 пленных. Его потери убитыми, согласно показани-

ям пленных и согласно нашему подсчету, составляют свыше 20 000 человек. 36 танков противника были уничтожены». При этом германский корпус потерял около 5800 человек погибшими и пропавшими без вести и около 3200 человек тяжелоранеными и тяжелооболными. Эти цифры дают примерное представление о соотношении потерь сторон в ходе советского наступления в районе Вязьмы зимой и весной 1942 года.

9 апреля из окружения улетел последний самолет. По свидетельству генерала Киносяна, Жуков потребовал, чтобы Ефремов на этом самолете перелетел линию фронта: «Командарм М. Г. Ефремов при всех вскрыл пакет и вслух прочитал доставленную летчиком записку. Посмотрев на осунувшиеся лица бойцов, он громко сказал: «Я с солдатами пришел и с ними вернусь назад!» Вместо себя Ефремов отправил этим самолетом Киносяна. Командарм-33 оказался едва ли не единственный советский генерал, который отказался покинуть свои окруженные войска на самолете. Сталин предпочитал вывозить из окружения высокопоставленных командиров и комиссаров, тогда как в германской армии, согласно традиции, генералы оставались в окружении до конца со своими войсками.

19 апреля 1942 года, будучи тяжелораненым, М. Г. Ефремов застрелился, чтобы не попасть в плен.

В докладе К. В. Васильченко главная вина за поражение была возложена на Жукова: «Оперативный замысел операции по внезапному овладению г. ВЯЗЬМОЙ, выходом на тылы ГЖАТСКО-ВЯЗЕМСКОЙ группировки противника, разъединение ВЯЗЕМСКОЙ группировки от ЮХНОВСКОЙ и одновременный их разгром по частям не соответствовал наличию сил и средств, выделенных для этой цели Западным фронтом.

Неправильная оценка противника о его боеспособности, после нанесенных ему серьезных поражений в предшествующих боях.

Неверный расчет времени и игнорирование условий, в которых действовали наши войска, привели к неправильному принятию решения, вследствие чего задуманная операция не была выполнена.

Если бы Западный фронт вначале всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50 и гр. БЕЛОВА) обрушился на ЮХНОВСКУЮ группировку, окружил бы ее и уничтожил, что по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с КАЛИНИНСКИМ фронтом мог бы ликвидировать сычевско-гжатско-вяземскую группировку противника.

Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими целями, хотел одновременно разгромить ГЖАТСКО-ВЯЗЕМСКУЮ, ЮХНОВСКУЮ, СПАС-ДЕМЕНСКУЮ, МЯТЛЕВСКУЮ группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями. Даже тогда, когда 43 и 49 армии были правильно нацелены для разрешения общей задачи по прорыву обороны противника с целью соединения с частями западной группировки 33 армии, то и в этом случае не было налажено тесного взаимодействия между ними.

Армии, привыкшие действовать самостоятельно, без увязки своих действий с соседями, продолжали оставаться верными своим старым принципам.

Получилось так: когда ударная группировка одной армии наступает, то другой — стояла на месте, потом они менялись ролями. А командование Западного фронта продолжало наблюдать, как рядом ударные группировки двух армий дерутся вразнобой, и не вмешивалось в их дела до тех пор, пока окончательно операция на этом направлении не была сорвана.

Западный фронт не создал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха.

Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной

бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу.

Операции начинались неподготовленными, без тесного взаимодействия родов войск, части вводились в бой пачками, по частям, срывали всякую внезапность, лишь бы скорей начать операцию, без анализа дальнейшей ее судьбы.

Авиация также была раздроблена по всему фронту на мелкие группы, не было ее сосредоточенных ударов последовательно по определенным направлениям, а при прорыве войсками заранее подготовленной обороны противника она почти на поле боя не участвовала, что сильно сказывалось отрицательно на моральном состоянии войск.

Танковые и артиллерийские средства также нерационально использовались и сильно распылялись.

Управление войсками, действовавшими на этом направлении, со стороны Западного фронта было слабым.

Особенно это резко сказывалось в отсутствии достаточных резервов у командующего Западным фронтом, который не мог без них влиять на ход операций...

43 армия, начиная с февраля месяца, имела ударные группировки на определенных направлениях, но слабые по численному составу и раздробленные по силе... Маневренность частями была слабая и мало поворотливая.

Для 43 армии также присуща торопливость, поспешность, ввод частей в бой пачками, по частям, без должной организации взаимодействия всех родов войск, благодаря чему армия и не имела крупных успехов.

Западная группировка 33 армии честно и доблестно дралась до конца своего существования. При недостатке в боеприпасах и продовольствии она 2,5 месяца дралась в полном отрыве от своих войск, нанося большой урон в живой силе противнику и сковывая его большие силы своими действиями...

Благодаря крупным недочетам, в первую очередь оперативного характера... в действиях 43 и 49 армий противник избежал разгрома по частям. Получился успех вместо опера-

тивного масштаба — чисто тактический — вытеснение мятевской группировки противника, взятие ЮХНОВА и выход на рубеж рек ВОРЯ и УГРА».

В том же докладе отмечалось, что части пополнялись не маршевыми подразделениями, а неорганизованным маршевым пополнением. В результате необстрелянные и недостаточно обученные люди сразу «вливаются в боевые порядки и начинают вести бой. Получалась большая диспропорция в боевых качествах между бойцами, закаленными в боях, и новичками, которые далеко еще не были обстреляны. Первые в боевой обстановке были устойчивые и дрались хорошо. Вторые были менее устойчивые и часто вначале поддавались панике. Вследствие этого, часто растворенные старые части среди малообученных новичков не выполняли боевых задач и несли большие потери».

Плохо подготовленные атаки вели к огромным потерям. Немецкая разведка в середине января 1942 года выпустила бюллетень «Опыт войны на Востоке», где обобщила основные особенности русских атак: «В большинстве случаев атаке предшествует разведка боем на широком фронте, которая после прорыва или просачивания в наше расположение переходит в решительное нападение с тыла и флангов. Артиллерийская подготовка атаки применяется редко, однако русские очень охотно применяют ночью, перед атакой, короткий, но сильный беспокоящий огонь с дальних дистанций, постоянно меняя при этом свои огневые позиции. Свои атаки русские начинают в сумерках или на рассвете. Пользуясь темнотой, туманом, вьюгой или дождливой погодой, русские занимают исходные позиции для атаки. Отбитые атаки повторяются снова, не шадя сил и ничего не меняя. Трудно предположить, что на протяжении одного дня боев наступающая часть каким-либо образом сменит схему проведения атаки. Таким образом, для отражения атак русских нужны крепкие нервы и сознание того, что наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоять массовому наступлению русских».

По тому же шаблону Красная армия наступала вплоть до самого конца войны. Об этом свидетельствуют как немецкие, так и советские мемуаристы. И глупо тут винить одного

Жукова. Он действовал не лучше и не хуже других советских генералов и маршалов. Просто цена человеческой жизни в Советском Союзе была чрезвычайно низкой, не сравнимой с ценой жизни американских, британских или немецких солдат.

Из 12-тысячной группировки Ефремова к своим прорвалось только 889 человек. Только за апрель 1942 года потери войск Западного фронта составили 45 000 человек убитыми и пропавшими без вести и 74 000 ранеными. Неприятельские потери за тот же период штаб Жукова определил так, чтобы они не уступали собственным потерям: 30 600 убитых, а вместе с ранеными — не менее чем 120 000. Истинные потери вермахта даже на всем Восточном фронте были вдвое скромнее: 60 005 человек, в том числе 15 253 погибшими и пропавшими без вести.

Отмеченные в докладе Генштаба по итогам Вяземской операции недостатки были характерны для многих операций, которыми руководил Жуков. В отличие от него, Ефремов воевал грамотно, не числом, а умением, вовсе не на крови строил свою карьеру, однако с этими своими качествами, ценимыми в армиях всего мира, явно был белой вороной в Красной армии.

Столь же неуспешно развивались боевые действия советских войск на Ржевском направлении. Здесь в начале февраля попала в окружение 29-я армия Калининского фронта. 28 февраля, как отмечает Жуков в не подвергшейся цензуре версии своих мемуаров, ее остатки в количестве 6000 человек (из них 800 раненых) прорвались к своим. По немецким данным, в плен попало 4888 бойцов и командиров этой армии, и еще 26 647 были найдены погибшими на поле боя. Таким образом, вторая половина тех клещей, что должны были сжать основные силы группы армий «Центр», отвалилась уже в феврале.

Потому-то Жуков так держался за группу Ефремова и не разрешал ей, несмотря на тяжелое положение, отойти с подступов к Вязьме. Командующий Западным направлением надеялся, что с взятием этого важнейшего железнодорожного узла удастся заставить группу армий «Центр» оставить нацеленный на Москву плацдарм.

Рокфссковский в 1962 году в беседе с преподавателями и слушателями академии имени Фрунзе критически оценил ход советского контрнаступления под Москвой: «20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубейшая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника (не только выталкивали, но и сами попадали в окружение! — Б. С.). Не хватало орудий, танков, особенно боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке. Наступало пять фронтов, и, естественно, сил не хватало. Противник перешел к стратегической обороне, и нам надо было сделать то же самое. А мы наступали. В этом была грубейшая ошибка Сталина. Жуков и Конев не смогли его переубедить». Впрочем, нет никаких надежных свидетельств, что Георгий Константинович и Иван Степанович пытались это сделать.

Еще в декабре 41-го главный удар в кампании 1942 года Гитлер собирался нанести на юге, чтобы овладеть оставшейся под советским контролем частью Донбасса и кавказской нефтью и тем самым резко ослабить силу сопротивления восточного противника.

В мемуарах Жуков утверждал, что весной 1942 года «предлагал Сталину, так же как и Генштабу... в первую очередь нанести мощные удары на Западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного и Калининского фронтов и частично силами Северо-Западного фронта, а также авиацией ПВО Москвы и ближайших фронтов. Разгром противника на Западном направлении должен был серьезно ослабить его силы и принудить отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере на ближайшее время». Однако Сталин, как

и Гитлер, предпочел перенести основные усилия на юг. В мае в наступление на Харьков должны были перейти войска Юго-Западного фронта С. К. Тимошенко.

А. М. Василевский в мемуарах сетовал: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное. Стратегические резервы соответственно сосредоточивались в основном возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова. Критически оценивая теперь принятый тогда план действий на лето 1942 года, вынужден сказать, что самым уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать».

По утверждению Василевского, Сталин отверг план широкомасштабного наступления фронтов Юго-Западного направления с последующим выходом на линию Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев, но дал согласие на проведение более узкой операции по овладению Харьковом.

Василевского можно понять. Александр Михайлович стремился снять ответственность за неудачу Харьковской операции с начальника Генштаба Шапошникова и с себя лично, поскольку в дни майских боев под Харьковом непосредственно руководил Генеральным штабом. Сталин еще 24 апреля передал Василевскому обязанности начальника Генштаба в связи с болезнью Шапошникова. Вот и числил Александр Михайлович неудавшееся наступление на Харьков в разряде частных операций, да к тому же готовившихся без ведома и участия Генерального штаба, чуть ли не подпольно.

Жуков был против наступления на Харьков и в мемуарах также подчеркивал, что это была всего лишь частная наступательная операция. Он-то предлагал стратегическую операцию по разгрому группы армий «Центр» и предполагал, что с ним, с Жуковым, если бы дали фронтам Западного направления те резервы, что дали Тимошенко, такого конфуза, как под Харьковом, никогда бы не случилось.

Но была ли в действительности Харьковская операция частной? Ведь войска Тимошенко в ходе зимне-весеннего наступления захватили два важных плацдарма в районе Барвенкова и за рекой Большая Бабка, пригодные для концент-

рического наступления на Харьков. Там можно было окружить и уничтожить значительные силы 6-й немецкой армии и достичь тем самым стратегического успеха.

Выслушаем еще одного важного свидетеля — маршала, а в 42-м — генерал-лейтенанта, Баграмяна, возглавлявшего оперативную группу Юго-Западного направления. Жуков утверждал, что он тоже участвовал в совещании в ГКО. Иван Христофорович подробно описывает подготовку к Харьковской операции, свой приезд в Москву в марте вместе с Тимошенко и Хрущевым, встречи со Сталиным, Шапошниковым и Василевским. Баграмян пишет, что предложенную Военным советом Юго-Западного направления стратегическую операцию Верховный приказал перепланировать в частную. Однако то, что сообщает Иван Христофорович по поводу этой новой, разработанной уже согласно сталинским указаниям, операции, заставляет усомниться в ее частном характере. Вот как формулировалась цель Харьковской операции в плане действий на апрель — май, одобренном 30 марта 1942 года Сталиным, Шапошниковым и Василевским: «Основная цель действий войск Юго-Западного направления в указанный период — овладеть г. Харьков, а затем произвести перегруппировку войск, ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейшей переправы через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково». Что-то уж больно обширные задачи для частной наступательной операции! А бывший командующий 38-й армией маршал К. С. Москаленко вспоминает, как в конце марта на совещании с командующими армиями Баграмян «сказал, что наши войска располагают большими преимуществами и поэтому должны упредить намерения противостоящего врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения реки Днепр». И Баграмян, и Москаленко ссылаются на соответствующие архивные фонды. Не приходится сомневаться, что как по первоначальному, так и по окончательному плану Юго-Западному фронту предстояло не только овладеть Харьковом, но и выйти к среднему течению Днепра, разгромив при этом самую сильную 6-ю армию группы армий «Юг». В директиве штаба Юго-Западного фронта Харьковская операция прямо назы-

валась «операцией по полному и окончательному освобождению советской Украины от немецко-фашистских захватчиков». Вот какую большую цель ставили своим подчиненным Тимошенко, Баграмян и Хрушев.

В первомайском приказе бойцам и командирам Красной армии Сталин утверждал: «Что касается немецкой армии, то, несмотря на ее упорство в обороне, она все же стала намного слабее, чем 10 месяцев назад. Ее старые, опытные генералы... разогнаны немецко-фашистской верхушкой. Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе военных операций, получает все меньше пополнений... Приказываю: ...Всей Красной армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!»

Планировалось, что харьковская операция положила начало разгрому вермахта. Вслед за ней должна была последовать операция в Крыму, тоже с весьма решительными целями. Войскам Крымского фронта предстояло соединиться с защитниками Севастополя, разбить 11-ю немецкую армию и освободить Крым. С аэродромов полуострова можно было бомбить как румынские нефтепромыслы, так и тыловые коммуникации группы армий «Юг». Кроме того, господство советского флота на Черном море позволяло высадить из Крыма крупный десант на юге Украины и ударить навстречу наступающим армиям Тимошенко. После того как обозначился успех на Украине, в наступление должны были перейти войска Брянского фронта на Львовско-Курском направлении, а потом настала бы очередь Западного и Калининского фронтов атаковать Ржевско-Вяземский плацдарм. Вероятно, действительный замысел Ставки на весенне-летнюю кампанию 1942 года состоял в том, чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, чтобы заставить противника распылить резервы, не дать ему создать сильную группировку для отражения наступления ни в одном из пунктов. Подобная стратегия при-

несла успех в 44-м, особенно с лета, когда во Франции был открыт второй фронт. Но в 42-м у вермахта было еще достаточно сил, чтобы парировать советские удары.

Сталин, Шапошников, Василевский, Жуков, Тимошенко и прочие военачальники весной 42-го думали, что Красная армия достаточно сильна, чтобы разгромить немцев. Их убеждали в этом и фантастические цифры немецких потерь, представляемые Разведуправлением Генштаба. Так, к 1 марта 1942 года потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивались в 6,5 миллиона человека, в том числе 5,8 миллиона — из состава сухопутных сил. Интересно, как люфтваффе и германский флот ухитрились потерять за 8 месяцев войны с Россией 700 тысяч человек, если до конца января 1945 года на Востоке они потеряли втрое меньше: 16,6 тысяч человек — флот и 219,0 тысяч — авиация, включая сюда и потери в войне против Польши. Действительные же потери германских сухопутных сил в войне против СССР к 1 марта 1942 года достигли лишь 1 005,6 человек и были вшестеро меньше, чем считали Сталин и его генералы. Свои же потери они преуменьшали в 2—3 раза.

Соотношение сил члены Ставки явно преувеличивали в свою пользу. Потому-то и пренебрегли предупреждением разведки, что главный удар немцы собираются нанести на юге. Во второй половине марта в Генштаб поступили сведения, что перегруппировка немецких войск указывает — «центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на Центральном фронте против Москвы». Но не все ли равно, где именно враг собирается нанести главный удар, если неприятельское наступление планировали упредить. Тем более что в избытке были и разведдонесения иного рода — будто вермахт повторит генеральное наступление на Москву.

Сталин очень рассчитывал на победы в Крыму и под Харьковом. Однако в мае готовившиеся только к наступлению, а не к обороне войска Крымского фронта были почти полностью уничтожены стремительным контрнаступлением Манштейна. А войска Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в мешок и только облегчили немцам

проведение ранее запланированной операции по ликвидации барвенковского выступа. После этого началось развертывание вермахта для осуществления плана «Блау» — генерального наступления южного крыла фронта к Кавказу и Сталинграду. Но Сталин и его генералы, включая Жукова и окончательно сменившего Шапошникова на посту начальника Генштаба Василевского, продолжали думать, что немецкие удары в Крыму и у Харькова были лишь частными операциями, призванными ликвидировать опасные советские плацдармы перед началом главного удара на Москву. Между тем советское командование получило чудесный подарок. 19 июня, за девять дней до начала наступления по плану «Блау», самолет с начальником оперативного отдела штаба 23-й танковой дивизии майором Рейхелем в темноте потерял ориентировку и приземлился на нейтральной полосе (по другой версии — на одном из советских прифронтовых аэродромов). Майор был убит, а его портфель с документами, раскрывающими основной замысел плана «Блау», попал в руки советского командования. Однако германское командование не стало изменять план наступления. Перегруппировка войск отсрочила бы удар на несколько столь ценных летних недель. 20 июня документы Рейхеля оказались у Сталина. Иосиф Виссарионович все сомневался: не дезинформация ли это? Тимошенко убеждал, что нет: «Перехваченные документы с плановыми действиями противника не вызывают сомнений, потому что направлялись они боевым самолетом... Два офицера, в том числе летчик, при падении сгорели, и один офицер в звании майора остался живым, пытался уничтожить документы и скрыться, но был настигнут нашими войсками в момент падения на землю и убит в перестрелке». Сталин, однако, верил, что немцы будут наступать не только на юге: «Возможно, что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам». В результате советская сторона также не стала осуществлять перегруппировку войск.

У Сталина были объективные основания ожидать наступления немцев на Западном направлении. В группе армий «Центр» по-прежнему оставалось свыше 70 немецких дивизи-

зий — больше, чем в любой другой группе армий на Восточном фронте. На юге в генеральном наступлении участвовало 90 дивизий, но свыше половины из них составляли соединения, выставленные союзниками Германии — Румынией, Венгрией, Италией и Словакией. По боеспособности они значительно уступали немецким. На одном Ржевско-Вяземском плацдарме, который Гитлер приказал удерживать для будущего наступления на Москву после достижения основных целей на юге, было сосредоточено 42 дивизии. Когда в феврале — марте 1943 года немцам пришлось все-таки оставить этот плацдарм, то за счет сокращения линии фронта им удалось высвободить 21 дивизию. Если бы его эвакуация была проведена весной или, в крайнем случае, летом 42-го, эти дивизии отправились бы к Сталинграду. Их хватило бы, чтобы предотвратить катастрофу под Сталинградом. Ведь тогда фланги армии Паулюса прикрывали бы не слабые войска союзников, а полноценные германские соединения. Боюсь, если бы Жукову все-таки удалось заставить немцев уйти с Ржевско-Вяземского плацдарма, это могло лишить Красную армию победы под Сталинградом.

Жуков никакого наказания за неудачу Ржевско-Вяземской операции не понес. Сталин слишком хорошо относился к спасителю Москвы и Ленинграда, чтобы ставить ему в строк мелкие по тем временам неудачи. С майскими катастрофами на юге их ведь не сравнишь: Керчь — 150 тысяч пленных, Харьков — 240 тысяч! Жуковские неудачи были куда скромнее. В августе безрезультатно закончилось очередное наступление Западного и Калининского фронтов. Последовавшее за ним немецкое контрнаступление, имевшее местное значение, также не привело к существенным изменениям обстановки. В июле командование 9-й немецкой армии провело операцию «Зейдлиц», целью которой была ликвидация оказавшихся в ее тылу соединений 22-й, 29-й и 39-й армий и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта. В итоге было захвачено более 50 тысяч пленных. Однако здесь потерпел поражение фронт Конева, которым Жуков непосредственно не руководил.

26 августа 1942 года Сталин назначил Жукова заместителем Верховного главнокомандующего и приказал ему отбыть

в Сталинград, на подступах к которому обстановка складывалась критическая. 29-го Георгий Константинович приехал с фронта в Ставку, а уже 31-го был в штабе Сталинградского фронта. Там он оставался вплоть до 3 октября. Жуков участвовал в организации контрударов армий, расположенных севернее Сталинграда. Эти контрудары не уничтожили армию Паулюса, но и не позволили прорвавшимся к Волге немецким войскам с ходу овладеть городом. 12 сентября Жуков прибыл в Ставку. Вместе с Василевским они доложили Сталину о тяжелых боях под Сталинградом и на Кавказе.

В «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович описал историческую встречу с Верховным, во время которой зародился замысел окружения 6-й немецкой армии:

«— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом? — спросил Сталин.

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Василевский полностью поддержал мои расчеты. Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг подняв голову, спросил Сталин.

Я никогда не думал, что у Сталина такой острый слух».

Верховный приказал генералам вернуться в Генштаб и еще раз подумать, какие войска можно перебросить под Сталинград. На вечер следующего дня он назначил новое совещание. Там Жуков и Василевский доложили о наметках плана большого контрнаступления, нацеленного на фланги армии Паулюса, прикрытые румынскими войсками. Предлагалось создать новый Юго-Западный фронт для удара по оперативному тылу сталинградской группировки противника.

По словам Жукова, Сталин сначала отнесся к плану скептически: «У нас сейчас не хватит сил для такой большой операции». Жуков уверил, что все удастся подготовить за 45 дней. Сталин предложил сузить фронт будущего наступления, ударить вдоль Дона. Жуков настаивал на ударе к западу от Дона, чтобы противник не успел перебросить танковые дивизии из-под Сталинграда для отражения атак. Тогда между этими дивизиями и советскими войсками оказалась бы преграда в виде широкой реки. Сталин, однако, в тот день не дал окончательную санкцию на подготовку контрнаступления, приказав любой ценой удержать Сталинград. «Разговор о плане продолжим позже», — добавил он. Жуков вернулся в штаб командующего Сталинградским фронтом В. Н. Гордова, а Василевский выехал к А. И. Еременко на Юго-Восточный фронт, непосредственно оборонявший Сталинград. В конце сентября началась подготовка контрнаступления, причем Жуков добился замены командующего Сталинградским фронтом Гордова на своего старого друга Рокоссовского. Новый же Юго-Западный фронт возглавил, по рекомендации Георгия Константиновича, его бывший заместитель на посту начальника Генштаба Ватутин.

Василевский поддержал Жукова не только на совещании у Сталина, но и в своих мемуарах. Об обстоятельствах зарождения плана окружения немцев под Сталинградом он пишет примерно так же, как и Жуков: «Ставке Верховного главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни 6-я и 4-я танковая немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками... Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только бы радикально изменило обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между Сталиным, Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича северо-западнее Сталинграда и из дефиле озер Цаца и Беманцак южнее Сталинграда в общем направ-

лении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы...»

У победы под Сталинградом после войны объявилось много отцов. Командующий Юго-Восточным (позднее Сталинградским) фронтом Еременко и член Военного совета фронта Хрущев утверждали, что они представили в Ставку план будущего контрнаступления в конце сентября или в начале октября. Вполне можно допустить, что сходная идея одновременно и независимо пришла в голову сразу нескольким военачальникам. Слишком уж соблазнительно упирался в Волгу узкий немецкий клин с мощной 6-й армией, усиленной частью сил 4-й танковой. А слабость союзников Германии, прикрывавших фланги, была хорошо известна. Вот что пишет по этому поводу Хрущев: «Как возникла мысль об окружении... противника? Не говорю, что она возникла только у нас, то есть у меня и Еременко, нет, она, возможно, возникла и у других. Но в целом этот вопрос назрел... Противник сосредоточил усилия на довольно узком направлении. Это говорило о его слабости: на широком фронте он наступательных операций вести не мог и бросал живую силу в город, как в мясорубку... Как правило, разведка работала добросовестно и докладывала правильно. Она сообщала, что за Доном войск противника нет... В целом наши войска прочно держали линию обороны, потому что она была уже подоборудована. Это... нас подбодрило. Мы видели, что имеем возможность нанести удар на флангах противника и изменить положение дел под Сталинградом. Тогда мы с Еременко написали Сталину докладную, где высказали свое мнение: ...по нашим данным... у немцев за Доном пусто; сил, на которые они могли бы опереться, там нет. Мы не знаем, чем располагает Ставка, но если найти войска, которые можно было бы сосредоточить восточнее Дона и ударить отсюда к Калачу, а нам с юга ударить по южному крылу противника, то можно было бы окружить врага, который ворвался в город и ведет бои в самом Сталинграде. Чем располагала Ставка и были ли у нее такие возможности к тому времени, мы просто не знали. Знали только, что нам очень тяжело и что нам дают под-

креплений очень мало. А если нам дают мало, значит, давать нечего. Так мы думали. И у нас возникла мысль — не ломимся ли мы в открытую дверь, потому что не знаем реального положения... в стране?

Спустя некоторое время к нам приехал Жуков. Он рассказал, что в Ставке имеется замысел, аналогичный тому, который мы с Еременко изложили в своей докладной, и предупредил нас, что об этой операции не должен никто знать и что он прилетел специально предупредить нас об этом. В данном случае подозрительность Сталина была полезна: чем меньше знает людей о готовящейся операции, тем лучше для самой операции. Жуков показал на карте, на каком участке должен будет нанести удар Сталинградский фронт. Это было как раз направление действий 51-й армии. Мы тоже считали, что нам ударить надо оттуда, где мы уже провели успешную разведку боем. Там лежит озеро Цаца».

Жуков в мемуарах фактически подтверждает сказанное Хрущевым: «В момент затишья с разрешения Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали Еременко и Хрущев... Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос Еременко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств».

Наиболее логичным решением для германского командования был бы отход от Сталинграда и укрепление за счет высвободившихся дивизий фронта на Дону. Гальдер предлагал именно такое решение, но Гитлер с ним не согласился и 24 сентября отправил начальника штаба сухопутных войск в отставку. Сменивший Гальдера Курт Цейтлер в октябре повторил предложение своего предшественника. Но фюрер его отверг. По воспоминаниям Цейтлера: «Гитлер выходил из себя, когда на подобное решение проблемы только намекали в его присутствии... В своей знаменитой речи о Сталинграде в октябре 1942 года он сказал: «Немецкий солдат оста-

ется там, куда ступит его нога... Вы можете быть спокойны — никто не заставит нас уйти из Сталинграда». Гитлер не хотел признавать крах своих попыток поставить Россию на колени. Сталинград, важный центр военной промышленности и транспортный узел на Волге, был одной из главных целей летней кампании. Уйти из города для вермахта значило бы признать свое поражение. Гитлер тешил себя иллюзией, что 6-й армии удастся перезимовать в Сталинграде, а в 43-м году возобновить наступление к Астрахани, тогда как на Кавказе группа армий «А» будет продвигаться к Баку. По этой причине было отклонено предложение командования 6-й армии во второй половине октября об отходе на линию рек Дон и Чир и создании резервов. Также и командующий 4-й танковой армией Гот предупреждал командование группы армий «Б» и Генштаб, что, если между румынскими дивизиями срочно не поставить «прокладки» в виде немецких частей и соединений, дело кончится катастрофой.

Ошибки Гитлера значительно облегчили задачу Жукова и Василевского. Упорное стремление фюрера во что бы то ни стало удержать Сталинград, увеличило постигшую Германию катастрофу, но само по себе не было ее причиной. У вермахта не было достаточных сил, чтобы удержать все расширявшийся фронт наступления. Гитлер опять, как и в 41-м, переоценил свои силы и недооценил советские возможности изыскания резервов для контрнаступления. Даже если бы не произошло окружения армии Паулюса, немцам пришлось бы отдать все, завоеванное в летней кампании, и в 43-м году без всяких шансов предпринять в России новое наступление со стратегическими целями. К осени 42-го эвакуированные из оккупированных районов промышленные предприятия уже восстановили свое производство, а помощь по ленд-лизу позволила увеличить производство танков, самолетов и боеприпасов и обеспечить Красную армию горючим, средствами связи и транспортом.

Советское контрнаступление под Сталинградом готовилось в строжайшей тайне. На первом этапе о нем знали лишь Сталин, Жуков и Василевский. Командующие и штабы фронтов услышали о плане контрнаступления только в середине октября. Однако 4 ноября, за две недели до его начала,

на стол Гитлера легло донесение неизвестного агента абвера в советском тылу, очень точно вскрывавшее планы советского командования. Там говорилось: «По полученным от доверенного лица сведениям, 4 ноября состоялось заседание Военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали двенадцать маршалов и генералов. На нем принято решение... провести все запланированные наступательные операции по возможности еще до 15 ноября, насколько это позволят погодные условия. Главные удары: от Грозного в направлении Моздока; в районе Нижнего и Верхнего Мамона в Донской области; под Воронежем; под Ржевом; южнее озера Ильмень и под Ленинградом. Фронтовые части усиливаются за счет резервов».

На протяжении нескольких десятилетий после войны большинство историков придерживались мнения, что это была советская дезинформация, призванная отвлечь внимание германского командования от готовившегося наступления у Сталинграда. Также и Жуков утверждал, будто запланированная атака Западного и Калининского фронтов на Ржев имела лишь второстепенное значение и должна была только препятствовать переброске немецких дивизий с этого участка фронта под Сталинград.

Однако в действительности наступлению на Ржевско-Вяземский плацдарм Ставка придавала едва ли не большее значение, чем наступлению на юге. И первоначально срок перехода в наступление Юго-Западного и Донского фронтов был установлен на 15 ноября. Василевский отмечает в мемуарах: «Сосредоточение последних войсковых соединений и всего необходимого для начала операции, по самым твердым нашим расчетам, должно было закончиться не позднее 15 ноября». Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» цитирует свое послание Сталина по «бодо» от 11 ноября: «Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» (условное название операции по окружению сталинградской операции. — Б. С.) очень мало. К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.». Вероятно, первоначальный срок был еще более ранний — 12 или 13 ноября. Однако и к 15-му не удалось подвезти все требуемые запасы. Поэто-

му начало наступления было перенесено на 19 ноября для Юго-Западного и Донского фронтов, и на 20-е — для Сталинградского.

Неизвестный немецкий агент в своем донесении ошибся только в одном пункте: главный удар наносился не на правом крыле Юго-Западного фронта у Верхнего и Нижнего Мамона, а на его левом крыле. Но на дезинформацию это не похоже. Просто удар правого крыла мог привести к более глубокому охвату соединений группы армий «Б», включая 6-ю армию, и все равно от немецкой стороны требовал немедленного отвода войск Паулюса из Сталинграда. Вполне вероятно, что первоначальный план наступления Юго-Западного фронта отличался от того, что был осуществлен на практике. Жуков, в частности, пишет, что «с 1 по 4 ноября были рассмотрены и откорректированы планы Юго-Западного фронта». Не исключено, что корректировка как раз и заключалась в смене направления главного удара, но сегодня это уже нельзя установить с точностью: командующий фронтом Н. Ф. Ватутин и его начальник штаба генерал-майор Г. Д. Стельмах погибли еще в дни Великой Отечественной войны и мемуаров не оставили.

Германское командование, однако, не прислушалось к предостережению неизвестного агента. Вероятно, Гитлер решил: раз Красная армия будет одновременно наступать на нескольких направлениях, значит, ни на одном из них удар не будет слишком сильным. Уже 7 ноября авиационная и радиоразведка установили концентрацию советских сил на плацдармах у Клетской и Серафимовича. Командование 6-й армии и группы армий «Б» ожидало скорого советского наступления, но недоценило его масштаб. Начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Артур Шмидт 1 декабря признавал: «Было бы неправильно искать сегодня виновника этой беды. Все мы не разглядели опасности во весь ее рост... и в очередной раз недоценили русских».

После того как окружение 6-й армии было завершено и отбита попытка ее деблокады соединениями 4-й танковой армии Гота, речь шла уже только о том, чтобы пожать плоды победы, принять «лагерь вооруженных военнопленных»,

по меткому выражению командующего защищавшей Сталинград 62-й армии Василия Ивановича Чуйкова. Ставка приняла решение объединить все войска, действующие против окруженной группировки, под единым командованием. По предложению Жукова предпочтение было отдано командующему Донским фронтом Рокоссовскому — его давнему другу. Командующий Сталинградским фронтом Еременко таким решением был очень расстроен. Его расстройство можно понять. Еременко, в отличие от Рокоссовского, участвовал в Сталинградской битве с самого начала, и его фронт выдержал самые тяжелые дни сражения за город. Андрей Иванович считал, и честно писал об этом в дневнике, что, по справедливости, именно ему должны были поручить завершение операции. Ведь теперь оставалось, по сути, только принять пленных и собрать трофеи. Сопротивляться лишенная боеприпасов, горючего и продовольствия армия Паулюса уже не могла. А тут такая обида! Жуков дал возможность Рокоссовскому пожать лавры сталинградской победы, впервые в истории Великой Отечественной принять капитуляцию целой немецкой армии во главе со свежеиспеченным фельдмаршалом.

От обиды и от пережитого в дни Сталинградского сражения у Еременко открылись старые раны. В госпитале, а потом в санатории у Андрея Ивановича было время, чтобы подробно проанализировать события, связанные с подготовкой контрнаступления, и свои взаимоотношения с Жуковым. 1 февраля 1943 года, явно имея в виду Георгия Константиновича, Еременко с горечью отметил в дневнике: «Первостепенное значение имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством... Страшная беда, что и в наш век все еще так решаются вопросы». Эта запись появилась по поводу публикации указа от 28 января о награждении группы генералов, отличившихся в битве за Сталинград, орденом Суворова I степени. Одновременно почти все награжденные, кроме Еременко, удостоились очередных званий. Жуков, получивший орден Суворова № 1, еще 18 января стал Маршалом Советского Союза. Гордов, Рокоссовский, Ватутин получили звания генерал-полковников. Василевский — генерала армии, а через месяц, 16 февраля, — и маршальское звание. Вот

только Еременко из генерал-полковников в генералы армии Сталин производить не спешил. Андрей Иванович видел здесь жуковские козни.

В записи от 19 января 1943 года Еременко значительную часть вины за свою опалу возлагал на Жукова: «Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному главнокомандующему. Я обязан был это сделать, как командующий войсками, отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало. Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист... Если представится возможность, напишу о нем побольше». Такая возможность представилась в санатории Цхалтубо, где Еременко оправлялся от болезни. Здесь он записал 28 февраля 1943 года: «Я почувствовал себя значительно лучше и приступил к описанию Сталинградской битвы. В ходе работы у меня возникла мысль, что если бы тов. Жуков утвердил время атаки, которое предлагал я, то противник не только не задержал бы нас на реке Червленой, а наоборот, сталинградская группировка была бы разбита еще в ноябре. Один день, недооцененный Жуковым, «съел» два месяца (подготовки к контрнаступлению. — Б. С.) и принес много жертв. Первоначально по общему плану контрнаступления Юго-Западный и Сталинградский фронты должны были наступать одновременно. Я был категорически против одновременного начала наступления и доказывал, что мы должны обмануть противника и поставить в исключительно невыгодные условия, заставить его измотать и задержать свои танковые и механизированные войска, к тому же без всякой пользы... Мое утверждение основано на реальном расчете и анализе действий противника. С началом нашего наступления факты полностью подтвердили мои доводы. Я не считаю себя сейчас умней, чем был тогда, когда настаивал на своем предложении и добивался его утверждения... Ведь если Юго-Западный фронт начнет наступление на два дня раньше, чем Сталинградский, то для противника создастся весьма сложная об-

становка, которая может привести его к катастрофе. На эти мои доводы Жуков ответил: «Обождите с «катастрофой», хоть отгоните противника от Сталинграда километров на 60—70, и то будет хорошо».

Однако когда Еременко повторно изложил свои соображения насчет разновременного начала наступления двух фронтов, Георгий Константинович воспринял эту идею более благосклонно: «На сей раз Жуков слушал меня с большим вниманием и в конце моего доклада сказал:

— Хорошо, согласен на одни сутки. Так и буду докладывать Сталину на утверждение.

— Я прошу доложить на двое суток.

— Нет, нет, — сердито возразил он, — одни сутки, больше не дадим!

— Ясно, — ответил я и подумал, что не для себя прошу эти дни, а для общего дела, для нашей страны... На этом и закончилось обсуждение вопроса о сроке начала атаки. Я весь кипел внутри и возмущался... Жуков боялся, как бы не застопорилось наступление Юго-Западного фронта. В какой-то мере он вместе с Ватутиным готовил это наступление. Подготовку войск Сталинградского фронта осуществлял я. И вдруг они более успешно будут действовать?!

Следует сказать, что жуковское оперативное искусство — это превосходство в силах в 5—6 раз, иначе он не будет братьяся за дело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит свою карьеру.

Он боялся даже в таких условиях, когда Ватутин сосредоточил на узком фронте танковую армию тов. Романенко (5-ю танковую. — Б. С.), два совершенно свежих танковых корпуса, 3-ю ударную общевойсковую армию тов. Кузнецова (в действительности В. И. Кузнецов командовал 1-й гвардейской армией Юго-Западного фронта; в декабре из нее выделили еще 3-ю гвардейскую армию, что и вызвало ошибку памяти у Еременко. — Б. С.), 21-ю общевойсковую армию, несколько отдельных танковых бригад, кавалерийский корпус и много других частей усиления. С такой силищей трусил, хотел, чтобы войска Сталинградского фронта оттянули на себя силы противника. Вот когда Жуков показал свою шкуру».

Насчет того, что разведение по срокам начала наступления Сталинградского и Юго-Западного фронтов на два дня вместо одного сделало бы поражение германских войск под Сталинградом еще более сокрушительным, Еременко был абсолютно прав. Немецкие историки и мемуаристы после войны документально подтвердили, что в случае задержки атаки войск Сталинградского фронта еще на одни сутки, все немногочисленные резервы 6-й армии и группы армий «Б» были бы уже введены в бой против соединений Юго-Западного и Донского фронтов и не успели бы вернуться для противодействия атаке Сталинградского фронта. Тогда армия Паулюса действительно могла быть уничтожена уже в первые недели советского контрнаступления, что еще более радикально изменило бы общую стратегическую ситуацию. В данном случае Жуков действительно не смог увидеть оперативную перспективу, а усмотрел в предложении Еременко лишь попытку обеспечить успехи своего фронта за счет фронта Ватутина, к которому, как и к Рокоссовскому, явно благоволил.

И относительно жуковского пренебрежения к потерям подчиненных ему войск, готовности делать карьеру на крови собственных солдат Еременко не ошибался. Правда, иначе не воевали и другие советские генералы, включая самого Андрея Ивановича.

В письме Василию Соколову Жуков утверждал: «Фактически... Еременко был смещен Сталиным за плохое личное руководство войсками Сталинградского фронта, поглотившего исключительно большое количество войск в период оборонительных сражений». По правде сказать, если бы Сталин действительно считал плохим руководством то, которое вело к большим потерям, то ни один командующий фронтом не продержался бы на своем посту больше месяца. Вполне возможно, что причиной смещения Еременко в действительности послужил его отказ написать представление об освобождении Хрущева от обязанностей члена Военного совета.

Но вот насчет чрезмерно большого расхода сил советской стороной в ходе обороны Сталинграда Георгий Константинович был прав. Неожиданно его слова подтвердил другой

маршал — Р. Я. Малиновский. В 1965 году на одной из встреч с военными и интеллигенцией он сказал примерно следующее: «Я считаю, что Сталинград вообще не надо было оборонять. Проще было отвести войска на восточный берег Волги. Волга — слишком серьезная преграда, чтобы немцы смогли быстро форсировать ее. Те войска, которые были перемолоты в борьбе за город, лучше было бы использовать для контрударов по флангам противника. Тогда наши потери были бы гораздо меньше немецких, а так в ходе оборонительного сражения они оказались в несколько раз больше».

Быть может, то, что предлагал Родион Яковлевич, было в действительности оптимальным решением, которое позволило бы гораздо быстрее и с меньшими потерями окружить и уничтожить 6-ю немецкую армию? Ведь советские войска под руководством Гордова, а потом Рокоссовского, положили много людей во время плохо подготовленных контрударов к северу от Сталинграда. А фронт Еременко потерял не меньше в ходе сражений в самом городе. Немецкие войска обладали превосходством в воздухе. Кроме того, 6-я армия Паулюса тактически грамотнее вела уличные бои. Например, немцы первыми применили действия небольшими штурмовыми группами, которые потом переняли у них бойцы Чуйкова. Бои в большом городе — это гораздо более сложный вид боевых действий, чем борьба в чистом поле или в небольших населенных пунктах. В более сложном бою хорошо обученные войска ведут себя увереннее, и именно в этом сказалось превосходство вермахта — в уровне боевой подготовки.

Жуков вместе с Василевским в качестве представителей Ставки готовили контрнаступление под Сталинградом. Правда, по мнению Рокоссовского, они больше мешали, чем помогали командующим фронтами: «Представителям Ставки и начальнику Генерального штаба... следовало находиться именно в Ставке, у руля управления всеми вооруженными силами, где вырабатывались и принимались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска... Доложив о вступлении в командование войсками фронта, я попросил предоставить мне возможность командовать войсками непосредственно... Крепко поддержал

меня в этом Маленков, заявив Жукову, что моя просьба вполне обоснована, а потому действительно им сейчас здесь делать нечего. В тот же день они улетели в Москву». Хотя и был Георгий Константинович заместителем Верховного, но своему тезке Георгию Максимилиановичу перечить не рискнул — как никак член ГКО, пользовавшийся особой благосклонностью Сталина, будущий официальный преемник вождя.

Рокоссовский запечатлел почти гоголевскую сцену в штабе Юго-Западного фронта: «Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским». Очень часто командующий фронтом попадал в положение мальчика на побегушках у представителя Ставки.

Жуков пробыл под Сталинградом до 16 ноября. В этот день он вернулся в Москву, а уже 19-го числа вылетел на Калининский фронт готовить операцию «Марс» — наступление на ржевско-сычевскую группировку противника. В штабах Западного и Калининского фронтов он, с небольшими перерывами, пробыл до конца декабря. В советской истории Великой Отечественной укоренилось мнение, что наступление войск этих двух фронтов в ноябре — январе 43-го имело сугубо вспомогательное значение и должно было только отвлечь силы немцев от Сталинграда. Лишь в 90-е годы видный американский военный историк Дэвид М. Глэнц доказал, что операция «Марс» по количеству предназначенных для ее проведения сил и средств превосходила операцию «Уран» — контрнаступление под Сталинградом. Войска Калининского и Западного фронтов вместе с предназначенными для их поддержки войсками Московской зоны обороны насчитывали к 25 ноября 1942 года, дню начала наступления, 1,9 миллиона человек, более 24 тысяч орудий и минометов, 3300 танков и 1100 самолетов. Под Сталинградом три

фронта располагали 1,1 миллиона человек, 15 тысячами орудий и минометов, 1400 танков и более 900 самолетов. Правда, значительную часть противостоявших им войск составляли союзники Германии — солдаты отнюдь не первоклассные, да и позиции в донских степях неприятель не успел еще оборудовать. Ржевско-Вяземский плацдарм, напротив, был сильно укреплен, и оборонялись там только немецкие дивизии, сражавшиеся очень хорошо. В случае успеха «Марса» за ним должен был последовать «Юпитер» — удар 5-й и 33-й армий Западного фронта на Вязьму. В перспективе войска Западного и Калининского фронтов должны были окружить и разгромить всю группу армий «Центр», а затем прорваться к Балтийскому морю и отрезать от Германии группу армий «Север». Однако наступление, руководимое Жуковым и продолжавшееся вплоть до середины декабря, закончилось с катастрофическими для советской стороны результатами, и от «Юпитера» пришлось отказаться. Ударные группировки Западного и Калининского фронтов были окружены и лишь с большими потерями прорвались к своим, потеряв до полумиллиона человек и основную часть бронетехники (около 1850 танков).

Причины поражения, по словам Глэнца, заключались в следующем: «Жуков осуществил операцию «Марс» в характерной для него манере. Советские атаки были массированными, он не жалел людских и материальных ресурсов, не учитывал неблагоприятные условия местности и погодные условия. Стремясь к победе, он полагался на нажим по всему фронту и простой маневр мощными танковыми и механизированными корпусами... Умело организованная немецкая тактическая оборона относительно небольшими «боевыми группами», максимально использующими преимущества местности, сдерживала атакующие советские мобильные части, не позволяя им прорваться в оперативный тыл немцев. Обороняющиеся изматывали атакующую пехоту и отсекали ее от танков. Не поддаваясь панике и удерживая только то, что действительно необходимо было удержать, германское командование постепенно собирало резервы, необходимые для контрударов и победы». Бывший командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков в 1948 году на

следствии вспоминал: «В декабре 1942-го в бою под Сычевкой я потерял почти весь корпус. Наказание за это могло быть самым суровым, но Жуков ограничился лишь внушением».

Однако неудача под Ржевом никак не сказалась на жуковской карьере, не затуманила блеск сталинградской победы. В январе 43-го Сталин направил Жукова вместе с Ворошиловым под Ленинград для организации прорыва блокады. Эта операция, имевшая кодовое название «Искра», увенчалась успехом. Между Волховским и Ленинградским фронтами был создан сухопутный коридор шириной от 8 до 11 километров. Он насквозь простреливался немецкой артиллерией, и основное снабжение осажденного города по-прежнему шло по Дороге жизни через Ладожское озеро. Но прорыв ленинградской блокады имел большое символическое значение. И не случайно высшего воинского звания «Маршал Советского Союза» Жуков был удостоен 18 января 1943 года именно за «Искру». Сталин дал разрешение на присвоение такого звания собственной личности только 6 марта 1943 года, на полтора месяца позже Жукова.

После сталинградской победы Красная армия двинулась на Запад. Вермахт был еще силен, не раз наносил наступающим чувствительные контрудары, но уже никогда больше не предпринимал на Востоке наступлений со стратегическими целями. Одновременно с контрнаступлением под Сталинградом германо-итальянская армия фельдмаршала Эрвина Роммеля в Северной Африке была разбита под Эль-Аламейном. Во всем мире начали понимать, что окончательное поражение рейха — только вопрос времени.

Советские войска пытались отрезать застрявшую на Кавказе группу армий «А», отбить Донбасс и Харьков, выйти к Днепру. Однако овладевшие Харьковом войска Воронежского фронта Ф. И. Голикова и рвавшиеся к Днепру войска Юго-Западного фронта Ватутина попали под контрудар группы армий «Юг» фельдмаршала Манштейна.

Жуков в те дни был на Северо-Западном фронте, где безуспешно пытался ликвидировать демянскую группировку противника. 17 марта 1943 года он был послан на Воронежский фронт, чтобы выправить положение. Накануне немецкие войска отбили Харьков, а 18-го танковый корпус СС ворвался в Белгород. Еще 10 марта Ставка передала 1-ю танковую армию М. Е. Катукова и 21-ю армию Воронежскому фронту с задачей «разгромить южную группу противника». В мемуарах Жуков без каких-либо на то оснований приписал себе инициативу этого решения.

По требованию Жукова командующий Воронежским фронтом Ф. И. Голиков 22 марта был заменен Н. Ф. Ватутиным. К тому времени положение стабилизировалось. По свидетельству порученца Жукова генерала Л. Ф. Миню-

ка, Георгий Константинович в разговоре с Генштабом по прямому проводу заявил: «Доложите, что враг дальше не продвинется ни на шаг. А относительно Голикова скажите: его надо сменить немедленно и поставить на этот горячий фронт генерала наступления Ватутина».

Немецкое наступление к моменту прибытия Жукова уже утратило свою силу. Манштейну, вопреки первоначальным расчетам, не удалось окружить значительную советскую группировку у Харькова. Продвижение группы «Юг» остановилось не столько из-за прибытия вызванных Жуковым резервов, сколько из-за наступившей чрезвычайно сильной распутицы. Тот же Минюк признает, что по этой причине наступила пауза в боях: «Нужно было в разгар весенней распутицы, именно в марте и в первых числах апреля, определить главное направление, раскрыть стратегический замысел противника — где и когда он развернет свои решающие сражения года, чтобы парировать его удары». Леонид Федорович вспоминает и один забавный эпизод, связанный с выездом на фронт: «До передовой — на вездеходе, а там — пешком. Грязища была неупрото, по самые голенища вязли, порой приходилось залезать и ползти под обстрелом. Намокли и вывалились в черной грязи как черти. Благо на нас комбинезоны были... А к вечеру пошел дождь. Ливневый, так и сечет. Озябли крайне. Как бы вскользь Жуков пожаловался, что его знобит. Надо было где-то отогреться. Облюбовали в деревне дом, стучимся. Старуха дверь открыла, ввела в дом, зажгла лампу. Фитиль еле мигал. Дали мы бензина, соли в него подсыпали, чтобы в лампе не вспыхнул. Лампа занялась ярко, и тогда только старуха оглядела нас, скорбно поджала губы и сразу принялась носить из сенец сухие кизяки, подкладывая их в русскую печь. Затем полезла в погреб, достала оттуда длинную белую редьку, из шкафа — бутылку. Натерла редьку, выжала из нее сок в кружку, в стаканы налила из бутылки, — запахло самогоном.

— Скидайте с себя все! Да не мешкайте, где вас так угораздило, — ворчала старуха.

Мы подчинились воле хозяйки. Я снял с себя комбинезон первым, хотел остаться в брюках, но старуха сердито: «Скидай и штаны». Повиновался и Жуков, припомнив, что в мо-

лодости от простуды лечила его мать народными средствами. Старуха дала нам два неполных стакана. Но прежде велела выпить из кружки напополам сок редьки.

Мы забрались на протопленную печь, пригрелись спинами и боками на горячих кирпичах, — ну просто не жизнь, а рай и благодать!.. Проснулись ни свет ни заря, глядим, а на лавке лежат наши аккуратно свернутые и просушенные комбинезоны. Мы намерились, кроме соли и бензина, чем-то еще отблагодарить хозяйку, но она и слушать не захотела: «Езжайте себе с Богом, да спасибо скажите, что я вас от лихоманки-простуды спасла».

Для старой крестьянки и рядовой, и маршал одинаково были русскими солдатами, выполнявшими тяжкий ратный труд и нуждавшимися в заботе.

Голиков счел свое снятие с поста командующего фронтом несправедливым и затаил на Жукова злобу, которую выплеснул на обоих заседаниях, 46-го и 57-го годов, когда Георгий Константинович был в опальном положении. Но, похоже, Филипп Иванович заблуждался насчет причин своего отстранения от командования Воронежским фронтом. По свидетельству Хрущева, Сталин собирался заменить Голикова Ватутиным еще в феврале, сразу после освобождения Красной армией Харькова и до контрудара Манштейна. Тогда, назначая Никиту Сергеевича членом Военного совета Воронежского фронта, нацеленного на Киев, Сталин, зная о плохих отношениях Хрущева с Голиковым (у них были конфликты в Сталинграде), предупредил, что Филипп Иванович на своем посту не задержится: «Мы в скором времени примем новое решение и переставим его». Верховному важно было, чтобы членом Военного совета фронта, которому предстояло освобождать украинскую столицу, был именно Хрущев, руководивший перед войной компартией Украины. Ради этого политического момента Сталин готов был подобрать на Воронежский фронт такого командующего, который бы хорошо сработался с Никитой Сергеевичем. Неудача под Харьковом и требование Жукова о немедленной замене Голикова Ватутиным стали удобным предлогом для осуществления решения, давно уже принятого Верховным главнокомандующим.

Итоги контрнаступления под Харьковом в феврале — марте 1943 года сам Манштейн расценил следующим образом: «Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы (первый был нанесен в районе между Днепром и Северским Донцом. — Б. С.); усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. У группы «Юг» была еще одна цель — в качестве заключительной фазы операции совместно с группой «Центр» очистить от противника дугу в районе Курска, врезающуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа «Центр» заявила, что она не может участвовать в этой операции. Эта дуга осталась проблемным выступом на нашем фронте, который открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности».

С окончанием весенней распутицы германское командование рассчитывало провести наступление с целью срезать Курский выступ. Операция получила кодовое название «Цитадель». Высвободившиеся в результате сокращения линии фронта войска планировалось перебросить в район Средиземноморья для противодействия вторжению западных союзников в Италию. К тому времени немцы уже эвакуировали Ржевско-Вяземский плацдарм, и советскому командованию было трудно ошибиться в определении будущей германской стратегии на Востоке. Курск оставался для вермахта единственной целью, заманчивой с оперативной точки зрения. Напрасно Манштейн, имитируя подготовку к повторному наступлению на Ростов, перемещал к реке Миус макеты танков и орудий. Ему не удалось никого обмануть.

8 апреля 1943 года Жуков в докладе Верховному весьма точно определил вероятные планы неприятеля на весенне-летнюю кампанию: «Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы. Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия

на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы (на самом деле столь амбициозной цели вермахт перед собой уже не ставил. — Б. С.). Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока».

Георгий Константинович предлагал: «Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению противотанковой обороны Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 истребительно-противотанковых артиллерийских полков; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника... Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Здесь родился замысел плана преднамеренной обороны советских войск на Курской. К тому времени Красная армия значительно превосходила вермахт в людях и в боевой техни-

ке. Командующий Воронежским фронтом Ватутин, в противоположность Жукову, Василевскому и командующему Донским фронтом Рокоссовскому, считал, что советские войска должны использовать свое превосходство и ударить первыми. Сталин, памятуя о катастрофических результатах наступления Красной армии в мае 42-го, на этот раз не спешил бросать свои войска в атаку.

Еще в январе 1943 года в беседе с Буденным по случаю назначения Семена Михайловича командующим кавалерией Красной армии он изложил основы советской стратегии после Сталинграда:

«Мы победим, в этом нет сомнения. Сломаем хребет фашистскому зверю. Победим даже в том случае, если союзники не откроют второго фронта в Европе. Но мы не можем говорить о победе отвлеченно. Нам надо разгромить врага и поставить его на колени как можно быстрее. Однако враг еще силен. Впереди тяжелые бои. От нас потребуются предельное напряжение сил, большие жертвы. И надо сделать так, чтобы эти жертвы не были напрасными. В лагере противника идет подозрительная возня. Гитлеровская клика делает крупную ставку на разлад между СССР и союзниками. Если война затянется, правящие круги США и Англии могут пойти если не на прямую измену, то на сепаратный мир. Этим кругам, — а тон задает им Черчилль, — очень хотелось бы сохранить фашистскую Германию — пусть без Гитлера — как форпост против СССР на Западе. Черчилль идет еще дальше: мечтает восстановить панскую Польшу, бережет буржуазное польское правительство. Мы должны наращивать силу ударов и в то же время воевать с умом, добиваться победы в любом бою малой кровью... И кое-кто за границей полагал и теперь полагает, что война предельно истощит нас. Мы окажемся-де настолько обессиленными, что лишимся какой-либо возможности влиять на международную политику, потеряем всякий международный вес, и тогда нам, даже непобежденным, можно будет диктовать любые условия. А мы должны войти в Западную Европу, имея закаленную в боях армию. И пусть тогда попробуют господа черчилли диктовать нам условия мира, применять политику диктата!»

Сталин не исключал, что Красной армии удастся разбить Германию и оккупировать основные страны Западной Европы еще до того, как англо-американские войска высадятся на континенте. Но в беседе с Буденным Иосиф Виссарионович предъявил к Красной армии два взаимоисключающих требования. С одной стороны, не считаясь с жертвами, как можно скорее поставить врага на колени и войти в Западную Европу. С другой стороны, стремиться побеждать малой кровью. Практическое значение из этих установок имела только первая — идти вперед как можно скорее, не считаясь с потерями. Эти слова — «не считаясь с жертвами» — повторяются во многих приказах и директивах Ставки и лично Сталина. Лозунг же «воевать малой кровью», также встречающийся и в приказах, и в беседах Сталина с командующими фронтами, имел чисто пропагандистское значение. Он призван был убедить бойцов и командиров, что высокие начальники заботятся о сбережении их жизней. В народе родилась горькая присказка: в первые два года войны огромные жертвы были принесены, чтобы избежать поражения, а в последние два — чтобы приблизить победу.

В приказах Верховного главнокомандующего от 23 февраля и 1 мая 1943 года уже ничего не говорилось о том, что 43-й год станет годом окончательного разгрома гитлеровских захватчиков. Горький опыт 42-го чему-то научил Сталина. Хотя по-прежнему повторялись несуразные цифры немецких потерь: к 23 февраля фантасты из Генерального штаба исчислили их в 9 миллионов человек, из них не менее 4 миллионов — убитыми на поле боя. Только за три месяца зимы 1942—1943 года вермахт будто бы лишился более 4 тысяч самолетов, свыше 7 тысяч танков и 17 тысяч орудий. В действительности общая численность германских вооруженных сил (с персоналом училищ, запасными частями и ранеными в госпиталях) в 1943 году составляла лишь немногим больше — около 9,5 миллиона человек, увеличившись с 1942 года на 1,2 миллиона. Действительные потери германских сухопутных войск на всех фронтах составили в период с июня 41-го по февраль 43-го только 1 067 371 человек убитыми и пропавшими без вести — вчетверо меньше, чем полагали советские генералы.

Состояние же советских войск в ту пору было далеко не блестящим. В мае 1943 года был снят командующий Калининским фронтом генерал М. А. Пуркаев. Его преемник Еременко в дневниковой записи от 7 мая так прокомментировал ситуацию: «6 мая 1943 года на Калининский фронт приехала комиссия ГКО во главе с тов. Щербаковым. Цель приезда — проверка и наведение порядка в снабжении и обеспечении войск, так как случались большие перебои в питании, люди недоедали из-за плохой организации снабжения, за что и сняли Пуркаева. В первом квартале 1943 года было 76 случаев смерти от истощения».

Сталин опасался повторения крымской и харьковской неудач и предпочел встретить ожидавшееся германское наступление преднамеренной обороной, а в наступление перейти только после отражения первого удара противника, убедившись, что его танковые группировки обескровлены и не смогут смять боевые порядки атакующих.

Гитлер неоднократно переносил сроки начала «Цитадели»: с 15 мая на 10 июня и, в конце концов, — на 5 июля 1943 года. Он хотел дождаться поступления на фронт танков «тигр» и «пантера» и новой модификации истребителя «Фокке-Вульф-190», ранее применявшейся только на Западе. Медлить заставляли и сомнения в успехе. По свидетельству Гудериана, еще в мае Гитлер заявил, что, когда он думает о наступлении на Курск, у него сильно болит живот. В успехе сомневались как командующие группами армий «Юг» и «Центр» Манштейн и Клюге, так и командующий 9-й армией Модель, которому предстояло возглавить северную ударную группировку.

Германские войска, выделенные для проведения операции «Цитадель», насчитывали 900 тысяч человек и располагали примерно 10 тысячами орудий и минометов, имели 2050 самолетов и 2700 танков и штурмовых орудий. Противостоявшие им войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов имели 1 910 тысяч солдат и офицеров, 30 880 орудий и минометов, 3200 боевых самолетов и 5130 танков и САУ (самоходных артиллерийских установок). Это — по советским подсчетам. По немецким же подсчетам группировка вермахта, сосредоточенная на Курской дуге, располагала да-

же большим количеством бронетехники — 2772 единицы, включая 218 находившихся в ремонте.

А вот насчет числа немецких боевых самолетов, привлеченных для операции «Цитадель», советские данные кажутся завышенными. К 30 июня 1943 года люфтваффе располагали на всех фронтах и в составе ПВО страны и военных училищ 5 118 боевыми самолетами. В июле и августе на Восточный фронт пришлось лишь 33 процента всех потерь германских боевых самолетов. Если предположить, что таким же было распределение авиации по фронтам, то на всем советско-германском фронте в период Курской битвы должно было действовать не более 1700 машин. Вероятно, под Курск могло быть брошено около 1400 самолетов. Надо учесть также, что в ходе сражения Красная армия ввела в дело 3200 танков и 4400 самолетов, тогда как немцы, по советским подсчетам, смогли подкрепить свои войска лишь 2300 танков и штурмовых орудий и 3 тысячами самолетов. Верить этим последним цифрам не стоит. Например, две танковые дивизии, переданные после начала советского контрнаступления из ударной группировки группы армий «Юг» в группу «Центр», здесь показаны как дополнительно введенные в сражение. Опять-таки, по авиации советские цифры для немецкой стороны кажутся завышенными. Дело в том, что в июле и августе 1943 года общие потери люфтваффе составили 3213 боевых самолетов, из которых на Восток пришлось только 1030 машин. Новых авиационных соединений в ходе сражения немцы на Курскую дугу не перебрасывали, а для восполнения потерь требовалось лишь немногим больше 1 тысячи самолетов, но никак не 3 тысячи.

Очевидно, завышено и восполнение потерь немецких танков в ходе сражения. Безвозвратные потери немецких танков и штурмовых орудий в период Курской битвы составили 1,5 тысячи машин. Вряд ли реальное восполнение потерь было больше этого числа.

Получилось, что сильнейшая сторона, Красная армия, послушно дождалась, пока противник рискнет атаковать. Тем самым советское командование упускало наиболее подходящее летнее время для собственного наступления, приближало его начало к периоду распутицы и фактически отказыва-

лось от достижения в 43-м году решительной победы, вроде Сталинградской. К тому же контрнаступление приходилось начинать при невыгодной группировке своих войск, сложившейся в ходе отражения немецкого наступления.

Рокоссовский в мемуарах совершенно справедливо подчеркивал, применительно к наступлению на Орловский плацдарм: «...Весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска... Было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск... Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой... Происходило выталкивание противника из Орловского выступа, а не его разгром... Орловская группировка значительно пополнилась соединениями, переброшенными с других участков фронта... Эти войска понесли тяжелые потери во время наступления, но даже в таком состоянии они значительно усиливали оборону плацдарма... Перейдя в наступление... 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжелых оборонительных боях, войска Центрального фронта стали медленно продвигаться вперед, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи».

О том же писал и Жуков: «Центральный фронт свое наступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее, в обход Кром. К сожалению этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение и решение. Все это, вместе взятое, явилось следствием недооценки оборонительных возможностей противника. В последующие дни контрнаступление на Орловском направлении развивалось по-прежнему медленными темпами. Сталин нервничал, но он, безусловно, понимал, что прежде всего виноват он, а не кто-либо другой».

А вот ещё одно немаловажное обстоятельство. Советское наступление началось на участках фронта, соседних с теми, где только что закончилось германское наступление на Курск. Поэтому немцы смогли быстрее перебросить силы своих ударных группировок по внутренним операционным линиям для отражения советских атак, чем советские войска смогли перегруппироваться для контр наступления.

Мне кажется, что оптимальным вариантом действий для Красной армии на Курской дуге было бы предпринять наступление еще в мае, нанося основные удары под крайнее северное основание Орловского плацдарма, как предлагали Жуков и Рокоссовский, и под крайнее южное основание Харьковского плацдарма. В этом случае глубокий обход немецких позиций вынудил бы командование вермахта из-за угрозы окружения быстро отвести войска с укрепленных рубежей. Кстати, операция «Цитадель» была прекращена после начала советской атаки на Орловский плацдарм. Если бы советские войска первыми нанесли удар в мае, думаю, их потери оказались бы гораздо меньше тех, что они понесли в июле и августе.

Перед началом немецкого наступления войска Центрального и Воронежского фронтов провели артиллерийскую контрподготовку. Вот что пишет о ней Жуков: «Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным. По их сведениям, сильно пострадала артиллерия и почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления.

Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля. Хотя при тех разведывательных средствах, которыми мы тогда располагали, нелегко было точно установить местоположение целей, но все же можно было сделать значительно больше, чем это было сделано.

В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность противнику избежать массовых жертв. Через два — два с половиной часа он сумел перейти в наступление и в первый же

день, несмотря на небывалую плотность огня нашей обороны, продвинулся на 3—6 километров. А этого могло и не быть при лучшей организации контрподготовки и более значительном поражении противника...

Контрподготовка проводилась ночью, вследствие чего участие авиации было незначительным и, прямо скажем, малоэффективным, а удары по аэродромам противника на рассвете полностью не достигли своей цели, так как к этому времени немецкое командование уже подняло авиацию в воздух для взаимодействия со своими наземными войсками... Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже.

Рокоссовский о контрподготовке был менее критического мнения: «В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие саперы, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение. До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боекомплекта снарядов и мин. Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжелым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Благодаря этому я смог немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня... Немецко-фашистские войска были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление (потому и задержалось начало немецкой атаки, а вовсе не из-за того, что вследствие советской контрподготовки нарушилось управление войсками; немецкое командование просто решило выждать несколько часов, не двинется ли Красная армия в наступление. — Б. С.). Это,

естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку».

Хрушев, наблюдавший контрподготовку на Воронежском фронте, свидетельствует: «По плану первыми должны были наступать войска Рокоссовского, а уступом, спустя какое-то время, мы. Артиллерийский корпус резерва Главного командования уже занял севернее нас свои позиции. А противник-то начал наступать сразу против нас и Рокоссовского одновременно. Таким образом, Рокоссовский оказался в более выгодном положении. Так как он по плану должен был наступать первым, то первым получал и пополнение, и боеприпасы, и все остальное... Противник, когда стал наступать, прорвался на нашем направлении глубже, чем у Рокоссовского, который был лучше подготовлен. А у нас еще оставалось 15 дней до нашего наступления; согласно плану, мы имели в резерве время. И вдруг оно сократилось, враг упредил нас. Это очень большой срок с точки зрения подброски пополнения и прочего на передний край...»

Что же говорят о контрподготовке немецкие мемуаристы? Ни Манштейн, ни Гудериан, ни Меллентин о советской контрподготовке даже не упоминают — верный признак, что арналет не оказал сколько-нибудь существенного влияния на операцию «Цитадель». А вот маршал артиллерии К. П. Казаков, автор очерка о действиях артиллерии в Великой Отечественной войне, озаглавленного просто «Всегда с пехотой, всегда с танками», утверждает, что «артиллерийская контрподготовка если и не сорвала наступления противника, то нанесла ему большие потери, нарушила управление и значительно ослабила и дезорганизовала первые удары вражеских войск, которые все же были очень сильны». Последнюю фразу можно расценить как косвенное признание того, что контрподготовка не достигла тех целей, которые поставило советское командование. Да и тот факт, что немецкое наступление началось спустя несколько часов после окончания контрподготовки доказывает, что в момент ее проведения войска противника еще не вышли из укрытий на

рубеж атаки. Никто бы не стал держать их несколько часов на этом рубеже с риском повторного удара советской артиллерии, а тем более два раза перемещать их обратно в укрытия и потом вновь на линию наступления. Задержка наступления по плану «Цитадель» была вызвана как ожиданием советской упреждающей атаки, так и уточнением целей для ударов германской артиллерии и авиации, выявленных в ходе контрподготовки.

Контрподготовка была заранее обречена на провал. Ведь все равно определить с точностью до нескольких минут время начала выдвижения немецких войск на исходные позиции не представлялось возможным. К тому же цели на германской стороне не были достаточно разведаны, чтобы точно поражать именно их, а не вести огонь по площадям. В итоге артиллерия двух фронтов расстреляла половину боекомплекта в белый свет как в копеечку, да еще помогла неприятелю выявить позиции советских батарей.

Жуков был прав в своей оценке артиллерийской контрподготовки как недостаточно эффективной. Лучше было бы отказаться от ее проведения и сберечь мины и снаряды для непосредственного отражения германского наступления, когда противник уже проявил себя и тем облегчил задачу советских артиллеристов и летчиков. Но Георгий Константинович честно признал: соображения, что контрподготовку надо было проводить иначе, пришли ему на ум позднее, уже после начала сражения.

Танковое сражение под Прохоровкой стало краеугольным камнем советского мифа Курской битвы, будто явилось поворотным пунктом этой битвы и привело к окончательному краху немецкого наступления. Жуков вспоминал: «Согласно ранее разработанному плану Ставка подтянула из своего резерва... в район Прохоровки 5-ю гвардейскую общевойсковую и 5-ю гвардейскую танковую армии и наутро 12 июля ввела их в сражение. Вступив в дело, 5-я танковая армия генерала П. А. Ротмистрова имела в строю более 800 танков и самоходно-артиллерийских установок. Противник в общей сложности имел на Обоянском и Прохоровском направлениях не меньшее количество танков, но боевой дух его войск был уже надломлен в предшествовавших сражени-

ях с войсками 6-й гвардейской армии, 1-й танковой и 7-й гвардейской армий. В течение 12 июля на Воронежском фронте шла величайшая битва танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенная на Прохоровском направлении, где наиболее успешно действовала 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Ротмистрова».

К этому месту редакторы последнего издания жуковских мемуаров сделали примечание: «5-я танковая армия в данном контексте в рукописи не названа». Выходит, маршал не считал действия танкистов Ротмистрова успешными? Скорее всего, именно так, потому что дальше Жуков прямо критикует командующего 5-й гвардейской танковой: «...Командованием противника было решено отвести войска генерал-фельдмаршала Манштейна обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление. Это ему удалось сделать вследствие исключительной переутомленности наших 1-й танковой, 6-й и 7-й гвардейских армий, а также недостаточной активности 5-й гвардейской танковой армии. 23 июля главные силы противника были отведены на Белгородский оборонительный рубеж. В своих мемуарах... Ротмистров пишет, будто бы решающую роль в разгроме бронетанковых войск группы армий «Юг» сыграла 5-я танковая армия. Это нескромно и не совсем так. Обескровили и измотали врага войска 6-й и 7-й гвардейских и 1-й танковой армий, поддержанные артиллерией резерва Главного командования и воздушной армией в период ожесточенных сражений 4–12 июля. 5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой немецких войск, потерявшей веру в возможность успешной борьбы с советскими войсками».

А что же пишет главный маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров? Он начинает издавека, с момента выдвижения армии в район боев: «Примерно через час после того, как улетел Конев (командующий Степным фронтом посетил штаб 5-й гвардейской танковой армии 6 июля. — Б. С.), позвонил по ВЧ Сталин.

— Вы получили директиву о переброске армии на Воронежский фронт? — спросил он.

— Нет, товарищ Иванов, но об этом я информирован товарищем Степиным (из-за любимой сталинской игры в секретность сам Иосиф Виссарионович имел псевдоним Иванов, а Конев — Степин. — Б. С.).

— Как думаете осуществить передислокацию?

— Своим ходом.

— А вот товарищ Федоренко (командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии. — Б. С.) говорит, что при движении на такое большое расстояние танки выйдут из строя, и предлагает перебросить их по железной дороге.

— Этого делать нельзя, товарищ Иванов. Авиация противника может разбомбить эшелоны или железнодорожные мосты, тогда мы не скоро соберем армию. Кроме того, одна пехота, переброшенная автотранспортом в район сосредоточения, в случае встречи с танками врага окажется в тяжелом положении.

— Вы намерены совершать марш только ночами?

— Нет. Продолжительность ночи всего семь часов, и, если двигаться только в темное время суток, мне придется на день заводить танковые колонны в леса, а к вечеру выводить их из лесов, которых, кстати сказать, на пути мало.

— Что вы предлагаете?

— Прошу разрешения двигать армию днем и ночью...

— Но ведь вас в светлое время будут бомбить, — перебил меня Сталин.

— Да, возможно. Поэтому прошу вас дать указание авиации надежно прикрыть армию с воздуха.

— Хорошо, — согласился Верховный. — Ваша просьба о прикрытии марша армии авиацией будет выполнена. Сообщите о начале марша командующим Степным и Воронежским фронтами.

Он пожелал успеха и положил трубку».

Станный, согласимся, разговор. Сначала Ротмистров доказывает, что из-за опасности налетов авиации противника переброска танковой армии по железной дороге нецелесообразна, и настаивает на форсированном марше. Но тут же выясняется, что на марше все равно требуется усиленное при-

крытие авиацией, поскольку противник может бомбить с воздуха танкистов, передвигающихся в дневное время. Вопрос: почему же нельзя было бы прикрыть авиацией эшелоны с танками? И разве не могло случиться так, что люфтваффе нанесут удар по танковым колоннам на марше, повредят автомобильные мосты и затормозят движение армии Ротмистрова? Следует признать совершенно правильной мысль Федоренко о том, что при движении походным порядком многие танки выйдут из строя, а у других, скорей всего, значительная часть моторесурса выработана, из-за чего возрастает опасность поломки в бою. Тем не менее Павлу Алексеевичу удалось убедить Сталина в своей правоте. Вечером Ротмистров с подчиненными отметил собственный день рождения трофейным шампанским и в ночь на 7 июля повел армию к Прохоровке форсированным маршем.

Здесь я прерву ненадолго его рассказ, чтобы дать возможность высказаться представителю другой стороны по поводу того, могла ли в действительности германская авиация бомбить 5-ю гвардейскую танковую армию на железной дороге или в походе. Наш старый знакомый Мюллер-Гиллебранд свидетельствует: «Для операции «Цитадель» требовалось бы гораздо больше пехотных дивизий и более мощная поддержка со стороны люфтваффе, а также значительное усиление войсками РКК, которые, однако, не могли быть предоставлены в достаточном количестве. Авиация поддержала наступление столь крупными силами, что вначале было обеспечено ее превосходство в воздухе над полем боя. Однако оказать достаточную поддержку войскам на всю глубину наступления, например воздействовать на вражеские железнодорожные коммуникации и дороги, используемые противником для переброски войск в район сражения, из-за недостатка сил оказалось невозможным». Так что страхи Ротмистрова насчет возможных бомбежек с воздуха его армии в момент передислокации оказались сильно преувеличенными.

Павел Алексеевич продолжает: «Утром 8 июля главные силы армии после напряженного, изнурительного марша вышли в район юго-западнее Старого Оскола. Если считать, что наступивший день был потрачен на подтягивание тылов

и окончательный выход частей в указанные им районы, то и с учетом этого времени армия за двое суток фактически преодолела 230—280 километров. Количество боевых машин, оставших по техническим причинам, исчислялось единицами, но и они после устранения неисправностей скоро возвратились в строй... В первом часу ночи 9 июля был получен боевой приказ — к исходу дня выйти в район Прохоровки в готовности вступить в сражение. Предстоял еще один, на этот раз 100-километровый марш. Новую задачу армия тоже с честью выполнила... Соединения и части, поднятые по тревоге... несмотря на высокую запыленность воздуха, жару и усталость, точно в установленный срок заняли район на рубеже Веселый, Прохоровка в готовности к дальнейшим действиям».

И люди, и танки армии Ротмистрова вышли к Прохоровке утомленными ничуть не меньше, чем немецкие танкисты после недели боев. А поскольку технику у нас ремонтировали гораздо хуже, чем в вермахте, противник получил определенное преимущество: у его танков в предстоящем сражении было меньше шансов выйти из строя по техническим причинам.

Ротмистрову предстояло нанести контрудар по наступающим немецким войскам. Маршал вспоминал: «Командующий фронтом... сказал:

— Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, гитлеровцы, очевидно, решили перенести направление главного удара несколько восточнее, вдоль железной дороги на Прохоровку. Сюда стягиваются войска второго танкового корпуса СС, которые должны будут наступать на Прохоровском направлении во взаимодействии с сорок восьмым танковым корпусом и танковыми соединениями группы «Кемпф» (речь, очевидно, идет о 3-м танковом корпусе. — Б. С.).

Ватутин взглянул на Василевского и потом, обращаясь ко мне, продолжал:

— Так вот, Павел Алексеевич, мы решили противопоставить эсэсовским танковым дивизиям нашу танковую гвардию — нанести контрудар противнику пятой гвардейской танковой армией, усиленной еще двумя танковыми корпусами.

— Кстати, танковые дивизии немцев имеют новые тяжелые танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд». От них очень пострадала первая танковая армия Катукова. Знаете ли вы что-либо об этой технике и как думаете вести борьбу с ней? — спросил Василевский.

— Знаем, товарищ маршал. Их тактико-технические данные мы получили из штаба Степного фронта. Думали и над способами борьбы... Дело в том, что «тигры» и «фердинанды» имеют не только сильную лобовую броню, но мощную восьмидесятивосьмимиллиметровую пушку с большой дальностью прямого выстрела. В этом их преимущество перед нашими танками, вооруженными семидесятишестимиллиметровой пушкой. Успешная борьба с ними возможна лишь в условиях ближнего боя с использованием более высокой маневренности танков Т-34 и ведения огня по бортовой броне тяжелых машин немцев.

— Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — сказал командующий фронтом...

5-я гвардейская танковая армия усиливалась 2-м гвардейским Тацинским и 2-м танковым корпусами, 1529-м самоходно-артиллерийским, 1522-м и 1148-м гаубичными, 148-м и 93-м пушечными артиллерийскими полками, 16-м и 80-м полками гвардейских минометов. В целом в нашей армии с приданными танковыми соединениями насчитывалось около 850 танков и САУ...

Район развертывания главных сил армии был избран несколько западнее и юго-западнее Прохоровки, на фронте до 15 километров. Учитывая, что предстояло вступить в сражение с очень сильной танковой группировкой противника, имевшей, по полученным сведениям, на Прохоровском направлении около 700 танков и САУ, в том числе более 100 «тигров» и «фердинандов», решено было развернуть в первом эшелоне сразу все четыре танковых корпуса (18-й, 20-й, 2-й гвардейский Тацинский и 2-й). Второй эшелон составил 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерве остались части передового отряда (53-й гвардейский танковый полк, 1-й отдельный гвардейский мотоциклетный и 678-й гаубичный артиллерийский полк. — Б. С.) и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк...

Около девятнадцати часов 11 июля на мой КП прибыл маршал Василевский... Он одобрил мое решение и сообщил, что у него состоялся разговор с Верховным главнокомандующим Сталиным, который поручил ему неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе сражения и оказывать необходимую помощь... Оставалось еще достаточно светлого времени, и маршал предложил осмотреть намеченные мною исходные районы 29-го и 18-го танковых корпусов... Вдруг Василевский приказал водителю остановиться. Машина свернула на обочину и резко затормозила у запыленных придорожных кустов... Явно послышался рокот танковых моторов. Потом показались и сами танки.

— Генерал! В чем дело? — резко повернувшись ко мне, с досадой в голосе спросил Александр Михайлович. — Вас же предупреждали, что о прибытии ваших танков противник не должен знать. А они гуляют средь бела дня на глазах у немцев...

Я мгновенно вскинул бинокль. Действительно, через поле, подминая созревшие хлеба, в боевом порядке шли десятки танков, на ходу стреляя из короткоствольных пушек.

— Но это, товарищ маршал, не наши танки. Немецкие...

— Так... Где-то противник прорвался. Хочет предупредить нас и захватить Прохоровку.

— Этого допустить нельзя, — сказал я Василевскому и по радио дал указание генералу Кириченко (командиру 29-го корпуса. — *Б. С.*) немедленно выделить две танковые бригады навстречу немецким танкам и остановить их продвижение...

Ранее намеченный нами исходный район для контрудара оказался в руках гитлеровцев. В связи с этим подготовку к наступлению, и в частности выбор огневых позиций артиллерии, рубежей развертывания и атаки, следовало проводить заново. В сжатые сроки требовалось уточнить задачи, организовать взаимодействие между корпусами и частями, пересмотреть график артиллерийской подготовки и сделать все для четкого управления войсками в бою...

В шесть часов утра 12 июля я с группой офицеров приехал на командный пункт 29-го танкового корпуса. Он был избран моим наблюдательным пунктом, и весьма удачно. С холма юго-западнее Прохоровки хорошо просматривалась впереди лежащая местность, которой суждено было стать полем грандиозного танкового побоища. Из прочно построенного блиндажа в сожженном и вырубленном наполовину яблоневом саду открывался широкий обзор всхолмленной равнины с перелесками и оврагами. За пожелтевшей, позолоченной первыми лучами солнца тучной нивой виднелась темная опушка большого лесного массива. Там укрывался враг..

В 6.30 в небе появились «мессеры», чтобы очистить воздушное пространство... Примерно в 7 часов послышался монотонный гул немецких самолетов. И вот в безоблачном небе обозначились десятки «юнкерсов». Выбрав цели, они перестраивались и, блеснув на солнце стеклами кабин, тяжело кренились на крыло, переходя в пике. Фашистская авиация наносила удары в основном по населенным пунктам и отдельным рощам. Над лесом и деревьями вздымались фонтаны земли, облака дыма, прорезаемые багровыми языками вспышек. В различных местах загорелись хлеба.

Вражеские самолеты не успели отбомбиться, как появились звенья советских истребителей. В воздухе завязались жаркие схватки. Один за другим запылали самолеты и, оставляя за собой густые шлейфы черного дыма, охваченные пламенем врезались в землю. Большинство «юнкерсов», преследуемых нашими истребителями, поворачивали назад, где попало сбрасывая свой бомбовый груз или уходя не отбомбившись. А вот в воздухе и наши бомбардировщики! Они шли на юго-запад волна за волной, соблюдая четкое равнение. Их сопровождали истребители, всей своей решительностью показывая, что они хозяева неба...

Наконец грянули первые залпы армейской артиллерийской группы. Ударили артиллерийские батареи непосредственной поддержки танков. Артиллерия вела огонь в основном по площадям — предполагаемым районам скопления танков врага и огневым позициям его артиллерии. У нас не было времени для того, чтобы точно установить, где располо-

жены вражеские батареи и сосредоточены танки, поэтому определить эффективность артиллерийского огня не представлялось возможным.

Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздалась залпы полков гвардейских минометов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. «Сталь», «Сталь», «Сталь», — передавал в эфир начальник радиостанции младший техник-лейтенант В. Константинов. Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные «тридцатьчетверки». И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки насакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь... В связи с тем

что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказаниям командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемых открытым текстом: «Вперед!», «Орлов, заходи с фланга!», «Шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Форвертс!», «Действуй, как я!», «Шнеллер!», «Вперед!», «Форвертс!». Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. «Тридцатьчетверки», маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни...

На исходе дня 12 июля противник вводом в бой вторых эшелонов и резервов усилил сопротивление, особенно на Прохоровском направлении. Одно за другим начали поступать донесения командиров корпусов о мощных контратаках свежих танковых частей врага. В условиях, когда гитлеровцы добились явного превосходства в танках, наступать было нецелесообразно. Оценив обстановку, я с разрешения представителя Ставки Василевского приказал всем корпусам закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерийские противотанковые полки и отбивать атаки противника огнем

танков и артиллерии. За ночь танковые корпуса должны были дозаправить машины горючим, пополнить боеприпасы, накормить людей и с утра быть в готовности возобновить наступление. Предстояло также оказать помощь раненым, собрать и похоронить убитых, отбуксировать в тыл подбитые танки и приступить к их ремонту.

Наступила ночь, тревожная и душная. Боевые действия прекратились на всем фронте... Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать...

Ясно было, что гитлеровцы готовятся к новому натиску... В то утро, когда я уже находился на КП 29-го танкового корпуса, после короткого артиллерийского налета гитлеровцы первыми атаковали 18-й танковый корпус. Более 50 танков противника, за которыми следовали цепи мотопехоты, стреляя на ходу или с коротких остановок, двинулись на наши позиции. Но войска корпуса сумели за ночь подготовиться к встрече врага. Подпустив фашистов на дистанцию 500—600 метров, противотанковая артиллерия и наши танки открыли по ним огонь прямой наводкой. Несколько вражеских машин застыли на месте с перебитыми гусеницами или загорелись по полю, объятые пламенем. Те же, которые еще продвигались вперед, нарвались на мины. Однако фашистская мотопехота еще шла. Но тут последовал залп 80-го гвардейского минометного полка... Огонь наших «катюш» всегда приводил фашистов в ужас. Понеся большие потери, противник вынужден был откатываться назад, оставляя горящие танки, трупы убитых солдат и офицеров... Ожесточенные бои... продолжались до позднего вечера, причем в одном месте наши танкисты и мотострелки контратаковали врага, в другом — отбивали его контратаки. Только с наступлением темноты обе стороны, измотанные напряженным боем, перешли к обороне».

В мемуарах Ротмистров оценивает потери немцев в Прохоровском сражении следующим образом: более чем 350 танков и свыше 10 тысяч убитых за один только день 12 июля. Правда, из контекста не очень ясно, идет ли речь об общих

или только безвозвратных потерях в танках, но, скорее всего, Павел Алексеевич имел в виду только безвозвратные потери противника. Собственные же потери бывший командующий 5-й гвардейской танковой армией определяет как-то туманно: «Мы тоже потеряли немало танков, особенно легких, погибли в яростных схватках многие отважные гвардейцы». В другом месте Ротмистров признает, что в его армии «уже за первые два дня встречного сражения под Прохоровкой, не считая безвозвратных потерь, количество поврежденных танков превышало 400». А в статье, опубликованной в 1970 году в сборнике «Курская битва», Павел Алексеевич говорил, что в течение 12 июля «обе стороны понесли серьезные потери, примерно по 300 танков» (можно понять, что речь идет только о безвозвратных потерях). Здесь же, как и в мемуарах, утверждается, что враг бросил против 5-й гвардейской танковой до 700 танков, в том числе более 100 тяжелых, тогда как «тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок армия имела лишь 35».

Чистой фантастикой являются упоминаемые Ротмистровым «пантеры» и «фердинанды», с которыми будто бы пришлось сражаться его армии. На самом деле все 88 «фердинандов» действовали в составе 656-го танкоистребительного полка в группе армий «Центр» на северном фланге Курской дуги. В группе армий «Юг» не было ни одной машины этого типа. Также ни одной «пантеры» не действовало против 5-й гвардейской танковой армии ни 12-го, ни 13 июля.

Павел Алексеевич в посмертно вышедших мемуарах настаивает, что «гитлеровцы превосходили нас по числу машин, особенно тяжелых» и что всего в Прохоровском сражении участвовало до 1200 танков и САУ. Правда, если принять его данные о численности 5-й гвардейской танковой армии — около 850 машин, то получится, что немцы противопоставили ей не более 350 танков и штурмовых орудий. Поэтому в статье 1970 года Ротмистров уточняет, что под Прохоровкой против более чем 700 немецких танков сражался только первый эшелон его армии — немногим более 500 машин, из них 200 — легких. Тогда вроде все сходится — в сумме с обеих сторон получается около 1200 танков и САУ, причем у немцев получается перевес в 1,4 раза. Но вот какие

именно германские соединения сражались с ним, Ротмистров пишет довольно неопределенно. Он вкладывает в уста Ватутина упоминание о 2-м танковом корпусе СС, 48-м танковом корпусе и неких танковых соединениях оперативной группы «Кемпф». У читателя создается впечатление, что вся эта армада должна была наступать на Прохоровском направлении. Однако при рассказе о самом сражении Павел Алексеевич называет только три танковые дивизии 2-го корпуса СС — «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», а также 11-ю танковую дивизию 48-го танкового корпуса и 6-ю танковую дивизию (без указания корпусной принадлежности). Эта последняя входила в состав 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф».

Однако ни 48-й, ни 3-й корпус против 5-й гвардейской танковой армии вообще не действовали. 48-й дрался с советской 1-й танковой армией, а 3-й — с 69-й и 7-й гвардейской армиями. Ротмистров считает, что 11-я немецкая танковая дивизия действовала против 95-й и 42-й гвардейской дивизий 5-й гвардейской армии, наносившей контрудар совместно с 5-й гвардейской танковой. Но командующий 5-й гвардейской армией А. С. Жадов его опровергает, совершенно правильно отмечая, что против 95-й и 42-й гвардейской наступала только часть дивизии «Мертвая голова».

Но тот же Жадов дает далекий от истины состав германской танковой группировки, сражавшейся с его и Ротмистрова армиями: около 500 танков в трех дивизиях 2-го танкового корпуса СС и основные силы 3-го танкового корпуса, насчитывавшие до 200 танков. Однако даже на советских картах-схемах Курской битвы хорошо видно, что 3-й танковый корпус дрался только против соединений 69-й советской армии, а все корпуса армии Ротмистрова, в том числе и находившийся во втором эшелоне 3-й механизированный, сражались против 2-го танкового корпуса СС. Этот корпус обергруппенфюрера Пауля Хауссера (единственного эсэсовского генерала, ставшего впоследствии командующим группой армий) 30 июня, за несколько дней до начала Курской битвы, действительно насчитывал 514 танков и штурмовых орудий, из которых 63 машины находились в ремонте. Однако сколько танков и штурмовых орудий осталось в строю к 12 июля,

на протяжении нескольких послевоенных десятилетий так и не было установлено.

Только в 90-е годы немецкий военный историк Карл-Гейнц Фризер поднял боевые донесения из советских и германских военных архивов и выяснил, что к началу Прохоровского сражения во 2-м танковом корпусе СС оставалось в строю всего 273 танка и штурмовых орудия, так что при всем желании он не мог потерять под Прохоровкой 350 машин. Потери корпуса в боях 12-го и 13-го июля составили 43 танка и 12 штурмовых орудий, из которых безвозвратно потеряны были не более 5 танков (за период с 10 по 13 июля). К началу Курской битвы корпус Хауссера имел 42 «тигра» (из них в строю — 34). За все время немецкого наступления, вплоть до 16 июля, безвозвратно потеряны были 3 «тигра», из которых по крайней мере один был уничтожен танкистами 1-й танковой армии М. Е. Каткуова еще до Прохоровки и впоследствии занял свое место на выставке трофейного оружия в московском парке имени Горького. Можно предположить, что перед схваткой с 5-й гвардейской танковой армией в корпусе Хауссера боеспособными осталось около 22 машин (если принять, что «тигры» выходили из строя в той же пропорции, что и танки других типов). Это число очень далеко от 100 «тигров», пригрезившихся Ротмистрову.

На его же счастье корпус СС не имел ни одной «пантеры». В группе армий «Юг» все «пантеры» были объединены в 10-ю танковую бригаду, приданную 48-му корпусу. Хауссер располагал главным образом модернизированными Т-IV, с длинноствольной 75-миллиметровой пушкой. Таких модернизированных Т-IV во 2-м танковом корпусе СС было 352 машины. Кроме того, имелось 16 устаревших танков Т-III, никакого сравнения с Т-34 не выдерживавших, и 104 штурмовых орудия. Кстати сказать, представления советских танкистов о высоких боевых качествах «пантер» были для периода Курской битвы сильно преувеличены. Только что выпущенные машины еще не прошли испытаний в боевых условиях, имели массу недоработок, часто ломались. И потери среди них были очень большие. Так, к 16 июля из 204 «пантер» 10-й бригады была безвозвратно потеряна пятая

часть — 42 машины. За это же время корпус Хауссера безвозвратно потерял 4 Т-III (25 процентов), 23 Т-IV (6,5 процента), 3 «тигра» (7 процентов) и 3 штурмовых орудия (около 3 процентов). Легко убедиться, что уничтожить «пантеру» оказалось гораздо проще, чем Т-IV, и с точки зрения живучести она почти не имела превосходства даже над ветераном Т-III. А ведь стоила «пантера» значительно дороже. Так что Гитлер напрасно ожидал прибытия «пантер» под Курск.

Есть наиболее подробные данные о потерях — по 29-му корпусу. Он потерял 131 танк, в том числе 103 — безвозвратно, и 19 САУ, из которых 14 не подлежали восстановлению. В целом же 5-я гвардейская танковая армия, согласно «Сведениям о безвозвратных потерях танков за период оборонительного сражения Курской битвы», за 12 и 13 июля навсегда лишилась 350 машин.

Вот что поведал Ротмистров летом 1964 года о Прохоровском сражении полковнику Федору Давыдовичу Свердлову, вместе с которым ехал «Красной стрелой» в Ленинград инспектировать артиллерийскую академию: «Это было самое большое танковое встречное сражение в ходе всей Второй мировой войны. Тогда 5-я гвардейская танковая армия, которой я командовал, с приданными двумя танковыми корпусами, разгромила крупную танковую группировку фашистов, нацеленную на Курск. Гитлеровцы потеряли около 350 танков и штурмовых орудий, в том числе около 100 тяжелых «тигров» и «пантер», созданных специально для этой операции. После этого сражения они вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления и перешли к обороне. Весь их стратегический план на лето 1943 года был сорван. Вот так танковое оперативное объединение выполнило стратегическую задачу. Правда, наши потери были не меньше, чем у противника. Вы, конечно, не знаете, да этого почти никто не знает.. — Павел Алексеевич сделал паузу и, слегка наклонившись к собеседнику, доверительно сказал: — Сталин, когда узнал о наших потерях, пришел в ярость: ведь танковая армия по плану Ставки предназначалась для участия в контрнаступлении и была нацелена на Харьков. А тут опять надо ее значительно пополнять. Верховный решил было снять меня с должности и чуть ли не от-

дать под суд. Это рассказал мне Василевский. Он же затем детально доложил Сталину обстановку и выводы о срыве всей летней немецкой наступательной операции. Сталин несколько успокоился и больше к этому вопросу не возвращался. Между прочим, — хитро улыбаясь, заметил Ротмистров, — командующий фронтом генерал армии Ватутин представил меня к ордену Суворова I степени. Но ордена на сей раз я не получил». Более высокий орден Суворова Сталин заменил орденом Кутузова.

Ложь о 350 уничтоженных немецких танках призвана была уберечь незадачливого командарма от суда за бездарно проигранное по всем статьям Прохоровское сражение. За такое и расстрелять могли.

Как раз после Прохоровки Жуков был срочно направлен Сталиным с Центрального на Воронежский фронт разбираться в создавшемся положении. Он вспоминал: «В тот день (12 июля. — Б. С.) на командный пункт Брянского фронта мне позвонил Верховный и приказал срочно вылететь в район Прохоровки и принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. 13 июля я прибыл в штаб 69-й армии Воронежского фронта, где находился также и командующий Степным фронтом Конев... Вечером того же дня встретился на командном пункте 69-й армии с Василевским. Верховный главнокомандующий поручил ему выехать на Юго-Западный фронт и организовать там наступательные действия, которые должны были начаться с переходом в контрнаступление Воронежского и Степного фронтов. Ознакомившись с обстановкой, действиями противника и своих войск, мы пришли к выводу, что надо еще энергичнее продолжать начатый контрудар, с тем чтобы на плечах отходящего противника захватить ранее занимаемые ими рубежи в районе Белгорода».

Ротмистров в мемуарах подробно описал свою встречу с Георгием Константиновичем Жуковым, которая состоялась вечером 13 июля: «Вернувшись на свой командный пункт, я неожиданно встретил здесь заместителя Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова. С них находился и член Военного совета Воронежского

фронта генерал-лейтенант Хрушев. Маршал был почему-то мрачным (и было с чего, когда узнал о потерях армии Ротмистрова! — Б. С.). Он молча выслушал мой доклад о сложившейся обстановке... и приказал ехать с ним в 29-й танковый корпус...

По дороге маршал несколько раз останавливался и пристально осматривал места прошедшего танкового сражения. Взору представилась чудовищная картина. Всюду искореженные или сожженные танки, раздавленные орудия, бронетранспортеры и автомашины, груды снарядных гильз, куски гусениц. На почерневшей земле ни единой зеленой былинки... Георгий Константинович подолгу задерживал взгляд на изуродованных таранами танках и глубоких воронках.

— Вот что значит сквозная танковая атака, — тихо, как бы сам себе, сказал Жуков, глядя на разбитую «пантеру» и врезавшийся в нее наш танк Т-70. Здесь же, на удалении двух десятков метров, вздыбились и будто намертво схватились «тигр» и «тридцатьчетверка». Маршал покачал головой, удивленный увиденным, и даже снял фуражку, видно отдавая дань глубокого уважения нашим погибшим героям-танкистам, которые жертвовали своей жизнью ради того, чтобы остановить и уничтожить врага.

До КП генерала И. Ф. Кириченко доехали благополучно. В пути я доложил Жукову, что основную тяжесть удара противника в сражении 12 июля выдержал 29-й танковый корпус и частично соединения 18-го корпуса. Поэтому после доклада комкора маршал поблагодарил Ивана Федоровича и в его лице весь личный состав корпуса за проявленное мужество в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, приказал генералу представить наиболее отличившихся к правительственным наградам. Затем он в течение часа с НП комкора наблюдал за боем. К тому времени стороны, исчерпав свои наступательные возможности, вели лишь огневой бой. Изредка рвались снаряды, посвистывали пули, вдали, в расположении противника, наблюдалось передвижение танков, бронетранспортеров и автомашин.

Вернувшись на мой КП, Жуков дал ряд указаний и сообщил, что он назначен представителем Ставки Верховного

главнокомандования на Воронежском и Степном фронтах. Василевскому Ставка поручала координировать боевые действия Юго-Западного и Южного фронтов».

Хрущев ту памятную поездку с Жуковым и Ротмистровым к месту недавнего танкового сражения также запечатлел в своих мемуарах: «К нам приехал Жуков. Мы с ним решили вдвоем поехать в танковую армию к Ротмистрову, в район Прохоровки... У Ротмистрова тоже разгорелось сражение. На полях виднелось много подбитых танков — и противника, и наших. Появилось несовпадение в оценке потерь: Ротмистров говорил, что видит больше подбитых немецких танков, я же углядел больше наших... С обеих сторон были ощутимые потери». Должен сказать, что в данном случае зорче взгляд был у Никиты Сергеевича. Хотя и он не избежал преувеличения в оценке неприятельских потерь. Вряд ли 5 разбитых танков и еще поврежденные 38 танков и 12 штурмовых орудий так уж ощутимо подорвали боеспособность эсэсовского танкового корпуса. Безвозвратные же потери армии Ротмистрова, без учета поврежденных машин, в период с 12 по 16 июля составили 334 танка и САУ, львиная доля которых принадлежала сражению под Прохоровкой, так как в последующие дни участие армии в боях было ограничено.

24 июля 1943 года Хрущев доложил по ВЧ Сталину «о танковом сражении 12 июля 1943 года в районе Прохоровки»: «К исходу 11.7.43 г. наступление противника на Обоянском и Прохоровском направлениях было остановлено; противник имел частичный успех только на Корочанском направлении. Перед Воронежским фронтом противник имел три ярко выраженные группировки: 1. В районе Верховения (до 3 танковых и одной пехотной дивизии); 2. В районе Прохоровки (танковый корпус СС в составе 4 танковых дивизий и одной пехотной дивизии); и 3. На Корочанском направлении (до 3 танковых дивизий и одной пехотной дивизии). Во второй половине дня 11-го июля Военным советом фронта принято решение концентрическим ударом частей центра и левого крыла фронта в общем направлении на Тамаровку — Белгород уничтожить тамаровскую группировку противника.

12.7.43 г. в 8 часов 30 минут утра после короткой артподготовки 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление в направлении Малые Маячки, имея в первом эшелоне 18-й и 29-й танковые корпуса. В составе 29-го танкового корпуса имелось Т-34 — 116 штук, Т-70 — 74 штуки и самоходной артиллерии 20 орудий, усиленной 76-м гвардейским минометным полком и 366-м полком МЗА (зенитной артиллерии малого калибра. — Б. С.).

29-й танковый корпус наступал вдоль железной дороги в направлении совхоза «Комсомолец» — Малые Маячки. 18-й танковый корпус с 80-м гвардейским минометным полком наступал из района Петровка в направлении Васильевка — Грязное. В первой половине дня 29-й танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника и находясь под непрерывным воздействием его авиации, сбил части противника и овладел колхозом (здесь Хрущев ведет речь о совхозе «Комсомолец». — Б. С.). 18-й танковый корпус, отразив несколько контратак противника со стороны Богородицкое и высоты 226,6, овладел Михайловкой, продолжая наступление на Васильевку. Во второй половине дня, в результате контратак танкового корпуса СС (в общей численности до 250 танков), 29-й танковый корпус с боями был потеснен в районе Прохоровка. Основные силы 29-го танкового корпуса в течение конца второй половины дня вели встречный бой в районе совхоза «Октябрьский» и в районе совхоза «Сталинское отделение». В результате боя части корпуса отошли на рубеж колхоза «Октябрьский» (в действительности — совхоза. — Б. С.) — Сторожевое и отражали атаки танковые противника.

За 12.7.43 г. противник понес следующие потери: танков Т — 150—160, из них до 40 типа «Тигр», 25 орудий, 14 пулеметов, 16 минометов, до 100 автомашин и 1500 солдат и офицеров противника. Наши потери в танках по 18-му и 29-му корпусам: Мк-4 (английские танки типа «Черчилль». — Б. С.) — 15 штук, Т-34 — 113 штук, Т-70 — 48 штук, итого 176 танков и 3 самоходные орудия. Убит 261 человек, ранено 720 человек.

В результате прошедшего боя 12.7.43 г. танковый корпус СС (в составе дивизий СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» и 17-я танковая дивизия) понес большие потери

и в течение 12-го числа и в последующих боях вынужден был отходить: Из показаний пленных противник в боях против Воронежского фронта понес большие потери. В стрелковых ротах мотополков из 120—150 человек, перед началом наступления, осталось по 20—30 человек, противник при отходе специально созданными командами эвакуирует свои подбитые танки и другую материальную часть, а все, что невозможно вывезти, в том числе наши танки и нашу материальную часть, сжигает и подрывает. В результате этого захваченная нами поврежденная материальная часть в большинстве случаев отремонтирована быть не может, а может быть использована как металлолом, которую мы постараемся в ближайшее время эвакуировать с поля боя».

Фактически здесь Никита Сергеевич признает, что поле сражения осталось за немцами, которые смогли эвакуировать все поврежденные танки, которые можно восстановить. В то время как советская техника осталась ржаветь под Прохоровкой. Дело усугублялось еще и тем, что служба эвакуации подбитых танков в Красной армии действовала из рук вон плохо.

Поражение 5-й гвардейской танковой армии было предопределено по многим причинам. В частности, 2-й танковый корпус СС П. Хауссера, заранее узнав о предстоящем наступлении танкистов Ротмистрова, не стал 12 июля атаковать, а встретил неприятеля, имевшего втрое больше танков, огнем противотанковых орудий и танков, стрелявших из засад и заранее подготовленных укрытий. Советским же танкистам, подчиняясь вздорному приказу Сталина от 19 сентября 1942 года, приходилось вести огонь преимущественно с ходу, что означало — в белый свет как в копеечку, ибо стабилизаторы, обеспечивающие прицельную стрельбу в движении, появились только в 50-е годы. К тому же у немцев все танки имели радиостанции, а у нас — только танки командиров (у остальных были лишь радиоприемники). Поэтому если командирский танк выходил из строя, никто не мог принять на себя управление подразделением.

Итоги Курской битвы были катастрофичны для советских танковых войск. Но, к их счастью, немцы уже не могли восполнить свои потери в людях и бронетехнике.

Жуков, как и Хрушев, наверняка понял, кто именно победил под Прохоровкой. Но на защиту Ротмистрова грудью встал Василевский. Его донесение Сталину помечено 2 часами 47 минутами 14 июля 1943 года: «Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы (реактивные снаряды, «катюши». — Б. С.). В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 процентов, а 18-й корпус — до 30 процентов танков (в действительности — 56 процентов. — Б. С.). Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны... Учитывая крупные танковые силы противника на Прохоровском направлении, здесь на 14.VII главными силами Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить Прохоровское направление. Не исключена здесь и завтра вероятность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Рейх» до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась».

Сталин Ротмистрова судить не стал и даже оставил его во главе армии, хотя будущий главный маршал бронетанковых войск допустил целый ряд крупных ошибок, повлиявших на исход сражения. Тут и злосчастные форсированные марши, и плохая разведка местности и позиций противника перед поспешно организованным контрударом, и безрезультатная артподготовка по площадям, и потеря управления во время сражения. Все это вполне отчетливо прочитывается в ротми-

стровских мемуарах. Да и танкисты в эсэсовском корпусе были опытные, тогда как для многих бойцов 5-й гвардейской танковой армии первый бой под Прохоровкой оказался и последним. Как рассказывал мне участник сражения Л. В. Чечков, командира танка Т-34 (танк был сожжен, но старшине Чечкову посчастливилось уцелеть), из 50 его друзей по только что сформированному в Забайкалье танковому корпусу в живых после боя осталось лишь пятеро. Конечно, немецкие «тигры» превосходили по толщине брони и дистанции, с которой они могли пробить лобовую броню противника, и Т-34, и КВ, что делало для советских танкистов дуэли с «тиграми» безнадежным делом. Но ведь танков Т-VI под Прохоровкой было всего-то два десятка, и в одиночку уничтожить 850 танков Ротмистрова они никак не могли.

Не многим лучше действовала и 1-я танковая армия М. Е. Катукова, до ввода армии Ротмистрова сражавшаяся против 48-го танкового корпуса и дивизии «Адольф Гитлер». А ведь танкистам Катукова было на руку хотя бы то обстоятельство, что в составе действовавшего против них немецкого 48-го танкового корпуса было большое количество мало надежных «пантер». Поэтому и безвозвратные потери 48-го корпуса к 16 июля достигли 78 танков и 7 штурмовых орудий, вдвое больше, чем в корпусе СС. Армия же Катукова в оборонительном сражении безвозвратно потеряла 312 танков и САУ.

На северном фланге Курской дуги танковые соединения 9-й немецкой армии при наступлении на Курск до 14 июля безвозвратно потеряли 87 танков и штурмовых орудий. Противостоявшие им войска Центрального фронта за тот же период лишились примерно 400 машин. Танковые корпуса группы «Юг» до 16 июля безвозвратно потеряли 161 танк и 14 штурмовых орудий, а противостоявшие им войска Воронежского фронта — около 1200 танков и САУ.

Для советских танковых армий и во время контрнаступления дело обстояло не лучше. Так, введенная в сражение на Брянском фронте 19 июля 3-я гвардейская танковая армия до 11 августа потеряла 60 процентов своей бронетехники — около 600 танков. Только в бою 10 августа одно из ее соединений оставило на поле боя 100 танков из 110. Вступившая

в бой 26 июля на Центральном фронте 4-я танковая армия за 10 дней боев лишилась 415 из имевшихся в наличии 652 танков. Еще через 8 дней танков в армии практически не осталось, и ее отвели в тыл для переформирования. Во время наступления на Харьков 5-я гвардейская танковая армия безвозвратно потеряла 324 танка и еще 110 было повреждено. В этом же наступлении 1-я танковая армия безвозвратно лишилась 288 машин, и, кроме того, с поля боя удалось эвакуировать 417 подбитых танков. Всего в ходе наступления на Орловский и Харьковский плацдармы советские войска безвозвратно потеряли 4450 танков и САУ, а немцы — около 1200 машин.

Отнюдь не мнимая советская победа под Прохоровкой заставила Манштейна повернуть свои танки назад. Вот что пишет он в «Утерянных победах»: «Двенадцатого июля противник бросил в бой в центре и на флангах фронта наступления группы армий «Юг» новые части из своих оперативных резервов. Двенадцатого и тринадцатого июля обе армии отразили все эти атаки. Четырнадцатого июля танковый корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, 48-й танковый корпус подошел к долине Псела западнее Обояни. В этих боях были частично разгромлены, частично сильно потрепаны другие значительные силы из оперативных резервов противника... К 13 июля противник потерял на фронте «Цитадель» (группы «Юг». — *Б. С.*) уже 24 000 пленными, 1800 танков, 267 артиллерийских и 1080 противотанковых орудий.

Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться — победа или поражение. 12 июля, правда, стало известно, что 9-я армия вынуждена была приостановить наступление и что противник перешел в наступление против 2-й танковой армии (на Орловском плацдарме. — *Б. С.*). Но командование нашей группы армий твердо решило не приостанавливать преждевременно сражения, может быть, перед окончательной победой. У нас еще был 24-й танковый корпус с 17-й (в действительности 23-й. — *Б. С.*) танковой дивизией и дивизией СС «Викинг» (в двух дивизиях к началу июля насчитывалось 132 танка, в том числе 45 «тигров», и 6 штурмовых орудий. — *Б. С.*), которые мы могли бы бросить в бой как наш козырь. Из-за этого корпуса командо-

вание группы боролось с Гитлером с самого начала наступления... Нам потребовалось несколько раз докладывать ОКХ, пока Гитлер, боявшийся всякого риска в Донбассе, дал согласие на то, чтобы расположить корпус за линией фронта «Цитадель». Корпус постоянно находился в боевой готовности западнее Харькова, хотя и в качестве резерва ОКХ, для чего он был выведен из непосредственного подчинения группы армий «Юг».

Такова была обстановка, когда фельдмаршал фон Клюге и я были вызваны 13 июля в Ставку фюрера... Совещание началось заявлением Гитлера о том, что положение на Сицилии, где западные державы высадились 10 июля, стало серьезным... Необходимо сформировать новые армии в Италии и на западных Балканах. Восточный фронт должен отдать часть сил, и потому операция «Цитадель» не может быть продолжена... Фельдмаршал Клюге доложил, что армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20 000 человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные соединения у 9-й армии, чтобы ликвидировать три глубоких прорыва противника на фронте 2-й танковой армии. По этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть возобновлено».

Манштейн считал, что «после успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка». Он предложил, чтобы два танковых корпуса 4-й танковой армии продолжили наступление к Курску, а 24-й танковый корпус обеспечивал бы эту операцию с севера и востока совместно с 3-м танковым корпусом группы «Кемпф». В случае, если наступление на Курск с севера не будет возобновлено, фельдмаршал считал возможным хотя бы разбить действовавшие в районе южного фаса Курской дуги советские войска, чтобы группа армий «Юг» могла спокойно вздохнуть. Однако Гитлер решил иначе. Он согласился, что группа армий «Юг» должна постараться разбить противника на фронте «Цитадели», но 24-й танковый корпус Манштейну было предписано использовать для отражения ожидавшейся советской атаки в Донбассе. Эта атака не замедлила последо-

вать 17 июля. Для ее отражения в районе реки Миус были использованы дивизии корпуса СС и 3-го танкового корпуса, тогда как 24-й танковый корпус отразил советский удар на Северском Донце.

Если бы Гитлер послушал Манштейна и бросил последний резервный корпус для обеспечения наступления на Курск, то группа армий «Юг» оказалась бы в тяжелом положении, а двигавшиеся к Курску танковые корпуса рисковали бы попасть в окружение и остаться без горючего и боеприпасов. После прекращения наступления армии Моделя атака на Курск с юга потеряла смысл. Выступление Западного и Брянского фронтов на Орловский плацдарм вызвало прекращение операции «Цитадель». Высадка союзников в Сицилии сыграла здесь лишь вспомогательную роль. Ведь в Италию в итоге была переброшена из группы армий «Юг» всего одна танковая дивизия — лейбштандарт «Адольф Гитлер».

Наступление на Орел координировал Жуков. В самый канун его начала с Георгием Константиновичем произошел один неприятный инцидент. Вот что рассказал журналисту Василию Пескову бывший начальник охраны маршала майор Николай Харлампиевич Бедов: «Был случай, когда мне лично небо показалось с овчинку. В боях на Курской дуге, прежде чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту назначенного удара. Было это 11 июля 43-го года. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М. М. Поповым. Уже у самой передовой сказал: «Теперь вы останьтесь, а я один...» Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел лощины и взгорки. А когда возвращались, как видно, были замечены немцами. Мины! Одна — впереди, другая — сзади. «Третья будет наша, прижимайся к земле!» При этих словах я рванулся и накрыл, как мне предписано было службой, маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью на взгорке — осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно потрянуло. Георгий Константинович потерял слух. Осмотревший его в Москве

профессор сказал, что надо в госпиталь. «Какой госпиталь — столько забот!» Пришлось врачу-специалисту приехать на фронт. Тут и лечились месяца два».

Жуков потом этим случаем даже бравировал. Когда в декабре 1967 года отмечали товарищеским ужином 70-летие Конева, тогдашний начальник Главного политического управления Советской армии генерал А. А. Епишев выступил с длинным тостом. Он высказал вполне здравую мысль, что «доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе». По словам присутствовавшего на ужине Константина Симонова, Жуков возразил тостующему: «А я вот, будучи командующим фронтом, неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка, и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить себе личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва. Так что вот, признаюсь, было дело — ползал!» — повторил он и развел руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям.

Должен заметить, что в эпизоде на Курской дуге, который чуть не закончился трагически, маршал действовал вопреки элементарному здравому смыслу. Ведь он никогда не командовал непосредственно танковыми частями. Для того чтобы разведать, пройдут ли на данном участке фронта танки, гораздо лучше годился бы толковый командир танкового батальона, чем заместитель Верховного главнокомандующего.

Жуков, безусловно, был смелым человеком. Но в данном случае он напрасно рисковал не только собственной жизнью, но и жизнью офицера охраны. Однако Георгий Константинович был военным до мозга костей. И хотел ощутить музыку боя, пусть на мгновение, но еще раз пережить то чувство, которое испытывает рядовой боец, ползущий по нейтральной полосе к вражеским окопам, как когда-то давно он сам, драгунский унтер-офицер, полз во главе группы разведчиков к немецким позициям, чтобы захватить языка. И наверное, Жуков мысленно смотрел на себя с высот истории. Маршал,

ползущий в разведку под вражеским огнем как простой солдат, — в этом есть что-то символическое.

Вот и Манштейн, полководец весьма неординарный, в июне 42-го, накануне решающего наступления на Севастополь, отправился на торпедном катере в совсем необязательную рекогносцировку вдоль южного берега Крыма. В мемуарах он объяснял это обернувшееся трагедией путешествие следующим образом: «С целью ознакомления с местностью я совершил плавание на итальянском торпедном катере до Балаклавы... Мне необходимо было установить, в какой степени прибрежная дорога, по которой обеспечивалось все снабжение корпуса, могла просматриваться с моря и обстреливаться корректируемым огнем корабельной артиллерии. Советский Черноморский флот не решился взяться за выполнение этой задачи, видимо, из страха перед нашей авиацией».

Но не лучше ли было бы послать на такую рекогносцировку опытного офицера-артиллериста. Да и опасаться советского флота не было больших оснований: во время всей крымской кампании он вел себя на удивление пассивно. Адмиралы очень боялись потерять крупные корабли из-за ударов германской авиации, не очень-то надеясь на «сталинских соколов» и огонь маломощных корабельных зениток. Поэтому совершенно неоправданным риском была катерная поездка-прогулка. На катер налетели советские истребители, судно получило повреждение, несколько человек было убито и ранено. Смертельное ранение получил водитель Манштейна, а сам командующий 11-й армией едва избежал гибели. И все — ради картины для будущего учебника истории: полководец, обходящий войска на катере на фоне романтического крымского пейзажа.

Курская битва окончилась победой Красной армии, освободившей Орел, Белгород и Харьков и устремившейся к Днепру. При форсировании реки, по инициативе Жукова, в ночь на 24 сентября 1943 года был выброшен воздушный десант для захвата плацдарма, однако парашютистов постигла неудача. Из-за неопытности летчиков, потерявших в темноте ориентировку, две воздушно-десантные бригады были выброшены частью в Днепр, частью в расположение советских

войск, а частью прямо на позиции противника. Бойцов выбросили не кучно, а разрозненно, они были лишены возможности вести бой в составе подразделений и почти все стали легкой добычей немцев. Нехватка транспортных самолетов и плохая подготовка летчиков обрекли десант на уничтожение без всякой пользы для дела.

Сталин пожурил Жукова и Ватутина в специальном приказе: «Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими трудностями...» От десанта в дневное время Жуков отказался из опасений, что советские ВВС не сумеют завоевать господства в воздухе в районе высадки, да и зенитная артиллерия противника при свете дня будет действовать более эффективно. А что десанникам в темноте очень трудно будет сориентироваться и организовано вступить в бой, Жуков и Ватутин просто не подумали.

Столь же провальным было инициированное Жуковым октябрьское наступление на Киев с Букринского плацдарма. Сталин в приказе покритиковал Жукова за недоучет условий местности и плохую организацию наступления. Тем временем войска 2-го Украинского фронта подверглись контрудару в районе днепровской излучины и вынуждены были отступить от Кривого Рога, удержанию которого Гитлер придавал особое значение из-за имевшихся там железорудных месторождений. Но для контрудара под Кривым Рогом Манштейну пришлось ослабить киевскую группировку. И Жуков реабилитировал себя взятием Киева ударом с другого плацдарма, Лютежского. Столица Украины была освобождена 6 ноября 1943 года, накануне главного советского праздника.

Вместе с немецкими войсками за Днепр отходило и советское население, часть добровольно, часть принудительно. Манштейн вспоминал: «Так как Советы в отбитых ими у нас областях немедленно мобилизовывали всех годных к военной службе мужчин до 60 лет и использовали все население без исключения, даже в районе боев, на работах военного характера, Главное командование вермахта приказа-

ло переправить через Днепр и местное население. В действительности эта принудительная мера распространилась только на военнообязанных. Но значительная часть населения добровольно последовала за нашими отступавшими частями, чтобы уйти от Советов. Образовались длинные колонны, которые нам позже пришлось увидеть также и в Восточной Германии. Немецкие войска оказывали эвакуируемым всяческую помощь. Людей не «угоняли», а направляли в районы западнее Днепра, где немецкие штабы заботились об их размещении и снабжении. Бежавшее население имело право взять с собой и лошадей, и скот — все, что только можно было вывезти. Мы предоставляли населению и транспорт, насколько это было возможно. То, что война принесла им много страданий и неизбежных лишений, нельзя оспаривать. Но их же нельзя было сравнить с тем, что претерпело гражданское население в Германии от террористических бомбардировок, а также с тем, что позже творили русские на востоке Германии. Во всяком случае, все принятые немецкой стороной меры объяснялись военной необходимостью».

Лукавит, ох лукавит германский фельдмаршал! Цель тактики «выжженной земли», за которую Манштейна в 1950 году британский трибунал осудил на 18 лет тюрьмы, довольно точно описал бывший подчиненный фельдмаршала генерал Фридрих Вильгельм фон Меллентин, в 43-м году являвшийся начальником штаба 48-го танкового корпуса: «Как известно, у русских мало транспортных средств, и для снабжения своих войск они использовали главным образом местные ресурсы... Примерно так же поступали монголы Чингисхана и войска Наполеона. Единственным средством замедлить продвижение таких армий является уничтожение всего, что может быть использовано противником для размещения войск и их снабжения. Осенью 1943 года немецкая армия намеренно прибегала к таким действиям... Сама по себе мысль об уничтожении всех запасов продовольствия и создании «зоны пустыни» между нами и наступавшими русскими войсками не вызывала у нас восторга. Но на карту была поставлена судьба группы армий «Юг», и если бы мы не приняли таких мер, многим тысячам солдат никогда не удалось бы до-

стичь Днепра и организовать прочную оборону за этим водным рубежом».

Точно такую же тактику еще раньше немцев применил Сталин во время отступления Красной армии в 41-м. И бессмысленно было судить Манштейна за то же самое, что делал его противник на Востоке. На Западе же тактика «выжженной земли» имела мало смысла. Англо-американские армии снабжались с Британских островов и практически не зависели от ресурсов занимаемых ими французских и германских территорий. А дорожная сеть в Западной Европе была столь разветвленной и густой, что полностью вывести ее из строя при отступлении было невозможно. На Западе германские генералы и сам министр вооружений Альберт Шпеер саботировали соответствующий приказ Гитлера.

Судьба жителей оккупированных советских территорий была трагична. Если они уходили с насиженных мест вместе с немцами, то вполне могли погибнуть в пути от голода и лишений. Если оставались, то призывались в Красную армию, где они считались людьми «второго сорта», попавшими под подозрение уже только потому, что проживали на захваченной врагом территории. Их использовали как пушечное мясо. Вот свидетельство из письма домой одного немецкого солдата летом 43-го: «На вновь занимаемой территории Красная армия призывала все население, мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники необучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и платили буквально своими жизнями за это подозрение».

Приведу еще характерный рассказ бывшего командира артиллерийского взвода связи лейтенанта Валентина Дятлова об одной атаке в Белоруссии в декабре 43-го: «Мимо, по ходу сообщения прошла цепочка людей в гражданской одежде с огромными сидорами за спиной.

— Славяне, кто вы, откуда? — спросил я.

— Мы с Орловщины, пополнение.

— Что за пополнение, когда в гражданском и без винтовок?..

— Да сказали, что получите в бою...

Удар артиллерии по противнику длился минут пять. 36 орудий артиллерийского полка «долбили» передний край немцев. От разрывов снарядов видимость стала еще хуже...

И вот атака. Поднялась цепь, извиваясь черной кривой змейкой. За ней вторая. И эти черные извивающиеся и двигающиеся змейки были так нелепы, так неестественны на серо-белой земле! Черное на снегу — прекрасная мишень. И немец «поливал» эти цепи плотным свинцом. Ожили многие огневые точки. Со второй линии траншеи вели огонь крупнокалиберные пулеметы. Цепи залегли. Командир батальона орал: «Вперед, еб твою мать! Вперед!.. В бой! Вперед! Застрелю!» Но подняться было невозможно. Попробуй оторвать себя от земли под артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем...

Командирам все же удавалось несколько раз поднимать «черную» деревенскую пехоту. Но все напрасно. Огонь противника был настолько плотным, что, пробежав пару шагов, люди падали как подкошенные. Мы, артиллеристы, тоже не могли надежно помочь — видимости нет, огневые точки немцы здорово замаскировали, и, вероятней всего, основной пулеметный огонь велся из дзотов, а потому стрельба наших орудий не давала нужных результатов».

В 41-м году в Красной армии была острая нехватка винтовок в связи с тем, что оружейные склады в западных регионах страны попали в руки немцев. Но в 43-м советская промышленность производила достаточно винтовок. Дело было в другом. И в 41-м, и в 43-м Сталин и его соратники предпочитали призвать в армию как можно больше людей, не считаясь с реальным запасом вооружения. Кроме того, в 43-м призывники с оккупированных территорий расценивались как потенциальные предатели. Практически их гнали в атаку как скот на бойню. Расчет был на то, что «черная пехота» только измотает немцев и заставит израсходовать запас боеприпасов, чтобы потом свежие части смогли заставить отступить противника с занимаемых позиций. Пото-

му-то не выдавали несчастным ни обмундирования, ни винтовок. Зачем тратить на тех, кому суждено погибнуть в первом же бою? И что погибнут — не беда, НКВД после войны меньше работы будет. В значительной степени недоучет советских безвозвратных потерь происходил за счет этих людей, призывавшихся, как правило, непосредственно в части. Лишь единицам таких призывников суждено было уцелеть, стать «нормальными» солдатами и получить форму и оружие.

Как происходил призыв на только что освобожденной Западной Украине, хорошо описал генерал П. Григоренко: «К осени 1944 года... людей в стране уже не было. Готовилась мобилизация 1927 года, т. е. семнадцатилетних юнцов... От 4-го Украинского фронта требовали изыскания людских ресурсов на месте — мобилизации воюющих возрастов на Западной Украине, вербовки добровольцев в Закарпатье... Нехватка людей была столь ощутима, что мобилизацию превратили, по сути, в ловлю людей, как в свое время работорговцы ловили негров в Африке. Добровольчество было организовано по-советски, примерно так, как организуется стопроцентная «добровольная» явка советских граждан к избирательным урнам... Из дивизии выделялись войска в распоряжение мобилизаторов и вербовщиков, и, возвращаясь обратно, офицеры и солдаты рассказывали... Вот один из таких рассказов: «Мы оцепили село на рассвете. Было приказано в любом случае, кто попытается бежать из села, стрелять после первого предупреждения. Вслед за тем специальная команда входила в село и, обходя дома, выгоняла всех мужчин, независимо от возраста и здоровья, на площадь. Затем их конвоировали в специальные лагеря».

Не лучше было положение бойцов штрафных батальонов и рот. Общее положение об их формировании было утверждено Жуковым как заместителем Верховного главнокомандующего 26 сентября 1942 года. Целью формирования штрафных частей было «предоставить возможность... провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий». Срок нахождения в штрафных частях был установлен от

1 до 3 месяцев, но мало кому удавалось за это время уцелеть. На практике в штрафные роты и батальоны попадали чаще всего даже не за совершенные проступки и преступления, а просто из-за плохих отношений с начальством, которому ничего не стоило придумать повод, чтобы негодный оказался в штрафном батальоне.

Одну из атак штрафников 43-го года описал уже знакомый нам лейтенант В. Дятлов: «В десятиминутном огневом налете участвовало два дивизиона нашего полка — и все. После огня какие-то секунды стояла тишина. Потом выскочил из траншеи на бруствер командир батальона: «Ребята-а! За Родину! За Сталина! За мной! Ура-а-а!» Штрафники медленно вылезли из траншеи и, как бы подождав последних, вскинув винтовки наперевес, побежали... Немцы бросили серию красных ракет в сторону атакующих и сразу же открыли мощный минометно-артиллерийский огонь. Цепи залегли, залегли и мы (группа корректировщиков. — Б. С.) — чуть сзади в продольной борозде. Голову поднять было нельзя. Как засечь и кому засекать в этом аду цели противника? Его артиллерия била с закрытых позиций и далеко с флангов. Били тяжелые орудия. Несколько танков стреляли прямой наводкой, их снаряды-болванки с воем проносились над головой... Штрафники лежали перед немецкой траншеей на открытом поле и в мелком кустарнике, а немец «молотил» это поле, перепахивая и землю, и кусты, и тела людей... Отошло нас с батальоном штрафников всего семь человек, а было всех вместе — 306...» Так советское командование заваливало противника трупами до самого конца войны.

Еще 27 декабря 1943 года Манштейн предложил отступить с Корсунь-Шевченковского выступа и из района Никополя у излучины Днестра. Гитлер отказался, поскольку после такого отхода советские войска могли атаковать уже отрезанный Крым. Полуостров фюрер пытался удержать, поскольку с крымских аэродромов можно было бомбить румынские нефтяные месторождения.

Советское командование разработало операцию по окружению и уничтожению немецкой группировки у Корсунь-Шевченковского. Операция была проведена в январе — фев-

рале 44-го войсками 1-го Украинского фронта Ватутина и 2-го Украинского фронта Конева. Жуков координировал действия обоих фронтов. В результате в окружение попали соединения двух немецких армейских корпусов. Манштейн бросил им на выручку два танковых корпуса, однако они не смогли прорвать кольцо. Тогда командование группы армий «Юг» отдало окруженным приказ пробиваться самостоятельно. Манштейн вспоминал: «В ночь с 16 на 17 февраля оба корпуса под руководством своих командиров Штеммермана и Либа предприняли попытку прорваться из окружения в юго-западном направлении, навстречу 3-му танковому корпусу, который напрягал все силы, чтобы, несмотря на непролазную грязь, бросить навстречу прорывавшейся группировке хотя бы несколько танков... Так как во время выхода из окружения войскам пришлось бы передвигаться по бездорожью и глубокой грязи, было приказано бросить орудия после того, как будут расстреляны все боеприпасы... В 1 час 25 минут 17 февраля пришло радостное известие о том, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3-го танкового корпуса установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. Двадцать восьмого февраля мы узнали, что из котла вышло 30 000 — 32 000 человек. Поскольку в нем находилось шесть дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск, это составило большинство активных штыков (по данным Манштейна, до окружения оба корпуса насчитывали 54 тысячи человек, состоявших на довольствии, но часть тыловых служб осталась вне кольца. — Б. С.). Огромную боль нам причинило то, что большую часть тяжелораненых вышедшие из окружения не могли взять с собой. Генерал Штеммерман погиб во время боя... При выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудий застряла в грязи. Только несколько из них ценой невероятных усилий войскам удалось взять с собой».

Конев несколько иначе оценивает итоги сражения: «...Ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах». И в подтверждение цитирует немецкого генерала

Курта Типпельскирха: «Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником... В конечном итоге эти бои вновь принесли большие потери в живой силе и технике, что еще больше осложнило обстановку на слишком растянутых немецких фронтах». Но вот вместо многоточия у Типпельскирха было: «После этого окруженным корпусам пришлось, бросив все тяжелое оружие, артиллерию и большое количество снаряжения, последним отчаянным броском пробиваться к своим войскам. Из окружения вышли лишь 30 тысяч человек». Типпельскирх свою «Историю Второй мировой войны» издал раньше, чем Манштейн свои мемуары. Да и цифры у обоих авторов немного разнятся (третий автор, Меллентин, называет несколько большее число вышедших из окружения — 35 тысяч). Так что, по сути, перед нами три независимых свидетельства о том, сколько же немцев вышло из корсуньского котла.

Жуков об итогах Корсунь-Шевченковской операции пишет следующее: «Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10—20 метров. У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе (командующего 1-й танковой армией. — Б. С.). Их попытка прорыва была отбита 27-й армией С. Г. Трофименко и 4-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта... Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь несколькими танками и бронетранспортерами с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения и проскочить из района села Почапинцы в район Лисянки. Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки».

Конев приводит приказ Верховного главнокомандующего от 18 февраля 1944 года, где утверждалось, что в ходе Корсунь-Шевченковской операции «немцы оставили на поле боя

убитыми 52 000 человек. Сдалось в плен 11 000 немецких солдат и офицеров. Вся имевшаяся у противника техника и вооружение захвачены нашими войсками». Но сам Иван Степанович предпочитал придерживаться официальных цифр, повторенных в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны» и 12-томной «Истории Второй мировой войны»: более 18 тысяч пленных и 55 тысяч убитых немцев. Но ближе к истине первоначальная цифра в 11 тысяч пленных. Ведь в период с 1 января по 1 марта 1944 года Красная армия, по архивным данным, на всех фронтах взяла в плен лишь 15 351 неприятельского солдата и офицера. Вероятно, большинство пленных — это раненые, которых не смогли взять с собой прорывавшиеся войска. Но вот 52—55 тысяч убитых немцев — что-то уж чересчур много для 11 тысяч раненых. Вряд ли число погибших в действительности превышало число раненых. Тогда из 50 с лишним тысяч окруженных к своим должны были прорваться порядка 30 тысяч человек, как о том и пишут Манштейн, Типпельскирх и Меллентин.

Сталин был недоволен тем, как шел процесс ликвидации окруженных немецких корпусов. 12 февраля он, несмотря на возражения Жукова, поручил ликвидацию окруженной группировки Коневу, а Ватутину приказал сосредоточиться на удержании внешнего фронта кольца. На Георгия Константиновича возлагалась координация действий 1-го и 2-го Украинского фронтов по недопущению прорыва противника из окружения. Жуков понимал, что тем самым лавры победы уходят от его протеже Ватутина к Коневу, но сделать ничего не смог. В приказе Сталина от 18 февраля по итогам Корсунь-Шевченковской операции был назван только 2-й Украинский фронт, которому в тот же день салютовала Москва. 1-й Украинский фронт в приказе не фигурировал ни в каком качестве. Жуков совершенно справедливо написал в мемуарах: «...Сталин был глубоко неправ, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта... Независимо от того, кто и что докладывал Верховному, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов... Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглав-

ляемые Ватутиным и Коневым, сражались одинаково превосходно». Не так уж превосходно, раз допустили соединение основных сил окруженных с идущей им на выручку 1-й танковой армией.

Жуков в мемуарах утверждает, что идею переподчинения всех войск, действовавших против окруженной группировки, штабу 2-го Украинского фронта выдвинул Конев:

«— Мне сейчас звонил Конев, — сказал Верховный, — и доложил, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шандеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю. Думаю, это не соответствует действительности.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Ватутину и выяснил, что противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три и занял Хилки, но был остановлен. Сведения о попытках прорыва как-то раньше попали к Коневу. Вместо того чтобы срочно доложить мне и известить Ватутина, он позвонил Сталину, дав понять, что операция по ликвидации противника может провалиться, если не будет поручено ему ее завершение...

Сталин крепко выругал меня и Ватутина, а затем сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина».

Иван Степанович в «Записках командующего фронтом» факт такого своего предложения Сталину категорически отрицает: «12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный главнокомандующий. Сталин, рассерженный, сказал, что вот мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим, и спросил: «Что вы знаете по обстановке на фронте у соседа?» По интонации его голоса, резкости, с которой он разговаривал,

я понял, что Верховный главнокомандующий встревожен, и, как видно, причина этого — чей-то не совсем точный доклад.

Я доложил: «Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно».

Сталин спросил: «Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта».

Я ответил: «Да, по своей, товарищ Сталин».

Сталин сказал: «Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню».

Через несколько минут Сталин перезвонил и предложил Коневу возглавить уничтожение окруженной группировки, взяв под свою команду 27-ю армию 1-го Украинского фронта. Иван Степанович стал отказываться от этой высокой чести, не из скромности, а из вполне прагматических соображений. 27-я армия находилась по одну сторону котла, а войска 2-го Украинского фронта — по другую. Снабжать ее можно было только через 1-й Украинский фронт, да и управлять ею удобнее было из штаба Ватутина. Вряд ли Конев стремился взять на себя дополнительную ответственность за самый опасный участок внутреннего фронта окружения, помочь которому мог лишь с большим трудом. К тому же Иван Степанович цитирует грозную телеграмму Сталина Жукову, помеченную 12 февраля: «Прорыв корсуньской группировки из района Стеблев в направлении Шендеровка произошел потому, что: слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена; не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь Стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва... Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку...»

Сталин был зол на Ватутина, допустившего прорыв на участке 27-й армии, и на Жукова, вовремя не усилившего эту ар-

мию резервами. Поэтому по воле Верховного вся слава досталась Коневу, а близкий к Жукову Ватутин остался в тени.

29 февраля 1944 года Ватутин был смертельно ранен в перестрелке с отрядом Украинской повстанческой армии. Сталин поручил Жукову временно принять командование 1-м Украинским фронтом. В этом качестве маршал руководил в марте Проскуровско-Черновицкой операцией. Войскам 1-го Украинского фронта удалось окружить 23 дивизии 1-й германской танковой армии в районе города Каменец-Подольский. Однако, как честно признал Жуков в мемуарах: «Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, подошли к решительной схватке в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии и боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья. 3-я гвардейская танковая армия... понесла большие потери и была выведена по указанию Верховного в резерв на пополнение. 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольского также в значительно ослабленном состоянии.

Все это, вместе взятое, не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группы противника. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Чертков — Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным. В этом случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону.. Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики — Черновицы — Коломыя... Но когда немецкому командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода в южном направлении, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы.

Как потом выяснилось из трофейных документов, командование группы армий «Юг» собрало здесь значительное ко-

личество войск, в том числе 9-ю и 10-ю танковые дивизии СС, и 4 апреля нанесло сильный удар по нашему внешнему фронту из района Подгайцы. Сняв оборону 18-го корпуса и 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям. Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».

Вспомним, что и Коневу насчет корсуньской группировки подчиненные доносили, что ни один немец через их позиции не прошел. Кто же из советских командиров будет признаваться, что на его участке произошел прорыв фронта, если данный неприятный факт легко можно скрыть! Противник-то прорвался к своим, а не в советский тыл, и кроме командира и его бойцов о прорыве никто и не знает. Куда приятнее назвать фантастическое число немецких трупов, будто бы уничтоженных твоими войсками. Прорыв окруженной под Каменец-Подольским группировки стал последней операцией Манштейна во Второй мировой войне. Он успел подготовить эту операцию, а осуществил ее уже преемник Манштейна Модель. В «Утерянных победах» Манштейн так объяснил свой замысел: «Генерал-полковник Хубе... не хотел прорываться с армией на запад, а предлагал отвести ее на юг за Днестр. Безусловно, в данный момент это был более легкий путь. На запад ей пришлось бы пробиваться через две танковые армии противника, а на юг она могла уйти в то время еще без серьезных боев.

Тем не менее я не мог согласиться с этим мнением генерал-полковника Хубе. Во-первых, было необходимо, чтобы 1-я танковая армия, двигаясь на запад, соединилась с 4-й танковой армией. Как же иначе можно было предотвратить прорыв противника в Галицию севернее Карпат? Попытка армии ускользнуть на юг за Днестр в лучшем случае кончилась бы тем, что она была бы оттеснена в Карпаты, но и это сомнительно. Конечно, путь на юг через Днестр был вначале менее рискованным. Однако более детальный ана-

лиз показывал, что он вел армию к гибели. Она не имела переправочных средств и мостов для преодоления Днестра на широком фронте. При попытке переправиться через реку по немногим постоянным мостам она потеряла бы вследствие действий авиации противника основную часть своей тяжелой техники. Но еще важнее, что противник вел наступление с востока уже южнее Днестра. Рано или поздно армия оказалась бы между этими наступающими силами противника и теми его двумя танковыми армиями, которые только что перерезали ее коммуникации и собирались форсировать в тылу армии Днестр в южном направлении... 1-я танковая армия получила предварительный приказ, пробиваясь на запад, восстановить сначала связь с немецкой группировкой в районе реки Збруч. Она должна была попытаться со своей стороны, нанося этот удар, отрезать тылы вражеской танковой армии, наступающей на Каменец-Подольский».

В Проскурово-Черновицкой операции Жуков предположил, что противник примет решение, казавшееся наиболее простым: отступать к Днестру. Между тем, если бы он просчитал все возможные последствия этого решения, как это сделал Манштейн, то должен был бы прийти к выводу, что в любом случае оптимальным будет прикрытие основными силами танковых соединений Западного, а не Южного направления.

Как раз в марте 44-го, когда Георгий Константинович командовал 1-м Украинским фронтом, произошел один очень неприятный инцидент. Начальник инженерных войск фронта генерал Б. В. Благодослав вспоминал, как Жуков, только вступив в командование, собрал командиров ночью на совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвертых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непереводаемые русские выражения и ко всем обращался исключительно на «ты», хотя брудершафт прежде ни с кем не пил. Благодослав Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузер. Благодослав в ответ схватился за парабеллум (оба предпочли трофейное оружие). Возникла неловкая пауза. Благодослав

напомнил Жукову, что ждет его выстрела. Но дуэль не состоялась. Жуков сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не погладят. Это ведь не какой-нибудь командир полка или даже дивизии. Георгий Константинович убрал маузер в кобуру и пообещал, что расправится с Благодоровым. Однако у Жукова не дошли руки до строптивого генерала, возможно, единственного в Красной армии (другие и не такое сносили молча). Пределы его власти не распространялись на бессудное снятие с должности командующих армиями и им соответствующих во фронтовом звене. Благодоров благополучно закончил войну на прежней должности на 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского, с которым у него сложились прекрасные отношения.

В мемуарах Георгий Константинович прямо признавал, что даже на заключительном этапе войны вермахт превосходил Красную армию в тактике ведения боевых действий: «Несмотря на то что действия наших войск в зимне-весеннюю кампанию (1944 года. — Б. С.) заканчивались большими победами, я все же считал, что немецкие войска имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте. Их боеспособность в связи с большими потерями понизилась, но все же они дерутся упорно и нередко вырывают тактическую инициативу у наших частей, нанося им чувствительные потери. Что же касается стратегического искусства их верховного командования и командования группами армий, оно после катастрофы в районе Сталинграда, и особенно после битвы под Курском, резко понизилось».

Дело, однако, было не в низком уровне германского командования, а в истощении людских и материальных ресурсов рейха в сравнении с ресурсами СССР и его западных союзников. Длина фронта на Востоке была значительно больше, чем на Западе. К концу 43-го года новые пополнения уже не в состоянии были компенсировать людские потери вермахта. Немцам не удавалось создать минимально необходимую для обороны плотность личного состава на всех важных участках советско-германского фронта. И они тем более были не в состоянии сосредоточить достаточные груп-

пировки войск для проведения здесь стратегических наступательных операций.

Единственную стратегическую операцию после поражения под Сталинградом Гитлер осуществил на более коротком Западном фронте в декабре 44-го. Небольшая глубина театра оставляла хоть какие-то надежды попытаться достичь решающего успеха сравнительно небольшими силами и добиться сепаратного мира с Англией и США. На Восточном же фронте даже операция «Цитадель», проводившаяся значительно большим количеством войск, чем последнее германское наступление в Арденнах, в сущности, имело только оперативную цель — срезать Курский выступ.

В области производства боевой техники и вооружения возможности Германии оказались несопоставимы с возможностями ее западных противников. Благодаря ленд-лизу советская промышленность также смогла производить танков, самолетов и артиллерийских орудий ничуть не меньше, чем германская.

10 апреля 1944 года Жуков был удостоен высшего военного ордена Победы за номером 1. Этому же ордена за номером 2 был удостоен Василевский. Формулировка указа у обоих была одинакова: «За умелое выполнение заданий Верховного главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск...» Точно с такой же формулировкой Георгию Константиновичу был присвоен и второй орден Победы 30 марта 1945 года.

22 апреля 1944 года Жуков был вызван с фронта в Ставку. Там он в течение недели работал над планом летне-осенней кампании. Главный удар предстояло нанести в Белоруссии, вспомогательный — на Западной Украине. После успехов советских войск на юге оборонявшаяся в Белоруссии германская группа армий «Центр» оказалась глубоко охвачена с левого фланга. Советская сторона старалась создать у противника впечатление, что главный удар последует на Украине. Вероятно, с этой целью вплоть до 24 мая Жуков продолжал числиться командующим 1-м Украинским фронтом. Расчет делался на то, что у немцев имя

маршала ассоциируется с генеральным наступлением Красной армии. Где Жуков, там должен последовать решающий советский удар.

Однако на этот раз германское командование было своевременно информировано о планах противника. В конце апреля неизвестный германский агент сообщил, что в Москве обсудили два варианта действий. Первый из них предусматривал нанесение главного удара в районе Ковеля и Львова с последующим движением на Варшаву, где предполагалось польское восстание. Не исключено, что советская разведка узнала о планах Армии Крайовой: в Варшаве, Вильно и других польских городах готовилось восстание, связанное с приближением советских войск. Второй вариант проведения летней кампании предполагал, что основной удар будет нанесен по направлению к Балтийскому морю через территорию Белоруссии и Польши, а вспомогательный — на юге. Сталин, как сообщал агент, выбрал второй вариант.

Гитлер тем не менее не стал отводить группу армий «Центр» к Бугу, что вывело бы ее из-под ожидавшегося советского удара, но одновременно более чем на 300 километров приблизило бы Красную армию к столице рейха. Если бы немецкая армия отступила, советские войска вышли бы на линию Керзона в мае, а не в июле, как это произошло в действительности. А тут еще ожидавшаяся высадка союзников во Франции. Гитлер рассчитывал отразить ее мощным танковым контрударом и для выигрыша времени готов был пожертвовать немецкими войсками в Белоруссии. Если же англо-американского десанта не будет, то сосредоточенные в Польше 5 танковых дивизий, включая танковый корпус СС, смогут ударить по наступающим советским армиям в Белоруссии или на Украине и спасти группы армий «Центр» и «Северная Украина» (бывшая «Юг») от разгрома. Фюрер отклонил предложение командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Эрнста Буша отвести войска к реке Березина и сократить фронт на 240 километров. Кроме того, он забрал у Буша один из танковых корпусов и передал его командующему группой «Северная Украина».

6 июня союзники высадились в Нормандии. 11 июня германские танковые дивизии двинулись из Польши на Запад. А 23 июня началась операция «Багратион» — генеральное наступление четырех советских фронтов в Белоруссии.

Летом 43-го германское командование смогло предпринять наступление мощной танковой группировкой на Восточном фронте и тем самым затруднить последующее советское наступление. Во время сражений на Украине вплоть до весны 44-го контрудары немецких танковых дивизий не позволяли Красной армии уничтожить окруженные группировки. Но в июне германские резервы были направлены в Нормандию. Судьба группы армий «Центр» была предрешена. Большинство ее дивизий попали в окружение и были уничтожены. Перед началом наступления Красная армия обладала трехкратным превосходством над германской Восточной армией, а в Белоруссии перевес был еще более значительным. Советские ВВС наконец-то достигли безусловного превосходства в воздухе, так как люфтваффе срочно перебросили основные силы с Восточного фронта для противодействия высадившимся англо-американским войскам. На Востоке действовала лишь пятая часть всех германских истребителей.

Сразу после июня 1944 года начинается резкий рост безвозвратных потерь германских сухопутных сил. Если в июне они составили 26 тысяч убитыми и 32 тысячи пропавшими без вести, то в июле — соответственно 59 тысяч и 310 тысяч, а в августе — 64 тысячи и 408 тысяч. Только войска трех белорусских фронтов в период с 1 марта по 1 октября 1944 года взяли в плен 154 тысячи немцев, а войска 1-го Прибалтийского фронта — еще 10 тысяч. Подавляющее большинство пленных было захвачено этими фронтами в июле и августе, в период проведения операции «Багратион». Начавший в июле наступление на Львовском направлении 1-й Украинский фронт взял еще 40 тысяч пленных. В августе в ходе Яссо-Кишиневской операции 2-й и 3-й Украинские фронты окружили основные силы группы армий «Южная Украина», пленив 209 тысяч немецких и румынских солдат и офицеров. Во Франции с июня по сентябрь потери немцев составили 55 тысяч убитыми и 339 тысяч пропавшими без вести.

На Восточном фронте было убито 214 тысяч немецких военнослужащих и еще 626 тысяч пропало без вести. Война на два больших сухопутных фронта для вермахта оказалась непосильной. Скорый крах германского сопротивления становился неизбежным.

Жуков координировал подготовку и проведение наступления в Белоруссии. В 1955 году в беседах с Симоновым маршал так расценил действия немцев: «Если взять, например, обстановку, сложившуюся перед нашим наступлением в Белоруссии, летом 1944 года, то достаточно было посмотреть на карту, чтобы стало вполне очевидным, что мы должны были нанести удары именно с тех направлений, с которых мы их потом и нанесли, что мы в состоянии создать этот белорусский котел и что в итоге это может закончиться прорывом шириной в 300—400 километров, который немцам нечем будет заткнуть. Немцы могли это предвидеть.

Логика событий и элементарная военная грамотность подсказали им необходимость вывести свои войска из будущего котла, сократить и уплотнить фронт, создать за своим фронтом оперативные резервы — словом, все, что полагается в подобных случаях. Но немцы этого не сделали, и в результате подверглись разгрому в Белорусской операции.

Но в дальнейшем, оказавшись в тяжелейшем положении, когда им нечем было заткнуть прорыв в 400 километров, надо отдать им должное, они нашли смелый и верный выход из положения. Вместо того чтобы попытаться, растянувшись цепочкой, заткнуть всю эту огромную брешь, они начали с того, что сосредоточили ударную группировку и нанесли нам встречный удар в центре этого пустого пространства. Они приковали нас, заставили ввязаться в бой и приостановили таким образом наше наступление. А тем временем в тылу стали создавать новую линию обороны и благодаря этому, неожиданному для нас и смелому, удару в значительной мере успели это сделать. Принятое ими после разгрома в белорусском котле решение следует признать смелым и умным».

Сменивший Буша Модель сумел остановить советское наступление лишь на Висле в начале августа с помощью контрударов подошедших танковых резервов. Тут немцам здорово

помог и политический фактор. Поднятое в Варшаве сторонниками польского эмигрантского правительства восстание заставило Сталина на время прекратить наступление на Западном направлении. Даже когда в середине августа танковые дивизии группы армий «Центр» отправились в Прибалтику прорубать коридор к группе армий «Север», советские армии на Висле не сдвинулись с места. Ради того чтобы гарантировать советский контроль над Польшей, Верховный главнокомандующий готов был на несколько месяцев отложить окончательный крах Третьего рейха.

Во время боевых действий в Белоруссии Жуков был в своем репертуаре — грозил офицерам и генералам расстрелом и штрафными батальонами. Прибыв в 65-ю армию П. И. Батова, Георгий Константинович сразу же потребовал сместить с должности одного из командиров корпусов, И. И. Иванова, а командира 44-й дивизии П. Г. Петрова отправить в штрафбат. С большим трудом командующий 1-м Белорусским фронтом Рокоссовский добился смягчения наказания: Иванову дали выговор, а Петрова сняли с должности. П. И. Батов рассказывает и другой любопытный эпизод: «Впервые за несколько дней привели себя в порядок. Только побрились и почистили сапоги, по улице проскочили машины. Круто затормозили у нашей избы. Радецкий (член Военного совета армий. — Б. С.) взглянул в окно. Жуков. Мы выскочили на крыльцо. Я хотел порадовать представителя Ставки, но вышло другое.

— Бреетесь? Одеколонитесь?.. Почему не взяты Барановичи?»

В избе Жуков продолжил разнос. Батов признался, что ему никогда не приходилось испытывать такого унижения: «В конце концов нам удалось доложить, что части идут хорошо и с часу на час овладеют городом. Ответ был не лучше начала...

— Командующий докладывает правильно, товарищ маршал, — сказал Радецкий.

Жуков не обратил внимания.

— Командующий докладывает правильно, — повторил член Военного совета. Брань обрушилась на него. Эта невыносимая сцена закончилась тем, что Жуков приказал Радец-

кому выехать в Барановичи и не возвращаться, пока город не будет взят. Отшвырнув ногой табурет, Жуков вышел, с шумом захлопнув дверь. Тяжелое молчание.

— Что ты убиваешься, Павел Иванович, — сказал Радецкий. — Кому мы служим — Жукову или Советской власти?.. Это все чепуха. Но меня интересует, отчего он взбесился?.. Василевский-то под Вильнюсом? Вот Жуков и устраивает состязание, кто раньше в Ставку о победе донесет».

В итоге гонку выиграли все-таки Жуков с Рокоссовским. Барановичи были освобождены 8 июля, а Вильнюс — только 13 июля.

За своих же выдвиненцев, допуская вопиющие нарушения дисциплины, Жуков заступался и отводил от них угрозу суда. Так, 29 апреля 1944 года начальник Управления кадров Наркомата обороны Ф. И. Голиков писал Сталину: «Маршал Жуков Вам донес о собственноручном расстреле командиром 18 стрелкового корпуса генерал-майором Афониним начальника Разведывательного отдела 237 стрелковой дивизии майора Андреева.

Несмотря на то что этот самочинный расстрел был совершен 12 апреля с. г., донесение было сделано только 28 апреля, т. е. через 16 суток.

Вопреки ходатайству маршала Жукова — не предавать Афонина суду Военного трибунала, а ограничиться мерами общественного и партийного воздействия, я очень прошу Вас предать Афонина суду.

Если, вопреки всем уставам, приказам Верховного главнокомандования и принципам Красной армии, генерал Афонин считает для себя допустимым ударить советского офицера, то едва ли он вправе рассчитывать на то, что каждый офицер Красной армии (а тем более боевой) может остаться после такого физического и морального оскорбления и потрясения в рамках дисциплины, столь безобразно и легко нарушенной самим генералом.

К тому же после убийства Андреева едва ли можно принять на веру ссылку генерала Афонина на то, что Андреев пытался нанести повторный удар и вел себя дерзко. Что же касается положительных качеств генерала Афонина, из-за которых маршал Жуков просит последнего не судить, то генерал-пол-

ковник Черняховский дал мне на днях на Афонина следующую характеристику (устно): легковесный, высокомерный барин, нетерпимый в обращении с людьми; артиллерии не знает и взаимодействия на поле боя организовать не может; не учится; хвастун, человек трескучей фразы.

Тов. Черняховский (по его словам) все это высказывал об Афонине лично маршалу Жукову.

У маршала Жукова Афонин работал порученцем в начале 1943 года и в штабе группы на Халхин-Голе». Кстати, в мемуарах Жуков тепло отзывается о деятельности Афонина в Монголии.

Из письма Голикова картина происшествия проясняется. Афонин за что-то съездил по морде Андреева, майор не стерпел и дал сдачи. Тут бравый генерал, видно, понял, что в рукопашной здоровяка разведчика ему не одолеть, схватился за револьвер и пристрелил на месте строптивца.

Но, вопреки ходатайству Голикова, Афонин не был предан суду и остался командиром корпуса. Войну он закончил командиром 18-го гвардейского стрелкового корпуса на 4-м Украинском фронте, в Праге, был произведен в генерал-лейтенанты, а 24 июня 1945 года в числе лучших генералов участвовал в Параде Победы в Москве, где возглавлял 2-й Украинский полк.

За успех в Белоруссии Красная армия дорого заплатила. В июле и августе 44-го советские потери ранеными и убитыми уступали только потерям июля и августа 43-го года, которые были наибольшими за всю войну.

Притормозив наступление на Берлин, Сталин обратил свои взоры к Балканскому полуострову. Наиболее удобным плацдармом для захвата Черноморских проливов была союзная Германии Болгария, против СССР не воевавшая. 26 августа Жуков прибыл в Ставку для выполнения особого задания Государственного комитета обороны. Оно заключалось в подготовке оккупации Болгарии. Вот что вспоминает тогдашний нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов: «В августе 1944 года мне довелось вылететь с Жуковым в Румынию — готовилась операция на территории Болгарии. Румыния уже капитулировала. Ставка послала Жукова координировать действия фронтов в дни наступления, а меня — для помощи ему по ча-

сти действия Черноморского флота... В Чернавде, где находился штаб маршала Ф. И. Толбухина (командующего 3-м Украинским фронтом. — Б. С.), мы провели два дня. Я выехал в Констанцу в ожидании сигнала Ставки о наступлении. Жуков обещал поставить меня в известность...

— Итак, Черноморский флот в назначенное время высадится в Варне и Бургасе, — сказал мне Жуков, когда все планы были разработаны и я готовился выехать в Констанцу.

— Вы конечно, своевременно, информируете меня? — спросил я маршала, зная, что на этом этапе борьбы и на таком участке армия могла обойтись без помощи моряков. Мои опасения оказались не напрасными. Предупреждение о выступлении войск маршала Толбухина я получил не от Жукова, а от своего представителя С. Ф. Белоусова, которому было приказано «внимательно следить» за обстановкой и не пропустить «момента выступления». Жуков же сообщил мне об этом с большим опозданием, и, как я тогда подумал, не случайно. Он ревностно относился к каждому листку лавра в награду за ожидаемую победу. Черноморцы также не хотели упустить возможности отличиться и попросили у меня разрешения высадить десант на летающих лодках «Каталина», чтобы скорее занять порты Варна и Бургас ввиду неожиданного сопротивления. Так и было сделано.

Командир батальона морской пехоты Котанов мне потом рассказывал, улыбаясь, что его морпехотинцы страдали только от объятий и поцелуев болгарок, оставлявших следы губной помады. «Ну, это терпимо!» — закончил он свой доклад...»

И Жуков, и Кузнецов прекрасно понимали, что никакого сопротивления Красная армия не встретит. Болгарское правительство еще 8 сентября 1944 года объявило войну Германии. армия Болгарии получила приказ не противодействовать советским войскам, в тот же день вторгшимся в страну. В ночь на 9-е в Софии произошел коммунистический переворот. «Ввиду неожиданного сопротивления» маршал и адмирал спешили занять главные города Болгарии. Каждый хотел первым отрапортовать Сталину о достигнутых успехах. Потому и таил Жуков от Кузнецова срок начала операции, рассчитывая, что вой-

ска Толбухина доберутся до болгарских портов раньше моряков. Что ж, Георгий Константинович всегда стремился быть первым любой ценой. Но и Николай Герасимович в данном случае смотрится ничуть не лучше. Он ведь сознавал, что армейские части и без помощи флота легко захватят Варну и Бургас. Так что поход кораблей Черноморского флота к болгарскому побережью по сути своей был учением с напрасной тратой горючего и неоправданным риском, так как немцы поставили много мин в акватории Черного моря.

После Болгарии Жуков отправился на Западное направление, где координировал деятельность фронтов, не имеющих на территории Польши каких-либо существенных успехов. Хотя советские войска удержали Магнушевский, Пулавский и Сандомирский плацдармы на западном берегу Вислы, контратаки германских танковых дивизий не позволили им преодолеть рубеж этой реки, овладеть Варшавой и развить наступление на Берлин. Возникла длительная оперативная пауза, продолжавшаяся с ноября 44-го по январь 45-го.

Прекращение наступления сопровождалось драматическими переменами в советском военном руководстве. Жуков описал эти события следующим образом: «Позвонив Сталину и доложив обстановку, я просил его разрешить прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта, поскольку они были бесперспективны, и дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы предоставить им отдых и произвести пополнение.

— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку, поговорим на месте, — ответил Верховный. — До свидания...

Во второй половине следующего дня мы с Рокоссовским были в Ставке. Кроме Верховного, там находились А. И. Антонов, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Г. М. Маленков. Поздоровавшись, Сталин сказал:

— Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, Сталин нервничает...

— Товарищ Жуков, — перебил меня Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый про-

тивник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Жуков считает, что все мы здесь витаем в облаках и не знаем, что делается на фронтах, — иронически усмехнувшись, вставил Берия.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин, обращаясь к Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой (здесь немцы все еще удерживали плацдарм на восточном берегу реки. — Б. С.)?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А как вы думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас у фронта нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты.

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся, — неожиданно прервал меня Сталин.

Мы с Рокоссовским вышли в библиотечную комнату, вновь разложив карту. Я спросил Рокоссовского, почему он не отверг предложение Сталина в более категорической форме. Ведь ему-то было ясно, что наступление 47-й армии ни при каких обстоятельствах не могло дать положительных результатов.

— А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения, — ответил Рокоссовский. — Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончиться. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Через 15—20 минут к нам в комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

— Ну как, что надумали? — спросил Маленков.

— Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, — ответил я.

— Правильно, — сказал Маленков. — Мы вас поддержим...

Войдя в кабинет, мы остановились, чтобы выслушать решение Верховного.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный. — Что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. Сталин почти не смотрел на нас, а я знал, что это нехороший признак.

С Рокоссовским мы расстались молча, каждый занятый своими мыслями. Я отправился в Наркомат обороны, а Константин Константинович — готовиться к отлету в войска фронта.

На другой день Верховный позвонил мне и сухо спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами, и чувствовал, что эта идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора. Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными, — пошутил я.

В тот же день вечером Верховный вызвал меня к себе и сказал:

— Первый Белорусский фронт находится на Берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление, а Рокоссовского назначим на другой фронт.

Я ответил, что готов командовать любым фронтом, но заметил, что Рокоссовскому вряд ли будет приятно, если он будет освобожден с 1-го Белорусского фронта.

— Вы и впредь останетесь моим заместителем, — сказал Сталин. — Что касается обид — мы не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским.

Сталин в моем присутствии объявил о своем решении и спросил его, не возражает ли он перейти на 2-й Белорусский фронт. Рокоссовский спросил, за что такая немилость. И просил оставить его на 1-м Белорусском фронте.

— На главное Берлинское направление мы решили поставить Жукова, — сказал Сталин, — а вам придется принять второй Белорусский фронт.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский.

Мне кажется, что после этого разговора между Константином Константиновичем и мною не стало тех теплых товарищеских отношений, которые были между нами долгие годы. Видимо, он считал, что я в какой-то степени сам напросился встать во главе войск 1-го Белорусского фронта. Если так, то это его глубокое заблуждение».

Георгий Константинович не называет точной даты, когда их с Рокоссовским вызвали в Ставку, но утверждает, что перемещение Константина Константиновича на 2-й Белорусский фронт произошло на следующий день после их прибытия в Москву. Непосредственно перед данным эпизодом Жуков упоминает свое пребывание в 47-й армии в первых числах октября, а сразу после рассказа о перемещении Рокоссовского говорит о совещании в Ставке, состоявшемся в конце октября. Следовательно, мемуарист полагал, что его самого назначили командовать 1-м Белорусским фронтом где-то в середине октября. Однако в действительности рокировка командующих фронтами имела место 12 ноября, что подтверждается документами. И дневник пребывания

на фронтах Великой Отечественной войны маршала Жукова в октябре и первой половине ноября фиксирует лишь одну поездку Георгия Константиновича в Москву — в ночь с 1 на 2 ноября. Он оставался в столице вплоть до 13 ноября, а в ночь на 14-е выехал поездом в Седлец, где размещался штаб 1-го Белорусского фронта. Командующим этим фронтом маршал был назначен 12 ноября приказом за № 220 263.

Те же события в мемуарах Рокоссовского освещены совсем по-другому: «Противник на всем фронте перешел к обороне. Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы на Модлинском направлении находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков... Местность образовывала треугольник, расположенный в низине, наступать на который можно было только с широкой ее части, т. е. в лоб... С высоких берегов противник прекрасно просматривал все, что творилось на подступах к позициям, оборудованным его войсками. Самой сильной стороной его обороны было то, что все подступы простреливались перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за реками Нарев и Висла, а кроме того, артиллерией, располагавшейся в крепости Модлин у слияния названных рек. Войска несли большие потери, расходовалось большое количество боеприпасов, а противника выбить из этого треугольника мы никак не могли. Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доводы, что если противник уйдет из этого треугольника, то мы все равно занимать его не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия. От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на восточных берегах Вислы и Нарева.

Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку... До рассвета мы залегли на исходном положении для атаки. Артиллерийская подготовка назначена 15-минутная, и с переносом огня на вторую траншею противника батальон должен был броситься в атаку.. То, что мне пришлось

видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя. Не прошло и 10 минут от начала нашей артподготовки, как ее открыл и противник. Его огонь велся по нас с трех направлений: справа из-за Нарева — косоприветельный, слева из-за Вислы — тоже косоприветельный и в лоб — из крепости и фортов. Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых: крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник почему-то не пожалел снарядов и ответил нам таким огнем, как будто хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Тело нельзя было оторвать от земли, оно будто прилипло, и, конечно, мне лично пришлось убедиться в том, что до тех пор, пока эта артиллерийская система противника не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого противником плацдарма. А для подавления этой артиллерии у нас средств сейчас не было. Учтя все это, не ожидая конца нашей артподготовки, я приказал подать сигнал об отмене атаки, а по телефону передал командармам 47-й и 70-й о прекращении наступления...

На свой фронтовой КП я возвратился в состоянии сильного возбуждения и не мог понять упрямства Жукова. Что, собственно, он хотел этой своей нецелесообразной настойчивостью доказать? Ведь не будь его здесь у нас, я бы давно от этого наступления отказался, чем сохранил бы много людей от гибели и ранений и сэкономил бы средства для предстоящих решающих боев. Вот тут-то я еще раз окончательно убедился в ненужности этой инстанции — представителей Ставки — в таком виде, как они использовались... Мое возбужденное состояние бросилось в глаза члену Военного совета фронта генералу Булганину, который поинтересовался, что такое произошло, и, узнав о моем решении прекратить наступление, посоветовал мне доложить об этом Верховному главнокомандующему, что я и сделал тут же.

Сталин меня выслушал. Заметно было, что он обратил внимание на мое взволнованное состояние и попытался успокоить меня. Он попросил немного подождать, а потом сказал, что с предложением согласен, и приказал наступление прекратить, войскам фронта перейти к обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции. Свои сообра-

жения об использовании войск фронта он предложил представить ему в Ставку. После этого разговора у меня словно гора свалилась с плеч. Мы все воспряли духом и приступили к подготовке директивы войскам».

Ни о каком совместном с Жуковым визите к Сталину Константин Константинович ничего не пишет. Наоборот, все время подчеркивает, что Жуков был решительным противником прекращения наступления и ему, Рокоссовскому, пришлось при поддержке Булганина апеллировать к самому Верховному главнокомандующему. Рокоссовский не указывает точно, когда именно было принято решение о прекращении наступления. Однако сразу после рассказа о разговоре со Сталиным переходит к описанию «ошеломляющего» немецкого контрудара на фронте 65-й армии, последовавшего 4 октября. Получается, что наступление 1-го Белорусского фронта было остановлено в начале октября.

Рокоссовский подробно рассказывает и об обстоятельствах своего перемещения на 2-й Белорусский фронт: «Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил: «За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?»

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее Западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решительной операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский фронт назначен Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по моему, Верховный главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов,

каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный главнокомандующий... Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения». Здесь Константин Константинович абсолютно точен в датировке.

Не исключено, что принципиальное решение о замене Рокоссовского Жуковым было принято 7 ноября. В этот день они вместе с Берией, Молотовым и Маленковым, а также Коневым и были в кабинете у Сталина.

А вот что пишет Штеменко, в своих мемуарах опиравшийся на документы Генерального штаба: «В самом начале ноября 1944 года в Ставке было всесторонне рассмотрено положение дел в полосах действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Перед ними была главная стратегическая группировка противника... Необходимым для наступления перевесом сил эти фронты не обладали. Отсюда следовало, что на Берлинском направлении наступление продолжать нецелесообразно и надо временно перейти к обороне. При очередном докладе Верховному главнокомандующему А. И. Антонов (заместитель начальника Генштаба. — Б. С.) особенно настаивал на этом и просил разрешения подготовить соответствующие директивы. Такое разрешение мы получили. В ночь на 5 ноября 1944 года директива на переход к обороне была отдана 3-му и 2-му Белорусским фронтам. Через несколько дней последовало аналогичное распоряжение войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта... В конце октября и Сталин потерял надежду на быстрое освобождение Варшавы. Войска правого фланга 1-го Белорусского фронта фактически перешли к обороне, а 12 ноября на этот счет последовала директива Ставки».

Таким образом, столь запомнившаяся Рокоссовскому несостоявшаяся атака, после которой войска фронта вынуждены были перейти к обороне, имела место где-то

в конце октября или начале ноября. Больше месяца продолжалось безрезультатное наступление, сопровождавшееся значительными потерями, прежде чем Константин Константинович смог настоять на его прекращении. И Жуков в мемуарах правдиво осветил в связи с этими событиями только один факт — что между директивой Ставки о переходе к обороне и перемещением Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт прошел очень малый промежуток времени — не более суток.

Хоть и назначил Сталин Жукова командовать самым мощным фронтом, нацеленным на Берлин, но решил на всякий случай показать своему заместителю, кто в доме хозяин. 8 декабря 1944 года Сталин своим приказом отменил приказы Жукова как заместителя наркома обороны об утверждении и введении в действие Боевого устава артиллерии и Боевого устава зенитной артиллерии, поскольку их утверждение прошло «без представления и без доклада Ставке Верховного главнокомандования». В том же приказе Жукову было указано «впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов».

Операция, которую начали планировать в Ставке в ноябре 44-го, получила впоследствии название Висло-Одерской. Ее проведение облегчалось тем, что значительные силы вермахта были брошены на Западный фронт для наступления в Арденнах. В советской историографии даже утвердилась легенда, что советское наступление на Берлинском направлении было начато раньше запланированного срока: вместо 20 января 1945 года — 12–14-го числа. Тем самым Сталин будто бы пошел навстречу просьбам западных союзников, оказавшихся после немецкого удара в Арденнах в затруднительном положении. Но, как свидетельствуют документы, и в частности утвержденный Жуковым 29 декабря 1944 года план сосредоточения войск 1-го Белорусского фронта, первоначально наступление было назначено на 8 января 1945 года, но из-за плохой погоды, ограничившей действия авиации, его пришлось перенести на более поздний срок. Послание же Черчилля, где сообщалось, что «на Западе идут очень тяжелые бои», и говорилось о «тревожном положении, когда придется защищать очень широкий фронт после временной по-

тери инициативы», было отправлено лишь 6 января. Там со-держалась просьба дать информацию о советских военных планах, но не более того. Сталин же решил сделать вид, что ради союзников Красная армия готова ускорить свое пред-стоящее наступление: «Мы готовимся к наступлению, но по-года сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Одна-ко, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия про-тив немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января». На самом же деле советское командо-вание торопилось с наступлением потому, что в течение нескольких дней на плацдармах за Вислой слишком риско-ванно было держать в бездействии крупные силы, в том чис-ле танковые армии. Они были подтянуты на плацдармы с ориентацией еще на первоначальные сроки наступления — 8—10 января. Противник мог обнаружить концентрацию войск и нанести им потери огнем своей артиллерии, прост-реливавшей плацдармы. Поэтому атаку начали, когда синоп-тики дали благоприятный прогноз погоды. Но не угадали. Летная погода установилась лишь через несколько дней по-сле начала наступления.

К тому времени войска 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Ук-раинского фронтов имели подавляющее превосходство над противником. Тогдашний начальник Генштаба германских сухопутных войск Гудериан оценивал его как 11:1 по пехоте, 7:1 по танкам и 20:1 по артиллерийским орудиям и по само-летам. Вероятно, на направлениях главных ударов соотноше-ние сил было близко к этим цифрам. Кстати, немецкая раз-ведка заранее и довольно точно определила дату начала советского наступления — 12 января, но отсутствие резервов не позволяло оказать ему сколько-нибудь эффективное про-тиводействие. К тому времени союзная авиация уничтожила почти все заводы по производству синтетического горючего и люфтваффе оказались на голодном пайке.

Немецкий фронт на Висле был буквально смят. 22 января войска Жукова были уже под Познанью, а еще через 4 дня с ходу преодолели Мезерицкий укрепленный район, кото-

рый противник так и не успел занять достаточными силами. К началу февраля 1-й Белорусский фронт вышел к Одеру и захватил плацдарм на его западном берегу в районе Кюстрина. 31 января Жуков направил донесение в Ставку, где просил приказать 2-му Белорусскому фронту немедленно начать наступление в Западном направлении для ликвидации разрыва с 1-м Белорусским фронтом, а 1-му Украинскому фронту — быстрее выйти на Одер.

Могли ли советские войска овладеть Берлином еще в феврале 45-го, и если могли, то почему они этого не сделали? Бывший командующий 8-й гвардейской армией маршал В. И. Чуйков в 1965 году утверждал, что «Берлином можно было овладеть уже в феврале. А это, естественно, приблизило бы и окончание войны». Это заявление вызвало переполох. 17 января 1966 года Василия Ивановича вызвали на проработку к начальнику ГлавПУРа А. А. Епишеву, где собрались и другие военачальники. Чуйков заявил, что «советские войска, пройдя 500 километров, остановились в феврале в 60 километрах от Берлина... Кто же нас задержал? Противник или командование? Для наступления на Берлин сил было вполне достаточно. Два с половиной месяца передышки, которые мы дали противнику на Западном направлении, помогли ему подготовиться к обороне Берлина». Другие маршалы его не поддержали. Итог дискуссии подвел Епишев, заявивший: *«Нельзя очернять нашу историю, иначе не на чем будет воспитывать молодежь».*

В своих мемуарах Чуйков рассказал, как было отменено февральское наступление на Берлин: «4 февраля командующий 1-м Белорусским фронтом собрал на совещание в штаб 69-й армии, куда он прибыл сам, командармов Берзарина, Колпакчи, Катукова, Богданова и меня. Мы... обсуждали план наступления на Берлин, когда раздался звонок по аппарату ВЧ. Я сидел почти рядом и хорошо слышал разговор по телефону. Звонил Сталин. Он спросил Жукова, где тот находится и что делает. Маршал ответил, что собрал командармов в штабе армии Колпакчи и занимается вместе с ними планированием наступления на Берлин. Выслушав доклад, Сталин вдруг совершенно неожиданно, как я понял, для командующего фронтом потребовал прекратить это планирование

и заняться разработкой операции по разгрому гитлеровских войск группы армий «Висла», находившихся в Померании». Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» постарался опровергнуть Чуйкова: «...Такого совещания в штабе 69-й армии не было. Поэтому и разговора по ВЧ со Сталиным, о котором пишет Чуйков, также не было. 4—5 февраля я был в штабе 61-й армии, которая развертывалась на правом крыле фронта в Померании для действий против померанской группировки противника. Не мог быть на этом мифическом совещании и командующий 1-й гвардейской танковой армией, так как согласно директиве фронта от 2 февраля 1945 года... он производил с утра 3 февраля перегруппировку войск армии с Одера в район Фридеберг — Берлинхен — Ландсберг. Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал Богданов также не мог быть на совещании по причине болезни (в это время исполнял обязанности командарма генерал А. И. Радзиевский). Да и сам Чуйков 3 февраля находился в городе Познани, откуда он доносил мне о ходе борьбы за город. Видимо, память подвела Чуйкова».

4 февраля 1945 года действительно никакого совещания Жукова с командармами не было. Память в самом деле подвела Чуйкова. В этом можно не сомневаться. Потому что... совещание состоялось несколькими днями позже, скорее всего, 10 февраля. Именно этим днем помечен план Берлинской наступательной операции 1-го Белорусского фронта, доложенный Жуковым Сталину по ВЧ в 15 часов 15 минут. Маршал утверждал: «Противник производит перегруппировку войск группы армий «Висла» с целью организовать устойчивую оборону на подступах к Штеттину и на рубеже реки Одер. Стремясь не допустить выхода наших войск к Штеттину и изоляции померанской группировки, противник усиливает левое крыло группы армий «Висла», перебрасывая соединения с Курляндского плацдарма и из Восточной Пруссии. Одновременно усиливает 9-ю армию, прикрывающую Германию с востока, выдвигая в первую линию новые дивизии: 21-ю танковую дивизию, 25-ю мотодивизию, 15-ю танковую дивизию СС, 212-ю танковую дивизию и пехотную дивизию «Деберитц», для развития и укрепления обороны по западному берегу реки Одер и по системе озер восточнее Берлина. Кроме этого, спешно перебра-

сывает с Западного фронта на Берлинское направление 6-ю танковую армию СС общей численностью до шести танковых и до шести пехотных дивизий. Цель операции — сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать его оборону на западном берегу реки Одер и овладеть Берлином».

Далее маршал перечислил задачи армиям фронта по дням и этапам операции. В целом это был тот же план, который 1-й Белорусский фронт реализовал в апреле, когда Сталин наконец дал добро на наступление на Берлин. Столицу рейха предполагалось охватить с северо-запада и юго-запада, а затем уничтожить окруженную группировку концентрическими ударами со всех направлений. На Берлин должны были наступать пять общевойсковых и две танковые армии, усиленные двумя отдельными танковыми корпусами. В связи с отставанием войск 2-го Белорусского фронта Жуков, для отражения возможного контрудара с севера, из Померании, оставлял 3-ю ударную, 61-ю и 1-ю польскую армии, усиленные двумя кавалерийскими и одним стрелковым корпусами и двумя укрепленными районами. В дальнейшем эти войска должны были усилить ударную группировку. В заключение Жуков сообщал: «Перегруппировку сил и средств с правого фланга фронта на реку Одер я могу начать только с переходом 2-го Белорусского фронта в наступление, т. е. с 10.2.45 и закончить ее 18.2.45. В связи с этим войска, предназначенные для действий на Берлин, будут подготовлены к переходу в наступление лишь 19—20.2.45. До этого времени необходимо произвести перегруппировку сил и средств фронта, отремонтировать материальную часть боевых машин, пополнить запасы и организовать бой».

То, что предлагал Жуков, было оптимальным решением. Восточнее Берлина у немцев почти не было войск. С переброской соединений с Западного фронта они безнадежно опаздывали и никак не могли сосредоточить их на Одере к моменту начала планируемого наступления 1-го Белорусского фронта. К тому же Гитлер направил танковые дивизии 6-й армии СС не под Берлин, а в Венгрию, чтобы попытаться деблокировать Будапешт и защитить нефтяные источники и нефтеперегонные заводы в Западной Венгрии — последние, оставшиеся в распоряжении вермахта. Группировка же

немецких войск в Померании значительно уступала по силам и средствам противостоявшим ей армиям 1-го и 2-го Белорусского фронтов. Еще 25 января Гудериан говорил Риббентропу: «Что вы скажете, если русские через три-четыре недели будут стоять под Берлином?» Рейхсминистр с ужасом воскликнул: «Вы считаете это возможным?» Начальник Генштаба заверил его, что подобное развитие событий не только возможно, но и более чем вероятно, учитывая незавидное положение германского Восточного фронта, и предложил вместе постараться убедить Гитлера добиться сепаратного мира на Западе. Однако советского удара на Берлин, которого так боялся Гудериан, в феврале не последовало. Почему?

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» оправдывал поворот основных сил 1-го Белорусского фронта в Восточную Померанию угрозой, которая будто бы нависла с севера: «В первых числах февраля стала назревать серьезная опасность контрудара со стороны Восточной Померании во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировке фронта... В междуречье Одера и Вислы действовали 2-я и 11-я немецкие армии, свыше 22 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 5 бригад и 8 боевых групп. По сведениям нашей разведки, приток сил туда продолжался. Кроме того, в районе Штеттина (Шецина) располагалась 3-я танковая армия, которую немецко-фашистское командование могло использовать как на Берлинском направлении, так и для усиления восточно-померанской группировки (что фактически и произошло).

Могло ли советское командование пойти на риск продолжать наступление главными силами фронта на Берлин в условиях, когда с севера нависла крайне серьезная опасность? Чуйков пишет: «...Что касается риска, то на войне нередко приходится идти на него. Но в данном случае риск был вполне обоснован. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60—80 километров».

Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые и 3—4 общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел к переправам

на Одере и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение. Опыт войны показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться... «Если мы объективно оценим силу группировки войск гитлеровцев в Померании, — пишет Чуйков, — то убедимся, что с их стороны любая угроза нашей ударной группировке на Берлинском направлении вполне могла быть локализована войсками 2-го Белорусского фронта». Действительность опровергает это утверждение. Вначале задачу по разгрому противника в Восточной Померании намечалось решить именно силами 2-го Белорусского фронта, но их оказалось далеко не достаточно. Начавшееся 10 февраля наступление 2-го Белорусского фронта протекало очень медленно. За 10 дней его войска смогли продвинуться лишь на 50—70 километров. В то же время враг предпринял в районе южнее Штаргарда контр-удар, и ему даже удалось потеснить наши войска и продвинуться в Южном направлении до 12 километров.

Оценивая сложившееся положение, Ставка Верховного главнокомандования решила в целях ликвидации гитлеровцев в Восточной Померании, силы которых к этому времени возросли до сорока дивизий, привлечь четыре общевойсковые и две танковые армии 1-го Белорусского фронта».

У читателей жуковских мемуаров может создаться впечатление, что инициатором поворота основных сил фронта в Восточную Померию был чуть ли не сам Жуков. Он ведь благообразно не упоминает план Берлинской наступательной операции от 10 февраля. Когда пишут: «Ставка Верховного главнокомандования решила...» — то подразумевают: «Сталин решил...» Без одобрения Верховного ни одно стратегическое решение не принималось.

А как оценивал перспективы наступления на Берлин и угрозу со стороны Восточной Померии командующий 2-м Белорусским фронтом Рокоссовский, сражавшийся против восточнопрусской группировки? Вот что он писал в мемуарах: «Наше внимание уделялось скорейшему продвижению на запад, чтобы надежно обеспечить от возможных ударов с севера войска 1-го Белорусского фронта, особенно его танковые армии... Сомнения возникли, когда 2-му Бело-

русскому фронту Ставкой было приказано 20 января повернуть 3-ю, 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую и 2-ю ударную армии на север и северо-восток для действий против восточно-прусской группировки противника вместо продолжения наступления на запад. Ведь тогда их войска уже прорвали оборону противника и подходили к Висле в готовности форсировать ее с ходу.

Полученная директива фактически в корне меняла первоначальную задачу фронту, поставленную Сталиным в бытность мою в Ставке (в ноябре 44-го. — *Б. С.*). Тогда ни одним словом не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским фронтом в окружении восточнопрусской группировки войск противника... По полученной же директиве основной задачей ставилось окружение восточнопрусской группировки противника ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф. Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, имея на левом крыле всего две армии. С этого момента началась растяжка фронта, так как большая часть наших сил наступала на север и северо-восток, а меньшая на запад... Неужели даже в той обстановке Ставка не видела, что оставшимися силами фронт выполнить прежнюю задачу не сможет? А ведь я лично дважды беседовал по этому вопросу по ВЧ с Антоновым».

Еще 20 января 1945 года Сталин перенацелил основные силы фронта Рокоссовского с Восточной Померании на Восточную Пруссию. А что же произошло 10 февраля, когда 2-й Белорусский начал давно ожидавшееся наступление против восточнопомеранской группировки? Рокоссовский свидетельствует: «...Совсем уже непонятным было решение Ставки о передаче вообще всех четырех армий — 50, 3, 48-й и 5-й гвардейской танковой — 3-му Белорусскому фронту в самый решительный момент, когда войскам 2-го Белорусского фронта предстояло, не задерживаясь, преодолеть такой сильный рубеж, каким являлась Висла в ее нижнем течении. После того как войска нашего фронта вышли к морю

у Эльблонга (Эльбинга) и к заливу Фриш-Гаф, отрезав восточнопрусскую группировку противника, отразили все попытки этой группировки прорваться на запад, достаточно было прикрыть это направление 50-й и 3-й армиями, передав их 3-му Белорусскому фронту, 5-ю же гвардейскую танковую и 48-ю армии нужно было немедленно освободить, оставив их в составе нашего фронта для продолжения действий на Западном направлении. Такую задачу Ставка нам опять-таки поставила, а войска не возвратила, зная заранее, что теми силами, которые остались в составе нашего фронта, эта задача выполнена быть не может... 10 февраля, когда мы еще не завершили перегруппировку войск, прибыла директива Ставки о передаче 3-му Белорусскому фронту четырех армий: 50, 3, 48 и 5-й гвардейской танковой. 2-й Белорусский фронт от участия в операции против восточнопрусской группировки противника освобождался, и ему предстояло выполнение первоначальной задачи — наступать в общем направлении на Бублиц, взаимодействуя с 1-м Белорусским фронтом... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на Берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки... а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на Берлинском направлении явно было нецелесообразным».

Рокоссовский, как и Чуйков, считал, что наступление на Берлин в феврале 45-го было вполне реальным делом. Для его гарантированного успеха требовалось только немного повременить с ликвидацией восточнопрусской группировки противника, которая из-за своей удаленности все равно никак не могла повлиять на ход событий на Берлинском

направлении. Из мемуаров бывшего командующего 2-м Белорусским фронтом следует, что как раз 10 февраля, когда Жуков представил план Берлинской операции, а Рокоссовский начал наступление в Восточной Померании, Сталин фактически отказался от немедленного взятия Берлина, перенацелив основные силы 2-го Белорусского фронта на Восточную Пруссию, а против восточнопомеранской группировки двинув часть сил 1-го Белорусского фронта. Данное решение никак не вытекало из военностратегической обстановки. Более того, даже после поворота четырех армий Рокоссовского против восточнопрусской группировки немецкие войска в Померании оказались не в состоянии выделить достаточно сил для глубокого удара по тылам 1-го Белорусского фронта, которого будто бы опасался Жуков.

Здесь интересно обратиться к немецким источникам. Вот что пишет по поводу контрудара из Померании во фланг 1-го Белорусского фронта Гудериан: «...Я решил еще раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином. Наступление должно было развиваться в южном направлении из района Пиритц, Арнсвальде и в северном направлении с рубежа Плогау, Губен. Этим я надеялся усилить оборону столицы рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами. Для успешного проведения этой операции необходимо было быстро вывести войска из Балканских стран, Италии, Норвегии и в первую очередь из Прибалтики. Этот план я предложил Гитлеру... в первых числах февраля. Все мои предложения относительно оставления этих территорий он отклонил... От задуманного плана наступления осталась лишь идея удара из района Арнсвальде с целью разгромить русских севернее реки Варта, укрепиться в Померании и сохранить связь с Западной Пруссией.

15 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса была готова к наступлению. Утром 16 февраля она перешла в наступление... 16 и 17 февраля наступление проходило весьма успешно; мы начали надеяться, несмотря на все труд-

ности и сомнения, на удачу этой операции, рассчитывая получить время, необходимое для принятия дальнейших мероприятий».

Однако уже 18-го наступление застопорилось. Гудериан объяснял это тем, что накануне был тяжело ранен в автокатастрофе генерал Вальтер Венк, руководивший операцией, вследствие чего разладилось управление войсками. Вряд ли такое объяснение справедливо. Наступление из Восточной Померании изначально было обречено на провал. Ведь в немецкой 3-й танковой армии было всего лишь 6 дивизий, значительно потрепанных в предшествовавших боях и не имевших достаточно горючего и боеприпасов. Гудериан торопил с контрударом и не стал дожидаться подвоза всего необходимого снабжения. Этими силами не было никакой возможности не то что отрезать от переправ советские войска на Одерских плацдармах (об этом германское командование не помышляло — что смогли бы сделать 6 немецких дивизий против 6 советских армий!), но даже осуществить более ограниченную задачу: восстановить сухопутную связь между Восточной Померанией и Западной Пруссией. А предложенный Гудерианом план быстрой эвакуации германских войск с второстепенных театров был невыполним. Для вывоза морем не хватало судов, а состояние путей сообщения в Итальянских Альпах и на Балканах не позволяло войскам сражавшихся там групп армий «Юго-Запад» и «Юго-Восток» прибыть на Одер до начала возможного советского наступления, первоначально запланированного Жуковым на 19—20 февраля.

Состояние немецких войск в последние месяцы войны хорошо передают показания командира полка «Дейч Крона» дивизии «Меркиш-Фридланд» Ганса Генриха Януса, взятого в плен в Померании 8 марта 1945 года: «Полк имел чрезвычайно пестрый состав. Один батальон состоял из переведенных в пехоту моряков. Этот батальон был наиболее боеспособным, однако солдаты его были недостаточно хорошо обучены и не имели боевого опыта. Другой батальон состоял из фольксштурмов 2-го разряда. В составе полка были также ветеринарные подразделения и т. п. Вооружение было недостаточное, в особенности в отношении

тяжелого оружия... До настоящего серьезного боя у батальона фольксштурма дело так и не дошло. Русскую разведку он еще кое-как отразил, но когда нажала русская рота, положение пришлось восстанавливать соседнему батальону. Эти фольксштурмисты были большие паникеры. Они поднимали беспорядочную стрельбу по всякому поводу, даже без всякого повода и всего боялись. Военской частью их, конечно, считать нельзя. Впрочем, я должен оговориться, что это были фольксштурмисты 2-го разряда. Быть может, фольксштурмисты 1-го разряда несколько боеспособнее». Янусу также пришлось создавать батальоны из отставших солдат и отпускников. По его признанию, «боевая ценность их невелика. Объясняется это, во-первых, нехваткой тяжелого оружия и, во-вторых, отсутствием спайки. Солдаты не знают своих командиров, не знают своих товарищей. Только отдельным, особенно волевым командирам удастся быстро поднять боеспособность таких случайных частей».

Немцам катастрофически не хватало боеприпасов для тяжелого оружия и горючего. Янус утверждал: «Ездят даже на спирте и на водке, которые берут на спиртоводочных заводах, но это очень плохое горючее». Вот какая армия противостояла Жукову в последнем сражении.

Как кажется, Верховный главнокомандующий всерьез опасался, что после падения Берлина немцы будут стремиться сдать только войскам западных союзников, которые и займут все удерживаемые вермахтом территории не только на Западе, но и на Востоке. С 4 по 11 февраля проходила конференция руководителей трех союзных держав в Ялте, где были согласованы границы зон оккупации в Германии и Австрии. Восточная Германия вместе с Берлином, Померания и Восточная Пруссия отдавались под советский контроль. Никаких планов отправки союзных войск в эти регионы не существовало ни наяву, ни в виде гипотетических размышлений. Однако Сталин, похоже, не вполне доверял своим западным партнерам и решил подстраховаться. Вместо того чтобы двигаться на Берлин, советские дивизии в феврале и марте атаковали померанскую, восточнопрусскую и курляндскую группировки противника. Наступление в Курлян-

дии вообще не имело никакого смысла. Там все равно скопилось избыточное для столь короткого фронта количество немецких войск, а возможность их эвакуации в Германию ограничивалась только пропускной способностью курляндских портов и наличием морского тоннажа. В конце марта бывший начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал Л. М. Сандалов, только что назначенный на ту же должность на 4-й Украинский фронт, говорил начальнику Генштаба А. И. Антонову: «Для разгрома курляндской группировки у 2-го Прибалтийского фронта сил маловато, а для активной обороны более чем достаточно. Одну, а то и две армии оттуда можно снять». Однако из Курляндии «Ставка почти ничего брать не стала».

Внезапная остановка советского наступления на Берлин породила у Гитлера надежду на сепаратный мир с Советами. 5 марта Геббельс записал в дневнике: «Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжать войну с Англией. Ибо Англия всегда была нарушителем спокойствия в Европе. Если бы она была окончательно изгнана из Европы, то мы жили бы по крайней мере известный период времени в условиях спокойствия. Советские зверства, конечно, ужасны и сильно воздействуют на концепцию фюрера. Но ведь и монголы, как и Советы сегодня, бесчинствовали в свое время в Европе, не оказав при этом влияния на политическое разрешение тогдашних противоречий. Нашествия с востока приходят и откатываются, а Европа должна с ними справляться».

В политической дальновидности Гитлеру и Геббельсу не откажешь. С советским вторжением 45-го года Европа справилась менее чем за полвека — к началу 90-х. Только вот расчеты на сепаратный мир со Сталиным были построены на песке. Советский вождь не питал никакой любви к Англии и Америке, но начать разборки со своими вынужденными союзниками собирался только после сокрушения рейха. Также Черчилль, Рузвельт и сменивший Рузвельта Трумэн, не испытывая ни малейшей симпатии к коммунизму, отвергали идею сепаратного мира с Гитлером. Потенциально Германия была более опасным врагом для них, чем Советская Россия.

В период подготовки несостоявшегося февральского наступления на Одере произошел один трагикомический случай. Вот записка Жукова командующему 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катукову, датированная 1 февраля 1945 года: «В собственные руки т. Катукову, Попелю (члену Военного совета армии Катукова. — *Б. С.*).

Я имею доклады особо ответственных лиц о том, что т. Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета Катуков в корпусах сейчас не имеет, и даже Шалин (начальник штаба армии. — *Б. С.*) и командиры штаба вокруг Катукова ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катуков как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1. От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.
2. Немедля отправить от Катукова женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органам «Смерш» («Смерш» — органы временной контрразведки «смерть шпионам». — *Б. С.*).
3. Катукову заняться делом.

Если Катуков не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командармом».

Представим себе, что в немецкой армии фельдмаршал Клюге пишет записку генералу Гудериану: «Если Вы немедленно не уберете от себя девку, с которой живете, я прикажу тайной полевой полицией изъять ее». Или в американской генерал Эйзенхауэр любезно сообщает генералу Паттону: «Дорогой Джордж! Если Вы не прекратите связь с известной Вам женщиной, я вынужден буду настаивать на том, чтобы чины военной полиции удалили ее из армии». Какой была бы реакция подчиненных генералов на столь бесцеремонное вторжение начальства в их личную жизнь: съездить начальнику по морде или вызвать на дуэль? Дело в том, что в западных армиях в принципе отсутствовал институт «походно-полевых жен»,

так пышно расцветший в военные годы в Красной армии. Холостые солдаты и младшие офицеры немецкой, американской и британской армий удовлетворяли свои сексуальные потребности с помощью проституток и даже получали дополнительные выплаты на лечение венерических болезней. Для старших же офицеров и генералов секс на стороне был вещью предосудительной, ведущей к серьезным последствиям. Гитлер уволил в отставку военного министра фельдмаршала Бломберга, когда выяснилось, что его жена в молодости недолгое время занималась проституцией. Фюрер не раз предлагал фельдмаршалу вернуться на службу, выполнив единственное условие: развод со скомпрометированной женой, — однако Бломберг остался верен любимой женщине. Развод или открытое сожительство с любовницей если и не ставили крест, то значительно замедляли карьеру любого офицера западных армий. Да и генералы были не без греха. Тот же Эйзенхауэр, например, оформил любовницу собственным шофером.

Возникновению института «походно-полевых жен» в Красной армии способствовала полная зависимость женщин (медсестер, связисток и проч.) от своих командиров, домогательства которых они часто и не смели отвергнуть. А советские солдаты денег на проституток не имели, что являлось одной из причин изнасилований, волной захлестнувших европейские страны после вступления туда Красной армии.

Нередко «походно-полевые жены» становились законными супругами, как у маршалов Еременко и Конева (последний к моменту встречи со своей фронтовой возлюбленной уже расстался со своей первой женой). ППЖ была и у генерала Власова, причем Андрей Андреевич сумел скрыть существование законной супруги и уверить свою новую любовь, что вступил с ней, фронтовым военврачом, в законный брак, и даже взял у любовницы документы будто бы для оформления этого мнимого брака. Параллельно Власов писал обеим женам теплые, душевные письма, где признавался каждой: «Ты у меня одна!» Еще сообщал, какое неизгладимое впечатление произвела на него встреча с товарищем Сталиным, как он, Власов, гонит и будет гнать фашистских захватчиков прочь с советской земли. Когда Власов пропал без вести,

«походно-полевая жена» сама накликала на себя беду: стала выяснять, почему ей не перечисляют деньги на аттестат мужа. Где надо, разобрались и решили так: законной жене — восемь лет лагерей как члену семьи изменника Родины, а походно-полевой — только пять.

Жуков, как и многие другие, тоже имел ППЖ. Интересно, как бы он посмотрел на записку или устный выговор со стороны Верховного главнокомандующего примерно следующего содержания: «Товарищ Жуков, немедленно уберите от себя эту девку, а то я прикажу начальнику «Смерш» товарищу Абакумову немедленно изъять ее как вредный элемент. Живете с бабой, а руководство наступлением на Берлин совсем запустили, понимаете ли!..»

Впрочем, и Катуков хорош. Раз Жуков не только не снял его с должности, но и представил к званию дважды Героя Советского Союза, значит, Катуков покорно снес унижение, сам, без вмешательства «Смерш», отослал от себя любовницу.

Наше повествование дошло до фронтовой возлюбленной Жукова Лидии Владимировны Захаровой. Вот что вспоминает шофер маршала Александр Николаевич Бучин в интервью с корреспондентом «Комсомольской правды» Ириной Мاستыкиной: «Лида Захарова появилась в нашей маленькой группе обслуживания Жукова в дни битвы под Москвой, осенью 41-го года. Георгий Константинович тогда расхворался, и к нему прикомандировали фельдшера — младшего лейтенанта медслужбы Захарову. Худенькая, стройная, она была для нас как солнечный лучик. Более незлобивое существо трудно себе было представить. К ней быстро привязались мы все, в том числе и Жуков. Но она никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем генерала армии. Поэтому не отходила от него ни на минуту. И на передовую с Жуковым ходила... Мы-то — водители, адъютанты, ординарцы, охранники и даже политработники — оставались у машин, а они вдвоем шли на передовую. Жуков на дух не переносил присутствия этих во время поездок по фронтам, а Лиду всегда с собой брал. От нее была польза — порошок там дать, банки поставить, спину растереть, да и просто настроение поднять ласковым словом... Застенчивая и стыдливая Лидочка тер-

петь не могла грубостей и сильно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от ее заботы. Иной раз уходила от него в слезах. Свой нрав Жуков не укорачивал даже с ней, хотя и любил Лиду, но как-то по-своему, сурово. И тиранил ее, бывало, и по-солдатски посмеивался над ней, но от себя никуда не отпускал. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы, но Лида оставалась...

Любил он ее робко. Она не пыталась переделать грозного военачальника, а просто безропотно ждала, когда он станет другим. Но, к сожалению, так и не дождалась». Своих отношений, по словам Бучина, Георгий Константинович и Лида «особо не афишировали. На людях Лида постоянно соблюдала дистанцию. В машине с нами не ездила. Только сзади, с охранниками. Жила, правда, в одном вагоне с Жуковым. Но там же жили и три генерал-лейтенанта...

Однажды, в июле 44-го года, в нашей маленькой группе был праздник — мы поздравляли Георгия Константиновича с награждением второй медалью «Золотая звезда» Героя Советского Союза. И Лиде поручили вручать Жукову громадный букет. Видели бы вы это вручение! От смущения она была просто пунцовой, не смела даже поднять глаз на своего кумира. Как в тот момент Лида была трогательна в своем отглаженном форменном платье с лейтенантскими погонами, орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»! Даже взгляд Жукова потеплел. Нам показалось, что в тот момент он был гораздо счастливей, чем когда-либо».

Бучин признал, что маршал был равнодушен не только к одной Захаровой, но и к другим женщинам: «Он очень любил общаться с женщинами. Помню, в Берлине, после войны, к нам приехали артисты из Киева. Так после представления Георгий Константинович с какой-то актрисой уехал кататься на моторной лодке. Мы все волновались, как бы они не разбились... А в другой раз, на Курской дуге, мы подвезли девушку до дому. Ехали на своем «паккарде», а она идет по полю. Ну, Жуков велел притормозить. Пригласил ее в машину и всю дорогу шутил. Он был очень внимателен к женщинам».

Повышенный интерес Жукова к представительницам прекрасного пола подтверждается и другими свидетельствами.

Вторая жена Конева Антонина Васильевна вспоминала о своем знакомстве с Иваном Степановичем на Калининском фронте: «В штаб он обычно только к ночи добирался и вместо того, чтобы спать, все в любви мне объяснялся. Конечно, мне это очень нравилось, но я ему всегда говорила: «У тебя есть семья, жена, и между нами ничего не может быть». А потом как-то приехал Жуков в штаб фронта и прислал свою машину и адъютанта за мной — очень хотел встретиться со мной и поговорить. Я, конечно, поехала. Вначале он сам пробовал за мной ухаживать, а потом сказал: «Я знаю, у Ивана Степановича с семьей очень плохие отношения». Посоветовал мне почаще заглядывать в энциклопедию — видимо, считал, что я должна развиваться. После этого разговора я больше поверила Ивану Степановичу. Когда Конев узнал об этой встрече с Жуковым, то устроил мне грандиозный скандал: «Как? Ты встречалась с Жуковым? Что он от тебя хотел? Зачем поехала к нему?» Он очень хорошо знал Жукова, был наслышан о его романах. Иван Степанович переживал, что Жуков мне больше понравится».

Певица Лидия Андреевна Русланова, арестованная в 1948 году вслед за мужем генерал-лейтенантом Владимиром Викторовичем Крюковым, на вопрос следователя: «Что за ссора была между вами и Жуковым?» — показала: «На именины Максима Дормидонтовича Михайлова (баса Большого театра, не менее знаменитого, чем Русланова. — Б. С.) я приехала после концерта. Все были изрядно навеселе. Я этого не учла. Начала шутить, острить, рассказывать анекдоты. И вдруг Жуков оборвал одну из моих острот, причем как-то резко, по-солдатски. Я обиделась. Да и у других гостей настроение испортилось. Но Жуков этого не заметил: в тот вечер он увлекся молодой женой одного генерала и все время с ней танцевал. Потом они вышли в коридор и надолго пропали. И этот генерал, и все остальные сидели как вкопанные, только Александра Диевна, заподозрив неладное, отправилась в коридор (генерал-то наверняка все понял, но в коридор не пошел, предпочитая оставаться с рогами, зато при погонах! — Б. С.) — и натолкнулась на целующуюся парочку. Александра Диевна тут же подняла шум: «Вы только подумайте, я выхожу в коридор, а он целуется с чужой женой!» Ге-

нерал сидел не шелохнувшись. А Жуков попытался превратить все в шутку. «Ну что тебе, жалко, если я ее один раз поцеловал?» — улыбнулся он Александре Диевне. Так все и закончилось. К этому моменту я тоже перестала дуться — и веселье пошло своим чередом». В правдивости этих показаний трудно усомниться.

По утверждению И. Мастыкиной, в архиве госбезопасности «до сих пор хранится заявление адъютанта Жукова Семочкина, в котором он обвиняет своего начальника в разврате с женщинами в служебном кабинете, после чего тот будто бы награждал их орденами и медалями». Заявление, замечу, было написано после ареста Семочкина. Опубликован жуковский ответ на эти обвинения, представленный секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову 12 января 1948 года: «Обвинение меня в распушенности является ложной клеветой, и она нужна была Семочкину для того, чтобы больше выслужиться и показать себя раскаявшимся, а меня — грязным. Я подтверждаю один факт — это мое близкое отношение к Захаровой, которая всю войну честно и добросовестно несла свою службу в команде охраны и поезде главкома. Захарова получала медали и ордена на равных основаниях со всей командой охраны, получала не от меня, а от командования того фронта, который мною обслуживался по указанию Ставки. Вполне сознаю, что я также виноват и в том, что с нею был связан, и в том, что она длительное время жила со мною (по сути, маршал предал ту, которую любил и которая его любила; правда, здесь им двигал страх не только за карьеру, но и за саму жизнь. — Б. С.). То, что показывает Семочкин, является ложью. Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах, о которых так бессовестно врет Семочкин. К-ва действительно была арестована на Западном фронте, но она была всего лишь 6 дней на фронте, и честно заявляю, что у меня не было никакой связи».

В объяснении Георгия Константиновича сразу бросаются в глаза некоторые несообразности. Действительно, Лиду Захарову, как и других людей из охраны и службы Жукова, награждало командование того фронта, где в тот момент находился маршал, но такие дела не проходили без его участия.

Как именно это было, рассказал на следствии генерал Владимир Викторович Крюков (уже упоминавшийся друг Жукова): «Все мы старались перешеголять друг друга, на все лады восхваляя Жукова, называя его новым Суворовым, Кутузовым, — и Жуков принимал это как должное. Но особенно ему нравилось то, что Русланова прилюдно стала его называть Георгием Победоносцем. Надо сказать, что он не забывал нас поощрять. В августе 1944-го, когда Жуков был представителем Ставки на 1-м Белорусском фронте, я пожаловался ему, что меня обошли наградой за взятие города Седлец. Жуков тут же позвонил Рокоссовскому и предложил ему представить меня к награждению орденом Суворова I степени. Это указание было незамедлительно выполнено, и я был награжден. Точно так же, превысив свои полномочия, он наградил и мою жену Русланову. Когда Жуков стал главкомом Сухопутных войск, он взял меня к себе и назначил начальником Высшей кавалерийской школы. Он же помог мне получить еще одну квартиру, третью по счету».

Историю своего награждения поведала на допросе Русланова: «Справедливости ради я должна сказать, что если бы не была женой Крюкова и не была лично знакома с Жуковым, то навряд ли меня бы наградили орденом. А получила я его во время празднования годовщины со дня организации корпуса, которым командовал Крюков. На праздник был приглашен Жуков, командующие армиями Рыбалко, Федюнинский и другие. На параде я не присутствовала, так как занималась подготовкой к банкету. И вдруг за мной приехал адъютант Крюкова и сказал, что меня просят на трибуну. Когда я поднялась на трибуну, ко мне подошел генерал Телегин и объявил, что по приказу Жукова я награждаюсь орденом Отечественной войны I степени... Как я поняла со слов Крюкова, решение наградить меня у Жукова возникло неожиданно. Когда маршал увидел проходившую мимо трибуны батарею «катюш», построенную на мои средства, он спросил, награждена ли я каким-нибудь орденом. Когда ему ответили, что я никаких наград не имею, Жуков распорядился меня наградить. Здесь же был опечатан приказ — и я получила орден. Откровенно говоря, мне было как-то неловко, что я получила орден не обычным порядком, а как-то по-семейному». Так

появился приказ от 24 августа 1945 года, подписанный Жуковым и Телегиным: «За успешное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество (можно подумать, что Русланова пела чуть ли не под артогнем! — Б. С.), за активную личную помощь в деле вооружения Красной армии новейшими техническими средствами — награждаю орденом Отечественной войны I степени Русланову Лидию Андреевну». Дело закончилось тем, что в июне 47-го года Жуков получил партийный выговор за неправильное награждение артистки, а бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин тогда же за награждение Руслановой был не только наказан в партийном порядке, но и уволен из рядов Советской армии.

Когда в Белоруссии Жуков командовал 4-й кавалерийской дивизией, Крюков командовал в этой дивизии полком. Вот и захотел Жуков порадовать друга — в годовщину создания крюковского корпуса наградил его жену и свою искреннюю почитательницу высоким военным орденом. Без всяких представлений, мгновенно, одним росчерком пера. И точно так же Георгий Константинович мог наградить любую из своих фронтовых любовниц.

Заявление-донос Семочкина до сих пор не опубликовано. Поэтому нельзя сказать, основывался ли адъютант на каких-то слухах и собственных предположениях или лично застал когда-нибудь маршала в положении «человека, похожего на генерального прокурора Юрия Скуратова» с известной видеокассеты. Таинственная К-ва, по словам бывшего начальника жуковской охраны Н. Х. Бедова, была машинисткой Военного совета фронта и рекомендована на эту должность Жуковым, знавшим К-ву по Халхин-Голу. Адъютант Жукова полковник Д. Н. Кузнецов пытался устроить на эту должность свою жену и, судя по всему, со злости стукнул на жуковскую протее в особый отдел. В декабре 1941 года К-ва была арестована по обвинению в связи с иностранной разведкой. Жуков в тот же день написал объяснительную, которую Бедов доставил в приемную Сталина. На следующий день были сняты с должностей Д. Н. Кузнецов и начальник

особого отдела фронта. Очевидно, Сталин не захотел ссориться со спасителем Москвы. По утверждению Бедова, вину К-вой не доказали и через некоторое время ее освободили. Неизвестно, были у нее в действительности интимные отношения с Жуковым или нет. Не знаем также, было ли у маршала несколько фронтовых подруг или одна только Лида Захарова, но вот по меньшей мере в одном пункте своего объяснения Георгий Константинович говорил неправду. «Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах...» Неужели они с Лидой занимались любовью только на природе? На природе, конечно, тоже могли заниматься, но, думаю, в большинстве случаев местом их свиданий были самые что ни на есть служебные помещения: вагонные купе, блиндажи, комнаты штаба. Но маршал пробовал доказать, что он не занимался развратом в служебное время и на своем рабочем месте. Иначе бы товарищ Сталин мог задаться тем же вопросом, что и Жуков по отношению к Каткову: в напряженной боевой обстановке маршал, получается, находит время еще и на личную жизнь, тогда как я сам, Верховный главнокомандующий, и мои соратники по Политбюро и Ставке буквально горим на работе, без сна и отдыха.

Бучин заявление Семочкина не подтверждает: «Враки! Чистой воды клевета. За восемь лет работы с Жуковым Лида Захарова дослужилась лишь до звания лейтенанта. А уж сколько эта женщина ему помогала! Не спорю, Жуков любил общаться с женщинами, очень хорошо к ним относился, но никогда при этом не переходил допустимой грани. И нам запрещал. Вот, например, в одном из вагонов нашего состава жили связистки, так Георгий Константинович нам вожжаться с ними запретил. Соблюдал чистоту нравов. К чему это? Каждый должен выполнять свою работу. Жукову просто было не до баб. Он больше заботился о том, как разбить противника».

Семейному маршалу, выходит, иметь дополнительно «походно-полевую жену» не возбраняется, а его охране о том, чтобы крутить фронтовую любовь, и думать не смей — порча нравов выйдет. Себе, любимому, все прощается, а прикрепленные — ни-ни! Что любопытно, подобную двойную мо-

раль восприняли и люди из жуковского окружения, тот же Бучин.

Насчет того, что у Жукова на женщин времени не оставалось, Александр Николаевич, похоже, добросовестно заблуждался. Мы уже убедились, что в суровые фронтовые будни и для возлюбленной Конева время нашлось, и для молодой жены какого-то генерала Георгий Константинович урвал минутку-другую после банкета, и киевскую артистку на моторной лодке успел покатать, правда, уже после победы, когда вроде стал посвободнее. Да и не посвящал Жуков шофера в свои любовные похождения и другие интимные подробности собственной жизни. Ведь признает же Бучин, что Жуков ничего не говорил ему о своей дочери от первого брака Маргарите, и о ее существовании он узнал только на похоронах Жукова, когда впервые увидел Маргариту Георгиевну: «До смерти Жукова о ее существовании никто из наших и не подозревал, даже наш чекист Бедов. Жуков очень тщательно скрывал этот факт своей биографии от окружающих. В курсе, как я узнал позднее, были только его адъютант по особым поручениям Семочкин и Лида Захарова. Время от времени по просьбе Георгия Константиновича Семочкин передавал от него Маргарите письма и какие-то вещи. Отвезла что-то разок Маргарите и Лида, но лишь когда в 46-м возвращалась из Берлина в Москву».

Чувствуется, что Алексей Сидорович Семочкин до своего ареста пользовался полным доверием у Жукова и выполнял самые деликатные поручения маршала. Так что он вполне мог быть в курсе всех жуковских романов, о которых больше никто не знал.

Чем же закончилась история с Лидой Захаровой? Бучин вспоминает: «Александра Диевна откуда-то знала, что рядом есть соперница. Но вида не подавала. Уже много лет спустя, в Москве, она как-то не выдержала и всплакнула: «Я ему тут портянки стирала, а у него на фронте, Александр Николаевич, другая была!» Ну, я промолчал. Чего бередить старые раны!» По утверждению дочери Жукова Эры, связь мужа с Лидой Александра Диевна переживала молча: «Во время войны отец жил с женщиной — своим фельдшером Лидой Захаровой. После контузии у него часто возникали боли в поясни-

це, он плохо слышал, к нему и прикомандировали медработника (в действительности контузия была в 43-м, а Лида была с Жуковым с осени 41-го — военачальникам такого уровня полагался личный фельдшер. — Б. С.). Случайно мама об этом узнала. Переживала очень, но никаких скандалов отцу не закатывала (может, и закатывала, но не в присутствии детей. — Б. С.). Всегда по этому поводу деликатно отмалчивалась. Она знала, каким интересным мужчиной был отец и как на него вешались женщины. К тому же на войне свои законы... К счастью, Лида оказалась порядочным человеком. Никогда ничего у отца не требовала и даже о себе не напоминала... Поэтому мы и узнали о ней совсем недавно. От шофера отца, который возил его всю войну».

Порядочность Лиды подтверждает Бучин: «После войны Георгий Константинович не захотел расставаться с фронтовой подругой и взял ее с собой в Одессу. Но от Александры Диевны это утаил. Он тоже оберегал семью, не хотел никаких ссор и разладов. Александра Диевна ведь часто тогда приезжала к мужу: на все лето с детьми, зимой на школьные каникулы, да и одна на недельку порой выбиралась. У них были прекрасные отношения. Столько лет вместе! Зачем было все это ломать и лишний раз жену тревожить? Ну а когда она уезжала в Москву, Лида перебиралась в дом Жукова. Так и жили... Она была очень порядочной женщиной. Ей дважды предоставлялась возможность женить на себе маршала. Лида дважды была от него беременной, причем оба раза мальчиками. Но не позволила себе иметь детей от женатого человека, хоть и очень любимого. Об этом она рассказывала мне, когда мы были уже пожилыми».

А вот внук Жукова Георгий, основываясь на воспоминаниях своей матери Маргариты Георгиевны, настаивает на том, что вторая жена деда отнюдь не молчала, видя, как развивается роман маршала с Лидой: «В 46-м году Александра Диевна написала заявление в органы НКВД с просьбой убрать Лиду Захарову из Одессы, куда она уехала вместе с бабушкой из Москвы, продолжала работать его личным фельдшером. После этого заявления Лиду тихо уволили с работы, но она не оставила бабушку. И, несмотря на разные чекистские провокации, телефонные звонки, последовала за ним из Одессы

в Свердловск, где жила до 1951 года в квартире, которую дед для нее снял».

Возможно, здесь что-то напутано и в действительности Лиду уволили не из-за письма Александры Диевны, а чуть позже, в связи с заявлением Семочкина. Но что письма в инстанции насчет Лиды Захаровой вторая жена Жукова действительно писала, можно не сомневаться. Это ее стиль. Вспомним, что было заявление Александры Диевны в партбюро насчет Марии Волоховой. Позднее она писала подобные письма и по поводу Галины Семеновой, третьей, и последней жены маршала. Александра Диевна безуспешно пыталась вернуть любовь Георгия Константиновича. По утверждению Маргариты Георгиевны и ее сына Георгия, со слов самого Жукова, сказанных в сердцах в 53-м году, когда обстоятельства вынудили его зарегистрировать брак с Александрой Диевной, интимные отношения с ней были прекращены еще в 41-м году. Так что фактически Лида Захарова в годы войны была почти в таком же положении, как и будущая вторая супруга Конева. Но этим положением так и не воспользовалась, хотя вполне могла.

Маршал мечтал иметь сына, наследника своей военной профессии, а Лида оба раза была беременна от него сыновьями. Но не захотела иметь от Георгия Константиновича детей. Родись у Лиды сын — и Жуков, я думаю, мог окончательно уйти к ней или несколько лет старался бы жить на два дома, как было сначала с Марией Николаевной и Александрой Диевной, а впоследствии с Александрой Диевной и Галиной Александровной. Но Лида Захарова все же не решилась соединить с Георгием Константиновичем свою судьбу. Что-то ее в нем отпугивало, может быть, жестокость, стремление всецело подчинить себе даже близкого человека, сильный эгоизм.

Только когда в Свердловске в жизнь Жукова вошла новая женщина — военврач Галина Семенова, Лида Захарова тихо вернулась в Москву. Как рассказывал Бучин, там она сначала жила с матерью и сестрой на Покровском бульваре. Потом Жуков, став министром обороны, помог Лиде с мужем получить отдельную квартиру. Так получилось, что, сам того не ведая, Георгий Константинович ей и жениха сосватал. Вот что

рассказывает Маргарита Жукова: «Где-то году в 52-м, когда я уже заканчивала МГУ, отец спросил, есть ли у меня молодой человек?» — «Да что ты! — удивилась я. — Я вся в науке!» Отец со мной не согласился, сказав, что друг — важный компонент в жизни каждого человека, и тайно поручил Лиде Захаровой подыскать мне жениха. Лида тогда почему-то выбрала связиста Валю Игнатьюка (Бучин называет мужа Лиды моряком. — Б. С.) и, ничего об этом не говоря, назначила мне в метро встречу. Якобы для того, чтобы передать что-то там от отца. Я на ее спутника совершенно никак не отреагировала. Поздоровалась, отвернулась и стала разговаривать с Лидой. А потом пошла по своим делам. За этого Валю Игнатьюка позже Лида и выйдет замуж, поскольку он ей приглянулся».

С Валентином Игнатьюком Лида наконец нашла свое счастье. Они прожили вместе почти сорок лет, пока в начале 90-х бывшая возлюбленная Жукова не погибла в автокатастрофе. Мир ее праху!

Не знаю, как у тебя, читатель, а у меня эта женщина вызывает симпатию, большую, чем сам Жуков. Кажется, она пыталась сделать грозного маршала хоть немного человечнее. И любила его совсем бескорыстно, не претендуя на то, чтобы греться в лучах жуковской славы.

Сам же Георгий Константинович в военные годы определенно испытывал чувство раздвоения в личной жизни. Ему не хотелось бросать жену и дочерей, но и к Лиде он прикипел душой. И писал домой бодрые письма, хотя прежних чувств к Александре Диевне давно уже не испытывал. Вот дочь Эра цитирует в своих воспоминаниях отцовское письмо от 7 ноября 1941 года: *«Я живу по-прежнему. Выполняю приказ правительства, бьем врага и не допустим его до Москвы... Посылаю вам снимок на память. Желаю всего лучшего. Крепко всех целую».* Стандартные, вежливые фразы, за которыми — давно остывшие чувства, как и в другом письме, из Ленинграда: *«Шлю вам с фронта привет!.. Бью гитлеровцев под Ленинградом. Враг несет большие потери, но старается взять Ленинград, а я думаю не только удержать его, но и гнать до Берлина. Ну, как вы там живете? Очень хочется с вами увидеться. Пишите чаще. У меня нет времени — все время бои».* А 10 февраля 44-го

послал, по словам дочери, «оптимистическое письмо»: «Дорогая моя! Шлю тебе свой привет. Крепко, крепко целую тебя одну и особо вместе с ребятами. Спасибо за письмо, за капустку, бруснику и все остальное... Все намеченные дела армии выполняются хорошо. В общем, дела Гитлера идут к полному провалу. А наша страна идет к безусловной победе, к торжеству русского оружия... Фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом. Тыл должен очень много работать, чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа наверняка будет за русскими... Ну, пока. Всего вам хорошего. Крепко, крепко тебя целую. Твой Жорж». Галине Александровне потом Жуков писал совсем другие письма.

Но вернемся к наступлению на Берлин. 16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов начали Берлинскую наступательную операцию. 18-го числа к ним присоединились войска 2-го Белорусского фронта. К тому времени германский фронт на Западе фактически рухнул. Еще 8 февраля началось последнее наступление союзных армий к Рейну и за Рейн. 23 февраля американские войска форсировали Рур. К 8 марта немцы были повсеместно отеснены за Рейн, а 9 марта американцы захватили плацдарм на восточном берегу реки, у Ремагена, благодаря тому что в их руки попал неразрушенный мост. В ночь с 22 на 23 марта был захвачен еще один плацдарм, южнее Майнца. Наступая с этих плацдармов, союзники 1 апреля овладели Падерборном и замкнули кольцо вокруг Рурского промышленного района, где в окружении оказались основные силы группы армий «Б» — более 300 тысяч солдат и офицеров. Путь с запада в центральные районы Германии был практически открыт: перед англо-американскими войсками была лишь одна 12-я армия генерала Венка. 17 апреля, на второй день Берлинской операции, окруженная в Руре группировка прекратила сопротивление. В плен сдалось 325 тысяч человек, в том числе 24 генерала и 1 адмирал.

Уинстон Черчилль предлагал идти на Берлин, несмотря на то, что столица рейха располагалась в пределах будущей советской зоны оккупации. Главнокомандующий союзными войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр отверг эту

идею. Его поддержало американское правительство. Американцы понимали, что для защиты Берлина немцы, в случае наступления западных союзников, непременно снимут часть сил с Восточного фронта. Германскую столицу это, разумеется, не спасет, но приведет к ожесточенным боям и дополнительным, совершенно ненужным потерям жизней американских и британских солдат и офицеров. Эйзенхауэр писал в книге «Крестовый поход в Европу»: «Премьер-министр (Черчилль. — Б. С.), конечно, знал, что независимо от расстояния, на какое союзники смогут продвинуться в восточном направлении, он и президент Соединенных Штатов уже согласились с тем, что английская и американская зона оккупации будут ограничены на востоке линией, проходящей в двухстах милях западнее Берлина. Следовательно, его упорное настаивание на использовании всех наших сил и средств в надежде опередить русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события». Эйзенхауэр, равно как президент Рузвельт и сменивший его Трумэн, не верил, что взятие Берлина русскими или американцами может хоть сколько-нибудь изменить послевоенное соотношение сил в мире. Ведь односторонний пересмотр в свою пользу ранее согласованных границ оккупационных зон означал немедленный переход к конфронтации с Советским Союзом, к которой ни правительства, ни общественное мнение Англии и США не были готовы. Главнокомандующий союзными войсками в Европе не хотел также ради наступления на Берлин торопиться с ликвидацией окруженной в Руре группировки: «Я не собирался ввязываться в ожесточенные, дом за домом, бои ради уничтожения окруженных в Руре войск противника. Это был густонаселенный район без существенных источников снабжения продовольствием. Голод в конечном счете мог вынудить их к капитуляции, и не было необходимости идти на большие потери среди личного состава союзных войск».

Еще 28 марта 1945 года Эйзенхауэр информировал Сталина о плане действий западных союзников на заключительном этапе войны с Германией. Из этого плана однозначно следова-

ло: англо-американские войска не собираются брать Берлин, как утративший свое военное значение, а направят основной удар в направлении Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, чтобы, соединившись с советскими войсками, разрезать Германию надвое. Кроме того, второй удар будет наноситься в Южной Германии и Австрии, чтобы предотвратить начавшуюся концентрацию значительных сил вермахта в «альпийской крепости». Однако Сталин то ли не поверил союзному главнокомандующему, то ли просто решил подзадорить своих маршалов к гонке на Берлин. Эйзенхауэру же на всякий случай лукаво ответил, что его предложения «полностью совпадают с планами советского верховного командования. Поэтому советское верховное командование намерено выделить второстепенные силы для наступления на Берлин». Правда, отвечая 1 апреля Черчиллю, доказывающему, что Берлин имеет морально-политическое значение для немцев, Эйзенхауэр утешил британского премьера: «Конечно, если в какой-либо момент сопротивление будет внезапно сломлено по всему фронту, мы устремимся вперед и Любек и Берлин окажутся в числе наших важных целей». Но это был лишь вежливый дипломатический оборот, не более. В действительности наступление англо-американских войск на столицу рейха не планировалось. Зато Берлин стал главной целью последних операций советских войск.

Жуков вспоминал: «29 марта по вызову Ставки я... прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции... Поздно вечером того же дня Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один...

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на Западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки... Думаю, что драка предстоит серьезная...

Раскурив трубку, он... спросил:

— Когда наши войска могут начать наступление на Берлинском направлении?

Я доложил:

— Через две недели 1-й Белорусский фронт сможет начать наступление. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — придется начинать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда».

Отчего же Верховный в феврале не торопился брать Берлин, а в конце марта и в апреле буквально гнал Жукова в наступление, требуя не дожидаться окончания сосредоточения войск на 2-м Белорусском фронте? Жуков утверждает, что в тот же день, 29 марта, Сталин показал ему один любопытный документ: «Письмо было от одного из иностранных доброжелателей (вероятно, от Кима Филби или кого-то из его товарищей по знаменитой «кембриджской пятерке», вхожих в кабинеты Даунинг-стрит. — Б. С.). В нем сообщалось о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, из которых становилось ясно, что немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир на любых условиях (в действительности подобных переговоров в тот момент не было. — Б. С.). В этом сообщении говорилось также, что союзники якобы отклонили домогательства немцев. Но все же не исключалась возможность открытия немцами путей союзным войскам на Берлин.

— Ну что вы об этом скажете? — спросил Сталин. И, не дожидаясь ответа, тут же заметил: — Думаю, Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все».

Сталин боялся, что англичане и американцы первыми войдут в столицу рейха, и требовал от своих маршалов как можно быстрее овладеть Берлином.

Конев в своих мемуарах рассказывает, что совещание командующих фронтами, участвующими в Берлинской операции, состоялось 1 апреля. Не исключено, что Георгий Константинович и Иван Степанович на самом деле говорят об одном

и том же совещании, но путаются в датах. Первый визит Жукова к Сталину в 45-м году, если верить журналу записи посетителя кремлевского кабинета вождя, состоялся лишь 31 марта, а следующий — 2—3 апреля. Возможно, упоминаемое обоими мемуаристами совещание в действительности состоялось 31 марта. По словам Конева, Сталин попросил Штеменко зачитать вслух телеграмму, «существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской армии». Не исключено, что советским агентам стало что-то известно о переписке Эйзенхауэра и Черчилля, где британский премьер предлагал войти в Берлин раньше русских, и отсюда был сделан далеко идущий вывод, что подобный план уже вовсю разрабатывается в союзных штабах.

После чтения телеграммы Сталин спросил: «Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?» Отвечать первым пришлось Коневу. Он заявил: «Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников». На следующий день вновь собрались у Сталина для обсуждения планов Берлинской операции. Хотя в директивах фронтам указывалось, что Берлин будет брать 1-й Белорусский фронт, а 1-й Украинский лишь содействует ему в выполнении этой задачи разгромом противника южнее германской столицы, фактически Сталин оставил возможность для своеобразного соревнования за овладение Берлином между двумя фронтами.

Конев рассказывает об этом следующим образом: «...Я уже допускал такое стечение обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для маневра и удара по Берлину с юга... У меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом заранее, допускал в перспективе такой вариант. Это впечатление усилилось, когда, утверждая состав группировки и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом по карте разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В проекте директивы эта линия шла через Люббен и далее, несколько южнее Берлина. Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не повел.

Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов».

Штеменко же вспоминает, что немного позднее Сталин прямо заявил: «Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин». Жуков и Конев приглашались к участию в гонке к германской столице.

Жуков, выступая на пресс-конференции по итогам Берлинской операции 7 июня 1945 года, в самом радужном свете представил действия войск своего фронта: «В ночь на 16 апреля в 4 часа началась мощная артиллерийская подготовка, а в процессе этой подготовки нами была организована одновременно и танковая атака. Всего было брошено в атаку более 4000 танков при поддержке 22 000 стволов артиллерии и минометов. С воздуха этот удар сопровождался действием около 4—5 тысяч самолетов. Сокрушительная работа авиации, артиллерии и танков продолжалась ночью и днем. Ночью на позиции противника обрушили свой смертоносный груз около 1000 бомбардировщиков, остальные 3—4 тысячи продолжали разрушать оборону противника на рассвете и днем. Всего за первые сутки было сделано более 15 000 самолетовылетов.

Большую роль в успехе ночной атаки по всему фронту сыграло одно техническое новшество, примененное нами в этой операции. Чтобы помочь пехоте и танкам лучше ориентироваться в ночной атаке, мы организовали по всему фронту прожекторный подсвет пути для наступающих колонн. Одновременно наши прожекторы не только подсвечивали путь наступающим войскам Красной армии, но и ослепляли противника, который вследствие этого был лишен возможности вести точный прицельный огонь по наступающим. Примерно на каждые 200 м действовал один мощный прожектор. В итоге всех этих мероприятий наша атака для противника была неожиданной. Взаимодействие большой массы артиллерии, танков, авиации и пехоты при введении в действие прожекторов было для противника настолько сокрушающим, что он не выдержал напора и сопротивление его было сломлено. Немецкое

верховное командование, видя, что оборона не выдержала атаки, распорядилось бросить в бой все резервы, находящиеся под Берлином, и даже вывести часть войск, предназначенных для непосредственной обороны самой столицы Германии. Спешным подтягиванием резервов Гитлер надеялся остановить колонны наступающих войск Красной армии, и в этом был его большой просчет. Подходящие из Берлина и его окрестностей резервы были разгромлены нашей авиацией и танками. Поэтому когда наши войска ворвались в Берлин, то некоторые районы города оказались оголенными, в частности, в отношении зенитных орудий. Выведя резервы из района Берлина, противник нарушил непрерывную линию обороны, ослабил эту оборону столицы и уже не смог устоять против мощного натиска наступающих. По нашим данным, всего в Берлинской операции участвовало более 500 000 немецких солдат и офицеров. Из этого количества более 300 000 было взято нами в плен, не менее 150 000 убито, остальные разбежались.

Мы считаем, что Берлинская операция прошла достаточно успешно как по темпам, так и по своей поучительности с точки зрения применения оперативного искусства ведения ночного наступательного боя, тем более что в этой операции потери Красной армии были во много раз меньше потерь немецких войск».

Впоследствии, однако, выяснилось, что картина советского наступления была совсем не такой благостной, какой нарисовал ее Георгий Константинович перед советскими и иностранными журналистами. В частности, оказалось, что прожекторы сыграли свою роль, но совсем не ту, которую им приписал Жуков. Маршал артиллерии К. П. Казаков в очерке боевого пути советской артиллерии в Великой Отечественной войне свидетельствует: «По окончании артиллерийской подготовки... по установленному сигналу были включены прожекторы, яркие лучи которых были направлены на противника. Но, как утверждают свидетели (о том же говорят и отчетные документы), ослепления противника не получилось. Даже очень сильные лучи прожекторов не могли пробить предрассветный туман и плотные облака пыли и дыма, поднятые разрывами многих десятков тысяч снарядов и мин. Зато прожекторы со-

служили большую службу нашим войскам... Они осветили путь пехоте и танкам, без чего их наступление в темноте было бы крайне затруднено и могло привести к тяжелым последствиям».

Замечу, что не меньшую службу прожекторы сослужили и артиллерийским наблюдателям противника, осветив боевые порядки атакующих и позволив точнее корректировать огонь. Наступление же все равно не стало неожиданностью для немцев. В статье в «Правде» в ноябре 57-го года, появившейся в связи с отставкой Жукова, Конев совершенно справедливо отмечал: «Одной из причин затянувшегося прорыва обороны противника в полосе 1-го Белорусского фронта явилось то, что командование и штаб фронта недооценили имевшиеся данные о преднамеренном отводе войск противника на Зееловские высоты, находившиеся в 6—8 км от переднего края. В результате неправильной оценки обстановки войска фронта, подойдя к сильно укрепленным Зееловским высотам, вынуждены были штурмовать их без достаточной подготовки, что повлекло за собой... медленный по темпам прорыв обороны противника в полосе наступления 1-го Белорусского фронта». Мощная артиллерийская и авиационная подготовка, которую так красочно описал Георгий Константинович, фактически пришлась по пустому месту. Даже в этом последнем сражении за столицу рейха немцы действовали тактически более грамотно и умело, чем советские войска, но это не могло спасти вермахт от поражения.

Жуков на три дня завяз на Зееловских высотах. Его войска несли большие потери. А Конев уже в первый день наступления прорвал вражескую оборону. После этого прорыва обороны Зееловских высот теряла смысл, так как они были глубоко обойдены с юга. Немцы все равно вскоре должны были бы отступить с этих позиций. Однако Жуков продолжал кровопролитный штурм. Он боялся, что войска 1-го Украинского фронта раньше выйдут к Берлину, чем это успеют сделать войска 1-го Белорусского фронта.

В дальнейшем, в отличие от Эйзенхауэра, не пожелавшего губить своих солдат при штурме заводов и городов Рура, Жуков и Конев предприняли массированную атаку против уже окруженного и обреченного Берлина, не дожидаясь, пока у обороняющихся иссякнут боеприпасы и продовольствие.

Сталин их в этом поощрял, очевидно надеясь видеть столицу рейха поверженной к пролетарскому празднику 1 Мая. Маршалы чуть-чуть не успели: берлинский гарнизон капитулировал 2-го числа. Верховный главнокомандующий также проследил, чтобы превращенное советской пропагандой в символ нацистского государства здание Рейхстага и правительственный квартал были взяты войсками Жукова, его заместителя. Коневу было приказано остановить свои армии.

Иван Степанович по этому поводу написал в той части мемуаров, что была опубликована лишь после его смерти: «...Жуков не хотел и слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина. К сожалению, надо прямо сказать, что даже тогда, когда войска 1-го Украинского фронта — 3-я и 4-я танковые армии и 28-я армия — вели бои в Берлине, — это вызвало ярость и негодование Жукова. Жуков был крайне раздражен, что воины 1-го Украинского фронта 22 апреля появились в Берлине. Он приказал генералу Чуйкову следить, куда продвигаются наши войска. По ВЧ Жуков связался с командармом 3-й танковой армии Рыбалко и ругал его за появление со своими войсками в Берлине, рассматривая это как незаконную форму действий, проявленную со стороны 1-го Украинского фронта.

Когда войска 3-й танковой армии и корпус Батицкого 28-й армии подошли на расстояние трехсот метров к Рейхстагу, Жуков кричал на Рыбалко: «Зачем вы тут появились?»...

Наши отношения с Жуковым в то время из-за Берлина были крайне обострены. Обострены до предела, и Сталину не раз приходилось нас мирить. Об этом свидетельствует и то, что Ставка неоднократно изменяла разграничительную линию между нашими фронтами в битве за Берлин... с тем, чтобы большая часть Берлина вошла в зону действия 1-го Белорусского фронта».

500 тысяч немецких солдат и офицеров, по признанию Жукова, в действительности участвовавших в Берлинской операции, впоследствии под пером советских историков чудесным образом превратились в миллион с лишним, поскольку требовалось сделать советское превосходство в людях не столь подавляющим. Между тем, оценка численности германской

группировки на Берлинском направлении в полмиллиона человек подтверждается хотя бы следующим несложным примером. Трем советским фронтам противостояли пять немецких армий — 9, 12 и 21-я полевые и 3-я и 4-я танковые. Из них самая многочисленная недавно сформированная 12-я армия насчитывала 100 тысяч солдат и офицеров. Значит, в остальных четырех, даже с учетом отдельных частей центрального подчинения и фольксштурма (ополчения) вряд ли могло быть более 400 тысяч человек. Тем более что 21-я армия была сформирована лишь в последние дни обороны Берлина и по своему составу не превышала корпуса.

В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков также писал, будто группировка противника насчитывала около миллиона человек. Причины такой метаморфозы понятны. Ведь в Берлинской операции было задействовано в общей сложности 2,5 миллиона солдат и офицеров Красной армии (включая две армии просоветского Войска польского), что давало пятикратный советский перевес в численности личного состава, вероятно наибольший за всю войну. Столь же подавляющим было превосходство Красной армии в танках, артиллерии и авиации, — соответственно в 4,1, в 4,5 и в 2,3 раза. К тому же люфтваффе практически не имели горючего и почти не поднимались в воздух.

Точных данных о потерях вермахта в последние месяцы войны не существует. Однако приведенные Жуковым цифры кажутся сильно преувеличенными. Если принять их на веру, то выходит, что «разбежаться», т. е. уйти за линию фронта западных союзников, удалось нескольким тысячам, максимум немногим десяткам тысяч немецких солдат и офицеров. Между тем в действительности англо-американским войскам сдалась почти вся 12-я армия Венка, спешившая к Берлину в последние дни его обороны. Это чуть менее 100 тысяч человек, за вычетом 2 дивизий из 7, которые ранее были разбиты и пленены западными союзниками. Им же сдались и 30 тысяч человек из прорвавшейся из окружения 9-й армии, 4-я танковая армия к югу от Берлина, а также почти все войска, сражавшиеся к северу от Берлина, объединенные в 3-ю танковую и 21-ю армии. Кажется преувеличенным и названное Георгием Константиновичем число пленных.

Все солдаты вермахта, захваченные в плен в последние недели войны, были эвакуированы в тыл в мае — июле 45-го. В этот период с 1-го Белорусского фронта было отправлено 75,5 тысячи военнопленных, со 2-го Белорусского — 119 тысяч и с 1-го Украинского — 88,5 тысячи. В сумме это дает 283 тысячи человек, что, во всяком случае, меньше названного Жуковым числа в более чем 300 тысяч пленных. Но в 283 тысячи входят также гарнизоны германских городов-крепостей, окруженных задолго до начала Берлинской операции и никакого участия в ней не принимавшие. Так, в Бреслау войскам 1-го Украинского фронта в плен сдалось 40 тысяч человек, а в Глогау — 18 тысяч, в Восточной Померании войскам 2-го Белорусского — около 75 тысяч и на датском острове Борнхольм — еще 12 тысяч немецких солдат и офицеров. Таким образом, собственно на Берлинскую операцию остается только 138 тысяч пленных.

Пленными в Берлине были также объявлены многочисленные гражданские служащие министерств и ведомств призывного возраста. Недаром Конев в мемуарах писал, что многие немецкие солдаты и офицеры будто бы переодевались в гражданское, чтобы избежать плена. То, что среди берлинских пленных было много гражданских лиц, доказывает один простой факт. Так, согласно донесению Жукова от 3 мая 1945 года, войсками 1-го Белорусского фронта «за 2 мая взято в плен 90 050 солдат и офицеров, в том числе 7 генералов, более 600 офицеров...». Получается, что на одного офицера приходилось почти 150 солдат, тогда как в германской действующей армии соотношение было в 4,5 раза меньшим. Большинство пленных в действительности были гражданскими лицами.

Потери же Красной армии в Берлинской операции, вопреки утверждению Жукова, были, как всегда, не меньше, а больше немецких. Официальные советские данные, приведенные в книге «Гриф секретности снят», говорят о безвозвратных потерях в 81 тысячу человек, главным образом убитыми, поскольку пленных немцы тогда практически не брали. Но даже в «Краткой истории Великой Отечественной войны» цифра советских безвозвратных потерь в Берлинской операции более высокая — 102 тысячи человек. А участники боев за Берлин дают совсем иные цифры. Так, бывший ко-

мандующий 3-й армии 1-го Белорусского фронта генерал армии А. В. Горбатов в беседе с критиком и писателем Владимиром Лакшиным утверждал, что общие потери советских войск в Берлинской операции убитыми превышали 200 тысяч человек, что больше походит на правду и явно превышает немецкие потери погибшими. Хотя, конечно, суммарные потери у вермахта убитыми и пленными были больше советских. Но ведь всего через несколько дней закончилась война, и у немецких солдат и офицеров был выбор только между англо-американским и советским пленом (большинство выбирало первое). А у тех, кто оказался далеко в тылу Красной армии, и такого выбора не было.

В Берлинской операции Жуков впервые применил танковые армии непосредственно для прорыва сильно укрепленной полосы обороны, что привело к большим потерям бронетехники. Позднее они с Коневым ввели танковые армии в Берлин, где много танков сгорело в уличных боях, не оказав существенного влияния на их исход. Когда в конце 1994 — начале 1995 года Российская армия попробовала применить жуковский опыт при штурме Грозного, это привело, как известно, к катастрофическим результатам. Ведь в городе танк весьма уязвим для противотанкового оружия ближнего боя, и для его прикрытия приходится привлекать неоправданно много бойцов пехоты: иначе машину быстро уничтожат.

Нередко ссылаются на то, что перед Жуковым было больше неприятельских войск, чем перед Коневым, оттого-де и 1-й Белорусский фронт двигался к Берлину медленнее 1-го Украинского. Но при этом забывают, что сил и средств у Жукова также было почти в два раза больше, чем у Конева.

Сталин поручил своему заместителю Жукову почетную роль: принять германскую капитуляцию в берлинском пригороде Карлсхорсте. Правда, еще 7 мая такая капитуляция была подписана генералом Йодлем в ставке Эйзенхауэра в Реймсе. Однако Сталин был недоволен, что с советской стороны капитуляцию подписало слишком незначительное лицо — начальник советской военной миссии в Реймсе генерал И. А. Суслопаров. Кроме того, подписание капитуляции в штабе западных союзников могло быть истолковано как намек на их решающий вклад в победу. Поэтому Сталин,

признав юридическую силу Реймской капитуляции, потребовал повторить ее в Берлине, который должен был перейти под совместный контроль СССР, США, Англии и Франции. Для церемонии подписания было выбрано помещение инженерно-саперного училища — одно из немногих уцелевших зданий в Карлсхорсте. В самом Берлине подходящее здание после союзных бомбежек и уличных боев найти не удалось.

Жуков так описал в мемуарах, возможно, самое памятное событие его жизни, происшедшее в ночь с 8 на 9 мая 1945 года: «Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А. Я. Вышинский, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта безоговорочной капитуляции. Ровно в 24 часа мы вошли в зал. Начиналось 9 мая 1945 года...

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции...

— Мы, представители Верховного главнокомандования советских Вооружённых сил и верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования...

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель... Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей верховного командования советских и союзных войск. За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф (от люфтваффе. — Б. С.). Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошел адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся. Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа...

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Деницем. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт безоговорочной капитуляции...

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт безоговорочной капитуляции Германии».

После подписания акта Жуков предложил немецкой делегации покинуть зал. А для победителей — генералов и офицеров советских и союзных войск начался банкет, который, по признанию Георгия Константиновича, «прошел с большим подъемом»: «Обед удался на славу! Наши хозяйственники во главе с начальником тыла генерал-лейтенантом Н. А. Антипенко и шеф-поваром В. М. Петровым приготовили отличный стол, который имел большой успех у наших гостей. Открыв банкет, я предложил тост за победу стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Латр де Тассиньи и генерал К. Спаатс. После них выступали советские генералы... Помню, говорилось много, душевно и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения между странами антифашистской коалиции... Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал «русскую». Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю победы».

Воспоминания о том, как проходило подписание капитуляции в Карлсхорсте, оставил и Кейтель. Писал он их в нюрнбергской тюрьме, перед казнью. В этом своеобразном «репортаже с петлей на шее» читаем: «Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровожда-

ющими меня лицами препровожден в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперек длинному столу с тремя стульями... Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещен многочисленными «юпитерами». Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною акт на трех языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограничение репрессивных мер (Кейтель настаивал, что репрессии против германских войск за невыполнение условий капитуляции должны применяться лишь спустя определенный срок после поступления приказа о капитуляции в войска. — Б. С.). Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошел ко мне и сказал: Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я акт о капитуляции. Я ответил: «Да». Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким «да». Сразу же началась процедура подписания... По завершении ее я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через заднюю дверь.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь... стол устали закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и к такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщенным этой репликой. Мы полагали, что заставленный

закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т. п. А на десерт — свежезамороженную клубнику, которую я ел первый (и последний. — Б. С.) раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения».

Члены германской делегации оказались по отношению к победителям примерно в том же положении, как барские слуги, которых кормят на кухне, пока господа пируют в зале.

Жуков думал, что теперь он в советской оккупационной зоне Германии — первый человек, и в Красной армии — первый, после Верховного главнокомандующего. 7 мая он стал главнокомандующим советских оккупационных войск и главноначальствующим советской военной администрацией Германии. Но Сталин не зря определил в заместители к Жукову по делам советской военной администрации своего верного слугу Вышинского. Пусть Александр Януарьевич понаблюдает за маршалом вблизи, что у него на уме, кого считает главным архитектором победы, о чем толкует с союзниками. Наверняка и о тостах за нерушимость дружбы с западными союзниками Иосифу Виссарионовичу стало тотчас известно.

1 июня 1945 года Жуков был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза — за взятие Берлина. 12-го числа он получил третью Золотую звезду из руки «всесоюзного старосты» Калинина. Верховный сделал Жукову еще один подарок — назначил принимать Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года.

Вот что пишет об этом сам Жуков: «Точно не помню, кажется, 18—19 июня меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

— Нет, не разучился, да и сейчас продолжаю упражняться в езде.

— Вот что, — сказал Сталин, — вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

— Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный главнокомандующий, по праву и обязанности парад следует принимать вам».

Вероятно, Жуков подозревал здесь какой-то подвох со стороны Сталина, своеобразную проверку на лояльность, и думал, что от него ждут вежливого отказа с предложением, что парад непременно должен принимать сам Верховный. Однако оказалось, что Сталин говорит вполне серьезно. Он заявил: «Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе».

Загадка сталинского отказа разрешилась неожиданно. Вот что поведал об этом Жуков в нецензурированной версии «Воспоминаний и размышлений»: «Прощаясь, Сталин заметил, как мне показалось, не без намека: «Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный...»

На другой день я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка перед парадом. Там встретил сына Сталина Василия. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю:

— Говорю вам под большим секретом. Отец сам готовился принимать Парад Победы. Но случился казус. Третьего дня во время езды от неумелого употребления шпор конь понес отца по манежу. Отец, ухватившись за гриву, пытался удержаться в седле, но не сумел и упал. При падении ушиб себе плечо и голову, а когда встал — плюнул и сказал: «Пусть принимает парад Жуков, он старый кавалерист».

— А на какой лошади отец тренировался? — спросил я Василия.

— На белом арабском коне, на котором он рекомендовал вам принимать парад. Только прошу об этом никому не говорить, — снова повторил Василий.

И я до сих пор никому не говорил. Однако прошло уже много лет, и думаю, что теперь об этом случае можно рассказать...»

Вероятно, Сталин предполагал, что командовать парадом и отдавать рапорт Верховному главнокомандующему будет Жуков. А когда Жуков был перемещен на роль принимающего Парад Победы, то командовать парадом назначили одного из близких к нему по положению в военной иерархии маршалов, Рокоссовского, — превосходного кавалериста.

С Парадом Победы был связан еще один инцидент. Как рассказывала майору А. Т. Рыбину друг семьи Жукова Люд-

мила Лактионова, знаменитая фотография командующих фронтами, где Жуков сидит в центре, была сделана следующим образом: «Перед Парадом Победы Сталин собрал командующих фронтами на инструктаж. Пожелал с ними сфотографироваться, но в это время его вызвал к телефону Черчилль. Используя момент, Жуков попросил фотографа В. Темина запечатлеть их и сам занял место в середине командующих. 24 июня Сталин утром развернул газету «Правда» и увидел этот снимок. Был удивлен, поворчал на Жукова, а потом, занятый государственными делами, забыл обиду».

Нет, Сталин ничего не забывал. Верховный опасался, что Жуков хочет заменить его не только на знаменитой фотографии, но и вообще в истории Великой Отечественной войны. А там, глядишь, — и в руководстве государством.

31 мая 1945 года Жуков был назначен представителем СССР в союзном Контрольном совете по Германии. Георгию Константиновичу приходилось встречаться с западными командующими — британским фельдмаршалом Монтгомери и американским генералом армии Эйзенхауэром. Политики уже начали испытывать недоверие друг к другу, которое на личных отношениях командующих пока еще не сказалось.

5 июня 1945 года перед первым официальным заседанием союзных командующих, входивших в Контрольный совет, Эйзенхауэр посетил берлинскую штаб-квартиру Жукова, чтобы вручить ему высший американский военный орден «За заслуги» степени Главного командора. Американский командующий вспоминал: «Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой». Однако заседание в последний момент было внезапно отложено. Эйзенхауэру надо было возвращаться во Франкфурт-на-Майне, куда переместилась из Реймса его штаб-квартира. Он известил Жукова, что покинет Берлин, если заседание не начнется в ближайшие полчаса. Через десять минут заседание началось и приняло декларацию об образовании Контрольного совета. Задержку Жуков объяснил тем, что ожидал указаний из Москвы по одному важному вопросу. После заседания маршал затаячил американцев на банкет, хотя они и собирались покинуть Берлин, чтобы попасть во Франкфурт засветло. Эйзенхауэр свидетельствует: «Жуков попросил меня согласиться на компромисс и пойти в банкетный зал на пару тостов и прослушать пару песен в исполнении ансамбля Красной армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной и проследит, чтобы не было никаких задержек.

Столь гостеприимный жест маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом маршал Жуков объявил, что только что получил указание из Москвы от генералиссимуса Сталина вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден Победы, который до сих пор не получал еще ни один иностранец». Договорились, что Жуков посетит штаб Эйзенхауэра.

Этот визит, состоявшийся 10 июня, описал в своих мемуарах Монтгомери: «Поздним утром Жуков прибыл с большой свитой, состоящей в основном из фотокорреспондентов и репортеров. Церемония награждения происходила в офисе Эйзенхауэра. Затем на большом балконе Жуков награждал медалями 24 британских и американских офицера штаба верховного союзного командования. Это было совершенно неорганизованное и недостойное зрелище, с фотоаппаратами, все время скачущими в поисках подходящей позиции для съемки. Однако награды в конце концов были благополучно вручены, хотя мне казалось, что в той обстановке медали свободно могли бы получить те, кому они не были предназначены.

Перед обедом около 1700 американских и британских самолетов пролетели строем над нами, чтобы продемонстрировать воздушную мощь Запада, которая не могла не произвести впечатления на русских. Во время обеда американцы показали красочное кабаре-шоу с плавной музыкой и сложным танцем, исполняемым негритянками, обнаженными выше пояса. Русские никогда не видели и не слышали ни о чем подобном, и у них глаза на лоб полезли. Тем не менее им это очень понравилось, и они все время вызывали артисток на бис. Весь распорядок дня был тщательно разработан, и русские испытали щедрое гостеприимство американцев. Это был день демонстрации американского богатства и мощи».

В конце июня по поручению английского правительства Монтгомери вручил Жукову Большой крест рыцарского ордена Бани. Рокоссовский же получил только вторую степень этого почетного ордена. Англичане помнили об иерархии.

Эйзенхауэр тоже оставил описание этого приема, выдержанное в тонах, гораздо более дружеских по отношению к Жукову

и сопровождавшим его русским офицерам, чем не лишенный иронии рассказ Монтгомери: «Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской, а в это время провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации. Мы полагали, что Жуков воспримет этот парад как проявление глубокого уважения к нему. С ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие у нас только имелись. В ясном небе получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление.

В соответствии с русским обычаем провозглашались тосты. Маршал Жуков был мастером произносить тосты, судя по тому, что нам переводил переводчик. Он воздавал должное союзникам и выражал надежду на наше успешное сотрудничество в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты — англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не менее десяти раз вставали при провозглашении здравий».

Также и Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» отзывался об Эйзенхауэре весьма положительно: «Генерала Эйзенхауэра мы принимали в штабе фронта в Венденшлоссе. Вместе со мной был Вышинский. Встретились мы по-солдатски, можно сказать, дружески. Эйзенхауэр, взяв меня за руки, долго разглядывал, а затем сказал: «Так вот вы какой!..»

Вначале беседа шла вокруг минувших событий. Эйзенхауэр рассказал о больших трудностях при проведении десантной операции через Ла-Манш в Нормандию, сложностях по устройству коммуникаций, в управлении войсками и особенно при неожиданном контрнаступлении немецких войск в Арденнах.

Переходя к делу, он сказал:

— Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

— Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, — ответил я Эйзенхауэру, — придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс (командующий американской стратегической авиацией. — *Б. С.*)... небрежно бросил:

— Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

— Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, — ответил я Спаатсу. — Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

— Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации. — А затем, обратившись ко мне, заметил: — Сейчас я приехал к вам, господин маршал, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

— Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, — ответил я. — А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

— Я согласен с вами и буду на этом настаивать, — ответил Эйзенхауэр...

Внешне Эйзенхауэр произвел на меня хорошее впечатление. Мне понравились его простота, непринужденность и чувство юмора.

Америка, Англия и Россия вроде бы еще союзники. Но стороны уже рассматривают друг друга как потенциальных противников. Жуков опасается, что полеты вне отведенных коридоров — это разведка позиций советских войск. Сталин не пускает союзные войска в Берлин, а то вдруг англичане и американцы так и останутся в Виттенберге и Тюрингии, да еще и германскую столицу к рукам приберут. И 5 июня Жуков втолковывал Эйзенхауэру и Монтгомери: «...До тех пор пока американские войска не уйдут из Тюрингии, а английские из района Виттенберга, я не могу согласиться на пропуск в Берлин военного персонала союзников, а также на размещение персонала административных органов Контрольного совета».

А днем раньше, 4 июня, Жуков отдал весьма красноречивое распоряжение: «К 15 июня 1945 года отработать планы

подъема подразделений, частей, соединений и армий по боевой тревоге... Оборонительные сооружения строить и развивать только в ночное время и в крайнем случае в процессе плановых занятий по обороне небольшими подразделениями. Все построенные и находящиеся в постройке окопы, ходы сообщения, НП, ОП и прочие инженерные сооружения к рассвету должны быть тщательно замаскированы от местного населения и наблюдения союзников. Минирования местности до особого распоряжения не производить».

Советское командование опасалось 700 тысяч немецких военнопленных, оставленных в западных зонах в составе прежних частей и подразделений и даже с несколькими дивизионными штабами. Подозревали, что союзники готовят вторжение в советскую зону и используют немцев в качестве ударной силы. Ведь отдал же Черчилль в конце войны приказ собирать и хранить немецкое оружие, которое в случае необходимости придется раздать солдатам и офицерам вермахта. Правда, британский премьер имел в виду только возможность дальнейшего советского продвижения на запад.

Англия и США очень опасались нового «моторизованного Чингисхана» — Сталина. Потому и устроили внушительную демонстрацию воздушной мощи в связи с приездом Жукова во Франкфурт. Чтобы советский маршал понял: легкой прогулки до Атлантики не будет. Жуков понял. Он знал, что равноценной авиации у СССР пока нет. А без господства в воздухе любое наступление за Эльбу обречено на неудачу. И маршал склонен был попытаться всерьез наладить сотрудничество с Эйзенхауэром и представителями других западных союзников в Контрольном совете и совместно управлять оккупированной Германией, гарантируя при этом советские интересы. Англия и Америка также надеялись, что удастся достичь некоего компромисса и демилитаризованная Германия станет буфером между Востоком и Западом. Эти надежды развеялись очень быстро, уже к концу 45-го.

Но пока банкеты шли за банкетами, водка и шампанское лились рекой, русские и американские, английские и французские генералы произносили бесчисленные тосты за дружбу и сотрудничество союзных наций. Англо-американские войска отошли, в конце концов, из пределов советской зоны,

чтобы в Берлине начал реально работать Контрольный совет. Союзники рассчитывали договориться со Сталиным о новом устройстве Европы. Сталин договориться был не прочь, но на своих условиях. Главное из них — признание союзниками советской гегемонии в Восточной Европе и даже на всем континенте в случае прихода к власти коммунистов во Франции и Италии. На это Трумэн, Черчилль и сменивший его Эттли пойти не могли.

16 июля 1945 года Жуков встречал на потсдамском вокзале Сталина, прибывшего на последнюю конференцию глав трех союзных держав. Он был в хорошем настроении и заявил, не скрывая удовлетворения: «Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов. Так будет и впредь со всеми любителями военных авантюр». Георгий Константинович не стал разочаровывать вождя, что здесь заслуга главным образом англо-американской авиации, а не Красной армии.

На приеме, который устроил перед своим отъездом из Потсдама проигравший парламентские выборы Черчилль, произошел любопытный инцидент. После того как Трумэн произнес тост за здоровье Сталина, а Сталин в свою очередь за здоровье Черчилля, отставной британский премьер неожиданно провозгласил здравицу Жукову. Георгий Константинович так описал последующие события: «Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря Черчиллю за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его «товарищем». Тут же заметил недоуменные взгляды Сталина и Молотова, у меня получилась пауза, которая, как мне показалось, длилась больше, чем следует. Импровизируя, я предложил тост за «товарищей по оружию», наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии... На другой день, когда я был у Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел «товарища» в лице Черчилля».

Смех смехом, но Сталин не мог не обратить внимания, что Черчилль назвал Жукова сразу после руководителей стран антигитлеровской коалиции, как бы придав ему статус второго по влиянию человека в Советском Союзе. Популярность Жу-

кова на Западе тревожила Верховного. Вот и Эйзенхауэр писал в мемуарах: «По многим признакам было очевидно тогда, что Жуков был как раз тем, кем он хотел казаться, — в высшей степени важным человеком в советском правительстве, возможно вторым после самого Сталина». Тут и американский генерал, и сам маршал непростительно заблуждались. В советской политической иерархии Сталин вообще не находил для Жукова места. Да и в военной иерархии готовился оттеснить Жукова на второй план, поставив во главе Министерства обороны «политического маршала» Булганина.

В середине августа 45-го Эйзенхауэр по приглашению Жукова посетил Москву и Ленинград. По словам Жукова, когда Георгий Константинович после первого визита Эйзенхауэра в Берлин доложил Сталину, что он, в отличие от Монтгомери, выступает за скорейший отвод союзных войск в свои зоны оккупации, Верховный сказал: «Надо как-нибудь пригласить Эйзенхауэра в Москву. Я хочу познакомиться с ним». Очевидно, это намерение укрепилось после посещения Жуковым Франкфурта. Маршал докладывал: «Эйзенхауэр держался очень просто, дружественно, подчеркивая свои симпатии к Красной армии, к советскому правительству и Советскому Союзу. Монтгомери, наоборот, держался сухо. Эйзенхауэр пространно останавливался на важности сохранения и упрочения дружественных отношений между американским и советским народами. Он специально просил не обращать внимания на враждебные выпады некоторых американских газет против СССР». И во время Потсдамской конференции Сталин приказал Жукову пригласить Эйзенхауэра в СССР. Хорошим поводом для визита сочли физкультурный праздник, назначенный на 12 августа.

Жуков сопровождал Эйзенхауэра во время поездки по Советскому Союзу. Эйзенхауэр запечатлел в своих мемуарах «Мандат для перемен» примечательный эпизод: «Сталин, босс, железной рукой правивший Советским Союзом, был начисто лишен чувства юмора... Вечером в кинозале мы смотрели советскую картину о взятии Берлина, где был показан и мой старый друг маршал Жуков с множеством орденов и медалей на парадном мундире. Во время демонстрации фильма Сталин сидел между мной и Жуковым. В какой-то момент я повернулся и сказал на-

шему переводчику, сидевшему позади Сталина: «Скажите маршалу Жукову, что, если он когда-либо потеряет свою работу в Советском Союзе, он сможет, как доказывает эта картина, наверняка найти работу в Голливуде». Сталин молча выслушал переводчика. «Маршал Жуков, — сообщил он мне ровным тоном, — никогда не останется без работы в Советском Союзе».

Во время пребывания в Москве и полета в Ленинград Жуков и Эйзенхауэр много говорили о минувшей войне. Эйзенхауэр интересовался, как Красная армия преодолевала минные поля. В «Крестовом походе в Европу» он приводит свою беседу с Жуковым по этому вопросу: «Меня очень поразил русский метод преодоления минных полей, о котором рассказал Жуков. Немецкие минные поля, прикрытые огнем, были серьезным тактическим препятствием и вызывали значительные потери и задержку в продвижении. Прорваться через них было делом трудным, хотя наши специалисты использовали различные механические приспособления для их безопасного подрыва. Маршал Жуков рассказал мне о своей практике, которая, грубо говоря, сводилась к следующему: «...Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые войска несут от противопехотных мин, считаются всего лишь равными тем, которые мы понесли бы от артиллерийского и пулеметного огня, если бы немцы прикрыли данный район не одними только минными полями, а значительным количеством войск. Атакующая пехота не подрывает противотанковые мины. Когда она достигает дальнего конца поля, образуется проход, по которому идут саперы и снимают противотанковые мины, чтобы можно было пустить технику».

Я живо вообразил себе, что было бы, если бы какой-нибудь американский или британский командир придерживался подобной тактики, и еще ярче представил, что сказали бы люди в любой из наших дивизий, если бы мы попытались сделать практику такого рода частью своей военной доктрины. Американцы измеряют цену войны в человеческих жизнях, русские — во всеобщем очищении нации. Русские ясно понимают значение морального духа, но для его развития им необходимо достигать крупномасштабных успехов и поддерживать не только патриотизм, но даже фанатизм.

Насколько я мог видеть, Жуков уделял мало внимания методам, которые мы считали жизненно важными для поддержания морального духа в американских войсках: систематическая смена частей и создание им условий для отдыха, предоставление отпусков и максимальное развитие технических средств борьбы, чтобы не подвергать людей ненужному риску на поле боя. Все это было обычным делом в американской армии, но, казалось, было неведомо в той армии, где служил Жуков».

Один немецкий солдат в письме домой запечатлел советские атаки через минные поля, о которых говорил Жуков Эйзенхауэру: «...Большие плотные массы людей маршировали плечом к плечу по минным полям, которые мы только что выставили. Люди в гражданском и бойцы штрафных батальонов двигались вперед, как автоматы. Брешы в их рядах появлялись только тогда, когда кого-нибудь убивало или ранило взрывом мины. Казалось, эти люди не испытывают страха или замешательства. Мы заметили, что те, кто упал, пристреливались небольшой волной комиссаров или офицеров, которая следовала сзади, очень близко от жертв наказания. Неизвестно, что свершили эти люди, чтобы подвергнуться такому обращению, но среди пленных оказались офицеры, не сумевшие выполнить поставленной задачи, старшины, потерявшие в бою пулемет, и солдат, чье преступление состояло в том, что он оставил строй на марше... И все же почти никто из них не жаловался на подобное обращение. Жизнь тяжела, говорили они, и если вы не смогли достичь поставленной цели, за неудачу приходится расплачиваться. Никто не был готов признать, что поставленная задача могла быть невыполнимой, а приговор — несправедливым».

Эйзенхауэр свидетельствует, что таких же взглядов, как Жуков, придерживались и другие советские маршалы: «В день, когда пришла весть о победе над Японией (14 августа, когда японское правительство и император объявили о капитуляции; в этот день, накануне отъезда Эйзенхауэра из Москвы, американский посол устроил прием в его честь. — Б. С.), маршал Буденный, казалось, не испытывал по этому поводу никакого энтузиазма. Я спросил, почему он не радуется окончанию войны. Он ответил: «О да, но нам надо было бы про-

должать сражаться, чтобы убить еще больше этих проклятых японцев». Маршал казался привлекательным, добрым и приветливым человеком, но видно было: его нисколько не волновало, что каждый день продолжения войны означал смерть или раны еще для сотен российских граждан».

Присутствовавший на этом приеме глава американской военной миссии в Москве генерал Джон Р. Дин вспоминает, что, выпив и закусив, Жуков и Эйзенхауэр пустились в дружеский спор о свободе прессы: «В результате выявилось фундаментальное различие их мышления. Эйзенхауэр очень хорошо изложил нашу позицию, но это не произвело на Жукова никакого впечатления. Он был продуктом поколения, которое никогда не знало никакого подобия индивидуальной свободы, и никакой аргумент не мог оправдать в его глазах безусловную свободу выражения своих чувств и мыслей устно или письменно, даже если они могут противоречить интересам государства».

Базовое различие образа мышления Жукова и Эйзенхауэра проявилось также в вопросе о военнопленных. Эйзенхауэр вспоминает: «Я упомянул о проблеме, встававшей перед нами в разные периоды войны и решавшейся с большим трудом, — о проблеме содержания многочисленных немецких военнопленных. Я отметил, что питаются они по тем же самым нормам, что и наши солдаты. С крайним удивлением он спросил: «Зачем вы это делаете?» Я ответил: «Ну, во-первых, потому, что к этому обязывают мою страну условия Женевской конвенции. Во-вторых, немцы держали в плену несколько тысяч американцев и англичан, и я не хотел давать им предлог или оправдание для ужесточения обращения с нашими пленными». Маршал удивился и сказал: «Но почему вы заботитесь о тех, кого захватили немцы? Они сдались и сражаться больше не могут».

Эйзенхауэр еще мог понять, почему русские сурово обращаются с немецкими военнопленными. Американские солдаты к тому времени освободили много узников немецких концлагерей, видели, в каком ужасном состоянии были эти живые трупы. Но вот почему Жукова не заботила судьба попавших в плен красноармейцев, Эйзенхауэр не понимал. Между тем маршал рассуждал примерно так: пленные советские солдаты и офицеры уже не смогут сражаться с врагом, так чего же о них заботиться? Наоборот, если, не дай Бог, им

в плену будет сносное житье, то есть опасность, что многие красноармейцы предпочтут плен неминуемой гибели в истребительных атаках.

Эйзенхауэр и Жуков принадлежали к разным мирам, действовали в совершенно различных политических системах. В американской армии, равно как в британской или германской, командиры обязаны были заботиться о сбережении жизни подчиненных, иначе они были бы неминуемо смещены со своих постов и отданы под суд. В Красной армии самым страшным преступлением было невыполнение даже заведомо невыполнимого, порой преступного приказа вышестоящего начальника. Ослушнику грозил немедленный расстрел или, что почти то же самое, отправка в штрафбат. В западных армиях солдаты и офицеры никогда не пошли бы в наступление на необезвреженные минные поля и наверняка добились бы судебного разбирательства и смещения командира. Советские солдаты и командиры, напротив, хорошо знали, что жаловаться на начальство — гиблое дело. В этом убеждал их не только собственный опыт, но и опыт отцов и дедов. Для того чтобы самоубийственные для войск приказы появлялись на свет, требовались не только командиры, готовые их отдать, но и подчиненные, способные их безропотно выполнить.

Только Жуков или подобный ему военачальник мог быть достойным заместителем Сталина в Великой Отечественной войне и руководителем крупнейших операций Красной армии. Эйзенхауэр, кажется, понял, что бессмысленно подходить к оценке Жукова-полководца с западными мерками, принял маршала таким, какой он есть. До конца своих дней Эйзенхауэр и Жуков сохранили самые теплые чувства по отношению друг к другу.

Эйзенхауэр, с согласия американского правительства, пригласил Жукова посетить Америку. Приглашение было принято. Но поездка не состоялась. Жуков по этому поводу пишет следующее: «Вскоре после посещения Эйзенхауэром Советского Союза мне позвонил в Берлин Молотов:

— Получено приглашение для вас от американского правительства посетить Соединенные Штаты. Товарищ Сталин считает полезным подобный визит. Как ваше мнение?

— Я согласен.

Однажды после заседания Контрольного совета ко мне подошел генерал Эйзенхауэр:

— Очень рад, что вы, господин маршал, посетите Штаты... К сожалению, обстоятельства складываются так, что я не смогу лететь с вами в Вашингтон. Если не возражаете, вас будут сопровождать мой сын Джон, генерал Клей и другие лица штаба Верховного главнокомандования США.

Я согласился.

— Так как ваши летчики не знают условий полета через океан и в Штатах, — продолжал Эйзенхауэр, — предлагаю вам свой личный самолет «Крепость».

Я поблагодарил Эйзенхауэра и доложил обо всем лично Сталину. Сталин сказал:

— Ну что ж, готовьтесь.

К сожалению, перед полетом я заболел. Пришлось еще раз звонить Сталину:

— В таком состоянии лететь нельзя. Соединитесь с американским послом Смитом и скажите ему, что полет по состоянию здоровья не состоится».

Эйзенхауэр несколько иначе излагает историю несостоявшегося визита: «В ответ на гостеприимный жест советского правительства, пригласившего меня посетить их страну, американское военное министерство с одобрения президента Трумэна тут же пригласило маршала Жукова прибыть с визитом в Америку. Согласие было сразу же получено, и мы думали, что маршал в самое ближайшее время поедет в Штаты. Он просил, чтобы генерал Клей или я поехал вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну, точно так, как он меня сопровождал в России. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54. Это обрадовало маршала. Он уже летал на этом самолете в Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа. К сожалению, вскоре маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломати-

ческая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека, перенесшего тяжелую болезнь».

Здесь и Жуков, и Эйзенхауэр лукавят.

После того как в 46-м году имя Жукова надолго исчезло со страниц газет, Эйзенхауэр ничего не знал о судьбе маршала (тогда же, в апреле, после отъезда Жукова в Москву, прервалась их переписка). Сомневался даже, жив ли маршал. И чувствовал, что если русский друг и пребывает в добром здравии, то наверняка находится в глубокой опале. И чтобы не повредить ему, Эйзенхауэр счел нужным поддержать версию о внезапной болезни Жукова. Хотя прекрасно знал, что болезнь-то была именно дипломатическая (американские историки связывают ее с происшедшим накануне срывом заседания Совета министров иностранных дел четырех держав победительниц и начавшимся сползанием к «холодной войне»). 1 октября 1945 года заместитель Эйзенхауэра генерал Клей был извещен, что Жуков заболел и вынужден отложить поездку в США: у него сильно болит горло и высокая температура. Однако уже 5 октября, в день, когда маршал должен был прибыть в Штаты, Эйзенхауэр получил послание от своего политического советника Р. Мэрфи, где цитировалось сообщение американского посольства в Москве. Маршал, оказывается, не настолько болен, чтобы лежать в постели: сотрудники посольства имели счастье лицезреть его в театре вечером 2 октября, причем явно в хорошем самочувствии.

А вот воспоминания дочери Жукова Эллы: «Отец был глубоко огорчен, когда не смог по приглашению Эйзенхауэра посетить с ответным визитом США. Сталин сначала поддерживал идею визита, но потом по причинам, о которых можно только догадываться, изменил свое решение. «К сожалению, перед полетом я заболел», — пишет отец в своих мемуарах... Но мы-то знали, что болезнь носила дипломатический характер. Мы поняли, что его, по сути дела, вынудили отказаться от желанной поездки. Не исключено, что таким образом ему указали на место».

Отмене визита способствовала не только постепенно нараставшая напряженность в советско-американских отноше-

ниях, но также и то обстоятельство, что Сталин начал смотреть на Жукова как на своего политического соперника и решил, что пора поставить маршала на место.

Американский дипломат Чарльз Е. Болен, главный советник американского правительства по советским делам, прекрасно знавший русский язык и нередко выступавший в роли переводчика, в конце мая 45-го посетил Москву вместе со специальным представителем президента Трумэна Гарри Гопкинсом. В мемуарах Болен описал их встречу со Сталиным: «Гопкинс спросил Сталина, когда он собирается назначить официальных советских представителей в Контрольный совет, указав, что США уже назвали в этом качестве Эйзенхауэра, а Англия — Монтгомери. Сталин сказал, что собирается назначить маршала Жукова, но при этом подчеркнул, что политическая рука советского правительства полностью контролирует военных. Поэтому в Берлине от имени Москвы в действительности будет говорить Вышинский». Жуков еще даже не назначен в Контрольный совет, а Сталин уже принижает его положение перед союзниками, разъясняет, что маршал будет кем-то вроде свадебного генерала, а политику в отношении Германии будет определять бывший прокурор СССР, прославившийся громкими речами на фальсифицированных политических процессах.

Из Москвы Гопкинс с Боленом отправились в Берлин. Здесь 7 июня они имели легкий ленч с Жуковым («легкий в отношении еды, тяжелый в отношении водки», как отмечает Болен). Дальше путь дипломатов лежал во Франкфурт, где они беседовали с Эйзенхауэром. О Жукове генерал говорил с большим уважением, возлагал на него большие надежды в плане развития советско-американских отношений.

Посол США в Москве Аверал Гарриман сообщал в Вашингтон в дни визита Эйзенхауэра: генерал заверил его, что его друг Жуков, который называет Эйзенхауэра просто «Айк», будет преемником Сталина и откроет новую эру дружественных отношений между Америкой и Россией. Гарриман считал надежды Эйзенхауэра, порожденные многочисленными тостами за мир, которые они выпили с Жуковым, «нереалистичными». Военные лидеры, полагал посол, все еще никак не могли осознать, что эра сотрудничества, порожденная войной, уже закончилась. Посольство было под плотной опекой советских

спецслужб, и высказывания Эйзенхауэра о Жукове наверняка стали известны Сталину. Как и соответствующие разговоры среди советских генералов. Телегин после ареста показал, например, что не раз говорил Жукову, что видит в нем достойного преемника Сталина. Правда, на суде Константин Федорович поспешил уточнить, что имел в виду только пост наркома обороны. Сталин сам любил назначать себе преемников, и терпеть не мог, когда в это вмешивались другие. Так что опала Жукова была предreshена еще в августе 45-го. Требовалось только несколько месяцев на ее техническую подготовку.

Последний раз в Германии Жуков и Эйзенхауэр встретились на приеме, который советская сторона давала в Берлине 7 ноября 1945 года. Американский генерал уезжал в Вашингтон, чтобы возглавить штаб армии США. Он подробно описал эту встречу: «Когда я прибыл, маршал Жуков со своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. Разговор продолжался два часа.

Общий тон высказываний маршала сводился к тому, что, по его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: «Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет».

Жуков не слишком почитал Вышинского, выполнявшего в Германии роль смотрящего. В период Потсдамской конференции, по словам Эйзенхауэра, Жуков «резко обошелся со своим политическим советником Андреем Вышинским, предложив ему выйти из комнаты, чтобы могли конфиденциально переговорить». Пора, пора убирать маршала из Гер-

мании! И Сталин переместил Жукова из Берлина в Москву — с повышением.

Вот что рассказал об обстоятельствах своего нового назначения сам Жуков: «В конце марта 1946 года, когда я вернулся после сессии Верховного Совета... в Берлин, мне передали, чтобы я позвонил Сталину.

— Правительство США отозвало из Германии Эйзенхауэра... Английское правительство отозвало Монтгомери. Не следует ли вам также вернуться в Москву?»

Жуков согласился с этим предложением. Через пару дней ночью ему опять позвонил Сталин:

«— Политбюро согласно назначить вместо вас Соколовского. После очередного совещания Контрольного совета выезжайте в Москву.. Еще один вопрос. Мы решили ликвидировать должность первого заместителя наркома обороны, а вместо него иметь заместителя по общим вопросам. На эту должность будет назначен Булганин. Он представил мне проект послевоенного переустройства вооруженных сил. Вас нет в числе основных руководителей Наркомата обороны. Начальником Генерального штаба назначается Василевский. Главкомом Военно-морского флота думаем назначить Кузнецова. Какую вы хотели бы занять должность?»

— Я не думал над этим вопросом, но буду работать на любом посту, который Центральный комитет сочтет для меня более целесообразным.

— По-моему, вам следует заняться Сухопутными войсками. Мы думаем, во главе их надо иметь главнокомандующего. Не возражаете?»

— Согласен.

— Хорошо. Вернетесь в Москву и вместе с Булганиным и Василевским поработаете над функциональными обязанностями и правами руководящего состава Наркомата обороны».

Георгий Константинович был явно огорчен. Он-то рассчитывал, что останется первым заместителем Сталина по Наркомату обороны. Но Иосиф Виссарионович предпочел ему исполнительного и несамостоятельного Булгагина, не имевшего военного образования и опыта, не пользовавшегося по-

пулярностью среди офицеров и генералов, зато и не представляющего никакой политической угрозы.

Жуков получил громкий, но, по сути, пустой пост. Главнокомандующий Сухопутных войск — звучит внушительно, а реальной власти куда меньше, чем у главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии. Там под началом у Жукова — одна из наиболее мощных группировок, которой командуют хорошо знакомые ему генералы, многие из которых обязаны своим выдвижением лично маршалу. Эту армию, в случае чего, и на советскую столицу двинуть можно, особенно если заручиться поддержкой союзников, того же Эйзенхауэра. А в Москве над главкомом сухопутных сил еще начальник Генштаба — безусловно преданный Сталину Василевский и заместитель наркома обороны по общим вопросам и фактический руководитель военного ведомства Булганин. Оперативное руководство войсками находится в ведении Генерального штаба, Жукову остается разрабатывать уставы да планы учений.

Вернувшегося в апреле 46-го в Москву маршала подобная канцелярская работа не прельщала. Он стремился расширить свои полномочия, иметь возможность непосредственно руководить войсками и получить по службе доступ непосредственно к Сталину. Жуков вспоминал: «После рассмотрения Положения о Наркомате обороны (тогда уже — Министерстве вооруженных сил. — Б. С.) у меня возникли серьезные разногласия с Булганиным о правовом положении главнокомандующих видами вооруженных сил и первого заместителя наркома. По его проекту получалось так, что главкомы в практической работе имеют дело не с наркомом обороны, а с его первым заместителем. Защищая свой проект, Булганин пытался обосновать его тем, что нарком обороны Сталин перегружен делами партии и государства.

— Это не довод, — сказал я Булганину и попытался ответить его аргументы. — Сегодня нарком Сталин, а завтра может быть другой. Не для отдельных лиц пишутся законы, а для конкретной должности.

Обо всем этом Булганин в извращенном виде доложил Сталину. И через день Сталин сказал мне, что над Положением о Наркомате обороны придется еще поработать. Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, не смыслил

в оперативно-стратегических вопросах. Но, будучи человеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к Сталину и завоевать его доверие».

Георгий Константинович рассчитывал на равные права с Булганиным в руководстве военным ведомством. Но просчитался.

Сталина насторожило предложение Жукова на время учений слить части Резерва Главного командования с Сухопутными войсками. Булганин усмотрел здесь желание Георгия Константиновича сосредоточить под своим началом все наземные войска. Далеко ли тут до намерения совершить переворот? Так, по крайней мере, мог думать Сталин.

В ночь с 22 на 23 апреля 1946 года был арестован бывший главком ВВС Главный маршал авиации А. А. Новиков, большой друг Жукова. Для Георгия Константиновича это был тревожный сигнал. Развязка наступила через месяц с небольшим, 1 июня, когда был созван Высший военный совет. Наиболее достоверные свидетельства об этом заседании принадлежат маршалу Коневу и адмиралу флота Кузнецову. Иван Степанович в посмертно опубликованных мемуарах утверждал: «Сталин попросил секретаря Главного военного совета генерала С. М. Штеменко... зачитать материалы допроса Главного маршала авиации А. А. Новикова... Из его показаний следовало, что Жуков, встречаясь с Новиковым, когда тот приезжал к нему на фронт, в дружеской беседе обсуждали деятельность Ставки, правительства, маршал Жуков в ряде случаев нелестно отзывался о Сталине... Суть показаний... сводилась к тому, что маршал Жуков человек политически неблагонадежный, недоброжелательно относится к Центральному комитету КПСС, к правительству, ставилась под сомнение его партийность.

После того как Штеменко закончил чтение, выступил Сталин. Он заявил, что Жуков присваивает все победы Советской армии себе. Выступая на пресс-конференциях в Берлине, в печати, Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им, маршалом Жуковым, что он в большинстве случаев является автором замыслов Ставки, что именно он, участвуя активно в работе

Ставки, обеспечил основные успехи советских Вооруженных сил. Сталин добавил, что окружение Жукова тоже старалось и не в меру хвалило Жукова за его заслуги в разгроме немецко-фашистской Германии. Они подчеркивали роль Жукова как основного деятеля и наиболее активного участника в планировании проводимых операций. Жуков против этого не возражал и, судя по всему, сам разделял подобного рода суждения. Что же выходит... Ставка Верховного главнокомандования, Государственный комитет обороны, и он указал на присутствующих на заседании членов Ставки и ГКО, — все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании и проведении всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны? Поведение Жукова... является нетерпимым, и следует вопрос о нем очень обстоятельно разобрать на данном совете и решить, как с ним поступить.

Закончив выступление, Сталин обвел взглядом всех присутствующих, давая понять, что он желал бы выслушать мнение военных. На этом совете присутствовали маршалы Жуков, Конев, генерал армии Соколовский, маршал бронетанковых войск Рыбалко, генерал армии Хрулев, генерал-полковник Голиков, маршал Рокоссовский. Маршала Василевского и всех остальных маршалов на этом заседании не было... Присутствовали... члены Политбюро.

Первым взял слово я... Вначале я отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный... С ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по фронту. Привел в качестве примера наши споры по Берлинской операции. Но, однако, заявил, что категорически отвергаю предъявленные Жукову обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК. Сказал, что считаю Жукова человеком, преданным партии, правительству и лично Сталину, честным коммунистом... Если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем более нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать...

Сразу после меня выступил маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко. Он тоже подтвердил, что характер у Жукова тяжелый, но при выполнении обязанностей координатора Ставки и как командующий фронтом он отдавал весь свой опыт и знания делу выполнения поставленных перед войсками того или иного фронта или нескольких фронтов задач...

Затем выступил генерал армии Василий Данилович Соколовский, который построил свое выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков честный человек, честно выполнял приказы, и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера действительно нелегко.

Выступил и Константин Константинович Рокоссовский. Очень дипломатично он отметил, что никак не разделяет обвинения в адрес Жукова в том, что он политически опасный человек, нечестный коммунист (Симонову Конев о выступлении Рокоссовского сказал подробнее и довольно-таки обидно для Константина Константиновича: «Говорил витиевато. Мне почувствовалась в его словах обида на то, что в свое время Жуков сдвинул, заменил его на 1-м Белорусском фронте и ему пришлось перейти на второстепенный — 2-й Белорусский фронт. Хотя, конечно, с точки зрения масштабов командующих фронтами это, на мой взгляд, величины несоизмеримые и сделано это было правильно». — Б. С.).

Генерал армии Хрулев... произнес яркую речь в защиту Жукова. И тоже подчеркнул, что... характер у Жукова не из легких.

Затем выступил генерал Голиков... Он читал свое выступление, держа перед собой блокнот, и вылил на голову Жукова много, я бы сказал, грязи, всякого рода бытовых подробностей. Мне трудно судить, что было правдой, а что нет... Выступление Голикова было заранее подготовлено, оно должно было подтвердить неблагонадежность Жукова, подробно перечислить существующие и несуществующие его недостатки.

После военных выступили члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия и другие, все они в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы советских Вооруженных сил, что он человек политически незрелый, не-

партийный и что суть характера Жукова не только в том, что он тяжелый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки.

Обвинения были тяжелые. Жуков сидел повесив голову и очень тяжело переживал: то бледнел, то заливался краской. Наконец ему предоставили слово. Жуков сказал, что совершенно отвергает заявление Новикова, что характер у него не ангельский, это правильно, но он категорически не согласен с обвинениями в нечестности и непартийности, он коммунист, который ответственно выполнял все порученное ему партией; что он действительно признает себя виновным только в том, что преувеличил свою роль в организации победы над врагом.

Во время речи Жукова Сталин бросил реплику:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Я с места ответил:

— Товарищ Сталин, история на этот счет всегда даст правильный ответ, потому что факты — упрямая вещь.

Словом, Жуков был морально подавлен, просил прощения, признал свою вину в зазнайстве, хвастовстве своими успехами и заявил, что на практической работе постарается изжить все те недостатки, на которые ему указали...

После обсуждения и после выступления Жукова Сталин, вновь обводя зал глазами, задал вопрос:

— Что же будем делать с Жуковым?...

Мнение было единодушное. Жукова надо освободить от должности главкома Сухопутных войск».

Конев полагал, что первоначально Сталин думал поступить с Жуковым куда более круто: «В ходе обсуждения... складывалось впечатление, что Сталин, видимо, хотел более жестких решений в отношении Жукова, потому что после выступления членов Политбюро обстановка была предельно напряженной. Невольно у каждого сидящего возникало такое ощущение, что против Жукова готовятся чуть ли не репрессивные меры. Думается, что выступления военных, которые все дружно отметили недостатки Жукова, но в то же время защитили его, показали его деятельность на посту командующего фронтом, на посту координатора (а то без Конев-

ва и Рокоссовского Сталин об этом не знал! — Б. С.), сыграли свою роль. После этого у Сталина, по всей видимости, возникли соображения, что так решать вопрос с Жуковым — просто полностью отстранить, а тем более репрессировать — нельзя, это будет встречено неодобрительно не только руководящими кругами армии, но и в стране, потому что авторитет Жукова среди широких слоев народа и армии был, бесспорно, высок. Поэтому кто-то из членов Политбюро и сам Сталин предложили назначить его командующим войсками небольшого военного округа. И тут же назвали — Одесский».

В беседе с Симоновым Конев выразился насчет возможных намерений Сталина еще определеннее: «...После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось».

А вот адмиралу Кузнецову так не показалось. Он на совете присутствовал, но слова не брал. Николай Герасимович оставил собственную зарисовку, по его словам, «первой неприятности» Жукова: «Однажды в зале заседаний Кремля собрались члены Политбюро и маршалы. Выступил Сталин и объявил, что Жуков, по порученным им данным, ведет разговоры о якобы незначительной роли Ставки во всех крупных операциях. Он показал телеграмму, на основании которой делались такие выводы, и, обращаясь к членам Политбюро, сказал: «Вы знаете, как возникали идеи различных операций». Дальше он пояснил, как это бывало. Идея рождалась в Ставке или предлагалась Генеральным штабом. Затем вызывался будущий командующий операцией, который... вникал в суть идеи. После этого ему предлагалось тщательно подумать и (не делая пока ни с кем) доложить (через неделю-две) Ставке свое мнение. Ставка же разбиралась в деталях и утверждала план будущей операции. С планом операции знакомился узкий круг лиц, и начиналась разработка документов фронта. Жуков присутствовал, но не опро-

верг сказанного. Все считали своим долгом высказать на этом необычном совещании свое мнение с осуждением Жукова. Одни говорили резко и не совсем справедливо, а большинство — осторожно, но в том же духе».

Если сам Сталин обвинил маршала только в зазнайстве, нескромности, принижении роли Ставки Верховного главнокомандования в войне, приписывании себе чужих заслуг, но не выдвинул собственно политических обвинений, то никто из военных и членов Политбюро не рискнул бы по своей инициативе уличить Жукова в заговоре. Жуков в беседах с историками хотел создать впечатление, что ему грозил арест. А Конев, дабы подчеркнуть значимость своего выступления и солидарной позиции генералов и маршалов, выдвинул версию, будто Сталин вынужден был отказаться от первоначального намерения репрессировать Жукова. Но Верховный главнокомандующий никогда не отказался бы от уже принятого кадрового решения из-за мнения большинства маршалов — подобной «гнилой демократии» Иосиф Виссарионович никогда не допускал.

В 37-м Тухачевский, Якир, Уборевич и другие были арестованы еще до начала заседания единодушно осудившего их Главного военного совета, и от них уже успели получить признательные показания. Если бы Сталин хотел поступить с Жуковым так же, как ранее поступил с Тухачевским, то арестовал бы маршала, и еще до созыва Высшего военного совета люди Абакумова выбили бы у него признание в шпионаже в пользу Америки и Англии, а заодно и в планировании военного переворота. При желании даже двухчасовую встречу с Эйзенхауэром с глазу на глаз можно было трактовать как измену Родине. И тогда бы маршалы и генералы дружно, как один, клеймили бы изменника!

Арестовывать Жукова Иосиф Виссарионович не собирался, о чем ясно дал понять в своей вступительной речи. Генералы и маршалы получили четкий сигнал, по каким пунктам надо критиковать Жукова, и соответствующим образом выступили, приводя примеры, как Жуков присваивал чужую славу. И одновременно постарались на всякий случай заверить вождя в политической благонадежности опального маршала. Ведь в случае, если бы, подобно «заговору Тухачевского», сфабри-

ковали бы «заговор Жукова», легко могли полететь головы любого из присутствовавших на Высшем военном совете.

Сам Жуков понял, что его не собираются в ближайшее время ставить к стенке или отправлять в лагерь. Но он знал правила игры: в предъявленных обвинениях надо непременно покаяться. Иначе Сталин сочтет, что маршал не считает свои поступки ошибочными, упорствует в отстаивании порочной позиции, и вот тогда уж действительно несдобровать.

Итоги заседания по делу Жукова подвел приказ за подписью министра Вооруженных сил Сталина от 9 июня 1946 года. Приказ готовили Булганин и Василевский, а последнюю правку вносил сам Сталин. Там говорилось, что Новиков сообщил «о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к Правительству и Верховному главнокомандованию». «Маршал Жуков, — утверждалось в приказе, — несмотря на созданное ему Правительством и Верховным главнокомандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями Правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц». Он «утерял всякую скромность и, будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены». При этом перечислялись операции, разработку и проведение которых Жуков приписывал себе без каких-либо на то оснований: ликвидация сталинградской, крымской и корсунь-шевченковской группировок. Отмечалось также, что Киев в ноябре 43-го был взят ударом с севера, а не с юга, как предлагал Жуков, и что при проведении Берлинской операции «без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят».

В приказе подчеркивалось, что «под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главнокома Сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы».

Единственное место в этом приказе, где можно было усмотреть намек на какую-то конспирацию, звучало так: «...Маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг се-

бя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым Правительству и Верховному главнокомандованию». Звучало как предупреждение: не веди опасных разговоров, не общайся с опальными генералами, а то худо будет.

В заявлении Новикова по поводу попыток Жукова «группировать вокруг себя недовольных» говорилось следующее: «Касаясь Жукова, я, прежде всего, хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных интересах стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

Вместо того чтобы мы как высшие командиры сплачивали командный состав вокруг Верховного главнокомандующего, Жуков ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является «добрым дядей». Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов (тогдашний заместитель министра внутренних дел, а в конце войны — уполномоченный НКВД по Германии, заместитель Жукова по делам гражданской администрации и уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту. — Б. С.).

Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я в свою очередь угодничал перед ним... Так, были случаи, когда после посещения Ставки я рассказывал Жукову о настроениях Сталина, когда и за что Сталин ругал меня и других, какие я слышал там разговоры и т. д. Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытался умалить руководящую роль в войне Верховного главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им...

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у Жукова, высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав арестовывать людей из ВВС. Жуков поддержал мои

высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить». Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС...

После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за нее даются другим людям».

Вот тебе и маршальские погоны, которые Жуков лично прислал Коневу, чем растрогал Ивана Степановича до слез! Оказывается, в душе Жуков не считал маршальское звание Конева вполне заслуженным. Но и своего выдвиженца Ватутина Жуков характеризовал весьма сурово. Новиков продолжал: «Тогда же Жуков... говорил, что Ватутин неспособный человек как командующий войсками, что он штабист и если бы не он, Жуков, то Ватутин не провел бы ни одной операции. В связи с этим Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами».

Главный маршал авиации поведал и о случае с бывшим маршалом Куликом: «Осенью 1944 года под Варшавой Жуков... рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед Сталиным о том, чтобы Кулика наградили орденом Суворова, но Сталин не согласился с этим, что он — Жуков стал просить о возвращении Кулику орденов, которых он был лишен по суду, с чем Сталин также не согласился. И в этом случае Жуков высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением».

Как же появилось на свет заявление Новикова? Можно ли верить приведенным там фактам? Падение Александра Александровича было предопределено вскоре после окончания войны, когда он с первого раза отказался писать представление сына Сталина Василия к генеральскому званию, хотя в конце концов вынужден был уступить требованию Иосифа

Виссарионовича. Тут и Василий Иосифович в долгу не остался. Написал отцу о плохом качестве советских самолетов. Была создана специальная комиссия, которая однозначно установила, что с ведома главкома ВВС у авиапромышленности принималась бракованная боевая техника. Через месяц после начала работы комиссии Новикова, снятого с поста главкома, арестовали. А 30 апреля 1946 года, через неделю после ареста, появилось новиковское заявление против Жукова.

Новикова Сталин освободил в феврале 52-го, после шести лет тюрьмы. В мае 53-го маршала реабилитировали. Этому предшествовало заявление Новикова новому министру внутренних дел Берии от 2 апреля 1953 года: «...Во время следствия меня несколько раз вызывал на допрос Абакумов. На этих допросах постоянно присутствовал следователь Лихачев. Абакумов ругал меня площадной бранью, унижал мое человеческое достоинство... угрожал расстрелом, арестом моей семьи... В присутствии следователя Лихачева он сказал, что я должен буду подписать составленное и отпечатанное заявление на имя Сталина... Лихачев давал мне подписывать по одному листу, и так я подписал это заявление... В этом заявлении приводились, как якобы известные мне факты, различные клеветнические вымыслы, компрометирующие... маршала Жукова... Абакумов на допросах в присутствии Лихачева неоднократно подробно меня расспрашивал о моих встречах и разговорах с Жуковым и Серовым...»

Новиков знал, что Абакумов — враг Берии и уже находится под арестом. Вероятно, он также знал о том, что Жуков и Берия были в неплохих отношениях. Об этом пишет и сын бывшего шефа МВД Серго Берия: «В моей памяти Георгий Константинович остался близким другом отца и просто замечательным человеком... В марте 1953 года, когда Георгия Константиновича назначили первым заместителем министра обороны, помню его разговор с моим отцом, что его обязательно надо сделать министром. Пока, сказал отец, не получилось и надо подождать немного. «Ты, Георгий, — говорил отец, — не переживай. Кроме тебя, в этой должности никого не вижу»... Жуков в узком кругу называл политработников шпиками и не раз говорил у нас дома: «Сколько же можно их терпеть? Или мы не доверяем офицерам?» Отец ус-

покаивал: «Подожди, сразу ломать нельзя. Мы с тобой, поверь, не устоим. Надо ждать».

Потом, после смерти Сталина, Берия будет стремиться переместить власть от партийных органов к советским. В связи с этим он вполне мог сочувствовать неприязни Жукова к комиссарам. Правдоподобна и версия о том, что именно Берия рекомендовал Георгия Константиновича первым заместителем министра обороны. Булганин, как утверждал впоследствии Жуков, был против назначения Жукова своим заместителем и мог согласиться с этим решением только под нажимом кого-то из более влиятельных членов Президиума ЦК. Можно предположить: раз Берия поторопился освободить человека, которого использовали для конструирования жуковского дела и который теперь настаивал на ложности своего заявления 46-го года, значит, во всяком случае, не питал к Жукову недобрых чувств и не думал, что Георгий Константинович его ненавидит. Это потом Жуков оказался в составе команды, арестовавшей Лаврентия Павловича, когда Хрущев, Маленков и Молотов решили убрать Берию.

В декабре 54-го Новиков выступал свидетелем на якобы открытом процессе Абакумова, после которого Виктора Семеновича тотчас же расстреляли (сейчас Верховный суд России признал, что надо было не расстреливать, а дать 25 лет тюрьмы). Стенограмма процесса, замечу, оставалась секретной вплоть до 90-х годов и по сей день полностью не опубликована. Но сохранились тезисы Новикова к выступлению на суде.

Маршал утверждал: «Арестован по делу ВВС, а допрашивают о другом... Был у Абакумова не менее 7 раз, как днем, так и ночью, что можно установить по журналу вызовов из тюрьмы... Протоколы не велись, записей не делалось, стенографистки не было... Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний ... Вопросы состояния ВВС была только ширма...»

Новиков цитировал по памяти следователя Лихачева: «Был бы человек, а статейку подберем... Какой ты маршал — подлец, мерзавец. Никогда отсюда больше не выйдешь... Расстреляем к ебенной матери... Всю семью переарестуем... Рассказывай, как маршалу Жукову в жилетку плакал, он такая же сволочь, как

ты...» Александр Александрович так объяснил собственное малодушие: «Допрашивали с 22 (точнее, с 23-го. — Б. С.) по 30 апреля ежедневно, потом с 4 по 8 мая... Морально надломленный, доведенный до отчаяния несправедливостью обвинения, бессонные ночи... Не уснешь, постоянный свет в глаза... Не только по причине допросов и нервного напряжения, чрезмерная усталость, апатия, безразличие и равнодушие ко всему — лишь бы отвязались — потому и подписал — малодушие, надломленная воля. Довели до самоуничтожения. Были минуты, когда я ничего не понимал... я как в бреду наговорил бы, что такой-то хотел убить такого-то... Заявление на Жукова по моей инициативе?.. Это вопиющая неправда... со всей ответственностью заявляю, что я его не писал, дали печатный материал... Дело было так: к Абакумову привел меня Лихачев. Не помню, у кого был документ... Абакумов сказал: вот познакомьтесь — и подпишите. Заявление было напечатано... Ни один протест не был принят... Потом заставили... Это было у Лихачева в кабинете, продолжалось 7—8 часов... Было жарко мне, душно, слезы и спазмы душили...»

Из объяснений Новикова, данных восемь лет спустя, совсем в другой политической обстановке, видно: его в тюрьме не только не били, но даже не устраивали столь распространенной у чекистов пытки бессонницей. Александр Александрович не спал от нервного возбуждения, да еще от непривычки спать при освещении, круглосуточно горевшем в камере. Тем не менее бравый маршал сломался всего за неделю. И протоколы допросов, на которых Новикова будто бы понуждали подписать заявление против Жукова, как назло, не сохранились. В 54-м году, когда судили Абакумова, Жуков был заместителем министра обороны, и Новиков никак не мог признавать, что в его заявлении против Георгия Константиновича много правды. Александр Александровичу пришлось лгать, что его будто бы заставили подписать не им составленный текст. Эта версия легко опровергается: в архиве сохранился написанный рукою Новикова оригинал заявления, с которого потом была снята машинописная копия для зачтения на Высшем военном совете. Копию маршал также подписал. Думаю, что на самом деле «сталинского сокола», дважды Героя Советского Союза, следователям на Лубянке и ломать-то как следует не пришлось. Александр Александрович

вич прекрасно знал, что виноват. Бракованные самолеты с заводов принимал, в результате случались аварии и гибли люди. В 53-м и в 54-м, оправдываясь, маршал утверждал: да, мол, принимал истребители с неисправным бензопроводом, но делал это исключительно с целью приблизить победу над Германией, дать в войска больше боевых машин. Как будто с неисправным бензопроводом далеко улетишь! Маршал с наркомом Шахуриным просто спешили отрапортовать о выполнении и перевыполнении правительственных заданий. Гибель летчиков их не волновала, — людей до конца войны хватит. В заявлении о Жукове Новиков признавал: «...Я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускающихся авиационной промышленностью...» Во время следствия это было квалифицировано как сознательное вредительство. При реабилитации маршала в 53-м году прием заведомого брака расценили как ошибки, неизбежные во всяком большом и сложном деле. В действительности же перед нами самая обычная преступная халатность, за которую Новикова, Шахурина и курировавшего авиапромышленность Маленкова стоило судить.

Когда Абакумов предложил Александру Александровичу сделку: жизнь и сравнительно небольшой срок в обмен на сведения, компрометирующие Жукова, маршал раздумывал недолго. Заявление на имя Сталина Новиков писал сам, следователи могли подсказывать только некоторые формулировки. Ведь они не могли знать деталей: когда именно встречались Жуков и Новиков, о чем говорили. Характерно, что на совете Жуков ни одного из приведенных в заявлении фактов не опроверг.

Новиков каялся также в своем поведении по отношению к Василию Сталину. И пытался перевести стрелки на Георгия Константиновича: «...Жуков хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно. Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы по-отечески относится к нему и заботится. Но дело обстоит иначе. Когда недавно уже перед моим арестом я был у Жукова в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому,

Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовлетворение таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина еще резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления». Этого факта Жуков на совете тоже опровергать не стал.

Если бы потребовалось, Абакумов и его люди могли из Новикова веревки вить. Например, заставить его показать, будто маршал Жуков составил военный заговор и замышляет теракт против вождя. Правда, для такого признания необходимо было бы Новикова изрядно поколотить. Главный маршал авиации должен был догадаться, что здесь ему грозит высшая мера, и просто так давать показания не стал бы. В своем последнем слове на суде, уже глядя в лицо смерти, Абакумов настаивал: «...Я ничего не делал сам. Сталиным давались указания, а я их выполнял». Можно не сомневаться, что и в деле Жукова Абакумов руководствовался сталинскими указаниями. Сталин же совсем не собирался в тот момент делать из Жукова изменника и шпиона. Он решил перебросить Георгия Константиновича на запасной путь — в Одесский округ. Если будет большая война, Жуков еще пригодится.

Прибыв в Одессу, Жуков круто взялся за наведение порядка как в войсках, так и в городе. После войны «Одесса-мама» была настоящим очагом преступности. Вечером опасно было ходить по улицам. Бандиты нападали на офицеров и членов их семей. Георгий Константинович приказал разрешить офицерам круглосуточное ношение личного оружия. На первых порах эффект был обратным. Нападать на офицеров стали чаще — теперь уже с целью завладеть оружием. Тогда Жуков дал право применять его в случае опасности нападения со стороны преступников. Маршал провел целую военную операцию против преступников. Город был разбит на сектора, в каждом из которых специально выделенная воинская часть проводила зачистку: тотальные проверки документов, налеты на приюты, засады... Всех задержанных, среди которых было много мирных граждан, случайно попавших в облавы, отправляли на ночь в комендатуру, а утром передавали милиции. Нельзя сказать, что таким способом Жуков искоренил в Одессе пре-

ступность, но бандиты стали остерегаться нападать на военных. А местные власти расценили действия командующего как самоуправство и сигнализировали в Москву.

Еще один конфликт Жукова с Одесским обкомом произошел на почве вечно актуального квартирного вопроса. В Одесском округе было полно бесквартирных офицеров. Снять себе не то что квартиру, а даже угол можно было только за большие деньги. На оплату квартир офицеры тратили до половины жалованья. Военное ведомство жилья в ту пору почти не строило, а одесские власти считали, что не обязаны предоставлять жилплощадь офицерам. Тем более что Жуков был в опале и добиться правды в Москве не мог. Тогда Георгий Константинович решил пойти по другому пути. Секретарю обкома Алексею Илларионовичу Кириченко доложили, что военные в городе начали выявлять пустующие квартиры и вселяться в них, ссылаясь на приказ Жукова. Маршал подтвердил, что такой приказ отдал, но отменить его отказался, указав, что все делается по постановлению образованной им жилищной комиссии, куда включены и депутаты горсовета. Комиссия также стала принуждать горожан, имеющих излишки жилплощади, сдавать комнаты офицерам по твердым ценам, значительно ниже тех, что сложились на рынке. Популярность Жукова в войсках резко возросла, зато от одесситов в обком и горком посыпались жалобы. Кириченко молил Москву: «Уберите от нас этого диктатора!» Летом 47-го Москва направила комиссию для проверки Одесского военного округа во главе с недавно назначенным министром Вооруженных сил и произведенным в маршалы Булганиным. Жуков не явился встречать комиссию на вокзал. Когда-то Булганин был у него на Западном фронте членом Военного совета, по сути, подчиненным, и теперь Жуков считал унижительным для себя быть в подчинении у «политического маршала». Этот инцидент увеличил неприязнь Булганина к Жукову.

Крупных недостатков в боевой подготовке войск округа комиссия не нашла, но были выявлены факты грубого обращения Жукова с подчиненными. Офицеры жаловались: маршал жесток, порой беспощаден. В одном полку, увидев грязные умывальники, выставил командира за проходную и приказал больше в полк не пускать. Одного из своих заме-

стителей, боевого генерала, выгнал с совещания за двухминутное опоздание. Подтвердилось и самоуправство маршала во взаимоотношениях с гражданскими властями.

До снятия Жукова с поста командующего Одесским округом прошло еще несколько месяцев. За это время получило развитие так называемое «трофейное дело» и были арестованы много знавший жуковский адъютант подполковник А. С. Семочкин и генерал-лейтенант Л. Ф. Минюк, состоявший при Жукове для особых поручений. Трофеи были взяты в период пребывания Жукова в Германии. Еще 23 августа 1946 года Булганин докладывал: «В Ягодинской таможене (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью. При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит маршалу Жукову.. Для провоза мебели была выдана такая справка: «Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г. К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии «Альбин Май», приобретена им за наличный расчет и Военным советом Группы советских оккупационных войск в Германии разрешен вывоз в Советский Союз». Группы войск в Германии возглавлял тогда бывший начальник штаба у Жукова Василий Данилович Соколовский, а членом Военного совета состоял Константин Федорович Телегин, по части «трофейной лихорадки» не уступавший Жукову и вагонами гнавший на родину награбленное или скупленное по дешевке барахло.

Одесской таможене Булганин велел мебель адресату не выдавать до особого распоряжения. Впечатляет опись «имущества, прибывшего из города Хемниц». Акт о его задержании был составлен 19 июня — вскоре после снятия Жукова с поста главкома Сухопутных войск. Георгий Константинович размахнулся аж на 194 предмета мебели. Тут и спальня для дачи, сделанная из карельской березы, и стол круглый «Рафаэль» (полированный орех Мозер с матовой инкрустацией под кожу), и гостиная красного дерева с обивкой из золотистого плюша, и многое, многое другое, подавляющему большинству советских граждан даже десятилетия спустя знакомое лишь по выставкам иностранной мебели да по западным кинофильмам про «сладкую жизнь» буржуазии. И все это бо-

гатство Георгий Константинович вез в голодном 46-м году, когда сотни тысяч его соотечественников умирали от элементарного недоедания.

Но не только к мебели питал пристрастие Жуков. 5 января 1948 года, выполняя указание Сталина, Абакумов приказал произвести негласный обыск на московской квартире маршала. 10 января Виктор Семенович докладывал: «Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате». В шкатулке было 24 штуки часов, в том числе 17 золотых и 3 с драгоценными камнями. Золотых кулонов чекисты обнаружили 15 штук, в том числе 8 с бриллиантами. Нашли и некоторые другие золотые вещи — портсигары, браслеты, серьги... Абакумов на этом не успокоился: «По заключению работников, производивших обыск, квартиры Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать... Отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записки и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было».

Поэтому, доносил шеф госбезопасности, в ночь на 9 января негласный обыск провели на даче Жукова в поселке Рублево под Москвой. Здесь улов был гораздо более солидный, поскольку «две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей. Например:

Шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров;

Мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчовых, каракулевых — всего 323 шкуры;

Шевро высшего качества — 35 кож;

Дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов Германии — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

Ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, размещенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе; Дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

Серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

Аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

Уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом».

Абакумов со знанием отмечал: «...Дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей». Точно такие же домашние музеи представляли собой дача и квартира самого Виктора Семеновича, который знатно пограбил в Германии. Но это станет предметом разбирательства позднее, после ареста Абакумова. Пока же он обвиняет Жукова в моральном разложении и отсутствии патриотизма: «Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин... Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке». В ту пору разворачивалась борьба с «низкопоклонством перед Западом» и против «безродных космополитов», так что абакумовские сентенции имели довольно зловещий смысл. Немецкие же книги понадобились Жукову только для того, чтобы украсить шкафы роскошными переплетами. Немецкий маршал знал плохо, хотя этим языком с ним когда-то занимался двоюродный брат Александр Пилихин.

Абакумову не давал покоя таинственный чемоданчик с драгоценностями. Министр докладывал Сталину: «В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой. Сегодня (10 января 1948 года. — Б. С.), когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время. Видимо, следует напрямую потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями».

Мы не знаем, удалось ли чекистам найти загадочный чемодан с драгоценностями, то исчезающий, то появляющийся вновь. Во всяком случае, когда в феврале 48-го, уже после официального обыска, награбленное имущество у Жукова изъяли и составили аж 14 описей, никаких новых драгоценностей, кроме уже перечисленных, там указано не было. Наоборот, кое-каких предметов стало меньше. Например, часов золотых — 9 вместо 17. Вероятно, некоторые часы маршалу оставили — с дарственными надписями или те, законное приобретение которых он смог доказать.

Так был ли чемоданчик? Может, и чемоданчика никакого не было? Чемоданчик, безусловно, был. Вот и дочь Жукова Эра его помнит, но утверждает, что никаких бриллиантов там отродясь не было: «...В том небольшом чемоданчике-несессере, подаренном маме папой, находились туалетные и другие дорожные мелочи. Был и другой чемоданчик, и тоже небольшой, который был приготовлен на случай ареста. Да, отец не исключал такой возможности, видя повальные аресты работавших с ним людей. В первых числах января 1948 года на квартире произвели унижительный многочасовой обыск, породивший столько лживой информации...»

Вполне возможно, что в дорожном чемодане Жуковы бриллианты не хранили. Семочкин ведь в чемоданы своего начальника не заглядывал. Но вряд ли Алексей Сидорович выдумал про бриллианты. Он слишком хорошо был осведомлен про са-

мые интимные жуковские дела. Не могли же чекисты заставить Семочкина придумать про чемодан с драгоценностями, чтобы потом этот же придуманный чемодан искать с таким рвением.

У меня лично насчет жуковских бриллиантов есть одна версия. Думаю, что они все-таки оказались изъятыми, но чекисты, скорее всего, не подозревали, что имеют дело с бриллиантами из жуковского чемоданчика. Я уже упоминал, что Жуков дружил с генералом Крюковым и его женой певицей Лидией Руслановой. Их обоих арестовали осенью 1948 года. А 5 февраля следователь майор Гришаев потряс Лидию Андреевну следующим сообщением: «Дополнительным обыском в специальном тайнике на кухне под плитой в квартире вашей бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, были изъяты принадлежащие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Почему вы до сих пор скрывали, что обладаете такими крупными ценностями?»

Русланова признала, что клад принадлежит ей: «Мне было жаль... Мне было жаль лишиться этих бриллиантов. Ведь их приобретению я отдала все последние годы! Стоило мне хоть краем уха услышать, что где-то продается редкостное кольцо, кулон или серьги, я не задумываясь покупала их, чтобы... чтобы бриллиантов становилось все больше и больше». На вопрос о средствах, на которые покупались драгоценности, певица показала: «Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда «левых» концертов стало намного больше. А в 1946 году за четырехмесячную поездку по городам Урала и Сибири я заработала более 500 тысяч рублей, одна поездка в Донбасс дала 100 тысяч. Если честно, то скупкой бриллиантов я стала заниматься с 1930 года и, признаюсь, делала это не без азарта».

Следователь уличил Русланову также и в страсти к коллекционированию картин, место которым — в Третьяковке. Действительно, домашняя галерея Крюкова и Руслановой оказалась вдвое больше той, что абакумовские сыщики нашли на даче Жукова. Лидия Андреевна и Владимир Викторович были обладателями 132 полотен, среди которых 4 картины Нестерова, 5 — Кустодиева, 7 — Маковского, 5 — Шишкина, 4 — Репина, по 3 — Поленова, Малявина, Сомова и Айвазовско-

го, по 2 — Серова и Врубеля, по 1 — Верещагина, Васнецова, Сурикова, Мясоедова, Тропинина, Юона, Левитана, Крамского, Брюллова... Многие российские музеи могли бы позаимствовать сладкой парочке генерала и певицы, в суровые военные годы за бесценок скупавших полотна великих русских мастеров у их владельцев, нередко буквально умиравших с голода. Ведь большинство картин для Руслановой и Крюкова приобретал в блокадном Ленинграде известный искусствовед Игорь Грабарь. Жуков, в отличие от них, скупкой картин у голодающей советской интеллигенции не занимался. В его коллекции преобладали полотна западноевропейских мастеров, прихваченные в немецких музеях и замках. Как свидетельствует бывший офицер восточногерманского министерства госбезопасности, пресловутого Штази, Х. Зойферт, «маршал Жуков забрал из Веймарского собрания «Хольцдорф» более двух десятков картин и других произведений искусства».

Русланова на допросе, стараясь уменьшить свою вину, назвала фамилии еще многих звезд, занимавшихся скупкой бриллиантов и художественных ценностей: Екатерина Гельцер, Антонина Нежданова, Леонид Утесов, Исаак Дунаевский, Любовь Орлова и др. Но в отношении Жукова Лидия Андреевна держалась стойко и никаких компрометирующих показаний против маршала так и не дала. Не потому ли, что часть обнаруженных в тайнике на Петровке бриллиантов была из жуковского чемоданчика? Жуков вполне мог после опалы, опасаясь обыска и репрессий, передать драгоценности своей подруге Руслановой в расчете, что у нее-то камни не найдут. Впрочем, это только гипотеза.

Жуков, по крайней мере, присваивал вещи ценные, не брал по мелочам, как ничем не брезговавший Крюков. Опись изъятого у Владимира Викторовича просто потрясает. Еще можно понять, зачем генералу понадобились дорогие сервизы, ковры, радиолы или аккордеоны, зачем он вывез из Германии сразу четыре автомобиля, которые потом сдавал в аренду за хорошие деньги. Но вот зачем нужны 140 кусков мыла, 44 велосипедных насоса, 47 банок гуталина, 50 пар шнурков для обуви, 19 штепселей, 78 оконных шпингалетов и 16 дверных замков, не смог бы толком объяснить и сам Крюков.

А началось «трофейное дело» с противостояния двух руководителей советских органов безопасности в Германии — уполномоченного НКВД Ивана Александровича Серова и главы военной контрразведки «Смерш» Виктора Семеновича Абакумова. Серов стремился взять под свой контроль отделы «Смерш» в армейских частях, Абакумов отстаивал их подчиненность исключительно себе и попытался арестовать людей Серова и некоторых армейских офицеров, заподозренных в присвоении трофейных ценностей.

Близость Серова к Жукову в тот год сомнений не вызывает. Без представления со стороны Георгия Константиновича Серов никогда не был бы удостоен в период с конца 44-го по май 45-го двух орденов Красного Знамени, ордена Кутузова I-й степени и 29 мая 1945 года звания Героя Советского Союза. Что же героического совершили Иван Александрович и его подчиненные? Серов бодро докладывал Жукову: «Войсками фронта в ответ на террористические проявления немцев расстреляно 567 участников фольксштурма — членов фашистской партии». В переводе на нормальный язык это означает обыкновенный расстрел заложников, запрещенный международными конвенциями и вмененный в вину германским генералам на Нюрнбергском процессе. Объявить участником фольксштурма (ополчения) можно было едва ли не каждого немца, а в национал-социалистической партии состояла десятая часть всего населения Германии.

В августе 45-го бывший начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Группы советских оккупационных войск в Германии генерал А. А. Вадис направил рапорт о попытках Жукова и Серова подчинить себе партийно-политические органы советской военной администрации: «О Серове идут разговоры, что Героя Советского Союза он получил незаслуженно, это сделано Жуковым для того, чтобы приблизить Серова к себе... Многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома обороны. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты «Слава маршалу Жукову» (что-то я никогда не слышал, чтобы были плакаты «Слава фельдмаршалу Манштейну» или «Слава генералу Эйзенхауэру». — Б. С.). В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на ди-

рективу Булганина о политорганах, Жуков заявил: «Что вы мне тычете Булганиным, я кто для вас?» — желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома обороны».

В свою очередь Серов направил 8 сентября 1946 года Сталину жалобу на Абакумова, где просил оградить от «оскорблений и преследований» со стороны шефа госбезопасности. Здесь же Серов сообщал, что Жуков относится к вождю с неизменным почтением, за глаза называет его «хозяином» и высказывается о Сталине в высшей степени уважительно. Эта жалоба, в свою очередь, как и рапорт-донос Вадиса, осталась без последствий.

Люди Серова были арестованы по распоряжению Абакумова только в конце 1947 года, уже после отзыва Жукова и Серова из Германии. 6 февраля 1948 года бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине генерал-майор Алексей Матвеевич Сиднев показал: «Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял Серов, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я. Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов являлся, по сути дела, главным вортилой по части присвоения награбленного. Самолет Серова постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для Серова. С таким же грузом в Москву Серов отправлял вагоны и автомашины... Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, Серов под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру Серова, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами».

«Но ведь и деньги вами тоже были украдены?» — вкрадчиво спросил Сиднева следователь Путинцев.

«Я денег не крал», — не очень уверенно пробормотал в ответ генерал.

Следователь, однако, моментально уличил Алексея Матвеевича во лжи: «Неправда. Арестованный бывший начальник

оперативного сектора МВД в Тюрингии Бежанов Г. А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения».

Сидневу ничего не оставалось, как сознаться: «Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в Рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок. Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин). Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором помещался берлинский оперативный сектор МВД... В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок».

Бывший глава берлинского сектора объяснил и механизм присвоения чинами МВД трофейных рейхсмарок: «Это делалось очень просто. Серов присылал мне так называемые заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег. Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственными нуждами оперативных секторов. За счет этих сумм действительно покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалась (чувствуется, по этим заявкам можно было подумать, что МВД в Германии дворцы строит! — Б. С.). Наряду с этим Серов раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора так называемые безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды... Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по несколько миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения Серова, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу. Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году, при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка... В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведение МГБ СССР (т. е. Абакумову, который на том этапе временно одержал верх над Серовым. — Б. С.) в октябре 1946 года меня вызвал Серов и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег. Из этого я понял, что Серов серь-

езно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений, которые Серовым, мною, Клеповым (начальником одного из секторов МВД в Германии. — Б. С.) и Бежановым были совершены. Поэтому, возвратившись от Серова, я предложил бухгалтеру Ночвину отвезти в аппарат Серова все записи на выданные деньги и находившиеся у меня 3 миллиона немецких марок. Это указание Ночвин выполнил».

Лихо расходовали Серов со товарищи трофейные марки! За полтора года из более чем 80 миллионов осталось всего лишь три. Тут уж, как говорится, или начальнику в тюрьму садиться, или его канцелярии гореть. Сиднев свидетельствует: «Как мне рассказывал Ночвин, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию Серова сожжены. Остался лишь перечень сожженных материалов... Я считаю, что Серов дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные Серовым, мною, Клеповым, Бежановым и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме».

Серов знал и в золоте толк. Сиднев показал: «Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно... Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе».

Назвал Сиднев и фамилию Жукова. Он указал, что Серов отдал маршалу одну из изготовленных на заказ радиол. Но бывший завсектором МВД выдвинул против Жукова и более серьезные обвинения: «Серов... много времени проводил в компании маршала Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга... Серов очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении Жукова, но из-за установившихся близких отношений все покрывал. Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: «Лучшему боевому другу и товарищу на память». Другой портрет Жукова

висел в том же кабинете Серова на стене. Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные Жуковым для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам. Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стека, который Жуков хотел преподнести своей дочери в день ее рождения».

Когда Серова, занимавшего тогда должность первого заместителя министра внутренних дел, ознакомили с показаниями Сиднева, Иван Александрович сразу понял, что лучший способ защиты — нападение. И 8 февраля 1948 года написал письмо Сталину, где вылил ушат помоев и на Абакумова, и на своего друга Жукова. Если бы Георгию Константиновичу довелось прочитать это послание, их размолвка с Серовым произошла бы не в середине 50-х, а значительно раньше: «Сейчас для того, чтобы очернить меня, Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, так как кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним как мальчик... Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут». Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить (вот, оказывается, от кого идет молва о Жукове как о спасителе Ленинграда! — Б. С.)...

В Германии ко мне обратился из ЦК компартии Ульбрихт и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии (явная ложь Ульбрихта, поскольку немцы не могли тогда выполнять самостоятельных полицейских функций в западных, равно как и в советской, зонах оккупации. — Б. С.), поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце бе-

седы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь. Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей. Жуков позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмутился и всем говорил, что Серов неправильно работает. Затем Межсоюзная комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК партии развернуло свою работу в этих районах.

Абакумов, узнав, что Жуков ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю Зеленину, который в тот период был начальником управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. Зеленин узнал об аресте судей и доложил Абакумову. Когда была Первая сессия Верховного Совета СССР, то Абакумов, сидя рядом с Жуковым (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей. По окончании заседания Абакумов подошел ко мне и предложил идти вместе в министерство. По дороге Абакумов начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, так как перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда Абакумов спросил меня, а почему я скрыл это от Жукова, я ответил, что не все нужно Жукову говорить. Абакумов было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед Жуковым. На это мне Абакумов заявил, что он Жукову рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это Абакумова обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить Абакумова, чем вызвано такое желание выслужиться перед Жуковым».

Серов также обвинил Абакумова в «самоснабжении за счет трофеев»: «Наверно, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые

подхалимы Абакумова из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом, с надписью «Абакумову».

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов... прилетел к начальнику контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, так как горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта Абакумова. Вот какие подлости выдывал Абакумов во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть Абакумов расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался... Своего подхалима Иванова... Абакумов посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе Абакумов пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве в тот период генералы видели поведение Абакумова.

Пусть Абакумов откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва»... Конечно, сейчас Абакумов, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. Абакумов по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ Сталин под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ Сталин, слова, когда Вам покойный Щербаков доложил, что у него перехвачен приказ Гитле-

ра, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной площади. Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побегит без оглядки из России». Эти Ваши слова я рассказал Абакумову, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом Абакумов начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы Рокоссовский, Воронов и другие» (показательно, что имя Жукова здесь не названо, хотя, будь оно тогда упомянуто Абакумовым, Серов непременно бы это отметил как еще один факт, компрометирующий шефа МГБ; можно заключить, что во время войны Жуков не воспринимался окружающими как один из главных творцов сталинградской победы. — Б. С.). Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин, и добавил: «Не будь товарища Сталина, мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу Сталину обязан весь русский народ». Абакумов на это не нашелся ничего сказать как «да».

Серов ни слова не сказал о вменяемых ему самому хищениях трофейного имущества, зато постарался нарисовать портрет Абакумова как чемпиона в присвоении трофеев. Облик руководителя «Смерш» здесь далек от того храброго и умного руководителя военной контрразведки, что изображен в романе Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого». Конечно, Иван Александрович в чем-то стусил краски, однако некоторые факты сомнений не вызывают. Так, на первой сессии Верховного Совета СССР 2-го созыва, состоявшейся в марте 1946 года, Абакумов, как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, действительно сидел бок о бок с Жуковым. Подумай, дорогой читатель, стали бы Виктор Семенович и Георгий Константинович садиться рядом, если бы до этого маршал грозился выслать генерал-полковника в Москву под конвоем, как утверждал маршал, уже будучи в отставке? И стал бы Абакумов сообщать Жукову об аресте судей, если бы между ними не было более или менее доверительных отношений? Создается впечатление, что Жуков старался сохранять хорошие отношения с обоими чекистами-соперниками, Серовым и Абакумовым, которые также до

поры до времени поддерживали дружбу с маршалом. Все же Серов был ближе Жукову: как-никак подчиненный, на одном фронте сражались. Но и Абакумов не проявлял неприязни к Жукову вплоть до марта 46-го года. Недаром маршал, как мы помним, угрожал Катукову органами «Смерш».

Дружба Абакумова и Жукова расстроилась после того, как свежееиспеченный министр государственной безопасности получил указание Сталина вести «дело авиаторов» таким образом, чтобы под прицелом оказался и Жуков. Серов же предал маршала в феврале 48-го, спасая собственную шкуру.

С Серовым связана одна загадка в жизни Жукова. Как известно, органы «Смерш» в Берлине обнаружили тела Гитлера и Евы Браун, о чем Серов был сразу же осведомлен. А маршал Жуков даже в год 20-летия победы, встречаясь с бывшей военной переводчицей 1-го Белорусского фронта Еленой Ржевской, уверял, что только тогда, в 65-м, впервые от нее услышал, будто труп Гитлера все-таки нашли. Ведь на пресс-конференциях в Берлине в 45-м маршал заявил журналистам, что факт гибели фюрера до сих пор не установлен с абсолютной точностью: «История исчезновения Гитлера очень загадочная... Труп его мы не нашли. Поэтому сказать что-либо утвердительное я не могу. Он мог в самый последний момент улететь на самолете, так как взлетные дорожки позволяли это сделать». И в «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков о смерти Гитлера написал со ссылкой на мемуары Ржевской, оговорившись: «К тому, что написала Ржевская, я ничего добавить не могу».

Выходит, Серов так и не сказал ему об обнаружении трупа, поскольку «не все нужно Жукову говорить»? Верится в это с трудом. Как свидетельствует бывший начальник «Смерш» 79-го корпуса 3-й ударной армии полковник И. И. Клименко, лично занимавшийся поиском и опознанием трупа Гитлера, «хотя факт обнаружения трупа Гитлера и не предавался всеобщей гласности, из него и секрета не делали. В корпусе многие об этом знали. Знал командир корпуса генерал-лейтенант С. Н. Переверткин, начальник политотдела полковник И. С. Крылов и другие. А после 13 мая 1945 года, когда был составлен акт, круг осведомленных стал совсем широким... О бесславном конце Гитлера я докладывал начальнику Управления контрразведки фронта генерал-лейтенанту Вадису

и уполномоченному НКВД по Германии генерал-полковнику Серову во время посещения ими имперской канцелярии. Не могли они скрыть эти сведения от Жукова». Вот и Чарльз Болен, посетивший Берлин в самом начале июня 45-го, отмечал, что там советские военнослужащие нисколько не сомневаются в смерти Гитлера. Это был не такой большой секрет, о котором Серов не мог рассказать Жукову. А слова из письма 48-го года о том, что Жукову не все можно говорить, скорее всего, должны были затушевать былую близость с опальным полководцем. В 45-м Иван Александрович вряд ли таил от маршала что-нибудь существенное. И сам Серов в конце 80-х, рассказывая историку Н. Н. Яковлеву о своей дружбе с Жуковым, вспоминал, как во время одной из поездок по Берлину показал Георгию Константиновичу место, где были захоронены останки Гитлера. Думаю, что Жуков уже в 45-м знал всю правду о судьбе фюрера несостоявшегося «тысячелетнего рейха». Но Сталин приказал не сообщать о том, что труп Гитлера обнаружен и опознан. Жукову неудобно было признаваться, что сразу после войны он дурил не только советскую, а всю мировую общественность байками о Гитлере, якобы улетевшем на самолете из осажденного Берлина. Поэтому в «Воспоминаниях и размышлениях» маршал сделал вид, что впервые узнал о находке только двадцать лет спустя.

Жукову пришлось давать письменные объяснения по «трофейным делам» 12 января 1948 года, когда Жданов предъявил ему заявление Семочкина. К чести маршала, он не стал оправдываться по принципу: «Я-то что, вот другие воруют так воруют!» Не стал обвинять в барахольстве того же Абакумова или Серова. Георгий Константинович лишь старался всячески приуменьшить свою вину, что было естественно в его положении. Вот что он написал: «О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей. Я признаю серьезной ошибкой то, что много накопил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

- 1) на пальто норки 160 штук,
- 2) на пальто обезьяны 40—50 штук,
- 3) на пальто котика (искусственного) 50—60 штук, и еще что-то, не помню, для детей.

За все это я заплатил 30 тысяч марок. Метров 500—600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, так как дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования. Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче».

Маршал тут невольно проговаривается. Не мог же начальник сталинской охраны просить купить материал на его, Жукова, зарплату. Скорее всего, ткань для Власика, как и все остальное, покупалась на полученные от Серова рейхсмарки.

Жуков утверждал: «Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4 тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактического состояния. Я считаю это неверным (по акту получилось 3 420 метров; впрочем, метраж в данном случае принципиального значения не имел. — Б. С.). Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался... 3 люстры даны на оборудование кабинета главкома... Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, так как дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это в расчет, так как я полтора года отсутствую и моя вина, что я не поинтересовался, где что состоит на учете.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное — это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова — Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности...

Сервизы я купил за 9200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы, и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, так как он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды. Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если бы я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, так как никто за них отчета не должен был спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется.

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова (которым, очевидно, подарило посуду благодарное немецкое население! — Б. С.). Все это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить себе какое-то накопление. Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их... Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным, — является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге (Георгий Константинович, видимо, уверен, что сам приобрел мебель на фабрике «Альбин Май» абсолютно правильно. — Б. С.). Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю...

Охотничьи ружья. 6—7 штук у меня было до войны, 5—6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда, часть штуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья».

О том, как добывались ружья для Жукова, Серова и других генералов, поведал на допросе Сиднев: «Много времени Серов потратил... на поиски глубокого старика Зауэра — владельца оружейного завода, у которого с помощью Бежанова

заказал более десятка ружей, часть из которых была изготовлена с особой отделкой».

На первый взгляд Жукову довольно удачно удастся парировать обвинения в барахольстве. Брал, но гораздо меньше, чем мне приписывают, излишки вот-вот собирался сдать на склад или в музей, да абакумовские молодцы опередили. А часть ценностей к тому же — подарки. Правда, многие так называемые подарки — из разряда тех, что дарили купцы городничему в гоголевском «Ревизоре». И если вдуматься в складные жуковские объяснения, то станет очевидно, что поживился трофеями Георгий Константинович не меньше, а в чем-то и больше других высокопоставленных советских чинов в Германии. Вот, например, когда в июле 51-го арестовали Абакумова по обвинению в потворстве «террористическим замыслам» вражеской агентуры, то на квартире у Виктора Семеновича изъяли меньше трофейного имущества, чем на даче у Георгия Константиновича. Желающие могут сравнить: у Абакумова нашли 1260 метров различных тканей, у Жукова — 3420 метров, у Абакумова — 8 золотых часов, у Жукова — 9 (в этом пункте генерал-полковник и маршал шли, что называется, ноздря в ноздю), у Абакумова — 100 пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок, у Жукова — 323 штуки мехов, 16 золотых колец с бриллиантами, 9 каминных и напольных антикварных часов. Хотя надо учесть, что уже после войны Виктор Семенович оставил первой жене пятикомнатную квартиру со всем барахлом, и с новой молодой женой въехал в другую роскошную квартиру площадью 300 квадратных метров. Для этого пришлось расселить 16 семей и потратить 800 тысяч рублей казенных денег.

Были, конечно, и те, кому Георгий Константинович по части приобретательства серьезно уступал. Если хотя бы половина рассказа Сиднева о трофейных подвигах Серова является правдой, то заместитель Берии был явно впереди Жукова в трофейной гонке. Установить это с абсолютной точностью не представляется возможным, поскольку Иван Александрович, в отличие от Жукова, счастливо избежал обыска и изъятия трофейных ценностей. Вот подчиненных генералов, Крюкова и Телегина, Жуков наверняка обошел.

Если внимательно отнестись к жуковским объяснениям, то видно, что все шито белыми нитками. Взять хотя бы денежные дела. Георгий Константинович пишет, что полностью вернул Серову 50 тысяч марок, данных на представительские расходы, ни пфеннига не потратив. Но ведь представительские расходы у советской военной администрации были, да еще какие! Интересно, во сколько обошелся прием 7 ноября 1945 года, когда Жуков с Эйзенхауэром, уединившись, вкушали изысканные деликатесы и напитки? Но Серов наверняка поставил Георгия Константиновича в известность, что отчетность по трофейным 80 миллионам марок уничтожена. Поэтому Жуков мог уверенно говорить, что ни 50 тысяч, ни 500 тысяч марок у Серова не брал, зная, что и Иван Александрович здесь не подведет. Ведь для Серова признание в передаче Жукову сотен тысяч марок на бесконтрольные расходы было равносильно признанию в хищении государственных средств. Настоящую сумму рейхсмарок, которые получил Жуков от Серова в Германии, мы уже никогда не узнаем. А фраза, что он, Жуков, мог бы при желании присвоить выданные Серовым марки, лишена всякого смысла. Ведь в СССР рейхсмарки уже несуществующего германского государства стоили не дороже, чем бумага, на которой были напечатаны. Марки как раз и надо было потратить в Германии на золото, антиквариат, картины, меха, ткани, сервизы, радиолы, обувь и другие дефицитные в Советском Союзе товары. Между тем в ответе на другие пункты заявления Семочкина, Жуков невольно проговаривается о своих весьма немалых расходах. Тут и сервизы по 9200 марок, и меха за 30 тысяч марок, 5—6 охотничьих ружей, явно дорогих (стоимость не названа), и многое другое. Не знаю точно, какая зарплата была у Жукова в Германии, сколько марок он должен был получать ежемесячно. Однако подозреваю, что на одни меха могло уйти больше, чем заработал маршал за десятимесячное пребывание в Германии.

Оправдания 51-летнего вояки, прошедшего четыре войны, что он-де считал, что «все это поступает в фонд МГБ, так как дача и квартира находятся в ведении МГБ», что он «собирался передать куда-либо» ружья, gobелены, посуду и прочее, больше похожи на детский лепет. Неужели Георгий Константинович в самом деле думал, что обслуживающие его сотруд-

ники МГБ отправят вывезенные из Германии ковровые дорожки в детские дома для чекистских сирот, а на трофейном серебре, вывезенном им, Жуковым, будут обедать и ужинать в столовой на Лубянке? И почему он целых полтора года собирался сдать ненужные якобы ему трофейные ценности в музей, да так и не собрался? А то, что столовое серебро Георгий Константинович называет «ненужным барахлом», очень ярко характеризует маршала. Много ли тогда в России было людей, считавших барахлом серебряные вилки и ложки?

Абакумову, Телегину и Крюкову одним из пунктов обвинений на суде было хищение государственного имущества, иначе говоря — незаконное присвоение трофейных ценностей. Но всем троим эта статья шла только в качестве дописка к более серьезным политическим статьям — заговор и антисоветские высказывания. Жукова, на его счастье, Сталин судить не стал. Маршал еще был нужен диктатору. Поэтому Иосиф Виссарионович удовлетворился жуковским объяснением. Только спросил у Молотова, действительно ли Светлана дарила дочери Жукова кольцо с бриллиантом. Молотов это письменно подтвердил. Сталину в данном случае требовалось не доказательство невиновности Жукова, а подтверждение неформальных отношений министра иностранных дел с опальным маршалом на случай, если все-таки придется дать ход делу о «заговоре Жукова». Основную часть трофеев у маршала изъяли, тем и ограничились.

Согласись, читатель, невозможно себе представить Суворова, возвращающегося из Итальянского похода с обозом, полным тканями, коврами, фарфоровой и золотой посудой. Или Кутузова, вывозящего из покоренной Бессарабии меха, золото и сотню-другую бочек вина. Также невозможно представить себе фельдмаршала Манштейна, рыскающего по крымским музеям в поисках картин, статуй или древних монет, которые присмотрел для украшения собственного имения в Германии. А можно ли допустить мысль, что адъютант Альберта Кессельринга упаковывает сокровища монастыря Монте-Кассино для отправки в загородную виллу фельдмаршала? А вообразите фельдмаршала Лееба, приказывающего реквизировать для личных нужд знаменитую Янтарную комнату! И только в фантастическом романе можно увидеть генерала

Эйзенхауэра, разжившегося за счет трофейных рейхсмарок десятком ружей, радиолами и мехами на шубу жене. Правда, американские и английские генералы, равно как офицеры и солдаты, находились в лучшем положении, чем советские. Все, что им нравилось в Германии, Италии или Франции, они могли спокойно купить за полновесные доллары и фунты. Для советского человека, которому государство никогда не давало возможности заработать на более или менее достойную жизнь, то, что удавалось присвоить, урвать себе из цепких государственных лап, представляло совершенно особую ценность, недоступную людям Запада. В этом смысле Жуков, как и его коллеги-генералы и их подчиненные — офицеры и солдаты, был вполне советским человеком.

Немцы грабили оккупированные страны, в том числе Советский Союз, — это абсолютно бесспорный факт. Но грабеж этот, за некоторыми исключениями, велся организованно, на государственном уровне. Вывозилось стратегическое сырье, продовольствие, художественные ценности. Солдаты и офицеры иной раз присваивали подсвечники, серебряные ложки или оклады с икон, да еще занимались самоснабжением, отнимая продукты и теплые вещи у местных жителей. Сколько-нибудь ценных вещей в СССР им найти было очень трудно. Тех же велосипедов и радиоприемников в Германии было на порядок больше. Да и командование следило, чтобы подчиненные не переполняли обозы всяким барахлом. Были в Германии и высокопоставленные коллекционеры трофейных картин, скупавшие произведения искусства по дешевке, иной раз просто конфискуя их у владельцев. Но это были не генералы, а видные чины нацистской партии — наци № 2 Герман Геринг и гауляйтер Восточной Пруссии (по-нашему — первый секретарь восточно-прусского обкома) Эрих Кох. Генералы вермахта грабежом не занимались.

Для советских солдат, вступивших в Германию, велосипед, радиола и даже банка гуталина были чуть ли не предметами роскоши. Но реально присвоить сколько-нибудь значительное количество ценных вещей могли только офицеры, и особенно генералы и маршалы. Офицеры имели возможность отправлять объемистые посылки домой, а генералы нередко везли мебель и антиквариат целыми вагонами.

Как подтвердил на суде генерал Телегин, «на одном из банкетов Жуков обещал дать три дня воли после овладения Берлином. Когда же председательствующий генерал Зарянов резонно уточнил: «Значит, была дана команда грабить и убивать?» — Константин Федорович, испугавшись, что сказал лишнее, испуганно пролепетал: «Нет, нами велась строжайшая борьба с мародерством». Вирус барахольства, затронувший многих генералов, не миновал и маршала Жукова. Хотя, как мне кажется, Бог и история отнесли бы к Георгию Константиновичу благосклоннее, если бы он присвоил вдвое больше трофейного имущества, но положил вдвое меньше солдатских жизней.

Вождь до поры до времени смотрел сквозь пальцы на трофейные шалости, хотя его, несомненно, задевал тот факт, что генералы и маршалы теперь устраивают свое материальное благополучие помимо него, Сталина. Раньше не только дачи, но и мебель, машины, меха, костюмы, радиоприемники и многое другое Жуков, Телегин, Крюков, Абакумов и прочие получали по распоряжению ЦК, по специально выданным ордерам (просто так в магазинах ничего хорошего нельзя было купить). Теперь же генералы прибирали к рукам все, что плохо лежит, или отоваривались на трофейные рейхсмарки.

В конце 40-х в народе возникла легенда, не имеющая реального основания, но характеризующая отношение общества к трофейным подвигам Георгия Константиновича. Будто бы Сталин пришел на свадьбу дочери Жукова Эры и сына Василевского Юрия, взял в руки тарелку, чтобы наложить еду, и удивленно воскликнул: «Золото! Немедленно в Госбанк». И отправил в банковские хранилища почти всю посуду со свадебного стола. Здесь главный мифологический герой Сталин поправляет другого мифологического героя Жукова, хотя и не карает строго за «трофейный грех». Несмотря на то что многие ветераны поживились трофеями, в народном сознании осуждалось присвоение германских ценностей, будь то посуда, радиоприемники или картины.

Слишком возомнивших о себе генералов следовало приструнить. Опала Жукова и аресты Крюкова, Телегина, Гордова, Кулика и ряда других генералов должны были показать всем оставшимся на свободе военачальникам, кто хозяин в Советской армии.

Личность Жукова была притягательна для недовольных в армии, и компромат на него мог всегда пригодиться. Абакумов на следствии в ответ на вопрос, почему многие дела в МГБ тянулись так долго, прямо заявил: «Действительно, есть такие дела, групповые и одиночные, которые затягивались. Делалось это по специальному указанию ЦК ВКП(б) (т. е. Сталина. — Б. С.) или же диктовалось оперативными соображениями... Имеется дело генерала Телегина и других — 8 человек. Дело это весьма важное, и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком...»

Сталин держал дела на Телегина, Крюкова, Минюка и других про запас, чтобы в случае необходимости всегда можно было пристегнуть к мнимому заговору Жукова. Потому что для других опальных военных Георгий Константинович становился своего рода знаменем. Еще в июне 45-го, после Парада Победы, на банкете, что проходил на жуковской даче в Сосновке, Лидия Русланова произнесла крамольный тост: «Кто стирал ваши портки и портянки, кто заботился о вашем здоровье? Правительство не придумало награждать боевых подруг, а я награждаю лучшую из женщин». И, сняв с груди дорогую бриллиантовую брошь в виде звезды, преподнесла ее Александре Диевне. Следователи и судьи расценили этот тост как «политически вредное выступление», в котором певица «противопоставила себя правительству». Тогда же Жуков произнес первый тост не за Сталина, а за «старейшего командарма Чуйкова». Муж Руслановой Крюков и Телегин подтвердили на суде, что на одном из приемов в Потсдаме Лидия Андреевна назвала Жукова Георгием Победоносцем. Константин Федорович покался также в том, что часто именно так и называл маршала, выступая перед бойцами.

Разжалованный в генерал-майоры бывший маршал Кулик говорил весной 1945 года генералам Г. Ф. Захарову и И. Е. Петрову: «Моя судьба, уверен, ждет многих генералов. Сейчас из Красной армии вытесняются старые командные кадры, заменяют их политработниками, которые не разбираются в военном деле. Остался один Жуков, который еще в силах что-то изменить... Не надо уподобляться баранам на бойне. Надо бороться, а Георгий Константинович сам недоволен назначени-

ем Булганина первым замом министра обороны, считает его человеком двуличным и подхалимом».

О крамольных речах Григория Ивановича стало известно МГБ. Кулика арестовали и в 50-м году расстреляли. На следствии бывший маршал показал: «Я поднял тост за Жукова и предложил группироваться вокруг него...»

Группироваться вокруг Георгия Константиновича собирались также генералы В. Н. Гордов и Ф. Т. Рыбальченко, снятые со своих постов за антисоветские разговоры, зафиксированные звукозаписывающей техникой МГБ. Она сохранила нам разговор Гордова с женой Татьяной Владимировной в новогоднюю ночь 47-го года.

Жена сказала Василию Николаевичу:

«Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать. Такое моральное удовлетворение было. Работали, собирали народ. Они преследовались за это, сажались в тюрьмы. А сейчас заняться даже нечем. Вот сложили такой дух, как Жуков».

«Да, — подтвердил Гордов. — И духа нет».

«И он сказал, — продолжала Гордова, — извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел. Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло», — вспомнила жена.

Тут Гордов разразился патетической тирадой:

«Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они дали мне должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя гибель. Я поехал по районам, и когда все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, размышления, я стал их высказывать тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что, если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!»

Татьяна Владимировна, однако, еще не потеряла полностью оптимизма:

«Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому...»

Супруги не знали, что для них самих конец уже совсем близок. В январе 47-го их арестовали. Василия Николаевича ждал расстрел, Татьяну Владимировну — лагерь.

Бывшему генералу для особых поручений при Жукове генерал-лейтенанту Василию Григорьевичу Терентьеву Гордов говорил: «ЦК никогда не признает своих ошибок, а вечно ищет стрелочников. В стране нет хлеба (на дворе стоял голодный 46-й год. — *Б. С.*), а вину за это правительство сваливает на секретарей обкомов. Правительству плевать на народ и смерть миллионов. Оно занято самообеспечением...» В ответ Терентьев повторил древнюю мудрость: «Рыба гниет с головы...»

В ночной беседе с женой Василий Николаевич высказал все свои чувства по отношению к Сталину. На совет Татьяны: «Плюнь ты на это дело (отставку. — *Б. С.*)! Лишь бы Сталин тебя принял», Гордов мрачно буркнул: «Угу, — и добавил: — А с другой стороны, он все погубил». Василия Николаевича совсем занесло: «А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед (далее следует каскад матерных ругательств, адресованных «великому вождю и учителю»; что-что, а ругаться Гордов умел. — *Б. С.*)... Я говорю, каким он был (далее — идиоматическое выражение, не предназначенное для печати. — *Б. С.*), когда вызвал меня для назначения (командующим Сталинградским фронтом в трудное лето 42-го; далее опять следует мат. — *Б. С.*)... Плачет сидит, жалкий такой. И пойду я к нему теперь? Что — я должен пойти и унизиться до предела, сказать: «Виноват во всем, я предан вам до мозга костей», когда это неправда? Я же видеть его не могу, дышать с ним одним воздухом не могу! Это (опять матерное ругательство, которое записавшие разговор чекисты не решились доверить бумаге. — *Б. С.*)... которая разорила все. Ну, как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить тебе подлому делу, да? Значит, так? Нет, ты пойми сама!»

На Гордова, как и на многих других советских военных, сильно повлияло пребывание в Западной Европе в 45-м,

встреча с союзниками. Солдаты, офицеры и генералы Красной армии смогли убедиться, как живут люди в условиях рыночной экономики, пусть даже серьезно затронутой войной, как экипированы и организованы англо-американские войска, как командиры там заботятся о сбережении солдатских жизней. Несравнимо было повседневное существование европейцев с беспросветной нуждой голодающих колхозников, а Красной армии — с армиями союзников. Телегин показал на следствии, что они с Жуковым не раз говорили «о бедности Советского Союза» и о том, что им «стыдно перед американцами и англичанами за советские войска, так как последние выглядят грязными и оборванными».

Начальник штаба Приволжского округа генерал-майор Филипп Трофимович Рыбальченко рассказывал Гордову:

«— Ехали мы как-то на машине и встретились с красным обозом: едет на кляче баба, впереди у нее красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка. Сзади нее еще одна баба везет два мешка. Это красный обоз называется! Мы прямо со смеху умирали (не знал генерал, что совсем недолго осталось ему смеяться, да и грех было тогда смеяться над нищими крестьянами генералам, разъезжающим на трофейных автомобилях. — Б. С.). До чего дошло! Красный обоз план выполняет! А вот Жуков смирился, несет службу.

— Формально службу несет, а душевно ему не нравится, — заметил Гордов.

— Я все-таки думаю, — продолжал Рыбальченко, — что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.

— Безусловно, — согласился Гордов. — Трумэн ни разу Молотова не принял. Это же просто смешно! Какой-то сын Рузвельта приезжает, и Сталин его принимает, а Молотова — никто.

— Наш престиж падает, — развил мысль Рыбальченко, — жутко просто! Даже такие, как венгры, чехи, и то ни разу не сказали, что мы вас поддерживаем. За Советским Союзом никто не пойдет...»

В трезвости анализа генералам не откажешь, хотя и велись все эти разговоры за доброй рюмкой водки. И поражение в только начинавшейся «холодной войне», и отпадение от

СССР «стран народной демократии» они предсказали весьма точно. Ошиблись только в сроках: для краха коммунизма потребовалось не одно десятилетие, а четыре с половиной, да жить смельчакам генералам оставалось всего четыре года. Правда, смелость генералы могли проявлять только в застольных беседах да ночью с женами, когда думали, что их никто не слышит. Ошибались, ох как ошибались! Люди Абакумова все крамольные разговоры фиксировали на пленку и докладывали Сталину. Оскорбления в свой адрес Иосиф Виссарионович никому не прощал. Кулика, Гордова и Рыбальченко расстреляли.

Жуков же не был столь откровенен даже в интимных разговорах, и при жизни Сталина никогда его не ругал. Сталин ограничился тем, что отправил маршала из солнечной Одессы в морозный Свердловск командовать Уральским военным округом, где войск было всего ничего.

Маршал по-прежнему был под колпаком. 16 сентября 1948 года Абакумов докладывал Сталину о разговоре Жукова с женой, происходившем на московской квартире: «Сталину Булганин нашептывает про меня... Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь что скажет, и он верит. Вот ему про меня сказали, и я в немилости. Ну, хуй с ними, пусть теперь другие повоюют!»

Жуковская критика Сталина несравненно мягче гордовской, и материл опальный маршал не вождя, а лишь его окружение. Главный грех Сталина, по Жукову, — это восприимчивость к наветам. А то, что в своей опале маршал винит не Сталина, а лишь его приближенных, вождя должно было вполне устраивать.

В Свердловск Жуков выехал только 12 февраля 1948 года. После разбирательства по поводу заявления Семочкина Георгия Константиновича хватил первый инфаркт. Еще больше обеспокоил Жукова арест его близких друзей Крюкова, Руслановой и Телегина. Константина Федоровича арестовали 28 января 1948 года, оформив постановление на арест тремя днями позже. Владимира Викторовича взяли 18 сентября, а Лидию Андреевну — 27 сентября 1948 года. Поводом послужило присутствие на встрече Нового, 1948 года у Жукова.

Из всех приглашенных к опальному маршалу заглянули только Крюков с Руслановой и супруги Телегины. Русланова выложила на стол двух подстреленных тетеревов и патетически воскликнула: «Я желаю, Георгий Константинович, чтобы так выглядели все твои враги!» И квартира, и дача Жукова были на «прослушке», и очень скоро жуковских гостей арестовали.

Маршала поместили в Кремлевскую больницу. Там с Георгием Константиновичем произошел очень неприятный инцидент, который дошел до меня в рассказе вдовы одного генерала. Его палата находилась напротив жуковской, и генерал в больнице успел даже подружиться с маршалом. Когда Жукова только привезли, кто-то из военных, лечившихся в больнице (очевидно, генералов или полковников, поскольку рядовых солдат и офицеров в Кремлевку не помещали), пытался устроить над Георгием Константиновичем суд Линча. Врачи насилу отбили маршала и выставили у его палаты охрану. Вероятно, причиной случившегося стало какое-то происшествие времен войны. То ли Жуков расстрелял кого-то из друзей кремлевских пациентов, то ли кому-то из больных грозил расстрелом. В любом случае нельзя оправдать тех, кто хотел расправиться с маршалом, но надо учесть, что нервы у многих ветеранов были расшатаны до предела. Нападать на беспомощного человека, перед которым ты когда-то трепетал или пресмыкался, это психология холопов, а не офицеров.

Сталин постепенно снял опалу с Жукова. В марте 1950 года Георгию Константиновичу разрешили баллотироваться в Верховный Совет СССР. На выборах маршал, естественно, был единственным кандидатом и получил подавляющее большинство голосов. А 7 июля 50-го года Абакумов докладывал Сталину: в беседе с гастролировавшими в Свердловске артистами Большого театра Жуков говорил, что ему «везде хорошо», и радовался, что за него так здорово голосовали на выборах в Верховный Совет. В Свердловске было немало ссыльных и бывших заключенных, и этот контингент, полагал маршал, голосовал за него особенно активно: «Вот где у меня друзья!» И добавил с опаской: «Как бы меня к ним не приобщили». Абакумов бы «приобщил» с превеликим удовольствием. Но вскоре «приобщили» его самого.

В июле 51-го, как раз тогда, когда арестовали Абакумова, Жукова в составе правительственной делегации отправили в Польшу. Там он после пятилетнего перерыва встретился с Рокоссовским. Оба предпочли не вспоминать происшедшее на Высшем военном совете.

Случилось еще одно важное событие. В начале ноября 51-го Военной коллегией Верховного суда СССР были рассмотрены дела по обвинению Телегина, Крюкова, Терентьева и Минюка. Генералы получили от 10 до 25 лет лагерей, но якобы руководимый Жуковым заговор военных на судебных заседаниях уже не фигурировал. Еще раньше, в августе 50-го, расстреляли Кулика, Гордова и Рыбальченко. Сталину уже не нужно было держать «про запас» под следствием близких к Жукову военных. Он больше не боялся «маршала Победы».

Польский визит был хорошим знаком: Жукову позволено участвовать в официальных мероприятиях такого уровня, его имя опять может беспрепятственно появляться в советской и иностранной прессе. В марте 1952 года на пленуме после XIX съезда КПСС Георгий Константинович был снова избран кандидатом в члены ЦК. Фактически это ознаменовало снятие опалы. Через одиннадцать месяцев, в конце февраля 53-го, Сталин, незадолго до своей смертельной болезни, вызвал Жукова в Москву. Ходили слухи, что Иосиф Виссарионович собирался сделать Жукова то ли министром, то ли первым заместителем министра обороны, да не успел. Таково ли было намерение Сталина или нет, мы, наверное, никогда уже не узнаем.

После смерти Сталина наследовавшая ему четверка в составе Маленкова, Молотова, Берии и Хрущева сделала Жукова первым заместителем министра обороны, несмотря на неудовольствие Булганина, и перевела его из кандидатов в члены ЦК КПСС. Каждый из наследников рассчитывал опереться на Жукова в предстоящей борьбе за власть, использовать в своих целях популярность Георгия Константиновича среди части офицерского корпуса. Когда Маленков, Хрущев и Молотов сговорились убрать Берию, то Жуков встал на их сторону. Позднее маршал не раз рассказывал о своей решающей роли в аресте Берии на заседании Президиума ЦК 26 июня 1953 года.

Вот один из вариантов рассказа Жукова, записанный писателем Василием Соколовым в 1963 году: «Меня вызвал Булганин... и сказал: «Садись, Георгий Константинович».

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался, только потом подал руку, однако не извиняясь. Помолчали. Затем Булганин, ни слова не говоря по существу дела, сказал: «Поедем в Кремль, есть срочное дело».

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии... Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев. Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

«Сможешь выполнить эту рискованную операцию?» — спросил Хрущев. — «Смогу», — отвечаю я...

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано... Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату. Меня предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы джиу-джитсу.

«Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать».

Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился. Уж не произошло ли там что без нас, не перехитрил ли всех Берия, этот изощренный интриган, пользовавшийся доверием Сталина? Немного погодя (было это в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым. До этого момента всем, кто со мной сидел, я не говорил ни слова, и они не знали, зачем вызваны и сидят здесь в ожидании, когда их позовут на Президиум ЦК.

И вдруг я говорю им: «Мы должны арестовать Берию. Он намерен захватить власть. Согласны все? Понимаете значение порученного?»

Они сказали: «Согласны».

Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, команду: «Встать! Вы арестованы».

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел.

Ведем его через комнату отдыха в другую... Тут сделали ему генеральный обыск.

Да, забыл. В момент, когда Берия поднялся и я заломил ему руки, тут же скользнул по бедрам, чтобы проверить, нет ли пистолета. У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли, уж не помню у кого. Нам же не говорили, зачем вызывают в Кремль. Поэтому приехали невооруженными. Но и Берия, оказывается, не взял пистолета... Итак, посадили в эту комнату. Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен на гауптвахту, вернее, в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли».

Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко, в июне 53-го носивший звание генерал-полковника и занимавший сравнительно скромную должность командующего Московским округом ПВО, рисует совсем иную картину ареста Берии. Кирилл Семенович рассказывал писателю Владимиру Карпову в 70-е годы: «В 9 часов утра (25 июня 1953 года. — Б. С.) мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев, он спросил: «Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?..»

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль к председателю Совета министров СССР товарищу Маленкову, в кабинет, где раньше работал Сталин».

Далее Хрущев закодированно намекнул, чтобы взяли с собой оружие: «Он сказал, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигареты. Я ответил, что заберу с со-

бой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне, в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигареты могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Тогда я догадался, что надо взять с собой оружие. В конце разговора Хрущев сказал, что сейчас позвонит Булганину. Я подумал, что нам предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС.

Вскоре после этого последовал звонок министра обороны маршала Булганина, который сказал ему, что звонил Хрущев и предложил мне сначала прибыть к нему, т. е. к Булганину... Со своей группой я прибыл к министру обороны. Принял меня товарищ Булганин одного. Он сказал, что ему звонил Хрущев, вот я тебя и вызвал. Нужно арестовать Берию... Сколько у тебя человек? Я ответил: со мной пять человек... На что он ответил: «Очень мало людей... Кого, ты считаешь, можно еще привлечь, но без промедления? Я ответил — вашего заместителя маршала Василевского. Он сразу почему-то отверг эту кандидатуру. Я спросил, кто находится сейчас в министерстве из влиятельных военных. Булганин ответил: «Жуков». Тогда я предложил взять Жукова. Он согласился, но чтобы Жуков был без оружия...

И вот в 11.00 дня 26 июня (а звонок Хрущева был 25. 6.) мы по предложению Булганина сели в его машину и поехали в Кремль... Вслед за нами на другой машине приехали Жуков, Брежнев и др. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит, с кем члены Президиума встречаются, грубит со всеми и т. д. Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию. К этому времени он еще не прибыл...

Хотя заседание длилось недолго, нам казалось, наоборот, очень долго. За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находилось человек 15—

17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица, охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии. Никто, конечно, не знал и не предугадывал, что сейчас произойдет, все беседовали на разные темы.

Примерно через час, т. е. в 13.00, 26 июня 1953 года последовал условный сигнал, и мы, пять человек вооруженных, шестой товарищ Жуков, — быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Товарищ Маленков объявил: «Именем советского закона арестовать Берию». Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха Председателя Совета министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков».

Так кому же верить, Жукову или Москаленко? В тот момент их положение в военной иерархии было несопоставимо. Жуков — Маршал Советского Союза и первый заместитель министра обороны, Москаленко — генерал-полковник и командующий Московским округом ПВО. Казалось бы, ясно, кому должны были бы поручить руководить группой генералов, призванной арестовать впавшего в немилость шефа МВД. Но дело в том, что здесь главную роль играла не должность, а личная близость того или иного генерала к руководителям антибериевского заговора. И здесь Москаленко имел перед Жуковым большие преимущества. Кирилл Семенович командовал армиями в составе Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Он был многим обязан члену Военного совета этих фронтов Хрущеву. Именно по рекомендации Никиты Сергеевича украинец Москаленко был назначен осенью 43-го командующим 38-й армией, которой предстояло освобождать Киев. Хрущев мог положиться на Москаленко, тогда как у Жукова в тот момент не было доверительных отношений ни с Хрущевым, ни с Маленковым. Решающим же доказательством правоты Москаленко, а не Жукова является свидетельство Маленкова, произнесенное при таких обстоятельствах, что никаких сомнений не вызывает. Когда в июне 1957 года пленум ЦК громил «антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова», Георгий Максимилианович, пытаясь напомнить товарищам о своих

былых заслугах, и в частности свою роль в организации ареста Берии, заявил: «Берия разоблачить было не так просто. Мы тогда опирались на военных товарищей в этом деле в самый нужный момент, нам оказал решающую услугу в этом деле товарищ Москаленко. К нему в трудный момент мы обратились с товарищем Хрущевым, мы были без сил и средств...» На пленуме Маленкова не пинал только ленивый. Опровергали его на каждом шагу и с удовольствием. В зале присутствовали и Жуков, и Москаленко, но ни один из них на этот раз с Георгием Максимилиановичем спорить не стал. Значит, утверждение Маленкова о решающей роли Москаленко в создании группы генералов для ареста «лубянского маршала» — святая истинная правда. Рассказу Москаленко можно доверять.

Получается любопытная картина. Жукова привлекают к операции против Берии лишь в последний момент и не вполне ему доверяют. Хрущев и Маленков помнили, что Георгий Константинович был с Лаврентием Павловичем в неплохих отношениях, и опасались, как бы маршал не встал на сторону главы МВД. Даже оружия Жукову не дали. Видно, боялись, что может отказаться брать Берию и устроит, чего доброго, перестрелку с Москаленко и остальными. Жукова поставили перед свершившимся фактом: судьба Берии уже решена, а ты освяти эту акцию своим авторитетом.

Участие в аресте Берии благотворно сказалось на карьере всех привлеченных генералов. Они получили следующие звания и ордена. Жукова повышать дальше было некуда — не в генералиссимусы же его возводить! Да и орденов у маршала было с избытком — больше, чем у кого-либо в СССР. Главной наградой для него стало хорошее отношение со стороны Хрущева, убедившегося в преданности Георгия Константиновича.

Началась кратковременная дружба Жукова с Хрущевым. Вот что писал о ней Н. Г. Кузнецов: «Хотя Жуков формально был заместителем министра обороны, но, опираясь на дружбу с Хрущевым, вел себя довольно независимо. Они оба, Хрущев и Жуков, открыто ругали Сталина и выдумывали всякие небылицы. Но это остается на их совести. В книге Жукова я уже прочитал другое...

Он в феврале 1955 года был назначен министром обороны и получил «карт-бланш» от Хрущева. Вся накопившаяся

к Сталину неприязнь, как распрямившаяся пружина, чувствовалась в эти дни во всем поведении Жукова. Он как бы стремился наверстать потерянное время и славу».

7 ноября 1953 года, вскоре после устранения с политической арены Берии, Жуков присутствовал на дипломатическом приеме. В ходе приема члены Президиума организовали своеобразный «междусобойчик» с послами нескольких государств. Тогдашний посол США в Москве уже знакомый нам Чарльз Болен рассказывает: «После очередного тоста за мир я поднялся и, в присутствии толпившихся вокруг репортеров, сказал: «Я охотно выпил бы за мир, но я хотел бы добавить два слова: «и справедливость», поскольку без справедливости в международных делах никогда не будет прочного мира». Ссылка на справедливость вызвала раздражение у советских официальных лиц, особенно у Кагановича, который ответил длинной речью. Ее суть сводилась к тому, что в мире существуют различные концепции справедливости, тогда как мир — это то, что все народы понимают одинаково. Тогда поднялся Жуков, занявший место Булганина, успевшего напиться мертвецки пьяным (так сказать, «вместо выбывшего из игры»; Георгий Константинович был куда более крепок на выпивку, чем Николай Александрович, находившийся уже в высокой стадии алкоголизма. — Б. С.). К моему удивлению, он сказал, что хотел бы поддержать тост за мир, предложенный американским послом. Я услышал, как Микоян шепчет Жукову, не хочет ли он сказать свой собственный тост. Нет, возразил Жуков, он просто хочет поддержать тост за справедливость... Я не знаю точно, почему Жуков поддержал мой тост. Один американский корреспондент писал, что Жуков помнил о деле Берии, который в то время находился в тюрьме. Такое предположение кажется мне плодом воображения. С уверенностью можно сказать лишь то, что Жуков демонстрировал свою независимость от кремлевских политиков». Опираясь на дружбу с Хрущевым, еще недавно опальный маршал почувствовал себя достаточно сильным, чтобы публично вести полемику с членами Президиума, хотя сам вплоть до 1956 года оставался простым членом ЦК.

В должности замминистра обороны Жукову пришлось проводить в период с 9 по 14 сентября 1954 года учение на

Тоцком полигоне под Оренбургом, где в первый и пока что в последний раз в истории 40 тысяч советских военнослужащих были сознательно подвергнуты воздействию радиации от взрыва «своей» атомной бомбы. Это называлось «учить войска в условиях, максимально приближенных к боевым». Тогда уже было хорошо известно о крайне неблагоприятном воздействии радиации на организм человека. Поэтому ни сам Георгий Константинович, ни другие генералы, руководившие учениями, в зоне радиационного заражения так и не побывали. А солдаты и офицеры, которых даже не обеспечили специальными защитными костюмами и противогазами? Ну, им, должно быть, объяснили, что «военная служба не без тягот», что надо быть готовыми в любой момент отразить американскую агрессию, которая непременно начнется с атомной атаки. Для Жукова и других советских военачальников это был только расходный материал. 30 тысяч участников учений умерли от лучевой болезни в течение последующих двух-трех лет. Уцелевшие 10 тысяч остались инвалидами и не дожили до старости. Пострадало и местное население, в том числе и семья офицеров. Их эвакуировали только на день взрыва.

Жуков оставил воспоминания о Тоцких учениях: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей все то, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришел к убеждению, что войну с применением атомного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует... Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставание наших Вооруженных сил в оснащении ядерным оружием. В условиях постоянного атомного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности». Маршал наблюдал последствия ядерного взрыва на киноэкране, а солдаты — в буквальном смысле слова на собственной шкуре. Но у Георгия Константиновича не нашлось нескольких слов помянуть погибших. Ведь при его жизни все, что было связано с Тоцкими учениями, имело гриф «совершенно секретно».

Хрущев вспоминал: «С огромным уважением и по-дружески я относился тогда (в середине 50-х годов. — Б. С.) к мар-

шалу Жукову. Нас сблизила война. К тому же у меня с ним не происходило никогда никаких столкновений. Когда Сталин после войны распространил на него опалу, я Жукову сочувствовал. Он на меня производил сильное впечатление умом, военными знаниями и твердым характером». Как свидетельствует Хрущев, они с Жуковым были на «ты» и маршал подерживал все начинания первого секретаря.

В феврале 1955 года Жуков стал министром обороны. По свидетельству Н. Г. Кузнецова, за несколько дней до этого назначения его и Василевского вызвал Булганин и сообщил, что он сменит Маленкова в качестве главы правительства, а министром обороны решено назначить Жукова. Кузнецов заявил: «Товарищ министр, мы, моряки, не претендуем на такой общевойсковой пост, и кого из Маршалов Советского Союза сочтут нужным назначить министром, — я не берусь даже высказывать свое мнение. Однако если будет назначен Жуков, то мне казалось бы правильным указать ему на необходимость впредь более объективно относиться к флоту». В мемуарах он пояснил: «Такое опасение с моей стороны было не случайным. За последнее время я слышал ряд весьма неместных отзывов со стороны Жукова в адрес флота, к тому же ни на чем не основанных...

На деле получилось плохо. Заняв пост министра обороны, маршал Жуков закусил удила. Ему показалось, что теперь «сам черт ему не брат». Мне думается, никогда честолюбие Жукова не было удовлетворено в такой степени, как тогда. Не зная, что моя конфиденциальная беседа стала буквально в тот же день известна Жукову, я старался найти с ним общий язык... Минут 15—20 маршал меня слушал, потом начал демонстративно зевать... и неожиданно задал вопрос, перейдя на другую тему: «Так вы, стало быть, выступали против меня?» Я догадался, о чем идет речь, и буквально повторил мой разговор с Булганиным. Но больше всего меня поразило беззастенчивое заявление, что «это вам так не пройдет». И не прошло».

Жуков сдержал свою угрозу. Хотя перенесший инфаркт Кузнецов еще 26 мая 1955 года подал рапорт с просьбой освободить его от должности заместителя министра обороны и главкома ВМФ по состоянию здоровья, маршал не отпустил адмирала в почетную отставку. В октябре появился под-

ходящий повод: катастрофа линкора «Новороссийск», подорвавшегося на немецкой mine. Тогда погибло более 600 моряков. Фактически находившегося не у дел Кузнецова (врачи запретили ему на несколько месяцев работать) сняли с поста «за неудовлетворительное руководство Военно-морскими силами». А 18 февраля 56-го Николая Герасимовича уволили в отставку, снизив в звании до вице-адмирала.

И с начальником Генштаба маршалом Соколовским у Жукова были постоянные трения, о которых Василий Данилович поведал на пленуме в октябре 57-го. Вероятно, Жуков не мог простить, что в феврале 55-го Соколовский предлагал не его, а Василевского на пост министра обороны.

Жуков полностью поддержал антисталинскую кампанию, начатую Хрущевым. По рассказу бывшего командующего Туркестанским военным округом генерала армии Петра Николаевича Лашенко, приводимому писателем Владимиром Карповым, после хрущевского доклада о культе личности в кулуарах съезда «вдруг к нам (группе генералов и маршалов — делегатов съезда. — Б. С.) подошел Жуков, веселый, глаза сияют, и радостно говорит: «Наконец-то эту рябую пизду (или жопу) вывели на чистую воду!»... Именно так, я точно помню. Да он и другие не менее крутые слова говорил про вождя народов».

А вот в «Воспоминаниях и размышлениях», даже в первоначальном тексте, маршал отзывался о генералиссимусе куда мягче: «Сталин не был трусливым человеком...»; «Конечно, ошибки у Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений...»; «Сталин был волевой человек и, как говорится, не из трусливого десятка... После 22 июня 1941 года, почти на протяжении всей войны, Сталин твердо управлял страной, вооруженной борьбой и международными делами».

Правда, в полководческом мастерстве Жуков Сталину отдал: «Когда... пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств Сталина было ошибочным». Настоящим полководцем Георгий Константинович считал только себя самого.

В июле 1955 года на советско-американских переговорах в Женеве в рамках совещания глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции произошла последняя встреча Жукова с Эйзенхауэром, ставшим к тому времени президентом США. Чарльз Болен полагал: «Советы захватили с собой старого солдата Жукова, очевидно, в качестве дружеского жеста по отношению к Эйзенхауэру.. Жуков был большевик, неуклонно следующий партийной линии, но в первую очередь он был русским патриотом. Он верил в независимость армии, и одной из причин его конечного падения стала попытка упразднить систему политических комиссаров. Свойственная ему чистота помыслов резко контрастировала с неискренностью других большевистских вождей. Он проявлял толерантность и даже уважение по отношению к Соединенным Штатам, и я не сомневался, что его привязанность к генералу Эйзенхауэру искренняя, а не вызванная преходящими обстоятельствами».

20 июля маршал и генерал встретились на обеде, который Эйзенхауэр устроил в честь своего советского друга на вилле в окрестностях Женевы. По свидетельству Болена, «два солдата вспоминали войну, особенно ее последние дни. В конце концов они перешли к обсуждению германских дел, и Эйзенхауэр высказал Жукову свое и американского народа глубокое убеждение, что немцы имеют право воссоединиться в едином государстве. Президент, однако, особо подчеркнул, что воссоединение не означает, что немцы могут проводить политику, угрожающую их соседям, или вооружаться с той же целью. Если Советы согласятся на воссоединение, говорил Эйзенхауэр Жукову, то на Германию будут наложены строгие ограничения в военной области. Даже без объединения, доказывал он, в рамках НАТО существуют все виды контроля, способные предотвратить возрождение воинствующего германского национализма. Принимая во внимание новое соотношение сил на континенте, кажется почти невероятным, чтобы Германия была в состоянии, как в начале 40-х, вести войну на два фронта.

Следуя, хотя и достаточно мягко, кремлевской линии, Жуков заявил, что планы западных союзников предоставить немцам свободу действий во многих областях таят в себе целый ряд опасностей. Советские опасения по поводу возмож-

ности возрождения германского милитаризма были понятны, принимая во внимание опыт двух мировых войн, но только в самом общем смысле. Русские, и особенно реалисты, вроде Жукова, знали, что Западная Германия не может предпринять военную операцию без благословения со стороны Соединенных Штатов. Страх перед Германией был иллюзией.

В конце обеда Эйзенхауэр спросил, что маршал Жуков собирается делать во время отпуска. Жуков ответил, что отправится на юго-запад России ловить рыбу. Оба они стали обсуждать достоинства различных рыболовных снастей, и Эйзенхауэр пообещал прислать Жукову американский спиннинг. Примерно через месяц после моего возвращения в Москву посольство получило в дипломатической почте спиннинг и письмо Эйзенхауэра Жукову. Письмо было послано незапечатанным... Оно содержало лишь дружеские пожелания и сообщало, что спиннинг послан в отдельном пакете. Когда западногерманский канцлер Аденауэр с помощью своей разведки ознакомился с содержанием эйзенхауэровского послания Жукову, он вычитал в нем скрытый смысл и даже заподозрил нас в своего рода предательстве. Аденауэр подумал, что Эйзенхауэр вовлечен в секретные переговоры с советским правительством, а маршал Жуков используется как канал для таких переговоров».

Эйзенхауэр же, вспоминая женеvскую встречу, констатировал: «Как только мы затронули серьезные вопросы, стало совершенно очевидно, что Жуков не тот, каким был в 45-м году. Во время наших встреч тогда он был независимым, уверенным в себе человеком, который, несомненно, принимал коммунистическую доктрину, но всегда был готов с радостью встретиться, чтобы обсудить любую текущую проблему и вместе искать ее разумное решение. Он делал это по своей собственной инициативе и однажды даже резко поставил на место своего политического советника Андрея Вышинского, приказав ему покинуть комнату, чтобы мы могли конфиденциально побеседовать вдвоем. По многим признакам было очевидно тогда, что Жуков был как раз тем, кем он хотел казаться, — в высшей степени важным человеком в советском правительстве, возможно, вторым после самого Сталина. Во время моего визита в Москву в 45-м такая оценка его по-

ложения и влияния многократно подтверждалась. Теперь в Женеве, десять лет спустя, он выглядел встревоженным и явно подчиненным по своему положению. Он монотонно повторял мне аргументы главы советской делегации... Он был безжизненным, не шутил и не улыбался, как раньше. Мой старый друг выполнял приказ начальства. От этого личного разговора у меня не осталось ничего, кроме чувства горечи».

Георгий Константинович хорошо помнил, что независимость в общении с тем же Эйзенхауэром стала одной из причин унижительной опалы в 46-м. Теперь он был гораздо осторожнее, да и дружба с Хрущевым обязывала не проявлять излишней самостоятельности в дипломатической области. В 55-м году положение Жукова в партийной и военной иерархии было более формальным, чем в 45-м. Теперь маршал был кандидатом в члены Президиума ЦК и министром обороны, а тогда — лишь кандидатом в члены ЦК и заместителем наркома обороны. Однако его реальное влияние в армии и в политике потеряло былую силу, и никто не воспринимал его вторым человеком в руководстве. Эйзенхауэр это сразу понял.

В бытность маршала министром обороны, в ноябре 56-го, Советская армия предприняла вооруженную интервенцию в Венгрию для подавления вспыхнувшего там антикоммунистического народного восстания. Перед вторжением Жуков пытался уверить американского посла Чарльза Болена, что советские войска не пойдут на мятежный Будапешт. Болен вспоминал: «25 октября, через два дня после начала революции в Венгрии, Жуков в беседе со мной на приеме в турецком посольстве приводил пример Польши как доказательство того, что Советский Союз не желает военного вмешательства во внутренние дела других стран». Действительно, разоблачение Сталина на XX съезде в Польше, вызвавшее народные волнения, не закончилось кровопролитием и вводом советских войск. Хотя министр обороны Польши Рокоссовский и предлагал двинуть против демонстрантов в Познани подконтрольный советникам СССР танковый корпус. Дело ограничилось сменой руководства польской компартии и отзывом на родину Рокоссовского и других советских офицеров.

Но в Венгрии, где антикоммунистические повстанцы уже взяли власть во многих городах и имели сильное влияние в правительстве коммуниста-реформатора Имре Надя, Хрущев решил применить силу. Жуков продолжал говорить американскому послу, по выражению Болена, «смесь неправды, полуправды и нескольких действительных фактов», одновременно давая указания по осуществлению плана вторжения в Венгрию. В начале ноября значительные советские силы вошли на венгерскую территорию. 4 ноября в советском Закарпатье было сформировано альтернативное венгерское правительство во главе с Яношем Кадаром, якобы по его просьбе советские войска под командованием маршала Конева двинулись на Будапешт. Организованное вооруженное сопротивление восставших было подавлено за неделю. Вторгшаяся в Венгрию 200-тысячная группировка советских войск, по официальным и, скорее всего, заниженным данным, потеряла 720 человек убитыми и пропавшими без вести и 1540 человек ранеными. Точных данных о числе жертв с венгерской стороны нет, но нередко говорят о 20 тысячах убитых и раненых, включая сюда и жертвы среди мирного населения.

Жуков был не очень доволен действиями своих подчиненных в Венгрии. В декабре 1956 года на совещании высшего состава он подчеркнул: «Менее чем за полтора месяца в соединениях и частях, находившихся в Венгрии, имели место 144 случая чрезвычайных происшествий и грубых нарушений дисциплины, при этом более половины из них относятся к таким тяжелым преступлениям, как убийство, изнасилование, грабежи и избиения местного населения, а также ограбления складов и магазинов. Характерно, что некоторые офицеры, в том числе и старшие, вместо наведения строжайшего порядка, сами принимали участие во всех этих безобразиях. Особенно недостойно вел себя 114-й парашютно-десантный полк во главе с командиром полка. Факты аморального поведения советских военнослужащих в Венгрии были настолько нетерпимы, что ими был вынужден заниматься Центральный комитет партии, который вынес по этому вопросу специальное решение. Все виновные в мародерстве, грабежах, насилиях и других преступлениях привлечены к судебной ответственности, в том числе и командир 114-го парашютно-десантного

полка. Мы должны сделать вывод, что с воспитанием личного состава у нас дело обстоит неблагополучно».

Насилий и грабежей в Венгрии наверняка было гораздо больше, чем 144. Очевидно, Жуков говорил только о тех эпизодах, которые стали предметом судебного разбирательства. В середине 70-х годов мне самому довелось беседовать с одним ветераном, который остался хромым после венгерской кампании 56-го года. Ветеран торговал пивом на одной из московских улиц и находился едва ли не в перманентном состоянии алкогольного похмелья. Тем не менее, узнав, что мы с товарищами недавно побывали в Венгрии, он охотно вступил в разговор: «Ты такой венгерский город Капошвар знаешь?» Город я знал и даже бывал в нем. «Мне там ногу и прострелили. Ну, ничего, зато я из Венгрии шесть костюмов вывез...» — светло улыбаясь, закончил свои воспоминания продавец пива, который явно не понес никакой ответственности за свои подвиги на мануфактурном фронте.

Жуков ни разу не высказал сожаления, что его войска выполняли, по существу, карательные функции. Для него венгерское восстание было контрреволюционным мятежом, направленным против коммунистических идеалов. Маршал заставлял себя верить в эти идеалы, иначе невозможно было бы служить партии большевиков, а военная служба составляла для него смысл жизни.

1 декабря 1956 года Жуков в четвертый раз был удостоен звания Героя Советского Союза. Официально — в связи с 60-летием со дня рождения. Но народная молва связывала четвертую Золотую звезду маршала с успехом венгерского похода.

На совещании в декабре 56-го Жуков изложил свое видение советской военной доктрины: «Танками мы будем обеспечены на 90 процентов в 1960 году. Я сторонник тяжелых танков. Нужно иметь в виду, что главный театр военных действий — Европа. Здесь будет решена судьба мира. И мы должны выйти в такой организации, чтобы наверняка разгромить противника... Нужно быстрее создавать подвижную ракетную систему С-75...» А на разборе командно-штабных учений «Днепр» в августе 1956 года маршал утверждал: «Наши командные кадры, наши штабы должны пытливно изучать современный характер

начального периода войны, новейшие способы действий противника в условиях применения атомного оружия с тем, чтобы умело противопоставить противнику свои уничтожающие удары, если противником будет развязана война... В современных условиях захват и удержание инициативы в начальный период войны в большей мере, чем когда-либо, зависит от господства в воздухе. Особое место в операциях начального периода войны занимает внезапность».

Жуков по-прежнему мыслил категориями Второй мировой войны. Он, похоже, все еще думал о возможности «упреждающего удара» в духе того, что разрабатывался в мае 41-го. Мечтал о тяжелых танках, которые будут громить противника в Западной Европе, искал способы, как преодолеть преимущество стран НАТО в авиации. И уповал на внезапность. Но ведь на внезапность может надеяться только тот, кто собирается ударить первым.

Маршал не понял, что с появлением ядерного оружия характер войны коренным образом изменился. Теперь военное столкновение двух сверхдержав, СССР и США, будет сопровождаться применением атомных и водородных бомб. Американская стратегическая авиация неизмеримо превосходила советскую. Межконтинентальные баллистические ракеты только разрабатывались. Советская армия не располагала средствами для ядерного удара по американской территории, тогда как американские бомбардировщики с баз в Европе без труда могли достичь территории СССР, тем более что эффективные зенитные средства против них находились только на стадии разработки. А внезапность первого ядерного удара большой роли не играла. Ядерное оружие было еще слишком неточным, чтобы лишить противника возможности ответного удара. А вторжение советских танков в Западную Европу неизбежно привело бы к введению в действие американского плана «Дропшот», предусматривавшего бомбардировку крупнейших советских городов 300 атомными и водородными бомбами и 29 тысячами тонн обычных бомб.

Хрущев стремился сократить численность армии, сделав упор на ядерные силы, авиацию и ракеты как средства доставки ядерных и термоядерных зарядов и борьбы с авиацией

противника. В мемуарах он признавал: «По-настоящему мы не могли тогда угрожать даже чужим базам, которые расположились вокруг Советского Союза. Корейская война показала, что МИГ-15 по скорости отстает от американского истребителя. Наш народ, уставший от войны и изголодавшийся, нуждался в том, чтобы его накормили, одели и удовлетворили другие бытовые потребности. К сожалению, промышленный потенциал СССР уступал американскому (и еще как уступал, в середине 80-х, по моим оценкам, в 6 раз, а в середине 50-х, быть может, и в 10 раз. — Б. С.), а ведь он — главное в войне. Современная война — война моторов, электронной техники, умов ученых. Кто лучше и быстрее создаст новые виды вооружения? Мы пока уступали потенциальному противнику».

Учтем, что Соединенные Штаты нападать на Советский Союз не собирались, в то время как Хрущев, подобно Сталину, все еще лелеял надежды «закопать капитализм в землю». Никита Сергеевич для этой благородной цели рассчитывал привлечь на свою сторону страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Для обеспечения господства в Восточной Европе и прикрытия активной политики в Азии, Африке и Латинской Америке требовался паритет с США, только теперь уже ракетно-ядерный. Новая гонка вооружений, начавшаяся при Хрущеве, оказалась не менее разорительной, чем соревнование по традиционным вооружениям и ядерный проект при Сталине. При Брежневе возобновилась еще и гонка по обычным сухопутным и морским вооружениям, что в итоге к концу 80-х окончательно подорвало советскую экономику.

Способность Жукова принудить подчиненных командиров заваливать трупами противника не находила применения в новых условиях. Его отставка с поста министра обороны была предопределена. Ее ускорили политические события 57-го года.

Еще 27 февраля 1956 года, после XX съезда, Жуков стал кандидатом в члены Президиума ЦК, войдя тем самым в состав высшего политического руководства страны. Хрущев рассчитывал опереться на маршала, демонстрировавшего свои антисталинские настроения, в борьбе против других членов Президиума, выступавших против дальнейшего разоблачения

преступлений Сталина. Маленков, Молотов, Каганович и некоторые другие надеялись сохранить Сталина в коммунистической мифологии в качестве положительного героя, допустившего лишь отдельные трагические ошибки. Сами они, как и Хрущев, были причастны к сталинским преступлениям и понимали, каков будет дальнейший ход событий. Если Хрущев собирается идти в разоблачении «культы личности» дальше, то о собственных преступлениях, конечно же, умолчит, зато своих оппонентов не помилует. 19 июня 1957 года большинство членов Президиума ЦК во главе с Молотовым, Кагановичем и Маленковым приняли решение о смещении Хрущева с поста первого секретаря. Однако Никита Сергеевич не подчинился, заявив, что полномочия в решении вопроса о первом секретаре есть только у пленума ЦК. Поскольку созывом пленума должен был заниматься секретариат, подконтрольный Хрущеву, шансы его противников на пленуме были бы невелики. Те, кого позднее назвали «антипартийной группой», старались воспрепятствовать созыву пленума. Однако Хрущева поддержали, как и при аресте Берии, глава КГБ Серов и Жуков. Георгий Константинович вспоминал: «Я видел выход из создавшегося положения только в решительных действиях. Я заявил: «Я категорически настаиваю на срочном созыве пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предлагает группа. Я хочу на пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею на руках материалы о их кровавых злодеяниях вместе со Сталиным в 37—38 годах, и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. И если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущева с должности первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации Вооруженных сил».

Это, конечно, было необычное и вынужденное заявление... Я хотел провести решительную психологическую атаку на антипартийную группу и оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолетами. После этого моего заявления было принято решение перенести заседание Президиума на третий день, и этим самым группа Маленкова — Молотова проиграла затеянное ими дело против Хрущева. Должен оговориться, если мне тогда го-

ворили спасибо за столь решительное выступление против антипартийной группы, то через четыре месяца я очень сожалел об этом своем решительном заявлении, так как мое заявление в защиту Хрущева обернуло в октябре 57-го против меня...

В середине второго дня в Президиум пришла группа членов ЦК в количестве десяти человек и потребовала, чтобы их принял Президиум ЦК в связи с их обеспокоенностью судьбой единства Президиума... Группа Маленкова — Молотова до конца заседания не хотела принимать членов ЦК, но затем под давлением сторонников Хрущева было решено послать Ворошилова, Булганина, Хрущева и Шверника на переговоры.

Встреча состоялась в приемной Президиума ЦК. Группа членов ЦК потребовала от имени членов ЦК созыва пленума. Для быстрого сбора членов пленума ЦК было решено переброску их с периферии в Москву осуществить самолетами военно-воздушных сил. Организация этого дела была возложена на Министерство обороны...

В ходе заседания Президиума ЦК на второй день резко выступил Сабуров, видимо что-то пронюхав, сказал:

— Вы что же, Хрущев, делаете, уж не решили ли арестовать нас за то, что мы выступили против вашей персоны?

Хрущев спросил:

— Из чего вы это видите?

— Из того, что под Москвой появились танки.

Я сказал:

— Какие танки? Что вы, товарищ Сабуров, болтаете? Танки не могут подойти к Москве без приказа министра, а такого приказа с моей стороны не было.

Эта моя контратака тогда очень понравилась всей группе Хрущева. Хрущев неоднократно ее приводил на пленумах и в других речах».

Эту тираду о танках народная молва трансформировала в более энергичную: «Без моего приказа ни один танк не сдвинется с места!» Никита Сергеевич вполне мог подумать: а ну как однажды другу Жукову действительно придет в голову мысль двинуть танки на Кремль?

Пленум начался 22 июня. Открыл его Жуков. Аппарат Хрущева и Серов снабдили его достаточным материалом о пре-

ступлениях членов «антипартийной группы». Георгий Константинович говорил как настоящий прокурор: «Вина Маленкова больше, чем вина Кагановича и Молотова, потому что ему было поручено наблюдение за НКВД... Он был непосредственным организатором и исполнителем этой черной, нечестной, антинародной работы по истреблению лучших наших кадров. Маленков не только не раскаялся перед ЦК в своей преступной деятельности, но до последнего времени хранил в своем сейфе документы оперативного наблюдения НКВД... Это документы с материалами наблюдения за рядом Маршалов Советского Союза, за рядом ответственных работников, в том числе за Буденным, за Тимошенко, за Жуковым, за Коневым, за Ворошиловым и другими, с записью подслушанных разговоров в пятидесяти восьми томах».

Жуков призывал принять к «антипартийной группе» самые суровые меры. О Кагановиче бросил реплику: «Ему за решеткой сидеть, а не в ЦК». И цитировал многочисленные расстрельные списки с автографами Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова... Аналогичных документов с подписью Хрущева или, к примеру, Микояна, маршал не приводил, хотя на ниве репрессий Никита Сергеевич и Анастас Иванович преуспели ничуть не меньше, чем их оппоненты. Например, в январе 1936 года в одной из речей Хрущев заявил: «Арестовано только 308 человек; для нашей московской организации — это мало». А в июне 1938 года на XIV съезде украинских коммунистов призвал доистребить «врагов народа»: «...У нас на Украине состав Политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине...»

Конечно, Хрущев успел основательно почистить партийные архивы. Да и Серов вместе с хрущевскими помощниками тщательно отбирали материалы для Жукова. Вероятно, они фальсифицировали и письмо Якира Сталину, которое командарм писал перед расстрелом. Это письмо Жуков считал на пленуме, а на XXII съезде, уже после смещения Жукова, его с теми же самыми купюрами оглашал тогдашний шеф КГБ А. Н. Шелепин. Опущены были признания Якира в предательстве, которыми бедняга рассчитывал спасти семью.

Только десятилетия спустя, когда историкам стали доступны партийные архивы, выяснилось, что списки на прослушивание высокопоставленных лиц в ЦК утверждал... сам «дорогой Никита Сергеевич». Когда Жукова постигла последняя опала, Хрущев продолжал читать сводки КГБ о том, что он делает и что говорит. Сам же маршал, как кажется, в июне 57-го искренне верил, что Хрущев к прослушиванию интимных разговоров военных и партийных деятелей не причастен.

На пленуме еще раз встал вопрос о танках, будто бы двигавшихся на Москву. Жуков высмеял оппозиционеров: «По их словам, якобы не исключено, что вслед за ворвавшимися — я обращаю внимание на терминологию, «ворвавшиеся», — в Президиум членами ЦК... в Кремль могут ворваться танки, и Кремль может быть окружен войсками (смех, шум в зале)». Но Хрущев уже не смеялся. Сейчас, опираясь на поддержку секретариата ЦК и силовых структур, он одержал верх. А что будет, если против выступит министр обороны, да еще такой, как Жуков, широко известный не только в стране, но и за рубежом? После пленума Георгий Константинович стал полноправным членом Президиума ЦК, но всего лишь на четыре месяца.

Уже на июньском пленуме всем присутствовавшим стало ясно, что от былой дружбы Жукова и Серова мало что осталось. Один из сторонников Маленкова М. З. Сабуров в своем выступлении утверждал: «Я говорил Жукову, что Серов за ним шпионит, а он мне ответил: «Пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется». Через несколько месяцев Серов закономерно оказался среди жуковских противников.

Снятие Жукова с поста происходило по всем законам аппаратной интриги. 3 октября 57-го Георгий Константинович отправился с официальным визитом в Югославию и Албанию. Он хотел лететь самолетом, но Хрущев настоял, чтобы маршал воспользовался крейсером «Куйбышев». Требовалось, чтобы маршал подольше отсутствовал в Москве. Как только Жуков высадился в Югославии, крейсер был отозван в Севастополь, хотя Георгий Константинович думал, что «Куйбышев» пошел в Сплит, где должен был вновь принять на борту министра обороны, чтобы идти в Албанию. Пока Жуков налаживал дружбу с Тито, Хрущев провел по всем военным округам партийные активы, на которых Жукова дружно осудили

за пренебрежение политработой в войсках и создание в армии культа собственной личности (в стране допускался культ лишь одного лица, первого в партийной иерархии — сначала Ленина, потом Сталина, Хрущева, Брежнева...).

В начале 20-х чисел октября начальник Главного разведывательного управления Генштаба Штеменко информировал Георгия Константиновича о происходящем в Москве, где 22 октября на партактиве центрального аппарата Министерства обороны и Московского округа выступил сам Хрущев. За этот поступок Сергей Матвеевич был снят со своего поста. Новый взлет в его карьере произошел уже при Брежневе, который в те октябрьские дни сам проводил партактив в Группе советских войск в Германии. Там Леонид Ильич, в частности, заявил: «...Факты свидетельствуют о тенденции т. Жукова к неограниченной власти. Недавно т. Жуков предлагал заменить председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел военными работниками. Чем продиктовано это предложение? Не тем ли, чтобы возглавить руководящие посты в этих органах своими людьми, кадрами по признаку личной преданности? Не является ли это стремлением установить свой контроль над КГБ и МВД?»

25 октября в советской прессе появилось последнее сообщение о визите Жукова: 26-го маршал вылетел из столицы Албании Тираны в Москву. «Приземлившись в аэропорту Внуково, — отмечал Георгий Константинович в записке ЦК о своей поездке на Балканы, — в окно самолета я увидел встречающих меня Маршалов Советского Союза и главнокомандующих всеми видами вооруженных сил, среди которых был Чернуха, технический работник при Президиуме ЦК. После того как мы все перездоровались, ко мне подошел Чернуха и сказал, что меня сейчас же приглашают на Президиум ЦК. Там, сказал Чернуха, все в сборе. Я сказал, что заеду домой, переоденусь и сейчас же приеду. Явившись в Президиум, я увидел за столом всех членов и кандидатов Президиума всех тех маршалов, кто встречал меня на аэродроме... Хрущев предложил утвердить мой отчет (о поездке. — Б. С.)... Затем Хрущев сказал:

— За время вашего отсутствия Президиум ЦК провел партполитактив Министерства обороны. По этому вопросу доложит Суслов.

. Суслов начал с того, что министр обороны Жуков проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников и Главное политическое управление...

Взял слово Микоян и сказал:

— Мне непонятно, и до сих пор волнует одна фраза, сказанная Жуковым на Президиуме ЦК во время работы по поводу антипартийной группы Маленкова, Молотова. Жуков тогда сказал: «Если будет принято решение, предложенное Маленковым (о смещении Хрущева. — Б. С.), то он, Жуков, не подчинится решению и обратится к армии. Как это понимать?»

Я тут же ответил, да, это было сказано, но я говорил, что обращусь через парторганизации армии к партии, а не к армии.

— Значит, вы сознательно об этом говорили, — сказал Микоян, — а я думал, что вы тогда оговорились.

— Вы что, забыли обстановку, которая тогда сложилась? — ответил я Микояну.

Затем выступил Брежнев. Он наговорил, что было и чего никогда не было, что я зазнался, что я игнорирую Хрущева и Президиум, что я пытаюсь навязать свою линию ЦК, что я недооцениваю роль военных советов.

Затем выступил Хрущев. Он сказал:

— Есть мнение освободить товарища Жукова от должности министра обороны и вместо него назначить маршала Малиновского. Есть также предложение послезавтра провести пленум ЦК, где рассмотреть деятельность товарища Жукова.

Предложение было, конечно, принято единогласно.

Вся эта история, подготовленная против меня как-то поворовски, была полной неожиданностью. Обстановка осложнялась тем, что в это время я болел гриппом. Я не мог быстро собраться с мыслями, хотя и не первый раз мне пришлось столкнуться с подобными подвохами. Однако я почувствовал, что Хрущев, Брежнев, Микоян, Суслов и Кириленко решили удалить меня из Президиума ЦК. Видимо, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого Хрущев оставался в долгу в период борьбы с антипартийной группой Маленкова — Молотова. Эта мысль была подтверждена речью Микояна на пленуме, где он сказал: «Откровенно говоря, мы боимся Жукова».

Вот, оказалось, где зарыта собака! Вот почему надо было отослать меня в Югославию и организовать людей на то, что было трудно сделать при мне. Возвратившись домой, я решил позвонить на квартиру Хрущеву, чтобы выяснить лично у него истинные причины, вызвавшие столь срочное освобождение меня от должности министра обороны. Я спросил:

— Никита Сергеевич, я не понимаю, что произошло за мое отсутствие, если так срочно меня освободили от должности министра, и тут же ставится вопрос на специальном созванном пленуме ЦК. Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было никаких претензий, и вдруг целая куча претензий. В чем дело? Я не понимаю, почему так со мной решено поступить?

Хрущев ответил сухо:

— Ну, вот будешь на пленуме, там все и узнаешь.

Я сказал:

— Наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения.

— Не волнуйся, мы еще с тобой поработаем, — сказал Хрущев и повесил трубку.

Я ничего не узнал от Хрущева, но понял — Хрущев лично держит в своих руках вопросы о моей дальнейшей судьбе, перспективы которой были в тумане».

Пленум собрался 28 октября и работал два дня. Основной доклад сделал секретарь ЦК Михаил Андреевич Сулов. Он указал на «серьезные недостатки и извращения в партийно-политической работе», порожденные «грубым нарушением партийных ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской армии со стороны товарища Жукова». Сулов процитировал жуковские распоряжения: «Снять, списать, уволить, выгнать, содрать лампасы, содрать погоны», «привыкли за сорок лет (советской власти. — Б. С.) болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты». Все это секретарь ЦК назвал «огульным избиением командных и политических кадров». Сулов привел и такой факт, свидетельствующий о потере «элементарного чувства скромности»: «Министр поручил купить, в целях личной рекламы поста-

вить в Музей Советской армии написанную художником картину, представляющую такой вид: общий фон — горящий Берлин и Бранденбургские ворота, на этом фоне вздыбленный конь топчет знамена побежденных государств, а на коне восседает товарищ Жуков. Картина очень похожа на известную икону Георгий Победоносец».

Суслов назвал и главные причины жуковской отставки: «...Товарищ Жуков игнорирует Центральный комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей... Товарищ Жуков даже не считал нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штенко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, считал своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

Вот где собака зарыта, вот почему потребовалось так спешно снимать Жукова! Маршала заподозрили в подготовке государственного переворота. Школа спецназа в подмосковных лесах — это внушительная сила, с которой в случае чего и Кремль можно попытаться захватить. И хотя материалы пленума хранились под грифом «строго секретно», слухи о таинственной школе, вызвавшей падение Жукова, распространились по миру. В 1962 году в США вышел роман Ф. Нибела и Ч. Бейли «Семь дней в мае», где некий генерал Скотт, занимающий пост председателя американского комитета начальников штабов, предпринимает неудачную попытку государственного переворота, опираясь на специальные подразделения, обученные «отбивать важные объекты, захваченные противником». Современники легко узнавали в числе прототипов не только известного генерала Макартура, которого подозревали в намерении захватить власть в Америке, но и маршала Жукова. Однако действительно ли Георгий Константинович готовил военный переворот?

Подтвердить или опровергнуть такое предположение в принципе невозможно. Некоторые факты из выступлений на пленуме как будто говорят, что Жуков стремился полно-

стью подчинить своему контролю как армию, так и другие силовые структуры. Начальник Генерального штаба маршал Соколовский заявил: «Сказать, что тов. Жуков недопонимал и недопонимает роли партийно-политической работы в армии, это, конечно, несостоятельно и несерьезно, и те крупные ошибки, которые допущены были Жуковым, конечно, не от недопонимания, как он, выступая здесь, говорил, это неверно. Дело заключается именно в линии поведения... Эта особая линия поведения вела к тому, чтобы армию прибрать к рукам в полном смысле этого слова и через армию воздействовать тем или иным путем, я не хочу фантазировать, но воздействовать тем или иным путем, может быть, даже на Президиум ЦК, чтобы делалось по его, Жукова, желанию...

Товарищ Жуков предлагал Генеральному штабу составить докладную записку в ЦК о том, чтобы пограничные войска подчинить Министерству обороны. Почему? Пограничные войска выполняют особую службу. Эта служба не армейская. Везде, во всех государствах, она выполняется совершенно иными путями, иными способами, чем несется служба армейская. Я, как начальник Генерального штаба, еле отбил от того, чтобы писать такую докладную записку...

Если говорить о Жукове как о человеке, то Жуков как человек необычайно тщеславная и властная личность. Поскольку раньше была брошена реплика, что я высказывался против назначения тов. Жукова министром, то может сложиться впечатление о неблагоприятных личных взаимоотношениях, поэтому я хочу пояснить, чтобы не создалось у вас впечатления, что я имею что-то личное против Жукова и поэтому так резко говорю против него».

Тут Хрушев подал реплику: «Жуков платил вам тем же. Он мне говорил, что надо заменить начальника Генерального штаба».

«Вы помните, — продолжал Соколовский, — когда в 1946 году Жуков попал в опалу, то, по существу, в защиту Жукова выступили только два человека — Конев и я (маршала Рыбалко Василий Данилович почему-то забыл, может, потому, что Павел Семенович давно уже умер. — Б. С.). Причем я выступал последним, когда выступили уже все члены Глав-

ного военного совета, а в совете были и Берия, Маленков, Молотов, последний выступил два раза. Я не постеснялся тогда выступить с положительной оценкой и сказать правду, что из себя представляет Жуков. Сейчас я выступаю совершенно объективно, без каких-либо личных наветов, говорю все, как есть на самом деле.

Возьмите работу коллегии Министерства обороны... По существу, коллегия Министерства обороны была ширмой, прикрываясь которой Жуков что хотел, то и проводил. Коллегия существовала для того, чтобы собрать кого надо и кого не надо и отругать. Любой вопрос, который стоял на коллегии, должен был обсуждаться только в угодном тов. Жукову направлении, иных мнений на коллегии Жуков не терпел. По сути дела, Жуков заставил говорить только так, как он хотел. Какая же это коллегия?..»

И еще один человек, возражавший в 55-м против жуковской кандидатуры, выступил на пленуме — начальник ГлавПУРа генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов. Ему, как политработнику, сам Бог велел Жукова ругать. И Желтов постарался: «...Тов. Жуков непомерно себя возвеличивал, и на этой почве у нас было немало схваток. Началось в 1955 году... Не появился в связи с его назначением портрет в центральных газетах. Главному политическому управлению был произведен такой разнос, которого никто никогда вообще не видел».

Но ни одного слова в защиту Жукова не сказали и маршалы. И не только давние его оппоненты Конев и Еременко, но и те, с кем в войну у Георгия Константиновича серьезных столкновений не было. Вот Сергей Семенович Бирюзов свидетельствовал: «...С момента прихода тов. Жукова на пост министра обороны в министерстве создались невыносимые условия... У Жукова был метод — подавлять... Кто ты такой? Кто тебя знает? Я с тебя маршальские погоны сниму!..»

Бывший начальник Жукова Тимошенко тоже не пожалел черной краски: «Я хорошо знаю Жукова по совместной продолжительной службе и должен откровенно сказать, что тенденция неограниченной власти и чувство личной непогрешимости у него как бы в крови. Говоря откровенно, он не раз и не два зарывался, и его все время, начиная с командира

полка и выше, в таком виде разбирали. Почувствовав себя как бы вне партийного контроля, министр обороны маршал Жуков заключил Главное политическое управление в свои «железные» объятия и всячески глушил политические организации в Советской армии и флоте...»

Не пощадил бывшего друга и Рокоссовский: «Мне второй раз приходится присутствовать при разборе дела, касающегося товарища Жукова: первый раз после окончания войны, еще при жизни Сталина, и сейчас второй раз. Первый раз мы выступали все, в том числе и я, давая совершенно объективную оценку товарищу Жукову, указывая его положительные и отрицательные стороны... Его выступление тогда было несколько лучше, чем сейчас, оно было короче, но он тогда прямо признал, что да, действительно, за мной были такие ошибки. Я зазнался, у меня есть известная доля тщеславия и честолюбия и дал слово, что исправит эти ошибки... Говоря о правильности решения партии в отношении человека, который не выполнил волю партии, нарушил указания партии... я скажу, что и я считаю себя в известной степени виновным. И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту вину. Товарищ Жуков проводил неправильную линию... и нашей обязанностью было, как членов партии, своевременно обратить на это внимание... Я краснею, мне стыдно и больно за то, что своевременно этого не сделал и я...»

Если Жуков и готовил переворот, то к октябрю 57-го его подготовка еще не дошла до такой стадии, когда в действиях маршала и его соратников можно было найти состав преступления. До возможного путча оставалось еще много месяцев, если не лет. Георгий Константинович слишком переоценивал свою популярность в армии. Вернее, недооценивал, сколько офицеров и генералов помнят нанесенные им обиды и не питают к нему никакой любви. На ранней стадии любого заговора важно не то, сколько человек его поддерживают, а то, чтобы не нашлись люди, которые могут донести о планах заговорщиков правительству, ведь в это время они (заговорщики) еще не готовы взять власть. С этой точки зрения любой переворот во главе с Жуковым был заведомо обречен

на неудачу. Тогда, осенью 57-го, генерал Мамсуров донес Хрущеву о тайном формировании диверсионной школы. Не было бы его, рано или поздно нашелся бы кто-нибудь другой. Жукову еще повезло. Если бы донос поступил тогда, когда подготовка к перевороту зашла достаточно далеко, и Хрущев получил бы бесспорные доказательства намерений министра обороны захватить власть, то простой отставкой маршал не отделался бы, а, скорее всего, был бы понижен в звании и лишен наград. Так в 63-м поступили с генералом армии Серовым и Главным маршалом артиллерии С. С. Варенцовым. Их за дружбу с англо-американским шпионом О. В. Пеньковским и разглашение государственных секретов Хрущев разжаловал в генерал-майоры и лишил звания Героя Советского Союза и других советских наград. Так же сам Жуков поступил с Н. Г. Кузнецовым, когда добился его разжалования из адмиралов флота Советского Союза в вице-адмиралы, правда, без лишения наград. Репрессировать Жукова, т. е. сажать в лагерь или расстреливать, Никита Сергеевич в любом случае не стал бы. Ведь даже членов «антипартийной группы», пытавшихся свергнуть его, Хрущев лишь вывел из ЦК, а позднее — из партии, да еще Булганина разжаловал из маршалов в генерал-полковники.

Жуков не знал, что его судьба была predetermined во время его деятельного участия в разгроме группы Маленкова — Молотова. И совершенно независимо от того, были у маршала намерения устраивать военный переворот или нет. Хрущев и его соратники по Президиуму ЦК испугались Жукова, поняли, что если он вдруг станет на сторону новой «антипартийной группы» или сам захочет двинуть танки на Кремль, то им не устоять. Хотя у Георгия Константиновича начисто отсутствовала какая-либо политическая программа, воли ему было не занимать, властолюбия — тоже. А собирается ли Жуков в действительности брать власть или нет, было не так уж важно.

Хрущев вспоминал: «Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу

лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поспешное к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: «Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!»

Никита Сергеевич утверждает, что эти слова Кириллу Семеновичу простили, учтя его выдающуюся роль в аресте Берии. Ох лукавит! Даже если Хрущев и не собирался разжаловать и уволить из армии Москаленко, то после таких крамольных слов не оставил бы в должности командующего Московским военным округом — на ключевом посту для любого переворота. А между тем Кирилл Семенович благополучно пребывал в этой должности вплоть до 1960 года! Думаю, загадка имеет простой ответ. Хрущеву стыдно было признаться, что по его поручению маршал Москаленко выполнял не очень почетную роль провокатора по отношению к Жукову. Зато Никита Сергеевич в мемуарах признался в другом: «...Когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов: Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда». Хрущев видел в Жукове политического конкурента, и без колебаний пожертвовал другом. Впрочем, дружба в политике — вещь непостоянная.

На пленуме Жуков пытался оправдываться: «Я считал, что наши командиры сейчас... это испытанные коммунисты, хорошо знающие партийно-политическую работу, и поэтому полагал, что... боевые командиры могут быть также и партийными руководителями. Командир, как член партии, должен вести и партийную работу.. Я считал, что в нашей армии должны быть не штатные, платные политработники, а надо

поднять, активизировать партийные организации... Главная, ведущая роль в нашей армии, мне казалось, должна принадлежать партийной организации». Никто из присутствующих ему не поверил. И маршалы, и секретари обкомов прекрасно знали, что в воинских частях партийные организации давно уже стали послушным орудием командиров и никакой самостоятельной роли не играют. Устранение же замполитов, чего добивался Жуков, ликвидировало надзор партийного руководства над армией, делало ее бесконтрольной вотчиной министра. Этого ЦК допустить никак не мог.

Думал ли Георгий Константинович в те минуты, что зря не принял в июне предложение Маленкова поддержать его и Молотова против Хрущева? Не знаю. Полагаю только, что и переход на сторону «антипартийной группы» не спас бы Жукова от отставки. Георгий Максимилианович и Вячеслав Михайлович, как только укрепили свою власть, предпочли бы заменить непочтительно отзывающегося о Сталине министра обороны кем-то из сохранивших уважение и любовь к генералиссимусу маршалов, тем же Василевским или Рокоссовским, к тому же не имевшими политических амбиций.

3 ноября 1957 года в «Правде» было опубликовано постановление пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и на флоте», где отмечалось: «При личном участии т. Жукова Г. К. в Советской армии стал насаждаться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличили его персону и его роль в Великой Отечественной войне... Т. Жуков не оправдал оказанного ему партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму...» Этим постановлением Георгия Константиновича вывели из состава Президиума и ЦК.

В том же номере газеты появилась большая статья Конева «Сила Советской армии и флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом», в основу которой легло его выступление на октябрьском пленуме. Иван Степанович утверждал, что Жуков «переоценил себя и свои способности, стремился все вопросы руководства Вооруженными силами

решать единолично, не выслушивая мнений других и полностью эти мнения игнорируя».

Весьма критически отозвался Конев и о роли Жукова в Великой Отечественной войне. Правда, начал с дежурной фразы: «Коммунистическая партия и советский народ не отрицают заслуг т. Жукова перед Родиной». И тут же перешел к разоблачению «маршала Победы»: «Т. Жукову следовало бы помнить, что в его деятельности было немало крупных ошибок и промахов». Иван Степанович возложил на Георгия Константиновича немалую долю ответственности за неготовность Красной армии к отражению немецкого нападения в 41-м. В частности, поставил ему в вину «одновременное развертывание большого количества крупных механизированных соединений без учета возможности их своевременного укомплектования боевой техникой и кадрами специалистов, что отрицательно сказалось на ходе вооруженной борьбы в начальный период войны». И разгром немцев под Сталинградом, утверждал Конев, спланировал не Жуков, а Ставка в целом, причем особую роль сыграли предложения Еременко и Хрущева. Знал маршал, кому польстить. Припомнил Конев и неудачную попытку Жукова в бытность представителем Ставки на Северо-Западном фронте ликвидировать демянский котел зимой 42—43-го годов, и то, что Георгий Константинович выпустил из окружения немецкую 1-ю танковую армию весной 44-го...

Закончил же статью Конев следующими словами: «...Т. Жуков неоднократно выступал против культа личности Сталина, резко критикуя его за ошибки. Однако эта критика была рассчитана не на то, чтобы помочь партии преодолеть отрицательные последствия культа личности, а на то, чтобы возвеличить самого себя... Он потерял партийную скромность».

Отставкой Жуков был потрясен. Военная служба была для него смыслом жизни. Позднее маршал рассказывал Симонову о своем состоянии после октябрьского пленума: «Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжелых момента (первые дни битвы под Москвой, опалу 46-го года и опалу 57-го года. — Б. С.). Если говорить о третьем из них, то тут в чем-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня (выходит, маршал пусть не прямо, но признал обвинения в бонапартизме? — Б. С.). Но пережить это было нелегко.

Когда меня в 57-м году вывели из состава Президиума ЦК и ЦК и я вернулся после этого домой, я твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул... Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил бы, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил, и доказывал, и огорчался — все во сне. А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку. И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать на курорт. Так я пережил этот тяжелый момент».

Этот 15-дневный сон стал для Жукова неким рубежом между армейской и штатской жизнью.

Первое время после отставки Жуков еще рассчитывал на возвращение в армию, пусть даже не на значительную должность. Ведь в постановлении октябрьского пленума было записано: «Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу». Дочь Элла вспоминает: «Первое время отец надеялся, что не останется не у дел. Ведь ему было чуть за шестьдесят, он сохранил силы и здоровье, стремление использовать свой колоссальный опыт для военного строительства. Однажды, вернувшись домой из института, я увидела отца в столовой. Он сидел в кресле у окна, держа в руках какой-то листок бумаги, и был явно удручен. На мой вопрос: «Пап, что случилось?» — он ответил, что уже не первый раз пишет на имя Хрущева просьбу предоставить любую работу. Готов командовать округом, готов возглавить военную академию, стать, наконец, рядовым преподавателем. И вот получил очередной отказ. «В настоящее время предоставить вам работу представляется нецелесообразным», — зачитал он строчку из письма, еще более помрачнев. Мои слова: «Пап, ну не надо огорчаться!» — не слишком его ободрили. До сих пор корю себя, что не была теплее и внимательнее к отцу. По молодости лет мне казалось, что такой сильный человек, каким он был всегда, не нуждается в утешении».

15 марта 1958 года Жукову объявили об увольнении из рядов Вооруженных сил с пенсией и правом ношения мундира. Теперь главным в жизни Георгия Константиновича стала работа над мемуарами и новая любовь, которая пришла к нему в Свердловске еще в начале 50-х. Звали последнюю жену Жукова Галиной Александровной Семеновой, и была она моложе маршала на тридцать лет.

Вспоминает дочь Георгия Константиновича и Галины Александровны Мария: «Мои родители познакомились в Свердловске в 1950 году. Отец командовал Уральским военным округом, а мама работала там после окончания Казанского медицинского института.

Отец писал в своем дневнике, что при первой встрече не обратил на маму никакого внимания (он болел (микростенокардия — Б. С.), и мама лечила его на дому). Когда ему стало лучше, он заинтересовался ее жизнью, семьей, увлечениями. Ему понравилась ее скромность, но особенно, как он сам признавался, красивые, теплые, зеленые глаза. В них всегда таилась какая-то неповторимая грусть...

Мама была хороша собой, в ней все было гармонично: богатый внутренний мир, необыкновенная доброта, красивое лицо, стройная фигура, легкая походка, особая манера говорить. Отец тогда выглядел молодо, лицо свежее, живое, блестящие глаза, статность. Поначалу маму смутило его внимание. Она, как могла, избегала встреч, но отец был настойчив. Галина стала его самой сильной в жизни любовью, хотя и поздней.

Помню, как в детстве допрашивала папу: «Пап, а почему ты полюбил именно маму, а не какую-то другую женщину?» Его ответ врезался мне в память: «Я встречал много красивых женщин, и гораздо красивее мамы, но такой, как она, больше нет. Она — как солнышко...»

Когда такой же вопрос Жуков задал Галине Александровне: «За что ты меня полюбила?» — она ответила, лукаво улыбаясь: «Да очень уж мне понравились твои блестящие сапоги».

В 51-м году Галина Александровна забеременела, но у нее случился выкидыш. «Не расстраивайся, — утешил ее Жуков. — Можно ведь повторить». Повторили в сентябре 56-го, когда вместе ездили в Болгарию. В результате 19 июня 1957 года родилась дочь Маша. По мнению Маргариты Жуковой, ее назвали в честь Марии Волоховой.

Переехав в Москву в 53-м, Георгий Константинович хлопотал своей «тайной жене» и ее матери Клавдии Евгеньевне квартиру на улице Горького. Помог Галине устроиться на работу в госпиталь Бурденко. И в этом же году ему при-

шло наконец зарегистрировать свой брак с Александрой Диевной. О том, как это произошло, рассказывает дочь Жукова Маргарита: «В марте 53-го года мне позвонила Эра и сказала, что ранее она не знала о моем существовании. Я объяснила ей, кто я такая, и пригласила к себе домой. Вскоре после этого разговора мне позвонил папа, предупредил о том, что Александра Диевна категорически против нашего знакомства и тем более общения. Она не хочет ворошить прошлое и просит Георгия Константиновича во избежание каких-либо контактов с ее дочерьми перевести меня в Ленинградский университет. Вот отец и попросил меня не встречаться с Эрой и не осложнять его положения. Но я не послушалась и с Эрой все-таки встретилась, так как считала, что отношения у сестер должны быть нормальными. Наш разговор продолжался больше двух часов. Переговорили мы о многом и решили ни в чем своих родителей не упрекать». Рассказ продолжает сын Маргариты и внук Жукова Георгий: «На следующий день Георгий Константинович позвонил маме и сказал, что эта встреча слишком дорого ему стоила: теперь ему придется зарегистрировать с Александрой Диевной брак, которому он столько лет противился. Еще дедушка добавил, что с 41-го года его интимные отношения с Александрой Диевной прекращены, так как с начала войны он живет (точнее, жил. — Б. С.) с прекрасной, преданной ему женщиной — Лидой Захаровой».

Регистрация брака Георгия Константиновича с Александрой Диевной не восстановила близости между супругами. Сердце Жукова уже принадлежало Галине, о существовании которой законная супруга пока что не догадывалась. Зато Маргарита уже знала о ней. По словам Маргариты Георгиевны, когда в 50-м она была в Свердловске на каникулах, отец впервые рассказал ей о появлении в его жизни Галины. «Почему сказал именно мне? Наверное, потому, что среди его дочерей я была абсолютно нейтральной. Я так всю жизнь и прожила, как-то посередине близких ему женщин...» В Москве Маргарита и Георгий Константинович часто встречались на квартире у Галины Александровны. Маргарита Георгиевна вспоминает: «После нашего знакомства

с ней она установила правило еженедельно устраивать для меня и папы у себя на улице Горького обеды... Она постоянно удивлялась, как это отец столько лет живет с нелюбимой женщиной».

А вот роман маршала с Галиной глазами последнего жуковского адъютанта Ивана Александровича Прядухина: «Когда Георгий Константинович стал целыми днями где-то пропадать и поздно возвращаться домой, его первая жена Александра Диевна начала допытываться у шофера, где он был. «В Кремле!» — каждый раз отвечал тот. Сегодня — в Кремле, завтра — в Кремле... «Да что это он каждый день туда повадился?» — насторожилась жена и призвала мужа к ответу. Врать было уже невозможно, и Георгий Константинович признался в том, что у него другая женщина. Когда в июне 57-го у нее родилась Маша, Жуков поднял вопрос о разводе. Но Александра Диевна была против, и в результате Георгий Константинович расписался с Галиной лишь в 64-м году». Элла Жукова утверждала, что о связи отца с Семеновой Александра Диевна узнала позднее, уже после рождения Маши: «Сразу после того, как отца сняли со всех постов, из его рабочего кабинета к нам домой привезли хранившиеся там документы. Мама стала их разбирать и наткнулась на фото какой-то женщины. Понятно, сразу же потребовала у отца объяснений. Наши родители всегда были откровенны друг с другом, отец и на сей раз ничего скрывать не стал. Так мама узнала о Галине Александровне Семеновой... А в 57-м у них родилась дочь Маша. Но о ней отец сказал маме года через четыре, когда встал вопрос о ее удочерении. Отцу хотелось дать дочке свою фамилию, а тогда на это нужно было и разрешение его законной жены. Мама по своей безоглядной доброте против, конечно, ничего не имела. Мы с сестрой считаем, что она этим почти женский подвиг совершила».

Думаю, что здесь больше стоит доверять адъютанту, а не дочери. Тем более что Элла Георгиевна признает: «Отношения с Галиной Александровной, как и связь с Лидой, от нас с Эрой тоже долго пытались скрывать, но разве это можно сделать в одной квартире? Ведь по этому поводу в доме велись долгие разговоры, и многие из них мы просто не могли не слышать. Мама очень страдала, но и на сей раз простила

отца. «Только не уходи из семьи», — просила. Отец тоже мучился. Однако считал, что мы с сестрой уже устроены, у каждого из нас своя жизнь, своя семья, а Маше нужна поддержка. Временами он уходил из дома на несколько дней, потом возвращался и снова уходил. Ну, у мамы, может быть, тоже выдержки не хватило... В общем, это было трагедией целой семьи. В результате папа все-таки ушел насовсем и в январе 65-го оформил развод».

По утверждениям Маргариты Жуковой и ее сына Георгия, призывами: «Только не уходи из семьи» Александра Диевна не ограничилась и прибегла к испытанному оружию — письму в партийные инстанции. Поскольку Жуков был членом Президиума ЦК, она обратилась на самый верх. «Узнав о рождении Маши, — рассказывает внук маршала Георгий, — Александра Диевна пришла в ярость и пригрозила написать в ЦК КПСС. Он отказался и еще упорнее стал просить о разводе. Тогда-то, в июне 1957 года, Александра Диевна и подала в ЦК КПСС заявление на имя Хрущева, требуя убрать Галину Семенову с ее незаконнорожденной дочкой подальше от Москвы и обязать мужа вернуться в ее семью».

Маргарита Георгиевна продолжает рассказ: «В результате этого заявления и возникли два персональных дела. Провести расследование по делу Жукова Хрущев поручил тогдашнему секретарю по идеологии Екатерине Александровне Фурцевой. Она-то мне... и поведала подробности на третий день после смерти отца... Галина Александровна была понижена в воинском звании (в действительности свое звание подполковника медицинской службы она сохранила. — Б. С.). Возникла угроза ее увольнения из армии. Только личное вмешательство министра обороны Жукова спасло ее от репрессий и выселения из Москвы. Как рассказала мне Фурцева, отец приехал в госпиталь Бурденко на партсобрание, где обсуждалось персональное дело Галины, и заявил коммунистам: «Не лезьте в мою личную жизнь!»... Хрущев несколько раз требовал у отца порвать с Галиной. А при обсуждении вопроса на Президиуме ЦК КПСС сказал: «За внебрачную связь мы с военных погоны снимаем!»

Дочь Жукова Мария, однако, приводит убедительные свидетельства, что отношение Хрущева к роману маршала

с Галиной Семеновой в конечном счете оказалось достаточно умеренным, хотя вначале Никита Сергеевич резко осудил их совместную поездку в Болгарию. Младшая дочь цитирует записную книжку отца: «Можно сказать, что ни я, ни Галина в такой обстановке никогда не отдыхали. Мне было приятно, когда Галина радовалась хорошему отдыху, поездкам по Болгарии, но, к сожалению, время летело очень быстро и приближался конец отдыха. Галина мрачнела, у нее на сердце становилось тяжкое состояние. Летели в Москву вместе на моем самолете. По прибытии в Москву мне позвонил Булганин и сказал, что Никита неодобрительно высказался на Президиуме ЦК о том, что я отдыхал в Варне с Галиной. Это меня возмутило, и в горячке я по адресу Никиты высказал ряд резких слов, которые Булганин тут же постарался передать Хрущеву, с которым у меня вскоре состоялся на эту тему примирительный разговор. Никита сказал: «Я не возражаю против Галины, но рекомендую не торопиться». Тогда я не понял, что он своим «благожелательством» хочет иметь в моем лице верного друга, который поддержит его в борьбе за власть». Мария также запомнила рассказ матери о том, как ее вызвал «на ковер» в ГлавПУР один высокий начальник, чтобы сделать выговор по поводу ее отношений с маршалом, и Галина Александровна, несмотря ни на что, шла к нему с гордо поднятой головой.

Александр Диевне крупно не повезло, что ее письмо попало к Хрущеву как раз в дни борьбы с «антипартийной группой», когда голос Жукова имел едва ли не решающее значение. Впрочем, когда маршала снимали в октябре, к чести Никиты Сергеевича, он не стал предъявлять Жукову обвинения в «моральном разложении» и никаких мер против Галины Семеновой не принял.

А любил Георгий Константинович Галину Александровну так, как до этого не любил ни одну из женщин. Об этом свидетельствуют его письма. Вот что Жуков писал из Гурзуфа в сентябре 52-го: «До сих пор нахожусь под очарованием последней встречи с тобой, моя Галюсенька!.. Родная моя, как жаль, что нет здесь тебя. Мне не хватает тебя, без тебя я скучаю... Пусть тебя хранит моя любовь, моя

мечта о тебе...» Похожее письмо из Мюссер 23 августа 1956 года: «Роднуля! Очень хочется видеть тебя. Лети скорее! Сейчас скучаю больше, чем в прошлые годы, что бы это значило? Что ты скажешь, мой милый философ? Извини, что написал плохо, пишу в море, оно сегодня такое же, как твои глаза, когда ты бываешь задумчива...» А когда у новорожденной Маши обнаружилась желтуха, Георгий Константинович утешал Галину Александровну: «Я очень прошу: возьми себя в руки и не сгибайся под тяжестью судьбы, старайся владеть собой даже и в таких случаях, так как жизнь впереди, и она должна быть психически полноценной. Имей в виду, что в таких случаях слабые не всегда выходят победителями из борьбы.... Галюша! Я все же верю в то, что увижу нашу малютку, и при этом здоровой. Не может быть, чтобы ее не спасли доктора... В надежде на близкую счастливую встречу с тобой и дочкой. Крепко, крепко целую тебя и нашу малютку».

Даже в такой трудный день, 26 октября 1957 года, возвращаясь из Албании в Москву и догадываясь, что его снимут с поста министра обороны, маршал прямо с борта самолета отправил Галине телеграмму, стараясь их с дочкой успокоить: «Хотелось бы отдохнуть от этой утомительной поездки, но, как видно, предстоит большая работа... Переживаю радостное чувство встречи с тобой и доченькой. Очень соскучился без обеих вас... Наверное, Машенька подросла и стала еще милее. Я хотел бы, чтобы она была больше похожа на меня, но непременно с твоими глазами, которые я очень-очень люблю...» Таких писем Александре Диевне Георгий Константинович не писал...

18 января 1965 года Жуков расторг брак с Александрой Диевной, а 22 января вступил в новый брак, с Галиной Александровной. Как происходило расставание с прежней семьей, описал Прядухин: «Квартиру на Грановского они разменяли. Вернул себе Жуков и госдачу в Сосновке, которую еще во время войны в пожизненное пользование ему предоставил Сталин, а в последние годы там жила его первая семья. Александра Диевна же с дочерьми и внуками переехала на дачу Галины, в Лесной городок. Однако через несколько лет эту дачу Жуков у них отберет и продаст за

цену гораздо меньшую, чем покупал. Не знаю, зачем он это сделал. Может, обозлился на что...» О любви же маршала и его последней жены Иван Александрович сказал, что ей «можно было только позавидовать... Вот уезжает Галина на работу, обязательно обнимет мужа, поцелует... Жуков же вообще был несловоохотлив. Может, слова какие-то ласковые и говорил, но я не слышал. А внимателен к жене был постоянно. Иногда даже ради нее шел на жертвы. Галина Александровна, например, очень любила ходить по театрам, а Георгий Константинович в тот период нет. Возраст уже, здоровья никакого... Но временами тем не менее поворчит-поворчит на жену да и соберется на спектакль».

Дочь Мария вспоминает: «Родители радушно встречали гостей и сами ходили в гости, были желанными в домах своих друзей. Они были чудесной парой, их взаимная любовь вызывала то удивительное явление, когда люди как бы начинают светиться внутренним светом, и свет этот притягивал людей...

Начиная примерно с 1960 года мы всей семьей регулярно ездили летом в Гагры, на берег Черного моря. Отцу предоставляли второй этаж огромного белого особняка на горе... Многие думали, что Жуков (а его везде и всюду узнавали) отдыхает с дочерью и внучкой, а бабушку (мамину маму) принимали за жену. Некоторые, набравшись смелости, заговаривали с отцом на улице (кто о войне, кто о погоде), а некоторые замечали: «Какая у вас хорошенькая внучка!» Тогда отец сердился и с гордостью поправлял: «Это моя дочь!»

На склоне дней Бог послал Жукову простое человеческое счастье, в котором равны и солдаты, и маршалы.

Но вот Маргарита Жукова и ее сын Георгий утверждают, что с годами характер Галины Александровны стал портиться. «До 57-го года — года рождения Маши, — вспоминает Маргарита, — Галина Александровна мне была очень симпатична. Она играла роль эдакой волшебницы. Любила дарить моему маленькому сыну какие-то мелочи. Однажды привезла мне из Болгарии черный искусственный каракуль на шу-

бу, из Румынии — модельные туфли. Она постоянно интересовалась моим бытом. Словом, была мне близким человеком, глубоко заинтересованным в новом семейном благополучии...

После 65-го года, когда Галина добилась развода отца и зарегистрировала с ним брак, она сильно переменялась. Она поменяла все номера телефонов, чтобы прекратить связи отца с прошлой жизнью, изолировала его от детей, внуков, близких знакомых, чтобы отец принадлежал только ей и дочери. В ней проснулась меркантильность: стали интересовать дорогие вещи, драгоценности. Она позволяла себе такие поступки! Например, приезжала на выставки ВДНХ и заявляла: «Я покупаю этот гарнитур». — «Это выставочный экземпляр, это невозможно», — отвечали ей. «Вам что, маршалу Жукову жалко?» — возмущалась она. Она покупала своей малолетней дочери разные драгоценности, явно не соответствующие возрасту, и таким образом вкладывала деньги мужа в дорогостоящие вещи с расчетом на будущее».

Внук маршала Георгий свидетельствует: «Когда Галина Александровна впервые увидела мою маму, то была удивлена скромностью ее одежды. «Вы так скромно одеты!» — говорила она неоднократно и потом начинала расспрашивать, сколько у моей мамы платьев, пальто, шуб и т. д. А узнав, удивлялась: «Да вы что? Вы совсем распустили папу! А ведь он располагает достаточными средствами, чтобы приобрести для вас и вашего сына все необходимое». А однажды она подвела маму к набитому деньгами шкафу и сказала: «Маргарита, все, что отец не сделает для вас и вашего сына, пойдет на этих разжиревших хищниц». Она с негодованием повторяла, что жизнь с нелюбимой женщиной — это трагедия Георгия Константиновича».

Наверное, какая-то доля правды в словах Маргариты и Георгия есть. Вот и адъютант маршала Прядухин приводит колоритный рассказ, как Жуков подбирал меха на шубу Галине Александровне: «Он так Галине сказал: что тебе нужно, то и покупай. Сколько через мои руки прошло всего! И шкурка каракуля — черного и коричневого, и шкурка норки и белки. Жуков ведь сам был скорняком, и брат его двоюродный Михаил Михайлович Пилихин тоже. Так вот мы вдвоем

с Пилихиным ездили на меховую фабрику. Подбирать шкурки на шубу. А там их ворох. Однако за проезд мы находили только две-три хорошие шкурки, редко — пять. А их на шубу надо семьдесят пять. Мы в течение месяца и ездили». Но какой, в конце концов, криминал в том, что муж дарит жене дорогую шубу, если средства позволяют? И вполне понятно желание Галины Александровны вложить деньги в ювелирные изделия, меха и другие ценные вещи. Так поступали в СССР почти все, кто деньги имел, чтобы уберечь их от скрытой инфляции.

Понятны и непарламентские выражения в адрес Александры Диевны. Ведь именно из-за ее доноса Галине Александровне пришлось пережить унижительное разбирательство на партбюро. Правда, заодно досталось и ни в чем не повинным Эре и Элле. Надо также иметь в виду, что между Маргаритой и остальными жуковскими дочерьми отношения довольно напряженные, если не сказать — враждебные, поэтому каждая из сторон норовит вложить в уста Георгия Константиновича нелестный отзыв о другой.

А между Галиной Александровной и дочерьми Жукова от предыдущего брака отношения постепенно наладились. Хотя сначала Эра и Элла встретили новую любовь отца в штырки и долго не могли простить ему уход из семьи. Элла Георгиевна вспоминает, что мать «была в очень тяжелом состоянии — плакала, жаловалась на жизнь, которая без отца для нее закончилась. Сразу как-то постарела, обострилась ее гипертония... С уходом отца смысл жизни для нее исчез». О том же говорит и Эра Георгиевна: «Я приду к ней, бывало, что-то там о детях рассказываю, чтобы отвлечь. Она вроде все слушает, а потом раз — и опять ушла в себя. Мама ведь всю жизнь отцу отдала. Свою любовь к нему пронесла через все эти годы. Это была незаживающая рана. Поэтому мы с сестрой долго не могли простить отцу его поступка. Около года с ним вообще не общались, хотя мама и считала, что должны. Отец все-таки. Потом какие-то контакты появились. В декабре 67-го у мамы случился инсульт. Ее увезли в больницу, а утром следующего дня она умерла».

Окончательное примирение Эры и Эллы с Галиной Александровной произошло летом 66-го в военном санатории

«Фрунзенское» в Крыму, куда Жуков с женой пригласили дочерей провести вместе отпуск. И Эра Георгиевна вполне искренне написала в своих воспоминаниях: «Мы с Эллой благодарны Галине Александровне за то, что последние годы жизни папа провел в обстановке любви, внимания».

За опальным маршалом продолжали бдительно следить. Так, 7 сентября 1959 года председатель КГБ А. Н. Шелепин докладывал Хрущеву: «19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С.М. и Жуков Г. К. ...Тов. Жуков... заявил, что, если он был бы министром обороны, он не допустил бы принятие правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного политического управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию».

«В газете «Красная звезда», — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным».

В результате возникло целое партийное дело. От участников поминок потребовали объяснений. Маршал Буденный был краток и по-военному четок: «На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих?»

Отвечаю.

1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).
2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тя-

желую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встрече маршал Жуков ни о чем подобном не говорил».

Многоопытный Семен Михайлович хорошо усвоил одну из главных мудростей советской жизни: когда возможно, отвечать: не был, не состоял, не участвовал. И не называть никаких фамилий, чтобы не втягивать других людей (а то, глядишь, они же тебя и утопят).

Жукову тоже пришлось выдержать унижительный допрос. Его вызвали в Комитет партийного контроля. К тому времени от присутствовавших на похоронах соглядатаев стало точно известно, что «нездоровый, принявший политически вредный характер разговор» о военных пенсиях зашел у Жукова с генерал-майором запаса В. А. Ревякиным. Начатое Хрущевым сокращение армии вызвало недовольство офицеров. Пенсии отставникам были снижены, а стаж службы для получения полной пенсии увеличен. Тысячи и тысячи офицеров в рамках сокращения армии были уволены с мизерными пенсиями, поскольку не имели 25-летней выслуги. Ревякин заявил Жукову: «Обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжело будет с новой пенсией». И добавил, что «в снижении пенсий обвиняют Малиновского».

«Однако т. Жуков, — писал в ЦК председатель Комитета партийного контроля Н. М. Шверник, — как старший по званию и тем более как бывший министр обороны СССР, не разъяснил т. Ревякину весь вред подобного его политически нездорового поведения и, зная, что т. Ревякин обеспечен в материальном отношении более чем достаточно, не дал ему отпора и не сделал из всего этого необходимых выводов. Он даже поддержал этот непартийный разговор, направленный, с одной стороны, против мероприятий партии и правительства по упорядочению пенсионного дела (канцелярский эвфемизм для такой непопулярной меры, как сокращение пенсий военным. — Б. С.) и, с другой — на дискредитацию нового руководства Министерства обороны СССР».

Генерала и маршала вызвали «на ковер» в КПК, потребовали оправдаться. «В своем объяснении т. Жуков, — продол-

жал Шверник, — дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придавал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для себя необходимые выводы» (что продолжает находиться «под колпаком»). И чиновники из КПК смилостивились: не стали выносить Жукову и Ревякину партвзыскания, а ограничились обсуждением вопроса. Шверника и его коллег ничуть не смутило, что крамольный разговор происходил в скорбный день похорон и был не более чем стариковским ворчаньем.

Имя Жукова на несколько лет фактически оказалось вычеркнутым из истории Великой Отечественной войны. В 6-томнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» в первых пяти томах Жуков упомянут 16 раз, а Хрущев — 126 (в шестом томе, вышедшем уже после падения Никиты Сергеевича, в 65-м году, именной указатель благоразумно не поместили). В мемуарах военачальников Жуков, как правило, или характеризовался негативно, как в первом издании мемуаров П. И. Батова, вышедшем в свет в 1962 году, либо не упоминался вовсе. Например, Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов в книге воспоминаний «На службе военной», появившейся в 1963 году, в главе о боях на Халхин-Голе ухитрился ни разу не назвать Жукова.

Георгий Константинович был огорчен подобной тенденциозностью. И опять его высказывания в узком дружеском кругу стали достоянием КГБ и ЦК. 27 мая 1963 года глава Комитета госбезопасности Владимир Ефимович Семичастный докладывал Хрущеву: «В разговорах с бывшими сослуживцами Жуков во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности министра обороны, и допускает резкие выпады в адрес отдельных членов Президиума ЦК: «Все это можно было по-другому отрегулировать, если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было, конечно, с известной целью...»

Привел Семичастный и резкий отзыв Жукова о Малиновском: «...Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он

никогда против слова не скажет. «Слушаю». «Есть». Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны...»

Еще Георгий Константинович возмущался, что миллиарды рублей расходуются на космос и помощь «братским странам», что устраиваются расточительные приемы иностранных делегаций, членам этих делегаций делаются дорогие подарки: собольи шубы, редкие бриллианты. Жуков ставил Сталина в пример Хрущеву: «У Сталина было много нехороших черт, но в небрежности государственной копейки его никто не может упрекнуть. Приемов он не так много сделал, подарки он никому не делал, кроме своего автографа на книге...»

Все эти крамольные высказывания председатель КГБ довел до сведения Хрущева. И еще рассказал, что Жуков пишет мемуары, где собирается опровергнуть официальную историю войны. О вышедшем 6-томнике Георгий Константинович отозвался весьма критически: «...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот «История Великой Отечественной войны» абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии.

Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать... А самое главное умалчивается. Он же был членом Военного совета Юго-Западного направления (речь, понятно, о Хрущеве, но Владимир Ефимович боится прямо упомянуть вождя в столь неподобающем контексте. — Б. С.). Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харьковова до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им бы-

ли подчинены Юго-Западный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила... Я не знаю, когда это сможет получить освещение, но я пишу все, как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3—4 страниц напишу, а потом можно отредактировать...»

Семичастный предложил провести негласный обыск и посмотреть, что крамольного написал опальный маршал: «По имеющимся у нас данным, Жуков собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний».

Однако, судя по всему, предложение Владимира Ефимовича так и не было реализовано. В ЦК не захотели ждать до осени, да и сочли, видно, что рукопись жуковских мемуаров — не настолько важный для безопасности государства документ, чтобы ради него затевать рискованную чекистскую операцию. Брежневу и заместителю председателя КПК З. Т. Сердюку поручили провести с маршалом воспитательную беседу. Она состоялась 12 июня 1963 года. А уже через несколько дней Семичастный доложил, что именно говорил Георгий Константинович по поводу беседы своей жене Александре Диевне. «Прослушка», по поводу которой так возмущался Жуков в июне 57-го на пленуме ЦК, никуда не делась. Теперь с помощью «слухачей» из КГБ проверяли, насколько был искренен маршал в разговоре в ЦК КПСС.

Жуков, по словам Семичастного, следующим образом изложил жене суть своей позиции: «Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал законом для себя это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, что была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное, это вопрос об авантюризме. Где же и когда был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я, 43 года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял все здоровье ради

Родиной, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И, откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжелым камнем у меня на сердце».

Свою нелюбовь к Малиновскому Жуков объяснил как некоторыми сомнительными фактами биографии Родиона Яковлевича, так и выступлением министра обороны на XXII съезде партии: «...Я вам прямо скажу, я эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это мое личное дело... В свое время, как известно, его старая жена написала весьма... тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чем там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на родину, задержался во Франции в марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную армию... Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущева на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: «Вы смотрите там за Жуковым. Он вас всех там за горло возьмет». Разве я могу уважать этого человека?.. А потом выступает с трибуны съезда и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали?»

Высказался Георгий Константинович и насчет истории Великой Отечественной войны. Здесь он отрицал самый опасный для себя пункт обвинений — будто возлагал на Хрущева главную вину за поражения 42-го года: «Это... разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили... Относительно того, кто привел немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете». И генералов немецких не пожалел: «...Более не-

правдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда... не читал». Отрицал и высказывания о решающей роли ленд-лиза, хотя, как мы помним, упоминания об американской помощи в беседе с Симоновым почти полностью совпадают с записью безвестного «стукача».

Жуков дал понять, что мог бы вернуться на службу в какой-нибудь скромной должности: «Вот я пять-шесть лет, по существу, ничего не делаю, но ведь я еще работоспособный человек». «Это я в порядке разведки», — пояснил маршал жене, продолжая рассказ: «Я физически, слава Богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что еще не рехнулся и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту».

Использовать Жукова не захотели. Только туманно намекнули: «Это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения». Жуков возразил: «Поведение у меня всегда партийное... А почему меня, собственно, отбросили, я не понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь». И чтобы развеять все сомнения, подтвердил: «Я читаю и пишу. Я могу показать то, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание».

Вероятно, Георгий Константинович догадывался, что стены его спальни имеют уши. Поэтому беседу с женой закончил, так сказать, на партийной ноте: «Я бы сказал, разговор велся правильно. К ним поступили материалы, они обязаны были разобраться, в чем дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня».

Больше Жукова не тревожили вплоть до падения Хрущева. С приходом к власти Брежнева опала с маршала постепенно была снята, хотя посвященное ему постановление октября 57-го так и не отменили. В 1965 году, в год 20-летия Победы, Жукова начали приглашать на торжественные собрания. В 1966 году он выступил на научно-теоретической конференции, посвященной 25-летию Московской битвы. В эти же годы в «Военно-историческом журнале» появились статьи Жукова о Берлинской операции и контрнаступлении

под Москвой. Георгий Константинович перестали критиковать в мемуарах. В частности, антижуковские пассажи исчезли из второго издания книги П. И. Батова, вышедшего в 1966 году.

Главным делом для маршала стала работа над воспоминаниями, которые после смещения Хрущева имели шанс выйти в свет. Летом 65-го поступило предложение от издательства агентства печати «Новости» опубликовать книгу Жукова. АПН получило заявку от парижского издательства «Опера-Мунди», желавшего выпустить мемуары маршала во Франции. Георгий Константинович согласился, но потребовал, чтобы сначала книга была издана в Советском Союзе. В марте 66-го он представил рукопись в издательство. Однако книга вышла только спустя три года, в феврале 69-го.

Вопрос о публикации жуковских «Воспоминаний и размышлений» решался на самом вершине. Интерес, проявленный к будущей книге за границей, навел кого-то из высокопоставленных военных и партийных чинов на мысль: сделать своего рода популярную историю Великой Отечественной глазами Жукова, предназначенную для широкой, в первую очередь зарубежной публики. Остающиеся до сих пор неизвестными историки снабдили рукопись многочисленными вставками с данными о соотношении сил и средств сторон, о военно-экономическом потенциале СССР и Германии, о мероприятиях партии и правительства, о столь нелюбимой Жуковым партийно-политической работе и о многом другом. Так родилась, например, не принадлежащая перу Жукова глава о Ставке Верховного главнокомандования. Редакторы из ГлавПУРа сделали сотни замечаний к тексту. Иногда эти замечания уточняли приводимые маршалом факты, но чаще всего требовали смягчить критические места, в том числе и в адрес Сталина. Верховный главнокомандующий, по мысли Брежнева, в годы войны играл исключительно положительную роль. На заключительном этапе работы над книгой Георгию Константиновичу прозрачно намекнули, что неплохо бы упомянуть в мемуарах Брежнева. Но, как на беду, в войну пути Жукова и Брежнева ни разу не пересекались. Правда, их первая встреча состоялась в не менее драматических обсто-

ятельств, когда вместе брали Берия. Но имя «лубянского маршала» в 60-е годы было под запретом. Пришлось выдумывать историю, как прилетевший под Новороссийск Жуков хотел посоветоваться с полковником Брежневым, да тот как раз в это время был на Малой земле. Выходу книги наконец был дан зеленый свет.

«Воспоминания и размышления» сразу же стали самой популярной советской книгой о Великой Отечественной войне. Она была издана в 30 странах, переведена на основные языки мира. Жуков успел подготовить новый, расширенный вариант книги, уже в двух томах, но издание вышло посмертно, в 1974 году (оно было подписано к печати 23 июля). В 1984 году, в 6-м издании, исчез эпизод с несостоявшимся совещанием с Брежневым, а в 1990 году вышло 10-е издание, дополненное материалами из жуковского архива. Здесь впервые были обозначены вставки в текст, написанные не Георгием Константиновичем. Из первоначальной же рукописи мемуаров в 1994 году опубликована только одна глава — в сборнике документов «Г. К. Жуков в битве под Москвой».

«Воспоминания и размышления» — это был тот величественный памятник, что Жуков создал себе при жизни. Как исторический источник использовать эту книгу довольно трудно. Перед нами скорее своеобразный роман о войне, написанный одним из главных ее участников. Жуков стремился поставить себя в центр всех основных военных событий, в которых принимал то или иное участие. Официальная историография его умышленно забыла, и маршал в противовес ей творил собственный миф войны, где сделал себя главным героем. Жаль только, что до сих пор читатели вынуждены читать продукт коллективного творчества Георгия Константиновича, редакторов и привлеченных историков. Остается надеяться, что будет наконец опубликован полный текст первоначальной рукописи и мы сможем объективно оценить достоинства Жукова-писателя.

Когда вышла книга мемуаров, Георгий Константинович был уже тяжело болен. В свое время полководец стойко перенес две опалы. Свалило его известие о смертельной болезни любимого человека. В декабре 1967 года у Галины Александровны обнаружили рак молочной железы. Операция, кото-

рую ей тут же сделали, явно запоздала. В начале января 68-го в подмосковном санатории «Архангельское» Жуков перенес тяжелейший инсульт и оказался парализован. Дочь Мария вспоминает: «В те дни, когда жизнь папы буквально висела на волоске, мама решилась на отчаянный шаг... После тяжелой операции, оставившей ее, молодую, сорокалетнюю женщину, инвалидом, слабая, бледная, еле-еле держась на ногах, она приехала в больницу к отцу. Собрав последние силы, она хотела показать ему, что с ней уже все в порядке, что она уже почти здорова. Тем самым она страстно желала подбодрить его, вдохнуть в него угасавшую на глазах жизнь. После этого мамино подвига началось папино медленное выздоровление».

Галина Александровна, получив инвалидность, вышла на пенсию и стала ухаживать за больным мужем. Она добилась приглашения лучших нейрохирургов мира, которым, однако, так и не удалось избавить Жукова от периодически мучивших его головных болей. От этих последних лет жизни Георгия Константиновича и Галины Александровны сохранились трогательные письма.

19 сентября 1969 года Галина Александровна писала из Кисловодска: «Дорогой мой, любимый Георгий!.. Скоро мы оба будем здоровы и, как раньше, будем все вместе отдыхать... Мне не хватает тебя...» А Жуков отвечал ей: «Дорогая моя голубка!.. Я надеюсь, что увижу тебя жизнерадостной и вполне здоровой. Стремлюсь к тому, чтобы и ты увидела меня таким же... Обнимаю тебя, дорогая, и крепко целую». И еще одно письмо, 13 декабря 70-го года, тоже из Кисловодска: «Мой любимый Георгий! Я не могу быть без тебя даже короткое время».

А вот что писала Галина Александровна из Риги в июле 1972 года, где отдыхала вместе с Машей: «Твоя трогательная забота о нас и нежность трогает меня до слез. А твоё желание послать нам сюда розы?!.. Как я понимаю, жизнь наша друг без друга невысказана...»

Тем временем были предприняты дальнейшие шаги по реабилитации Жукова, но непоследовательные, половинчатые. В марте 71-го Георгий Константинович был избран делегатом XXIV съезда КПСС от Московской областной парторганизации

ции. Однако состояние здоровья маршала требовало, чтобы на съезде рядом с ним постоянно был кто-то из близких. Но Галине Александровне гостевого билета на съезд не дали. Ей позвонил Брежнев и попросил уговорить Жукова поберечь себя и не ходить на съезд. Генсек убеждал, что одно избрание делегатом высшего партийного форума — уже политическая реабилитация маршала. В декабре того же года маршала наградили орденом Ленина в ознаменование 75-летия со дня рождения, однако центральная пресса получила секретное указание не привлекать излишнего внимания к жуковскому юбилею.

Еще в 1965 году Жуков предложил двоюродному брату М. М. Пилихину вместе с женой поселиться на даче в Сосновке. Они охотно приняли предложение и оставались с Жуковым до конца его дней. Жила семья Пилихина в домике из двух комнат рядом с дачей. Михаил Михайлович имел свой участок и получал на нем неплохие урожаи яблок, овощей и клубники. Вместе с Георгием Константиновичем они ходили по грибы, на рыбалку и на охоту. А когда маршала разбил паралич, двоюродный брат помогал ему заново учиться ходить. Вот что вспоминал об этом трудном времени Михаил Михайлович: «Ходить Георгий самостоятельно не мог, и мы с большим трудом выводили его на веранду. Потом с моей помощью он стал выходить в сад. Из госпиталя привезли коляску. Мы усаживали Георгия в коляску, а я возил его по саду, и он заметно стал поправляться. Через некоторое время Георгий решил не пользоваться коляской, а попросил с ним ходить. Он брался за мою руку своей левой рукой, а в правую брал палку, и так мы с ним стали ходить в саду по три—пять минут. С каждым днем мы прибавляли по одной-две минуты. Постепенно он начал ходить почти хорошо, но все же с моей помощью. Георгий радовался, что здоровье стало к нему возвращаться, и он сказал мне: «Вот теперь я скоро поправлюсь, и мы с тобой снова будем ездить на рыбалку». Но этой мечте не суждено было сбыться. Новое несчастье подкосило маршала.

В ноябре 73-го Галина Александровна была госпитализирована в последний раз. Георгий Константинович писал ей

в больницу: «Я живу одной надеждой на то, что у нас впереди будут светлые и счастливые дни...» И успел получить ответ: «Георгий, родной мой, любимый! Люблю тебя как прежде. Креплюсь, борюсь, надеюсь на лучшие дни и встречу с тобой дома». Этой встрече не суждено было состояться. 13 ноября 1973 года Галина Александровна скончалась.

Для Георгия Константиновича это был последний, страшный удар. Он повторял, что этого уже не переживет. После смерти жены маршал почти все время провел в больнице. Жукова настиг новый инфаркт. Последние двадцать дней жизни он находился в коматозном состоянии. Сердце еще работало, но дыхание поддерживалось искусственно. Георгий Константинович Жуков умер в больнице на улице Грановского 18 июня 1974 года, накануне 17-летия своей младшей дочери.

Урну с прахом маршала похоронили у Кремлевской стены. Дочь Маша безуспешно просила Брежнева, чтобы отца не сжигали, а похоронили в землю, как он того желал.

Вот и подошел к концу мой рассказ о Жукове. Чем же замечателен мой герой? Нельзя сказать, что он обогатил военное искусство каким-либо приемом или методом, достойным подражания. Жуковский способ наступления, когда в бой бросаются постепенно все имеющиеся резервы, пока оборона не будет прорвана или пока резервы не истощатся, не годился для западных армий. Жуков мог стать полководцем только в одной армии мира — в Красной армии, где провозглашалось: «Мы за ценой не постоим!»

Жуков возглавлял самые большие по численности массы войск и нанес самые серьезные поражения вермахту на Восточном фронте. И своих солдат потерял больше, чем кто-либо из полководцев в истории. И остался в памяти народной. Бессмысленно ругать его, что он был таким, а не иным. Другим маршал не мог быть. Иосиф Бродский очень точно сказал о Жукове: «Воин, пред коим многие пали стены, хоть меч был вражьих тупей...»

Когда книга уже была завершена, мне удалось обнаружить документ, который радикально изменил представления об ее герое, поставил крест на его репутации и сделал данную био-

графию в чем-то даже лакировочной. Вот что говорилось в шифрограмме командующего Ленинградским фронтом Жукова за № 4976 от 28 сентября 1941 года: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». В сравнении с этим сталинский приказ № 270, «в развитие» которого и издана шифровка, выглядит гнилым либерализмом, а сам Иосиф Виссарионович кажется великим человеколюбом. Ведь он ничего не говорил о возможном расстреле вернувшихся из плена и предписывал только «лишать государственного пособия и помощи» семьи пленных красноармейцев. Получается, что Жуков готов был расстреливать и грудных младенцев (раз речь идет о всех членах семьи, без исключения). Я не знаю, успели ли кого-нибудь расстрелять по зловещему приказу № 4976 за те несколько дней, что Жуков командовал Ленинградским фронтом, до срочного вызова в Москву после немецкого прорыва под Вязьмой. К счастью, за столь короткий срок не сыскать было семьи пленных в прифронтовой полосе. А вот десяток-другой красноармейцев, заподозренных в том, что они побывали в плену, расстрелять вполне могли.

Защитники Жукова по этому поводу наверняка скажут: мол, время было такое, нельзя было без расстрелов, иначе мы бы не победили. Всем им я рекомендую вообразить себе такую картину. 1946 год. Чекисты тумачами подталкивают маршала Жукова в мундире с сорванными погонами к «воронку», а министр госбезопасности Абакумов сочувственно говорит Эре и Элле Жуковым: «Время сейчас такое. Нельзя нам без сирот».

В беседе с Симоновым Жуков фарисейски сокрушался о репрессиях против пленных, возводя всю вину на Сталина и Мехлиса. А в проекте выступления на так и не состоявшемся в 1956 году пленуме ЦК КПСС о разоблачении культа личности Сталина маршал лицемерно возмущался: «...Как во время войны, так и в послевоенный период в отношении бывших военнопленных были допущены грубейшие нарушения советской законности... Наиболее грубые извращения и нарушения законных прав военнопленных были связаны с необоснованным привлечением их к уголовной ответствен-

ности. Значительное количество военнопленных, возвратившихся на Родину, было подвергнуто различным наказаниям, начиная со ссылки на спецпоселение и кончая высшей мерой наказания». А пользы от жуковского приказа не было никакой. Подобное «разъяснение» способно было лишь деморализовать личный состав, толкнуть часть бойцов и командиров под германские знамена. Главное даже не то, успели ли расстрелять кого-нибудь, главное — намерение Жукова, а оно сомнений не вызывает. В свете этого дикого, людоедского документа слова архимандрита Кирилла о Жукове: «Душа его христианская» звучат едва ли не кошунственно. Нет, не чтит Георгий Константинович христианские заповеди. А любил только самого себя, собственную карьеру да немногих близких людей. Жуков перешел ту грань, которая отделяет человека от нечеловека. Этому человеку нельзя ставить памятники, в его честь нельзя учреждать ордена. Народ, возводящий памятники Жукову, обрекает себя на нравственный нигилизм. Создаваемый культ Жукова — это попытка оправдать советское прошлое, заменив в качестве главного архитектора Великой Победы тирана и палача Сталина строгим, но справедливым и честным маршалом Жуковым, к тому же невинно пострадавшим от Сталина и других партийных вождей. А на поверку маршал оказывается таким же палачом и деспотом.

- Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).*
- Российский Государственный военный архив (РГВА) (за материалы из этого источника приношу мою искреннюю благодарность П. А. Аптекарю).*
- Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО) (за материалы из этого источника приношу мою искреннюю благодарность С. Д. Митягину).*
- Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Военно-исторический журнал. 1992. № 1.*
- Андроников Н. Г. Гитлеровский «факел» был погашен на «огненной» дуге // Военно-исторический журнал. 1993. № 7, 8.*
- Аптекарь Павел А. Неизвестное войско несуществовавшей страны // Независимая газета. 1994. 25 ноября.*
- Аттестации Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.*
- Бабаджян А. Х., Попель Н. К. и др. Люки открыли в Берлине: Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973.*
- Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1988.*
- Батов П. И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1962; 2-е изд.: 1966.*
- Белобородов А. П. Всегда в бою. 2-е изд. М.: Экономика, 1984.*
- Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.*
- Беседа Г. К. Жукова с историками в редакции «Военно-исторического журнала» в августе 1966 // Коммунист. 1988. № 14.*
- Бобринев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М., 1993.*
- Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 6—8.*
- Буденный С. М. Пройденный путь. Главы из 4-й книги // Дон. 1975. № 1—3, 12.*

- Буденный С. М.* Пройденный путь. Кн. 3. М., 1973.
- Бучин А. Н., Яковлев Н. Н.* 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М., 1995.
- Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1—2. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988.
- Великая* Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984.
- Великая* Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М.: Политиздат, 1970.
- Вестфаль З. и др.* Роковые решения. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1958.
- Витман Б.* Шпион, которому изменила Родина. Казань, 1993.
- Вишнев О. В.* Почему же медлил Сталин в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1992. № 2.
- Волкогонов Д. А.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия. 1993. 8 мая.
- Волкогонов Д. А.* Семь вождей. М.: Новости, 1995.
- Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н.* Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). 2-е изд. М., 1975.
- Воронов Н. Н.* На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
- Воротников М. Ф.* Г. К. Жуков на Халхин-Голе. Омск, 1989.
- Г. К. Жуков* в битве под Москвой: Сборник документов. М.: Мосгорархив, 1994.
- Г. К. Жуков:* неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.
- Галицкий В. П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Пер. с нем. Т. 1—3. М.: Воениздат, 1969—1971.
- Гареев М. А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939—1941. М.: Наука, 1999.
- Геббельс Й.* Последние записи. Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1995.
- Гейко Ю.* Чего нам стоила победа под Москвой? // Комсомольская правда. 1995. 27 декабря.
- Гелен Р.* Служба. Пер. с нем. М.: Терра, 1997.
- Георгий Жуков:* Сборник / Сост. Мария Г. Жукова. М., 1998.
- Георгий Константинович Жуков.* Автобиография // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.
- Гланц Д.* Операция «Марс» (ноябрь — декабрь 1942 г.). Пер. с англ. // Вопросы истории. 1997. № 8.
- Голованов А. Е.* Записки командующего АДД. М.: Звенья, 1997.
- Гордиенко А. Н.* Маршал Жуков. Минск: Литература, 1998.

- Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Другая война: 1939—1945 / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Григоренко П. Г.* В подполье можно встретить только крыс... М., 1997.
- Гриф секретности снят.* Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.
- Гроссман Х.* Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. Пер. с нем. Ржев, 1996.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998.
- Гуров А.* Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 8.
- Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1—2. М.: Наука, 1973.
- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.* Стенографический отчет. Т. 1—3. М., 1962.
- Дорогами побед:* Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1969.
- Другая война, 1939—1945 /* Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996.
- Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1932—1933. М., 1992.
- Еременко А. И.* Военные дневники // Военно-исторический журнал. 1994. № 3—7.
- Еременко А. И.* История первого салюта // Огонек. 1952. № 8.
- Еременко А. И.* Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958.
- Ефремов М. М.* Под Вязьмой весной 1942 года // Военно-исторический журнал. 1992. № 3.
- Жадов А. С.* Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969; 12-е изд. Т. 1—3. М., 1995.
- Замулин В. Н., Лопуховский Л. Н.* Прохоровское сражение. Мифы и реальность // Военно-исторический архив. 2002. № 12 (36).
- Зенькович Н. А.* Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.
- Зенькович Н. А.* Тайны уходящего века: Власть. Распри. Подошлепка. М.: Олма-Пресс, 1998.
- Золотов Н. П., Исаев С. И.* Боеготовы были... // Военно-исторический журнал. 1993. № 11.

- Золототрубов А. М.* Буденный. М.: Молодая гвардия, 1983.
- Ивашов Л. Г.* От «юнkersа» 1941 года к «цесне» 1987-го // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.
- Исаев С. И.* Вехи фронтового пути. Хроника деятельности Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 10.
- Итоги* Второй мировой войны. Пер. с нем. М.: Издательский дом «Вече», 1997.
- Казиков К. П.* Всегда с пехотой, всегда с танками. Краткий исторический очерк о действиях артиллерии в некоторых операциях Великой Отечественной войны. М., 1969.
- Как Климент Ефремович «наступал» на Семена Михайловича* // Военно-исторический журнал. 1993. № 4.
- Кардашов В. И.* Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1972.
- Карнов В. В.* Жуков на фронтах великой войны: Литературная мозаика. М.: Вече, 1996.
- Карнов В. В.* Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1999 (журнал. вариант: Знамя. 1989. № 10—12).
- Карнов В. В.* Маршал Жуков: Опала. М.: Вече, 1994.
- Катуков М. Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.
- Катусев А. Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 8—9.
- Катынское дело* // Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.
- Кейтель В.* Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. Пер. с нем. М., 1998.
- Керсновская Е. А.* Наскальная живопись // Знамя. 1990. № 3—5.
- Кипнис Соломон Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1998.
- Киселев В. Н.* Висла — Арденны, 1944—1945 // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.
- Киселев В. Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.
- Кларк А.* Крах «Блицкрига» // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988.
- Колесник А. Н.* РОА — власовская армия: Судебное дело генерала А. А. Власова. Харьков: Простор, 1990.
- Кондратьев О. А.* Ржевская битва: Полвека умолчания. Ржев: Книжный клуб, 1998.
- Конец И. С.* Записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1991.
- Конец И. С.* Сила Советской армии и флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом // Правда. 1957. 3 ноября.

- Краснов В. Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Кровавый маршал* / Сост. Г. В. Смирнов. СПб., 1997.
- Кузнецов Н. Г.* «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими...» // Военно-исторический журнал. 1992. № 1.
- Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995.
- Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 1976.
- Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1966; 3-е изд. М., 1989.
- Курская битва: Сборник статей* / Под ред. И. В. Паротькина. М.: Наука, 1970.
- Лаврентий Берия. 1953 г.: Документы. Стенограмма июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы.* М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
- Лакшин В. Я.* Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М.: Моск. рабочий, 1989.
- Логонов В.* Мой Сталин // Шпион. 1993. № 1.
- М. Н. Тухачевский* и «военно-фашистский заговор» // Военно-исторический архив. Вып. 1—2. М., 1997.
- Маетная Е.* Маршал Конев ревновал будущую жену к маршалу Жукову // Комсомольская правда. 1997. 5 декабря.
- Мазуркевич Р. В.* Планы и реальность (К 50-летию начала общего наступления Красной армии зимой 1941/42 г.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. Пер. с нем. М.; СПб.: АСТ; СПб.: Терра Фантастика, 1999.
- Мариничев Владимир.* На небе не найдешь следа // Нева. 1989. № 6.
- Мартиролог РККА* // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.
- Маршал Г. Жуков:* «Наступление на Берлин могу начать 19—20. 2. 45» // Военно-исторический журнал. 1995. № 2.
- Маршал Жуков:* Каким мы его помним: Сборник. 2-е изд. М., 1989.
- Маршал Жуков:* полководец и человек. Т. 1—2. М., 1988.
- Маршал Конев ревновал будущую жену к маршалу Жукову.* Беседа Е. Маетной с А. В. и Н. И. Коневыми // Комсомольская правда. 1997. 5 декабря.
- Маршал Победы: К 100-летию Г. К. Жукова:* Сборник / Сост. Л. М. Гаврилов. М., 1996.
- Мельников С. И.* Маршал Рыбалко. 2-е изд. Киев: Политиздат Украины, 1984.
- Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Пер. с англ. М., 1957.
- Мельтюхов М. И.* Преддверие войны: неоконченные споры // Война 1939—1945: два похода: Сборник статей. Ч. 1. М., 1995.

- Мельтюхов М. И.* Споры вокруг 1941 г. Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3.
- Мерецков К. А.* На службе народу. М.: Политиздат, 1971.
- Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Иной Жуков: Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.
- Мировая война. 1939—1945 годы: Сборник статей.* Пер. с нем. М.: Издательский центр «Восток-Запад», 1997.
- Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1998.
- Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1995.
- «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать». Трагедия Западного фронта и его командующего Д. Г. Павлова // Неизвестная Россия. XX в. Вып. 2. М.: Историческое наследие, 1992.
- Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. Кн. 1—2. М., 1969—1972.
- Муранов А. И., Звягинцев В. Е.* Досье на маршала. М., 1996.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933—1945. Пер. с нем. Т. 1—3. М., 1956—1976.
- Накануне войны.* Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993.
- Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. М., 1997.
- Некрич А. М.* Дорога к войне // Огонек. 1991. № 27.
- Нелипович С. Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом — осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3.
- Немцы о русских: Сборник / Сост. В. Дробышев.* Пер. с нем. М., 1995.
- Оглашению подлежит. СССР — Германия, 1939—1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский.* М., 1991.
- Павленко Н. Г.* Была война... Размышления военного историка. М., 1994.
- Партия и армия.* М.: Политиздат, 1977.
- Песков В.* Народный маршал; *Мастыкина И.* Жены и дети Георгия Жукова. М.: Комсомольская правда, 1996.
- Петров Н., Эдельман О.* Новое о советских героях // Новый мир. 1997. № 6.
- Петров Н. В.* Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5.
- Планы прикрытия западных приграничных округов // Военно-исторический журнал.* 1996. № 2—6.
- Поражение германского империализма во Второй мировой войне: Статьи и документы / Под ред. Н. Г. Павленко.* М.: Воениздат, 1960.

- Посетители* кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924—1953 // Исторический архив. 1998. № 4.
- Последний* доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.
- Последняя* антипартийная группа. Июньский пленум ЦК КПСС 1957 г. Стенограмма // Исторический архив. 1993. № 3—6; 1994. № 1—2.
- Предвоенные* планы прикрытия границы западных военных округов // Военно-исторический журнал. 1996. № 2—6.
- Рейнгарт К.* Поворот под Москвой. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1980.
- Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997.
- Ротмистров П. А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
- Рыбин А. Т.* Сталин и Жуков. М., 1994.
- Сандалов Л. М.* Первые дни войны. М.: Воениздат, 1989.
- Сандалов Л. М.* Пережитое. М.: Воениздат, 1966.
- Сандалов Л. М.* Трудные рубежи. М.: Воениздат, 1965.
- Сафир В. М.* Оборона Москвы. Наро-фоминский прорыв // Военно-исторический архив. Вып. 1. М., 1997.
- Свердлов Ф. Д.* Неизвестное о советских полководцах. М.: Биографический клуб, 1995.
- Свобода Л.* От Бузулука до Праги. 3-е изд. М.: Воениздат, 1984.
- Семенов А. Ф.* На взлете. М.: Воениздат, 1969.
- Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М.: Новости, 1989.
- Симонов К. М.* 100 суток войны. Смоленск: Русич, 1999.
- Скрытая* правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост. П. Н. Кнышевский и др. М.: Русская книга, 1992.
- Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 1939—1945 годы. 2-е изд. М.: Медицина, 1979.
- Соболев Д. А.* История самолетов. 1919—1945 гг. М.: РОССПЭН, 1997.
- Советские* вооруженные силы: Вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987.
- «*Современная* армия — армия наступательная». Выступления И. В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. // Исторический архив. 1995. № 2.
- Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 1998.
- Соколов Б. В.* Цена победы (Великая Отечественная: неизвестное об известном). М.: Московский рабочий, 1991.
- Сопельняк Б.* Смерть в рассрочку. М.: Гея, 1998.

- Спар У. Жуков: Взлет и падение великого полководца.* Пер. с англ. с примечаниями Н. Н. Яковлева. М.: Прогресс-Литера, 1995.
- Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* 5-е изд. М.: Воениздат, 1949.
- Сталинград. Событие. Воздействие. Символ: Сборник статей /* Под ред. Ю. Ферстера. Пер. с нем. М.: Прогресс-Академия, 1994.
- Сталинградская эпопея: Сборник воспоминаний и статей /* Под ред. А. М. Самсонова. М.: Наука, 1968.
- Столяров К. А. Палачи и жертвы.* М.: Олма-Пресс, 1997.
- Судоплатов П. А. Разведка и Кремль.* М.: Гея, 1996.
- Типпельскирх К. История Второй мировой войны.* М.: Издательский центр «Издательство «Издательство», 1956.
- Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой.* Калининград: Книжное издательство, 1972.
- Троцкий Лев Д. Как вооружалась революция.* Т. 3. Кн. 2. М.: Госиздат, 1925.
- Тухачевский М. Н. Новые вопросы войны; Трифонов Валентин А. Контуры грядущей войны.* М.: Военная академия Генерального штаба, 1996.
- «*Ты у меня одна*». Письма генерала Власова женам (1941—1942) // Источник. 1998. № 4 (35).
- Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Документы и материалы //*Русский архив: Великая Отечественная. Т. 25 (14). М.: Терра, 1998.
- Ульянов А. И. Детство полководца.* Малоярославец: типография, 1996.
- Хлебников Николай М. Под грохот сотен батарей.* 2-е изд. М.: Воениздат, 1979.
- Хоффманн Й. История власовской армии.* Париж: YMCA-Press, 1990.
- Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты.* М.: Вагриус, 1997.
- Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Кризисы и ракеты.* Т. 1—2. М.: Новости, 1994.
- «*Черкни... десяток слов*» (письма К. Е. Ворошилова И. В. Сталину) // Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.
- Черчилль Уинстон. Вторая мировая война.* Т. 1—6. М.: Терра, 1998.
- Чуев Феликс И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы.* М.: Ковчег, 1998.
- Шиллинг Н. Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская рево-*

- люция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Институт российской истории РАН, 1997.
- Шмелев Игорь П.* История танка, 1916—1996. М.: Техника — молодежи, 1996.
- Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1—2. М.: Воениздат, 1968—1974.
- Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. 3-е изд. М.: Посев, 1993.
- Эвакуация заключенных из тюрем НКВД СССР в 1941—1942 годах // Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.*
- Яковлев Н. Н. Жуков.* М.: Молодая гвардия; Екатеринбург: УТД Посылторг, 1995.
- Bohlen Ch. E.* Witness to History. N.Y.: W.W. Norton & Company Inc., 1973.
- Dallin A.* German Rule in Russia, 1941—1945. London; N.Y.: Macmillan — St Martin's Press, 1957.
- Deane J.* The Strange Alliance. The Story of American Efforts at Wartime Cooperation with Russia. L.: John Murray, 1947.
- Eisenhower D.* Crusade in Europe. N.Y.: Da Capo Press, 1977.
- Eisenhower D.* Mandate for Change. N. Y.: Doubleday & Company, 1963.
- Erickson J.* The Road to Berlin. Boulder (Colorado): Westview Press, 1983.
- Frieser K.-H.* Schlagen aus der Nachhand — Schlagen aus der Vorhand. Die Schlachten von Char'kov und Kursk 1943 // Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? / Hrsg. von R.G. foerster. Hamburg — Berlin — Bonn: Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1996.
- Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. L., 1945.
- Galland A.* The First and the Last. L., 1970.
- Glantz D. M., House J. M.* The Battle of Kursk. Lawrence: Univ. of Kansas Press, 1999.
- Glantz D. M.* Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. Lawrence: Univ. of Kansas Press, 1999.
- Isaacson W., Thomas E.* The Wise Men. Six Friends and the World They Made. Robert Lovett. John McCloy. Averell Harriman. Charles Bohlen. George Kennan. Dean Acheson. N. Y.: Simon and Schuster, 1986.
- Kriegstagebuch* des Oberkommandos der Wehrmacht 1940—1945. Bd. 3. Teil 2. Frankfurt a/ M., 1963.
- Lucas J.* War on the Eastern Front: the German Soldier in Russia. L.: Greenhill Books, 1991.

- The Memoirs of Field-marshal the Viscount Montgomery of Alamein.* L., 1958.
- Murray W.* Luftwaffe: Strategy for Defeat, 1933–1945. Baltimore MD: Nautical and Aviation Pub. Co of America, 1985.
- The Papers of Dwight David Eisenhower.* Vol. VI: Occupation, 1945. L. — Baltimore: The John Hopkins Press, 1978.
- Cox A. D.* Nomonhan. Japan against Russia, 1939. Vol. 1–2. Stanford, 1985.

Глава 1	
Детство и юность	1
Глава 2	
За веру, царя и Отечество! Жуков в Первой мировой войне	31
Глава 3	
В огне революции и Гражданской войны	42
Глава 4	
От командира эскадрона до заместителя командующего округом	54
Глава 5	
Халхин-Гол	105
Глава 6	
Перед «Грозой»	150
Глава 7	
1941: война, которой не ждали	216
Глава 8	
1942: трагедия и триумф	310
Глава 9	
Вперед, на Запад!	347
Глава 10	
Взлеты и падения	462
Глава 11	
Дожитие	556

УДК 947
ББК 63.3(2)6-8
С59

Соколов Б. В.
С59   **Георгий Жуков. Триумфы и падения.** — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. — 592 с., 8 л. ил. — (Историческое расследование).

ISBN 5-7805-1107-1

Книга Бориса Вадимовича Соколова «Георгий Жуков. Триумфы и падения» — это новый взгляд на личность великого русского полководца. Кому принадлежала наступательная инициатива: Гитлеру или Сталину? Можно ли было воевать не числом, а умением? На эти и многие другие вопросы, которые прежде считались запретными, автор находит ответы, рассматривая огромное количество документов: воспоминания участников сражений, рассекреченные архивы немецкой и русской военной хроники, мемуары самого Г. К. Жукова и знакомых с ним зарубежных политиков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 947
ББК 63.3(2)6-8

Соколов Борис Вадимович

**ГЕОРГИЙ ЖУКОВ.
ТРИУМФЫ И ПАДЕНИЯ**

Научно-популярное издание

*Взгляды авторов серии
не всегда совпадают с мнением редакции.*

Редактор *Г. Голубкова*
Дизайнер обложки *Т. Кудрявцева*
Художественный редактор *З. Бутмаев*
Технический редактор *Л. Стёпина*
Корректор *Т. Медведева*
Компьютерная верстка *Н. Рыжих*

ИД № 04467 от 09.04.2001.

Подписано в печать 10.04.03. Формат 84 × 108/32.
Бумага газетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Печ. л. 18,5 + цв. вкл. 0,5. Тираж 7 000 экз.
Заказ № 1941. С-074.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2—953 000.

ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
107078, Москва, Рязанский пер., д. 3.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУИПП «Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
OCR – Давид Титиевский, ноябрь 2016 г., Хайфа

Самые увлекательные загадки минувшего,
новый взгляд на известных исторических деятелей,
сокровенные тайны «сильных мира сего»,
оригинальная оценка крупнейших событий
и явлений всеобщей истории –
основные темы книг из серии

«Историческое расследование».

Авторы, известные историки, воссоздают
образы и события прошлого на документальной основе.
Они приводят немало редких материалов и фотографий.

В серии

«Историческое расследование»

выйдут книги:

Н. Павленко. Елизавета Петровна

Б. Соколов. Гитлер

Б. Соколов. Сталин

В. Стронгин. Правда о Керенском

АСТ
ПРЕСС

ISBN 5-7805-1107-1

9 785780 511076

54.00